статей по

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES

ЕЛЬНОСТИ.
ГЪ.

СБОРНИКЪ

СТАТЕЙ ПО СЛАВЯНОВѢДѢНІЮ,

СОСТАВЛЕННЫЙ И ИЗДАННЫЙ

УЧЕНИКАМИ

В. И. ЛАМАНСКАГО

ПО СЛУЧАЮ

25-ЛѢТІЯ ЕГО УЧЕНОЙ И ПРОФЕССОРСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

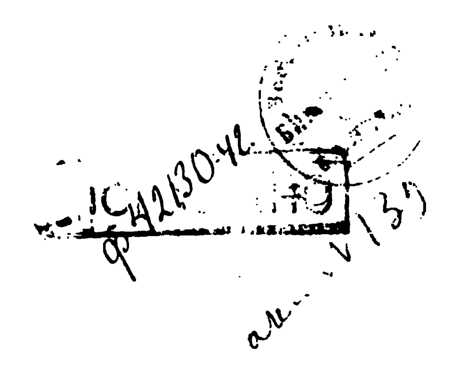
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1883.

ВЛАДИМІРУ ИВАНОВИЧУ

ЛАМАНСКОМУ

посвящаютъ

ученики.



Высокоуважаемый

Владиміръ Ивановичъ!

Сравнивая послѣднее двадцатипятилѣтіе русской жизни съ предшествовавшими эпохами, мы замѣчаемъ, въ числѣ многихъ другихъ отличій, одно особенно рѣзкое и знаменательное: быстрое и широкое развитіе славянскаго самосознанія въ области нашей современной науки, литературы и общественной мысли. Правда, самосознаніе это ярко отражается и въ явленіяхъ древнерусской жизни; но впослѣдствіи оно затемнилось настолько, что пробужденіе его въ новѣйшее время можетъ быть названо эпохою славянскаго возрожденія Россіи.

Въ числѣ дѣятелей этого возрожденія одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ безспорно Вамъ, нашъ высокочтимый Юбиляръ.

Велико число, разнообразно и важно содержаніе Вашихъ

ученыхъ трудовъ, появившихся въ теченіе истекшаго 25-лѣтія Вашей писательской дѣятельности. Славянская исторія, литература, археологія, этнографія, языковѣдѣніе,—словомъ, всѣ отдѣлы историко-филологическихъ знаній о Славянствѣ получили цѣнные вклады отъ Вашего дѣятельнаго и высокодаровитаго пера. Изучая ихъ, часто не знаешь, чему болѣе удивляться: обширности ли Вашихъ знаній, неутомимости разысканій, разнообразію пріемовъ, независимости сужденій, глубинѣ и широтѣ обобщеній, или какой то сердечности отношенія къ самымъ даже отдаленнымъ по пространству и времени вопросамъ!

Съ равной свободой и основательностью вращаетесь Вы въ областяхъ и древнеклассической этнологіи, и христіанской патристики, и средневѣковой анналистики, и новоевропейской исторіографіи, вездѣ пользуясь и первыми источниками и ихъ разработкой въ научныхъ школахъ стараго и новаго времени.

Матеріалъ печатный не удовлетворяетъ Вашей научной пытливости. Вы проникаете въ архивы и древлехранилища и съ рѣдкой быстротой оріентируетесь въ такихъ громадныхъ собраніяхъ рукописей, какъ петербургскія, вѣнскія, венеціянскія, полной горстью черпая оттуда данныя по самымъ темнымъ и важнымъ вопросамъ славяновѣдѣнія и сопредѣльныхъ отдѣловъ европейской исторіи.

Авторитеты стараго и новаго времени ни на минуту не порабощаютъ себѣ Вашей свободной мысли. Отъ остраго ножа Вашей критики не спасетъ фальсификата ни давній возрастъ, ни патріотизмъ авторовъ, ни мнѣніе предковъ, ни желанія современниковъ. Историческіе факты не дробятся въ Вашей головѣ какъ звенья разорванной цѣпи; наоборотъ, они смыкаются въ стройные ряды логическихъ преемствъ, до самыхъ отдаленныхъ и незамѣтныхъ развѣтвленій.

Съ особенной любовью носится Ваша мысль на тѣхъ высотахъ созерцанія, съ которыхъ жизнь народовъ европейскаго востока и запада представляется въ видѣ двухъ океановъ, раздѣленныхъ природою и судьбами, но связанныхъ единствомъ конечныхъ задачъ христіанской образованности.

Съ рѣдкой гармоніей совмѣщаются въ Вашемъ сознаніи процессы разрушительной критики и смѣлаго творчества, свидѣтельствуя о взаимодѣйствіи и силѣ какъ индуктивныхъ, такъ и дедуктивныхъ пріемовъ Вашего мышленія.

Но въ этомъ взаимодѣйствіи двухъ полюсовъ испытующей мысли въ Васъ всегда торжествуетъ въ концѣ концовъ процессъ положительный надъ отрицательнымъ, зиждущій надъ разрушающимъ, вслѣдствіе чего общій строй Вашего мышленія носитъ отпечатокъ какого то возвышеннаго идеализма, столь понятнаго впрочемъ въ истинномъ славянинѣ и христіанинѣ.

Удивительно ли, что сочетаніе столь благопріятныхъ условій духовнаго развитія и настроенія подготовило Васъ къ самому плодотворному прохожденію и педагогическаго поприща въ двухъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ русской столицы!

Рѣдко встрѣчается учитель, который имѣлъ бы силу и волю дѣйствовать на учениковъ столь разнообразными сторонами: и въ академическихъ чтеніяхъ, и въ домашней бесѣдѣ, и собственнымъ примѣромъ,—обаяніемъ своей личности.

Оттого то Петербургскій Университетъ сталъ въ послѣднія десятилѣтія разсадникомъ славяновѣдѣнія на всю Россію; оттого то удалось Вамъ въ короткое сравнительно время положить основаніе русской школѣ славяновѣдовъ. Пусть школа эта не имѣетъ еще въ своей средѣ именъ общеизвѣстныхъ; достаточно, что она существуетъ, растетъ, развивается.

Но не наука лишь и каѳедра служили поприщемъ Вашей

25-лѣтней дѣятельности: Вы принимали самое теплое и близкое участіе и въ явленіяхъ жизни общественной не одного только Петербурга или Россіи, но и всего славянскаго міра. Достаточно здѣсь вспомнить о Вашихъ заслугахъ при устройствѣ Славянскаго съѣзда 1867 года, а также въ организаціи и дѣятельности Славянскаго комитета, особенно его петербургскаго отдѣленія.

Изъ другихъ общественныхъ вопросовъ, въ рѣшеніи которыхъ Вы принимали ближайшее участіе, особенную важность имѣетъ вопросъ о преобразованіи въ народномъ духѣ нашей Академіи Наукъ, которой посвященъ рядъ Вашихъ статей истинно-ломоносовскаго характера. Статьи эти упрочатъ за Вами славу настоящаго русскаго академика, хотя бы по существу лишь, а не по формѣ.

Такъ смотримъ мы, Ваши ученики и почитатели, на характеръ и итоги 25-лѣтней учено - педагогической и общественной Вашей дѣятельности. Посвящая Вашему имени Сборникъ составленныхъ нами статей по разнымъ вопросамъ славяновѣдѣнія, мы просимъ Васъ принять его какъ слабую дань благодарности и уваженія отъ учениковъ учителю.

СОЧИНЕНІЯ И ИЗДАНІЯ В. И. ЛАМАНСКАГО.

1854.

1. Народныя южнорусскія пѣсни, изд. Амвросіемъ Метлинскимъ. Кіевъ. 1854 г. (Рец.)

   Вѣстникъ Имп. Русск. Географ. Общества 1854 г., ч. XII, отд. IV, стр. 13—40.

1856.

2. Этнографическія замѣчанія и наблюденія Кастрена о Лопаряхъ, Корелахъ, Самоѣдахъ и Остякахъ, извлеченныя изъ его путевыхъ воспоминаній 1838—1844 г. (изд. А. Шифнеромъ. Спб. 1853 г.).

   Вѣстникъ Имп. Русск. Геогр. Общества 1856 г., ч. XVII, отд. II, стр. 291—322; ч. XVIII, отд. II, стр. 24—93. Тоже въ Этнографическомъ сборникѣ Имп. Русск. Геогр. Общества, кн. IV, 1858 г., стр. 219—320.

1857.

3. О распространеніи знаній въ Россіи.

   Современникъ 1857 г., т. LXIII, № 5, стр. 1—46, и отд. оттискъ 8°.

1858.

4. Нѣсколько словъ объ отношеніяхъ Русскихъ къ Грекамъ.

   Русская Бесѣда 1858 г., кн. 12. Смѣсь, стр. 103—140.

1859.

5. Письмо графа М. Головкина къ герцогу Бирону объ Оренбургѣ 1739 г. (Сообщеніе).

   Вѣстникъ Имп. Русск. Геогр. Общ. 1859 г., ч. XXVI, отд. II, стр. 156—158.

6. Записка оренбургскаго губернатора Рейнсдорфа о недостаткахъ ввѣренной его управленію губерніи 1770 г. (Сообщеніе).

Вѣстникъ Имп. Русск. Геогр. Общества 1859 г., т. XXVII, отд. II стр. 90—104.

7. Записка Дмитрія Волкова объ оренбургской губерніи 1763 г. (Сообщеніе).

Вѣстникъ Имп. Русск. Геогр. Общ. 1859 г., ч. XXVII, отд. II, стр. 49—60.

8. Старинная русская картографія.

Вѣстникъ Имп. Русск. Геогр. Общ. 1859 г., ч. XXVII, отд. V, стр. 13—18.

9. Типографская библіотека въ Москвѣ.

С.-Петербургскія Вѣдомости 1859 г., № 230.

10. Мнѣніе Англичанъ и Американцевъ о русскомъ владычествѣ на Амурѣ.

Вѣстникъ Имп. Русск. Геогр. Общ. 1859 г., ч. XXV, отд. V, стр. 53—56.

11. Населеніе земнаго шара по его количеству, племеннымъ различіямъ и вѣроисповѣданіямъ. Соч. Дитерици.

Вѣстникъ Имп. Русск. Геогр. Общ., 1859 г., ч. XXVI, отд. III, стр 37—75.

12. О древнѣйшихъ поселеніяхъ сваестроителей по разнымъ швейцарскимъ озерамъ. Статья К. Риттера. (Сообщ.)

Вѣстникъ Имп. Русск. Геогр. Общ. 1859 г., ч. XXVI, отд. III, стр. 76—82.

13. Характеристики различныхъ народностей Австрійской Имперіи. Записка г. Чернига, читанная въ Вѣнской Академіи Наукъ. (Petermann's Mitth.).

Вѣстникъ Имп. Русск. Геогр. Общ. 1859 г., ч. XXVI, отд. V, стр. 73—82.

14. Этнографическій очеркъ восточной Галиціи. Статья г. Циммермана (въ извѣстіяхъ Вѣнскаго геогр. Общества—Mitth. 1858 г., H. 3).

Вѣстникъ Имп. Русск. Геогр. Общ. 1859 г., ч. XXVI, отд. V, стр. 83—92.

15. Обозрѣніе русской географической литературы за 1858 г. Статьи 1, 3, 4-ая М. Устинова и 2-я В. Л.

Вѣстникъ Имп. Русск. Геогр. Общества 1859 г., ч. XXVI, отд. IV стр. 1—18, (ст. 1); ч. XXVII, отд. IV, стр. 1—30, (ст. 2); 31—102, (ст. 3 и 4).

16. О Славянахъ въ Малой Азіи, Африкѣ и Испаніи.
Ученыя Записки Второго Отдѣленія Имп. Академіи Наукъ 1859 г., кн. V и отдѣльн. книга—Спб. 1859 г., 8°, XII + 370 + 227.

1860.

17. Рѣчь, произнесенная въ С.-Петербургскомъ Университетѣ 31-го января 1860 г. при публичной защитѣ диссертаціи на степень магистра: «О Славянахъ въ Малой Азіи, Африкѣ и Испаніи».
Русская Бесѣда 1860 г., кн. 19, № 1, смѣсь отд. стр. 119—132.

18. Заговоръ отъ грыжи. (Сообщеніе).
Вѣстникъ Имп. Русск. Геогр. Общ. 1860 г., ч. XXX, стр. 146.

19. Историческія бумаги временъ Анны Іоанновны, Елизаветы Петровны, Петра III и Екатерины II.
Русская Бесѣда 1860 г., № 2, кн. 20, отд. наукъ, стр. 179—258

1861.

20. Переписка А. М. Сумарокова съ разными лицами.
Лѣтописи русск. литературы и древности, изд. Н. Тихонравовымъ. 1861 г., т. III. Смѣсь и библіографія, стр. 59—80.

21. Записки отдѣленія русской и славянской археологіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.
Томъ II изданъ подъ редакціей В. И. Ламанскаго.

22. Любовное заклинаніе изъ слѣдственнаго дѣла 1769 г.
Лѣтописи русск. литературы и древности, изд. Н. С. Тихонравовымъ 1861 г., т. III, Смѣсь, стр. 92—93.

23. Академія Наукъ.
Энциклопедическій словарь, составленный русскими учеными и литераторами. Т. II, 1861 г., стр. 272—286.

24. По поводу статьи «Современника»: «Національная безтактность».
День 1862 г., № 2.

25. Сборникъ чертежей Москвы, ея окрестностей и города Пскова XVII столѣтія.
Приложеніе ко II т. «Записокъ славяно-русскаго отд. Археологическаго общества», изд. подъ ред. В. И. Ламанскаго.

1862.

26. Евдокимъ Михайловичъ Кравковъ, дворянинъ староверъ.
День 1862 г., № 28 и Памятники новой русской исторіи, В. Кашпирева. Спб. 1871 г., т. I, отд. I, стр. 36—49.

27. Этнографическій сборникъ, издаваемый Имп. Русск. Геогр. Обществомъ. V выпускъ подъ наблюденіемъ Н. В. Калачова и В. И. Ламанскаго.

28. Письмо секретаря этнографическаго отдѣленія Влад. Ив. Ламанскаго къ секретарю Имп. Русск. Геогр. Общества о трудахъ гг. Рыбникова, Мошнина, В. Вербицкаго, Примѣрова и Мясникова.

Записки Имп. Русск. Геогр. Общ. 1862 г., кн. 1, отд. 2.

29. Письма Сумарокова, Щербатова и Новикова къ Г. В. Козицкому.

Лѣтописи русской литературы и древности, изд. Н. Тихонравовымъ 1862 г., т. IV. Смѣсь стр. 29—49.

30. Замѣтка о Кенигсбергѣ, Берлинѣ и Дрезденѣ. Извлеченіе изъ письма.

Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1862 г., окт., стр. 111—119.

31. Записка протоіерея Самборскаго о В. Кн. Александрѣ Павловнѣ и примѣчанія къ ней.

День 1862 г., № 37; также Памятники новой русской исторіи, В. Кашпирева, 1872 г., т. III, отд. II, стр. 47—68.

1863.

32. М. В. Ломоносовъ, біографическій очеркъ.

Отечественныя Записки 1863 г., № 1 стр. 244—295, № 2, стр. 460—509.

1864.

33. Сербія и южнославянскія провинціи Австріи.

Отечественныя Записки 1864 г., № 2, стр. 649—702; № 5, стр. 353—380, и отд. оттискъ.

34. Столѣтняя память М. В. Ломоносову 4-го апрѣля 1865 г.

День 1864 г., № 37—38. Отд. выпускъ, 1-ое изд. 1864 г., 2-ое—1865 г.

35. О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ и и Вѣнѣ съ филологическими и историческими примѣчаніями.

Приложеніе къ VI-му тому Записокъ Импер. Академіи Наукъ, № 1, стр. 1—167.

36. Національности итальянская и славянская въ политическомъ и литературномъ отношеніяхъ.

Отечественныя Записки 1864 г., № 11, стр. 96—188, № 12, стр. 548—616 и отд. оттискъ (1865 г.).

1865.

37. Письма Шумахера и Эйлера о Ломоносовѣ (Сообщеніе).
Чтенія въ Имп. Обществѣ Истор. и Древн. при Моск. Унив. 1865 г., кн. II, отд. V, стр. 69—70.

38. Ломоносовъ и Академія Наукъ.
Чтенія въ Имп. Общ. Исторіи и Древн. при Моск. Унив. 1865 г., кн. I, отд. V, стр. 37—192.

39. Письма Фельдмаршала Миниха изъ Сибири 1746 г.
Русскій Архивъ 1865 г., стр. 1418—1446.

40. Протоколъ этнографическаго отдѣленія И. Р. Геогр. Общества о важности изученія ненѣмецкихъ народностей въ Остзейскомъ краѣ.
День 1865 г., № 24.

41. О важности этнографическаго изученія нѣмецкаго населенія въ Царствѣ Польскомъ.
День 1865 г., № 22.

42. Г. Безбардисъ и Нѣмцы.
День 1865 г., № 49.

43. Рѣчь, произнесенная на обѣдѣ, данномъ по подпискѣ въ память М. В. Ломоносова въ Петербургѣ 6-го апрѣля 1865 г.
День 1865 г., № 15.

44. Вступительное чтеніе доцента С.-Петерб. Университета В. И. Л.
День 1865 г., № 50, 51, 52 и «Золотая грамота» Ливчака, въ Вѣнѣ 1865 г., № 23 и 1866 г., № 15 и отд. оттискъ.

45. Рѣчь при вступленіи въ званіе предсѣдательствующаго въ отдѣленіе этнографіи—въ засѣданіи 29-го января 1865 г.
Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общ. 1865 г., т. I, отд. I, стр. 152—156.

46. Рѣчь по случаю принятія въ члены отдѣленія этнографіи Х. М. Вольдемара въ засѣданіи 12-го марта 1865.
Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общ. 1865 г., т. I, отд. I, стр. 212—213.

47. Рѣчь по поводу замѣтки Г. И. Ширяева о положеніи православныхъ Эстовъ и Латышей въ засѣданіи 12-го марта 1865 г.
Извѣстія И. Р. Геогр. Общ. 1865 г., т. I, отд. I, стр. 218—221.

48. Замѣчанія о нѣмцахъ въ Царствѣ Польскомъ, въ засѣданіи 18-го мая 1865 г.
Извѣстія И. Р. Геогр. Общ. 1865 г., т. I, отд. I, стр. 152.

1866.

49. Serbische Literatur v. Lamanskij. Zeitschrift für slavische Literatur 1866 j., B. 2. H. 5. (Извлеч.).

50. Замѣчанія по поводу сочиненія А. Я. Гаркави о языкѣ Евреевъ, жившихъ въ древнее время на Руси. Въ засѣданіи 1-го февраля 1866 г. этногр. Отдѣленія Имп. Русск. Геогр. Общ.
Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общ. 1866 г., т. II, отд. I, стр. 37, 38.

51. Письма Имп. Екатерины II № VI, XVII—XX.
Русскій архивъ 1866 г., № 1, стр. 65—68, 72—73.

52. Письма Имп. Екатерины II къ Бибикову во время Пугачевскаго бунта.
Русскій Архивъ 1866 г., № 3, 388, 398.

53. Записка Имп. Екатерины II о возстановленіи во Франціи Королевскаго правительства.
Русскій Архивъ 1866 г., № 3, стр. 399—422.

54. Еврейская коллекція и непремѣнный секретарь Академіи Наукъ.
Голосъ 1866 г., № 77 и 78.

55. Допросы Костюшкѣ, Нѣмцевичу и др. и ихъ показанія.
Чтенія въ Импер. Общ. Исторіи и древностей при Моск. Унив. 1866 г., кн. III, отд. V, стр. 38—54; кн. IV, отд. V, стр. 185—230; 1867 г., кн. I, отд. V, стр. 60—130.

1867.

56. 1) Рѣчь на обѣдѣ предсѣдателя Комитета Этнограф. Выставки В. А. Дашкова, 27-го апрѣля 1867 г. въ акт. залѣ Моск. Унив.
2) Рѣчь на обѣдѣ 11-го мая 1867 г. въ залѣ С.-Петербургскаго Дворянскаго Собранія.
3) Рѣчь на прощальномъ славянскомъ завтракѣ въ гостинницѣ Belle-Vue, 3-го іюня 1867 г.
Всероссійская Этнографическая Выставка и Славянскій съѣздъ въ 1867 г. Москва, 1867 г., стр. 84—87; 203—206; 459; (изъ «Моск. Унив. Изв.»).

57. Славянство и міръ будущаго. Посланіе къ славянамъ съ береговъ Дуная, Л. Штура. Переводъ съ неизданной нѣмецкой рукописи съ примѣчаніями В. Л.
Чтенія въ Общ. Истор. и Древн. 1867 г., кн. I, отд. III, стр. 1—191 и отдѣльный оттискъ.

58. Распространеніе русскаго языка у Славянъ.
Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1867 г., іюнь, стр. 441—447.

59. Замѣтка о славянскихъ топографическихъ названіяхъ. Трудъ І. Ербена, съ примѣчаніями В. И. Л.
Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1867 г., окт., стр. 243—261.

60. Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по отдѣленію этнографіи.
Томъ I изданъ подъ редакціей В. И. Ламанскаго.

61. Чтенія о славянской исторіи въ Импер. С.-Петербургскомъ Университетѣ. Чтеніе 1-е. Изученіе славянства и русское самосознаніе.
Журналъ Мин. Нар. Просвѣщ. 1867 г., янв., стр. 116—153.

1868.

62. Краткія замѣтки Вл. Ив. Ламанскаго о смутѣ, произведенной Гурьевыми и Хрущовыми въ 1762 г. и о Наталіи Пассековой.
«Осьмнадцатый вѣкъ» т. I, изд. П. Бартенева. Москва, 1868 г., стр. 49 и 81.

1869.

63. Первые дни Екатеринина царствованія. Извлечено изъ подлинныхъ бумагъ В. И. Л.
«Осьмнадцатый вѣкъ», т. IV, изд. П. Бартенева, стр. 207—215, Москва, 1869 г.

64. Собственноручное письмо Имп. Екатерины II къ гр. П. И. Румянцеву и собственноручная замѣтка Екатерины II о гр. Ланжеронѣ.
Русскій Архивъ 1869 г., № 2; стр. 202—206; 206—208.

65. Непорѣшенный вопросъ. I. Объ историческомъ образованіи древняго славянскаго и русскаго языка. II. Болгарское нарѣчіе и письменность въ XVI—XVII вѣкахъ. III. Болгарская словесность въ XVIII в.
Журн. Мин. Нар. Просв. 1869 г., іюнь, стр. 349—378; іюль, стр. 84—123; сент., стр. 107—123.

1870.

66. Объ историческомъ изученіи Греко-Славянскаго міра въ Европѣ.
Заря 1870 г., № 1, стр. 8—67, № 2, 1—65, № 5, 1—74, № 12, 44—161. Отдѣльной книгой, Спб. 1871 г.

1872.

67. Записка объ ученыхъ трудахъ заслуженнаго профес. И. И. Срезневскаго.

Протоколы засѣд. Совѣта Имп. Спб. Университета за 2-ую полов. 1871—1872 г. № 6, Спб. 1873 г., стр. 89—91.

1873.

68. Бабукичъ-Буничъ, Бабулиновичъ, Бальбинъ, Банатъ, Баболына, Балоша, Балаша-Дьярматъ, Баллингъ, Балшичи, Баттара, Баллаги, Банизіо, Бардѣевъ.

Русск. Энциклоп. Словарь, изд. И. Н. Березинымъ. Отд. I, т. III, С.-Петербургъ 1873 г.

69. Базельскій Соборъ.

Тамъ же, стр. 82—89.

1874.

70. Чтенія въ С.Петербургскомъ Отдѣленіи Славянскаго Комитета— 1-ое—8-го февраля «Польскій вельможа XV в., Янъ Остророгъ». 2-ое—26-го февраля «Андрей Фричъ Модржевскій».

Голосъ 1874 г., № 44, 60, 81, 96. (Проток. Слав. Общ.).

1875.

71. Рецензія на книги Котляревскаго: «Книга о древностяхъ и исторіи поморск. Славянъ въ XII в.» и «Древности права балтійскихъ Славянъ».

Журн. Мин. Нар. Просв. 1875 г., янв., стр. 204—247.

72. Видные дѣятели западно-славянской образованности въ XV, XVI и XVII вѣкахъ. Историко-литературные и культурные очерки. Предисловіе. Введеніе. I—XII.

Славянскій Сборникъ. Т. I. Изданіе петербургскаго отдѣла славянскаго комитета. Спб. 1875 г., стр. 413—584.

73. Записочки Екатерины II къ князю Потемкину (сообщены В. И. Ламанскимъ).

Русскій Архивъ 1875 г., № 10, стр. 253—254.

1876.

74. Россія уже тѣмъ полезна славянамъ, что она существуетъ.

Сборникъ «Братская Помочь». Спб. 1876 г., стр. 10—34.

75. Русское общественное и народное движеніе въ пользу славянъ.
Новое Время 1876 г., № 294, 298.

1878.

76. Критическая статья о сочиненіи В. И. Срезневскаго: Древнеславянскій переводъ Псалтыри. С.-Петербургъ, 1877 г.
Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1878 г., сентябрь, стр. 180—205.

77. Бумаги Екатерины II. (Сообщено съ подлинниковъ В. И. Ламанскимъ).
Русскій Архивъ 1878 г., тетр. 7, стр. 279—282.

78. Два русскихъ мнѣнія о присоединеніи Босніи къ Австро-Венгріи.
Новое Время 1878 г., № 893.

79. Историческая миссія Австро-Венгріи.
Новое Время 1878 г., № 907.

1879.

80. Еще племянникъ и санскритологъ.
Новое Время 1879 г., № 1140.

81. Евреи и нѣмцы въ Привислянскомъ краѣ.
Русскій Вѣстникъ 1879 г., № 3, стр. 371—421.

1879—1880.

82. Новѣйшіе памятники древне-чешскаго языка.
Журн. Мин. Нар. Просв. 1879 г., январь, стр. 131—160; февраль, стр. 311—366; мартъ, 118—159; апрѣль, 247—276; августъ, 1—33; 1880 г., іюнь, 312—353.

83. Некрологъ И. И. Срезневскаго.
Новое Время 1880 г., № 1421.

84. Могущество Турокъ Османовъ въ Европѣ. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи С.-Петербургскаго Университета 8-го февраля 1880 г.
Историческій Вѣстникъ 1880 г., № 3, стр. 1—23.

85. Открытыя письма ординарн. проф. с.-петербургскаго университета В. Ламанскаго къ адъюнкту астрономіи въ Пулковской обсерваторіи, г. Баклунду и къ директору Пулковской обсерваторіи, ординарному академику О. В. Струве.
Новое Время 1880 г., № 1703.

1881.

86. Исторія славянскихъ литературъ А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича.
Русь 1880 г., №№ 1, 3, 5, 7, и 1881 г., № 8.

1882.

87. О новыхъ русскихъ трудахъ по исторіи западн. славянства. (К. Я. Грота: «Моравія и Мадьяры въ половинѣ IX и начала X в. С.-Петербургъ. 1881 г.» и Т. Д. Флоринскаго: «Южные Славяне и Византія во второй половинѣ XIV в. С.-Петербургъ 1882 г.»).
Русь 1882 г., № 24, 26, 27.

88. L'assassinat politique à Venise du XV au XVIII siècle.
Revue historique 1882 г., septembre—octobre, pp. 105—120.

1883.

89. Воспоминанія Ѳ. В. Чижова съ предисловіемъ В. И. Ламанскаго.
Историческій Вѣстникъ, 1883 г., № 2, стр. 241—262.

90. Les secrets d'Etat de Venise et les relations de la république à la fin du XV et au XVI siècle avec les Grecs, les Slaves et les Turcs. Documents, extraits, notices, études. S.-Pétersburg 1883.

Примѣчаніе. За полноту перечня составители не ручаются.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СПИСОКЪ СОЧИНЕНІЙ И ИЗДАНІЙ В. И. ЛАМАНСКАГО *).

1860.

91. Мнѣнія въ Государственномъ Совѣтѣ: I. Объ отпускѣ крестьянъ на волю цѣлыми селеніями; II. По дѣлу о заключенномъ вологодскою помѣщицею, Аникіевою, условіи съ крестьянами ея на увольненіе ихъ въ свободные хлѣбопашцы, графовъ С. и Н. Румянцевыхъ и кн. Лопухина; III. О дворцовыхъ добровольныхъ складкахъ, гр. Румянцева; IV. О земскихъ повинностяхъ, гр. С. Румянцева; V. О пособіяхъ къ поправленію разстроеннаго состоянія дѣлъ кн. Доминика Радзивила и графовъ Н. и С. Румянцевыхъ; VI. По дѣлу Перетца о соли, графовъ Н. и С. Румянцевыхъ; VII. О преобразованіи сената, Д. Трощинскаго (Сообщ.).

Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Россійск. при Моск. Унив. 1860, кн. 1, отд. V, стр. 65—104.

92. Дѣло Кобылина (Сообщ.).

Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос. при Моск. Унив. 1860, кн. 2, отд. V, стр. 21—26.

93. Подметное письмо импер. Петру Первому (Сообщ.).

Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос. 1860, кн. 2, отд. V, стр. 27—30.

94. Мнѣнія гр. С. П. Румянцева по рекрутскому учрежденію и гр. Н. П. Румянцева по рапорту моск. военн. губернатора о земляхъ, бывшихъ вѣдомства дворцоваго (Сообщ.).

Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Р. 1860, кн. 2, отд. V, стр. 235—237.

---

*) Составленъ по отпечатаніи «Сборника статей по славяновѣдѣнію».

95. Освѣдомленіе, почему гр. Бестужевъ-Рюминъ ѣздитъ каждый день изъ двора и сватается, а ко двору Ея Величества не ѣздитъ (Сообщ.).
Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Р. 1860, кн. 2, отд. V, стр. 237—238.

96. Письмо имп. Екатерины II къ А. П. Сумарокову (Сообщ.).
Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос. 1860, кн. 2, отд. V, стр. 238.

97. Прошеніе Алексѣя Бестужева-Рюмина объ оказаніи милосердія оберъ-кригс-комиссару Свѣчину (Сообщ.).
Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Р. 1860, кн. 3, отд. V, стр. 50—51.

98. Записки о жалованьѣ служителямъ итальянск. компаніи и о деньгахъ, слѣдующихъ портнымъ и сапожникамъ за сдѣланныя имъ вещи (Сообщ.).
Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Р. 1860, кн. 3, отд. V, стр. 52—60.

99. Вѣдомость о числѣ солдатъ, потребныхъ къ строеніямъ въ Петербургѣ, Петергофѣ и Стрѣльнѣ, 1754 г. и записка о суммахъ на постройки въ зимнемъ дворцѣ (Сообщ.).
Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Р. 1860, кн. 3, отд. V, стр. 62—63.

100. Записка П. И. Ягужинскаго о состояніи Россіи (Сообщ.).
Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Р. 1860, кн. 4, отд. V, стр. 269—273.

101. Подметное письмо имп. Екатерины II, 1791 г. (Сообщ.).
Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Р. 1860, кн. 4, отд. V, стр. 274—279.

102. Доношеніе императрицѣ Георгія Архіеп. Ростовск. о притѣсненіи духовенству (Сообщ.).
Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос. 1860, кн. 4, отд. V, стр. 280.

103. Доношеніе Питиримово о раскольникахъ. — Посланіе Іоны Львова Керженцамъ. — Записка новгородско-сѣверск., курск. и екатеринославск. старообрядцевъ, представленная кн. Потемкину въ 1784 г. съ его примѣчаніями на поляхъ. (Сообщенія).
Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Р. 1860, кн. 4, отд. V, стр. 281—290.

104. По дѣлу о двухъ крестьянахъ жены подпор. Загряжскаго, сужденныхъ въ смертоубійствѣ по случаю найденнаго въ лѣсу мертваго тѣла, мнѣнія графовъ С. П. и Н. П. Румянцевыхъ (Сообщ.).
Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Р. 1860, кн. 4, отд. V, стр. 291—295.

1861.

105. Голосъ изъ Угорской Руси о русскомъ языкѣ (Сообщ.).
День, 1861, № 5.

106. Прошеніе Галицкихъ Русиновъ австрійскому Государственному Министру 30 сент. 1861 г. (Сообщ.).
День, 1861, № 9.

107. Письмо кн. Потемкина къ имп. Екатеринѣ II. — Письма И. И. Шувалова. — Доношеніе В. К. Тредьяковскаго въ Комм. Слѣд. объ Академіи Наукъ. — Судьба А. П. Чирикова (Сообщ.).
Библіограф. Записки, 1861, № 12, стт. 351—357.

1862.

108. Письмо княг. Е. Р. Дашковой къ импер. Екатеринѣ II (Сообщ.).
Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос. при Моск. Унив. 1862, кн. 1, отд. V, стр. 171.

109. Матеріалы о Кулибинѣ (Сообщ.).
Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Р. 1862, кн. 1, отд. V, стр. 178—188.

110. Письмо фельдмарш. гр. Миниха къ имп. Аннѣ Ивановнѣ (Сообщ.).
Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Р. 1862, кн. 4, отд. V, стр. 149—154.

111. Прошенія П. Дивіера, Степ. Апраксина и гр. Алексѣя Бестужева-Рюмина (Сообщ.).
Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Р. 1862, кн. 4, отд. V, стр. 155—191.

112. Два письма и прошеніе къ императрицѣ Г. Броуна (Сообщ.).
Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Р. 1862, кн. 4, отд. V, стр. 192—196.

113. Прошеніе къ императору А. Радищева (Сообщ.).
Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Р. 1862, кн. 4, отд. V, стр. 197—198.

114. Секретная инструкція отправленному по Высоч. повелѣнію въ Боровичи кол. асс. В. Николеву для надзиранія за Суворовымъ и донесеніе Николева о Суворовѣ (Сообщ.).
Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Р. 1862, кн. 4, отд. V, стр. 199—203.

115. Переписка объ отдачѣ дома и назначеніи пенсіи граф. Суворовой-Рымникской (Сообщ.).
Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Р. 1862, кн. 4, отд. V, стр. 204—206.

116. Бумаги и записки маркиза Радишевскаго и Михаила Аврамова (Сообщ. Пекарскому: «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Т. I. Спб. 1862», стр. 495—514).

1863.

117. Мнѣнія русскихъ Государственныхъ мужей объ отношеніи Россіи къ Пруссіи при импер. Елисаветѣ (Сообщ.).
Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос. при Моск. Унив. 1863, кн. 1, отд. V, стр. 115—164.

118. Дѣло о П. Богдановичѣ (Сообщ.).
Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Р. 1863, кн. 1, отд. V, стр. 210—211.

119 Письма и записки импер. Екатерины II къ гр. Н. И. Панину (Сообщ.).
Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос. 1863, кн. 2, отд. II, стр. 1—160.

120. Примѣчанія на книгу, изд. доминиканцемъ Берн. Риберою, бывшемъ при исп. посл., герцогѣ де-Лиріи, въ Москвѣ во время коронаціи импер. Анны Ивановны. Собственноручная записка Ѳеофана Прокоповича (Сообщ.).
Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос. 1863, кн. 2, отд. V, стр. 1—16.

121. Дѣло о волненіи крестьянъ Демидова и Гончарова фабричныхъ людей въ Калужск. губ. 1752 г. (Сообщ.).
Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос. 1863, кн. 2, отд. V, стр. 17—44.

122. «Планъ о приведеніи Россійской торговли въ лучшее состояніе 1765 г., составленный фонъ-Клингштетомъ», и «О распространеніи торга съ областями Хивинскою, Бухарскою и Индѣйскими 1787 г.» (Сообщ.).
Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос. 1863, кн. 2, отд. V, стр. 45—64.

123. Дѣло о проф. моск. унив. І. В. Л. Мельманѣ. (Сообщ.).
Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Р. 1863, кн. 2, отд. V, стр. 86—120.

1865.

124. Нѣмецкій человѣкъ въ Россіи (переводъ изъ «Gartenlaube» 1865 г., № 21, съ примѣчаніями).
С.-Петерб. Вѣд. 1865, № 143.

125. «А. Н. Радищевъ» и «Письмо А. Ушакова къ А. Н. Радищеву 1797 г.». (Сообщ.).
Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос. при Моск. Унив. 1865, кн. 3, отд. V, стр. 67—108.

126. Письмо Г. Ф. Миллера къ тобольскому вице-губернатору Бибикову 1739 г. (Сообщ.).
Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Р. 1865, кн. 3, отд. V, стр. 186—189.

127. Письмо С. Я. Румовскаго въ Академію Наукъ 1761 г. (Сообщ.).
Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос. 1865, кн. 3, отд. V, стр. 190.

128. Краткая записка о петерб. Академіи Наукъ президента ея С. С. Уварова (Сообщ.).
Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Р. 1865, кн. 3, отд. V, стр. 336—339.

1866.

129. Академики Миллеръ и Фишеръ и описаніе Сибири (Сообщ.).
Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос. 1866, кн. 3, отд. V, стр. 14—30.

130. Попытка В. И. Каразина бѣжать за границу (Сообщ.).
Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос. 1866, кн. 8, отд. V, стр. 31—37.

131. Письмо варш. коменд. Орловскаго къ Костюшкѣ вскорѣ по взятіи Варшавы, 1794 г. и письмо Костюшки къ графу *** о покупкѣ земли, Высоч. ему пожалованной, и о пашпортѣ за границу 1796 г. (Сообщ.).
Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос. 1866, кн. 3, отд. V, стр. 55—60.

132. Донесеніе академика проф. Штелина въ Слѣдственную Коммисію о Академіи Наукъ послѣ 1742 г. (Сообщ.).
Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Р. 1866, кн. 4, отд. V, стр. 119—123.

133. Донесеніе императрицѣ объ учрежденіи для малолѣтнихъ дѣтей при академич. гимназіи, Н. Г. Теплова. — Краткое извѣстіе, по какимъ причинамъ учрежденіе нынѣ сдѣлано при гимн. академич. о воспитаніи малыхъ дѣтей и на какомъ основаніи, И. Тауберта (Сообщ.).
Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Р. 1866, кн. 4, отд. V, стр. 124—129.

134. Эйлерская переписка (Сообщ.).
Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Р. 1866, кн. 4, отд. V, стр. 130—133.

135. Директоръ Академіи Наукъ С. Г. Домашневъ (Сообщ.).
Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Р. 1866, кн. 4, отд. V, стр. 134—184.

1867.

136. Пріѣздъ славянъ въ Россію.
С.-Петербургскія Вѣдомости 1867, № 96.

137. Письмо изъ С.-Петербурга о приготовленіяхъ къ встрѣчѣ славянъ.
«Москва», 1867, № 69.

138. Іерусалимъ, Римъ и Парижъ.
«Москва», 1867, № 187.

139. Подметное письмо о кн. А. Д. Меньшиковѣ (Сообщ.).
Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос. при Моск. Унив. 1867, кн. 1, отд. V, стр. 1—3.

140. Доклады имп. Елисаветѣ Петровнѣ презид. Академіи Наукъ гр. К. Г. Разумовскаго (Сообщ.).
Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос. 1867, кн. 1, отд. V, стр. 4—6.

141. Докладъ Святѣйшаго Синода имп. Елисаветѣ Петровнѣ о книгахъ, противныхъ вѣрѣ и нравственности (Сообщ.).

Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос. 1867, кн. 1, отд. V, стр. 7—8.

142. Директоръ Академіи Наукъ княг. Е. Р. Дашкова (Сообщ.).

Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос. 1867, кн. 1, отд. V, стр. 9—53.

143. Доклады императрицѣ Коммисіи объ учрежденіи народныхъ училищъ (Сообщ.).

Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос. 1867, кн. 1, отд. V, стр. 54—56.

144. Дѣло о Байбаковѣ (Сообщ.).

Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос. 1867, кн. 2, отд. V, стр. 36—

145. По случаю слуха о прибытіи Костюшки въ русскія владѣнія въ 1798 г. (Сообщ.).

Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос. 1867, кн. 2, отд. V, стр. 40—48.

146. Бумаги Кс. Домбровскаго (Сообщ.).

Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос. 1867, кн. 2, отд. V, стр. 49—88

147. Письмо проф. Делиля къ А. П. Волынскому (Сообщ.).

Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос. 1867, кн. 3, отд. V, стр. 1—3.

148. Письмо Тауберта къ Козицкому и прошеніе его къ императрицѣ о мызѣ и проч. (Сообщ.).

Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос. 1867, кн. 3, отд. V, стр. 4—8.

149. Прошеніе къ императрицѣ Киріяка Кондратовича (Сообщ.).

Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос. 1867, кн. 3, отд. V, стр. 8—10.

150. О смерти академика Гмелина въ плѣну у одного горскаго кавказск. владѣтеля. Донесеніе въ академич. коммисію студ. И. Михайлова и рисовальщика Ф. Баура (Сообщ.).

Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос. 1867, кн. 3, отд. V, стр. 11—16.

151. Мнѣніе куратора моск. унив. Шувалова о замѣчаніяхъ коммисіи на проектиров. университетскій уставъ (Сообщ.).

Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Р. 1867, кн. 3, отд. V, стр. 103—106.

152. Прошеніе къ императрицѣ Мелисико объ опредѣленіи его на службу (Сообщ.).

Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Р. 1867, кн. 3, отд. V, стр. 107—108.

153. Бумаги, относящіяся до Н. И. Новикова (Сообщ.).

Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос. 1867, кн. 4, отд. V, стр. 40—62.

154. Голосъ о необходимости имѣть одинаковые законы въ прибалт. губ. съ законами Рос. Имп., поданный въ коммисію сочиненія

проекта Новаго Уложенія камер-конторы Лифл., Эстл. и Финл. дѣлъ депутатомъ Арт. Шишковымъ (Сообщ.).

Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос. 1867, кн. 4, отд. V, стр. 83—95.

1868.

155. Двѣ черногорскія грамоты къ импер. Елисаветѣ Петровнѣ (Сообщ.).

Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос. при Моск. Унив. 1868, кн. 1, отд. V, стр. 233—237.

156. Записка Стеф. Стратимировича, правосл. Серб. и Валах. народа митрополита, въ Угорскомъ Королевствѣ сущаго, представленная чрезъ посредство русск. прот. А. А. Самборскаго имп. Александру Павловичу въ 1804 г., объ освобожденіи сербскаго народа вообще (Сообщ.).

Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Р. 1868, кн. 1, отд. V, стр. 238—256.

1870.

157. Турецкій царевичь Джемемъ (чит. въ засѣд. Спб. Слав. Благотв. ком. 14 февр. 1870 г.).

Первыя 15 лѣтъ существованія Спб. Слав. Благотв. Общ. по протоколамъ общ. собраній его членовъ, состоявшихся въ 1868—1883 г. Спб. 1883, стр. 49 (излож. содерж.).

158. Записки имп. Николая Павловича о прусскихъ дѣлахъ 1848 г. (Сообщ.).

Русск. Старина, 1870, т. I, стр. 553—562.

1873.

159. Записка кн. Меттерниха о состояніи умовъ въ Европѣ и объ обязанностяхъ правительствъ.

Русск. Старина, 1873, т. VIII, стр. 783—799 [1]).

---

[1]) Къ этому же году относятся чтенія въ засѣданіяхъ Славянскаго Благотворительнаго Общества: «Что такое славянофилы?» и о жизни и дѣятельности О. М. Бодянскаго, А. Н. Попова и Ѳ. В. Чижова.

1876.

160. Ю. Ѳ. Самаринъ, какъ писатель и общественный дѣятель (чит. въ засѣд. Слав. Благотв. Комит. 28 марта 1876 г.).

Въ память Ю. Ѳ. Самарина. Спб. 1876 г. и «Первыя 15 лѣтъ существованія Спб. Слав. Благотв. Общ. Спб. 1883», стр. 370—371 (сокращ. пересказъ) [1]).

1877.

161. Рѣчь въ торжественномъ собр. Спб. Слав. Благотв. Общества 11 мая 1877 г.

Протоколъ торж. общаго собранія Спб. Слав. Общ. 11 мая 1877 г., стр. 26—41. Первыя 15 лѣтъ существованія Спб. Слав. Благотв. Общества. Спб. 1883, стр. 450—458.

1878.

162. Нѣсколько замѣчаній члена бывшей коммисіи по сбору пожертвованій въ пользу страждущихъ семействъ славянъ Босніи, Герцеговины и Болгаріи, В. И. Ламанскаго на §§ доклада ревизіонной коммисіи Спб. Слав. Благотв. Общества.

Приложеніе лит. А. къ докладу ревизіонной коммисіи общему собранію Спб. Слав. Благотв. Общ. и объясненіямъ бывшей коммисіи по сбору пожертвованій на этотъ докладъ ревиз. коммисіи.—Приложеніе къ протоколу засѣд. Слав. Благотв. Общ. 29 окт. 1878 г. Первыя 15 лѣтъ существованія Спб. Слав. Общества. Спб. 1883, стр. 503—508.

1880.

163. Записка объ ученыхъ трудахъ И. В. Ягича.

Протоколы засѣданій Совѣта Импер. С.-Петербургск. Университета за 2-ю половину 1879—1880 академ. года. № 22. Спб. 1881. стр. 67—72.

Поправка къ № 70: Чтеніе объ Янѣ Остророгѣ происходило въ собраніи Спб. Славянскаго Благотворительнаго Общества 27-го января 1874 г., а объ Андреѣ Фричѣ Модржевскомъ 14-го февраля, 3-го и 17-го марта того же года.

---

[1]) Къ этому же году относится чтеніе въ годовомъ собраніи Славянск. Благотворительнаго Общества: «Развитіе у насъ западническихъ возрѣній въ XIX столѣтіи».

СПИСОКЪ

заключающихся въ сборникѣ статей и ихъ авторовъ.

ЗНАЧЕНІЕ ВИЗАНТІЙСКОЙ И ЮЖНОСЛАВЯНСКОЙ ПРОНІИ.

Θедора Успенскаго.

Подъ терминомъ пронія разумѣется пожалованье служилымъ людямъ населенныхъ земель и другихъ приносящихъ доходъ угодій въ награду за оказанную услугу и подъ условіемъ исполненія опредѣленной службы съ пожалованья. Какъ учрежденіе, бросающее свѣтъ на систему землевладѣнія, на исторію сословій, равно какъ на гражданское и военное устройство, пронія въ свою очередь можетъ быть понята и объяснена въ связи съ общей постановкой вопросовъ государственнаго устройства и землевладѣнія. Но какъ извѣстно эти вопросы не имѣютъ еще твердой постановки въ византійскомъ и славянскомъ правѣ, въ слѣдствіе чего пронія является терминомъ сравнительно новымъ и малоизвѣстнымъ. У насъ впервые выдвинутъ терминъ пронія г. Майковымъ въ 1860 году, бывъ пріуроченъ имъ къ древнесербскому праву и поставленъ въ связи съ русскимъ кормленіемъ[1]). Въ 1874 г. профессоръ Макушевъ дополнилъ скудныя свѣдѣнія о проніи новыми матеріалами, извлеченными имъ изъ государственнаго архива въ Венеціи[2]). Эти матеріалы, относящіеся къ XV в. и касающіеся Дубровника и Албаніи, свидѣтельствуютъ, что система проніи не только сохранена была Венеціанской республикой въ управленіи славянскими

1) Майковъ, О земельной собственности въ древней Сербіи (Чтенія въ Импер. обществѣ исторіи и древностей, 1860, кн. I); Что такое пронія въ древней Сербіи (Чтенія... 1868, кн. I).

2) О проніи въ древней Сербіи (Журналъ Минист. Нар. Просвѣщенія, сентябрь 1874 г.).

землями, но и практикуема въ весьма широкихъ размѣрахъ. Въ послѣднее время В. Г. Васильевскій сдѣлалъ, правда мимоходомъ [1]), нѣсколько цѣнныхъ замѣчаній о проніи, сущность которыхъ сводится къ тому, что дѣйствіе занимающаго насъ учрежденія не ограничивается сербскимъ устройствомъ или сербскимъ правомъ.

Пронія должна быть изучаема прежде всего на основаніи византійскихъ памятниковъ, ибо здѣсь встрѣчаются болѣе раннія объ ней упоминанія.

I. Исторія проніи въ Византіи.

Не можетъ быть сомнѣнія, что пронія не славянское слово, хотя этимъ не обусловливается вопросъ о происхожденіи отношеній, которыя подразумѣваются въ проніи.

Πρόνοια въ общемъ отвлеченномъ смыслѣ не перестаетъ употребляться въ византійскихъ памятникахъ и въ то время, когда за этимъ словомъ утвердилось спеціальное и конкретное значеніе, подобно тому какъ на западѣ бенефиціальная система не вытѣснила употребленія слова beneficium въ простомъ и первоначальномъ смыслѣ.

Коренное значеніе проніи у древнихъ греческихъ писателей и у византійцевъ есть предусмотрительность, забота, попеченіе и—въ христіанскомъ смыслѣ—промыслъ. Спеціальное значеніе пронія пріобрѣтаетъ при посредствѣ не всегда соединяемаго, но всегда подразумѣваемаго слова даръ или пожалованье (δωρεά), являясь такимъ образомъ даромъ съ опредѣленнымъ условіемъ, для опредѣленной цѣли—δωρεὰ κατὰ λόγον προνοίας.

Легко сознается важность опредѣленія времени, съ котораго пронія принимаетъ спеціальное и условное значеніе; единственный путь къ разрѣшенію этой хронологической задачи представляется въ наблюденіяхъ надъ употребленіемъ слова. Но здѣсь какъ и въ другихъ, родственныхъ по значенію, вопросахъ дата употребленія слова не можетъ совпадать съ датой обнаруженія въ жизни тѣхъ отношеній, которыя подразумѣваются подъ этимъ словомъ. Учрежденіе предпола-

---

1) Журналъ Минист. Нар. Просвѣщенія 1878 г., часть 200, стр. 127, 129; тамъ же, 1879 г., апрѣль, стр. 415; іюль, стр. 100.

гаетъ процессъ развитія, такъ что первоначальныя его обнаруженія могутъ лишь въ незначительной степени заключить въ себѣ тѣ признаки, которые раскроются въ выросшемъ и развитомъ организмѣ.

Прежде всего заслуживаетъ вниманія употребленіе термина πρόνοια не въ общемъ и не въ конкретномъ, а въ среднемъ и переходномъ значеніи. Таково напр. слѣдующее мѣсто: «Кто принимаетъ въ свое вѣдѣніе пограничныя темы[1]) и имѣетъ власть надъ клизурами», тотъ долженъ всѣми мѣрами заботиться объ охраненіи ромэйскихъ предѣловъ отъ вторженія непріятелей.—Здѣсь еще не встрѣчается никакого затрудненія при передачѣ слова πρόνοια отвлеченнымъ терминомъ, хотя очевидно подъ проніей разумѣется въ приведенномъ мѣстѣ военная власть. Въ такомъ же смыслѣ, т. е. въ качествѣ носителей власти, византійскіе правители Болгаріи назывались проноитами[2]). Оба приведенныя мѣста свидѣтельствуютъ, что въ X в. пронія обозначала уже не просто отвлеченную идею попеченія, заботы, завѣдыванія и т. п.

Къ X или къ началу XI в. относится еще одно любопытное мѣсто о проніи. Это мѣсто читается въ Пирѣ (Πεῖρα)[3]). Судья не признаетъ законнымъ актъ продажи въ виду того, что при совершеніи его не соблюдено было одно важное условіе: право предпочтенія[4]). Это право оберегало въ Византіи общинную собственность, и для фактическаго осуществленія его требовалось предварительно оповѣстить односельчанъ, сосѣдей и окольныхъ жителей; только послѣ отказа членовъ общины купить имущество оно могло быть отчуждаемо въ постороннія руки[5]). При дальнѣйшемъ разсмотрѣніи запродажной записи оказалось,

1) Nicephori Phocae, Velitatio bellica, ap. Migne, Patrologia Graeca, CXVII, p. 932: Τοὺς τῶν μεγάλων καὶ ἀκριτικῶν θεμάτων τὴν πρόνοιαν ἀναδεχομένους=Qui magnarum et limitanearum provinciarum curam gerunt.

2) Sathas, Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce, II, p. IV: Κύριε βοήθει Κωνσταντῖνον βεστάρχην καὶ προνοητὴν πάσης Βουλγαρίας; сравни προνοητὴς ap. Miklosich, Acta et diplomata Graeca, IV, p. 315.

3) Zachariae a Lingenthal, Jus Graeco-Romanum, I, p. 168 (Πεῖρα XXXVIII, 11). О времени происхожденія сборника см. у г. Васильевскаго, Журн. Мин. Нар. Просв., апрѣль, 1879, стр. 387.

4) τὸ δίκαιον τῆς προτιμήσεως ἐκποιουμένων.

5) Для пониманія подразумѣваемаго мѣста см. Zachariae, Geschichte des griechisch-römischen Rechts. II-e Aufl., p. 195; — Jus Graeco-Romanum, III, p. 311—313, 426, 465.

что она незаконна и въ другомъ отношеніи. Продавецъ и покупщикъ (протоспаѳарій) составили актъ такъ, что нельзя было опредѣлить — продажа это или даръ. Фактически покупщикъ не входилъ во владѣніе имуществомъ, но получалъ на него право по смерти продавца. До того же времени онъ могъ пользоваться жилищемъ, обязываясь за это доставлять продавцу одежду и пропитаніе и по смерти его уплатить, кому онъ прикажетъ, пять литръ золота.—Словами «доставлять одежду и пропитаніе» мы передаемъ здѣсь выраженіе акта: καὶ ποιῇ τὴν πρόνοιαν. Что пронія здѣсь всего ближе напоминаетъ defensio или tuitio однородныхъ латинскихъ актовъ, понятно само собой. Реальное понятіе, заключающееся въ проніи, вытекаетъ изъ параллельнаго мѣста въ томъ же актѣ, проводимаго въ примѣчаніи [1]).

Въ нашемъ актѣ, который судья призналъ несогласнымъ съ существующимъ закономъ и нарушающимъ интересы лицъ, пронія обозначаетъ столько-же заботу и попеченіе о лицѣ, поступившемся въ пользу другаго своими имущественными правами, сколько родъ вознагражденія за утрату этихъ правъ.

Надѣленіе населенными землями въ видѣ проніи можетъ быть засвидѣтельствовано съ конца XI в.

Въ III томѣ монастырскихъ актовъ, изданныхъ Миклошичемъ [2]), есть документъ на владѣніе вотчинами и помѣстьями на островѣ Критѣ рода Скордиловъ. Первая часть этого документа представляетъ извлеченіе изъ инструкціи, даваемой правительствомъ генералъ-губернатору или дукѣ, вторая содержитъ частный случай, касающійся землевладѣльческихъ правъ одного дворянскаго рода. Смыслъ первой части можетъ быть выраженъ слѣдующимъ образомъ: «На основаніи божественнаго и царскаго указа назначенный кеѳаліей славнаго острова Крита (и имѣя полномочіе) вводитъ во владѣніе благородныхъ и вѣрныхъ архонтовъ и стратіотовъ и оберегать вотчины и помѣстья ихъ, пожалованныя имъ царями» и проч. [3]). Приведенныя слова, оче-

---

1) δωρήσασθαι συμφωνήσας χρῆσιν καταμονῆς ἔχειν εἰς ἓν τῶν οἰκημάτων, συνδιατᾶσθαι δὲ τῷ πρωτοσπαθαρίῳ καὶ ἐπιχορηγεῖσθαι αὐτῷ παρ᾽ αὐτοῦ ἐνδυμενίας, καὶ διατρέφεσθαι ἄχρι περίεστι, καὶ ἀποροῦντος δίδοσθαι χρυσίου λίτρας ε̄ ἐν οἷς ὁρίσει.

2) Miklosich et Müller, Acta et diplomata graeca, III, p. 235.

3) καὶ ἀποκαταστᾶν καὶ ἀναπαύειν ἑνὶ ἑκάστῳ εἰς τὴν γονικὴν ἐπαρχίαν καὶ γῆν αὐτοῦ καὶ διὰ προνοιατικῆς δωρεᾶς....

видно, составляли формулу, обычную въ документахъ подобнаго рода, а эта формула передаетъ намъ, что дука Крита имѣлъ власть вводить во владѣніе и оберегать права архонтовъ, получившихъ землю въ даръ на условіяхъ проніи, т. е. удостовѣряетъ существованіе учрежденія въ царствованіе Алексѣя I Комнина[1]).

Но и не ко времени Алексѣя Комнина должно быть относимо начало проніи; первыя извѣстія встрѣчаются въ царствованіе Михаила VII Дуки (1072—1078 г.). О любимцѣ этого царя, логоѳетѣ Никифорѣ, современный писатель замѣтилъ: «Онъ облеченъ былъ отъ царя большими полномочіями, заправлялъ всѣми дѣлами, внушилъ царю мѣропріятія и жаловалъ почести и проніи кому хотѣлъ»[2]). Въ смыслѣ проніи должно быть толкуемо и оглавленіе новеллы того же Михаила Дуки: при какихъ условіяхъ полученіе замка можетъ считаться даромъ (т. е. пожалованьемъ)[3]). По нашему мнѣнію, основное значеніе «рубрики» заключается въ предполагаемомъ случаѣ, когда одинъ и тотъ же замокъ могъ быть пожалованъ нѣсколькимъ лицамъ, каковые случаи въ проніи были обычны. Утраченная новелла должна излагать требованіе, чтобы въ случаѣ пожалованья одной и той же земли многимъ лицамъ, владѣльцемъ ея записывался одинъ, который бы и отвѣтствовалъ передъ государствомъ службой, чтобы онъ назывался кафаліей, а другіе владѣли бы меньшими долями и т. п. Такой взглядъ на оглавленіе этой новеллы находитъ себѣ оправданіе въ распоряженіяхъ относительно проній венеціанскаго правительства, къ которымъ мы обратимся ниже.

При царяхъ изъ дома Комниновъ (конецъ XI и XII в.) надѣленіе

---

1) У издателя этотъ документъ помѣченъ 1184 г. и отнесенъ къ царствованію Алексѣя II Комнина. Дата должна быть признана ошибочною, ибо въ октябрѣ 1184 г. царя Алексѣя не было въ живыхъ. Кефалія Крита, Константинъ Дука, назвалъ ἐξάδελφος царя. Такихъ родственныхъ отношеній къ Алексѣю II не имѣли Дуки, да и никто другой. Сомнѣнія въ достовѣрности документа болѣе имѣютъ мѣста при провѣркѣ правъ рода Скордиловъ на владѣнія, чѣмъ въ вопросѣ о значеніи формулы. Можемъ однако замѣтить, что многочисленный родъ Скордиловъ играетъ политическую роль на о-вѣ Критѣ въ XIII в.—Tafel und Thomas, Urkunden, III, p. 387—388.

2) Michaelis Attaliotae, p. 200 (ed. Bonnae): καὶ τὰς τιμὰς καὶ προνοίας οἷς ἐβούλετο χαριζόμενος.

3) Zachariae, Jus Graeco-Rom., III, p. 330: Νεαρὰ τοῦ βασιλέως κυροῦ Μιχαὴλ τοῦ Δούκα θεσπίζουσα τοὺς κάστρα λαμβάνοντας οἱουσδήτινας κἂν ὅπως ταῦτα λάβωσιν ἐφ' ἑνὶ προσώπῳ ταῦτα κεκτῆσθαι, καὶ οὕτω νοεῖσθαι τὰς δωρεάς.

служилыхъ людей землями въ видѣ проніи было уже обычнымъ пріемомъ. Какъ извѣстно, царь Алексѣй потребовалъ отъ рыцарей перваго крестоваго похода ленной присяги, при чемъ въ первый разъ появляется въ Византіи феодальный терминъ λίζιος и καβαλλάριος[1]), т. е. вассалъ и рыцарь. Къ царю Мануилу, при которомъ западному вліянію и иностраннымъ образцамъ и заимствованіямъ открытъ былъ просторъ, приходили на службу итальянскіе владѣтели, привлекаемые почестями и пожалованіями. Получаемые отъ византійскаго правительства земельные надѣлы они претендуютъ считать леномъ[2]), хотя пронія, о которой всего естественнѣе думать здѣсь, была не тоже, что ленъ. Экономическая система Мануила, гибельно отозвавшаяся на послѣдующія судьбы имперіи, должна считаться роковой въ исторіи землевладѣнія и рѣшительной въ смыслѣ развитія и распространенія проніи.

Современныхъ свидѣтельствъ объ этомъ однако весьма мало. У Анны Комниной находимъ любопытное мѣсто объ Алексѣѣ I: «Онъ назначилъ имъ въ проніи земельныя и водяныя угодья»[3]),—любопытное въ томъ отношеніи, что нѣсколько выше слово пронія два раза встрѣчается въ своемъ первоначальномъ смыслѣ: попеченіе, заботливость. При Іоаннѣ и Мануилѣ Комнинахъ употребляется терминъ вассалъ (λίζιος), по видимому, только въ приложеніи къ иностранцамъ[4]), издаются законы о получающихъ въ даръ помѣстья или достоинства, но связь этихъ законовъ съ проніей требуетъ еще доказательствъ[5]). Недостатокъ современныхъ и прямыхъ свидѣтельствъ о проніи при Комнинахъ вознаграждается въ значительной мѣрѣ позднѣйшими извѣстіями, прямыми или косвенными.

Царю Алексѣю II Вальсамонъ приписываетъ хризовулъ, отмѣнившій нѣкоторые законы Мануила[6]). Этого хризовула не сохрани-

1) Anna Comnena (ed. Bonnae), II, p. 228—230—договоръ съ Боэмундомъ.

2) Tafel und Thomas, Urkunden, I, p. 512—513 о маркграфѣ монферратскомъ: et dedit ei honorem Thessalonicensem, сравнить: et de toto feudo, quod et Manuel — dedit patri meo.

3) Alexiadis II, p. 348: ἐκεῖνος γὰρ ἀφωρίσατο τὰς ἀπὸ γῆς καὶ θαλάττης αὐτοῖς προνοίας=nam ipse iis assignavit ex terra et ex mari beneficia.

4) О Раймундѣ ap. Nicetas Acominatus, p. 36; о магистрѣ Ѳеоріанѣ въ моей книгѣ: Образованіе втораго болг. царства, стр. 226.

5) Zachariae, Jus, III, p. 411—412, 457.

6) Ibid., p. 507: Nov. LXXXIII.

лось, но дѣлать догадки о содержаніи его можно. Именно, Вальсамонъ обращается ко времени Алексѣя II мимоходомъ, по случаю упоминанія о новеллѣ Мануила, которою ограничивалась передача пожалованныхъ въ даръ имѣній опредѣленными категоріями привиллегированныхъ лицъ[1]); въ случаѣ же нарушенія этого закона имѣніе отбиралось въ казну.—Въ слѣдъ за этимъ упомянутъ и хризовулъ Алексѣя II. Отношеніе послѣдняго хризовула къ первому можетъ быть толкуемо въ двоякомъ смыслѣ: или въ 1183 г. (при Алексѣѣ II) расширено было право движенія помѣстій изъ рукъ въ руки, т. е. включены въ категорію правоспособныхъ на такія помѣстья и непривиллегированныя лица, или же наоборотъ прекращена была раздача помѣстій въ даръ, т. е. въ пронію.

По нашему мнѣнію, излагаемое Вальсамономъ содержаніе закона Мануила относится къ разряду сродныхъ новеллъ Михаила Дуки, Алексѣя I и того же Мануила, въ которыхъ сохранились слѣды законовъ о проніи[2]). Всѣ эти акты предусматриваютъ лица, которымъ дѣлаются пожалованія—δωρεαὶ ἀκινήτων, κάστρα, ὀφφίκια ἢ ἀξιώματα, δωρεαὶ καὶ φιλοτιμίαι, въ позднѣйшихъ памятникахъ: οἰκονομίαι—и обезпечиваютъ идущую государству службу съ пожалованій. Въ 1183 г. отмѣнены были не ограниченія, а самая сущность этихъ новеллъ, ибо тогда началась реакція противъ системы Комниновъ, душою которой былъ регентъ государства Андроникъ, стремившійся ввести новыя начала по отношенію къ земельной собственности.

Всматриваясь въ извѣстія конца XII и начала XIII в., мы получаемъ вполнѣ убѣдительныя доказательства на то, что эпоха Мануила должна считаться вполнѣ законченнымъ періодомъ построенія земельныхъ отношеній, основывающихся на проніи и на зависимости земледѣльческаго класса. Когда латинскіе завоеватели начали вступать во владѣніе доставшимися имъ землями, въ большинствѣ случаевъ имъ пришлось лишь воспользоваться практикой, установившейся при Мануилѣ. Такимъ образомъ, эпоха Мануила подготовила имперію къ принятію феодальной системы. Латинскимъ рыцарямъ оставалось повидимому придать легальную форму тому роду земельныхъ отношеній,

1) Rhalles et Potles, Syntagma, II, p. 653; Zachariae, III, p. 457.
2) Zachariae, Jus, III, p. 330, 411, 457, 498.

который установился въ Византіи въ предыдущее время, не получая лишь соотвѣтствующаго имени. Имѣемъ въ виду многочисленныя указанія, что латинскіе завоеватели довольствовались тѣми податями и барщиной, которую крестьянское населеніе несло при Мануилѣ: писцовыя книги или практики времени Мануила служили для крестоносцевъ нормой при опредѣленіи доходности земель, а для крестьянскаго населенія гарантіей противъ неправильнаго обложенія[1]).

Наканунѣ четвертаго крестоваго похода замѣчается необычная слабость центральнаго правительства и стремленіе провинцій тянуть къ мѣстнымъ центрамъ. Изученіе сочиненій Михаила Акомината[2]) приводитъ къ несомнѣнному выводу, что византійскіе архонты-землевладѣльцы стояли на пути къ выдѣленію изъ непосредственнаго подчиненія столицѣ: тамъ и сямъ нарождаются крупныя мѣстныя силы, интересы которыхъ играютъ важную роль въ судьбѣ Византіи.

Рядъ документовъ, относящихся къ раздѣленію имперіи между завоевателями, важенъ не только для исторіи крестоносцевъ. Partitio предполагаетъ общій кадастръ, котораго составленіе значительно облегчалось существовавшими писцовыми книгами и установившимся строемъ землевладѣнія. Свидѣтельствуя о томъ, какъ много земель находилось въ частномъ владѣніи, за членами царскаго рода и служилымъ дворянствомъ, Partitio однако не входитъ въ детали, занимается перечисленіемъ провинцій и округовъ, не касаясь обязанностей къ новымъ господамъ населенія и такимъ образомъ не можетъ служить матеріаломъ для выводовъ по занимающему насъ вопросу.

Счастливымъ восполненіемъ къ актамъ раздѣла имперіи служитъ такъ называемая Морейская хроника,—обширное повѣствованіе (въ

---

1) Tafel und Thomas, Urkunden, II, p. 57: Omnes et alios in ipsis insulis consistentes debemus in suo statu tenere, nichil ab aliquo amplius exigentes, quam quod facere consveverant temporibus Graecorum Imperatorum; ibid., p. 92: Graecos autem tenebit in eo statu, quo domini Emanuelis tempore tenebantur; ib., p. 95;—ib., p. 208: tantum fuit positum pro practico; p. 209: tempore de dominiis—очевидно подъ греческимъ господствомъ; ibid., I, p. 457: leges autem et iura et ceterae institutiones, quae ab antiquo tam in urbe, quam in provincia laudabiles habebantur, ita ut prius fuerant, consistere permissae sunt. Buchon, Nouvelles Recherches, II., p. 97: hec et alia in quodam practico, in greca scriptura scripto—quod videri et inspici fecimus diligenter. Sathas, Documentes inédits, I, p. 133: quella terra diebia esser reta segondo le sue uxanze e statuti, e che i Griexi sia mantegnudi in le sue razon e juridition; ib., II, p. 190.

2) Λάμπρος, Μιχαὴλ Ἀκομινάτου τοῦ Χωνιατοῦ, два тома. Аѳины 1879—1880 г.

стихахъ) о судьбахъ французскихъ крестоносцевъ въ южной Греціи[1]). Этотъ памятникъ отличается неоцѣненными качествами, рѣзко выдѣляясь изъ другихъ однородныхъ произведеній богатствомъ содержанія. Стихотворная рѣчь не помѣшала автору быть простымъ лѣтописцемъ, при томъ серьезнымъ и правдивымъ. Онъ не обращаетъ главнаго вниманія на военныя дѣла, не передаетъ только результаты, но слѣдитъ за ходомъ событій, сообщаетъ бытовыя картины и вводитъ въ ближайшія отношенія, какія устанавливались между завоевателями и греческимъ населеніемъ. Съ полнымъ безпристрастіемъ и объективностью разсказываетъ онъ, какъ учили крестоносцевъ греческіе архонты подготовлять и приводить въ исполненіе болѣе важныя военныя предпріятія. Но цѣннѣе всего для насъ въ Морейской хроникѣ—описаніе способовъ распредѣленія земель и участковъ между завоевателями, ознакомленіе съ правами господъ по отношенію къ подвластному населенію и наконецъ сравнительно многочисленныя извѣстія о проніи.

Приведемъ нѣсколько мѣстъ изъ Морейской хроники. Виллыгардуэнъ вступаетъ въ переговоры съ греческими архонтами и убѣждаетъ ихъ къ добровольному подчиненію, чтобы избѣжать безполезнаго кровопролитія и неразлучнаго съ войной грабежа и расхищенія. Тогда архонтопулы Мореи и всей Мессаріи собрались въ Андравидѣ и заключили съ крестоносцами договоръ, по которому «всѣ архонтопулы удерживали за собой проніи, какія имѣли, обязавшись вассальной присягой и службой по размѣрамъ имущества[2]). Что касается крестьянскаго населенія, оно должно оставаться въ томъ же положеніи, въ какомъ найдено завоевателями. Составили коммиссію изъ шести архонтовъ и шести франковъ, чтобы отдѣлить проніи отъ остальнаго, имѣющаго поступить во власть франковъ».

Съ результатомъ трудовъ этой коммиссіи встрѣчаемся въ другомъ мѣстѣ хроники. «Виллыгардуэнъ приказалъ принести книгу, въ которой была обозначена и писана часть каждаго, какую кто получилъ во вла-

---

1) Buchon, Chroniques étrangères. Paris 1840.

2) Ibid., p. 40: Ὅλα τὰ ἀρχοντόπουλα, ὁποῦ εἶχασι προνοίαις,
Νὰ ἔχωσι ὁ καθεεὶς πρὸς τὴν οὐσίαν τὴν εἶχε
Τὴν ἀνθρωπιὰν καὶ τὴν στρατιὰν τόσην τοῦ τὰ τοῦ μένῃ.

дѣніи отъ Шанпенуа. Въ ней нашли, гдѣ за кѣмъ записана пронія»[1]). — Еще далѣе: «И нашли въ регистрѣ, составленномъ при Шанпенуа, гдѣ были надѣлены проніями рыцари, получившіе по одному лену и сержанты по два»[2]).

Проніями называются у нашего автора не только участки, полученные завоевателями, но и оставленные въ рукахъ туземныхъ архонтовъ. Именно подъ условіемъ сохраненія проній сдаются французамъ поднявшіе оружіе города[3]).

Изъ разсмотрѣнія терминологіи Морейской хроники вытекаетъ то заключеніе, что пронія въ эпоху завоеванія была весьма распространенной формой землевладѣнія и что новыя феодальныя отношенія укладывались въ выработанныя византійской эпохой проніарскія. Въ началѣ XIV в. была уже склонность отожествлять пронію съ леномъ, а позднѣе эти понятія и совсѣмъ совпали[4]). Относительно начала XIII в. подобное заключеніе, конечно, нуждается въ ограниченіи, но во всякомъ случаѣ теперь уже позволительно думать, что пронія была такая форма помѣстнаго владѣнія, которая при благопріятныхъ обстоятельствахъ имѣла тенденцію развиваться въ феодальную систему. Что̀ препятствовало ей развиться въ такую форму въ областяхъ, не выходившихъ изъ-подъ власти византійскихъ царей, — это составляетъ предметъ дальнѣйшихъ изслѣдованій по внутренней исторіи Византіи. Прежде чѣмъ продолжать поиски въ другихъ источникахъ, находимъ умѣстнымъ остановиться на встрѣчающемся нѣсколько разъ въ Морейской хроникѣ терминѣ «дронга Мелинговъ». Мѣста, гдѣ упоминается объ этомъ колѣнѣ, какъ извѣстно, играютъ роль въ ряду доказательствъ распространенія славянъ до Пелопоннесса. Въ послѣднее время г. Саѳа, извѣстный издатель греческихъ и венеціанскихъ источниковъ по исторіи средневѣковой Византіи, нашелъ возможнымъ разомъ покончить

1) Ibid., p. 47: Εἶπαν καὶ φέρουν τὸ βιβλίον, ποῦ ἦτον ἡ μοιρασία
Ἐγγράφως γὰρ τοῦ καθενὸς, τί τὸν ἐπαραδῶκαν
Νὰ ἔχῃ, νὰ νομεύεται παρὰ τοῦ Καμπανέση.
Εἰς τοῦτο εὐρέθησαν ἐκεῖ, ὅπου ἦσαν προνοιασμένοι.

2) Ibid., p. 49: Εὑρέθησαν εἰς τὸν καιρὸν τοῦ Καμπανέση ἐκείνου
Ἐγγράφως ς'τὸ ῥητζίστρο του, ὅπου ἦσαν προνοιασμένοι....

3) Ibid., p. 51: Μὲ βιὰν ἐπαραδόθηκαν, μὲ συμφωνίαις, μὲ ὅρκον,
Νὰ ἔχουσι τὰ σπήτια τοὺς καὶ ταῖς προνοιαῖς ταῖς εἶχαν.

4) Ibid., Notice, p. XXI: φύαις λέγονται πρόνοιαις, ἢ φέουδα, ἤγουν σπελίκια.

какъ съ этимъ, такъ и съ другими доказательствами славянизаціи Греціи. Онъ дѣлаетъ при этомъ слѣдующій вызовъ славистамъ: «Издавая много документовъ, касающихся этихъ завоевателей (т. е. мнимыхъ славянъ Пелопоннесса), я попрошу позволенія сказать нѣсколько словъ по поводу этого несчастнаго вопроса, который, благодаря новымъ трудамъ знаменитыхъ историковъ, хотя и утратилъ свое значеніе, но все же продолжаетъ оставаться позоромъ въ исторіи. Когда лучше узнаютъ средневѣковую Элладу, то пожалѣютъ, что позволили себѣ увлечься на время этой мистификаціей, этой уткой, пущенной пустомелями и политиканами, которые наряжаются въ одежду историка»[1]).

Саѳа приходитъ къ заключенію, что въ выраженіяхъ Морейской хроники: ὁ δρόγγος τῶν Σκλαβῶν, ὁ δρόγγος τοῦ Μελιγγοῦ, ὁ δρόγγος τῶν Σκορτῶν — разумѣется албанское населеніе, албанскій элементъ, ибо δρόγγος—албанское слово и значитъ лѣсъ[2]). Примиряясь съ албанскимъ элементомъ и открещиваясь отъ славянскаго позора, Саѳа высказываетъ болѣе горячаго патріота, чѣмъ осторожнаго и внимательнаго къ посылкамъ и выводамъ историка. Ужели въ самомъ дѣлѣ изъ славянскихъ древностей слѣдуетъ выбросить многіе факты на томъ только основаніи, что греческіе тексты, по которымъ дѣлаются заключенія славистами, представляютъ написаніе слова славянинъ съ буквой ϑ: Σϑλάβοι, Σϑλαβῖνοι?—Но что же тогда препятствуетъ видѣть и въ написаніи Βόσϑνα[3]) не славянскую, а другую какую область?

Ограничиваясь мѣстами о дронгѣ Мелинговъ, мы должны съ полной рѣшительностію высказаться, что они неправильно поняты г. Саѳой. Идея суроваго горнаго характера страны, обитаемой Мелингами, съ достаточной полнотой передается выраженіями ζυγὸς и κλείσουρα; если же при наличности этихъ опредѣленій читается еще δρόγγος, то это послѣднее относится не къ странѣ, а къ народу[4]), и значитъ не le

---

1) Sathas, Documents inédits, I, p. VIII.

2) Ibid., p. XXII.

3) I. Cinnami, p. 104 (ed. Bonnae).

4) Chronique de Morée, p. 73: Ὅτι ὁ ζυγὸς τῶν Μελιγγῶν πολλὰ ἔνι δρόμος μέγας
Καὶ ἔχει κλεισούραις δυναταῖς.
Что δρόμος вмѣсто δρόγγος часто является ошибкой чтенія, видно будетъ ниже.
Καὶ ἔνι ἀπάνω εἰς τὸν ζυγὸν, τῶν Μελιγγῶν τὸν
δρόγγον; ср. p. 107, 130.

который установился въ Византіи въ предыдущее время, не получая лишь соотвѣтствующаго имени. Имѣемъ въ виду многочисленныя указанія, что латинскіе завоеватели довольствовались тѣми податями и барщиной, которую крестьянское населеніе несло при Мануилѣ: писцовыя книги или практики времени Мануила служили для крестоносцевъ нормой при опредѣленіи доходности земель, а для крестьянскаго населенія гарантіей противъ неправильнаго обложенія[1]).

Наканунѣ четвертаго крестоваго похода замѣчается необычная слабость центральнаго правительства и стремленіе провинцій тянуть къ мѣстнымъ центрамъ. Изученіе сочиненій Михаила Акомината[2]) приводитъ къ несомнѣнному выводу, что византійскіе архонты-землевладѣльцы стояли на пути къ выдѣленію изъ непосредственнаго подчиненія столицѣ: тамъ и сямъ нарождаются крупныя мѣстныя силы, интересы которыхъ играютъ важную роль въ судьбѣ Византіи.

Рядъ документовъ, относящихся къ раздѣленію имперіи между завоевателями, важенъ не только для исторіи крестоносцевъ. Partitio предполагаетъ общій кадастръ, котораго составленіе значительно облегчалось существовавшими писцовыми книгами и установившимся строемъ землевладѣнія. Свидѣтельствуя о томъ, какъ много земель находилось въ частномъ владѣніи, за членами царскаго рода и служилымъ дворянствомъ, Partitio однако не входитъ въ детали, занимается перечисленіемъ провинцій и округовъ, не касаясь обязанностей къ новымъ господамъ населенія и такимъ образомъ не можетъ служить матеріаломъ для выводовъ по занимающему насъ вопросу.

Счастливымъ восполненіемъ къ актамъ раздѣла имперіи служитъ такъ называемая Морейская хроника,—обширное повѣствованіе (въ

---

1) Tafel und Thomas, Urkunden, II, p. 57: Omnes et alios in ipsis insulis consistentes debemus in suo statu tenere, nichil ab aliquo amplius exígentes, quam quod facere consveverant temporibus Graecorum Imperatorum; ibid., p. 92: Graecos autem tenebit in eo statu, quo domini Emanuelis tempore tenebantur; ib., p. 95;—ib., p. 208: tantum fuit positum pro practico; p. 209: tempore de dominiis—очевидно подъ греческимъ господствомъ; ibid., I, p. 457: leges autem et iura et ceterae institutiones, quae ab antiquo tam in urbe, quam in provincia laudabiles habebantur, ita ut prius fuerant, consistere permissae sunt. Buchon, Nouvelles Recherches, II., p. 97: hec et alia in quodam practico, in greca scriptura scripto—quod videri et inspici fecimus diligenter. Sathas, Documentes inédits, I, p. 133: quella terra diebia esser reta segondo le sue uxanze e statuti, e che i Griexi sia mantegnudi in le sue razon e juridition; ib., II, p. 190.

2) Λάμπρος, Μιχαὴλ Ἀκομινάτου τοῦ Χωνιατοῦ, два тома. Аѳины 1879—1880 г.

стихахъ) о судьбахъ французскихъ крестоносцевъ въ южной Греціи[1]). Этотъ памятникъ отличается неоцѣненными качествами, рѣзко выдѣляясь изъ другихъ однородныхъ произведеній богатствомъ содержанія. Стихотворная рѣчь не помѣшала автору быть простымъ лѣтописцемъ, при томъ серьезнымъ и правдивымъ. Онъ не обращаетъ главнаго вниманія на военныя дѣла, не передаетъ только результаты, но слѣдитъ за ходомъ событій, сообщаетъ бытовыя картины и вводитъ въ ближайшія отношенія, какія устанавливались между завоевателями и греческимъ населеніемъ. Съ полнымъ безпристрастіемъ и объективностью разсказываетъ онъ, какъ учили крестоносцевъ греческіе архонты подготовлять и приводить въ исполненіе болѣе важныя военныя предпріятія. Но цѣннѣе всего для насъ въ Морейской хроникѣ—описаніе способовъ распредѣленія земель и участковъ между завоевателями, ознакомленіе съ правами господъ по отношенію къ подвластному населенію и наконецъ сравнительно многочисленныя извѣстія о проніи.

Приведемъ нѣсколько мѣстъ изъ Морейской хроники. Виллъгардуэнъ вступаетъ въ переговоры съ греческими архонтами и убѣждаетъ ихъ къ добровольному подчиненію, чтобы избѣжать безполезнаго кровопролитія и неразлучнаго съ войной грабежа и расхищенія. Тогда архонтопулы Мореи и всей Мессаріи собрались въ Андравидѣ и заключили съ крестоносцами договоръ, по которому «всѣ архонтопулы удерживали за собой проніи, какія имѣли, обязавшись вассальной присягой и службой по размѣрамъ имущества[2]). Что касается крестьянскаго населенія, оно должно оставаться въ томъ же положеніи, въ какомъ найдено завоевателями. Составили коммиссію изъ шести архонтовъ и шести франковъ, чтобы отдѣлить проніи отъ остальнаго, имѣющаго поступить во власть франковъ».

Съ результатомъ трудовъ этой коммиссіи встрѣчаемся въ другомъ мѣстѣ хроники. «Виллъгардуэнъ приказалъ принести книгу, въ которой была обозначена и писана часть каждаго, какую кто получилъ во вла-

1) Buchon, Chroniques étrangères. Paris 1840.

2) Ibid., p. 40: Ὅλα τὰ ἀρχοντόπουλα, ὅπου εἶχασι προνοίαις,
Νὰ ἔχωσι ὁ καθεεὶς πρὸς τὴν οὐσίαν τὴν εἶχε
Τὴν ἀνθρωπιὰν καὶ τὴν στρατιὰν τόσην τοῦ τὰ τοῦ μένῃ.

дѣніи отъ Шанпенуа. Въ ней нашли, гдѣ за кѣмъ записана пронія»[1]). — Еще далѣе: «И нашли въ регистрѣ, составленномъ при Шанпенуа, гдѣ были надѣлены проніями рыцари, получившіе по одному лену и сержанты по два»[2]).

Проніями называются у нашего автора не только участки, полученные завоевателями, но и оставленные въ рукахъ туземныхъ архонтовъ. Именно подъ условіемъ сохраненія проній сдаются французамъ поднявшіе оружіе города[3]).

Изъ разсмотрѣнія терминологіи Морейской хроники вытекаетъ то заключеніе, что пронія въ эпоху завоеванія была весьма распространенной формой землевладѣнія и что новыя феодальныя отношенія укладывались въ выработанныя византійской эпохой проніарскія. Въ началѣ XIV в. была уже склонность отожествлять пронію съ леномъ, а позднѣе эти понятія и совсѣмъ совпали[4]). Относительно начала XIII в. подобное заключеніе, конечно, нуждается въ ограниченіи, но во всякомъ случаѣ теперь уже позволительно думать, что пронія была такая форма помѣстнаго владѣнія, которая при благопріятныхъ обстоятельствахъ имѣла тенденцію развиваться въ феодальную систему. Чтò препятствовало ей развиться въ такую форму въ областяхъ, не выходившихъ изъ-подъ власти византійскихъ царей, — это составляетъ предметъ дальнѣйшихъ изслѣдованій по внутренней исторіи Византіи. Прежде чѣмъ продолжать поиски въ другихъ источникахъ, находимъ умѣстнымъ остановиться на встрѣчающемся нѣсколько разъ въ Морейской хроникѣ терминѣ «дронга Мелинговъ». Мѣста, гдѣ упоминается объ этомъ колѣнѣ, какъ извѣстно, играютъ роль въ ряду доказательствъ распространенія славянъ до Пелопоннеса. Въ послѣднее время г. Саѳа, извѣстный издатель греческихъ и венеціанскихъ источниковъ по исторіи средневѣковой Византіи, нашелъ возможнымъ разомъ покончить

1) Ibid., p. 47: Εἶπαν καὶ φέρουν τὸ βιβλίον, ποῦ ἦτον ἡ μοιρασία
Ἐγγράφως γὰρ τοῦ καθενὸς, τί τὸν ἐπαραδῶκαν
Νὰ ἔχῃ, νὰ νομεύεται παρὰ τοῦ Καμπανέση.
Εἰς τοῦτο εὑρέθησαν ἐκεῖ, ὁποῦ ἦσαν προνοιασμένοι.

2) Ibid., p. 49: Εὑρέθησαν εἰς τὸν καιρὸν τοῦ Καμπανέση ἐκείνου
Ἐγγράφως ς᾽τὸ ῥητζίστρο του, ὁποῦ ἦσαν προνοιασμένοι....

3) Ibid., p. 51: Μὲ βιὰν ἐπαραδόθηκαν, μὲ συμφωνίαις, μὲ ὅρκον,
Νὰ ἔχουσι τὰ σπήτια τοὺς καὶ ταῖς προνοιαῖς ταῖς εἶχαν.

4) Ibid., Notice, p. XXI: φύαις λέγονται πρόνοιαις, ἢ φέουδα, ἤγουν σπελίκια.

какъ съ этимъ, такъ и съ другими доказательствами славянизаціи Греціи. Онъ дѣлаетъ при этомъ слѣдующій вызовъ славистамъ: «Издавая много документовъ, касающихся этихъ завоевателей (т. е. мнимыхъ славянъ Пелопоннесса), я попрошу позволенія сказать нѣсколько словъ по поводу этого несчастнаго вопроса, который, благодаря новымъ трудамъ знаменитыхъ историковъ, хотя и утратилъ свое значеніе, но все же продолжаетъ оставаться позоромъ въ исторіи. Когда лучше узнаютъ средневѣковую Элладу, то пожалѣютъ, что позволили себѣ увлечься на время этой мистификаціей, этой уткой, пущенной пустомелями и политиканами, которые наряжаются въ одежду историка»[1]).

Саѳа приходитъ къ заключенію, что въ выраженіяхъ Морейской хроники: ὁ δρόγγος τῶν Σκλαβῶν, ὁ δρόγγος τοῦ Μελιγγοῦ, ὁ δρόγγος τῶν Σκορτῶν — разумѣется албанское населеніе, албанскій элементъ, ибо δρόγγος—албанское слово и значитъ лѣсъ[2]). Примиряясь съ албанскимъ элементомъ и открещиваясь отъ славянскаго позора, Саѳа высказываетъ болѣе горячаго патріота, чѣмъ осторожнаго и внимательнаго къ посылкамъ и выводамъ историка. Ужели въ самомъ дѣлѣ изъ славянскихъ древностей слѣдуетъ выбросить многіе факты на томъ только основаніи, что греческіе тексты, по которымъ дѣлаются заключенія славистами, представляютъ написаніе слова славянинъ съ буквой ϑ: Σϑλάβοι, Σϑλαβῖνοι?—Но что же тогда препятствуетъ видѣть и въ написаніи Βόσϑνα[3]) не славянскую, а другую какую область?

Ограничиваясь мѣстами о дронгѣ Мелинговъ, мы должны съ полной рѣшительностію высказаться, что они неправильно поняты г. Саѳой. Идея суроваго горнаго характера страны, обитаемой Мелингами, съ достаточной полнотой передается выраженіями ζυγὸς и κλείσουρα; если же при наличности этихъ опредѣленій читается еще δρόγγος, то это послѣднее относится не къ странѣ, а къ народу[4]), и значитъ не le

---

1) Sathas, Documents inédits, I, p. VIII.

2) Ibid., p. XXII.

3) I. Cinnami, p. 104 (ed. Bonnae).

4) Chronique de Morée, p. 73: Ὅτι ὁ ζυγὸς τῶν Μελιγγῶν πολλὰ ἔνι δρόμος μέγας
Καὶ ἔχει κλεισούραις δυναταῖς.
Что δρόμος вмѣсто δρόγγος часто является ошибкой чтенія, видно будетъ ниже.
Καὶ ἔνι ἀπάνω εἰς τὸν ζυγὸν, τῶν Μελιγγῶν τὸν
δρόγγον; ср. p. 107, 130.

défilé, не клисуру или горный проходъ, а нѣчто совсѣмъ другое. Такъ Гуго де Бріеръ получилъ свои 22 лена не въ горномъ проходѣ, а въ дронгѣ Скортовъ, т. е. въ странѣ окруженной клисурами[1]). Прежде всего замѣтимъ, что въ Морейской хроникѣ нѣсколько разъ вмѣсто δρόγγος читается δρόμος, что должно быть приписано неправильному чтенію рукописи и палеографической манерѣ написанія того и другаго слова. Потребность замѣнить одно чтеніе другимъ сознается всякій разъ при нѣкоторомъ вниманіи къ смыслу повѣствуемыхъ событій[2]); но г. Саѳа на это не обратилъ вниманія. Въ особенности же должно поставить ему въ упрекъ, что онъ не замѣтилъ въ дронгѣ живой и дѣйствующій элементъ, гордый и не любящій подчиненія, выслушивающій предложенія, разсуждающій, соглашающійся или требующій исполненія своей воли. Таково напр. слѣдующее мѣсто: «Когда архонты, старшины дронги, увидѣли, что франки построили эти два замка, собрали вѣче, чтобы обсудить — какъ имъ быть. Старшины богачи говорили на вѣчѣ, что слѣдуетъ крѣпко держаться и не подчиняться; народъ же и община были того мнѣнія, что нужно сдаться..... И вотъ архонты, старшины дронги, видя расположенія общины и не имѣя чѣмъ убѣдить ее, поступили согласно съ волей дронги»[3]).—Послѣ этого, продолжаетъ хроника, франки подчинили всю славянскую страну (ἐδούλωσε τὰ Σκλαβικά).

Дронга Морейской хроники должна быть непремѣнно сближена съ друнгой (δροῦγγος) Михаила Акомината и другихъ византійскихъ писателей. Это сближеніе во всякомъ случаѣ обязательно для оправданія приведенной выше смѣлой вылазки противъ теоріи распространенія славянъ до южной Греціи. Наше мнѣніе заключается въ томъ, что δρόγγος и δροῦγγος значитъ община[4]).

Возвратимся однако къ проніи. Въ той части имперіи, которая послѣ латинскаго завоеванія осталась подъ властью царей, пронія за-

---

1) Ibid., p. 47, 73.

2) Ibid., p. 43: ὁπoῦ κρατοῦν τὸν δρόμον, ὁποῦ τὸ λέγουν τὰ Σκορτά; p. 73: πολλὰ ἔνι δρόμος μέγας исправляется параллельнымъ мѣстомъ: τῶν Μελιγγῶν τὸν δρόγγον; p. 211: καὶ ἐπίασε τοὺς δρόμους = τὸν δρόγγον ὅλον τῶν Σκορτῶν ἐπιάσαν; p. 74: οἱ ἀρχηγοὶ τοῦ δρόμου соотвѣтствуетъ тутъ же встрѣчающемуся: οἱ ἀρχηγοὶ τοῦ δρόγγου.

3) Ibid., p. 74.

4) Моя статья въ Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія, январь 1883 г.

свидѣтельствована и притомъ въ самомъ началѣ XIII в. многими источниками, что̀ въ свою очередь можетъ служить подтвержденіемъ туземнаго происхожденія проніи. У историка Пахимера раздача иммунитетовъ и droній разсматривается какъ государственная мѣра, направленная къ закрѣпленію за имперіей вѣрности жителей одной горной области [1]). Въ сборникѣ монастырскихъ актовъ, изданныхъ Миклошичемъ,—представляющемъ особенно цѣнный матеріалъ для внутренней исторіи Византіи, пронія является съ бытовымъ характеромъ, въ разнообразныхъ отношеніяхъ къ крестьянскому и церковному землевладѣнію. Цѣлый рядъ межевыхъ описей, дарственныхъ, запродажныхъ и судебныхъ актовъ указываетъ на видную роль въ сельскомъ быту мѣстнаго проніара, называемаго также рыцаремъ и вассаломъ. Но никакъ нельзя питать надежды угадать политическое значеніе византійской проніи на основаніи монастырскихъ актовъ. Проніаръ по своимъ отношеніямъ къ сидящему на землѣ его населенію и по характеру споровъ, возникающихъ между нимъ и сосѣдними землевладѣльцами, напоминаетъ властителя X и XI в. Лишь изрѣдка оброненное описательное или оттѣняющее существо проніи выраженіе позволяетъ заключать, что проніарское владѣніе есть новая форма, неизвѣстная изъ новеллъ X и XI в. Таковы выраженія: ὑπὸ *παροικίαν τῆς ἡμετέρας προνοίας; δωρεὰ πρὸς οἰκοναμίαν; δωρεὰ κατὰ λόγον προνοίας* и нѣкоторыя другія, которыми мы воспользуемся ниже, при объясненіи значенія проніи [2]).

Въ XIV в. область дѣйствія проніи расширяется; ее находимъ въ сербскомъ царствѣ. Какъ мы видѣли выше, вопросъ о проніи впервые и поднятъ былъ въ наукѣ на почвѣ изученія Законника Стефана Душана и сербскихъ грамотъ. Въ настоящее время приводимыя г. Майковымъ извѣстія о сербской проніи могутъ быть дополнены новыми, нисколько впрочемъ не ослабляющими высказанныхъ имъ соображеній о значеніи сербской проніи [3]).

По отношенію къ XV в. для исторіи проніи въ земляхъ, отошед-

---

1) Pachymeris, I, p. 16: ἀλλ' ἀτελείαις μὲν τους πάντας, προνοίαις δ' ἐκ τούτων τοὺς ἐπιδοξοτέρους—γράμμασιν ἐσωροῦντο βασιλικοῖς.

2) Miklosich et Müller, Acta et diplomata, томы III и IV; изъ послѣдняго отмѣтимъ пока слѣдующія мѣста: pp. 37, 38, 39, 71, 81, 199, 239, 241, 242, 419.

3) Терновскій, Акты Русскаго на св. Аѳонѣ монастыря, стр. 369; Флоринскій, Аѳонскіе акты, стр. 28, 99; Tafel und Thomas, Urkunden, I, p. 473.

шихъ подъ власть латинянъ, безспорно, важное значеніе имѣютъ документы, приводимые г. Макушевымъ. По точнымъ указаніямъ категорій лицъ, которымъ можетъ быть даваема пронія, по яснымъ опредѣленіямъ условій пожалованія и наконецъ по указаніямъ свойства и размѣровъ службы, какая должна идти съ проніи, венеціанскіе документы остаются самымъ важнымъ и надежнымъ матеріаломъ къ постановкѣ вопроса объ историческомъ значеніи проніи. Краткія, не всегда ясныя и во многихъ случаяхъ непрямыя свидѣтельства византійскаго происхожденія становятся до нѣкоторой степени вразумительными и получаютъ значеніе при сопоставленіи съ венеціанскими. Между прочимъ важны выраженія: pronia ad beneplacitum; suis meritis acquisivit beneficium; beneficium confirmare; fuerit caput et proniarius territorii (ville); respondendo et dando pro dicta villa... Венеціанскіе документы показываютъ также, что пронія имѣла свое развитіе и ростъ въ періодъ отъ XIII по XV столѣтіе. Изъ нихъ можно видѣть стремленіе проніаровъ обратить условное пожалованье въ вотчинную собственность, равно какъ заботу правительства не лишать проніарскую землю основнаго характера ея, т. е. пожалованья за службу и ради опредѣленной службы.

Обширное собраніе совершенно однородныхъ съ разсмотрѣнными памятниковъ, также извлеченныхъ изъ венеціанскаго архива, представляется въ трехтомномъ изданіи г. Саѳы [1]). «Если, говоритъ издатель, архивы Венеціи заключаютъ въ себѣ документы первостепенной важности для исторіи европейской, то Греція съ бо́льшимъ еще правомъ можетъ считать эти архивы главнѣйшимъ источникомъ для своей средневѣковой исторіи. Данница Византіи до эпохи крестовыхъ походовъ, владычица больше чѣмъ четверти кусковъ, вырванныхъ у греческой имперіи, Венеція по своей цивилизаціи, торговлѣ, учрежденіямъ и политикѣ были скорѣе греческимъ, чѣмъ итальянскимъ городомъ. Признаютъ византійское вліяніе не только въ языкѣ, въ одеждѣ и въ обычаяхъ венеціанскихъ, но даже въ названіяхъ различныхъ республиканскихъ должностей, которыя суть не что иное какъ простой переводъ соотвѣтствующихъ византійскихъ [2]). Что особенно поражаетъ

1) Sathas, Documents inédits. Paris 1880 – 1882.

2) Ibid., II. Préface.

насъ послѣ ознакомленія съ сборникомъ г. Саѳы, это почти полное отсутствіе матеріаловъ для исторіи проніи. Тоже правительство и въ туже самую эпоху въ Дубровникѣ и Албаніи подтверждаетъ старыя проніи и раздаетъ новыя, между тѣмъ какъ на островахъ слѣдуетъ другой системѣ, не имѣющей съ проніей ничего общаго (Affictus)[1]).

Наконецъ, что касается собственно византійскихъ областей, существованіе проніи можетъ быть подтверждено памятниками XIV и XV вв. Процессъ развитія проніи и на византійской почвѣ тотъ же самый, что въ венеціанскихъ владѣніяхъ. Именно замѣчается стремленіе, чтобы условное, личное и временное пожалованье обратить въ наслѣдственную собственность (вотчину). Такъ Андроникъ Палеологъ соглашается на просьбу переписать οἰκοναμίαν въ γῆν γονικὴν или обратить οἰκοναμίαν во владѣніе κατὰ λόγον γονικότητος [2]). Послѣдній предѣлъ, до котораго достигла византійская пронія и къ которому, очевидно, она имѣла постоянное тяготѣніе, представляетъ собой пожалованье сыновьямъ Гемиста Плиѳона замка Фанара и округа Вризы въ наслѣдственное владѣніе, но только въ мужскомъ колѣнѣ и подъ условіемъ маіората [3]). Этотъ памятникъ въ вопросѣ о проніи долженъ быть поставленъ рядомъ съ одновременнымъ и однороднымъ съ нимъ, именно съ грамотой боснійскаго короля Степана Томашевича логоѳету Степану Ратковичу [4]), которою проніарское владѣніе обращается въ «баштину».

II. Попытка объясненія терминовъ: аффиктъ и пронія.

Изъ предыдущаго видно, что движеніе слова пронія можно прослѣдить отъ конца XI до половины XV в. И такъ, не можетъ быть сомнѣнія, что пронія была органическимъ явленіемъ въ византійскомъ землевладѣніи и администраціи, что эта форма владѣнія и управленія

1) Если мы не пропустили чего-нибудь при довольно спѣшномъ знакомствѣ съ сборникомъ г. Саѳы, то можемъ сослаться только на III т., р. 412—413: item pronie, que date sunt contra consvetudinem Insularum, de cetero non dabuntur nisi cum utile communis et secundum consvetudines illarum Insularum; — pronia que fuit Nicolai de Durachio.

2) Sathas, Μεσαιωνικὴ Βιβλιοθήκη, I, p. 239, 240, 242.

3) Miklosich, Acta, III, p. 173—176, 225—227.

4) Rački, Rad jugoslavenske Akademije, 1867, кн. 1, стр. 156.

раздѣляема была вмѣстѣ съ греками еще южными славянами и съ XIII в. усвоена была венеціанцами по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ изъ доставшихся имъ областей. Доселѣ мы слѣдили только за словомъ пронія, не входя въ объясненіе круга понятій, подразумѣваемыхъ подъ этимъ словомъ. Теперь намъ предстоитъ заняться анализомъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ приведенныхъ выше или указанныхъ матеріаловъ, дабы на основаніи совокупности всѣхъ наличныхъ средствъ придти къ пониманію учрежденія проніи. Мы отмѣтили рядъ терминовъ, которые или являются замѣстителями проніи, или выражаютъ какое-либо отдѣльное ея свойство, или же наконецъ имѣютъ къ ней отношеніе. Эти термины нужно поставить во взаимную связь и дать имъ толкованіе.

Аффиктъ не имѣетъ къ проніи непосредственнаго отношенія, обозначая систему землевладѣнія, существенно отличающуюся отъ проніарской. Но мы не могли не остановиться на этомъ терминѣ по тому, что въ такомъ новомъ вопросѣ какъ пронія далеко не излишни и обходные пути: выяснивъ положительную сторону аффикта, мы пріобрѣтемъ точное понятіе объ одной формѣ эксплуатаціи государственныхъ земель. Съ другой же стороны, въ сборникѣ важнѣйшихъ матеріаловъ по исторіи проніи, которому и мы многимъ обязаны и къ которому долго еще будутъ обращаться другіе, аффиктъ и объясненъ не совсѣмъ правильно по отношенію къ проніи и заключеніе объ немъ сдѣлано не точное [1]),—обстоятельство легко оправдываемое тѣмъ, что именно въ Дубровникѣ и Албаніи, куда относятся извлеченные г. Макушевымъ документы, аффиктъ повидимому имѣлъ весьма ограниченную сферу дѣйствія.

Венеціанскіе документы, изданные г. Саѳой, бросаютъ яркій свѣтъ на массу темныхъ вопросовъ, входящихъ въ область государственнаго хозяйства, землевладѣнія и податной системы и должны быть отнесены въ разрядъ столь же важныхъ источниковъ, каковы монастырскіе акты, изданные Миклошичемъ и другими. Можно лишь пожалѣть, что г. Саѳа и на этотъ разъ не снабдилъ свое изданіе облегчающими приспособленіями: не присоединилъ указатели именъ и — что особенно было бы важно — техническихъ терминовъ.

---

1) Имѣемъ въ виду статью г. Макушева, стр. 16 и 20 (№ 10).

Самый обыкновенный и особенно излюбленный правительствомъ республики способъ распоряженія землями была отдача въ долгосрочную аренду. Не стѣсняясь частнымъ правомъ, Венеція сдаетъ въ аренду массу большихъ и малыхъ участковъ какъ населенныхъ, такъ и пустопорожнихъ, равно какъ замки, дома, рыбныя ловли, соляныя варницы, наконецъ особыя статьи государственныхъ сборовъ (подымная подать), въ аренду идутъ цѣлыя области (острова). Эта система была хорошо выработана и обставлена сложными правилами и ограниченіями. Аффиктъ есть терминъ для обозначенія найма и обязательствъ арендатора.

Обращаясь съ наблюденіями надъ употребленіемъ слова аффиктъ въ сборникѣ г. Саѳы къ документамъ проф. Макушева, мы замѣтимъ слѣдующее. Въ сущности только одно постановленіе Большаго Совѣта, именно 7 іюня 1443 г. [1]), можетъ вести къ предположенію, что есть связь между понятіями «держать пронію» и tenere ad affictum. Но и это мѣсто относится не къ проніару, а къ стипендіарію или пансіонеру республики и такимъ образомъ не имѣетъ связи съ проніей [2]). Вообще выраженія «terrena или territoria laborare» и «tenere ad affictum» указываютъ на совершенно иную форму владѣнія, чѣмъ «dare или concedere villam, castrum, terram, vineam». Во второмъ случаѣ разумѣется сложная система проніарскаго владѣнія [3]), въ первомъ — арендное содержаніе подъ условіемъ взноса установленнаго аффикта. Пронія было пожалованье за оказанныя услуги и подъ условіемъ несенія опредѣленной службы; въ аффиктѣ же на первомъ планѣ стоитъ элементъ экономическій: земля отдается съ обязательствомъ улучшенія ея производительности, на опредѣленный и въ контрактѣ выговариваемый срокъ, съ точно обозначенной платой; главное же земля сдается съ публичнаго торга. Надѣленіе проніей зависѣло отъ государства; сдачей же земель въ аренду завѣдывала мѣстная власть (баилъ).

Въ документахъ г. Саѳы находимъ множество драгоцѣнныхъ подробностей о хозяйственной системѣ Венеціи. На обязанности отправ-

---

1) Тамъ же, стр. 10.
2) Sathas, Documents, I, p. 22.
3) Обычная формула надписанія проніей: debeat tenere или habere et possidere, quousque fecerit et operatus fuerit ea, que sint honoris dominationis nostre...

ляемыхъ въ провинціи чиновниковъ лежало прежде всего подробное ознакомленіе съ ввѣреннымъ краемъ и съ его экономическими нуждами. По донесеніямъ баиловъ сенату можно прослѣдить экономическое положеніе той или другой провинціи за довольно продолжительный періодъ. Объ истеченіи срока арендъ, равно какъ о поступленіи въ арендное содержаніе новыхъ земель и разныхъ доходныхъ статей, предварительно публиковалось во всеобщее свѣдѣніе, дабы всякій желающій записался и къ назначенному сроку, въ теченіе котораго могъ ознакомится съ доходностью участка, явился на публичные торги [1]. Участвовать въ торгахъ и брать землю въ аренду могли всѣ; только для евреевъ дѣлается исключеніе [2]. Правительство строго слѣдило за тѣмъ, чтобы арендаторъ не истощалъ, но улучшалъ имѣніе, для чего время отъ времени назначались ревизіи [3]. Хозяйственныя соображенія при отдачѣ земель въ аффиктъ особенно ясны въ распоряженіяхъ, измѣняющихъ краткосрочную аренду въ долгосрочную. Арендаторъ, взявшій имѣніе на краткій срокъ, не имѣетъ побужденій развивать производительныя силы земли, но эксплуатируетъ и съ возможно мелкими затратами, лишь бы получить хорошій доходъ [4]; чтобы предупредить полное истощеніе земель, вводится отдачи въ аффиктъ на 10 лѣтъ, но всего чаще на 29 съ правомъ возобновлять контрактъ по истеченіи срока (per annos 29 ad renovandum). Только за рыбными ловлями удерживается краткосрочная аренда на два года. Цѣна аффикта обозначалась на торгахъ, но аренда сдавалась plus offerenti.

Можно удивляться точности финансовой и податной системы республики. Правительству до подробностей были извѣстны производительныя силы каждой области, въ центральныхъ приказахъ хранились писцовыя книги и инвентари, по которымъ всякій легко могъ убѣдиться выгодна или нѣтъ сдаваемая въ аренду статья [5]. Если арендаторъ оказывался слишкомъ крутымъ хозяиномъ и желалъ неспра-

---

1) Sathas, II, 142; III, 143.

2) Обыкновенная формула сдачи въ аренду: affictare ad publicum incantum, или per incantum publicum, plus offerenti. Объ евреяхъ, II, 85.

3) Ibid., I, 193.

4) Прекрасныя мѣста, II, p. 162, 261.

5) Ibid., II, 142.

ведливаго и скораго обогащенія, крестьяне уличали его въ несоблюденіи условій контракта, ссылаясь на свои катастихи, что вело иногда къ уничтоженію аффикта[1]). Въ аренду отдавались и отдѣльные виды сборовъ, какъ καπνικὸν и разныя ангаріи[2]). Арендныя цѣны на цѣлыя области и отдѣльныя статьи, обозначеніемъ которыхъ богаты наши памятники, могутъ привести къ любопытнымъ выводамъ объ экономическомъ положеніи венеціанскихъ владѣній въ XV в.

Совершенно отдѣльно стоитъ отдача въ аренду, вѣроятно секуляризованныхъ, церковныхъ имуществъ, о чемъ свидѣтельствуютъ изданные Тафелемъ документы[3]). Такимъ образомъ, система отдачи помѣстій въ долгосрочную аренду не можетъ быть смѣшиваема съ проніей. Лишь въ переносномъ смыслѣ аффиктъ можетъ имѣть приложеніе и не къ арендному содержанію, а къ пожалованью въ пронію или въ ленъ[4]), причемъ однако онъ опредѣляется какъ census или decima. Выраженія «affictus juxta consvetudinem или secundum usum paisii» указываютъ по нашему мнѣнію, на различные пріемы и нормы податнаго обложенія въ разныхъ областяхъ. Небольшое число сохранившихся писцовыхъ книгъ (катистихи, практики) свидѣтельствуетъ, что разность обложенія одного тягла колеблется между 1 и 5 иперпирами.

Наконецъ что касается родины системы аффикта, то скорѣй можно думать, что венеціанцы принесли его изъ Италіи, чѣмъ заимствовали изъ Византіи. Не говоря уже о томъ, что термина affictus нѣтъ въ византійскихъ памятникахъ (имѣется соотвѣтствующій ἐμφύτευσις), въ самыхъ венеціанскихъ документахъ попадается указаніе, что образцы греческаго аффикта копируются по итальянскимъ[5]). Итакъ аффиктъ и пронія существенно разнятся и по внутреннему характеру и по про-

---

1) Ibid., II, 190.

2) Ibid., II, 63, 122; III, 147, 414, 415; III, 68—69, 441 и мн. др.

3) Tafel und Thomas, Urkunden, III, 382: habere debeas monasteria omnia patriarchatus ad affictum (на 5 лѣтъ), solvendo annuatim pro affictu eorum.....

4) Sathas, III, 430: sed solvere debeat pro affictu seu censu annuali dicti feudi; ср. Макушевъ, стр. 13.

5) Ibid., II, 162: sibi videretur, quod esset bonum et utile pro comodo comunis et dictarum possessionum, quod deberent vendi ad incantum per decenium, plus offerentibus, cum illis modis et conditionibus et formis, quibus vendite sunt possessiones paduanis districtus.

изложенію и если только не поспѣшны наши заключенія, пронія и феодъ не любятъ сосѣдства.

Но какіе же термины находятся въ связи съ проніей, выдерживаютъ сосѣдство ея или даже представляютъ эквивалентныя съ ней понятія? — Мы имѣли передъ глазами довольно многочисленные источники, весьма разнообразную терминологію и довольно широкій кругъ дѣйствія проніи, но не смотря на это, чтобы придти къ нѣкоторымъ выводамъ, должны вновь группировать наши источники по инымъ, разумѣется, категоріямъ.

Прежде всего пронія имѣетъ связь съ привилегіей: лица, получившія пронію, суть [illegible]. Отсюда пронія есть почетное преимущество [illegible], пожалованье [illegible]. Какъ предметъ дара, она обнимаетъ различные предметы: [illegible]. Нерѣдко эквивалентомъ проніи является пожалованіе: [illegible]. Подъ вліяніемъ знакомства съ феодальной системой находили возможнымъ отождествлять пронію съ феодомъ или феодомъ: [illegible] fecit homagium [illegible]... et de suo feudo... [illegible]. Въ венеціанскихъ документахъ бенефиція служитъ эквивалентомъ проніи: suis meritis acquisivit beneficium (in pronoim ad beneplacitum . . . dictum beneficium confirmare.

Сопоставленіе этихъ мѣстъ позволяетъ намъ сдѣлать слѣдующія заключенія: 1) пронія есть пожалованье въ пользу привилегированныхъ лицъ; 2) пронія должна заключать въ себѣ такія черты, которыя позволили иноземцамъ отождествлять ее съ бенефиціей и феодомъ. Само собой разумѣется, если дать широкое значеніе той части свидѣтельствъ, по которымъ греческая пронія соотвѣтствуетъ латинской бенефиціи, то этимъ уже строго намѣчался бы дальнѣйшій путь нашихъ изслѣдованій, именно онъ долженъ бы былъ вывести насъ изъ круга наблюденій надъ греческими памятниками, которые остались бы не использованными.

И именно, нельзя не остановиться вниманіемъ на греческомъ замѣстителѣ проніи — οἰκονομία. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ употребленіе этого слова вмѣсто проніи не можетъ возбуждать ни малѣйшаго сомнѣнія.

Такъ въ царственныхъ актахъ на рыбныя ловли по рѣкѣ Ер-

мону пожалованы стратіоту Михаилу Ангеѣ πρὸς οἰκονομίαν несомнѣнно тоже, что пожалованье Калигопулу εἰς πρόνοιαν τὰ δίκαια τοῦ ποταμοῦ [1]). Въ хризовулѣ Стефана Душана: γῆ ἀποσπασθεῖσα ἀπὸ τῆς οἰκονομίας τοῦ Κουνάλη—значитъ земля отнятая изъ проніи Кунала [2]). Когда въ хризовулѣ въ пользу города Янины обязываются къ военной службѣ только тѣ, которые внесены въ строевые разряды и имѣютъ экономію, — точно также указывается на военную службу съ проніи [3]). Въ пожалованьи Плиѳонамъ «ἀνήκουσα δουλεία» или «ἐκδουλεύωσιν» поставлено въ непосредственное соотношеніе съ «προσόδια καὶ οἰκονομίας αὐτῶν» [4]).

Уже не съ такою ясностью обнаруживается замѣна проніи экономіей у писателей. Но и въ этомъ отношеніи могутъ быть сдѣланы любопытныя наблюденія. У Анны Комниной экономіей называется, хотя и безъ точнаго обозначенія, власть надъ провинціей [5]), каковое употребленіе замѣчено и за проніей; въ другомъ мѣстѣ экономія употреблено вмѣсто честь или достоинство [6]). Съ гораздо большимъ успѣхомъ можемъ ссылаться на терминологію Михаила Акомината. «Очень опечаленъ, пишетъ онъ къ одному другу, узнавъ, что ты не получилъ еще никакой экономіи» [7]). Гдѣ идетъ у него рѣчь о дурной системѣ управленія (Χούμνου οἰκονομία), объ обрученіи Аѳинъ съ властелями, наконецъ о καστρηνοί (κάστρα λαμβάνοντας), угрожающихъ крестьянской собственности, безъ большой натяжки можно усматривать въ этихъ мѣстахъ систему проніи [8]).

Какъ условное владѣніе, экономія представляетъ тѣже стадіи развитія, что и пронія. Послѣдняя имѣетъ тенденцію перейти въ родовую собственность, но подобное же стремленіе замѣчается и въ экономіи. Алексѣй Дипловатаца проситъ переписать его экономію въ вотчину и

---

1) Miklosich, Acta, IV, p. 239—242.

2) Флоринскій, Акты, стр. 102.

3) Χρονογραφία τῆς Ἠπείρου, II, p. 301 — 2: μόνοι οἱ ἀποτεταγμένοι στρατιῶται καὶ ἔχοντες οἰκονομίαν, ὀφείλουσιν ἐκδουλεύειν.

4) Miklosich, Acta, III, p. 173, 226.

5) Anna, I, p. 279: τῷ τηνικαῦτα τὴν οἰκονομίαν τῶν Μανιχαίων ἐμπεπιστευμένῳ; cp. Nicephori Phocae Velitatio, p. 932 (ap. Migne Patrologia, CXVII).

6) Ibid., II, p. 220: χάριν οἰκονομίας καὶ θεραπείας=curae honoris causa.

7) Λάμπρος, II, p. 17.

8) Ibid., II, p. 54, 70, 71, 122, 125; I, p. 310, 311.

*

Ратковичу. Такимъ характеромъ проніи объясняются тѣ случаи, когда правительство во вниманіе къ службѣ проніара, неоплачиваемой доходами съ проніи, назначаетъ ему денежное пособіе [1]).

Вторая черта, существенно важная для выясненія характера проніи, — административно-хозяйственная. Проніаръ столько же служилый человѣкъ, сколько помѣщикъ-землевладѣлецъ. Съ этой точки зрѣнія проніаръ является для насъ предметомъ наблюденія съ двухъ сторонъ: по отношенію къ высшей государственной власти и ея органамъ и по отношенію къ населенію, сидящему на пожалованныхъ ему земляхъ. Въ какой мѣрѣ верховая власть поступалась своими правами въ пользу проніара и въ какія отношенія вставало населеніе къ лицу, получившему пронію?

Политическій характеръ проніара дается находимыми въ актахъ выраженіями: «κεφαλατικεύῃ ἰδίᾳ τε καὶ χωρὶς ἀπὸ τοῦ κεφαλατικίου», что соотвѣтствуетъ «sit caput» латинскихъ актовъ. Ближайшій смыслъ подобныхъ выраженій заключается въ изъятіи проніарскаго владѣнія изъ подъ вѣдомства мѣстной административной власти и въ надѣленіи проніара особыми политическими правами, подразумѣваемыми въ выраженіяхъ κρατεῖν καὶ κεφαλατικεύειν или ἄρχειν [2]). Въ силу подобнаго изъятія проніаръ-кефалія становился администраторомъ въ проніи съ судебными, финансовыми, полицейскими и другими полномочіями. Пытаться опредѣлить точнѣе политическій характеръ проніарскаго владѣнія значило бы однако пускаться въ область догадокъ и предположеній, для которыхъ существующіе матеріалы не представляютъ достаточныхъ основаній. Въ настоящее время нельзя лишь подвергать сомнѣнію судебныя права проніара [3]), для осуществленія которыхъ конечно онъ нуждался въ адми-

---

1) Макушевъ, стр. 17.

2) Обычная формула иммунитата: οὐδεὶς τῆς ἐξ ἡμῶν ἐξουσίας δῶσαι ἐναντίωσίν τινα εἰς τὴν αὐτὴν καβαλαρίαν (Mikl., III, 236);—καὶ ἄρχῃ καὶ κεφαλατικεύῃ παρὰ μηδενὸς τῶν ἁπάντων εἰς τοῦτο διενοχλούμενος (ib., 225);—κεφαλατικεύῃ ἰδίᾳ τε καὶ χωρὶς ἀπὸ τοῦ Καστρίου κεφαλατικίου (ib., 226). Политическій характеръ византійскаго термина (κεφαλή) и славянскаго кефалія въ приложеніи къ губернаторамъ областей: Mikl., IV, 388, 390; III, 237; Терновскій, Акты, стр. 174 и мн. др.

3) Miklosich, IV, p. 81: ὁ δὲ γε λίζιος καβαλλάριος ἐκεῖνος ὁ Συργαρὴς ἐπέπεμψε τὴν τοιαύτην κρίσιν πρὸς τοὺς οἰκοδεσπότας τῆς προνοίας αὐτοῦ. Если бы сохранилось больше актовъ пожалованья въ пронію, то конечно не было бы недостатка въ матеdіалахъ для объяс ненія единственнаго и въ своемъ родѣ и драгоцѣннаго памятника

*

нистративныхъ и полицейскихъ органахъ, стоявшихъ въ его зависимости. Въ связи съ военнымъ и политическимъ характеромъ проніи нужно понимать тѣ оглавленія утраченныхъ новеллъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о лицахъ, получающихъ въ даръ кастры, о возвратѣ, необходимомъ для полученія чести или достоинства (ἀξίωμα, ὀφφίκιον), объ ограниченіи права передачи пожалованій и т. п.

Болѣе указаній имѣемъ мы на хозяйственное и помѣщичье право проніара по отношенію къ сидящему на землѣ его населенію. Жалуя пронію, правительство не поступалось всѣми податными статьями съ нея, но обязывало проніара или вносить въ государственную казну точно опредѣленную сумму, или доходъ съ нѣкоторыхъ и притомъ поименованныхъ статей. Обыкновенная формула: solvere debeat; respondendo et dando pro dicta villa; servire secundum conditionem territoriorum et solvere; debent servire annuatim pro eadem terra amodo inantea pro propriis ejusdem introitus [1]). Право собирать подати и пошлины въ проніи и удерживать часть ихъ въ свою экономію стоитъ въ соотвѣтствіи съ обязательствомъ къ военной службѣ [2]). Но была формальная гарантія этого права, заключающаяся въ установленной обычаями и закономъ податной системѣ. Въ венеціанскихъ документахъ денежная повинность проніара въ пользу государства опредѣляется различными терминами и между прочимъ выраженіемъ affictus, въ греческихъ или спеціальнымъ обозначеніемъ статей, сборъ которыхъ идетъ не въ пользу проніара, или общей ссылкой на писцовыя книги [3]). Въ окладномъ листѣ города Лампсака точно опредѣляется общая сумма доходовъ съ проніи и также точно указано—сколько идетъ въ пользу государства и сколько въ пользу проніаровъ. Но это документъ, къ сожалѣнію, единственный.

Tributa Lampsacenorum, ap. Tafel und Thomas, Urkunden, II, 208. Между другими доходными статьями, подлежащими обложенію, здѣсь упоминаются: Le forfacte et jura et iustitiae per annum, pp. XXXVI.

1) Первые примѣры у Макушева, послѣдній у Тафеля, II, 210.

2) τὴν ἐξ αὐτῶν καὶ παντοίων ἀποφέρεσθαι πρόσοδον=λαμβάνειν ἐντὸς τοῦ προσοδίου αὐτοῦ πάντα τὰ δίκαια = τὰς συνήθεις καὶ τεταγμένας δόσεις (грамоты Скордиламъ и Плиѳонамъ). Сюда относится и статья Законника Стефана Душана о меропьхахъ (изд. Зигеля, ст. 63).

3) Miklosich, III, 226: καθῶς παρεδόθησάν τε καὶ παραδίδονται πρὸς αὐτὸν ἀπογραφικῶς.

Итакъ населенныя земли, поступающія въ пронію, выходили изъ подъ непосредственной власти центральнаго правительства и населеніе становилось въ зависимыя отношенія къ проніару. Общій характеръ положенія зависимаго крестьянскаго населенія (парикъ, парикія) можетъ быть до нѣкоторой степени возстановленъ на основаніи недавно изданныхъ монастырскихъ актовъ, но въ частностяхъ—и именно, что касается париковъ на проніарскихъ земляхъ—свѣдѣнія наши весьма скудны. Относящіеся сюда матеріалы, грамоты на пронію и писцовыя книги, сохранялись въ весьма небольшомъ количествѣ: они хранились не въ монастыряхъ, а въ деревенскихъ общинахъ и приказахъ и имѣли менѣе чѣмъ монастырскіе акты шансовъ уцѣлѣть до нашего времени.

Разнаго рода подати и натуральныя повинности (ангарія), отбываемыя населеніемъ, живущимъ на проніарской землѣ, были установлены обычаями и закономъ. Писцовыя книги, т. е. инвентарь имущественный и хозяйственный, позволяли государству заранѣе опредѣлить сумму доходовъ съ проніи. Проніару предоставлялось удовлетворить потребностямъ военной службы и вносить въ государственную казну установленную сумму, не выходя съ нормы обложенія, т. е. не возвышая налоговъ по своему усмотрѣнію. Въ случаѣ уклоненія отъ этого отъ проніара отбиралась пожалованная земля. Такимъ образомъ помѣщичье право проніара повидимому сближается въ нѣкоторыхъ пунктахъ съ правомъ долгосрочнаго арендатора, который, какъ мы видѣли, арендовалъ какъ доходы съ земли, такъ и съ населенія, но въ послѣднемъ случаѣ также не выходя изъ нормы обычныхъ податей и повинностей.

Но конечно трудно было правильно регулировать отношенія проніара къ государству и подвластному ему населенію. Встрѣчаются случаи, когда проніаръ скрывалъ часть своихъ доходовъ во вредъ для государства. Еще чаще было злоупотребленіе правами относительно крестьянскгао населенія. «Положеніе поселянъ на проніарской землѣ, говоритъ профессоръ Макушевъ, было весьма тяжелое: они должны были платить государству подати, которыя собиралъ съ нихъ проніаръ, исполнять земскія повинности и работы, какъ напримѣръ, ходить на войну, рубить и поставлять лѣсъ и дрова, ловить рыбу, работать при постройкѣ крѣпостей и т. п., и въ тоже время они обязывались платить проніару перперъ въ годъ и положенное число дней безвозмездно

косить ему сѣно и обработывать его виноградники или исполнять иную работу».

Между документами, изданными г. Саѳою, есть два [1]), особенно яркими красками рисующіе отношенія крестьянскаго населенія къ кондукторамъ или аффиктаторамъ. Въ апрѣлѣ 1407 г. возникло дѣло крестьянъ селеній Cavodato, Prolipsimades, Armenades и Sterminades на островѣ Корфу. Тогдашній баилъ и капитанъ острова, Николай Фоскари, отдалъ эти селенія въ аффиктъ, срокомъ на пять лѣтъ, нѣкоторымъ очевидно благороднаго происхожденія лицамъ: Ферамонту de S. Ypolito и Гвидону Дармари. Цѣна аффикта опредѣлена въ 1001 иперпиръ на годъ. Означенные господа, далѣе названные кондукторами, стали притѣснять крестьянъ вымогательствами и выжимали изъ нихъ вдвое противъ того, что тѣ обычно платили республикѣ, возложивъ на нихъ такія повинности, какихъ они прежде не знали, и подвергая ихъ всяческому разоренію. Крестьяне отправили въ Венецію выборныхъ съ жалобой, прося центральное правительство обратить вниманіе на ихъ положеніе и уничтожить контрактъ аффикта. Большой Совѣтъ внялъ просьбѣ крестьянъ и приказалъ баилу разслѣдовать дѣло и принять мѣры къ обузданію несправедливыхъ и жадныхъ кондукторвъ, если бы справедливы оказались жалобы крестьянъ [2]).—По всей вѣроятности, баилу хотѣлось замять это дѣло. По крайней мѣрѣ отзывъ его центральному правительству заставляетъ такъ предполагать. Именно онъ отвѣчалъ, что такъ такъ крестьяне не явились, по его приглашенію, заявить въ подробности, въ чемъ они считаютъ себя несправедливо притѣсняемыми, то и дѣло это можно считать поконченнымъ. Но крестьяне снова обратились съ жалобой въ Венецію и хлопотали весьма энергично. По ихъ словамъ, приводимымъ въ документѣ отъ 27 сентября 1407 г., положеніе дѣла все болѣе ухудшается. Не будучи въ состояніи платить налагаемые на нихъ поборы, они принуждены бросать свои хозяйства. Многія семьи уже оставили свои селенія и ушли по разнымъ мѣстамъ; есть опасность, что если правительство не при-

---

1) Sathas, Documents, II, p. 169, 190.

2) Ibid., p. 170: debeat providere et mandare dictis conductoribus, quod aliquo modo non debeant artare nec angarizare dictos villanos in denariis nec aliis angariis, ultra illud in quo tenebantur et solvebant communi nostro.

иетъ необходимыхъ мѣръ, то начнется общее выселеніе съ острова. Они присоединяли, что названные кондукторы заключили нѣкоторыхъ изъ нихъ въ темницы и отняли у нихъ катастихи, въ которыхъ обстоятельно изложено чѣмъ они повинны бароніи[1]); что впрочемъ они готовы исполнять тѣ повинности и вносить тѣ подати, которыя основаны на ихъ древнихъ катастихахъ, всегда соблюдаемыхъ.—Находя серьезнымъ положеніе дѣлъ, правительство отдало приказъ баилу и его преемникамъ: вытребовать у означенныхъ кондукторовъ катастихи той бароніи. Крестьяне должны платить только то, что окажется по этимъ катастихамъ, а болѣе ни въ какомъ случаѣ. Притомъ, если бы не оказалось нужныхъ катастиховъ, то баилу вмѣнялось въ обязанность навести тщательныя справки въ канцеляріи острова Корфу о копіяхъ съ подобныхъ катастиховъ, или, если окажется возможнымъ, отыскать прежнія привиллегіи, въ которыхъ изложено—какія подати и повинности обязаны нести названные крестьяне въ пользу бароніи. И согласно тому, что окажется по этимъ катастихамъ или привиллегіямъ, крестьяне обязываются уплачивать и исполнять. — По случаю этого крестьянскаго движенія баилъ долженъ былъ явиться въ Венецію для личныхъ объясненій[2]).

Разсказанное нами дѣло о крестьянахъ на островѣ Корфу поучительно въ слѣдующихъ отношеніяхъ. Писцовыя книги или окладные листы составляли единственное средство разобраться въ весьма сложномъ податномъ вопросѣ и самую прочную гарантію противъ злоупотребленій помѣстнымъ правомъ. И въ настоящее время, также какъ въ XV в., въ писцовыхъ книгахъ кроется разгадка экономическаго и политическаго положенія крестьянскаго населенія. Но въ интересахъ помѣстнаго владѣнія было какъ можно менѣе сообразоваться съ писцовыми книгами, и катастихи постепенно уничтожались. Такимъ образомъ, современный изслѣдователь, почти лишенный самаго вѣрнаго вспомогательнаго средства въ катастихахъ, едва ли можетъ питать

1) Ibid., p. 190. Къ объясненію мѣста: dicta casalia, que fuerunt baronia comitis de Martina — habendo prerogativas et regalias, prout si Baro viveret. Значитъ, въ аффиктъ сдано было ленное владѣніе, за смертію владѣльца, перешедшее въ опеку или въ полное распоряженіе государства.

2) О катастихахъ Ibid., II, p. 142; III, p. 31. Бѣгство съ Негропонта тысячи семей изъ-за подымной подати — ibid., II, p. 63, 122; III, p. 147, 414, 415.

надежду правильно понять и разъяснить экономическое положеніе населенія, сидѣвшаго на проніарской землѣ.

Чтобы вполнѣ исчерпать находящіеся въ нашемъ распоряженіи матеріалы, мы можемъ еще коснуться нѣсколькихъ вопросовъ, относящихся къ проніи. Не можетъ быть сомнѣнія, что пронія выросла и развивалась на почвѣ государственныхъ казенныхъ земель. Въ пронію отдавались тѣ земли и тѣ доходныя статьи, которыя не принадлежали частнымъ владѣтелямъ, т. е. церкви, высшему родовому дворянству и властелямъ. Въ самомъ началѣ пронія повидимому была средствомъ къ сохраненію земель отъ перехода въ частное и вотчинное владѣніе,— опасность, съ особенною силой угрожавшая Византіи въ X и XI в. Изъ многочисленныхъ грамотъ монастырямъ, въ числѣ многообразныхъ изъятій, которыми жаловались монастырскія земли, ни въ одномъ случаѣ не встрѣчается ни указанія, ни намека на изъятія монастырскихъ владѣній отъ отдачи въ пронію. Между тѣмъ какъ этого рода царская милость должна бы играть главную роль, если бы пронія развивалась на почвѣ монастырскихъ земель. Точно также и родовыя земли не обращаются въ проніарскія, а замѣчается обратный ходъ дѣла: условное или помѣстное владѣніе κατὰ λόγον προνοίας стремится перейти въ наслѣдственность κατὰ λόγον δεσποτείας. Но что всего любопытнѣе и что должно конечно имѣть рѣшающее значеніе въ вопросѣ о происхожденіи проніи—немногочисленные случаи иммунитета отъ проніи всѣ относятся къ крестьянскому землевладѣнію и притомъ въ областяхъ съ славянскимъ населеніемъ[1]).

Въ разсужденіи проніарскаго владѣнія государство оберегало право свободнаго распоряженія проніями и принимало предупредительныя мѣры, чтобы съ одной стороны проніаръ не пріобрѣталъ покупкой смежныхъ крестьянскихъ земель и не обращалъ ихъ въ свою

---

1) Таково освобожденіе отъ проніи селенія Ободъ: che... sono sta franchi de decatario, de ducato e de sorbina e de proniario; общины Улькина: de territoriis et rusticis et villis, que dari non debeant in proniam, sumus cententi, quod fiat; Скадарской общины: nostri campi — ne ti occupandi per li proniarii; — всѣ примѣры изъ статьи г. Макушева, стр. 18. Указаніе на такое же изъятіе мы видимъ въ грамотѣ городу Яннинѣ, Chronographia, p. 300: ἀλλὰ μὴν οὐδὲ ἕτερον ἀπὸ τῶν ἄλλων κάστρων τῶν προσελθόντων ἀρτίως εἰς τὴν ὑποχειριότητα τῆς βασιλείας μου ἢ καὶ τῶν μελλόντων ὡσαύτως ἀπὸ τῶν ἐκεῖσε ἑτέρων κάστρων προσελθεῖν καὶ γενέσθαι τῆς βασιλείας μου, δοθήσεται πρός τινα τῶν ἁπάντων καὶ τῆς βασιλικῆς ἐξουσίας καὶ ὑποταγῆς ἀποκοπήσεται.

вотчину, такъ какъ было желательно, чтобы эти земли всегда могли быть обращены въ новую пронію; съ другой же, чтобы пронія оставалась условнымъ и личнымъ владѣніемъ, немогущимъ подлежать ни продажѣ, ни переходу въ другія руки по завѣщанію или дару[1]). Но какъ мы знаемъ, эти предупредительныя мѣры не въ состояніи были воспрепятствовать постепенному росту и развитію проніарскаго владѣнія, которое въ концѣ концовъ переходитъ въ наслѣдственное и не подлежащее свободному распоряженію государственной власти.

Намъ остается сдѣлать нѣсколько выводовъ изъ предыдущаго разсужденія и бросить общій взглядъ на значеніе и судьбу проніи въ XI—XV вѣкахъ

III. Общіе выводы о значеніи проніи.

Характеръ проніи до нѣкоторой степени опредѣляется слѣдующими отрицательными признаками. Пронія отличается отъ аффикта по существу, ибо послѣдній не есть собственно владѣніе, а обусловленная контрактомъ аренда, сдаваемая plus offerenti; отличается отъ него и по цѣли, ибо въ аффиктѣ на первомъ планѣ стоятъ хозяйственныя улучшенія (aliqua melioramenta), а въ проніи военная служба. Пронія не есть вотчинная или родовая собственность, такъ какъ проніаръ не можетъ продавать, завѣщать или дарить жалуемую ему землю. Пронія также далеко отъ сеніоріальнаго владѣнія въ западноевропейскомъ смыслѣ, ибо проніей на разрывается «Unterthanenverband», равно какъ надѣленіе проніей не сопровождается никакими признаками личной присяги и инвеституры. Наконецъ, пронія развивается не на почвѣ монастырскаго или церковнаго землевладѣнія, ибо въ довольно значительной массѣ жалованныхъ грамотъ въ пользу церквей и монастырей ни разу не встрѣчается указанія на освобожденіе церковныхъ земель отъ поступленія въ пронію.

---

1) Такое толкованіе мы даемъ единственному въ этомъ родѣ мѣсту ap. Miklosich, Acta, IV, p. 199: καὶ μὴ ὀφείλειν τοὺς ὑποτελεῖν πιπράσκειν τὰ παρ᾽ αὐτῶν κατεχόμενα πρὸς τοὺς κατὰ λόγον προνοίας ἔχοντας αὐτὰ ὡς ὑπὸ τὴν τοῦ δημοσίου χεῖρα ἀείποτε τελοῦντα. Сравнить въ Законникѣ Стефана Душана (изд. г. Зигеля) ст. 58: Пронію да нѣсть вольнь никто продати, ни купити.... Оть проніарске земли да нѣсть вольнь никто подложити подь црьковь...

Но пронія заключаетъ въ себѣ такіе положительные признаки, которые сближаютъ ее съ бенефиціей. Скажемъ болѣе, пронія не можетъ быть понята и оцѣнена, если выдѣлить ее изъ связи съ бенефиціей. Будучи условной формой владѣнія, какъ та, такъ и другая носитъ въ себѣ одинъ и тотъ же политическій принципъ. Западная бенефиція имѣла свой процессъ развитія, завоевавъ наслѣдственность и право сеніорита. Восточная пронія могла бы выработаться въ такую же форму[1]). Но она встрѣтила весьма существенныя препятствія, заключающіяся въ свободной поземельной собственности и въ довольно крѣпкой крестьянской общинѣ, перенесенной въ Византію со славянами. Съ этой точки зрѣнія византійская пронія представляетъ собой подготовительную стадію развитія западныхъ феодальныхъ порядковъ, слѣдовъ которой въ западной исторіи почти не сохранилось.

Какъ происхожденіе проніи, такъ и процессъ ея развитія представляетъ не мало аналогій съ бенефиціей. Византійская имперія пришла къ сознанію необходимости раздачи земель въ пронію въ виду такихъ же обстоятельствъ, что западная къ раздачѣ бенефицій. Несомнѣнно также, что пронія должна быть разсматриваема какъ противовѣсъ тому порядку вещей, который угрожалъ поглотить мелкое землевладѣніе и который засвидѣтельствованъ новеллами X и XI в.

Въ другомъ мѣстѣ мы пытались показать[2]), что новеллы царей Македонской династіи не могутъ быть приводимы въ доказательство, будто мелкая крестьянская собственность въ XI в. была уничтожена крупнымъ землевладѣніемъ и будто свободное крестьянское населеніе обратилось въ зависимое. Наоборотъ, законодательствомъ X и XI в. общинное землевладѣніе поставлено было подъ защиту государства, и ему дана возможность вести успѣшную борьбу съ властелями и съ крупнымъ землевладѣніемъ. Законъ предпочтенія (προτίμησις) при отчужденіи недвижимыхъ имуществъ, оберегающій интересы крестьян-

---

1) Имѣемъ въ виду военную цѣль при пожалованіи проніей. Проніаръ обязывался содержать военную дружину и конечно могъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, доводить ее до значительнаго числа. Въ этомъ отношеніи можно указать на слѣд. мѣста: Cinnami p. 257 — 258: στρατεύματος ἰδίᾳ κατάρχων; Curopalatae, 715; Miklesich, Acta, I, p. 458; 67.

2) «Къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія въ Византіи» — статьи, начатыя печатаніемъ въ Журн. Мин. Народнаго Просв. за 1883 г.

ской общины, дѣйствующій въ XII и XIII в. и какъ руководство вошедшій въ практику провинціальныхъ судей—обезпечивалъ мелкое землевладѣніе противъ покушеній мѣстныхъ помѣщиковъ, разбогатѣвшихъ крестьянъ и чиновниковъ вторгаться въ земли крестьянской общины.

Тѣмъ не менѣе въ концѣ XI в. византійское правительство, побуждаемое дѣйствительно чрезвычайными обстоятельствами, рѣшилось наложить руку на крестьянское землевладѣніе. Нуждаясь въ средствахъ и служилыхъ людяхъ, византійскіе цари, не производя секуляризаціи церковныхъ имуществъ и не посягая на родовыя вотчины высшей аристократіи и дворянства, получили возможность удовлетворить насущныя потребности государства раздачей свободныхъ крестьянскихъ земель въ условное и временное владѣніе. Сначала могла быть это временная и не общая мѣра, но съ теченіемъ времени ей суждено было обратиться въ систему, подобно тому какъ и произведенная Каролингами секуляризація была лишь временной—въ виду экстренныхъ обстоятельствъ мѣрой [1]). Болѣе обычнымъ повидимому правиломъ при надѣленіи проніей было, чтобы жалуемое лицо принадлежало къ жителямъ той мѣстности, которая давалась въ пронію [2]). Если такимъ образомъ допустить, что первоначально проніаромъ становился сельскій старшина или вообще вліятельное лицо изъ крестьянскаго міра, то это могло значительно облегчить привилегіи новой системы и не вызвать упорной борьбы, которая бы иначе должна была сохраниться въ лѣтописи и въ актахъ.

Что касается процесса развитія проніи, онъ обусловливался еще слѣдующими обстоятельствами. Царь Андроникъ нанесъ сильный ударъ системѣ Комниновъ: при немъ конфискована была масса частныхъ земельныхъ владѣній и крестьянскому вопросу дано было новое движеніе въ смыслѣ защиты свободнаго землевладѣнія. Хотя при Исаакѣ Ангелѣ опять восторжествовала старая система, но обращеніе мелкаго свободнаго землевладѣнія въ зависимое и закрѣпощеніе кресть-

---

1) Capitul. 743 г.: statuimus quoque—propter imminentia bella—ut sub precario et censu partem ecclesialis pecuniae retineamus; или: donec per nos ipsos sive per filios et successores nostros predictam portionem reddi sive restitui faciamus,—ap. Roth, Feudalität und Unterthanenverband, p. 99, 124.

2) Homines deinde въ документахъ Макушева; Pachymer, I, 16.

янства задержано было латинскимъ завоеваніемъ. Никейскій императоръ и деспоты эпирскіе по необходимости должны были держаться либеральной политики и освободительныхъ теорій, чтобы для своихъ подданныхъ создать лучшее положеніе, чѣмъ какимъ пользовались греки подъ латинскимъ господствомъ, а послѣдніе, какъ извѣстно, иногда цѣлыми тысячами переселялись съ земель, находившихся подъ чуждымъ господствомъ. Либеральная грамота Андроника Палеолога въ пользу жителей Янины безъ всякаго сомнѣнія внушена была между прочимъ и желаніемъ сохранить этотъ округъ въ вѣрности царямъ.

При всемъ томъ пронія завоевала себѣ обширное поприще: она является политическимъ учрежденіемъ не только въ Византіи, но и у южныхъ славянъ [1]). Распространяясь географически, она заключала въ себѣ достаточно условій рости и развиваться внутренно. Византійской и южнославянской проніи не удалось преобразоваться въ феодъ, что̀ случилось съ ея латинскимъ двойникомъ, но причина этого заключается не въ свойствахъ самого учрежденія, а во внѣшнихъ условіяхъ. Эти то внѣшнія условія и должны привлекать къ себѣ пытливое вниманіе слависта.

---

1) Къ южнымъ славянамъ она переходитъ не позднѣй XII в. Въ извѣстіи Никиты Акомината (482, 15) о причинахъ, вызвавшихъ неудовольствіе Петра и Асеня на византійское правительство, можно усматривать указаніе на пронію: αἰτούμενοι συστρατολογηϑῆναι Ῥωμαίοις καὶ διὰ βασιλείου γράμματος σφισι βραβευϑῆναι χωρίον τι βραχυπρόσοδον.

Одесса. Январь 1883.

КЪ ВОПРОСУ О БОГОМИЛАХЪ.

Тимоѳея Флоринскаго.

Богомильство безспорно представляетъ одно изъ самыхъ крупныхъ явленій югославянской исторіи. Какъ таковое оно вмѣстѣ съ тѣмъ есть явленіе весьма сложное, далеко еще не вполнѣ разгаданное въ своей сущности и мало разъясненное въ своихъ частностяхъ.

Причину послѣдняго не слѣдуетъ усматривать въ недостаточномъ вниманіи славянскихъ ученыхъ къ самому явленію. Въ настоящее время имѣется цѣлый рядъ болѣе или менѣе хорошихъ изслѣдованій общаго и частнаго характера, посвященныхъ изученію богомильства. Таковы труды Петрановича, Рачкаго, Левицкаго, Королева, Ровинскаго; замѣтки Ягича, Голубинскаго, Пыпина и другихъ русскихъ и южнославянскихъ ученыхъ. Гораздо вѣрнѣе объяснять недостаточную разработку вопроса о богомилахъ скудостью наличнаго историческаго матеріала. Въ самомъ дѣлѣ, до недавняго времени число источниковъ для исторіи славянскаго богомильства было крайне ограничено. Поученія пресвитера Козьмы, житіе Иларіона Могленскаго, синодикъ Бориса, житіе Ѳеодосія Терновскаго, нѣсколько апокрифовъ и краткихъ историческихъ записей и лѣтописныхъ указаній — вотъ все, чѣмъ располагалъ изслѣдователь. Но едва ли слѣдуетъ думать, что этими немногими памятниками и историческими свидѣтельствами исчерпываются всѣ слѣды, оставленные богомильствомъ. Напротивъ есть основаніе допустить, что при тщательныхъ поискахъ за рукописями въ разныхъ частяхъ Балканскаго полуострова, особенно въ Болгаріи, Македоніи, Босніи и при внимательномъ изслѣдованіи уже извѣстныхъ рукописныхъ собраній, какъ русскихъ, такъ и южнославянскихъ, откроются новыя данныя для изученія этой любопытной ереси, имѣвшей безусловно важное политическое, соціальное и культурное значеніе для всего южнаго славянства. Въ пользу такого предположенія, между прочимъ, говоритъ превосходное загребское изданіе «Starine», въ которомъ время отъ времени появляются новые матеріалы для исторіи богомильства (кн. I, III, V, XII). Во всякомъ

случаѣ, въ виду неособеннаго богатства положительныхъ свѣдѣній о славянскомъ богомильствѣ, всякое новое указаніе, всякій новый памятникъ, относящіеся къ этому историческому явленію, получаютъ извѣстную важность даже и тогда, когда содержащіяся въ нихъ данныя не представляютъ какихъ-либо новыхъ, крупныхъ открытій.

На одномъ такомъ памятникѣ я намѣренъ здѣсь остановить вниманіе читателя. Памятникъ этотъ находится въ рукописи, которая стала извѣстной болѣе 25 лѣтъ тому назадъ, нѣсколько разъ была въ рукахъ ученыхъ и, однакоже, доселѣ остается мало изученною.

Лѣтомъ прошлаго года, путешествуя по Болгаріи, я имѣлъ возможность осмотрѣть небольшое собраніе рукописей Народной библіотеки въ Софіи[1]). Въ числѣ другихъ мнѣ была показана бумажная ру-

---

1) Считаю небезполезнымъ представить здѣсь краткое описаніе этого собранія. Рукописи стали поступать въ Народную библіотеку въ самое недавнее время; никакого каталога имъ доселѣ не составлено. Я отмѣтилъ все, что было на лицо:

12 рукописей и 1 старопечатное изданіе.

Вотъ они:

1. Евангеліе на пергам.; превосходный уставъ XIII—XIV в.; сербская редакція. Въ началѣ недостаетъ нѣсколькихъ листовъ, но въ общемъ рукопись хорошо сохранилась. Въ текстѣ нѣсколько прекрасно исполненныхъ заставокъ. Получена при мнѣ изъ Шумлы.

2. Евангеліе на бумагѣ, въ концѣ попорченное. Письмо сербское XIV в. Рукопись прислана изъ Шумлы.

3. Апостолъ на пергаментѣ; уставъ XIII—XIV в., сербская редакція.

4. Псалтырь — 19 пергаментныхъ листковъ in 4⁰. Сербское письмо XIII в. Присланы изъ Шумлы.

5. Сборникъ особенныхъ молитвословій и послѣдованій разныхъ священнодѣйствій, совершаемыхъ митрополитами и епископами. На бумагѣ; уставъ XIV в.; среднеболгарская редакція. Объ этой рукописи идетъ рѣчь въ настоящей статьѣ.

6. Истрепанный Требникъ, среднеболгарской редакціи. Письмо XV в. (?). Изъ Шумлы.

7. Сборникъ словъ и поученій, на бумагѣ, сербская редакція, письмо XV—XVI в.

8. Сборникъ, на бумагѣ, письмо сербской редакціи XVII в. Рукопись въ хорошомъ кожанномъ переплетѣ, на которомъ вытиснены: S. J. 1728. Въ концѣ рукописи на послѣдней страницѣ историческая запись болѣе поздняго происхожденія. Содержаніе Сборника:

а) Судаць благочестиваго и христолюбиваго, самодержавнаго великаго цр҃я Константина и оустїѣна греческаго.
б) Законникъ царя Душана, весьма любопытн. редакція.
в) «Правила» — выдержки изъ византійскихъ законодательствъ.
г) Сербская лѣтопись.

Рукопись эта списана мною вполнѣ.

9. Повѣсть объ Александрѣ Македонскомъ, безъ начала и конца; на бумагѣ, письмо XVII в., болгарск. редакціи.

10. Громовникъ, молитвенникъ и пасхалія на румынскомъ языкѣ, 1832 г.

11. Отрывокъ изъ Тріоди постной, весьма поздняго письма. Текстъ славянскій, а заглавія къ пѣснопѣніямъ и объясненія къ нимъ писаны по румынски.

12. Паисія исторія Болгаръ, неполный списокъ.

13. Сьбор'никь (Избранная Минея). Напечатанъ въ Венеціи въ 1536—1538 г. На послѣдней страницѣ читаемъ слѣдующее: Азь грѣшныи хбу рабь, Божидарь Вуковикь ѿчьствомь ѿ діоклитійскыихь странахь. вь предѣлѣхь макюдоньскыихь, ѿ града соущ҄ гл҃юмаа подгорица. Видѣвшіи послѣдными врѣмени оть иновѣрныихь юзыкь. великою раздроушеніе и попереніе ст҃ыихь цр҃ковь, и умаленіе бж҃ьствныихь книгь.

копись болгарскаго письма XIV вѣка, безъ начала и конца, весьма любопытная по языку и содержанію. По ближайшемъ разсмотрѣніи она оказалась тою самою рукописью, которая была найдена въ Терновѣ Н. Х. Палаузовымъ и изъ которой извлеченъ былъ извѣстный синодикъ царя Бориса, напечатанный С. Н Палаузовымъ въ XXI кн. «Временника Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ» (1855 г.). Изъ объяснительной замѣтки г. Палаузова, которою сопровождается изданіе памятника, не видно: были ли въ означенной рукописи какія-либо другія статьи кромѣ синодика Бориса. Между тѣмъ оказывается, что она представляетъ довольно объемистый сборникъ, заключающій въ себѣ разныя молитвословія и чины священнодѣйствій, совершаемыхъ высшими іерархами церкви — патріархами и митрополитами. Такъ мы находимъ здѣсь чинъ анаѳематствованія въ недѣлю православія, молитвы на поставленіе кесаря, чинъ обряда «умовенія ногъ», молитвы на праздникъ пятидесятницы и проч. Всѣ эти статьи на столько любопытны какъ матеріалъ для исторіи церковной обрядности, заимствованной южными славянами изъ Византіи, что остается только желать скорѣйшаго изданія если не всей рукописи, то болѣе или менѣе значительныхъ выдержокъ изъ всѣхъ ея отдѣловъ. Получивъ памятникъ въ руки почти наканунѣ своего отъѣзда изъ Софіи, я не имѣлъ возможности переписать его цѣликомъ. Посему, отказываясь здѣсь дать полное описаніе рукописи, сообщу то, что въ ней имѣетъ отношеніе къ богомильству и доселѣ оставалось не вполнѣ извѣстнымъ.

Это новое находится въ первой части рукописи, которая и остановила на себѣ вниманіе г. Палаузова. Во «Временникѣ» онъ издалъ слѣдующія мѣста изъ рукописи: 1) Запись о соборѣ противъ богомиловъ, созванномъ въ Терновѣ въ 1211 г.; 2) Сказаніе объ обновленіи терновскаго патріаршества при Іоаннѣ II Асѣнѣ (1217—1241); 3) Поминовеніе царицъ болгарскихъ и 4) Поминовеніе патріарховъ и митрополитовъ болгарскихъ.

Все это — историческія свидѣтельства первостепенной важности. Но ими не исчерпывается богатый матеріалъ сборника. На первыхъ страницахъ его, предшествующихъ записи о терновскомъ соборѣ,

---

И сего ради обрѣщьшоумисе вь западныихь странахь ѵталскыихь вь мирославствующемь местоу венетіанѣ. . .повелѣніемь гна Божидара воеводѣ. трудихьсе ѡ семь писаніи, азь грѣшныи многоокааннѣиши и мьньши вь иноцѣхь іеродіаконь Моѵси. оть монастыра глѥмаго Дечанохь. иже ѥсть вь странахь Македоньскыихь, блызь великъıихь горь. отьчьствомь же оть мѣста, нарицаемаго Боудимлѥ, блызь монастыра Шѹдиковѣ.

также оказываются данныя, которыя не могутъ не имѣть значенія для исторіи богомильской ереси въ Болгаріи. О нихъ г. Палаузовъ говоритъ слѣдующее: «Отъ 1 до 25 листа, съ перерывами въ разныхъ мѣстахъ, идетъ рядъ тѣхъ отдѣльныхъ вѣрованій и ученій, проклинаемыхъ Православною церковью, которыя старались посѣять въ Болгарской землѣ послѣдователи разныхъ сектъ. Здѣсь рядомъ съ богохульнымъ ученіемъ Манихейцевъ, встрѣчаемъ нѣкоторыя вѣрованія Массаліанъ и Богомиловъ» (Временникъ, кн. 21, стр. 2). На этихъ то «нѣкоторыхъ вѣрованіяхъ Богомиловъ», изложеніе которыхъ не вошло въ изданіе г. Палаузова, я и намѣренъ остановиться въ настоящей статьѣ[1]). Сперва я приведу текстъ этого отрывка изъ рукописи, а потомъ сдѣлаю къ нему нѣсколько замѣчаній. До 13-го листа идетъ перечень разныхъ восточныхъ ересей, проклинаемыхъ православною церковью. Въ этой части «Соборникъ», вѣроятно, представляетъ буквальный переводъ съ греческаго. Стихи отлученія сопровождаются греческими нотами. Заблужденія богомиловъ начинаются съ 13-го листа. Здѣсь мы читаемъ слѣдующее:

«Понеже въселѫкавыи нашь врагь по въсеи блъгарстѣй земли манихейскѫѧ ересь разсѣа смѣсивь сіѫ съ масаліанскоѫ иже таковѣи ереси начѧлникы, анаѳема.

Попа Богомила иже при Петрѣ цари блъгарстѣмь въспріемшаго манихеискѫѫ сіѫ ересь и въ блъгарстѣи земли разсѣавшаго. кь сімь же и се прирекшаго, ꙗко въ привидѣни х҃с б҃ъ нашь ѿ с҃тыѫ б҃цѫ и приснод҃вы Маріѫ родисѧ и въ привидѣни распѧтсѧ и о бж҃снѫѫ плъть вънесе и на въздоусѣ остави, рекшеи и того бывшеи, нинѣ сѫщіи ученици и ап҃ли нареченіи, анаѳема.

И въсѧ иже въ ереси тои и обычаѫ ихь и нощнаа ихь събраніа и таиньства и не полезнаа ихь ученіа и ходѧщихь съ ними, анаѳема.

Любѧщихсѧ съ ними и съ ними въ разоумѣ ꙗдѫщихь и піѫщихь и дары ѿ нихь въземлѧщихь, ꙗко единомыслъны тѣмь, анаѳема.

Иже іуніа м҃ца кд дьнь на рождьство Іоанна Крестителѣ творѧщихь влъшвеніа и плодовь влаченіа и елика въ тѫ нощь скврънаа творѧть таинства и еллинстѣи службѣ подобнаа, анаѳема.

Иже сатанѫ видимѣи твари творца наричѧщихь быти и иконома нарицаѫщихь дьждеви и граду и въсему исходѧщомоу ѿ земѧ, анаѳема. Гл҃ѧщихь адама и еввѫ сатана създа анаѳема.

1) Не лишне здѣсь замѣтить, что эта замѣчательная рукопись была въ рукахъ у покойнаго А. Ѳ. Гильфердинга, который привелъ нѣсколько строкъ изъ занимающаго насъ отрывка въ своей «Исторіи Сербовъ и Болгаръ» въ Собр. сочин., т. I, стр. 131, примѣчаніе.

Иже Моѵсеа боговидца и Илїѫ өезвитѣнина и прочаѧ с҃тыѫ пророкы и патрїархы и ꙗже ѿ б҃а тѣхь свщ҃енная писанїа отмещѫщихь и гл҃ѧщихь ꙗко сатанина сѫть и ѿ того движеми съписашѫ еже съписашѫ и ꙗже рекошѫ о х҃ѣ и не хотѧще нѫждеѫ глашѫ и сего радї иже елико въ ветсѣмь законѣ книгы написаныѫ, и еликоже въ немь вьсїавшѫѧ с҃тыѫ пророкы отметаѫщѫѧ богомилы. анаөема.

Гл҃ѧщеи ꙗко жена зачинаеть вь чрѣвѣ съ дѣлованїемь сатанином прѣбываетже оттѫду сатана не отстѫпно даже и до рождьства младенцу, с҃тыимь же крьщенїемь не мощи отгнану быти нѫ молитвоѫ тъкмо и постомь, гл҃ѧщихь убо тако, анаөема.

Иже кр҃стителю іоанну рѫгаѫщихсѧ и гл҃ѧщихь ꙗко от сатаны есть тои и еже въ водѣ кр҃щенїе и сего ради воднаго кр҃щенїа отвращаѫтсѧ, и без воды едино рекше о҃че нашь кръщаѫтсѧ, анаөема.

Иже въ цр҃квахь свщ҃енныихь и бж҃твныихь пѣнїи вьсѣхь и самого дому бж҃їа еже есть цр҃кви отвращаѫщесѧ, и тькмо о҃че нашь на приключившимьсѧ мѣстѣ гл҃ѧщихь пѣти анаөема.

Иже с҃тѫѫ и свщ҃еннѫѫ службѫ и вьсе с҃тительское строенїе отмещѫщихь и рѫгаѫщеся гл҃ѧщихь, ꙗко сатанина сѫть изьобрѣтанїа, анаөема.

Иже причѧстїе чьстнаго тѣла г҃а нашего іс҃. х҃а отмещѫть и рѫгаѫтсѧ, ꙗко вьсего еже о х҃ѣ іс҃ѣ г҃и нашемь нашего ради сп҃сенїа бывшаго съмотренїа таиньство отмѣтаѫщесѧ. анаөема.

Иже отмѣтаѫтсѧ поклонѣнїа чьстнаго и животворѧщаго кр҃та и с҃тыихь и свщ҃енныихь иконъ анаөема.

Василїа врача иже въ Константинѣ градѣ вьсѣавшаго сїѫ тръокааннѫѧ богомильскѫѧ ересь при алеѯи православнѣмь цари Комнинѣ, анаөема.

Бывшаго митрополита Керкирскаго Константина блъгарскаго злѣ и нечьстивѣ научившаго о истиннаго б҃а и спаса нашего іс҃. х҃а. гласѣ . . . . анаөема.

Вьсѣхъ единомѫдрьствуѫщихь Константину блъгарскому и ради тогова низложенїа скрьбѧщимже и сѣтуѫщимъ, а не ради любве пѫ заиже тогда тогова нечьстїа съвьсхыщьщихсѧ анаөема».

Далѣе слѣдуетъ перечень разныхъ еретиковъ, въ которомъ между прочимъ читаемъ:

«Алеѯандра ковача, авдина же и фогина, афригїа и Моѵсеа богомила анаөема.

Петра Кападокїйскаго дѣдца Срѣдечьскаго, луку же и Манделеа радоболскаго анаөема».

Приведенный отрывокъ прежде всего имѣетъ значеніе, какъ сжатое изложеніе сущности болгарскаго богомильства. Доселѣ свѣдѣнія объ ученіи болгарскихъ богомиловъ почерпались изъ произведеній обличителей ереси, главнѣйше изъ бесѣдъ пресвитера Козьмы, гдѣ самое еретическое ученіе не всегда ясно выступаетъ изъ-за теоретическихъ опроверженій его. Теперь же передъ нами церковно-законодательный актъ, въ которомъ ученіе проклинаемой ереси формулировано кратко, ясно и точно.

Не можетъ быть сомнѣнія, что этотъ актъ проклятія составленъ на соборѣ противъ богомиловъ, созванномъ въ Терновѣ 11 февраля 1211 г. и вставленъ въ тогда же переведенный съ греческаго чинъ анаѳематствованія. Въ такомъ смыслѣ нужно понимать слова записи о соборѣ, напечатанной Палаузовымъ (стр. 8): «И по семь повелѣ бл҃гочьстивыи цр҃ь Борись прѣписати съборникъ ѿ гръчьскаго на блъгарскыи свои ꙗзыкь. и повелѣніемь ѐго и ст҃ыи съборъ съ въписапь бы҃с въ православныҗ съборы ꙗко да прочитаетсѧ въ пръвҗѧ недѣлѧ ст҃ыхь пѿ҃, ꙗко же ст҃іи ѡ҃ци ѝзначала съборнѣ и ап҃лъстѣи цр҃квы прѣдашҗ. прѣжде бо цр҃тва ѐго никто же ипь сътвори православныи съи съборъ». На то же указываетъ и начало нашего отрывка, гдѣ говорится о распространеніи ереси по «въсеи блъгарстѣи земли», о попѣ Богомилѣ, который воспринялъ манихейскую ересь и разсѣялъ ее въ болгарской землѣ. Въ греческомъ чинѣ анаѳематствованія, очевидно, не мѣсто было такимъ подробностямъ о болгарскихъ еретикахъ.

Сопоставляя изложеніе ученія богомиловъ въ нашемъ памятникѣ съ тѣмъ, что было извѣстно изъ другихъ источниковъ, мы не открываемъ въ немъ никакихъ особенно новыхъ чертъ. Мы видимъ здѣсь положительное указаніе на связь богомильства съ манихейскою и мессаліанскою ересями. Какъ главная черта еретическаго вѣроученія выдвинуто странное толкованіе догмата воплощенія Спасителя. Далѣе идетъ признаніе сатаны творцомъ видимаго міра и человѣка, отрицаніе Ветхаго Завѣта, непризнаваніе таинствъ и церковной іерархіи, непочитаніе храмовъ, св. креста и иконъ. Все это мы знали раньше и изъ другихъ источниковъ. Тѣмъ не менѣе формулировка отдѣльныхъ положеній ученія въ нашемъ памятникѣ представляетъ свои особенности, которыя не встрѣчаются въ другихъ свидѣтельствахъ о богомильствѣ и потому придаютъ самымъ положеніямъ бо́льшую ясность и опредѣленность. Такъ напримѣръ, извѣстно, что болгарскіе (какъ и другіе) богомилы отвергали бракъ. По словамъ Козьмы[1]) они учили: «диꙗвола

1) Православный Собесѣдникъ 1864. Май. 101.

повѣление чьловѣкомъ жены поимати .... а женящая ся человѣка ...... мамонины слоуги зовуть». Въ нашемъ отрывкѣ находимъ указаніе мотива отрицательнаго отношенія къ браку и объясненіе взгляда на дѣтей какъ нечистыя созданія: «Глаґщеи ꙗко жена зачинаеть вь чрѣвѣ съ дѣлованіемь сатининомь прѣбываетже оттѫду сатана не отстѫпно даже и до рождьства младенцу».....

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ нашемъ памятникѣ оказываются кое-какія подробности, любопытныя сами по себѣ. Сюда относится указаніе на «ночныя собранія и таинства богомиловъ». Къ сожалѣнію, мы ничего болѣе не знаемъ, что это были за собранія, въ чемъ состояли запрещаемы таинства еретиковъ[1]). Еще важнѣе одинъ изъ слѣдующихъ параграфовъ:—о волхвованіяхъ и скверныхъ таинствахъ, совершаемыхъ на Ивановъ день. Параграфъ этотъ стоитъ въ прямой связи съ проклинаемымъ ученіемъ богомиловъ и, быть можетъ, относится прежде всего къ этимъ послѣднимъ. Отсюда видно, что въ Болгаріи въ XIII в. еще крѣпко держались различныя языческія вѣрованія и обряды; многія изъ нихъ охотно воспринимались и отстаивались богомилами. Этимъ, между прочимъ, объясняется большой успѣхъ, какой имѣла ересь среди народныхъ массъ.

Наконецъ въ концѣ отрывка мы встрѣчаемъ нѣсколько именъ до сихъ поръ неизвѣстныхъ учителей и проповѣдниковъ богомильства. Изъ нихъ, повидимому, особенно важны два: Константинъ Болгарскій, бывшій митрополитъ Керкирскій, и Петръ Кападокійскій, «дѣдьцъ Срѣдечьскій». Первый былъ основателемъ какого-то особаго ученія о личности Спасителя. Къ сожалѣнію, испорченность рукописи въ данномъ мѣстѣ не позволяетъ узнать, въ чемъ состояло это ученіе.

Второй останавливаетъ на себѣ вниманіе по своему званію какъ «дѣдецъ Срѣдечьскій» Дѣдецъ очевидно соотвѣтствуетъ дѣду у боснійскихъ патареновъ, т. е. обозначаетъ епископа, главу богомильской церкви. Срѣдецъ ничто другое какъ Софія, нынѣшняя столица Болгарскаго княжества. Такимъ образомъ изъ нашего памятника въ первый разъ открывается, что у болгарскихъ богомиловъ былъ свой высшій представитель церкви; онъ назывался дѣдьцомъ и имѣлъ свое мѣстопребываніе въ Срѣдцѣ. Это указаніе весьма цѣнно. До сихъ поръ мы знали, что болгарское богомильство распадалось на двѣ церкви: Болгарскую и Драговичскую. Но кромѣ этого голаго факта ничего не было извѣстно ни о разграниченіи этихъ церквей, ни объ ихъ организаціи, ни объ ихъ представителяхъ. Даже о географическомъ

1) Ср. Rad., X, 230.

положеніи Драговичской церкви ученые расходились во мнѣніяхъ: одни пріурочивали ее къ нынѣшней Восточной Румеліи, другіе къ Македоніи[1]). Теперь же наше краткое извѣстіе бросаетъ небольшой лучъ свѣта въ эту темную область. Оказывается, что и въ Болгаріи былъ дѣдецъ, какъ въ Босніи — дѣдъ, и что одна богомильская организованная община несомнѣнно находилась въ западной Болгаріи. Быть можетъ Срѣдечьская церковь и Драговичская одно и тоже. Окончательное рѣшеніе этого вопроса будетъ возможно лишь съ открытіемъ новыхъ историческихъ свидѣтельствъ.

Въ заключеніе, пользуясь удобнымъ случаемъ, приведу изъ нашей рукописи еще одинъ отрывокъ, который, быть можетъ, имѣетъ косвенное отношеніе къ ереси богомиловъ и во всякомъ случаѣ представляетъ нѣсколько данныхъ для характеристики внутренняго состоянія Болгаріи въ XIII и XIV вв.

На 24 л. того же синодика Бориса читается слѣдующее:

«Иже стыимь црквамь, епископіамь и монастиремь и иныимь прочіимь црквамь достоаніа прѣданааже от блговѣрныихь цареи и богобоазнивыихь хрістіань запечатлѣннаа златыми печатми и простыми писаньми окушаѫщихсѧ раздрушити и оттргънѫти что либо от ихже къ богу възложеныихь анаѳема.

Иже каковѣмь либо ухыщреніемь или быліемь или чародѣаніемь, или обааніемь или влъхвованіи вражіими или отравоѫ покоуситсѧ врѣдити царѣ помазаника гнѣ, таковаго анаѳема.

Иже влъхвованіомь или облааніомь или чародѣаніомь нѣкыимь или прорицаніомь себѣ въдаѫщихь, анаѳема.

Въсѣмъ болѣромь малыимже и великыимь, іереемже и чрьницемь и вьсему народу иже съ блгопокореніемь въсѣкѫ пригазнь чистѫ и правѫ хранѧщимь къ царю же и архіереамь, вѣчнаа памѧть.»

Для объясненія этого текста ограничусь здѣсь ссылкой на извѣстное мѣсто въ обличительной бесѣдѣ пресвитера Козьмы:

«Учать же (богомилы) своя си не повиноватися властелемъ своимъ, хуляще богатыя, царь ненавидять, ругаються старѣйшинамь, укаряють боляры, мрзкы Богу мнять работающая царю, и всякому рабу не велять работати господину своему[2]).

1) Rad jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti. Knj. VII, 104. — Голубинскій, Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей Болгарской, Сербской и Румынской. Москва, 1871, стр. 707.

2) Православный Собесѣдникъ 1864, іюнь, стр. 202.

Кіевъ. 3 Марта 1883 г.

ПАМЯТНИКИ КИРИЛЛО-МЕѲОДІЕВСКОЙ СТАРИНЫ ВЪ ЧЕХІИ И МОРАВІИ [1]).

Ивана Пальмова.

Нѣтъ сомнѣнія, что первобытное христіанство въ Чехіи и Моравіи распространилось и утвердилось благодаря миссіонерскимъ трудамъ свв. Кирилла и Меѳодія и ихъ ближайшихъ учениковъ. Этого не оспариваетъ теперь почти уже ни одинъ ученый, хотя бы и задавшійся цѣлію умалить миссіонерскіе труды Кирилла и Меѳодія и возвеличить подвиги нѣмецко-латинскихъ миссіонеровъ. И что всего важнѣе—открыто признали это сами даже непогрѣшимые авторитеты римской церкви—папы, а въ послѣднее время особенно ясно, не безъ дипломатическихъ, конечно, разсчетовъ и съ коварною цѣлію, засвидѣтельствовалъ объ этомъ папа Левъ XIII въ своей энцикликѣ «Grande munus». Но только теперь все еще настойчивѣе и даже съ какимъ-то отчаяннымъ фанатизмомъ слѣпые поклонники и коварные защитники папской фальши продолжаютъ доказывать католическій характеръ кирилло-меѳодіевской проповѣди въ Чехіи и Моравіи. Къ сожалѣнію, въ этомъ фальшивомъ усердіи подвизаются католическіе славяне не менѣе, чѣмъ и отъявленные враги ихъ народности—нѣмецко-католическіе и отчасти протестантскіе писатели. Намъ конечно нѣтъ нужды полемизировать съ этимъ завѣдомо-ложнымъ хотя и упорно распространяемымъ воззрѣніемъ западно-католическаго духовенства и ученыхъ; свою ложь можетъ быть понимаютъ они сами, особенно католическіе славяне, безпристрастно изучающіе свою старину. Въ на-

---

1) Посылая настоящую статью, авторъ выражаетъ сожалѣніе, что по обстоятельствамъ своего заграничнаго путешествія и вслѣдствіе случайно запоздавшихъ полученныхъ имъ свѣдѣній о 25-тилѣтнемъ юбилеѣ глубокоуважаемаго профессора, онъ долженъ былъ ограничиться только нѣкоторыми сторонами взятаго имъ вопроса

стоящій разъ я хочу только указать на силу вліянія кирилло-меѳодіевской проповѣди среди чеховъ и моравань и отчасти ея вѣроисповѣдной характеръ, насколько можно судить объ этомъ по нѣкоторымъ уцѣлѣвшимъ памятникамъ чешско-моравской христіанской старины. Съ этою цѣлію, оставляя пока письменныя свидѣтельства (о которыхъ намѣренъ я говорить послѣ), теперь обращу только вниманіе на вещественные памятники первобытнаго христіанства въ Чехіи и Моравіи, которые говорятъ не только о широтѣ вліянія кирилло-меѳодіевской проповѣди въ предѣлахъ чешско-моравскихъ, но и указываютъ также на ея первоначальный византійскій характеръ.

Не смотря на страшныя усилія папства и латино-нѣмецкаго духовенства уничтожить между чехами принесенные къ нимъ кирилло-меѳодіевскою проповѣдію обряды и памятники восточной церкви, эти послѣдніе по мѣстамъ однако продолжали существовать. Ни фанатическое усердіе представителей латинства, ни гуситскія волненія, сопровождавшіяся иногда неразборчивыми разрушительными дѣйствіями по отношенію къ памятникамъ церковнымъ, ни фанатическо-іезуитскія усилія Габсбурговъ при началѣ католической реакціи, ни даже антикатолическія стремленія при Іосифѣ II и пр., — ничто все-таки не могло искоренить всѣхъ тѣхъ вещественныхъ остатковъ первобытнаго христіанства въ Чехіи и Моравіи, чрезъ уничтоженіе которыхъ одни (какъ напр. католическое духовенство) хотѣли затмить въ народѣ всякую память о востокѣ, другіе (гуситы)—въ порывѣ своей ненависти къ духовному гнету латинства—могли думать, что истребляютъ латинство (которое можетъ быть само не замѣчало чуждыхъ ему церковныхъ памятниковъ востока), третьи наконецъ (въ царствованіи Іосифа) служили можетъ быть только охватившей тогда почти всю Европу модной идеѣ безбожія и торжества человѣческаго разума надъ христіанствомъ. А если прибавить къ этому множество хищеній, учиненныхъ жидами, спекулянтами и разнаго рода иностранными путешественниками для своихъ библіотекъ и музеевъ и теперь намѣренно или несознательно скрываемыхъ тамъ, то нужно еще удивляться, какъ могли до сихъ поръ уцѣлѣть и тѣ остатки старины, которые служили

еще видъ лица распятаго, прикрывающая тѣло Христа одежда (по ев. Іоан., XXI, 18, 19), положенныя одна подлѣ другой ноги, корона на головѣ и вообще вся художественная выдѣлка свидѣтельствуютъ о томъ, что островскій крестъ принадлежитъ къ древнимъ памятникамъ византійскаго стиля, образцики котораго можно видѣть и на другихъ чешско-моравскихъ крестахъ. Такимъ образцикомъ могутъ служить хранящіеся также въ чешскомъ народномъ музеѣ въ Прагѣ такъ называемые опочницкіе кресты (числомъ 6), въ 1858—1859 гг. найденные въ деревнѣ Опочницѣ (между Подѣбрадомъ и Хлумцемъ), на нѣкоторомъ возвышеніи одного принадлежащаго частному владѣльцу поля [1]).

Первый крестъ, около 3 дюймовъ высоты и 2 ширины, сдѣланъ изъ бронзы и отчасти мѣди. — На передней сторонѣ выступаетъ выпуклая фигура Спасителя, одѣтаго въ античную тунику, которая опускается съ самыхъ плечъ ниже колѣнъ. Подъ руками находятся греческія надписи, очень неправильно вырѣзанныя, а именно: подъ правою рукою: IΔE OYC COY (ἴδε ὁ υἱός σου), подъ лѣвою: IΔOY MHTIP COY (ἰδοὺ ἡ μήτηρ σου), какъ передается это въ евангеліи Іоанна, XIX, 26, 27. На обоихъ концахъ поперечника находятся маленькія изображенія Божіей Матери и ученика Христова. Надъ главою Спасителя, легко наклоненною, находится доска съ надписью, слѣды которой замѣтны теперь только въ совсѣмъ почти стершихся буквахъ, а надъ этою доскою — знаменіе солнца и мѣсяца. Замѣчательна и обратная сторона креста: по срединѣ во весь ростъ Божія Матерь, одѣтая въ длинную тунику и плащъ, съ приподнятыми вверхъ руками въ молитвенномъ обращеніи. Съ одной стороны изображенія находятся буквы: MP, а на другой — буква: O(Θ), что вмѣстѣ значитъ «Μήτηρ Θεοῦ». На четырехъ концахъ креста, въ полукружіяхъ, сдѣланы изображенія четырехъ евангелистовъ (въ половину роста), около которыхъ поставлены слѣдующія буквы: на верху и внизу M, по бокамъ Λ и I, означающія имена четырехъ евангелистовъ: Матөея, Марка, Луки и Іоанна. — Другой крестъ опочницкій, немного меньше предъидущаго, сдѣланъ изъ бронзовой жести. На передней его сторонѣ довольно грубыми чертами изображенъ образъ распятаго Спа-

1) «Památky», III, 363—366 и изображенія на концѣ.

Градищѣ близъ Поржичъ на Сазавѣ, въ Мировицахъ, на Прахнѣ и въ др. мѣстахъ [1]). Не невѣроятнымъ, по мнѣнію тѣхъ же изслѣдователей, представляется и то, что постройки храмовъ Воздвиженія честнаго и животворящаго креста (какъ напр. въ Хрудимѣ [2]), въ Сазавѣ, въ чешской Липѣ; въ Моравіи: въ Дубицкѣ у Забрега, въ Стинавѣ у Птени и въ Простѣёвѣ; въ Силезіи: въ Фриштатѣ) принадлежатъ къ старѣйшимъ памятникамъ временъ кирилло-меѳодіевскихъ. Изъ храмовъ въ честь Успенія (на небо взятія) Пресвятой Богородицы замѣчателенъ напр. обращикъ филіальной церкви при храмѣ св. Климента въ Силезіи—въ Вислѣ. Древность изъ временъ кирилло-меѳодіевскихъ нѣкоторые католическіе славянскіе ученые [3]) хотятъ также видѣть въ уцѣлѣвшихъ храмахъ во имя свв. Петра и Павла (каковы напр. храмы на Вышеградѣ, въ Брнѣ, Оломуцѣ и др.) [4]).

Другое сохранившееся живое свидѣтельство о проповѣди Кирилла и Меѳодія въ Чехіи и Моравіи суть разнаго рода мѣстности, къ которымъ народное преданіе пріурочиваетъ миссіонерскую дѣятельность своихъ первыхъ просвѣтителей. Такъ напр. въ великомъ Междурѣчьи сохранилось въ народѣ преданіе, что тамъ въ одномъ городскомъ домѣ нѣкогда ночевали свв. Кириллъ и Меѳодій [5]). Въ Угрицахъ у Дамборжицъ, близъ Жарошицъ (въ Моравіи), въ одной филіальной церкви

---

1) Památky, II, 307; III, 184, 229 и др.; Sbornik Velehradský, I, 209—213, 215.

2) Хотя M. Lüssner («Památky», VII, 495) и H. Svoboda («Památky» 1874, № 930) доказываютъ, что старинною хрудимскою святынею была часовня въ честь Б. Матери, но не храмъ Воздвиженія честнаго и животворящаго креста, однако ихъ доказательства совсѣмъ не ослабляютъ значеніе давней традиціи, производящей хрудимскій храмъ Воздвиженія честнаго и животворящаго креста отъ временъ Кирилло-Меѳодіевскихъ.

3) Какъ напр. Запъ, Вольный, Г. Иречекъ, Свобода, Дудикъ и др.

4) Но, по свидѣтельству памятниковъ, такіе памятники не были очень распространенны въ старой Чехіи и Моравіи. Да и вообще древность уцѣлѣвшихъ храмовъ во имя свв. Петра и Павла очень сомнительна. Есть свидѣтельство, которое указываетъ только на одинъ храмъ въ честь св. Петра отъ времени Спитигнѣва I (895—912). Ср. Památky, III, 229; Sborn. Velehradský, I, 216—217.

5) Въ 1863 г., въ память 1000-лѣтія свв. Кирилла и Меѳодія, этотъ домъ великолѣпно былъ убранъ (Sborn. Velehr., I, 98). По сообщенію тамошняго декана, въ упомянутомъ домѣ жили всегда люди набожные и на немъ почивало Божіе благословеніе. Полчаса пути отъ Междурѣчья, по направленію къ Угринову, стоятъ двѣ часовенки, которыя, по преданію, построены въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ свв. Кириллъ и Меѳодій отдыхали: одна изъ этихъ часовень прилично оправлена, а другая запущена и въ большомъ небреженіи.

повѣление чьловѣкомъ жены поимати .... а женящая ся человѣка ...... мамонины слоуги зовуть». Въ нашемъ отрывкѣ находимъ указаніе мотива отрицательнаго отношенія къ браку и объясненіе взгляда на дѣтей какъ нечистыя созданія: «Гл҃щеи ѩко жена зачинаеть вь чрѣвѣ съ дѣлованіємь сатининомь прѣбывастже оттѫду сатана не отстѫпно даже и до рождьства младенцу».....

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ нашемъ памятникѣ оказываются кое-какія подробности, любопытныя сами по себѣ. Сюда относится указаніе на «ночныя собранія и таинства богомиловъ». Къ сожалѣнію, мы ничего болѣе не знаемъ, что это были за собранія, въ чемъ состояли запрещаемы таинства еретиковъ[1]). Еще важнѣе одинъ изъ слѣдующихъ параграфовъ:—о волхнованіяхъ и скверныхъ таинствахъ, совершаемыхъ на Ивановъ день. Параграфъ этотъ стоитъ въ прямой связи съ проклинаемымъ ученіемъ богомиловъ и, быть можетъ, относится прежде всего къ этимъ послѣднимъ. Отсюда видно, что въ Болгаріи въ XIII в. еще крѣпко держались различныя языческія вѣрованія и обряды; многія изъ нихъ охотно воспринимались и отстаивались богомилами. Этимъ, между прочимъ, объясняется большой успѣхъ, какой имѣла ересь среди народныхъ массъ.

Наконецъ въ концѣ отрывка мы встрѣчаемъ нѣсколько именъ до сихъ поръ неизвѣстныхъ учителей и проповѣдниковъ богомильства. Изъ нихъ, повидимому, особенно важны два: Константинъ Болгарскій, бывшій митрополитъ Керкирскій, и Петръ Кападокійскій, «дѣдьцъ Срѣдечьскій». Первый былъ основателемъ какого-то особаго ученія о личности Спасителя. Къ сожалѣнію, испорченность рукописи въ данномъ мѣстѣ не позволяетъ узнать, въ чемъ состояло это ученіе.

Второй останавливаетъ на себѣ вниманіе по своему званію какъ «дѣдецъ Срѣдечьскій» Дѣдецъ очевидно соотвѣтствуетъ дѣду у боснійскихъ патареновъ, т. е. обозначаетъ епископа, главу богомильской церкви. Срѣдецъ ничто другое какъ Софія, нынѣшняя столица Болгарскаго княжества. Такимъ образомъ изъ нашего памятника въ первый разъ открывается, что у болгарскихъ богомиловъ былъ свой высшій представитель церкви; онъ назывался дѣдьцомъ и имѣлъ свое мѣстопребываніе въ Срѣдцѣ. Это указаніе весьма цѣнно. До сихъ поръ мы знали, что болгарское богомильство распадалось на двѣ церкви: Болгарскую и Драговичскую. Но кромѣ этого голаго факта ничего не было извѣстно ни о разграниченіи этихъ церквей, ни объ ихъ организаціи, ни объ ихъ представителяхъ. Даже о географическомъ

1) Ср. Rad., X, 230.

бою крестъ, въ 1799 г. найденный въ развалинахъ Островскаго монастыря (нѣкогда бенедиктинскаго)[1]). Крестъ этотъ литый, бронзовый,— представляетъ Спасителя въ коронѣ, съ распростертыми руками, а ноги положены не одна на другую, а рядомъ, одна подлѣ другой. Просверленныя руки и ноги свидѣтельствуютъ о томъ, что нѣкогда этотъ крестъ былъ прикрѣпленъ къ другому кресту, по всей вѣроятности, деревянному, отъ котораго однако не осталось теперь никакого слѣда. По мнѣнію знатоковъ, видъ и форма креста даже въ подробностяхъ исполнены тщательно: черты лица благородныя, выраженіе спокойное, волосы раздѣлены на двѣ стороны и опускаются вплодь до плечей, небольшая борода, а голова украшена королевскою короною. На мѣстѣ глазъ до сихъ поръ замѣтны два маленькихъ голубыхъ камня, которые придаютъ особенное выраженіе лицу. Тѣло отъ бедеръ почти до колѣнъ прикрыто одеждою, задняя часть которой опускается гораздо ниже передней. Одежда эта очень искусно отдѣлана эмалью голубою и темнозеленною, хотя отъ времени достаточно уже стершеюся; какъ бы прикрѣпляющій эту одежду къ тѣлу поясъ отдѣланъ въ голубой цвѣтъ съ краснымъ. Кое-гдѣ на крестѣ замѣтны слѣды того, что крестъ былъ вызолоченъ. — Вышина креста болѣе 8 дюймовъ. Самый способъ представленія распятаго Христа, по мнѣнію знатоковъ, указываетъ на очень давнее его происхожденіе: близкое сходство его съ изображеніями распятаго Христа на саркофагѣ ватиканскаго кладбища въ Римѣ, въ миньятюрахъ на рукописномъ сирійскомъ евангеліи VI в., хранящемся во Флоренціи, въ библіотекѣ S. Lorenzo, и въ византійскихъ миньятюрахъ рукописи, содержащей въ себѣ проповѣди Григорія Назіанзена (отъ 867—886) и хранящейся теперь въ Парижѣ (произведеніями, несомнѣнно, весьма древними), только еще болѣе убѣждаетъ въ древности нашего креста[2]). Не страдальческій

1) Этотъ монастырь находится на островѣ рѣки Влтавы, близъ деревни св. Киліана у Давли (въ бывшемъ берунскомъ округѣ). Замѣчательно, что этотъ монастырь построенъ былъ еще въ 999 г. Болеславомъ II во имя І. Крестителя. Послѣдующіе короли (какъ напр. Болеславъ III, Ольдрихъ, Бретиславъ, Вратиславъ, Пшемыслъ I и др.) надѣляли его богатыми имѣніями и давали ему другія разнаго рода дотаціи; примѣру королей слѣдовали и частныя лица. Вообще монастырь этотъ служитъ предметомъ особеннаго хр. вниманія и благоговѣнія. Ср. Památky, I (1855 г.), 136 и слѣд. съ изображеніемъ креста на концѣ (№ 9).

2) Ср. подробности въ «Památky», III, 363—366.

ПАМЯТНИКИ КИРИЛЛО-МЕѲОДІЕВСКОЙ СТАРИНЫ ВЪ ЧЕХІИ И МОРАВІИ [1]).

Ивана Пальмова.

Нѣтъ сомнѣнія, что первобытное христіанство въ Чехіи и Моравіи распространилось и утвердилось благодаря миссіонерскимъ трудамъ свв. Кирилла и Меѳодія и ихъ ближайшихъ учениковъ. Этого не оспариваетъ теперь почти уже ни одинъ ученый, хотя бы и задавшійся цѣлію умалить миссіонерскіе труды Кирилла и Меѳодія и возвеличить подвиги нѣмецко-латинскихъ миссіонеровъ. И что всего важнѣе—открыто признали это сами даже непогрѣшимые авторитеты римской церкви—папы, а въ послѣднее время особенно ясно, не безъ дипломатическихъ, конечно, разсчетовъ и съ коварною цѣлію, засвидѣтельствовалъ объ этомъ папа Левъ XIII въ своей энцикликѣ «Grande munus». Но только теперь все еще настойчивѣе и даже съ какимъ-то отчаяннымъ фанатизмомъ слѣпые поклонники и коварные защитники папской фальши продолжаютъ доказывать католическій характеръ кирилло-меѳодіевской проповѣди въ Чехіи и Моравіи. Къ сожалѣнію, въ этомъ фальшивомъ усердіи подвизаются католическіе славяне не менѣе, чѣмъ и отъявленные враги ихъ народности—нѣмецко-католическіе и отчасти протестантскіе писатели. Намъ конечно нѣтъ нужды полемизировать съ этимъ завѣдомо-ложнымъ хотя и упорно распространяемымъ воззрѣніемъ западно-католическаго духовенства и ученыхъ; свою ложь можетъ быть понимаютъ они сами, особенно католическіе славяне, безпристрастно изучающіе свою старину. Въ на-

---

1) Посылая настоящую статью, авторъ выражаетъ сожалѣніе, что по обстоятельствамъ своего заграничнаго путешествія и вслѣдствіе случайно запоздавшихъ полученныхъ имъ свѣдѣній о 25-тилѣтнемъ юбилеѣ глубокоуважаемаго профессора, онъ долженъ былъ ограничиться только нѣкоторыми сторонами взятаго имъ вопроса

сителя. На поперечникѣ можно читать съ одной стороны: ХС (Χριςός), а съ другой: NHKA (Χριςός νικᾷ). Крестъ этотъ разломанъ на двое: отъ обратной его стороны уцѣлѣла только нижняя часть, на которой повидимому сдѣлано довольно грубое изображенiе Б. Матери. — Третiй крестъ, въ 3 дюйма длины и почти столько же въ ширину, сдѣланъ изъ чистой мѣди и по всѣмъ сторонамъ хорошо вызолоченъ. Сдѣланное изображенiе Спасителя во весь ростъ выполнено довольно грубо и неискусно; одежда, которая прикрываетъ тѣло Господне съ боковъ до колѣна, выбита изъ мѣди. Надъ главою Спасителя замѣчается солнце, а подъ солнцемъ мѣсяцъ. На обратной сторонѣ (также позлащенной) по срединѣ какая-то глава съ нѣкоторыми признаками волосъ и ушей, отъ которыхъ къ четыремъ концамъ креста развиваются на подобiе листьевъ украшенiя. — Четвертый крестъ, болѣе 2-хъ дюймовъ въ длину и около 2 въ ширину, также позлащенъ. На передней сторонѣ находится весьма неискусно сдѣланное изображенiе распятаго Спасителя, къ тѣлу котораго какъ бы плотно прилегаетъ одѣянiе — отъ плечъ до колѣнъ, не прикрывая собою однако его рукъ. Поле креста надъ головою и вокругъ головы отдѣланы зеленною эмалью, средина же красною. — Пятый крестъ довольно грубо сдѣланъ изъ мѣди и не имѣетъ на себѣ и слѣда какого-нибудь украшенiя. — Шестой крестъ самый меньшiй изъ всѣхъ, въ 2 дюйма длины и почти столько же въ ширину, также вызолоченъ. Изображенiе на немъ подобно изображенiю на четвертомъ крестѣ съ тѣмъ только различiемъ, что на этомъ послѣднемъ одежда Спасителя прикрываетъ и Его руки [1]). Съ правой стороны надъ рукою Спасителя золотой мѣсяцъ, съ лѣвой — кругъ солнца. По мнѣнiю изслѣдователей старины признаки указанныхъ крестовъ таковы, что ихъ древность и византiйскiй характеръ не подлежатъ сомнѣнiю. Не говоря уже о первыхъ двухъ, византiйское происхожденiе которыхъ доказывается уже уцѣлѣвшими на нихъ греческими надписями, даже четыре послѣднiе, не имѣющiе такихъ надписей, носятъ на себѣ очевидные признаки крестовъ византiйскихъ.

Кромѣ крестовъ островскаго и такъ называемыхъ опочницкихъ въ чешскомъ музеѣ въ Прагѣ хранятся еще слѣдующiе, замѣчатель-

---

1) Ср. выше, о четвертомъ крестѣ.

ные по своей древности и архитектурѣ кресты. 1) Бронзовый крестикъ, найденный въ 1860 г. у деревни Краловицъ на одномъ лугѣ (бывшемъ славянскомъ кладбищѣ),—вполнѣ сходенъ съ крестами опочницкими. Въ высоту имѣя 3 дюйма и въ ширину немного болѣе 2-хъ, онъ отличается отъ опочницкихъ только тѣмъ, что не имѣетъ внутри пустаго пространства и потому весь полный, массивный; на передней сторонѣ полувыпуклый, но съ довольно неизящнымъ изображеніемъ распятаго Христа подобно тому, какъ мы это можемъ видѣть на самыхъ старинныхъ изображеніяхъ. Распятый Спаситель стоитъ какъ живой, опираясь ногами на подставку, съ умѣренно распростертыми руками, съ подобіемъ короны на головѣ и краткою одеждою вокругъ бедеръ. Оконечности лѣвой руки скрываются подъ изображеніемъ солнца съ человѣческимъ лицомъ въ срединѣ; правая же рука достигаетъ мѣсяца при исходѣ; надъ головою находится довольно грубое изображеніе ангела. На цѣломъ крестикѣ нѣтъ и слѣда позлащенія; задняя сторона вполнѣ гладкая. 2) Бронзовый крестикъ, найденный въ Вацлавицахъ, недалеко отъ Конопишта, и доставленный въ чешскій народный музей въ 1855 году. По своему устройству онъ также сходенъ съ крестами опочницкими: въ высоту имѣетъ почти 2 дюйма, въ ширину болѣе одного. Округленные концы креста съ выведенными посредствомъ эмали фигурами придаютъ ему видъ болѣе изящный, чѣмъ какой представляютъ кресты опочницкіе и краловицкій. На передней сторонѣ изображенъ Спаситель съ распростертыми руками и рядомъ стоящими одна подлѣ другой ногами на подставкѣ, съ краткою одеждою вокругъ бедеръ и съ подобіемъ какого-то покрывала на головѣ. Надъ головою въ особомъ крестѣ монограммъ IC XC (Ἰησοῦς Χριστός). На другой, обратной сторонѣ изображена Божія Матерь въ длинной одеждѣ (на подобіе ризы), съ распростертыми дланями рукъ, въ видѣ молитвенномъ, съ покрываломъ на головѣ подобно тому, какъ у православныхъ монаховъ — съ крестикомъ, а выше головы еще изображеніе простаго крестика. На обоихъ концахъ поперечника монограммъ: МР—ѲΥ (Μήτηρ Θεοῦ)[1]) — 3) Еще бронзовый крестикъ, доставленный въ музей въ 1856 г., — въ высоту имѣетъ почти 4 дюйма. Лѣвая рука креста на половину отломлена, правая же какъ-то неестественно къ низу по-

1) Památky, IV, 87, съ изображеніемъ креста на концѣ.

гнута. Дирки въ ладоняхъ и внизу, подъ самою фигурою, указываютъ, что крестъ первоначально былъ прибитъ или къ другому кресту или къ чему-либо иному. Ноги изображены одна подлѣ другой на подставкѣ; лицо имѣетъ видъ распятаго Спасителя въ моментъ смерти; вокругъ бедеръ одежда, напереди завязанная узломъ; вокругъ головы видъ сіянія, въ которомъ три двойные луча представляютъ нѣкоторое подобіе креста. Судя по этому сіянію, встрѣчающемуся на архитектурныхъ памятникахъ уже въ XIII в., происхожденіе разсматриваемаго креста относятъ къ тому же XIII столѣтію[1]). — Всѣ эти кресты, подобно другимъ вышеуказаннымъ, носятъ на себѣ печать византійскаго происхожденія или, по крайней мѣрѣ, появились подъ этимъ вліяніемъ. Много подобныхъ же крестовъ можно находить еще въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ Чехіи и Моравіи. Кресты эти на мѣстѣ по большей части всѣ низкіе, не имѣющіе изящной формы; въ высоту они едва достигаютъ 1 метра, иногда больше, а иногда и меньше; всѣ четыре конца ихъ почти ровны, даже конецъ, который опускается въ землю, бываетъ не длиннѣе другихъ, а иногда и короче вслѣдствіе постепеннаго уничтоженіе и отъ времени и отъ своего положенія въ землѣ; отдѣлка крестовъ довольно простая и матеріалъ грубый. Относительно всѣхъ этихъ крестовъ хранятся въ народѣ преданія, что они стоятъ на мѣстѣ, гдѣ проповѣдывали свв. Кириллъ и Меѳодій.

Въ Чехіи напр., даже на отдаленныхъ западныхъ границахъ, встрѣчаются подобнаго устройства кресты. Одинъ изъ такихъ крестовъ находится напр. въ Стебнѣ (нѣм. Steeben), одной деревнѣ въ Подборжанскомъ гетманствѣ, недалеко отъ Петрограда[2]). Крестъ этотъ довольно простъ, выдѣланъ изъ одного камня (гранитнаго), отъ времени почернѣлъ, потертъ. На двухъ поперечныхъ концахъ и верхней части продольной — выпуклые крестики; двумя своими сторонами обращенъ къ востоку и западу. Высота креста около $1\frac{1}{2}$ метр., ширина около 1 м., ширина верхней части продольной около $\frac{3}{4}$ м. По-

1) Тамъ же.

2) Эта деревня замѣчательна по своей исторической древности: объ ней упоминаютъ чешскіе хронисты: Косма, Пулкава, Гаекъ и др., — первый подъ 575, а послѣдній подъ 675 г. Тѣже хронисты упоминаютъ объ ней и въ христіанскую эпоху около 1100 г., когда воевода Бретиславъ II, проживая здѣсь, отъ руки злодѣя кончилъ свою жизнь.

добный же крестъ находится въ мѣстечкѣ Мальмѣрицѣ (нѣм. Albritz), принадлежащемъ къ общинѣ Лѣшки (Leschkau). Крестъ этотъ, сдѣланный также довольно просто изъ гранитнаго камня, обращенъ двумя своими сторонами къ востоку и западу, но гораздо больше нагнутъ къ востоку. Поэтому западная сторона, постоянно открытая для дѣйствія разрушительныхъ стихій природы, не имѣетъ теперь почти никакихъ признаковъ прежнихъ изображеній; на восточной же сторонѣ до сихъ поръ уцѣлѣло изображеніе вырѣзаннаго во всю длину креста. Стебненскій и мальмѣрицкій кресты по своему происхожденію принадлежатъ очевидно отдаленной эпохѣ, говорятъ, кирилло-меѳодіевской. И въ самомъ дѣлѣ, небольшой размѣръ крестовъ, равноравенность (не только равномѣрность обѣихъ частей креста, но и одинаковость разстоянія обоихъ концовъ продольнаго дерева отъ концовъ поперечника) — признаки, сближающіе эти кресты съ образцами византійскими; а довольно неискусная отдѣлка крестовъ какъ бы указываетъ на ихъ очень раннее происхожденіе, если только не предполагать въ ихъ болѣе позднемъ творцѣ вообще неискуснаго мастера. Повидимому, менѣе сходства съ византійскими образцами можетъ представлять крестъ мальмѣрицкій, неравномѣрный, три верхніе конца котораго какъ бы въ видѣ полумѣсяца расширяются къ своимъ оконечностямъ; но это основаніе не настолько рѣшительно, чтобы могло уничтожить древность креста и его византійское происхожденіе, твердо запечатлѣнныя народною традиціею[1]).

Въ Моравіи такихъ крестовъ находится не менѣе. Такъ напр. одинъ изъ такихъ крестовъ нашли недалеко отъ деревни Дубровицы, при дорогѣ, ведущей въ Палонику. Въ длину этотъ крестъ около 1 метра, въ ширину вокругъ болѣе чѣмъ $^1/_2$ м., толщина же его равняется $^1/_4$ м. Форма креста не отличается какимъ-либо изяществомъ, — вытесанъ онъ довольно грубо. На срединѣ креста находятся двѣ хронологическія даты (1171 и 1773), изъ которыхъ первая обозначаетъ, можетъ быть, время выдѣлки креста, а вторая — время, можетъ быть, переставленія креста на другое мѣсто. Другой подобнаго рода крестъ находится въ Вилимовѣ близъ Намѣшти въ оломуцкомъ округѣ, недалеко отъ мѣстной церкви. Передняя сторона выступаетъ приблизи-

1) Sborn. Velehr., II, 212—214; ср. тамъ же, 215—218.

тельно на 80 центим. въ высоту, задняя немного выше. Крестъ вытесанъ изъ камня и обросъ мхомъ. Третій крестъ можно видѣть около Оломуца въ Великой Сеницѣ, — стоитъ предъ статуею св. Ѳомы, а прежде стоялъ на холмикѣ. Высота креста почти 1 метръ, ширина около $^1/_2$ м. По направленію длины креста выбито маленькое углубленіе. Въ томъ же оломуцкомъ округѣ недавно найдены и другіе подобные же кресты. 1) Крестъ огницкій, выдѣланный изъ камня,—не имѣетъ теперь ни головы (верхней части), ни обоихъ концовъ поперечника. Дѣйствительная (прежняя) высота его не отличалась много отъ теперешней, имѣющей около $1^1/_2$ м., изъ которыхъ около 50 цм. находится въ глуби земли; ширина креста при землѣ около 67 цм., при поперечныхъ концахъ около 60 цм.; толщина же неодинакова: внизу около 20 цм., а вверху 14 цм. На передней сторонѣ памятника до сихъ поръ хорошо сохранилось изображеніе креста, имѣющее въ вышину около 56 цм., въ ширину въ обоихъ концахъ поперечника около 38 цм. Даже въ своемъ не цѣльномъ видѣ огницкій крестъ весьма много приближается къ крестамъ равнораменнымъ, хотя болѣе точное сходство съ этими послѣдними онъ представлялъ бы при сохраненіи своихъ утраченныхъ частей. — 2) Крестъ у Малой Сеницы (Сенички), къ низу шире (около 38), къ верху съуженъ (около 23 цм.), — въ высоту имѣетъ около 67 цм. Ширина поперечника, съ отломленнымъ правымъ концомъ, имѣетъ приблизительно около 39 цм.; а если бы сохранился и правый конецъ, то ширина всего поперечника обнимала бы около 52 цм. Толщина внизу доходитъ до 25 цм., вверху же имѣетъ около 19 цм. Сохранившійся лѣвый конецъ вытесанъ въ полукругъ; верхняя часть (голова) также, хотя и не вполнѣ закруглена, а на самомъ верху оканчивается ровною площадкою съ маленькимъ углубленіемъ въ рединѣ. 3) Такой же памятникъ представляетъ собою крестъ у Великихъ Слатеницъ. Высота креста и ширина одинаковы: вся ширина креста, если бы не былъ отломленъ лѣвый конецъ, обнимала бы около 70 цм.; такой же приблизительно мѣры была бы и продольная часть, хотя теперь нѣсколько закопанная въ землю она обнимаетъ только около 57 цм. Всѣ четыре конца креста по направленію къ оконечностямъ расширены, слѣд. чѣмъ ближе къ точкѣ пресѣченія, тѣмъ толщина креста становится уже, а въ самой точкѣ пресѣченія она равняется 20 цм. На передней сторонѣ креста замѣтно одно совсѣмъ необыкно-

венное изображеніе на подобіе меча. Этотъ крестъ, какъ и предъидущіе, по началу своего происхожденія относится, какъ говоритъ народное преданіе, къ отдаленнѣйшимъ временамъ кирилло-меѳодіевской проповѣди [1]).—Въ заключеніи упомяну еще объ одномъ крестѣ, который, по предположенію А. В. Шемберы [2]), принадлежитъ XII в. и служитъ обращикомъ тогдашнихъ византійскихъ крестовъ у чехо-моравянъ. Крестъ этотъ находится въ Яромѣржицахъ (на старомъ пути изъ Оломуца въ Прагу); онъ сдѣланъ изъ камня (или точнѣе: камень въ формѣ креста) и съ земли выше роста человѣческаго. Объ этомъ камнѣ, какъ и о другомъ подобномъ же (который стоитъ немного сѣвернѣе), народное преданіе гласитъ, что здѣсь нѣкогда, на пути къ чехамъ, св. Меѳодій проповѣдывалъ слово Божіе.

Приведенные мною факты могутъ служить живымъ свидѣтельствомъ того, что не только кирилло-меѳодіевская традиція вообще, но и византійскій ея характеръ до сихъ поръ еще сохранился на нѣкоторыхъ остаткахъ вещественныхъ памятниковъ чешско-моравской христіанской старины. Что касается перваго, т. е. кирилло-меѳодіевской традиціи вообще, то для доказательства ея живучести въ народѣ можно бы привести множество и другихъ свидѣтельствъ (кромѣ письменныхъ) устныхъ, передаваемыхъ еще и теперь простымъ даже народомъ въ формѣ апокрифическихъ сказаній, повѣстей и пр. [3]). Въ дополненіе къ сказанному я могъ бы здѣсь прибавить развѣ только то, что и до сихъ поръ еще уцѣлѣли старыя святыни, посвященныя въ честь свв. Кирилла и Меѳодія. Такъ напр. на Велеградѣ (въ Моравіи) до сихъ поръ стоитъ часовня св. Кирилла, теперь обновленная; объ ней народное преданіе говоритъ, что на этомъ мѣстѣ св. Кириллъ приказалъ построить первую церковь въ старомъ Велеградѣ. Въ Оломуцѣ,

1) Sborn. Velehr., II, 302—308.

2) Časopis Česk. Mus., 1875 г., 53.

3) Эти повѣсти до сихъ поръ еще не собраны, но по бóльшей части живутъ или въ памяти народной, или отчасти напечатанныя разсѣяны въ различныхъ изданіяхъ. См. напр. «Die Markgrafschaft Mähren»; чешскій церк. журналъ «Method» 1881 г., 98; ср. Sborn. Velehr., II, 69, 297 и слѣд.; Památky, за 1885 г.; Kalendař «Moravan» (ročn. I).

на прежнемъ кладбищѣ, стояла часовня, посвященная свв. Кириллу и Меѳодію. Точно также и въ Брнѣ до сихъ поръ есть часовня свв. братьевъ солунскихъ. А въ Старой Болеславли сохранился домъ, гдѣ прежде стояла церковь во имя св. Меѳодія. Правда, всѣ эти постройки, можетъ быть, ведутъ свое начало отъ сравнительно недавняго времени, — отъ времени уже послѣ канонизаціи свв. Кирилла и Меѳодія въ XIV в.[1]). Тѣмъ не менѣе, и въ такомъ случаѣ важно для насъ все-таки то, что не смотря на козни латино-нѣмецкаго духовенства чешско-моравскій народъ не могъ забыть подвиговъ своихъ просвѣтителей. Слѣдовательно объ нихъ могла храниться въ народѣ непрерывная память, которую не были въ состояніи заглушить Римъ и его услужливое латино-нѣмецкое духовенство. Эти послѣдніе, будучи не въ состояніи искоренить въ народѣ благочестивое воспоминаніе о Кириллѣ и Меѳодіи, должны были согласиться только на одну вынужденную уступку, допустивъ ихъ церковное прославленіе уже въ XIV в., когда пробуждавшееся народное самосознаніе и религіозное оживленіе сильно охватывали чешскій народъ и такимъ образомъ дѣлали для него возможнымъ достиженіе прежде неосуществимыхъ народно-религіозныхъ нуждъ и желаній. Но какъ всегда, такъ и въ настоящемъ случаѣ, Римъ дѣйствовалъ съ обычною своею тактикой: онъ старался затмить живущія въ народѣ вѣрныя традиціи о кирилло-меѳодіевской проповѣди, обставляя ихъ многими позднѣйшими католическими подробностями. При этомъ онъ допускалъ и обычное впослѣдствіи іезуитское правило «примѣняться къ обстоятельствамъ», хотя бы это совсѣмъ было противно вѣрѣ и обыкновеннымъ правиламъ честности. Подобно тому, какъ Римъ и іезуиты поступали съ традиціею о Гусѣ, они практиковали нѣчто похожее и по отношенію къ памяти свв. Кирилла и Меѳодія. Въ первомъ случаѣ они добились своихъ цѣлей, замѣнивши народнаго любимца Гуса подставнымъ католическимъ святымъ Яномъ Непомукомъ. А чтобы легче и скорѣе достигнуть этихъ цѣлей, они пользовались при этомъ своею теоріею «примѣненія къ обстоятельствамъ», отвлекая черты жизни Яна Гуса для Яна Непомука, изображеніе перваго употребляя для втораго съ нѣкоторыми только необходимыми дополненіями (какъ напр. специфическая особенность въ изображеніи Яна

---

1) Ср. Codex diplom. Mor., VII, 691 и слѣд.

Непомука: звѣзда надъ головою и пр.). Точно также Римъ долженъ былъ поступать и съ свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ: одѣвалъ ихъ въ католическія одежды съ инфулами на головѣ, и во всемъ другомъ уподобляя ихъ тогдашнимъ римскимъ миссіонерамъ и исповѣдникамъ, получившимъ отъ папы благословеніе и полномочія; но при этомъ какъ бы забывалъ, что вѣдь свв. Кириллъ и Меѳодій пришли съ Востока и распространяли свою вѣру между чехами-моравами, когда еще не состоялось полнаго раздѣленія церквей. — Поэтому неудивительно, что теперь на ряду съ такъ называемыми кирилло-меѳодіевскими памятниками, въ различныхъ мѣстахъ Чехіи и Моравіи, можно встрѣтить нерѣдко и строго-латинскія «приложенія», затемняющія первобытное религіозное представленіе народа о дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія: возлѣ кирилло-меѳодіевскихъ памятниковъ (какъ напр. крестовъ) воздвигаются статуи Яна Непомука [1]), сравнительно новѣйшаго происхожденія постройки въ честь св. Петра пріурочиваются ко времени и дѣятельности Кирилла и Меѳодія и пр. Очевидно, все это и многое другое подобное намѣренно дѣлается только для того, чтобы хотя затемнить неизгладимое въ народѣ воспоминаніе о проповѣди свв. славянскихъ апостоловъ, связать ихъ дѣятельность съ догмою и обрядами латинской церкви и т. п., а въ концѣ концовъ эти факты обращаются опять какъ новое свидѣтельство о католическомъ характерѣ кирилло-меѳодіевской проповѣди.

При такомъ упорномъ и систематическомъ искаженіи исторической истины несомнѣнно большаго вниманія заслуживаютъ тѣ кирилло-меѳодіевскіе памятники, которые, происходя изъ глубокой древности, до сихъ поръ еще свободны отъ позднѣйшихъ «латинскихъ приложеній» и свидѣтельствуютъ о другомъ церковномъ вліяніи въ Чехіи и Моравіи, — вліяніи византійскомъ, которое принесли сюда съ собою и проповѣдывали свв. Кириллъ и Меѳодій. Въ этомъ отношеніи указанные мною примѣры построекъ церквей Воздвиженія ч. и ж. креста (распространенныхъ на Востокѣ), во множествѣ уцѣлѣвшіе кресты въ византійскомъ стилѣ и съ греческими надписями могутъ служить болѣе вѣрнымъ и болѣе живымъ свидѣтельствомъ восточнаго вліянія въ

---

1) Такія напр. статуи Яна Непомука стоятъ близъ крестовъ у Малой Сеницы и Дубровицы.

Чехіи и Моравіи[1]), послѣднихъ остатковъ котораго здѣсь не могъ уничтожить католицизмъ ни въ догуситскую эпоху, ни въ эпоху даже католической реакціи при первыхъ Габсбургахъ и далѣе. Къ этому нужно здѣсь присоединить еще и то, что въ бытность мою въ Чехіи мнѣ приходилось не разъ видѣть молящихся, которые знаменуютъ себя крестомъ греческимъ, — по разсказамъ обычай этотъ ведетъ свое начало съ незапамятныхъ временъ. Такую же традиціонную древность имѣетъ и другой сохранившійся въ Чехіи и Моравіи обычай три раза въ году святить воду (наканунѣ богоявленія, въ Великую субботу и предъ Троицынымъ днемъ)[2])—обычай, давно уже исчезнувшій въ латинской церкви, но сохранившійся въ церкви восточной.

---

1) Замѣчательно, что византійскій характеръ этихъ памятниковъ признаютъ даже нѣкоторые чешскіе изслѣдователи старины, которыхъ скорѣе можно обличить въ раболѣпіи предъ Римомъ, чѣмъ заподозрить въ пристрастіи къ Востоку. Ср. это напр. въ вышеуказанныхъ мною мѣстахъ «Památky», «Sborn. Velehr.» и др.

2) Sborn. Velehr., II, 157 примѣч.

Вѣна. Январь 1883.

НОВЫЕ ТРУДЫ ПО ИСТОРИИ ВЕНГРІИ.

Константина Грота.

Тысячу лѣтъ тому назадъ, въ 80-хъ годахъ IX-го вѣка, рядъ важныхъ событій и народныхъ движеній въ юговосточной Европѣ подготовлялъ тотъ великій переворотъ на среднемъ Дунаѣ, который долженъ былъ совершенно измѣнить этническій обликъ карпатскихъ земель и двинуть ихъ историческую жизнь по неожиданно-новой стезѣ.

Прошло еще 10 лѣтъ,— и мадьярскій клинъ былъ уже вбитъ въ неплотное и совсѣмъ еще несложившееся тѣло западнаго Славянства...

Итакъ мадьярскій народъ вступаетъ скоро во второе тысячелѣтіе своей исторической жизни[1]).

Своеобразный характеръ Венгріи, или Угріи (какъ намъ естественнѣе называть ее), ея оригинальныя черты и особенности въ природѣ и почвѣ, въ народонаселеніи и культурѣ, въ національныхъ и политическихъ отношеніяхъ не могутъ не привлекать особеннаго вниманія и не возбуждать живѣйшаго интереса какъ обыкновеннаго наблюдателя, такъ и ученаго. Стóитъ раскрыть и пробѣжать страницы венгерской

---

1) Мадьяры заняты теперь вопросомъ, кáкъ самымъ достойнымъ образомъ ознаменовать свой 1000-лѣтній юбилей. Они думаютъ о какомъ-нибудь грандіозномъ памятникѣ или монументальномъ учрежденіи... Но не объ этомъ одномъ слѣдовало бы имъ подумать. Хорошо, еслибъ мадьяры при этомъ случаѣ оглянулись повнимательнѣе и посеріознѣе на свое прошлое, въ его изученіи отбросили бы всякія предубѣжденія и пристрастія, и тогда оно научило бы ихъ многому, чего теперь очевидно не понимаютъ руководители ихъ внутренней политики....

*

исторіи, чтобы замѣтить тотъ же своеобразный, исключительный характеръ въ историческомъ развитіи угорскаго государства, въ его внутреннихъ и внѣшнихъ судьбахъ.

Нечего, поэтому, особенно удивляться, что и самая исторіографія Угріи имѣла также въ своемъ родѣ необычную и оригинальную судьбу. Ей издавна посвящали свои труды, кромѣ самихъ мадьяръ, представители исторической науки у всѣхъ великихъ европейскихъ націй, т. е. и германцы, и славяне, и романцы (французы и нѣкогда италіянцы), и при всемъ томъ едва ли прошлое какой-либо другой страны въ Европѣ обработано такъ еще неполно, несовершенно и односторонне. Въ порядкѣ вещей, чтобы исторію каждаго культурнаго государства разрабатывалъ народъ, который его образовалъ и создалъ, которымъ оно живетъ, крѣпнетъ и развивается. Кому писать исторію Франціи, какъ не французамъ, кому — Германіи, какъ не нѣмцамъ, кому — Россіи, какъ не русскимъ? Но вопросъ этотъ осложняется, когда государство не представляетъ однороднаго этническаго цѣлаго, когда оно не имѣетъ своей національности, а является искусственной системой или случайной группировкой самыхъ разнородныхъ элементовъ, и притомъ въ такой пропорціи, что ни одинъ изъ нихъ не преобладаетъ надъ другими одновременно и въ численномъ, и въ культурномъ, и въ политическомъ отношеніяхъ. Понятно, что тогда каждый изъ составныхъ элементовъ имѣетъ одинаковое основаніе разрабатывать свою исторію государства параллельно съ разработкой своей собственной національной исторіи, причемъ конечно каждый будетъ это дѣлать съ своей точки зрѣнія, всегда съ бо́льшимъ или ме́ньшимъ пристрастіемъ, и только изъ этихъ совокупныхъ усилій, изъ необходимаго столкновенія и борьбы различныхъ взглядовъ и направленій могутъ возникнуть и установиться правильныя точки зрѣнія и вѣрныя рѣшенія историческихъ вопросовъ. Примѣръ такого государства и такого положенія въ немъ исторіографіи представляетъ на нашихъ глазахъ Австрія. Ея исторіей имѣютъ одинаковую возможность съ успѣхомъ заниматься не только нѣмцы, но и чехи, и другіе славяне, въ нее входящіе, и наконецъ мадьяры. Въ дѣйствительности, хотя нѣмцы, какъ народъ политически господствующій, и идутъ впереди, и дѣло двигается всего болѣе ихъ трудами, они все-таки никакъ не могутъ обходиться безъ содѣйствія другихъ національностей: скорѣе ихъ успѣхи зависятъ именно отъ того,

венное изображеніе на подобіе меча. Этотъ крестъ, какъ и предъидущіе, по началу своего происхожденія относится, какъ говоритъ народное преданіе, къ отдаленнѣйшимъ временамъ кирилло-меѳодіевской проповѣди [1]).—Въ заключеніи упомяну еще объ одномъ крестѣ, который, по предположенію А. В. Шемберы [2]), принадлежитъ XII в. и служитъ обращикомъ тогдашнихъ византійскихъ крестовъ у чехо-моравянъ. Крестъ этотъ находится въ Яромѣржицахъ (на старомъ пути изъ Оломуца въ Прагу); онъ сдѣланъ изъ камня (или точнѣе: камень въ формѣ креста) и съ земли выше роста человѣческаго. Объ этомъ камнѣ, какъ и о другомъ подобномъ же (который стоитъ немного сѣвернѣе), народное преданіе гласитъ, что здѣсь нѣкогда, на пути къ чехамъ, св. Меѳодій проповѣдывалъ слово Божіе.

Приведенные мною факты могутъ служить живымъ свидѣтельствомъ того, что не только кирилло-меѳодіевская традиція вообще, но и византійскій ея характеръ до сихъ поръ еще сохранился на нѣкоторыхъ остаткахъ вещественныхъ памятниковъ чешско-моравской христіанской старины. Что касается перваго, т. е. кирилло-меѳодіевской традиціи вообще, то для доказательства ея живучести въ народѣ можно бы привести множество и другихъ свидѣтельствъ (кромѣ письменныхъ) устныхъ, передаваемыхъ еще и теперь простымъ даже народомъ въ формѣ апокрифическихъ сказаній, повѣстей и пр. [3]). Въ дополненіе къ сказанному я могъ бы здѣсь прибавить развѣ только то, что и до сихъ поръ еще уцѣлѣли старыя святыни, посвященныя въ честь свв. Кирилла и Меѳодія. Такъ напр. на Велеградѣ (въ Моравіи) до сихъ поръ стоитъ часовня св. Кирилла, теперь обновленная; объ ней народное преданіе говоритъ, что на этомъ мѣстѣ св. Кириллъ приказалъ построить первую церковь въ старомъ Велеградѣ. Въ Оломуцѣ,

---

1) Sborn. Velehr., II, 302—308.

2) Časopis Česk. Mus., 1875 г., 53.

3) Эти повѣсти до сихъ поръ еще не собраны, но по бóльшей части живутъ или въ памяти народной, или отчасти напечатанныя разсѣяны въ различныхъ изданіяхъ. См. напр. «Die Markgrafschaft Mähren»; чешскій церк. журналъ «Method» 1881 г., 98; ср. Sborn. Velehr., II, 69, 297 и слѣд.; Památky, за 1885 г.; Kalendař «Moravan» (ročn. I).

Естественно и желательно ли уступать главную роль въ ней нѣмцамъ, которые не могутъ не сообщить ей односторонняго, тенденціозно-нѣмецкаго направленія? Разумѣется, отвѣтъ на послѣдній вопросъ можетъ быть только отрицательный, и остается надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ совокупныя усилія безпристрастныхъ мадьярскихъ и славянскихъ ученыхъ сумѣютъ поставить исторіографію Угріи на самостоятельную почву и освободятъ ее изъ-подъ исключительной и ревнивой нѣмецкой опеки. Такую надежду внушаетъ замѣтное въ этомъ смыслѣ оживленіе за послѣднее время и у мадьяръ, и у славянъ.

До послѣднихъ десятилѣтій мадьяры представили еще очень мало важнаго и капитальнаго для истинно-научной разработки своей исторіи. То, что было сдѣлано раньше, далеко уже не удовлетворяетъ современныхъ требованій критики. Предстоитъ масса труда, и прежде всего по части работъ подготовительныхъ, т. е. по изданію и переизданію источниковъ, ихъ критической оцѣнкѣ и. т. п. Эта работа есть всецѣло задача мадьярской науки, уже потому что ея представители безпрепятственно располагаютъ нужнымъ матеріаломъ и у себя дома имѣютъ всюду доступъ. Въ послѣднее время замѣтна бóльшая и болѣе добросовѣстная дѣятельность среди мадьярскихъ ученыхъ. Есть энергія и любовь къ дѣлу, чаще встрѣчается основательная подготовка, но все еще недостаетъ одного — и очень важнаго: вполнѣ добросовѣстнаго и чисто-научнаго отношенія къ дѣлу и ученаго безпристрастія. Національныя предубѣжденія и исключительность, безграничное самомнѣніе и самовосхваленіе, неумѣстныя проявленія вражды къ другимъ народностямъ довольно часто окрашиваютъ ученыя мадьярскія изслѣдованія и дѣлаютъ незамѣтными ихъ другія достоинства. Пока это будетъ такъ, не можетъ быть и быстрыхъ успѣховъ.

Чѣмъ одностороннѣе и пристрастнѣе работы нѣмцевъ и мадьяръ по исторіи Угріи, тѣмъ желательнѣе является разработка этой исторіи славянскими вообще, и въ частности русскими учеными. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ славянская историческая наука вообще далеко не достаточно вводила Угрію въ кругъ своей дѣятельности, не останавливала на ней того вниманія, которое она заслуживаетъ. А между тѣмъ кому изъ великихъ европейскихъ націй ближе всего и плотію и духомъ самое

Непомука: звѣзда надъ головою и пр.). Точно также Римъ долженъ былъ поступать и съ свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ: одѣвалъ ихъ въ католическія одежды съ инфулами на головѣ, и во всемъ другомъ уподобляя ихъ тогдашнимъ римскимъ миссіонерамъ и исповѣдникамъ, получившимъ отъ папы благословеніе и полномочія; но при этомъ какъ бы забывалъ, что вѣдь свв. Кириллъ и Меѳодій пришли съ Востока и распространяли свою вѣру между чехами-моравaнами, когда еще не состоялось полнаго раздѣленія церквей. — Поэтому неудивительно, что теперь на ряду съ такъ называемыми кирилло-меѳодіевскими памятниками, въ различныхъ мѣстахъ Чехіи и Моравіи, можно встрѣтить нерѣдко и строго-латинскія «приложенія», затемняющія первобытное религіозное представленіе народа о дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія: возлѣ кирилло-меѳодіевскихъ памятниковъ (какъ напр. крестовъ) воздвигаются статуи Яна Непомука [1]), сравнительно новѣйшаго происхожденія постройки въ честь св. Петра пріурочиваются ко времени и дѣятельности Кирилла и Меѳодія и пр. Очевидно, все это и многое другое подобное намѣренно дѣлается только для того, чтобы хотя затемнить неизгладимое въ народѣ воспоминаніе о проповѣди свв. славянскихъ апостоловъ, связать ихъ дѣятельность съ догмою и обрядами латинской церкви и т. п., а въ концѣ концовъ эти факты обращаются опять какъ новое свидѣтельство о католическомъ характерѣ кирилло-меѳодіевской проповѣди.

При такомъ упорномъ и систематическомъ искаженіи исторической истины несомнѣнно большаго вниманія заслуживаютъ тѣ кирилло-меѳодіевскіе памятники, которые, происходя изъ глубокой древности, до сихъ поръ еще свободны отъ позднѣйшихъ «латинскихъ приложеній» и свидѣтельствуютъ о другомъ церковномъ вліяніи въ Чехіи и Моравіи, — вліяніи византійскомъ, которое принесли сюда съ собою и проповѣдывали свв. Кириллъ и Меѳодій. Въ этомъ отношеніи указанные мною примѣры построекъ церквей Воздвиженія ч. и ж. креста (распространенныхъ на Востокѣ), во множествѣ уцѣлѣвшіе кресты въ византійскомъ стилѣ и съ греческими надписями могутъ служить болѣе вѣрнымъ и болѣе живымъ свидѣтельствомъ восточнаго вліянія въ

1) Такія напр. статуи Яна Непомука стоятъ близъ крестовъ у Малой Сеницы и Дубровицы.

менныхъ предубѣжденій. Совокупными усиліями и тѣхъ и другихъ, при дѣятельномъ участіи такихъ же безпристрастныхъ изслѣдователей изъ мадьяръ и нѣмцевъ — исторіографія Угріи не можетъ не достигнуть желаемаго развитія и успѣховъ. Только роли ея двигателей должны быть распредѣлены естественно и правильно, чего такъ недоставало до сихъ поръ.

Нашъ глубокочтимый и славный ученый, которому посвящается эта книга, одинъ изъ немногихъ изслѣдователей, которыхъ по преимуществу занимаетъ историческая судьба всего славянскаго міра въ его совокупности, со свойственной ему проницательностью и глубиною взгляда въ полной мѣрѣ оцѣнилъ значеніе и важность исторіи Угріи, какъ необходимой части общей славянской исторіи, и ввелъ ее въ широкій кругъ своихъ культурно-историческихъ изслѣдованій: въ нихъ она постоянно занимаетъ опредѣленное и видное мѣсто, на ряду съ сосѣдними южно- и западно-славянскими государствами. Глубоко захватывая и мѣтко оцѣнивая разные общіе вопросы славянской исторіи, онъ всегда удѣлялъ бо́льшее или ме́ньшее вниманіе (смотря по надобности) Угріи. Много любопытныхъ, весьма цѣнныхъ и остроумныхъ замѣчаній по этому предмету разбросано по разнымъ его сочиненіямъ и статьямъ. О разработкѣ угорской исторіи онъ также высказывался не разъ, что́ особенно хорошо извѣстно его ученикамъ и вообще слушателямъ его университетскихъ чтеній, на которыхъ постоянно Угріи удѣлялось подобающее мѣсто.

Вотъ почему намъ кажется довольно умѣстнымъ именно здѣсь подѣлиться съ читателемъ нѣкоторыми мыслями и соображеніями по поводу недавно вышедшихъ въ свѣтъ двухъ новыхъ трудовъ по исторіи Угріи. Ихъ нельзя не привѣтствовать искренно именно потому, что они вполнѣ отвѣчаютъ тѣмъ надеждамъ, которыя высказаны были выше относительно роли западно-славянскихъ и мадьярскихъ ученыхъ въ венгерской исторіографіи. Мы не собираемся представить здѣсь ихъ подробнаго разбора и критики, а познакомимъ лишь съ ихъ содержаніемъ и задачами, постараемся выяснить, чѣмъ они особенно заслуживаютъ вниманія, и при этомъ остановимся нѣсколько подробнѣе на одномъ частномъ вопросѣ, а именно на отношеніи авторовъ къ тому пресловутому источнику мадьярской исторіи, который въ послѣднее время былъ предметомъ особенно оживленнаго обсужденія въ ученой

НОВЫЕ ТРУДЫ ПО ИСТОРІИ ВЕНГРІИ.

Константина Грота.

Тысячу лѣтъ тому назадъ, въ 80-хъ годахъ IX-го вѣка, рядъ важныхъ событій и народныхъ движеній въ юговосточной Европѣ подготовлялъ тотъ великій переворотъ на среднемъ Дунаѣ, который долженъ былъ совершенно измѣнить этническій обликъ карпатскихъ земель и двинуть ихъ историческую жизнь по неожиданно-новой стезѣ.

Прошло еще 10 лѣтъ,— и мадьярскій клинъ былъ уже вбитъ въ неплотное и совсѣмъ еще несложившееся тѣло западнаго Славянства...

Итакъ мадьярскій народъ вступаетъ скоро во второе тысячелѣтіе своей исторической жизни[1]).

Своеобразный характеръ Венгріи, или Угріи (какъ намъ естественнѣе называть ее), ея оригинальныя черты и особенности въ природѣ и почвѣ, въ народонаселеніи и культурѣ, въ національныхъ и политическихъ отношеніяхъ не могутъ не привлекать особеннаго вниманія и не возбуждать живѣйшаго интереса какъ обыкновеннаго наблюдателя, такъ и ученаго. Стóитъ раскрыть и пробѣжать страницы венгерской

---

1) Мадьяры заняты теперь вопросомъ, кáкъ самымъ достойнымъ образомъ ознаменовать свой 1000-лѣтній юбилей. Они думаютъ о какомъ-нибудь грандіозномъ памятникѣ или монументальномъ учрежденіи... Но не объ этомъ одномъ слѣдовало бы имъ подумать. Хорошо, еслибъ мадьяры при этомъ случаѣ оглянулись повнимательнѣе и посеріознѣе на свое прошлое, въ его изученіи отбросили бы всякія предубѣжденія и пристрастія, и тогда оно научило бы ихъ многому, чего теперь очевидно не понимаютъ руководители ихъ внутренней политики....

не стѣсняетъ его никакими опредѣленными рамками, и онъ свободно ограничиваетъ или расширяетъ критическій разборъ матеріала, которымъ располагаетъ.

Общаго въ обоихъ трудахъ лишь то, что оба они, будучи посвящены исторіи Угріи, естественно имѣютъ дѣло съ тѣмъ же матеріаломъ, и потому не могутъ не встрѣчаться при пользованіи имъ и не высказываться иногда по однимъ и тѣмъ же вопросамъ. Но главное ихъ соотношеніе то, что г. Марцали между прочимъ категорически провозглашаетъ негодность и несостоятельность того именно источника, который поставленъ г. Пичемъ въ основаніе своего изслѣдованія. Это обстоятельство облегчаетъ и намъ разсмотрѣніе обоихъ трудовъ рядомъ. Еще общаго у нихъ — языкъ: оба написаны по-нѣмецки (одинъ впрочемъ — переводъ), хотя ни тотъ, ни другой изъ авторовъ не принадлежитъ къ нѣмецкой національности. О. В. Пичъ — молодой чешскій ученый, уже заявившій себя нѣсколькими интересными работами по исторіи и славянству[1]). Предыдущій свой трудъ («о происхожденіи Румунъ») онъ также издалъ на нѣмецкомъ языкѣ. Причина тому — надежда пріобрѣсти такимъ путемъ бóльшій кругъ читателей, ибо разрабатывая вопросы болѣе общаго интереса, онъ не расчитываетъ на достаточное распространеніе своихъ изслѣдованій среди своихъ соплеменниковъ. Положимъ, онъ и достигаетъ своей цѣли, но самъ собою напрашивается другой вопросъ: такимъ обогащеніемъ ученой литературы нѣмецкаго языка славяниномъ не наносится-ли нѣкоторый ущербъ интересамъ собственно-славянской науки? Если чешскій языкъ кажется автору ставящимъ слишкомъ узкіе предѣлы распространенію книги, то нельзя развѣ найти исходъ изъ этого затрудненія, не выходя изъ границъ славянской рѣчи, а именно прибѣгнувъ къ тому изъ славянскихъ языковъ, посредствомъ котораго можно доставить книгѣ достаточно далекое и широкое распространеніе не только въ славянскомъ мірѣ, но отчасти и за его предѣлами? Не всякій славянинъ конечно можетъ безъ затрудненія прибѣгнуть къ этому языку, но въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ основаніе говорить, ибо г. Пичъ уже до-

1) «Очеркъ политической и литературной исторіи Словаковъ за послѣднія сто лѣтъ». Славян. Сборникъ, I т. 1875; II т. 1877. — «Ueber die Abstammung der Rumänen», Leipzig, 1880, и статьи въ слав. періодическихъ изданіяхъ, напр. въ изданіи г. Гурбана «Slovenské Pohlády».

казалъ на дѣлѣ, что для него это не составило бы особаго затрудненія. Впрочемъ это только невольное размышленіе мимоходомъ, а отнюдь не серіозный упрёкъ, ибо мы знаемъ, что въ этихъ случаяхъ дѣло очень часто зависитъ болѣе отъ обстоятельствъ, чѣмъ отъ личнаго желанія автора.

Г. Марцали — ученый мадьяръ, тоже уже пользующійся извѣстностью въ исторической литературѣ своего народа[1]). Настоящій его трудъ есть отвѣтъ на заданную мадьярской академіей наукъ тему и удостоился преміи. Первоначально книга вышла конечно на мадьярскомъ языкѣ, но авторъ «счелъ своею обязанностью» издать ее и понѣмецки, такъ какъ, по его признанію, всего болѣе подвигли его къ выполненію этого труда занятія въ Берлинѣ у знаменитаго Георга Вайца. Можно только поблагодарить автора, что онъ такимъ образомъ сдѣлалъ его доступнымъ ученому міру, ибо нельзя же отрицать факта, что издаваемое мадьярами исключительно на своемъ языкѣ остается почти потеряннымъ для науки.

Въ своемъ нѣмецкомъ изданіи авторъ нашелъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя перемѣны, напр. нѣсколько распространить свое изложеніе содержанія хроникъ, имѣя въ виду читателей менѣе съ ними знакомыхъ. Что же касается того, что измѣненіемъ многихъ выраженій и оборотовъ мадьярскаго текста, въ которыхъ нѣсколько рѣзко обнаруживаются его національно-мадьярскія антипатіи, онъ старался пощадить нѣмецкое самолюбіе, въ чемъ его съ злорадствомъ уличаютъ нѣмцы, то это мелочное обстоятельство для насъ безразлично, ибо не можетъ имѣть вліянія на сущность дѣла.

Но перейдемъ къ этой сущности. Прежде всего спѣшимъ здѣсь же высказать, что передъ нами два въ высшей степени почтенныя и интересныя изслѣдованія, что оба они представляютъ весьма существенные и важные вклады въ историческую науку и каждое въ своей области можетъ служить хорошимъ началомъ и весьма полезнымъ пособіемъ для послѣдующихъ работъ того же рода.

---

1) Его важнѣйшая статья о хроникѣ безъименнаго Нотарія короля Бѣлы напечатана въ «Forschungen zur deutschen Geschichte, 17 Bd., Göttingen, 1877, стр. 622. Кромѣ того имъ помѣщено не мало статей и замѣтокъ въ періодическихъ мадьярскихъ изданіяхъ.

Мы уже сказали, что частный вопросъ, насъ особенно интересующій, это то, что авторы внесли новаго въ литературу о томъ загадочномъ источникѣ первоначальной венгерской исторіи, вокругъ котораго сосредоточивался до сихъ поръ по преимуществу интересъ мадьярской исторіографіи, который слишкомъ долго отвлекалъ вниманіе ея представителей отъ всего другаго, вызвалъ цѣлую о себѣ ученую литературу, занималъ и увлекалъ или ставилъ въ тупикъ многихъ немадьярскихъ изслѣдователей, и все это съ тѣмъ, чтобы въ концѣ концовъ, не выдержавъ испытанія строгой научной критики, всетаки утратить значеніе и цѣну, какъ прямого историческаго источника, оказаться не чистымъ золотомъ, какимъ онъ представлялся столь многимъ, а лишь его подражаніемъ, искусной поддѣлкой, обнаружившейся при первомъ спеціальномъ химическомъ испытаніи...

Взглядъ г. Марцали на Анонима уже былъ намъ хорошо извѣстенъ и прежде. Старательнымъ и интереснымъ изслѣдованіемъ этого ученаго былъ нанесенъ послѣдній рѣшительный ударъ авторитету этого памятника и произнесенъ приговоръ относительно его истиннаго значенія. Намъ любопытно только знать, не представилъ ли г. Марцали въ своей новой работѣ какихъ-нибудь новыхъ заключеній и соображеній по этому вопросу.

Съ мнѣніемъ г. Пича о томъ же писателѣ мы также отчасти уже были знакомы изъ прежней его работы «Ueber die Abstammung der Rumänen». Еще до выхода его новой книги въ свѣтъ мы слышали, что онъ и въ ней самымъ рѣшительнымъ образомъ защищаетъ Анонима, становясь въ разрѣзъ съ тѣми уже нынѣ общепризнанными выводами, къ которымъ пришла современная историческая критика. Тѣмъ съ большимъ любопытствомъ мы ожидали выхода его книги. Неужели, спрашивали мы себя, ему удалось еще пошатнуть вѣскія доказательства и заключенія послѣднихъ критическихъ изслѣдованій объ Анонимѣ? Неужели еще возможны по этому вопросу совсѣмъ противоположныя мнѣнія и безконечные споры еще не кончились? Съ такими недоумѣніями мы приступили къ чтенію книги г. Пича. Съ нея мы и начнемъ наше изложеніе.

Книга г. Пича носитъ заглавіе «Національная борьба противъ венгерскаго государственнаго права». Самое это заглавіе даетъ понять, что она написана не безъ отношенія къ современной политиче-

ской «злобѣ дня» въ Австріи, что она имѣетъ въ виду мадьярскую внутреннюю политику и мадьярскія притязанія, противъ которыхъ и ратуетъ на научной исторической почвѣ. Сочиненіе состоитъ изъ шести главъ, маленькаго предисловія и заключенія (стр. 249—259). Содержаніе отдѣльныхъ главъ слѣдующее: 1) Безъименный Нотарій короля Бѣлы. 2) Карпатская территорія до и послѣ переселенія мадьяръ, по иноземнымъ источникамъ. 3) Новое угорское королевство. 4) Угрія въ началѣ XIV-го вѣка. 5) Угрія въ половинѣ XV-го вѣка. 6) Кое-что о древней администраціи въ Угріи. «Заключеніе» подводитъ общій итогъ изслѣдованію, формулируетъ точнѣе основной взглядъ и выводы автора. Прибавимъ еще, что авторъ держится системы возможно краткаго, опредѣленнаго и яснаго изложенія фактовъ и выводовъ въ самомъ текстѣ и внесенія всей своей критической работы надъ источниками, вмѣстѣ съ обильными изъ нихъ цитатами, въ подстрочныя примѣчанія, что́ конечно облегчаетъ чтеніе книги, особенно тѣмъ читателямъ, которые довольствуются живымъ и общимъ изложеніемъ предмета и выводами автора, но не идутъ глубже, чтобъ прослѣдить и провѣрить весь ходъ его мысли при изслѣдованіи источниковъ.

Уже изъ заглавія видно, что мы имѣемъ дѣло не съ прагматическимъ или критическимъ, но послѣдовательнымъ изложеніемъ исторіи Угріи за извѣстный періодъ времени, а съ совершенно спеціальной исторической задачей, имѣющей однако въ виду не одну какую-либо эпоху, а всю исторію Угріи отъ поселенія мадьяръ до новѣйшихъ политическихъ превращеній. Эта задача, какъ ее объясняетъ самъ авторъ въ своемъ «заключеніи», состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, чтобы «отыскать руководящія начала внутренней исторіи Угріи», иначе говоря, освѣтить отношенія составныхъ ея частей къ мадьярскому зерну, опредѣлившія всю дальнѣйшую ея судьбу. Но для этого автору понадобилось прежде всего не иное что, какъ пресловутая хроника Анонима, и ее-то именно онъ кладетъ въ основаніе своего изслѣдованія. Однако, какъ извѣстно, Анонимъ отвергнутъ исторической критикой, признанъ несостоятельнымъ—какъ прямой источникъ, отъ начала до конца недостовѣрнымъ для событій IX—X вв.; слѣдовательно, чтобы серіозно пользоваться для той или другой цѣли его повѣствованіями, надо прежде всего доказать его историческую достовѣрность.

Это и составляетъ первую задачу автора. Посмотримъ, какъ же онъ ее исполняетъ.

Анонимному Нотарію короля Бѣлы посвящена первая глава сочиненія, но не защита его составляетъ ея содержаніе, а подробное изложеніе по Анониму положенія дѣлъ въ карпатскихъ земляхъ до и послѣ переселенія мадьяръ — и притомъ безъ связи съ другими источниками и на что особенно обращается авторомъ вниманіе безъ всякаго предвзятаго взгляда[1]). «Такая критика», справедливо замѣчаетъ г. Пичъ, «имѣла бы мало значенія, еслибъ въ пользу достовѣрности и исторической правдоподобности хроники не могли быть приведены доказательства, каковыхъ нельзя найти въ современныхъ источникахъ даже при нашемъ изложеніи» (стр. 250). Но какія же это доказательства? Авторъ прямо признаетъ, что современные источники недостаточны, значитъ, нужны иныя. Вотъ въ этомъ-то пунктѣ и заключается главная задача автора и его методъ, въ немъ весь смыслъ отношенія Анонима къ главному содержанію его изслѣдованія. Все его дальнѣйшее изложеніе (начиная со 2-ой главы и до 6-ой), т. е. изслѣдованіе и освѣщеніе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ моментовъ угорской исторіи и характеристика ея внутренней организаціи, должно служить доказательствомъ достовѣрности всего того, что сообщаетъ Анонимъ, а такимъ образомъ оправданный Анонимъ въ свою очередь является историческимъ разъясненіемъ тѣхъ внутреннихъ территоріально-политическихъ отношеній въ Угріи, которыя постоянно обнаруживаются въ продолженіе всей ея исторіи и изъ которыхъ г. Пичъ дѣлаетъ свои выводы о «руководящихъ началахъ» этой исторіи.

Итакъ вотъ для чего ему понадобился всѣми отвергнутый источникъ. Чтобы еще болѣе уяснить дѣло, мы позволимъ себѣ привести здѣсь слова самого автора (изъ его заключенія). «По нашему крайнему мнѣнію, говоритъ г. Пичъ, защита достовѣрности сообщеній Анонима требуетъ доказательства во 1) существованія изображенныхъ хроникою княжествъ и 2) происшедшаго вслѣдствіе переселенія (угровъ) упроченія на будущее время національнаго и политическаго положенія дѣлъ. Но такъ какъ такая защита можетъ быть ведена на

---

1) Мы однако не совсѣмъ этому вѣримъ и думаемъ, что авторъ и здѣсь былъ безсознательно подъ вліяніемъ своей идеи, на что еще укажемъ ниже.

основаніи современныхъ источниковъ лишь въ самыхъ общихъ и крупныхъ чертахъ, при чемъ можно только доказать, что великоморавская и болгарская державы простирались въ мѣстности по среднему Дунаю, но нельзя прослѣдить границы и внутреннее подраздѣленіе обоихъ государствъ, то мы старались въ изложеніи отдѣльныхъ фазъ угорской исторіи выбрать такіе моменты, въ которые проявлялось территоріальное расчлененіе, и стремились представить внутреннюю связь (т. е. единство) этихъ территорій посредствомъ изображенія до сихъ поръ мало обращавшей на себя вниманіе системы «королевскихъ градовъ» (königl. Burg, castrum) и королевскихъ камеръ. Такъ какъ организація этихъ мѣстныхъ единицъ не объясняется изъ угорскаго права, то ее необходимо отнести къ домадьярскимъ порядкамъ; а такъ какъ прослѣженныя нами территоріи довольно сходятся съ начертанными Анонимомъ, то съ одной стороны представленное имъ территоріальное дѣленіе карпатской земли находитъ себѣ подтвержденіе и доказательство въ послѣдующей внутренней исторіи Угріи, съ другой же стороны Анонимомъ дается историческое объясненіе этихъ своеобразныхъ территорій. Что же касается втораго пункта доказательства, то мы, не взирая на тѣ мѣста (въ хроникѣ Анонима), которыя въ сокращенномъ или измѣненномъ видѣ — встрѣчаются также и въ другихъ старѣйшихъ мадьярскихъ хроникахъ, — старались представить, что Угрія, согласно изложенному нами сообщенію Анонима, не была государствомъ, возникшимъ черезъ завоеваніе и единымъ, но что она образовалась уже въ историческое — извѣстное время посредствомъ болѣе или менѣе непрочнаго присоединенія къ ней отдѣльныхъ областей, умѣвшихъ и въ послѣдствіи охранять свою національную и политическую особность. Въ изображеніи этой внутренней исторіи развитія угорскаго государства заключается вторая часть доказательства правдоподобности показаній Анонима, которому мы и спѣшимъ тотчасъ же отвести почетное мѣсто въ ряду достовѣрныхъ источниковъ, прежде еще чѣмъ научная критика произнесла свой приговоръ о представленныхъ доказательствахъ». (стр. 250—251).

Въ этомъ отрывкѣ достаточно ясно выражены основная точка зрѣнія автора на внутреннюю исторію Угріи, ходъ его мыслей въ защитѣ Анонима и вмѣстѣ планъ главной части его изслѣдованія. Но не слишкомъ ли онъ поспѣшилъ съ своимъ рѣшительнымъ, безусловнымъ

выводомъ о достовѣрности Анонима? Чтобы говорить такъ категорически, надо быть дѣйствительно твердымъ въ своемъ убѣжденіи. Но даютъ ли ему достаточное основаніе къ тому представленные имъ факты и данныя и правильны-ли его умозаключенія? — вотъ весь вопросъ.

Однако прежде чѣмъ обратимся къ нему, мы познакомимъ читателей съ другою стороною сочиненія г. Пича и съ тѣмъ, что̀ важнаго и интереснаго даетъ его книга помимо вопроса объ Анонимѣ.

Вторая глава (стр. 43 — 69), разсматривающая положеніе карпатской территоріи до и послѣ переселенія мадьяръ по иностраннымъ источникамъ, не останавливаетъ на себѣ нашего особеннаго вниманія, ибо во первыхъ не представляетъ ничего новаго, а во вторыхъ написана подъ такимъ вліяніемъ вѣры автора въ Анонима, въ такой зависимости отъ непогрѣшимыхъ для него сообщеній этой хроники, что ее можно разбирать лишь въ связи съ этими извѣстіями.

Согласить ихъ съ показаніями иностранныхъ источниковъ нельзя иначе, какъ прибѣгнувъ къ произвольному видоизмѣненію и искаженію и тѣхъ и другихъ. Впрочемъ, какъ мы уже видѣли, эти современныя извѣстія не въ состояніи и въ глазахъ г. Пича подтвердить разсказъ Анонима. И вотъ нашъ авторъ приступаетъ къ ряду изслѣдованій въ области позднѣйшей угорской исторіи, выбирая изъ нея такіе моменты, которые способны были бы доказать его основной взглядъ какъ на внутреннюю политическую организацію Угріи, такъ и на Анонима, который по его мнѣнію является достовѣрнымъ свидѣтелемъ о томъ, изъ чего развилась эта организація. Читателю уже извѣстна основная точка зрѣнія автора. Мы оставимъ ее пока, и обратимся къ самому содержанію изслѣдованія.

Г. Пичъ далъ намъ нѣсколько въ высшей степени интересныхъ и удачныхъ очерковъ изъ внутренней венгерской исторіи, въ которыхъ съ большимъ знаніемъ дѣла и на основаніи разбора обильнаго матеріала, сохраненнаго какъ въ національныхъ хроникахъ, такъ особенно въ дошедшихъ до насъ во множествѣ грамотахъ, представилъ характеристику отношеній составныхъ (славянскихъ) частей Угріи къ мадьярскому государственному центру, и именно въ тѣ эпохи угорской исторіи, когда эти отношенія, по его мнѣнію, высказались всего ярче, рѣзче и характернѣе.

Вслѣдствіе неразработанности и разбросанности источниковъ автору пришлось взять на себя нелегкій трудъ, и остается только преклониться передъ его терпѣніемъ, трудолюбіемъ и начитанностью, ибо онъ прекрасно справился съ своей задачей. Не мало интересныхъ вопросовъ поднято или затронуто имъ въ этихъ очеркахъ, и весьма много соображеній и замѣчаній его заслуживаютъ полнаго вниманія, нерѣдко даже бóльшаго, чѣмъ онъ самъ имъ удѣляетъ. Мы можемъ только въ общихъ чертахъ отмѣтить содержаніе этихъ главъ.

Третья глава посвящена «образованію угорскаго королевства» при Стефанѣ Святомъ (стр. 70 — 100). Она заключаетъ въ себѣ обсужденіе многихъ важныхъ вопросовъ, и въ общемъ нельзя не согласиться съ ея выводами. Здѣсь г. Пичъ разъясняетъ прежде всего, чтò составляло первоначально мадьярскія владѣнія и чтò вошло въ державу Стефана Святаго. — Къ опредѣленію границъ владѣній этого послѣдняго авторъ идетъ отрицательнымъ путемъ, т. е. выясняя изъ современныхъ источниковъ, чтò изъ территорій не находилось подъ его властью. Онъ начинаетъ съ сѣвера, съ земли словаковъ, затѣмъ переходитъ къ Трансильваніи, идетъ югомъ по Дунаю и оканчиваетъ землей между Дравой и Савой (Славоніей). Къ сожалѣнію, есть важный пробѣлъ, ибо положеніе сѣверовосточной карпатской территоріи (населенной русскимъ народомъ) остается невыясненнымъ [1]). Относительно извѣстія угорскихъ хроникъ о покореніи Стефаномъ на востокѣ болгаро-славянскаго княжества (кн. Кеанъ) г. Пичъ высказывается за достовѣрность самаго факта покоренія, но не соглашается съ пріуроченьемъ этого княжества въ Валахію, а находитъ единственно подходящимъ помѣщать его въ южную часть Трансильваніи. Впрочемъ онъ не отрицаетъ возможности существованія особаго болгарскаго княжества и въ нынѣшней Валахіи [2]). Изъ разсмотрѣнія полити-

---

1) Вообще надо замѣтить, что этой сѣверовосточной русской территоріи г. Пичъ всегда удѣляетъ гораздо менѣе вниманія, чѣмъ напр. словацкой, которая не только особенно выдвинута впередъ, но и границы которой онъ даже слишкомъ раздвигаетъ па востокъ на счётъ русскаго населенія (стр. 208 — 210, пр. 53), тогда какъ для древняго времени надо было сдѣлать совершенно обратное. Срв. статью А. И. Д. «О западныхъ границахъ подкарпатской Руси со временъ Св. Владиміра». Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, CCVIII ч.

2) Намекъ на это онъ готовъ видѣть въ сообщеніяхъ извѣстной записки греческаго топарха. Затрогивая вопросъ объ этомъ любопытномъ источникѣ (стр.

ческаго положенія этихъ немадьярскихъ частей будущей Угріи авторъ приходитъ къ заключенію, что власть мадьяръ черезъ 100 лѣтъ послѣ поселенія ихъ на Дунаѣ не имѣла большаго распространенія, а ограничивалась второй Панноніей, собственной Угріей между Дунаемъ и Тиссой и сѣверною частью территоріи по ту сторону Тиссы (здѣсь авторъ не довольно точенъ). Сохраненіе въ теченіе такого долгаго времени ряда независимыхъ или принадлежавшихъ сосѣднимъ государствамъ областей говоритъ вполнѣ противъ завоевательнаго и всесокрушающаго характера мадьярскаго переселенія, который справедливо отвергается г. Пичемъ. Присоединеніе къ Угріи въ теченіе XI вѣка отдѣльныхъ областей и территорій онъ не считаетъ ни «инкорпораціей», ни «ассимиляціей» съ королевствомъ. Эти разнородныя части примкнули къ нему постепенно на самыхъ различныхъ условіяхъ, такъ что естественно должны были образоваться новыя отношенія между короной и присоединенными землями, тогда какъ свои оригинальныя порядки продолжали существовать на обѣихъ сторонахъ. Затѣмъ слѣдуютъ интересныя соображенія о понятіяхъ regnum Hungariae, ducatus и о возникновеніи позднѣе выраженія «totum regnum Hungariae» (стр. 94 и сл.). «Такимъ образомъ, говорится въ заключеніе, королевство угорское было уже при своемъ основаніи и послѣ довольно сложнымъ организмомъ, но не какъ цѣлое раздробленное случайнымъ дѣленіемъ, а какъ зданіе, возникшее посредствомъ постепеннаго, можетъ быть случайнаго соединенія, составныя части котораго такъ крѣпко держались своей первоначальной индивидуальности, что сознаніе ея и понынѣ живетъ даже въ народной массѣ. И потому не удивительно, что эти разнородные элементы со своими противоположными началами время отъ времени должны были сталкиваться, чтобы мѣрить свои силы и въ кровавой и въ некровавой борьбѣ. Эта тысячелѣтняя распря въ своихъ фазахъ придаетъ угорской исторіи такой пестрый колоритъ, какого мы напрасно будемъ искать въ другихъ европейскихъ странахъ, и потому стóитъ прослѣдить по крайней мѣрѣ хоть нѣкото-

---

83—85, прим. 13), г. Пичъ вопреки мнѣнію В. Г. Васильевскаго, относящаго сообщенныя тамъ событія къ первой войнѣ Святослава (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1876, іюнь), пріурочиваетъ ихъ, на основаніи сдѣланныхъ для него астрономическихъ вычисленій, къ 992 г., т. е. ко времени Владиміра Св., когда Византія вторично искала союза съ Русью противъ болгаръ.

рые моменты этой внутренней борьбы, чтобы ближе изучить какъ борющіяся стороны, такъ и тѣ начала, которыхъ онѣ являлись представителями». Мы нарочно привели это мѣсто цѣликомъ, ибо оно еще яснѣе характеризуетъ задачу дальнѣйшаго изложенія и руководящую идею нашего автора.

Четвертая глава (Угрія въ началѣ XIV в., 100—129 стр.) уже выводитъ насъ изъ предѣловъ эпохи Арпадовичей. Она рисуетъ картину внутренняго состоянія Угріи въ началѣ XIV в. по прекращеніи рода Арпадовичей, въ смутные годы «междуцарствія». По словамъ автора, съ прекращеніемъ династіи исчезъ связующій элементъ между отдѣльными земельными группами и коренной землей, и отдѣльные интересы снова ярко выступили наружу. Казалось, Угрія была близка къ тому, чтобы разложиться на составныя свои части. Вотъ почему важно разсмотрѣть группировку отдѣльныхъ территорій, обнаружившіеся мѣстные интересы и ихъ политическую программу. Политическая борьба даетъ возможность уяснить себѣ, «въ какомъ направленіи начала развиваться угорская держава» и какія стремленія выказались въ отдѣльныхъ областяхъ. Разсмотрѣвъ по порядку внутреннее политическое положеніе вещей въ сѣверо-западной территоріи, гдѣ Матвѣй Тренчинскій соединилъ подъ своею властью почти всю землю словаковъ, въ сѣверной и въ сѣверо-восточной (карпатскихъ) областяхъ, гдѣ властвовалъ палатинъ Омодей, въ землѣ Затисской, въ западной пограничной маркѣ (Confinium), Славоніи, приморской Хорватіи, Трансильваніи и Мармарошѣ, г. Пичъ находитъ повсюду то же стремленіе къ обособленію и къ автономной организаціи. Такое стремленіе онъ считаетъ чрезвычайно характернымъ и заслуживающимъ серіознаго изслѣдованія съ помощью угорскаго государственнаго права—съ тою цѣлью, чтобы или освѣтить и истолковать его посредствомъ этого права (въ «Corpus juris hungarici») или наоборотъ объяснить особенности угорскаго государственнаго права этими условіями.

Сказавъ нѣсколько словъ о политическомъ положеніи Трансильваніи, какъ самомъ понятномъ для насъ, авторъ далѣе останавливается на значеніи и роли палатиновъ и пытается опредѣлить эту роль для даннаго времени.

Для этого онъ характеризуетъ ту борьбу, которую они предпри-

няли по смерти послѣдняго Арпадовича, какъ представители старыхъ порядковъ, противъ иноземныхъ, нѣмецкихъ нововведеній, урѣзавшихъ ихъ власть и вліяніе — изъятіемъ (посредствомъ привилегій) изъ-подъ ихъ юрисдикціи высшаго духовенства, многихъ дворянъ и даже городовъ. Въ этой борьбѣ Карлъ Робертъ Анжуйскій защищаетъ привилегіи противъ палатиновъ, сила которыхъ снова подрывается. Съ этимъ вмѣстѣ разсматривается вопросъ объ одновременномъ существованіи нѣсколькихъ палатиновъ, рядомъ съ такимъ же одновременнымъ существованіемъ нѣсколькихъ воеводъ. Оказывается, по мнѣнію автора, что и палатины являются, подобно воеводамъ, такими же намѣстниками въ отдѣльныхъ областяхъ, тѣмъ болѣе, что ихъ власть оказывается сосредоточенною въ территоріяхъ, бывшихъ уже и первоначально въ слабомъ соединеніи съ центромъ. Такимъ образомъ г. Пичъ приходитъ къ заключенію, что эти отдѣльныя территоріи, первоначально слабо связанныя съ центромъ, примкнули къ нему позднѣе болѣе тѣсно въ видѣ автономныхъ частей, управляемыхъ выдающимися чиновниками, но что попытки нанести рѣшительный ударъ этой автономіи привели къ внутренней борьбѣ послѣ Арпадовичей. Однако разбора этихъ отношеній авторъ еще не признаетъ достаточнымъ для общихъ выводовъ, ибо эта организація съ палатинами и воеводами продолжается не долго, и затѣмъ снова выплываютъ, какъ прежде, отдѣльные комитаты, такъ что административное единство территорій рѣшительно ускользаетъ изъ рукъ. Итакъ для рѣшенія этой задачи нуженъ еще матеріалъ, и авторъ рѣшается «раскрыть еще нѣсколько страницъ угорской исторіи». Послѣдуемъ и мы за нимъ.

Въ пятой главѣ (130—164 стр.) г. Пичъ перескакиваетъ въ середину XV-го вѣка, къ смутному періоду венгерской исторіи по смерти короля Альбрехта (1439), когда снова проявляется борьба политическихъ партій.

Даже съ возстановленіемъ внѣшняго политическаго единства — внутреннее расчлененіе государства ярко даетъ себя знать въ постановленіяхъ сейма 1445 г., изъ которыхъ оказывается съ одной стороны, что вовсе не включены въ нихъ Трансильванія и вся область за Дравой, съ другой — что собственно угорское королевство подраздѣляется на 4 большія группы, изъ которыхъ каждая управляется однимъ или нѣсколькими выдающимися лицами въ сообществѣ съ дво-

рянствомъ и городами. Хотя это положеніе дѣлъ продолжается и не долго — до избранія Яна Гуніада, тѣмъ не менѣе съ точки зрѣнія автора этотъ періодъ заслуживаетъ полнаго вниманія и обслѣдованія, которое онъ и выполняетъ опять съ большимъ тщаніемъ по первымъ источникамъ. Изслѣдованіе борьбы за угорскій престолъ отдѣльныхъ партій, локализованныхъ на извѣстныхъ территоріяхъ, интересы которыхъ онѣ собой представляли, даетъ право къ выводу, что собственно не лица, выступавшія на сцену, а именно отдѣльныя территоріи являлись носителями различныхъ и противоположныхъ другъ другу интересовъ и задачъ, и притомъ эти территоріи оказывались почти совпадающими съ тѣми, которыя выступали раньше, въ предыдущіе моменты внутренней борьбы. Достоинство «генеральныхъ капитановъ» авторъ приравниваетъ на основаніи положительныхъ данныхъ къ палатинату, считая его лишь новымъ изданіемъ послѣдняго съ присоединеніемъ элементовъ національнаго и религіознаго (подъ вліяніемъ чешскаго гусситства). Естественно, что территоріи, обособленныя автономіей, національностью и религіей, ищутъ своего особеннаго пути и въ политическомъ отношеніи.

При этомъ случаѣ авторомъ весьма вѣрно и справедливо отмѣчена характерная черта венгерской исторіи, что «съ бо́льшимъ развитіемъ угорской державы, съ прекращеніемъ династіи Арпадовичей — мадьярскій національный элементъ все болѣе теряетъ свою активную руководящую роль, пока наконецъ совсѣмъ не становится пассивно-отрицательнымъ». Знаменитые Гуніады были уже румунскаго происхожденія [1]). Послѣ нихъ власть переходитъ къ славянамъ. Послѣ же битвы при Могачѣ «искусственное политическое зданіе» рушилось.

Западныя части примкнули ко владѣніямъ короля Фердинанда, а собственно мадьярская территорія провозгласила королемъ трансильванскаго воеводу Запольскаго, несмотря на его славянское происхожденіе, а потомъ добровольно подчинилась турецкому игу. «Слѣды національнаго антагонизма, замѣчаетъ г. Пичъ, противъ всего нѣмецкаго и противъ Габсбургской династіи (какъ представительницы германизма) имѣются болѣе или менѣе во всѣхъ венгерскихъ источникахъ» (стр. 159; прим. 44); это — дѣйствительно черта, которую стоило бы

1) Хотя мадьяры это и оспариваютъ.

прослѣдить повнимательнѣе. Обособленіе все тѣхъ же территорій, по изслѣдованію автора, обнаруживается и послѣ, во время полнаго упадка Угріи.

Такой послѣдовательный разборъ отдѣльныхъ моментовъ угорской исторіи самъ собою приводитъ нашего автора къ слѣдующему общему выводу. Старая, постоянно возобновлявшаяся борьба партій, сгруппированныхъ по территоріямъ и національностямъ, привела не только къ окончательному разложенію государственнаго зданія Угріи, но и къ полному раздробленію его на тѣ составныя части, изъ которыхъ она нѣкогда сложилась. Итакъ не случайному погрому турецкому слѣдуетъ приписать паденіе Угріи. Развитіе противоположныхъ интересовъ партій послѣдовательно должно было привести къ этому результату. Г-ну Пичу остается еще только выяснить и опредѣлить ту внутреннюю связь, которая насквозь проникала и скрѣпляла отдѣльныя племенныя территоріи, давая имъ силы выступать въ данный моментъ съ собственной административной организаціей и преслѣдовать свои особые интересы. Эту задачу онъ и выполняетъ въ послѣдней (VI) главѣ своей книги.

Но уже во всемъ до сихъ поръ изложенномъ, надѣемся достаточно выяснился основной взглядъ автора на характеръ и направленіе внутренней исторіи Угріи. Послѣдняя разсмотрѣнная глава, какъ и предыдущія, имѣетъ сама по себѣ большую цѣну, какъ интересный историческій очеркъ важнаго момента угорской исторіи, основательно разработаннаго по источникамъ.

Но что сказать объ общихъ выводахъ, построенныхъ на этихъ обрывкахъ исторіи? мы не имѣемъ здѣсь возможности, да и не ставили себѣ задачи—входить въ ихъ подробную оцѣнку и критику. Скажемъ здѣсь только одно. Мы признаемъ вполнѣ интересъ и важность сдѣланнаго авторомъ въ исторической разработкѣ данныхъ моментовъ угорской исторіи и отчасти выводовъ, естественныхъ изъ ихъ сопоставленія, но полагаемъ однако, что если такой пріемъ въ изслѣдованіи и вполнѣ соотвѣтствуетъ предпринятой спеціальной задачѣ г. Пича и достигаетъ своей цѣли — выдвинуть какъ можно рельефнѣе руководящую идею и взглядъ его, то онъ далеко не даетъ возможности добраться до раскрытія дѣйствительной, настоящей правды о внутренней угорской исторіи, всецѣло выяснить и опредѣлить ея основной

характеръ и руководящія начала, а напротивъ, выставляя впередъ одну лишь сторону и одно явленіе и пуская изъ виду другіе факторы и силы, способенъ придать всему неправильное и одностороннее освѣщеніе, какъ и должно быть, когда предметъ показывается лишь подъ однимъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія. Это мы и видимъ въ трудѣ нашего автора.

Для поясненія нашей мысли позволимъ себѣ только замѣтить, что кто безъ всякой предвзятой точки зрѣнія прослѣдитъ весь ходъ исторіи Угріи, ея внутреннее и внѣшнее развитіе и судьбу, тотъ никакимъ образомъ не остановится на одномъ лишь началѣ разнообразія, разъединенности, и тѣмъ менѣе партикуляризма, какъ на всеопредѣляющемъ началѣ во внутренней угорской исторіи, не станетъ налегать на однѣ противоположности и борьбу различныхъ интересовъ составныхъ частей Угріи. Онъ непремѣнно легко замѣтитъ и выдвинетъ нѣчто совсѣмъ другое, что́, находясь въ связи именно съ фактомъ племеннаго и административнаго разнообразія, заключалось въ силѣ какъ разъ совершенно противоположнаго направленія, придававшей угорскому государству весьма опредѣленный и устойчивый характеръ, съ которымъ оно и является постоянно въ своихъ отношеніяхъ къ сосѣдямъ — какъ единый, цѣльный и сильный государственный организмъ съ вполнѣ опредѣленною политическою ролью, своими задачами и стремленіями. При господствѣ одного начала разъединенія и племеннаго партикуляризма, этого конечно не могло бы быть. Такимъ образомъ увлекшись одною лишь стороною дѣла и выхвативъ изъ всей угорской исторіи только нѣсколько подходящихъ къ его взгляду моментовъ, г. Пичъ естественно пришелъ къ одностороннимъ выводамъ, между прочимъ и по вопросу о паденіи Угріи и его причинахъ. Вотъ почему мы придаемъ наиболѣе значенія и цѣны въ его работѣ — фактической разработкѣ обильно зачерпнутаго въ венгерскихъ источникахъ матеріала — помимо прямой цѣли автора, связанной имъ — впрочемъ безъ всякой необходимости — съ странной защитой Анонима. Самой же существенной и положительной его заслугой мы считаемъ попытку возстановить по источникамъ картину внутренняго административнаго устройства старой Угріи, такъ сказать откопать его корни или фундаментъ и прослѣдить историческій ходъ его дальнѣйшаго развитія подъ воздѣйствіемъ западнаго нѣмецкаго вліянія, про-

тиводѣйствіе которому со стороны представителей старыхъ порядковъ — дѣйствительно пораждало внутреннюю борьбу, характеризующую нѣкоторыя — переходныя и критическія эпохи угорской исторіи.

Эта характеристика административной организаціи Угріи, долженствующая именно выяснить ту внутреннюю связь, которая поддерживала цѣльность и самобытность отдѣльныхъ территорій, составляетъ содержаніе VI главы (стр. 165—148), самой обширной и вмѣстѣ самой важной.

Такъ какъ мы стѣснены пространствомъ и временемъ и намъ предстоитъ еще заняться здѣсь кое-чѣмъ другимъ, то приходится ограничиться лишь самымъ краткимъ перечисленіемъ того, что существеннаго даетъ намъ эта глава. Охарактеризовавъ затруднительное положеніе ученаго, приступающаго къ такой задачѣ, какъ раскрытіе тайнъ внутренняго устройства Угорскаго королевства, и сказавъ нѣсколько словъ о своихъ источникахъ, извѣстномъ сводѣ «Corpus juris» и многочисленныхъ грамотахъ, авторъ начинаетъ свое изслѣдованіе съ подробнаго разбора финансоваго устройства въ старой Угріи, какъ самаго кореннаго и жизненнаго (учрежденіе «корол. камеръ»), которое оказывается вполнѣ автономнымъ и свидѣтельствуетъ о глубокихъ корняхъ своихъ въ мѣстныхъ первобытныхъ порядкахъ. Происхожденіе камеръ объясняется въ связи съ борьбой противъ системы привилегій, которою нарушалась мѣстная автономія. Подробный и тщательный разборъ вопроса о комитатахъ служитъ къ отысканію слѣдовъ первоначальнаго мѣстнаго устройства. Путемъ изслѣдованія мѣстныхъ административныхъ отношеній во всѣхъ составныхъ частяхъ Угріи—авторъ раскрываетъ параллельное существованіе двойной администраціи: комитатовъ и королевскихъ градовъ (градъ, городъ, castrum, соотвѣтствуетъ древнимъ жупнымъ центрамъ) съ ихъ территоріями. Каждая изъ этихъ единицъ имѣла свою самостоятельную организацію: устройство градовъ имѣло совсѣмъ иное основаніе, чѣмъ устройство комитатовъ. «Королевскіе грады оказываются старѣе комитатовъ, такъ какъ когда-то вся масса населенія подлежала юрисдикціи градскаго капитана, носившаго — при выдающемся положеніи своего центра—титулъ «comes». При образованіи новаго дворянства, возникшаго посредствомъ изъятія изъ мѣстной градской юрисдикціи, началась борьба между новымъ и старымъ порядкомъ вещей, кончив-

шаяся напослѣдокъ тѣмъ, что дворянство организовалось по маленькимъ градскимъ областямъ въ комитаты, вслѣдствіе чего и возникла параллельная администрація дворянства и недворянскаго къ градамъ принадлежащаго населенія». Таковъ общій результатъ этой основательной и дѣльной работы, имѣющей особенное значеніе въ виду крайней еще неразработанности этого важнаго предмета. Не мало интересныхъ замѣчаній и соображеній найдетъ читатель на этихъ страницахъ.

Въ «заключеніи» эти выводы повторены еще вкратцѣ въ связи съ основнымъ взглядомъ автора на развитіе и основы внутренней исторіи Угріи. Не излишне будетъ привести еще нѣсколько обобщительныхъ словъ изъ этого заключенія.

«Это старое, въ XVI в. распавшееся угорское государство, говоритъ г. Пичъ, есть своеобразное зданіе, стоящее правда подъ вліяніемъ европейскихъ государственныхъ формъ, но создавшееся отнюдь не по европейскому образцу... Это была слабая, негармоничная, можно сказать совершенно случайная группировка смежныхъ, но внутренно совершенно различныхъ (?) элементовъ, примкнувшихъ къ элементу центральному. Эти элементы были національности, но не сами по себѣ существующія народности, а ихъ обрывки, которые, имѣя внѣ государственныхъ предѣловъ свою коренную землю, а слѣдовательно тамъ же и свой національный центръ тяжести, естественно должны были оставаться подъ нравственнымъ вліяніемъ своихъ заграничныхъ соплеменниковъ. Укрѣпленныя этими связями въ своей народной самобытности, опираясь дома, въ карпатской землѣ, на свою градскую организацію, племена эти составляли рѣзко ограниченныя группы, которыя хотя и примыкали къ государству, но не могли съ нимъ слиться (въ немъ распуститься). Угрія была свободной федераціей самобытныхъ и автономныхъ племенъ, среди которыхъ могли находить себѣ мѣсто такъ же автономно и самостоятельно новые прибывавшіе національные элементы». Все это, положимъ, такъ или почти такъ, но что-же далѣе? «Именно потому, продолжаетъ авторъ, что между племенами не было ни одного, которое бы достаточно превосходило силами другія, чтобы разрушить эту прочную систему, дѣло никогда не могло дойти до образованія единаго государства (Einheitsstaat) (?!), но привело къ разложенію, когда проснувшіяся противорѣчія не могли

примириться». Такой выводъ невольно поражаетъ своею странностью. Какъ же авторъ смотритъ на старую Угрію? Чѣмъ же, какъ не единымъ государствомъ съ опредѣленнымъ характеромъ, своей собственной политикой и интересами является она въ теченіе своей многовѣковой исторіи? самъ же авторъ тутъ же называетъ ея политическую систему «прочною» (festes System). Какъ же она ведетъ только къ разложенію? Очевидно, онъ самъ впадаетъ въ противорѣчіе, и неправильный его выводъ объясняется лишь той односторонней точкой зрѣнія, на которой онъ стоитъ, ища въ исторіи Угріи одного только начала разъединенія и партикуляризма.

Въ концѣ концовъ г. Пичъ въ немногихъ словахъ обрисовываетъ послѣдующую судьбу Угріи до нашихъ дней. Послѣ всего нами сказаннаго предоставляемъ судить самому читателю, умѣстна ли параллель, проводимая тутъ авторомъ между столь искусственно-ярко освѣщенной имъ внутренней борьбой (старыхъ началъ съ новыми) въ старой Угріи — съ національною борьбой въ Венгріи нашего времени, совершенно забывшей старыя преданія и завѣты предковъ!

Читатель уже знаетъ изъ предыдущаго, какое мѣсто отводитъ г. Пичъ хроникѣ Анонима въ своемъ трудѣ. Съ одной стороны разсмотрѣнные моменты внутренней угорской исторіи должны служить подтвержденіемъ достовѣрности всего того, что разсказываетъ этотъ писатель XIII-го вѣка о покореніи Угріи мадьярами. Съ другой стороны Анонимъ является историческимъ объясненіемъ того положенія вещей, которое позднѣе развивается въ Угріи, а главный изъ всего этого выводъ, что Анониму, какъ вполнѣ достовѣрному и добросовѣстному писателю, должно принадлежать почетное мѣсто въ ряду другихъ источниковъ угорской исторіи. Мы уже видѣли, что такое мнѣніе совершенно противоположно тому приговору, который произнесенъ надъ этимъ памятникомъ новѣйшей исторической критикой. Вопросъ значитъ въ томъ, успѣлъ ли нашъ авторъ поколебать силу этого приговора? Мы рѣшительно и категорически отвѣчаемъ: нисколько, ни въ малѣйшей мѣрѣ! Ибо мы не находимъ въ его книгѣ ни прямыхъ фактическихъ доказательствъ въ пользу достовѣрности отвергнутой хроники, ни опроверженія и критики тѣхъ убѣдительныхъ доводовъ и соображеній, которыя приведены учеными противъ нея, а видимъ лишь тщетное стремленіе помирить съ Анонимомъ современныя иностранныя

извѣстія (II гл.), а затѣмъ попытку доказать его достовѣрность a posteriori, т. е. данными позднѣйшей угорской исторіи, но попытку, по нашему мнѣнію, совершенно неудачную и даже, по отношенію къ задачѣ и основному взгляду автора, едва-ли не безплодную и излишнюю!

Въ самомъ дѣлѣ: таковы-ли разъясненныя авторомъ явленія внутренней исторіи и политической организаціи старой Угріи, чтобы они нуждались въ какомъ-либо особенномъ историческомъ оправданіи — въ родѣ свидѣтельствъ Анонима. Намъ кажется, что эти явленія и безъ того вполнѣ понятны и естественны. Мы знаемъ и безъ Анонима, какъ сложилось постепенно угорское государство, какой территоріей ограничивалось первоначально мадьярское господство и какъ постепенно вошли въ составъ Угріи сосѣднія территоріи. Отмѣченное авторомъ расчлененіе Угріи — въ извѣстные моменты ея исторіи на постоянно однѣ и тѣ же опредѣленныя территоріальныя группы, искавшія устроиться автономно, обнаруживавшія свои особенные интересы и политическія задачи, не представляетъ ничего загадочнаго, нуждающагося въ особенномъ толкованіи. Оно не можетъ не быть яснымъ для каждаго, кто знаетъ съ одной стороны географическое строеніе карпатскихъ земель и особенно племенное распредѣленіе ихъ населенія въ эпоху мадьярскаго нашествія (равно какъ и сосѣдство ихъ), съ другой принципы и характеръ административнаго устройства Угріи. Г. Пичу хорошо извѣстно и то и другое, а потому непонятно, для чего онъ нашелъ нужнымъ — въ такомъ источникѣ, какъ Анонимъ, искать разгадки и безъ того яснаго, какъ день, тѣмъ болѣе, что ему пришлось даже прибѣгнуть къ нѣкоторой операціи и надъ Анонимомъ, чтобъ сдѣлать его пригоднымъ къ дѣлу [1]). Но положимъ, Анонимъ дѣйствительно рисуетъ въ своихъ славянскихъ княжествахъ — точно ту-же группировку дунайскихъ земель, какая замѣчается нами въ послѣдствіи во внутренней политической исторіи Угріи и которая соотвѣтствуетъ

1) Мы не можемъ иначе выразиться о способѣ изложенія г. Пичемъ извѣстій Анонима и ихъ толкованіи въ 1-ой главѣ. Во 1-хъ, онъ беретъ не все повѣствованіе о побѣдоносномъ шествіи и походахъ мадьяръ, а лишь то, что соотвѣтствуетъ его собственно представленію о занятіи земли мадьярами, тогда какъ судить вѣрно о значеніи и вѣроподобіи этого повѣствованія можно только — разсматривая его цѣликомъ. Во 2-хъ, авторъ очень часто произвольно толкуетъ показанія Анонима, придавая имъ тотъ смыслъ, который нуженъ для его, автора, цѣлей. Достаточно указать, какъ на примѣръ, на стр. 31—33, прим. 91 и 93, 94; стр. 37, 38 и т. д.

вполнѣ естественному разграниченію Угріи по племенамъ. Что-же изъ этого слѣдуетъ? По нашему мнѣнію только одно: для насъ ясно, что Анонимъ, жившій въ XIII-мъ вѣкѣ и конечно хорошо знавшій этническій составъ своего отечества, его внутреннюю организацію и политическія отношенія, сочиняя исторію завоеванія Угріи мадьярами, невольно или даже вольно, сознательно, выразилъ въ ней ту выдающуюся черту, которая характеризовала и современную ему Угрію, и, сообразно съ своимъ воззрѣніемъ о завоеваніи Угріи, перенесъ эту черту и на предмадьярскую эпоху.

Итакъ мы считаемъ защиту Анонима a posteriori не только неудавшеюся, но и совершенно даже излишнею для главной задачи самого автора. Ея исполненіе нисколько не выигрываетъ посредствомъ Анонима и нисколько не можетъ потерять безъ него. Скорѣе напротивъ. Вѣра въ Анонима вводитъ нашего автора во многія заблужденія и заставляетъ его не совсѣмъ объективно и трезво относиться къ другимъ современнымъ источникамъ и иногда толковать ихъ произвольно (въ гл. II). Всего-же болѣе насъ удивляетъ то, что г. Пичъ какъ-бы совсѣмъ игнорируетъ тѣ критическія изслѣдованія, которыя разоблачили Анонима, его пріёмы и отношеніе къ дѣлу, отвергли его какъ прямой источникъ и поставили его на подобающее ему мѣсто. Вотъ почему мы считаемъ умѣстнымъ посвятить здѣсь еще нѣсколько словъ пресловутому Анониму, а затѣмъ при разсмотрѣніи труда г. Марцали взглянуть, что̀ еще прибавлено новаго этимъ послѣднимъ къ критикѣ повѣствованія мадьярскаго хрониста.

Мы уже выше имѣли случай замѣтить, что Анонимъ до сей поры (со времени перваго своего изданія у Швандтнера) приковывалъ къ себѣ преимущественное вниманіе всѣхъ, занимавшихся древней мадьярской исторіей. Не было между ними почти ни одного выдающагося изслѣдователя, который-бы не считалъ своимъ долгомъ въ большей или меньшей степени заняться вопросомъ объ Анонимѣ. Вслѣдствіе того литература объ этомъ источникѣ, начавшаяся очень давно, достигла почтенныхъ размѣровъ. Главная причина того кроется конечно не въ свойствахъ самой хроники, а въ общей чрезвычайной скудости нашихъ историческихъ источниковъ по первоначальной мадьярской исторіи, и въ частности — собственно національныхъ хроникъ, среди

характеръ и руководящія начала, а напротивъ, выставляя впередъ одну лишь сторону и одно явленіе и пуская изъ виду другіе факторы и силы, способенъ придать всему неправильное и одностороннее освѣщеніе, какъ и должно быть, когда предметъ показывается лишь подъ однимъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія. Это мы и видимъ въ трудѣ нашего автора.

Для поясненія нашей мысли позволимъ себѣ только замѣтить, что кто безъ всякой предвзятой точки зрѣнія прослѣдитъ весь ходъ исторіи Угріи, ея внутреннее и внѣшнее развитіе и судьбу, тотъ никакимъ образомъ не остановится на одномъ лишь началѣ разнообразія, разъединенности, и тѣмъ менѣе партикуляризма, какъ на всеопредѣляющемъ началѣ во внутренней угорской исторіи, не станетъ налегать на однѣ противоположности и борьбу различныхъ интересовъ составныхъ частей Угріи. Онъ непремѣнно легко замѣтитъ и выдвинетъ нѣчто совсѣмъ другое, что́, находясь въ связи именно съ фактомъ племеннаго и административнаго разнообразія, заключалось въ силѣ какъ разъ совершенно противоположнаго направленія, придававшей угорскому государству весьма опредѣленный и устойчивый характеръ, съ которымъ оно и является постоянно въ своихъ отношеніяхъ къ сосѣдямъ — какъ единый, цѣльный и сильный государственный организмъ съ вполнѣ опредѣленною политическою ролью, своими задачами и стремленіями. При господствѣ одного начала разъединенія и племеннаго партикуляризма, этого конечно не могло бы быть. Такимъ образомъ увлекшись одною лишь стороною дѣла и выхвативъ изъ всей угорской исторіи только нѣсколько подходящихъ къ его взгляду моментовъ, г. Пичъ естественно пришелъ къ одностороннимъ выводамъ, между прочимъ и по вопросу о паденіи Угріи и его причинахъ. Вотъ почему мы придаемъ наиболѣе значенія и цѣны въ его работѣ — фактической разработкѣ обильно зачерпнутаго въ венгерскихъ источникахъ матеріала — помимо прямой цѣли автора, связанной имъ — впрочемъ безъ всякой необходимости — съ странной защитой Анонима. Самой же существенной и положительной его заслугой мы считаемъ попытку возстановить по источникамъ картину внутренняго административнаго устройства старой Угріи, такъ сказать откопать его корни или фундаментъ и прослѣдить историческій ходъ его дальнѣйшаго развитія подъ воздѣйствіемъ западнаго нѣмецкаго вліянія, про-

тиводѣйствіе которому со стороны представителей старыхъ порядковъ — дѣйствительно пораждало внутреннюю борьбу, характеризующую нѣкоторыя — переходныя и критическія эпохи угорской исторіи.

Эта характеристика административной организаціи Угріи, долженствующая именно выяснить ту внутреннюю связь, которая поддерживала цѣльность и самобытность отдѣльныхъ территорій, составляетъ содержаніе VI главы (стр. 165—148), самой обширной и вмѣстѣ самой важной.

Такъ какъ мы стѣснены пространствомъ и временемъ и намъ предстоитъ еще заняться здѣсь кое-чѣмъ другимъ, то приходится ограничиться лишь самымъ краткимъ перечисленіемъ того, что существеннаго даетъ намъ эта глава. Охарактеризовавъ затруднительное положеніе ученаго, приступающаго къ такой задачѣ, какъ раскрытіе тайнъ внутренняго устройства Угорскаго королевства, и сказавъ нѣсколько словъ о своихъ источникахъ, извѣстномъ сводѣ «Corpus juris» и многочисленныхъ грамотахъ, авторъ начинаетъ свое изслѣдованіе съ подробнаго разбора финансоваго устройства въ старой Угріи, какъ самаго кореннаго и жизненнаго (учрежденіе «корол. камеръ»), которое оказывается вполнѣ автономнымъ и свидѣтельствуетъ о глубокихъ корняхъ своихъ въ мѣстныхъ первобытныхъ порядкахъ. Происхожденіе камеръ объясняется въ связи съ борьбой противъ системы привилегій, которою нарушалась мѣстная автономія. Подробный и тщательный разборъ вопроса о комитатахъ служитъ къ отысканію слѣдовъ первоначальнаго мѣстнаго устройства. Путемъ изслѣдованія мѣстныхъ административныхъ отношеній во всѣхъ составныхъ частяхъ Угріи—авторъ раскрываетъ параллельное существованіе двойной администраціи: комитатовъ и королевскихъ градовъ (градъ, городъ, castrum, соотвѣтствуетъ древнимъ жупнымъ центрамъ) съ ихъ территоріями. Каждая изъ этихъ единицъ имѣла свою самостоятельную организацію: устройство градовъ имѣло совсѣмъ иное основаніе, чѣмъ устройство комитатовъ. «Королевскіе грады оказываются старѣе комитатовъ, такъ какъ когда-то вся масса населенія подлежала юрисдикціи градскаго капитана, носившаго — при выдающемся положеніи своего центра—титулъ «comes». При образованіи новаго дворянства, возникшаго посредствомъ изъятія изъ мѣстной градской юрисдикціи, началась борьба между новымъ и старымъ порядкомъ вещей, кончив-

облаченіями Анонима и сильными противъ него доводами г. Марцали, авторъ втораго изъ трудовъ, предложенныхъ нами здѣсь вниманію читателей. Его изслѣдованія [1]) придаютъ новую убѣдительность и неопровержимую силу заключеніямъ и положеніямъ Реслера, дополняя и исправляя ихъ въ подробностяхъ. Повторяемъ, насъ чрезвычайно удивляетъ, что г. Пичъ взялся за защиту Анонима, не желая какъ-бы признавать тѣхъ результатовъ, къ которымъ пришла историческая критика, и отнесся такимъ образомъ съ страннымъ пренебреженіемъ къ почтеннымъ и важнымъ трудамъ своихъ предшественниковъ и собратьевъ по предмету изслѣдованія.

Размѣры нашей статьи не позволяютъ намъ, къ сожалѣнію, представить общіе итоги всему сдѣланному, и мы можемъ пока только отослать интересующихся вопросомъ къ трудамъ самыхъ критиковъ Реслера, Марцали и Гунфальви [2]), но говоря о новомъ трудѣ г. Марцали, съ которымъ хоть въ общихъ чертахъ намѣрены познакомить читателей, намъ еще придется вернуться и къ Анониму.

Мы спѣшимъ впрочемъ здѣсь-же замѣтить, что, считая выводы исторической критики относительно значенія безыменнаго Нотарія, какъ источника для IX — X вв., непреложными и неопровержимыми, мы однако отнюдь не хотимъ этимъ сказать, что этотъ писатель долженъ отнынѣ быть окончательно выброшенъ за бортъ исторической науки. Хроника Анонима не есть же всетаки новѣйшая поддѣлка, а есть произведеніе и плодъ учености средневѣковаго писателя (XIII в.), слѣдовательно принадлежитъ къ эпохѣ очень отдаленной, о которой наши свѣдѣнія не такъ обширны, разумѣется, чтобъ намъ пренебрегать тѣмъ, что̀ можетъ пролить на нее нѣсколько лишнихъ лучей свѣта. Анонимъ принадлежитъ по преимуществу къ тѣмъ источникамъ, которые особенно замѣтно носятъ печать своего времени и важны именно въ этомъ смыслѣ, ибо для ученой своей работы берутъ современную канву и современными-же цвѣтами вышиваютъ по ней свои древніе

---

1) Разумѣемъ главнымъ образомъ упомянутую выше статью объ Анонимѣ въ Forschungen z. d. Gesch., 1877 г.

2) Кромѣ этой извѣстной «Этнографіи Венгріи» и статей (на мадьярскомъ языкѣ) о румунахъ, румунскомъ языкѣ и секлерахъ, слѣдуетъ отмѣтить новую только, что вышедшую его книгу «Die Rumänen und ihre Ansprüche. Wien u. Teschen, 1883. Объ Анонимѣ, стр. 241—250.

примириться». Такой выводъ невольно поражаетъ своею странностью. Какъ же авторъ смотритъ на старую Угрію? Чѣмъ же, какъ не единымъ государствомъ съ опредѣленнымъ характеромъ, своей собственной политикой и интересами является она въ теченіе своей многовѣковой исторіи? самъ же авторъ тутъ же называетъ ея политическую систему «прочною» (festes System). Какъ же она ведетъ только къ разложенію? Очевидно, онъ самъ впадаетъ въ противорѣчіе, и неправильный его выводъ объясняется лишь той односторонней точкой зрѣнія, на которой онъ стоитъ, ища въ исторіи Угріи одного только начала разъединенія и партикуляризма.

Въ концѣ концовъ г. Пичъ въ немногихъ словахъ обрисовываетъ послѣдующую судьбу Угріи до нашихъ дней. Послѣ всего нами сказаннаго предоставляемъ судить самому читателю, умѣстна ли параллель, проводимая тутъ авторомъ между столь искусственно-ярко освѣщенной имъ внутренней борьбой (старыхъ началъ съ новыми) въ старой Угріи — съ національною борьбой въ Венгріи нашего времени, совершенно забывшей старыя преданія и завѣты предковъ!

Читатель уже знаетъ изъ предыдущаго, какое мѣсто отводитъ г. Пичъ хроникѣ Анонима въ своемъ трудѣ. Съ одной стороны разсмотрѣнные моменты внутренней угорской исторіи должны служить подтвержденіемъ достовѣрности всего того, что разсказываетъ этотъ писатель XIII-го вѣка о покореніи Угріи мадьярами. Съ другой стороны Анонимъ является историческимъ объясненіемъ того положенія вещей, которое позднѣе развивается въ Угріи, а главный изъ всего этого выводъ, что Анониму, какъ вполнѣ достовѣрному и добросовѣстному писателю, должно принадлежать почетное мѣсто въ ряду другихъ источниковъ угорской исторіи. Мы уже видѣли, что такое мнѣніе совершенно противоположно тому приговору, который произнесенъ надъ этимъ памятникомъ новѣйшей исторической критикой. Вопросъ значитъ въ томъ, успѣлъ ли нашъ авторъ поколебать силу этого приговора? Мы рѣшительно и категорически отвѣчаемъ: нисколько, ни въ малѣйшей мѣрѣ! Ибо мы не находимъ въ его книгѣ ни прямыхъ фактическихъ доказательствъ въ пользу достовѣрности отвергнутой хроники, ни опроверженія и критики тѣхъ убѣдительныхъ доводовъ и соображеній, которыя приведены учеными противъ нея, а видимъ лишь тщетное стремленіе помирить съ Анонимомъ современныя иностранныя

нительнымъ, да и не совсѣмъ благодарнымъ, хотя всетаки неотложнымъ. Первую попытку такой критической разработки источниковъ, и именно для древнѣйшей эпохи (Арпадовичей), представилъ нынѣ г. Марцали, которому поэтому наука не можетъ не быть весьма признательна, каковы-бы ни были несовершенства перваго опыта. Своимъ изслѣдованіемъ авторъ пополнилъ большой пробѣлъ въ мадьярской исторической литературѣ, и положилъ очень хорошее основаніе для будущихъ трудовъ въ томъ-же родѣ. Отнынѣ всякій, кто пожелаетъ заниматься или критикой историческихъ источниковъ этого времени, или разработкой этой эпохи венгерской исторіи, непремѣнно обратится къ труду г. Марцали и найдетъ въ немъ весьма полезное пособіе и добросовѣстнаго путеводителя въ лабиринтѣ «національныхъ» мадьярскихъ источниковъ. Задача автора не только представить полный систематическій сводъ всѣхъ, какъ національныхъ мадьярскихъ, такъ и иностранныхъ источниковъ времени Арпадовичей, съ краткимъ изложеніемъ ихъ содержанія, но и на основаніи ихъ спеціальнаго критическаго (по рукописямъ) изученія установить ихъ сравнительную цѣну и значеніе, ихъ взаимное отношеніе, наконецъ происхожденіе и значеніе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ извѣстій. Главную часть труда составляютъ источники домашніе, внутренніе (einländische). Въ нихъ весь центръ тяжести. Въ сравнительномъ ихъ разборѣ и оцѣнкѣ истинная заслуга г. Марцали. Отдѣлъ объ иностранныхъ (внѣшнихъ) источникахъ представляетъ скорѣе какъ-бы приложеніе, ибо имъ авторъ посвящаетъ сравнительно лишь бѣглый обзоръ, далеко не соотвѣтствующій ихъ значенію и не исчерпывающій предмета (даже въ скромныхъ границахъ) ни въ количественномъ, ни въ качественномъ отношеніи. Эти иностранные источники подраздѣлены имъ на: 1. византійскіе, 2. италіянскіе, 3. нѣмецкіе и 4. славянскіе. Въ «приложеніи» находимъ еще три статьи: 1. французскіе и англійскіе писатели, 2. арабскіе писатели и 3. о нѣкоторыхъ фальсификатахъ.

Если обзоръ западныхъ источниковъ сдѣланъ всетаки довольно удовлетворительно и сравнительно полонъ, то этого никакъ нельзя сказать объ источникахъ восточныхъ, и въ особенности славянскихъ. Видно, что авторъ очень мало посвященъ въ эту восточную отрасль ученой исторической литературы и незнаніе языковъ (хотя бы одного изъ славянскихъ) отражается большимъ пробѣломъ въ его свѣдѣніяхъ по части славян-

вполнѣ естественному разграниченію Угріи по племенамъ. Что-же изъ этого слѣдуетъ? По нашему мнѣнію только одно: для насъ ясно, что Анонимъ, жившій въ XIII-мъ вѣкѣ и конечно хорошо знавшій этническій составъ своего отечества, его внутреннюю организацію и политическія отношенія, сочиняя исторію завоеванія Угріи мадьярами, невольно или даже вольно, сознательно, выразилъ въ ней ту выдающуюся черту, которая характеризовала и современную ему Угрію, и, сообразно съ своимъ воззрѣніемъ о завоеваніи Угріи, перенесъ эту черту и на предмадьярскую эпоху.

Итакъ мы считаемъ защиту Анонима a posteriori не только неудавшеюся, но и совершенно даже излишнею для главной задачи самого автора. Ея исполненіе нисколько не выигрываетъ посредствомъ Анонима и нисколько не можетъ потерять безъ него. Скорѣе напротивъ. Вѣра въ Анонима вводитъ нашего автора во многія заблужденія и заставляетъ его не совсѣмъ объективно и трезво относиться къ другимъ современнымъ источникамъ и иногда толковать ихъ произвольно (въ гл. II). Всего-же болѣе насъ удивляетъ то, что г. Пичъ какъ-бы совсѣмъ игнорируетъ тѣ критическія изслѣдованія, которыя разоблачили Анонима, его пріёмы и отношеніе къ дѣлу, отвергли его какъ прямой источникъ и поставили его на подобающее ему мѣсто. Вотъ почему мы считаемъ умѣстнымъ посвятить здѣсь еще нѣсколько словъ пресловутому Анониму, а затѣмъ при разсмотрѣніи труда г. Марцали взглянуть, что̀ еще прибавлено новаго этимъ послѣднимъ къ критикѣ повѣствованія мадьярскаго хрониста.

Мы уже выше имѣли случай замѣтить, что Анонимъ до сей поры (со времени перваго своего изданія у Швандтнера) приковывалъ къ себѣ преимущественное вниманіе всѣхъ, занимавшихся древней мадьярской исторіей. Не было между ними почти ни одного выдающагося изслѣдователя, который-бы не считалъ своимъ долгомъ въ большей или меньшей степени заняться вопросомъ объ Анонимѣ. Вслѣдствіе того литература объ этомъ источникѣ, начавшаяся очень давно, достигла почтенныхъ размѣровъ. Главная причина того кроется конечно не въ свойствахъ самой хроники, а въ общей чрезвычайной скудости нашихъ историческихъ источниковъ по первоначальной мадьярской исторіи, и въ частности — собственно національныхъ хроникъ, среди

которыхъ Анонимъ по количеству сообщаемыхъ извѣстій занимаетъ совершенно исключительное мѣсто.

Ища точекъ опоры для воспроизведенія сколько-нибудь ясной картины этой первоначальной эпохи, изслѣдователи, не смотря на невольное, какъ-бы инстинктивное, критическимъ чутьемъ подсказываемое недовѣріе къ Анониму и рано набросанныя на него съ компетентной стороны подозрѣнія, всетаки постоянно возвращались къ нему и, находя въ немъ подходящіе отвѣты и подтвержденія различныхъ своихъ взглядовъ и теорій, пытались возстановить довѣріе къ нему [1]). Поэтому у Анонима, вопреки новѣйшимъ успѣхамъ исторической критики, до послѣдняго времени находились защитники. Одни изъ нихъ дѣлали уступки неоспоримымъ результатамъ безпристрастной критики и защищали лишь относительную цѣну хроники, отстаивая правдоподобіе и важность иныхъ ея извѣстій и отвергая прочія. Другіе поступали послѣдовательнѣе, и безусловно признавая источникъ достовѣрнымъ, устраняли всякія сомнѣнія и подозрѣнія на счётъ характера и происхожденія его показаній. Однако истинная, чисто-научная критика дѣлала между тѣмъ быстрые успѣхи, и вопросъ объ Анонимѣ, попавъ въ ея руки, нашелъ себѣ наконецъ удовлетворительное и — смѣло можно сказать — безповоротное рѣшеніе. Если еще не во всѣхъ по дробностяхъ и частностяхъ, то въ общемъ и главномъ дѣло разъяснилось, и значеніе прямаго источника для эпохи переселенія мадьяръ на всегда отнято у этого произведенія средневѣковой учености. Всѣ попытки возвратить ему это значеніе, какъ-бы онѣ ни были остроумны, останутся безплодны...

Литература объ Анонимѣ началась въ прошломъ столѣтіи первымъ его изданіемъ (Швандтнеровымъ), къ которому славный тогда

1) Такую именно попытку представилъ нынѣ и г. Пичъ. Онъ самъ (стр. I) высказывается такъ: «es fliessen aber leider die gleichzeitigen auswärtigen Quellen für diese und die folgende Periode ziemlich spärlich, und die späteren ungarischen Quellen sind bis auf den in der letzten Zeit so verpönten Anonymos, den Notar des Königs Bela, so wortkarg, dass der nach Aufklärung der grossen geschichtlichen Umwälzung lechzende Forscher unwillkürlich sein Auge auf die bei Seite geschobene Quelle heftet mit der zweifelnden Frage: ist wirklich alles nur Lug und Trug, was darin steht?» Но вѣдь къ такому результату пришли не безъ причины. И произнесшіе надъ Анонимомъ приговоръ конечно передъ тѣмъ не разъ себя спрашивали: нѣтъ-ли въ самомъ дѣлѣ въ немъ чего-либо заслуживающаго вѣры? А отвѣтъ критики былъ всетаки отрицательный.

а не къ XIV-му, какъ полагали донынѣ, весьма правдоподобно. Доводы г. Марцали представляются намъ вполнѣ убѣдительными. То же можно сказать о мнѣніи автора о позднѣйшемъ компилятивномъ происхожденіи извѣстной редакціи житія въ формѣ «Lectiones» (Breviarium XIII в.).—

Важнѣйшую и капитальнѣйшую часть сочиненія составляетъ, сказали мы выше, отдѣлъ о мадьярскихъ хроникахъ. Впервые на основаніи внимательнаго критическаго изслѣдованія и сравненія сдѣлана серіозная попытка установить отношенія всѣхъ источниковъ между собою, опредѣлить ихъ сравнительную цѣнность, и тѣмъ отстоять подобающее имъ мѣсто въ мадьярской исторіографіи. И здѣсь авторъ начинаетъ съ общей характеристики, послѣ чего систематизируетъ свой матеріалъ. — Къ одному общему источнику, по его мнѣнію, могутъ быть подведены: 1) Симона Кезы «Gesta Hungarorum», 2) хроники: будинская, дубничская, мугленова — нѣмецкая и риѳмованная (лат.), 3) прессбургская хр. Авторъ ставитъ себѣ задачей, на основаніи сравненія всѣхъ этихъ источниковъ, опредѣлить первоначальное содержаніе и форму старѣйшей хроники, за которой устанавливаетъ названіе «національной». Хроника безыменнаго Нотарія короля Бѣлы стоитъ совершенно одиноко, хотя и она въ нѣкоторой связи съ прочими — кое-какими отдѣльными заимствованіями и намёками. Разборъ всего этого матеріала идетъ въ слѣдующемъ порядкѣ: I. Симонъ Кеза (40—50 стр.); II. болѣе краткія редакціи хроники: будинская, дубничская, мугленова, риѳмованная (50—68); III. иллюстрированная (т. н. Bilderchronik, или, что то-же, хр. Joh. Thuróczʼa) (63—83); IV. пресбургская хр. (83—84); V. анонимн. Нотарій кор. Бѣлы (84—102) и VI. національная хрон. (102—109). Мы должны ограничиться сообщеніемъ только главнѣйшихъ выводовъ г. Марцали.

Несомнѣнно, самый важный изъ этихъ выводовъ касается отношенія Кезы къ прочимъ мадьярскимъ хроникамъ и состоитъ въ томъ, что Кеза, писавшій, какъ извѣстно, въ концѣ XIII-го вѣка (1272—1290), оказывается — вопреки господствовавшему до сихъ поръ мнѣнію — вовсе не древнѣйшимъ мадьярскимъ хронистомъ, которымъ воспользовались прочіе, компилировавшіе свои хроники въ XIV—XV в., а наоборотъ онъ, Кеза, написалъ свое сочиненіе на основаніи другихъ хро-

никъ, уже существовавшихъ гораздо ранѣе[1]). Разумѣется, такое заключеніе способно установить совершенно иной взглядъ на эти послѣднія и на ихъ состоятельность, какъ источниковъ для болѣе древнихъ эпохъ XI-го и XII-го вѣка. Если онѣ, благодаря этому выводу, много выигрываютъ и выдвигаются на передній планъ, то напротивъ Кеза теряетъ съ этимъ рѣшительно свое значеніе для всей древней эпохи вплоть до своего времени, о которомъ писалъ какъ очевидецъ, и слѣдовательно заслуживаетъ довѣрія. — Нельзя не признать, что г. Марцали вполнѣ основательно и удачно защищаетъ свое положеніе, противъ котораго едва-ли еще возможны серіозныя возраженія. Изъ этого вывода самое собой слѣдуетъ другое заключеніе: если Кеза пользовался уже мадьярскими хрониками, то слѣдовательно существовали редакціи «національной» хроники до послѣдней четверти XIII-го в. Спрашивается только, къ какому именно времени можно отнести составленіе первоначальной редакціи. Разрѣшеніемъ этого вопроса и занялся авторъ, разсматривая различныя дошедшія до насъ хроники. Онъ отстаиваетъ мнѣніе, что эта первоначальная редакція «національной» хроники, наиболѣе полную обработку которой мы имѣемъ въ такъ наз. иллюстрированной хроникѣ (Bilderchronik) или, что въ сущности то же, хроникѣ Туроча (названной Toldy «Marci Chronica»), была составлена уже въ половинѣ XII-го в. (1150—1160), на что его главнымъ образомъ наводитъ то обстоятельство, что именно отъ половины XI-го в. до половины XII-го національн. хроника (въ своихъ позднѣйшихъ обработкахъ) болѣе содержательна и подробна, чѣмъ въ послѣдующую эпоху, когда извѣстія становятся чрезвычайно скудны (см. стр. 79—80 и слѣд.). Если бъ это было такъ, то конечно повысилась-бы и степень достовѣрности извѣстій хроники за это древнѣйшее время. Продолженіе этой первоначальной редакціи (сост. ок. пол. XII в.), по мнѣнію г. Марцали, скорѣе всего можно пріурочить къ первой половинѣ XIII-го в., во всякомъ случаѣ до 1240 г. (т. е. до монгольскаго погрома) (см. стр. 81—83). Въ концѣ же XIII-го в. писали: на основаніи прежнихъ хроникъ Кеза, и независимо отъ нихъ лишь объ эпохѣ мадьярскаго поселенія Анонимъ, Нотарій к. Бѣлы IV-го.

---

1) Впервыя въ этомъ смыслѣ, хотя и не довольно рѣшительно и опредѣленно, высказался уже г. Toldy. Срв. между прочимъ Flegler, Beiträge zur Würdigung d. ungarischen Geschichtschreib. Sybel's Zeitschrift, B. 17, (1867), S. 329.

историческіе узоры. Поскольку нашъ Анонимъ не годенъ для исторіи того времени, о которомъ онъ повѣствуетъ[1]), постольку онъ можетъ имѣть и имѣетъ значеніе для характеристики своего времени и даже особенно для современныхъ ему этническихъ и историческихъ отношеній. А что касается времени, когда онъ писалъ, то по этому вопросу, на нашъ взглядъ, не можетъ быть болѣе сомнѣній. Итакъ въ этомъ направленіи и должно теперь идти изученіе и пользованіе Анонимомъ. Но обратимся къ сочиненію г. Марцали.

Въ научной, строго-критической разработкѣ источниковъ угорской исторіи мадьярами, какъ мы уже замѣтили выше, сдѣлано до сихъ поръ чрезвычайно мало, хотя нельзя не признать, что вообще мадьяры всегда усердно занимались своей исторіей, и этотъ отдѣлъ ихъ ученой литературы едва-ли не самый богатый.

Но въ ихъ занятіяхъ исторіей своей не было никогда настоящей системы и настоящей критики. У нихъ были усердные собиратели всякаго историческаго матеріала, были и издатели (для своего времени очень хорошіе), но всего болѣе было всегда историческихъ «писателей», такъ сказать, обобщителей и даже художниковъ въ исторіи, какъ выразителей разныхъ національныхъ и политическихъ идей или тенденцій, тогда какъ безпристрастныхъ историческихъ изслѣдователей и критиковъ совсѣмъ почти не было. Съ первой ступени історіографической работы они сразу перескакивали на послѣднюю, минуя тѣ, на которыхъ долженъ сосредоточиваться самый тяжелый, кропотливый трудъ строгой сортировки и выдѣлки разнообразнаго, массами накопленнаго сыраго матеріала. На такую именно работу должны быть направлены теперь всѣ ихъ усилія, и прежде всего на критическое, точное изданіе и переизданіе главныхъ источниковъ (изъ нихъ прежде всего хроникъ). До тѣхъ поръ даже всякая научная сравнительная ихъ разработка будетъ дѣломъ очень сложнымъ и затруд-

---

1) Но и тутъ слѣдуетъ сдѣлать оговорку. Рисуя современное ему положеніе вещей, напримѣръ этническое разграниченіе Угріи своего времени (XIII в.), онъ тѣмъ самымъ позволяетъ намъ вѣрнѣе судить объ этомъ разграниченіи за 2 и за 3 столѣтія передъ тѣмъ. Въ этомъ отношеніи могутъ имѣть значеніе нѣкоторые отмѣченные имъ пункты и границы, по которымъ можно себѣ составить понятіе о предѣлахъ распространенія славянскаго и въ частности русскаго населенія въ Угріи въ древнѣйшее время.

скимъ хроникамъ [1]). Исполненіе этого обѣщанія и составляетъ то новое, что представляетъ его изслѣдованіе по отношенію къ этому писателю (86—94). Г. Марцали приходитъ къ заключенію, что хотя Анонимъ и занимаетъ совершенно особое, самостоятельное мѣсто, все же его хроника находится въ родствѣ съ прочими. Характерная черта его та, что онъ въ высшей степени чуждается непосредственныхъ народныхъ сказаній, сохранявшихся среди мадьяръ (въ чемъ и самъ, какъ извѣстно, сознается), и если вообще пользуется преданіями, то только уже записанными, занесенными въ другія хроники. Съ этимъ нельзя не согласиться, ибо таковы дѣйствительно были ученые пріемы Анонима. Онъ понималъ совершенно оригинально, по-своему, свою историческую задачу. Ученость, книжность и высокопарность, а также національно-патріотическое направленіе повѣствованія — были для него важнѣе и выше всего, а тамъ — облекалось-ли въ эту одежду нѣчто исторически-достовѣрное, или совершенный вымыселъ и сказка — это было для него дѣломъ второстепеннымъ. Вездѣ у него на первомъ планѣ мудрствованье и сочинительство. Исторически извѣстному или дошедшему по преданіямъ онъ придаетъ ту форму и окраску, которыя всего болѣе соотвѣтствуютъ его ученымъ вкусамъ и литературнымъ замашкамъ, а тамъ, гдѣ ему не извѣстно никакихъ фактовъ и гдѣ молчитъ само преданіе, тамъ онъ попросту сочиняетъ и поэтизируетъ, заимствуя матеріалъ изъ современной дѣйствительности и пользуясь обычными учено-литературными пріемами своего времени, т. е. съ одной стороны этимологизируя (изъ данныхъ географіи — названій мѣстъ творитъ исторію), съ другой — заимствуя безъ церемоніи изъ ходячихъ, любимыхъ средневѣковыхъ сказаній (о Троѣ, Александрѣ Великомъ и проч.). Анонимъ безъ сомнѣнія обладалъ значительною ученостью (какъ и тогда понимали) и начитанностью, и это замѣтно на каждомъ шагу въ его произведеніи. Его слабость—желаніе при каждомъ случаѣ примѣнить къ дѣлу свою мудрость и свои познанія, высказать свое лучшее пониманіе вещей (поправляя другихъ). Эта слабость была впрочемъ довольно общей характерной чертой средневѣковаго литературнаго міра. Чтобы ни писалъ тогдашній книжный человѣкъ, онъ считалъ большой заслугой, при всякомъ случаѣ, кстати и не кстати,

1) Forschungen z. d. Gesch. Bd. 17, S. 638, прим. 5.

обнаруживать свою ученую начитанность. Но авторъ нашей хроники этимъ не довольствуется: онъ даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ безграничную волю своей фантазіи, и сочиняетъ факты, лица и обстоятельства, перенося въ изображаемое имъ древнее время черты и отношенія изъ современной ему дѣйствительности. Нечего и говорить, что такіе пріемы можно извинить всякому писателю скорѣе, чѣмъ историку съ такими научными претензіями, какія обнаруживаетъ Анонимъ. Но вернемся къ г. Марцали.

По его замѣчанію Анонимъ, въ своемъ пренебреженіи къ народнымъ сказаніямъ позволяетъ себѣ только одно исключеніе, а именно въ отношеніи къ одному изъ своихъ героевъ, Ботонду (Botond). Нить сказанія о немъ проходитъ черезъ всю хронику. Замѣтно особенное пристрастіе къ нему автора. Г. Марцали разбираетъ довольно подробно происхожденіе и развитіе этой сказки и приходитъ къ заключенію, что тутъ чужеземное, очевидно, имя Boto (Poto)[1], лица историческаго, замѣнило имя какого-нибудь древняго народнаго героя, что на него перенесены уже народомъ разсказы о разныхъ подвигахъ древнихъ вождей. Уже Кеза и будинская хроника воспользовались этимъ, очевидно, очень распространеннымъ сказаніемъ. У Анонима оно является еще болѣе развитымъ; однако онъ, по мнѣнію г. Марцали, взялъ его отнюдь не изъ непосредственной, наивной народной передачи (въ формѣ пѣсень), къ которой онъ относился съ презрѣніемъ, а изъ письменныхъ источниковъ, которые имѣлъ подъ руками, хотя и въ нихъ онъ отвергалъ то, что сколько-нибудь отзывалось народнымъ преданіемъ (стр. 90—91)[2]. Далѣе г. Марцали указываетъ на другіе слѣды нѣкоторой связи Анонима съ прочими хрониками. Во 1-хъ, это видно въ показаніяхъ о двухъ лицахъ гуннской сказки: Ed и Edumen; въ первоначальной хроникѣ они являются внуками Аттилы, у Анонима первыми куманскими вождями. Г. Марцали удовлетворительно толкуетъ это измѣненіе или «поправку» Анонима (стр. 91). Въ древнѣйшей генеалогіи Анонимъ также по своему исправляетъ сказаніе старой

[1] Boto comes у Эккехарда. Chronicon mundi, ed. Waitz, Pertz, Script., VI, [illegible]; [illegible] Botos въ Анн. Altah. и у Ламберта. Въ будинской хроникѣ имя это имѣетъ форму Poth, у Анонима въ рукоп. Botond, но нѣсколько разъ и Bothond ([illegible]

[2] [illegible] по поводу разсказовъ о подвигахъ Ботонда [illegible] стр. [illegible]

въ одну сторону и не потерять руководящей нити. Это было не совсѣмъ легко, и вотъ почему видна нѣкоторая неравномѣрность въ критическомъ разборѣ отдѣльныхъ частей матеріала. Повторяемъ, при всѣхъ недостаткахъ, совершенно понятныхъ во всякомъ первомъ опытѣ, работа г. Марцали служитъ хорошимъ началомъ для будущихъ трудовъ. Въ ней затрогивается и отчасти рѣшается много любопытныхъ и важныхъ вопросовъ о происхожденіи различныхъ извѣстій, о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и проч.

Мы сообщимъ здѣсь лишь важнѣйшіе общіе выводы нашего автора, отмѣтивъ вкратцѣ содержаніе главныхъ отдѣловъ изслѣдованія.

Въ отдѣлѣ «легендъ» послѣ общей ихъ характеристики Марцали разсматриваетъ отдѣльно:

1. легенды о св. Стефанѣ, 2. житіе св. Эмериха, 3. житіе св. Герхарда, 4. легенду о св. Владиславѣ, 5. легенды о св. Цэрардѣ и Бенедиктѣ, 6. л. о св. Маргаритѣ. Этотъ историческій матеріалъ разобранъ обстоятельно, и заключенія г. Марцали представляютъ не мало интереснаго и важнаго, если и не во всемъ непогрѣшимы. Мы упомянемъ здѣсь только о томъ, что вопреки общераспространенному мнѣнію о взаимномъ отношеніи трехъ существующихъ редакцій легенды св. Стефана (краткой, пространной и написанной Гартвикомъ), по которому изъ первоначальной краткой и затѣмъ изъ слѣдующей распространенной была скомпилирована Гартвикомъ его легенда, г. Марцали старается доказать совершенно обратное отношеніе, т. е. что послѣдняя легенда есть именно первоначальная (возникла еще при Владиславѣ Св.), а остальныя составлены изъ нея. Не смотря на всѣ усилія автора доказать свое положеніе, мы — признаемся — не находимъ его доводовъ неопровержимыми, и особенно сомнительной намъ кажется его гипотеза о происхожденіи малой и пространной легендъ изъ Гартвиковой такимъ способомъ, что одна заимствовала изъ нея именно то, чѣмъ другая не воспользовалась (стр. 19). Это, очевидно, ужъ слишкомъ мудрено! Послѣ легендъ о св. Стефанѣ наиболѣе мѣста отведено авторомъ дѣйствительно драгоцѣнному историческому источнику, житію св. Герхарда (стр. 24—33). Выводы, къ которымъ приходитъ авторъ относительно его, въ высшей степени важны и заслуживаютъ полнаго вниманія. Мнѣніе, что первоначальная редакція этого житія относится къ концу XI в. (ко времени Владисл. Святаго),

написанія его хроники едва-ли уже не пора исключить изъ числа «вопросовъ» — такъ онъ до очевидности ясно и убѣдительно рѣшенъ новѣйшей критикой въ пользу пріуроченья хроники къ послѣдней чертверти XIII-го в. (ок. 1280 г.), ко времени Владислава IV, и признанія Анонима — нотаріемъ короля Бѣлы IV. Изслѣдованія г. Марцали, результаты которыхъ были представлены уже въ первой его статьѣ, не мало способствовали этому рѣшенію. Въ новомъ своемъ трудѣ онъ только резюмируетъ и систематизируетъ свои прежніе выводы и соображенія, выдвигая впередъ тѣ черты произведенія, которыя всего убѣдительнѣе выдаютъ время его составленія. Это, во 1-хъ, отношеніе къ куманамъ, во 2-хъ, встрѣчающіяся у Анонима имена и названія (которыя повторяются именно въ грамотахъ Владислава IV, напр. куманъ Turzol съ эпитетомъ «strenuissimus miles» у Анонима, и куманъ-же Turzol, также названный strenuus miles, получающій землю отъ Владислава по грамотѣ 1275 г.); въ 3-хъ, кровный договоръ между Арпадомъ и другими мад. вождями, объясняющійся отношеніями и династическими смутами конца XIII-го вѣка; и наконецъ, въ 4-хъ, путь татаръ въ ихъ завоевательномъ походѣ, послужившій основаніемъ для изображенія странствованія мадьяръ. Къ этимъ важнѣйшимъ, неопровержимо вѣскимъ аргументамъ присоединяется не мало и другихъ убѣдительныхъ соображеній. Рамки этой замѣтки не позволяютъ намъ никакъ распространяться долѣе на эту тему, хотя мы должны сказать, что она далеко не исчерпана г-мъ Марцали и что въ доказательство вѣрности этого взгляда можно почерпнуть изъ нашей хроники еще не мало доводовъ (если въ таковыхъ еще есть какая-либо надобность) [1]).

---

1) Мы встрѣтили нѣсколько любопытныхъ данныхъ въ новомъ трудѣ г. Гунфальви «Die Rumänen und ihre Ansprüche», W., 1883, въ главѣ объ Анонимѣ, стр. 247. Какъ извѣстно, Анонимъ изображаетъкумановъ повиновавшимися 7-ми вождямъ (имена которыхъ онъ и сообщаетъ, стр. 9). Объясненіе этого находимъ въ одной замѣчательной грамотѣ 1249 г., относящейся къ окончательному разселенію и организаціи кумановъ въ Угріи при Белѣ IV. Здѣсь прямо говорится о семи племенахъ ихъ (septem generationes cumanorum). Анонимъ имѣлъ въ виду, отнеся водвореніе этихъ кумановъ ко времени Альма, — доказать равноправность ихъ съ мадьярами, что́ совершенно было въ духѣ политики Бѣлы IV и его преемниковъ. Заслуживаетъ полнаго вниманія и предположеніе г. Гунфальви о происхожденіи самого Анонима изъ области кумановъ около горы Матры (священникъ діоцезы, Эрлаи-Эгера), чѣмъ вполнѣ объясняется его пристрастіе къ куманамъ и особенно хорошее знаніе этого края (стр. 246).

Не можемъ однако удержаться отъ одного замѣчанія по поводу мнѣнія, высказаннаго г. Пичемъ (стр. 10, пр. 12), который и въ этомъ случаѣ идетъ прямо въ разрѣзъ съ результатами новѣйшихъ критическихъ изслѣдованій и хочетъ видѣть въ Анонимѣ нотарія Бѣлы III, слѣдовательно относитъ его сочиненіе къ XII-му в. (это конечно въ связи съ защитою ея достовѣрности). На чемъ-же основывается г. Пичъ? Онъ приводитъ въ пользу своего мнѣнія только одинъ аргументъ, но кажущійся ему чрезвычайно вѣскимъ. Однако обстоятельство, которое онъ при этомъ выставляетъ, скорѣе свидѣтельствуетъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, противъ него самого и въ нашу пользу, чѣмъ наоборотъ. Г. Пичъ обращаетъ вниманіе на роль, какую играютъ у Анонима въ разсказѣ о завоеваніяхъ мадьяръ болгары и греки. Авторъ хроники, по его замѣчанію, тамъ, гдѣ очевидно рѣчь идетъ объ однихъ болгарахъ, часто колеблется и приплетаетъ къ нимъ еще грековъ. Но такъ какъ греки ни въ эпоху 1-го, ни въ эпоху 2-го болгарскаго царства не играли роли на Дунаѣ, и напротивъ въ періодъ между обоими болгарскими царствами (особенно во время имп. Мануила) роль и авторитетъ Византіи на среднемъ Дунаѣ были очень значительны и чувствительны, то это де доказываетъ, что именно въ это время (т. е. въ XII в.) всего естественнѣе было хронисту, какъ-бы платя дань времени, вплести въ свой разсказъ имя грековъ. Изъ этого де слѣдуетъ такимъ образомъ, что Анонимъ былъ скорѣе современникомъ Бѣлы III (1173—1196), чѣмъ Бѣлы IV, когда блескъ византійскаго могущества былъ де уже помраченъ послѣдовавшими переворотами на Балканскомъ полуостровѣ. Однако такое доказательство нисколько не въ состояніи насъ разубѣдить въ нашемъ взглядѣ. Скорѣе напротивъ: даетъ намъ новое оружіе въ руки. Г. Пичъ не принялъ въ расчетъ весьма важнаго обстоятельства, а именно того, какую собственно роль навязываетъ Анонимъ грекамъ по отношенію къ мадьярамъ. Они являются у него союзниками болгаръ противъ угровъ, тогда какъ въ дѣйствительности, какъ извѣстно, ихъ роль въ ту эпоху переселенія была совершенно обратная: греки вступили въ союзъ съ мадьярами и даже призвали ихъ противъ болгаръ. Въ XII-мъ в. и еще при Белѣ III вліяніе и значеніе Византіи въ Угріи было дѣйствительно сильно, отношенія и связи между тою и другою были самыя близкія и тѣсныя. Логично и натурально ли предположить,

Всѣ же прочія обработки и редакціи національной хроники, начиная съ будинской (Ofner Minoritenchronik, 1330), относятся уже къ XIV-му и XV-му вѣку.

Изо всѣхъ этихъ положеній нуждается всего болѣе въ доказательствѣ опредѣленіе времени составленія первоначальной редакціи національной хроники, ибо представляетъ лишь довольно смѣлую гипотезу автора. Между тѣмъ рѣшеніе этого вопроса очень важно, ибо отъ него зависитъ наше отношеніе къ извѣстіямъ хроникъ за періодъ отъ $^1/_2$ XI-го до $^1/_2$ XII-го вѣка, которыя естественно не могутъ претендовать на большую достовѣрность, если придется отнести ихъ первоначальное занесеніе на страницы исторіи лишь къ XIII-му в. Признаемся, мы еще не довольно углублялись въ этотъ вопросъ и не имѣемъ достаточно данныхъ, чтобъ произнести рѣшительный приговоръ, но отдаемъ справедливость автору, что онъ довольно убѣдительно защищаетъ свое мнѣніе. Тѣмъ не менѣе и послѣ его защиты возможно много возраженій и недоумѣній, а потому слишкомъ полагаться на выводы г. Марцали отнюдь нельзя. Чтобы составить себѣ окончательное, твердое мнѣніе какъ по этому предмету, такъ и по вопросу объ отношеніяхъ отдѣльныхъ редакцій другъ къ другу, необходимо предпринять рядъ спеціальныхъ, и даже мелочныхъ изслѣдованій. Но трудъ г. Марцали сохраняетъ всетаки свою цѣну, и именно тѣмъ, что во 1-хъ возбуждаетъ и ставитъ различные вопросы, а во 2-хъ, рѣшая ихъ въ томъ или другомъ смыслѣ, естественно вызываетъ и другихъ къ ихъ изслѣдованію.

Слѣдующіе два отдѣла «домашнихъ» источниковъ заключаютъ въ себѣ анналы и монографіи. Въ I-ый изъ нихъ вошли: 1. annales Posonienses, 2. извѣстія, касающіяся Угріи во всемірной хроникѣ Альберика; а во II-ой: 1. Rogerius-carmen miserabile. 2. Planctus Hungariae. 3. Ѳома, архидіаконъ сплѣтскій. Останавливаться на этой части труда, а также на отдѣлѣ «иностранныхъ источниковъ» мы не имѣемъ ни мѣста, ни времени, а вернемся въ заключеніе къ главѣ объ Анонимѣ въ томъ-же сочиненіи (Gesta Hungarorum des Anonymus B. r. N., 84—102), чтобъ посмотрѣть, не прибавилъ-ли здѣсь авторъ чего-нибудь новаго къ своимъ прежнимъ выводамъ объ этомъ писателѣ.

Еще въ прежней своей статьѣ объ Анонимѣ авторъ обѣщалъ вернуться къ нему, чтобъ прослѣдить его отношенія къ другимъ мадьяр-

скимъ хроникамъ [1]). Исполненіе этого обѣщанія и составляетъ то новое, что̀ представляетъ его изслѣдованіе по отношенію къ этому писателю (86—94). Г. Марцали приходитъ къ заключенію, что хотя Анонимъ и занимаетъ совершенно особое, самостоятельное мѣсто, все же его хроника находится въ родствѣ съ прочими. Характерная черта его та, что онъ въ высшей степени чуждается непосредственныхъ народныхъ сказаній, сохранявшихся среди мадьяръ (въ чемъ и самъ, какъ извѣстно, сознается), и если вообще пользуется преданіями, то только уже записанными, занесенными въ другія хроники. Съ этимъ нельзя не согласиться, ибо таковы дѣйствительно были ученые пріемы Анонима. Онъ понималъ совершенно оригинально, по-своему, свою историческую задачу. Ученость, книжность и высокопарность, а также національно-патріотическое направленіе повѣствованія — были для него важнѣе и выше всего, а тамъ — облекалось-ли въ эту одежду нѣчто исторически-достовѣрное, или совершенный вымыселъ и сказка — это было для него дѣломъ второстепеннымъ. Вездѣ у него на первомъ планѣ мудрствованье и сочинительство. Исторически извѣстному или дошедшему по преданіямъ онъ придаетъ ту форму и окраску, которыя всего болѣе соотвѣтствуютъ его ученымъ вкусамъ и литературнымъ замашкамъ, а тамъ, гдѣ ему не извѣстно никакихъ фактовъ и гдѣ молчитъ само преданіе, тамъ онъ попросту сочиняетъ и поэтизируетъ, заимствуя матеріалъ изъ современной дѣйствительности и пользуясь обычными учено-литературными пріемами своего времени, т. е. съ одной стороны этимологизируя (изъ данныхъ географіи — названій мѣстъ творитъ исторію), съ другой — заимствуя безъ церемоніи изъ ходячихъ, любимыхъ средневѣковыхъ сказаній (о Троѣ, Александрѣ Великомъ и проч.). Анонимъ безъ сомнѣнія обладалъ значительною ученостью (какъ и тогда понимали) и начитанностью, и это замѣтно на каждомъ шагу въ его произведеніи. Его слабость—желаніе при каждомъ случаѣ примѣнить къ дѣлу свою мудрость и свои познанія, выказать свое лучшее пониманіе вещей (поправляя другихъ). Эта слабость была впрочемъ довольно общей характерной чертой средневѣковаго литературнаго міра. Чтобы ни писалъ тогдашній книжный человѣкъ, онъ считалъ большой заслугой, при всякомъ случаѣ, кстати и не кстати,

---

1) Forschungen z. d. Gesch. Bd. 17, S. 638, прим. 5.

обнаруживать свою ученую начитанность. Но авторъ нашей хроники этимъ не довольствуется: онъ даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ безграничную волю своей фантазіи, и сочиняетъ факты, лица и обстоятельства, перенося въ изображаемое имъ древнее время черты и отношенія изъ современной ему дѣйствительности. Нечего и говорить, что такіе пріемы можно извинить всякому писателю скорѣе, чѣмъ историку съ такими научными претензіями, какія обнаруживаетъ Анонимъ. Но вернемся къ г. Марцали.

По его замѣчанію Анонимъ, въ своемъ пренебреженіи къ народнымъ сказаніямъ позволяетъ себѣ только одно исключеніе, а именно въ отношеніи къ одному изъ своихъ героевъ, Ботонду (Botond). Нить сказанія о немъ проходитъ черезъ всю хронику. Замѣтно особенное пристрастіе къ нему автора. Г. Марцали разбираетъ довольно подробно происхожденіе и развитіе этой сказки и приходитъ къ заключенію, что тутъ чужеземное, очевидно, имя Boto (Poto)[1]), лица историческаго, замѣнило имя какого-нибудь древняго народнаго героя, что на него перенесены уже народомъ разсказы о разныхъ подвигахъ древнихъ вождей. Уже Кеза и будинская хроника воспользовались этимъ, очевидно, очень распространеннымъ сказаніемъ. У Анонима оно является еще болѣе развитымъ; однако онъ, по мнѣнію г. Марцали, взялъ его отнюдь не изъ непосредственной, наивной народной передачи (въ формѣ пѣсень), къ которой онъ относился съ презрѣніемъ, а изъ письменныхъ источниковъ, которые имѣлъ подъ руками, хотя и въ нихъ онъ отвергалъ то, что сколько-нибудь отзывалось народнымъ преданіемъ (стр. 90—91)[2]). Далѣе г. Марцали указываетъ на другіе слѣды нѣкоторой связи Анонима съ прочими хрониками. Во 1-хъ, это видно въ показаніяхъ о двухъ лицахъ гуннской сказки: Ed и Edumen; въ первоначальной хроникѣ они являются внуками Аттилы, у Анонима первыми куманскими вождями. Г. Марцали удовлетворительно толкуетъ это измѣненіе или «поправку» Анонима (стр. 91). Въ древнѣйшей генеалогіи Анонимъ также по своему исправляетъ сказаніе старой

1) Boto comes у Эккехарда, Chronicon mundi, ed. Waitz, Pertz, Script., VI., 225, графъ Botos въ Аннал. Алтап. и у Ламберта. Въ будинской хроникѣ имя это имѣетъ форму Poth, у Анонима въ рукоп. Botond, но нѣсколько разъ и Bothond (у Эндлихера только Botond).

2) Высказано имъ по поводу разсказовъ о подвигахъ Ботонда подъ Константинополемъ, стр. 42.

хроники. У него праотцемъ мадьяръ является уже не Нимродъ, какъ у Кезы и въ будинской хроникѣ, а Магогъ. Разумѣется, первый, какъ потомокъ Хама, не могъ удовлетворять ученаго мадьярскаго патріота, и вотъ онъ его замѣняетъ сыномъ Іафета. Далѣе, разсказъ неизвѣстнаго Нотарія о поселеніи печенѣговъ близь западной нѣмецкой границы тоже доказываетъ пользованіе хроникой, относящей однако это событіе уже къ XI-мъ вѣку. Анонимъ счелъ за лучшее отнести его ко времени сына Арпада (Zulta). Въ одномъ мѣстѣ, по поводу разсказа о куманахъ, г. Марцали нашелъ почти дословное сходство Анонима съ будинской хроникой (стр. 93). Что у Анонима была подъ рукой редакція хроники (кромѣ извѣстныхъ намъ редакцій), доказывается тѣмъ, что онъ сообщаетъ одно вѣрное извѣстіе, которое ни въ одной изъ другихъ хроникъ не встрѣчаемъ. Кор. Аба у него вѣрно названъ Самуиломъ.

Все это насъ убѣждаетъ въ томъ, что Анониму хорошо были извѣстны историческіе труды его предшественниковъ, что онъ имѣлъ ихъ передъ собою, но не пользовался ими «не мудрствуя лукаво», какъ обыкновенный компиляторъ, а считалъ своей задачей относиться къ нимъ по-своему «критически», брать изъ нихъ лишь то, что годилось для его плана и цѣлей, и притомъ исправляя ихъ показанія согласно своимъ вкусамъ и взглядамъ, однимъ словомъ именно мудрствуя всячески надъ ними. Что касается другихъ, скорѣе литературныхъ его источниковъ, изъ которыхъ онъ черпалъ формы и краски для своихъ разсказовъ, то они уже были прежде довольно обстоятельно разобраны г. Марцали и здѣсь только вкратцѣ перечислены имъ [1]).

Вопросъ о времени жизни безыменнаго Нотарія и слѣдовательно

---

1) Замѣтимъ кстати, что предположеніе г. Пича (стр. 3—5) о существованіи важнаго письменнаго источника, которымъ могъ воспользоваться Анонимъ, въ видѣ древней генеалогіи вождей и знати мадьярской, имѣвшей оффиціальное юридическое и политическое значеніе и содержавшей также историческія свѣдѣнія о завоеваніи отдѣльныхъ краевъ и переходъ ихъ въ руки вождей, лишено всякаго правдоподобія, какъ по той причинѣ, что въ ту пору, когда могла возникнуть мысль о написаніи такой генеалогіи (XI—XII вв.), всякія сколько-нибудь точныя воспоминанія о событіяхъ, обстоятельствахъ и лицахъ эпохи поселенія не могли непосредственно сохраняться въ памяти слѣдующихъ поколѣній, а могли существовать лишь въ видѣ поэтическихъ народныхъ сказаній, — такъ и потому, что существуй такой источникъ, имъ не преминула бы воспользоваться первоначальная національная хроника, а между тѣмъ ея редакція и Кеза представляютъ лищь голую дворянскую генеалогію позднѣйшаго происхожденія.

написанія его хроники едва-ли уже не пора исключить изъ числа «вопросовъ» — такъ онъ до очевидности ясно и убѣдительно рѣшенъ новѣйшей критикой въ пользу пріуроченья хроники къ послѣдней четверти XIII-го в. (ок. 1280 г.), ко времени Владислава IV, и признанія Анонима — нотаріемъ короля Бѣлы IV. Изслѣдованія г. Марцали, результаты которыхъ были представлены уже въ первой его статьѣ, не мало способствовали этому рѣшенію. Въ новомъ своемъ трудѣ онъ только резюмируетъ и систематизируетъ свои прежніе выводы и соображенія, выдвигая впередъ тѣ черты произведенія, которыя всего убѣдительнѣе выдаютъ время его составленія. Это, во 1-хъ, отношеніе къ куманамъ, во 2-хъ, встрѣчающіяся у Анонима имена и названія (которыя повторяются именно въ грамотахъ Владислава IV, напр. куманъ Turzol съ эпитетомъ «strenuissimus miles» у Анонима, и куманъ-же Turzol, также названный strenuus miles, получающій землю отъ Владислава по грамотѣ 1275 г.); въ 3-хъ, кровный договоръ между Арпадомъ и другими мад. вождями, объясняющійся отношеніями и династическими смутами конца XIII-го вѣка; и наконецъ, въ 4-хъ, путь татаръ въ ихъ завоевательномъ походѣ, послужившій основаніемъ для изображенія странствованія мадьяръ. Къ этимъ важнѣйшимъ, неопровержимо вѣскимъ аргументамъ присоединяется не мало и другихъ убѣдительныхъ соображеній. Рамки этой замѣтки не позволяютъ намъ никакъ распространяться долѣе на эту тему, хотя мы должны сказать, что она далеко не исчерпана г-мъ Марцали и что въ доказательство вѣрности этого взгляда можно почерпнуть изъ нашей хроники еще не мало доводовъ (если въ таковыхъ еще есть какая-либо надобность)[1]).

---

1) Мы встрѣтили нѣсколько любопытныхъ данныхъ въ новомъ трудѣ г. Гунфальви «Die Rumänen und ihre Ansprüche», W., 1883, въ главѣ объ Анонимѣ, стр. 247. Какъ извѣстно, Анонимъ изображаетъ мумановъ повиновавшимися 7-ми вождямъ (имена которыхъ онъ и сообщаетъ, стр. 9). Объясненіе этого находимъ въ одной замѣчательной грамотѣ 1249 г., относящейся къ окончательному разселенію и организаціи кумановъ въ Угріи при Белѣ IV. Здѣсь прямо говорится о семи племенахъ ихъ (septem generationes cumanorum). Анонимъ имѣлъ въ виду, отнеся водвореніе этихъ кумановъ ко времени Альма, — доказать равноправность ихъ съ мадьярами, что совершенно было въ духѣ политики Бѣлы IV и его преемниковъ. Заслуживаетъ полнаго вниманія и предположеніе г. Гунфальви о происхожденіи самого Анонима изъ области кумановъ около горы Матры (священникъ діоцезы, Эрлаи-Эгера), чѣмъ вполнѣ объясняется его пристрастіе къ куманамъ и особенно хорошее знаніе этого края (стр. 246).

Не можемъ однако удержаться отъ одного замѣчанія по поводу мнѣнія, высказаннаго г. Пичемъ (стр. 10, пр. 12), который и въ этомъ случаѣ идетъ прямо въ разрѣзъ съ результатами новѣйшихъ критическихъ изслѣдованій и хочетъ видѣть въ Анонимѣ нотарія Бѣлы III, слѣдовательно относитъ его сочиненіе къ XII-му в. (это конечно въ связи съ защитою ея достовѣрности). На чемъ-же основывается г. Пичъ? Онъ приводитъ въ пользу своего мнѣнія только одинъ аргументъ, но кажущійся ему чрезвычайно вѣскимъ. Однако обстоятельство, которое онъ при этомъ выставляетъ, скорѣе свидѣтельствуетъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, противъ него самого и въ нашу пользу, чѣмъ наоборотъ. Г. Пичъ обращаетъ вниманіе на роль, какую играютъ у Анонима въ разсказѣ о завоеваніяхъ мадьяръ болгары и греки. Авторъ хроники, по его замѣчанію, тамъ, гдѣ очевидно рѣчь идетъ объ однихъ болгарахъ, часто колеблется и приплетаетъ къ нимъ еще грековъ. Но такъ какъ греки ни въ эпоху 1-го, ни въ эпоху 2-го болгарскаго царства не играли роли на Дунаѣ, и напротивъ въ періодъ между обоими болгарскими царствами (особенно во время имп. Мануила) роль и авторитетъ Византіи на среднемъ Дунаѣ были очень значительны и чувствительны, то это де доказываетъ, что именно въ это время (т. е. въ XII в.) всего естественнѣе было хронисту, какъ-бы платя дань времени, вплести въ свой разсказъ имя грековъ. Изъ этого де слѣдуетъ такимъ образомъ, что Анонимъ былъ скорѣе современникомъ Бѣлы III (1173—1196), чѣмъ Бѣлы IV, когда блескъ византійскаго могущества былъ де уже помраченъ послѣдовавшими переворотами на Балканскомъ полуостровѣ. Однако такое доказательство нисколько не въ состояніи насъ разубѣдить въ нашемъ взглядѣ. Скорѣе напротивъ: даетъ намъ новое оружіе въ руки. Г. Пичъ не принялъ въ расчетъ весьма важнаго обстоятельства, а именно того, какую собственно роль навязываетъ Анонимъ грекамъ по отношенію къ мадьярамъ. Они являются у него союзниками болгаръ противъ угровъ, тогда какъ въ дѣйствительности, какъ извѣстно, ихъ роль въ ту эпоху переселенія была совершенно обратная: греки вступили въ союзъ съ мадьярами и даже призвали ихъ противъ болгаръ. Въ XII-мъ в. и еще при Белѣ III вліяніе и значеніе Византіи въ Угріи было дѣйствительно сильно, отношенія и связи между тою и другою были самыя близкія и тѣсныя. Логично и натурально ли предположить,

чтобъ Анонимъ, нотарій угорскаго короля, слѣдовательно всетаки лицо оффиціальное — еслибъ жилъ при Белѣ III—представилъ въ своемъ повѣствованіи грековъ союзниками болгаръ и врагами мадьяръ? Не естественно ли было-бы ему, во всемъ столь склонному заимствовать черты и явленія своего времени, представить напротивъ отношенія совершенно иными, обратными, т. е. грековъ на сторонѣ мадьяръ, какъ оно и было на самомъ дѣлѣ въ изображенную имъ эпоху (допускаемъ впрочемъ, что онъ не имѣлъ о томъ никакихъ свѣдѣній, хотя этому не хочется вѣрить) и какъ оно было въ его время? Если Анонимъ рисуетъ грековъ союзниками самыхъ главныхъ мадьярскихъ противниковъ, то это именно лучшее доказательство, что онъ не жилъ при Белѣ III, а былъ нотаріемъ Бѣлы IV, когда не только давнымъ давно уже миновала эпоха греческаго вліянія, но и померкло всякое воспоминаніе о ней. Итакъ и эта попытка г. Пича поколебать общепринятый выводъ исторической критики на счетъ Анонима не можетъ быть признана удачной. На этомъ мы оканчиваемъ наши замѣчанія. Повторимъ только еще разъ, что если мы отвергаемъ Анонима, какъ прямой источникъ для того времени, о которомъ онъ повѣствуетъ, то этимъ отнюдь не отрицаемъ абсолютно его историческаго значенія, а вполнѣ присоединяемся къ мнѣнію г. Марцали, что «въ немъ можно найти важное и достовѣрное пособіе для изученія его собственной эпохи (т. е. второй пол. XIII в.), именно вслѣдствіе присущаго ему грѣха въ полной наивности переносить настоящее (т. е. современное ему) въ область прошедшаго». Вотъ почему въ заключеніе не можемъ не пожелать, чтобъ было наконецъ обращено вниманіе (мадьярской академіей наукъ) на изданіе и этого источника. Съ нетерпѣніемъ будемъ ждать, чтобъ изданіе г. Эндлихера, полное ошибокъ и совершенно не выдерживающее критики, какъ мы въ томъ сами убѣдились сличеніемъ его съ единственной рукописью, хранящейся въ вѣнской публичной библіотекѣ, было замѣнено новымъ, исправнымъ и критическимъ. Нечего и прибавлять, что подобный трудъ всего естественнѣе поручить тому изъ мадьярскихъ ученыхъ, который всего основательнѣе изучилъ и оцѣнилъ этотъ во всякомъ случаѣ весьма любопытный историческій памятникъ.

Вѣна. Январь 1883.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ МѢСТНАГО ЗЕМСКАГО САМОУПРАВЛЕНІЯ ВЪ ЧЕХІИ И ПОЛЬШѢ [1]).

Өедора Зигеля.

ЧЕХІЯ.

Древнѣйшія формы мѣстнаго самоуправленія были деревня и область (жупа); остановимся на каждой изъ нихъ.

Деревня отвѣчала солидарно за преступленія, совершенныя на ея земляхъ, владѣла общими пастбищами, лѣсами и т. п., и имѣла своего, можетъ быть, выборнаго главу, кмета [2]). По всему вѣроятію, такое автономическое устройство древней чешской деревни ведетъ свое начало съ незапамятныхъ временъ, когда въ каждомъ поселеніи сидѣлъ одинъ родъ. Въ теченіи XIII в. въ Чехію проникаетъ вмѣстѣ съ нѣмецкими колонистами нѣмецкое право, которое оказываетъ громадное вліяніе на города и деревни. Чешское деревенское управленіе почти совершенно исчезаетъ и замѣняется нѣмецкимъ съ войтомъ и присяжными. Первоначально должность войта переходила наслѣдственно, а присяжные назначались собственникомъ деревенскихъ земель. Впослѣдствіи, особенно присяжные, почти вездѣ избирались самимъ деревенскимъ людомъ. Такой переходъ деревень съ чешско-славянскихъ на нѣмецкіе

---

1) Я коснусь здѣсь только земскаго самоуправленія, т. е. такого, которое возникло изъ славянской жизни; объ устройствѣ деревень и городовъ по нѣмецкому праву я упоминать не буду. Чехію и Польшу я буду понимать въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. Чехію безъ Силезіи и Лужицъ, Польшу безъ Литвы.

2) Jireček, Slov. pr., т. II, стр. 184—187.

порядки объяснимъ главнымъ образомъ экономическими выгодами: разнообразныя повинности въ пользу хозяина семьи и князя замѣнялись точно опредѣленными, преимущественно денежными взносами, заранѣе назначенными грамотою [1]). И такъ древнеславянская форма деревенскаго самоуправленія безслѣдно исчезаетъ въ Чехіи въ теченіе XIV в.

Чешская область (жупа) проявляетъ много слѣдовъ общественной жизни. Мы находимъ извѣстія, что въ самыя отдаленныя времена аристократія и рыцарство дѣлились по жупамъ, что ополченія областей составляли отдѣльные полки [2]), что происходили областныя собранія для суда населенія области [3]). Но особеннаго вниманія заслуживаетъ назначеніе на должность жупана, т. е. княжескаго намѣстника въ области. Доказано, что жупаны были всегда представители богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ родовъ въ своей области; имѣются извѣстія, что должность жупана была иногда наслѣдственна въ извѣстномъ родѣ [4]); есть даже одно мѣсто, прямо указывающее на то, что князь, при полной юридической свободѣ назначать кого угодно, фактически бывалъ связанъ [5]). Все это наводитъ на мысль, что жупанъ имѣлъ двоякое

---

1) Hanĕl, O vlivu práva nĕmeckého v Čechách a na Moravĕ. Прага. 1874.

2) Jireček, Slov. pr., т. II, стр. 172—174.

3) Jireček, Slov. pr., т. II, 199—203. Brandl, Glossarium, слово: cúda. Я убѣжденъ, что чешскіе ученые переносятъ явленія позднѣйшихъ временъ на болѣе давнее время, думая, что паны въ областномъ панскомъ и рыцари въ областномъ владычномъ судѣ произносили приговоръ, а судья только руководилъ преніями. Классическое мѣсто о значеніи земскаго элемента въ древнѣйшемъ славянскомъ судѣ находится въ извѣстномъ сборникѣ польскаго обычнаго права на нѣмецкомъ языкѣ; оно слѣдующее: Ouch zy wissentlich, daz der polesche richter nicht scheppen pflegit zcu haben: zyt her abir nucze lute by im, wen her richtet, dy leet her zcu im, und leget in dy rede vor; und dunkit in ir keynis rede recht, dornoch richtet hea; behaget im abir ir keynis rede, zo richtet her noch synem zynne zo her rechteste kan, т. е польскій судья судитъ безъ шеффеновъ; но если онъ видитъ свѣдущихъ людей, то обращается къ нимъ за совѣтомъ и слѣдуетъ ему, если онъ ему нравится. Тамъ же, III, стр. 15. Helcel, Star. pr. pol. pom., т. II. Древній славянскій судья судилъ единолично въ присутствіи народа, мнѣніемъ котораго онъ, однако, дорожилъ на столько, что иногда обращался къ передовымъ людямъ за совѣтомъ. Такому объясненію нисколько не противорѣчитъ слѣдующее мѣсто статутовъ Конрада Оттона 1189 г.: Insuper nunquam judex debet judicare solus, nisi praesente castellano, aut aliquibus nobilibus; et quando villicus judicat, non debet ire ad capiendum consilium de judicio, sed judicet sedens cum militibus. Reg. Erb., стр. 349, 350.

4) Jireček, Slov. pr., II, 181—183.

5) Similiter Bosey et Mutina redeunt de Polonia, quibus duce Borivoy non ex corde sed pro necessitate temporis concedente gratiam suam, recipiunt civitates suas, quas antea habuerant, Bosey Satec et Mutina Lutomerice. Fontes rerum bohem., т. II, стр. 148.

значеніе: съ одной стороны онъ былъ представителемъ князя по отношенію къ области, съ другой—политическимъ главою области въ силу своего общественнаго значенія среди областнаго населенія независимо отъ княжескаго назначенія. И такъ онъ былъ одновременно и органомъ центральной власти, и органомъ мѣстнаго самоуправленія. Такое соединеніе въ одномъ лицѣ двухъ противоположностей объяснимо тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что въ чешской области мы видимъ видоизмѣненіе племенной жизни; отдѣльныя чешскія племена со своими племенными князьями не были стерты съ лица земли; сила князя чешскаго племени, занимавшаго самый центръ Чехіи, оказалась недостаточною, чтобы окончательно сломить племенное самоуправленіе; необходимо, вѣроятно, было ограничиться полумѣрами; и вотъ появляется областная организація съ сильно развитою областною жизнію и со своимъ главою, котораго, обыкновенно, и утверждалъ чешскій князь своимъ намѣстникомъ. Это подтверждается и ходомъ историческихъ событій; легко подмѣтить во время междоусобныхъ войнъ и различныхъ волненій, что жупаны пользуются значеніемъ не столько какъ княжескіе намѣстники, имѣющіе въ своемъ распоряженіи значительную долю физической силы, сколько какъ лица съ громаднымъ общественнымъ вліяніемъ.

Когда королевская власть почувствовала себя достаточно окрѣпшею, чтобы принять мѣры къ своему еще большему упроченію и вмѣстѣ съ тѣмъ къ централизаціи управленія, тогда начинается рядъ мѣръ, направленныхъ прямо или косвенно противъ областной организаціи вообще и должности жупана въ особенности. Мнѣ кажется, что даже изъятія деревень и цѣлыхъ округовъ съ конца XII в. изъ-подъ вѣдомства жупныхъ судовъ и изъ-подъ управленія жупана и областныхъ чиновниковъ дѣлались князьями для ослабленія областной жизни и значенія жупана [1]). Но только во второй половинѣ XIII в., когда иммунитеты и нѣмецкая колонизація достаточно подорвали солидарность жупы и положеніе ея главы, Оттокаръ II уже прямо началъ

---

1) Иммунитеты, безспорно, появились подъ западно-европейскимъ вліяніемъ; но короли, очевидно, не сильно отстаивали старые порядки. Можно думать, что они готовы были на уменьшеніе своихъ доходовъ лишь-бы только подорвать группы, какъ отдѣльные полунезависимые отъ нихъ организмы.

дѣйствовать противъ старой областной организаціи. Онъ, по всему вѣроятію, учредилъ должность крайскихъ поправцевъ, къ которымъ перешла главнѣйшая обязанность жупановъ—охранять общественный порядокъ и безопасность въ краѣ, — новомъ, болѣе обширномъ округѣ, составившемся изъ двухъ или болѣе жупъ [1]). Онъ также началъ назначать бургграфовъ въ укрѣпленные города и освобождать ихъ изъ-подъ власти жупана [2]). Наконецъ онъ не упускалъ случая, чтобы не отозваться съ презрѣніемъ объ органахъ жупнаго управленія; это, очевидно, должно было подрывать авторитетъ жупана и его помощниковъ [3]). Такого рода политика имѣла своимъ послѣдствіемъ исчезновеніе должности жупана съ концемъ XIII в., а въ XIV в. самое дѣленіе Чехіи на жупы превращается въ дѣленіе на края, — административныя единицы гораздо большей величины [4]).

Такимъ образомъ въ XIV в. исчезаетъ вторая форма стараго самоуправленія. Образовавшіеся изъ нѣсколькихъ жупъ края уже не проявляютъ такой живой общественной жизни. Изъ крайскихъ чиновниковъ ни одинъ не могъ имѣть притязанія быть политическимъ главою жупы, а крайскіе съѣзды собирались подъ строгимъ контролемъ ко-

---

1) Palacký, Dějiny, т. II, ч. I, 1874, стр. 12 и 13.

2) Тамъ же, стр. 9.

3) Тамъ же, стр. 13.

4) Считаю своимъ долгомъ замѣтить, что въ освѣщеніи общеизвѣстныхъ фактовъ чешской исторіи права я существенно расхожусь со всѣми чешско-моравскими учеными. Они думаютъ: 1) что уже съ древнѣйшихъ временъ Чехія представляла извѣстное политическое единство, хотя и состоящее изъ различныхъ племенъ; 2) что въ жупной организаціи нѣтъ слѣдовъ самоуправленія; 3) что Оттокаръ II былъ политическимъ реформаторомъ, вводившимъ нѣмецкіе порядки и стремившимся къ централизаціи. Я думаю: 1) что Чехія древнѣйшихъ временъ не представляла никакого политическаго единства, что отдѣльныя племена были вполнѣ независимы и даже чешскаго народа въ смыслѣ извѣстной народности еще не существовало; 2) что жупная организація была необходимымъ посредствующимъ звеномъ между полною самостоятельностію племенъ и между ихъ слитіемъ политическимъ въ одно государство, общественнымъ — въ одинъ чешскій народъ; по моему мнѣнію, Чехія жупнаго періода была нѣкотораго рода федераціей подъ верховенствомъ князя чешскаго племени; 3) что мѣры Оттокара II клонились къ окончательному образованію чешскаго народа и уничтоженію всего того, что напоминало бы мѣстный сепаратизмъ въ правѣ (для этого проэктъ законодательнаго кодекса и учрежденіе верховнаго земскаго суда) и въ управленіи (для этого учрежденіе верховныхъ земскихъ сановниковъ и уничтоженіе старой жупной организаціи).

роля. Онъ назначалъ лицъ въ предсѣдатели съѣзда, онъ опредѣлялъ изъ какихъ слоевъ населенія съѣздъ долженъ былъ состоять, наконецъ онъ указывалъ предметъ обсужденія[1]). Слѣдовательно крайскій съѣздъ не былъ органомъ самоуправленія, а только средствомъ, къ которому прибѣгало иногда правительство съ цѣлію разузнать общественное мнѣніе края по данному предмету.

Гуситское движеніе, проявившееся съ полною силою въ 1419 г., совершенно измѣнило государственное устройство Чехіи. Послѣ прекращенія государственной власти со смертію Вячеслава IV (1419), чешское общество распадается на нѣсколько партій, каждая со своимъ особымъ управленіемъ; въ Прагѣ, средоточіи самой умѣренной партіи, высшая власть принадлежала собранію всей городской общины, которая избирала и смѣняла различные органы управленія[2]). Табориты имѣли своихъ выборныхъ властей[3]). Даже сеймы не пользовались значеніемъ верховной власти надъ цѣлою страною, а конгресса, гдѣ различныя партіи, путемъ различныхъ уступокъ, приходили наконецъ къ извѣстному соглашенію. Поэтому неудивительно, что правители, избираемые сеймомъ, имѣли власть только тогда, когда опирались на хорошо организованной и имъ всецѣло преданной партіи[4]). Только постепенно, начиная съ 1434 г., въ странѣ устанавливается извѣстный порядокъ; а съ 1508 г., т. е. со времени признанія горожанамъ права голоса на сеймахъ, окончательно упрочивается миръ между различными политическими партіями.

Гуситское движеніе оказало вліяніе на управленіе въ двоякомъ отношеніи. Во 1) оно создало самоуправленіе и опредѣлило его форму. Отдѣльныя партіи, обыкновенно, съѣзжались и выбирали изъ среды себя или нѣсколько лицъ или одно лице для завѣдыванія дѣлами партіи;

---

1) Jireček, Slov. pr., т. III, стр. 161.

2) Palacký, Dějiny, т. III, ч. I, стр. 380, 381. Tomek, Dějepis Prahy, т. IV, стр. 177, 178.

3) Palacký, Dějiny, т. III, стр. 301. Tomek, Dějepis Prahy, т. IV, стр. 43, 44; о дальнѣйшихъ измѣненіяхъ смотри стр. 370—380.

4) 20 правителей, избранныхъ чаславскимъ сеймомъ, 1421 г. (Tomek, Dějepis Prahy, т. IV, стр. 162, 163, 177), 12 земскихъ гетмановъ, избранныхъ пражскимъ сеймомъ, 1423 г. (тамъ же, 291, 292), и 12 лицъ, назначенныхъ кутногорскимъ сеймомъ, 1431 г. (тамъ же, 477, 608, 699), не имѣли почти никакого значенія, а панъ Алешъ изъ Ризенбурга и панъ Юрій изъ Подѣбрадъ управляютъ Чехіей на столько, на сколько сильна преданная имъ партія.

въ послѣднемъ случаѣ этому одному лицу, обыкновенно, избирались еще помощники, которые были представителями различныхъ оттѣнковъ въ одной общей партіи. Продолжительное отсутствіе сильной центральной власти пріучило народъ къ самоуправленію, такъ что Габсбурги при всемъ своемъ стараніи не могли подавить его. Во 2) оно сдѣлало самоуправленіе демократическимъ. Какъ мы видѣли, областное самоуправленіе прежнихъ временъ было аристократическое. Такое измѣненіе объяснимо двумя обстоятельствами. Гуситство было въ нѣкоторой степени протестомъ противъ нѣмецкихъ порядковъ, находившихъ поддержку, кромѣ нѣмецкихъ городовъ, въ панахъ; поэтому оно было движеніемъ національно-демократическимъ; нисшіе слои чешскаго общества поднялись въ защиту народности противъ высшихъ слоевъ, уже онѣмеченныхъ. Но кромѣ того, отсутствіе извѣстной идеи, кромѣ силы, въ основѣ власти приходило къ необходимости привлечь массы и опереться на нихъ. Если выборный данной партіи желалъ имѣть значеніе, то долженъ былъ искать опоры въ громадномъ большинствѣ партіи. Пока существовали только отдѣльныя партіи безъ центральной власти, мѣстное самоуправленіе почти не существовало; но какъ только появляются первыя попытки установить верховную власть, возобновляется и мѣстное, крайское управленіе.

Когда въ 1432 г. на сеймѣ былъ поднятъ вопросъ о средствахъ прекратить своеволіе войскъ, тогда пришли къ убѣжденію, что необходимо собрать по отдѣльнымъ краямъ съѣзды пановъ, рыцарей и городовъ и произвести на нихъ выборы крайскихъ гетмановъ, которымъ должна была быть подчинена военная сила въ краѣ. На съѣздахъ также должны были быть избраны нѣсколько товарищей гетмана [1]). Съ этого времени мы все чаще и чаще читаемъ о крайскихъ гетманахъ и крайскихъ съѣздахъ [2]). Во второй половинѣ XV в. общественная жизнь въ краяхъ до того усиливается, что ослабляетъ даже значеніе сеймовъ. Чехія напоминаетъ собою болѣе федерацію отдѣльныхъ краевъ, чѣмъ единую, нераздѣльную монархію. Мы находимъ извѣстія о союзахъ между отдѣльными краями [3]), объ избраніи краями совѣтниковъ королю, должен-

1) Tomek, т. IV, стр. 510.

2) Palacký, Dějiny, т. III, ч. II, 304, 305; т. IV, ч. I, 15, 16; т. V, ч. I, 237, 353 370—372; т. V, ч. II, 221—223.

3) Тамъ же, т. IV, ч. I, 16: (3 или 4 края сговариваются между собою и выбираютъ

ствующихъ наблюдать за земскими интересами[1]), объ избраніи краями нѣсколькихъ представителей края на сеймъ[2]). Мало того, края пытаются присвоить себѣ нѣкоторые атрибуты сейма: въ 1494 г. сеймъ постановилъ созвать съѣзды по краямъ для предпринятія мѣръ противъ лихихъ людей, но съѣзды не ограничились этимъ; съѣздъ же градецкаго края выразилъ 9 желаній о государственныхъ дѣлахъ вообще и разослалъ ихъ другимъ краямъ для свѣдѣнія. Это возбудило негодованіе чешскаго короля Владислава, который и запретилъ въ томъ же году строжайшимъ образомъ съѣзды[3]). Тѣмъ не менѣе во времена Ягеллоновъ крайскіе съѣзды существовали, какъ объ этомъ мы можемъ заключить изъ сохранившагося до нашихъ временъ извѣстія о съѣздѣ чаславскаго края въ 1519 г. Изъ этого извѣстія видно: 1) что на крайскіе съѣзды собирались паны, рыцари и горожане 2 раза въ годъ въ опредѣленные сроки для отправленія суда крайскими гетманами и ихъ совѣтниками, а также во всякое время, если оказывалась въ томъ надобность, по вызову гетмановъ; 2) что на этихъ съѣздахъ происходили выборы 2-хъ гетмановъ и его совѣтниковъ; совѣтъ при гетманахъ состоялъ изъ представителей панскаго, рыцарскаго и городскаго сословій; съѣзды выбирали лицъ, обязанныхъ посѣщать сеймы и собирали суммы для покрытія необходимыхъ расходовъ по представительству; на съѣздахъ разсматривались разнообразныя потребности края, а также постановлялись съ общаго согласія въ предѣлахъ закона общеобязательныя для цѣлаго края правила, такъ напр. крайскіе гетманы, очевидно съ согласія съѣзда, собирали извѣстные налоги для удовлетворенія крайскихъ потребностей[4]). Такимъ образомъ край пользовался полною автономіей, въ которой принимали участіе всѣ сословія, за исключеніемъ крестьянства; крайскіе съѣзды и представители крайскаго населенія, крайскіе гетманы и ихъ совѣтники, должны были заниматься общественною безопасностію и хозяйственными дѣлами края.

Со вступленіемъ на престолъ Габсбурговъ въ 1526 г. положеніе

сообща одного гетмана); т. V, ч. I, 194: (паны требуютъ уничтоженія договоровъ между краями).

1) Тамъ же, т. V, ч. I, 195.
2) Тамъ же, т. V, ч. I, 416: (въ первый разъ на сеймъ въ Прессбургѣ въ 1499 г.)
3) Тамъ же, т. V, ч. I, 370—372.
4) Тамъ же, т. V, ч. II, 356—358.

дѣлъ измѣнилось. Габсбурги съ недовѣріемъ смотрѣли на мѣстное самоуправленіе и желали его уничтожить; напротивъ того чешское общество чрезвычайно дорожило своимъ мѣстнымъ самоуправленіемъ и стремилось всѣми силами отстоять его. Эта борьба замѣтна и въ постановленіяхъ сеймовъ. Стремленіе Габсбурговъ къ ограниченію самоуправленія проявляется въ превращеніи выборныхъ должностей въ должности по назначенію (крайскіе гетманы)[1]) и въ подчиненіи совѣщаній на съѣздахъ строгому контролю. Послѣднее проявляется въ томъ, что на съѣзды высылаются королемъ лица довѣренныя[2]), что съѣзды могутъ быть созваны только съ особаго королевскаго разрѣшенія[3]), что на съѣздахъ не могли разсуждать о всѣхъ вопросахъ, но только о тѣхъ, о которыхъ было заранѣе заявлено королю[4]). Въ 1538 г. была сдѣлана Фердинандомъ I-ымъ первая попытка совершенно запретить съѣзды; въ королевскомъ предложеніи на сеймъ указывалось на то, что съѣзды были нововведеніемъ и притомъ такимъ, которое приводило населеніе къ большимъ расходамъ вслѣдствіе частыхъ разъѣздовъ и продолжительнаго отсутствія изъ имѣній[5]). Въ 1543 г. полная свобода созывать съѣзды была оставлена, какъ особая льгота только на 2 года, а затѣмъ съѣзды могли быть созываемы не иначе, какъ съ особаго королевскаго разрѣшенія[6]). Въ Февралѣ 1547 г., когда уже начинались волненія противъ Фердинанда I-аго, послѣдній строжайшимъ образомъ запретилъ собираться на съѣзды[7]), а возставшія сословія постановили на сеймѣ въ мартѣ 1547 г., что король долженъ заранѣе объявлять о предметахъ, которые будутъ разсматриваться на сеймахъ,

1) Впрочемъ, можетъ быть, еще ранѣе крайскіе гетманы назначались пражскимъ бургграфомъ, къ которому также перешло право созывать крайскіе съѣзды: Pan purkrabě pražsky, jestližeby co toho potřeba byla, muože sjezd v kraji položiti anebo v krajích, i také hejtmany v krajích ustanoviti, a to až do sněmu budúcího, 46. Sněmy české, т. I; Palacký, op. c., стр, 7. Однако иногда гетманы избирались и при Габсбургахъ. Тамъ же, 496, 563.

2) Тамъ же, т. I, 251.

3) Тамъ же, 270. Инструкція королевскихъ уполномоченныхъ на съѣздъ сословій 1528 г.

4) Тамъ же, 566, 635.

5) Тамъ же, 450.

6) Тамъ же, 566, 570, 604, 624. Въ 1545 г. право созывать съѣзды продолжено еще на 3 года, но не иначе, какъ каждый разъ по особому королевскому разрѣшенію, 635.

7) Тамъ же, т. II, (1546—57 г.), 130, 261, 262.

дабы каждый край, съѣхавшись и обсудивъ эти предметы, могъ выбрать себѣ представителей[1]; также требовалась полная свобода съѣздовъ[2]. Послѣ подавленія возстанія Фердинандъ настоялъ на томъ, чтобы созывать сеймы и съѣзды было запрещено подъ страхомъ смертной казни; это право оставлено за королемъ[3]. Не смотря на недовѣріе правительства къ съѣздамъ, послѣдніе и при Габсбургахъ имѣли громадное значеніе. На крайскихъ съѣздахъ улаживались споры между сословіями[4]; на нихъ происходили выборы лицъ, которымъ поручаются законодательныя работы[5]; выборные отъ краевъ иногда совѣщались съ королевскими коммиссарами о положеніи дѣлъ вообще[6]; на крайскихъ съѣздахъ происходило обнародованіе законовъ[7]. Но важнѣе всего было распредѣленіе на крайскихъ съѣздахъ налоговъ и повинностей. Послѣ установленія сеймомъ извѣстнаго налога созывались съѣзды, на которыхъ велась рѣчь о распредѣленіи налога между жителями края, а также иногда избирались лица, которыя должны были слѣдить за тѣмъ, чтобы каждый житель края добросовѣстно указалъ свое имущество и оцѣнилъ его; на этихъ сборщиковъ возлагалась также обязанность собирать налогъ и доставлять деньги въ Прагу къ сборщикамъ, выбраннымъ сеймомъ изъ каждаго сословія[8]. Когда въ 1538 г. король пытался совершенно уничтожить съѣзды, тогда сословія ему прямо заявили, что безъ крайскихъ съѣздовъ налогъ собранъ быть не можетъ[9]. Вообще изъ извѣстій о съѣздахъ и

---

1) Тамъ же, 154, 155, 493, 494.

2) Тамъ же. 155. Въ частности подтверждается льгота градецкаго края выбирать себѣ бургграфа на съѣздѣ, 159. Во время возстанія крайскіе гетманы избирались на съѣздахъ, 171.

3) Тамъ же, 500. Королевское предложеніе объ этомъ, 483.

4) Тамъ же, т. I, 290.

5) Тамъ же, 329, 493 и т. д.

6) Тамъ же, 253, 628.

7) Та мъ же, т. II, 590, выноска.

8) Крайскіе сборщики рѣдко избирались на крайскихъ съѣздахъ; обыкновенно они или выбирались сеймомъ изъ жителей того края, гдѣ должны были дѣйствовать, или просто назначались королемъ. Тамъ же, т. I, 410, 411, 413, 453, 462, 514, 515, 552, 557, 563, т. II, 703.

9) A pro nařizeni takové hotovosti společně stavové žádati máme, aby I. M. Kr. ráčil nám sjezdův po krajich dopustiti, neb by se jinak bez takových sjezdův i prospěšnějši a snadnějši takového lidu vypravení nařiditi nemohlo... Тамъ же, т. I, 453, 462.

крайскихъ гетманахъ можно вывести такое заключеніе: общество стремилось къ полной автономіи краевъ, напротивъ того правительство желало совсѣмъ уничтожить самоуправленіе, а крайскіе съѣзды превратить въ средства разузнавать общественное мнѣніе края. Борьба эта не закончилась въ теченіи всей самостоятельной жизни чешскаго народа до 1620 года; этимъ и объясняется, что мы читаемъ то о выбранныхъ на съѣздахъ сборщикахъ податей, даже о выборныхъ гетманахъ, то мѣстное самоуправленіе совершенно изчезаетъ[1]).

О значеніи чешскаго самоуправленія, кажется намъ, можно сдѣлать слѣдующія замѣчанія: 1) если Чехія такъ быстро оправилась отъ чрезвычайной потери населенія и имущества во время гуситскихъ войнъ, если она могла вынести громадныя повинности и налоги во время турецкихъ войнъ, то это объяснимо хорошо устроеннымъ самоуправленіемъ; въ немъ, какъ мы видѣли, принимали участіе всѣ силы края[2]), которыя, очевидно, въ своихъ собственныхъ интересахъ зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы налоги и повинности распредѣлялись равномѣрно; 2) недовѣріе правительства къ крайскимъ съѣздамъ имѣло самыя пагубныя послѣдствія. Между тѣмъ какъ прежде на крайскихъ съѣздахъ мелкая шляхта избирала за себя представителей и надѣляла ихъ денежными средствами для пребыванія въ Прагѣ во время сейма, теперь, послѣ ограниченія и даже прекращенія съѣздовъ, она фактически лишилась своего представительства, вслѣдствіе чего сеймъ сдѣлался орудіемъ аристократіи, преслѣдовавшей свои личные интересы.

Польша.

По нашему мнѣнію, Польша временъ Болеславовъ (до 1138 г.) знала только одну форму мѣстнаго самоуправленія, а именно: ополе[3]).

---

1) Еще въ 1611 г. между требованіями, предложенными королю Матвѣю передъ его коронаціей, находилось одно о правѣ собирать крайскіе съѣзды безъ всякаго заявленія о томъ королю. Kalousek. České státní pravo. 312, 313. Прага. 1871. На 1557 годѣ прерывается прекрасное изданіе актовъ, относящихся къ чешскимъ сеймамъ; дальнѣйшія судьбы крайскаго самоуправленія представлены въ только что приведенномъ сочиненіи Калоуска, на стр. 307—313.

2) Крестьянство не принимало участія въ крайскихъ съѣздахъ, но это было почти общеевропейскимъ явленіемъ того времени.

3) Вопросъ о древнепольскомъ самоуправленіи представляется чрезвычайно спорнымъ. Лелевель, Мацѣевскій, вообще всѣ писатели до 70-ыхъ годовъ XIX ст.

Даже лица, отрицающія самоуправленіе execution ополей, признаютъ существованіе собраній ополя, которыя созывались посредствомъ пересылки отъ дома до дома посоха[1]). На этихъ собраніяхъ происходила раскладка повинностей и налоговъ, возложенныхъ на ополя; весьма вѣроятно, что здѣсь разсматривался вопросъ о выдачѣ князю лица, навлекшаго своими поступками взысканіе пени съ ополей; возможно, что здѣсь обсуждались мѣры къ обезпеченію мира и спокойствія въ ополѣ, ибо слѣдить за безопасностью въ своихъ предѣлахъ было обязанностью ополей. Ополе, какъ одно цѣлое, принимало самое дѣятельное участіе при проведеніи границъ и отвѣчало солидарно за неправильности въ этомъ отношеніи. Наконецъ ополе, по крайней мѣрѣ среди польскаго населенія въ земляхъ крестоносцевъ, имѣло право издавать автономическія постановленія[2]). И такъ подъ ополе слѣдуетъ понимать административную общину, состоящую изъ нѣсколькихъ деревень и имѣющую свои собранія и, можетъ быть, даже своихъ выборныхъ властей[3]). Въ теченіе XIII в. ополя все болѣе и болѣе теряютъ свое значеніе, а съ концемъ XIII в. совершенно исчезаютъ. Очевидно, онѣ были унаслѣдованы Польшею христіанскою отъ языческихъ славяно-польскихъ

считали несомнѣннымъ существованіе весьма развитаго самоуправленія. Р. Губе въ своемъ прекрасномъ трудѣ Prawo polskie w wieku trzynastym, 1874, разобралъ весь объемъ права гражданскаго, уголовнаго и судебнаго и не нашелъ никакихъ слѣдовъ самоуправленія; какъ осторожный изслѣдователь, онъ, однако, прямо не высказалъ своего мнѣнія объ этомъ предметѣ. Въ слѣдующемъ году профессоръ исторіи польскаго права въ краковскомъ университетѣ, Бобржинскій, открыто заявилъ свое мнѣніе, что самоуправленіе стало извѣстно Польшѣ только съ появленіемъ нѣмецкихъ колонистовъ (O założeniu sądów wyższych prawa niemieckiego na zamku krakowskim, 1875, 109—113). Этому взгляду онъ остался вѣренъ и въ своихъ позднѣйшихъ трудахъ (Dzieje Polski, 1879, 77—81; второе изд., т. I, 106—109). Новѣйшіе писатели также отрицаютъ самоуправленіе (Smolka, Mieszko Stary i jego wiek, 1881, 128, 129; Piekosiński, Obrona hipotezy najazdu jako podstawy ustroju społeczeństwa polskiego. Краковъ, 1882. 39). По нашему мнѣнію, отрицаніе участія земскаго элемента, какъ въ мѣстномъ, такъ и въ центральномъ управленіи, есть не болѣе какъ реакція противъ прежняго увлеченія древне-славянскимъ народоправленіемъ. Правильное рѣшеніе вопроса должно, кажется мнѣ, находится по серединѣ этихъ крайнихъ мнѣній.

1) Smolka, Mieszko Stary, 124—130.

2) Helcel, Starod. pr. pol. pomniki, т. II, стр. 15, IV; стр. 19, XI. Въ этихъ ссылкахъ особеннаго вниманія заслуживаетъ слово willekoer, обозначающее автономическое постановленіе извѣстной общины.

3) Объ ополѣ см. Roepell, Gesch. Polens, 615—617; Hube, Pr. pol. w XIII w., 162—164; Smolka, Mieszko Stary, 124—140.

племенъ; среди совершенно измѣнившихся условій онѣ были анахронизмомъ. Все болѣе и болѣе появляющіяся различія среди населенія, вслѣдствіе чего люди наиболѣе талантливые и богатые переставали принимать участіе въ жизни ополя, большая подвижность народныхъ массъ, наконецъ появляющаяся нѣмецкая колонизація съ нѣмецкою общиною нанесли ополямъ смертельный ударъ.

Въ каштелляніи не замѣтно никакихъ слѣдовъ общественной жизни. Назначеніе лицъ на должность каштелляна, объемъ каштелляніи, распредѣленіе каштелляній на пространствѣ тогдашней Польши указываютъ на то, что дѣленіе на каштелляніи было чисто военнымъ, что оно не находилось въ связи съ прежними племенами [1]). Очевидно центральная власть въ Польшѣ настолько окрѣпла еще въ доисторическія времена, что князья не считали нужнымъ дѣлать какія-бы то ни были уступки старымъ племеннымъ порядкамъ; напротивъ того они, повидимому, употребляя всѣ усилія, чтобы стереть всѣ слѣды племенной жизни. Неудивительно поэтому, что польскіе короли не принимали никакихъ мѣръ для уничтоженія должности каштелляна; движеніе исторической жизни постепенно исчерпало все содержаніе этой должности, но имя ея осталось до самаго паденія Польши.

Однако желанія Болеславовъ уничтожить всѣ слѣды племенъ не увѣнчалось успѣхомъ. Въ Польшѣ, сперва распавшейся на удѣлы, а затѣмъ на вполнѣ независимыя княжества, отживаютъ въ этихъ княжествахъ воспоминанія племеннаго быта. Каждый князь назначаетъ изъ мѣстныхъ магнатовъ своихъ придворныхъ чиновниковъ, собираетъ вѣча и т. д.; но стоило только двумъ княжествамъ объединиться подъ однимъ княземъ, и придворные чиновники превращаются въ мѣстныя власти, связанныя не съ княземъ, а съ землею; согласно этому и народное участіе въ верховной власти превращается въ участіе народа въ мѣстномъ самоуправленіи. Превращеніе отдѣльнаго княжества въ отдѣльный организмъ со своими магнатами и со своимъ рыцарствомъ тѣмъ скорѣе должно было произойдти, что сами удѣльные князья стремились къ занятію краковскаго стола, какъ такого, съ которымъ, по мысли Кривоустаго, связывалось верховенство надъ цѣлою Поль-

1) Въ этомъ отношеніи я отказываюсь отъ своего мнѣнія, высказаннаго ранѣе. Крит. Обозр., 1-ый годъ, № 18, стр. 9, 10.

шею. Чѣмъ менѣе князья заботились о своемъ княжествѣ, чѣмъ болѣе ихъ занимали внѣшнія отношенія, тѣмъ скорѣе воевода, канцлеръ, придворный судья и т. д. утрачивали сознаніе о томъ, что они княжескіе чиновники и превращались въ земскихъ сановниковъ. Прошло не болѣе 70-ти лѣтъ послѣ смерти Кривоустаго, и уже мы встрѣчаемся съ посольствомъ, приглашающимъ князя на престолъ и ставящимъ ему опредѣленныя условія [1]). Изъ частыхъ извѣстій лѣтописцевъ о призваніи князей въ XIII в. уже можно заключить, что одною изъ договаривающихся сторонъ были сановники княжества, которые утратили свой прежній характеръ княжескихъ чиновниковъ [2]). По всему вѣроятію, во второй половинѣ XII в. и въ первой XIII происходитъ этотъ чрезвычайно важный переворотъ въ характерѣ прежнихъ органовъ центральнаго управленія. И такъ распаденіе Польши на отдѣльныя княжества имѣло своимъ послѣдствіемъ образованіе въ каждомъ княжествѣ сильной чиновной аристократіи, ибо «сановники назначались изъ самаго богатаго рыцарства земли, а еще болѣе, какъ кажется, всегда изъ однихъ и тѣхъ же родовъ, и подвигались систематически, порядкомъ, освященнымъ обычаемъ, съ нисшихъ на высшія должности» [3]). Когда при Владиславѣ Локеткѣ и Казимірѣ Великомъ Польша снова соединилась, то польское государство напоминало собою федерацію отдѣльныхъ земель; отдѣльныя области имѣли своихъ чиновниковъ, свои собранія, свои юридическіе обычаи; король связывалъ эти земли во едино только личною уніею. Вся внутренняя политическая дѣятельность Казиміра Великаго главнымъ образомъ была направлена къ тому, чтобы сильнѣе сплотить эти земли; къ этому вели и измѣненія въ центральномъ управленіи [4]) и его законодательная дѣятельность [5]).

---

1) Smolka, Mieszko Stary, 406, 407.

2) Вопросъ о превращеніи важнѣйшихъ княжескихъ чиновниковъ въ органы мѣстнаго земскаго самоуправленія совсѣмъ не разсмотрѣнъ въ исторіи польскаго права. Только Р. Губе, излагая судоустройство XIII-го в., указалъ на то, что первое извѣстіе о превращеніи придворнаго судьи въ судью извѣстной земли относится къ 1228 г.: Buzivoy judex cracoviensis. Hube, Pr. pol. w w. XIII, 184, прим. 2.

3) Hube, Statuta Nieszawskie z r. 1454. Варшава, 1875, 10.

4) Онѣ хорошо описаны Бобржинскимъ въ Dzieje Polski, 2 изд., 1880, т. I, стр. 209—215.

5) Не только по мнѣнію Гельцеля, признававшаго четвертый общеобязательный

Земское самоуправленіе отдѣльныхъ земель, какъ оно развивалось въ періодъ удѣльныхъ княжествъ и существовало при Локеткѣ и Казимірѣ Великомъ, можетъ быть охарактеризовано слѣдующимъ образомъ: 1) оно отличалось аристократическимъ характеромъ; должности занимались членами мѣстной знати, которая въ силу этого имѣла подавляющее вліяніе на всевозможныхъ съѣздахъ; 2) въ немъ принимало участіе только дворянство; горожане и духовенство имѣли свое особое самоуправленіе; имъ пользовалось даже крестьянство, хотя и въ очень слабой степени, но всѣ эти формы самоуправленія не вытекали изъ славянскихъ началъ; 3) оно опиралось не на законодательныхъ актахъ, а на обычаѣ; 4) отдѣльныя земли или были вмѣстѣ съ тѣмъ воеводствами или только входили въ составъ воеводствъ, которыя въ свою очередь соединялись въ двѣ еще большія политическія цѣлости Великую и Малую Польшу. Необходимо, однако, замѣтить, что Малая и Великая Польша проявляли свое политическое единство только въ отдѣльныхъ малопольскихъ и великопольскихъ собраніяхъ, а не въ какихъ-либо органахъ управленія[1]).

Перемѣна династіи отразилась на мѣстномъ самоуправленіи въ двоякомъ отношеніи: 1) аристократія, опасаясь потерять свое значеніе при сильныхъ короляхъ, владѣющихъ цѣлыми государствами, стремится опереться съ одной стороны на рыцарствѣ, съ другой—на духовенствѣ. Съ конца XIV в. рыцарство все чаще и чаще выступаетъ на политическомъ поприщѣ и притомъ сначала очень робко, а потомъ все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ значеніемъ[2]). Связь аристократіи съ духовенствомъ, замѣтная въ Великой Польшѣ еще при Казимірѣ Великомъ[3]), усиливается въ XV в. до того, что духовная аристократія получаетъ даже преобладающее значеніе; 2) аристократія стремится обезпечить свое положеніе юридически: она выхлопатываетъ для себя цѣлый рядъ привилегій, въ которыхъ, между прочимъ, пріобрѣтаетъ

статутъ, но и по мнѣнію Губе, считающаго статутъ малопольскій общеобязательнымъ, а статутъ великопольскій областнымъ. Ustawodawstwo Kazimierza Wielkiego. Варшава, 1881.

1) Генералъ-старосты Великой и Малой Польши только въ первый вѣкъ послѣ своего возникновенія, при Вячеславѣ чешскомъ, имѣли громадную власть. Затѣмъ ихъ значеніе все болѣе и болѣе умалялось.

2) Hube, Statuta Nieszawskie z r. 1454, Варшава, 1875, 18—24.

3) Тамъ же, 12.

право на исключительное занятіе должностей въ извѣстной землѣ аристократіею той же земли [1]).

Подъ вліяніемъ этихъ 2 новыхъ стремленій аристократіи въ XV в. происходятъ слѣдующія явленія: 1) Шляхта, призванная къ политической жизни сначала аристократами, потомъ королемъ, въ нѣшавскихъ статутахъ 1454 г. создаетъ себѣ особый органъ для выраженія своихъ желаній — сеймики. Здѣсь долженъ былъ происходить выборъ судей, подсудковъ и натаріусовъ, а также разрѣшаться вопросъ объ объявленіи войны и изданія новыхъ законовъ. Такимъ образомъ аристократическія вѣча, какъ органы для отправленія суда, изданія автономичныхъ постановленій (lauda), обсужденія различныхъ мѣстныхъ земскихъ потребностей и установленія новыхъ налоговъ, замѣняются демократическими сеймиками отдѣльныхъ земель [2]). Намъ кажется, что это важное измѣненіе могло произойдти не иначе, какъ подъ вліяніемъ сосѣдней Чехіи и Моравіи, гдѣ въ это же время были въ полной силѣ крайскіе, чисто демократическіе съѣзды. Аристократія дала первый

---

1) Кошицкая прив. 1374 г.: Item promittimus: quod tales honores et dignitates, utpote palatinatus, castellanatus, judicia, et succamerariatus officia, et his similia, qui vel quae usque ad vitam conservari consveverunt, aliis quibuspiam hominibus, extraneis hospitibus, non conferemus, nisi talibus, qui sunt regnicolae terrarum ejusdem regni, in quibus hujusmodi dignitates vel honores consistunt. Bandtke, Jus pol., 185. Еще болѣе важна корчинская прив. 1386 г. для Малой Польши:... honores et dignitates singularum terrarum (въ кошицкой говорилось только о важнѣйшихъ должностяхъ) tunc, quando eas vacare contigerit, nulli nisi nobili, bene merito (въ кошицкой это не высказано, а только подразумѣвалось) illius terrae, in qua honor vacaverit,...... de consilio tamen nobilium illius terrae, in qua talis honor consistit (новое, чрезвычайно важное право аристократіи), dabimus, conferemus et distribuemus... Тамъ же, 189. Тоже повторяется и въ піотрковскій прив. для Великой Польши 1388 г.; только нѣтъ извѣстія о совѣщаніи короля съ мѣстною аристократіей при назначеніи на должности. Тамъ же, 191. Если въ червинской прив. 1422 г. объ этомъ не упоминается, то только потому, что она предназначалась для рыцарства, которое не было заинтересовано въ распредѣленіи должностей. Едельненско-краковская прив. 1430 г. интересна въ томъ отношеніи, что указываетъ на причину, вызвавшую желаніе аристократіи исключительно занимать должности въ своей землѣ. Это было стремленіе не вѣдать дѣла своей земли, а присвоить только себѣ доходы, неразлучные съ занятіемъ должностей: et quod praedictas dignitates ... non debemus minuere, nec etiam suffocare, et possessiones, census, aut salaria, ad eas pertinentia, absque juris debito examine, non auferre. Bandtke, 226.

2) Изданіе нѣшавскихъ статутовъ Бандтке въ Jus polonicum не имѣетъ ни малѣйшаго научнаго значенія. Статуты намъ сдѣлались извѣстны только послѣ труда Бобржинскаго «O ustawodawstwie Nieszawskiem Kazimierza Jagiellończyka. Kraków. 1873», гдѣ выяснено также ихъ значеніе. Еще болѣе обстоятельная оцѣнка нѣшавскихъ

толчекъ шляхецкому движенію, но только распространеніе среди рыцарства демократическихъ воззрѣній гуситовъ произвело надлежащее измѣненіе въ умахъ шляхты. 2) Широко развитое самоуправленіе отдѣльныхъ земель приводитъ уже въ 1426 г., по Длугошу, къ мысли объ удѣленіи особой привилегіи каждой землѣ [1]). Дѣйствительно послѣ едельненско-краковской привилегіи 1430-1833 гг., важнѣйшей привилегіи аристократіи, появляются привилегіи отдѣльныхъ земель. Послѣ нѣшавскихъ статутовъ, данныхъ отдѣльно каждой землѣ, получаетъ особую привилегію Русь и Подолія [2]), а также Малая Польша въ 1456 г. [3]), Великая Польша въ 1488 г. [4]), королевская Пруссія по договору 1466 г. Привилегіи, жалуемыя отдѣльнымъ землямъ, служатъ самымъ яркимъ признакомъ того, что каждая земля сознавала себя особымъ организмомъ. Дѣло дошло до того, что Малая Польша, въ самый разгаръ войны съ крестоносцами, вытребовала себѣ льготу, что она будетъ участвовать въ общемъ походѣ противъ крестоносцевъ только тогда, когда обсудитъ этотъ вопросъ на общемъ собраніи земель Краковской, Сандомірской, Руси и Подоліи [5]). Статутъ 1496 г. точно опредѣляетъ даже городъ для каждой земли, въ которомъ долженъ былъ быть обсуждаемъ вопросъ объ общемъ военномъ походѣ [6]).

Въ XVI в. мѣстное самоуправленіе принимаетъ окончательную форму, которая остается въ силѣ до учрежденія въ 1789 г. административныхъ гражданско-военныхъ воеводскихъ и повятовыхъ ком-

---

статутовъ находится у Губе въ Statuta Nieszawskie. Варш. 1875. Хотя послѣдній указываетъ на то, что о сеймикахъ мы находимъ извѣстіе только въ статутѣ нѣшавскомъ велькопольскомъ, но при этомъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что такіе же порядки существовали и въ Малой Польшѣ, но малополяне довольствовались ихъ обычнымъ признаніемъ и не считали нужнымъ ихъ узаконять статутами. Стр. 44, 46, 47, 48.

1) Statuta Nieszawskie, 45.

2) Bandtke, Jus polonicum, 292.

3) Тамъ же, 298 и 300.

4) Тамъ же, 321.

5) Тамъ же, 299.

6) Тамъ же, 351. Напр. для Краковской земли въ Противицахъ, для Сандоцкой и Бѣцкой въ Чховѣ, Сандомірской въ Новомъ Мѣстѣ и т. д. Отсюда видно, что этотъ чрезвычайно важный вопросъ рѣшался каждою землею на своемъ сеймикѣ, а не всѣми землями, входящими въ составъ Малой Польши, сообща (генеральные сеймики Малой Польши происходили въ началѣ въ Вислицѣ, потомъ въ Новомъ Корчинѣ).

миссій [1]). Земскія должности, за исключеніемъ должностей судебныхъ, съ конца XV в. или совершенно исчезаютъ или остаются, какъ пустыя званія безъ всякаго внутренняго значенія. Вся внутренняя жизнь воеводства и уѣзда сосредоточивается въ сеймикахъ, высылающихъ своихъ представителей на сеймъ. Эти представители являются, однако, не представителями народа, а отдѣльныхъ земель и воеводствъ, и потому они связаны составленными на сеймикахъ инструкціями. Поэтому самъ сеймъ скорѣе напоминаетъ конгрессъ независимыхъ государствъ (воеводствъ), чѣмъ собраніе народныхъ представителей. Эти перемѣны, при всей своей важности, представляются только дальнѣйшимъ слѣдствіемъ шляхецкаго движенія, начавшагося въ XV в., а также реформъ въ центральномъ управленіи. Законъ 1504 г. яснѣе опредѣлилъ обязанности коронныхъ и надворныхъ сановниковъ (маршала короннаго и придворнаго, подскарбія короннаго, канцлера короннаго) и вслѣдствіе этого сдѣлалъ почти безполезными прежнія земскія должности, кромѣ должностей судебныхъ, и шляхта могла только быть этимъ довольна, ибо онѣ были остатками прежнихъ аристократическихъ порядковъ. Такимъ образомъ въ воеводствѣ и уѣздахъ остались воеводы и старосты королевскими чиновниками, а сеймики—органами мѣстнаго самоуправленія. По мѣрѣ того, какъ въ теченіи исторической жизни усиливалось все болѣе и болѣе сила шляхты и умалялось значеніе короля, усиливалось также значеніе сеймиковъ и умалялась власть воеводы и старостъ.

Оставляя въ сторонѣ сеймики, созываемые королевскими универсалами для выбора представителей въ сеймъ, можно раздѣлить сеймики, собиравшіеся на основаніи обычая, безъ особаго королевскаго разрѣшенія, на депутатскіе, гдѣ избирались члены трибуналовъ, элекціонные, гдѣ выбирались различные должностныя лица (судьи, подсудки, и т. д.) [2]) и хозяйственные (gospodarskie), гдѣ разбирались самыя разнообразныя потребности воеводства или повята (уѣзда) [3]).

---

1) См. объ этой послѣдней реформѣ мѣстнаго самоуправленія статью Корзона: Komisye porządkowe cywilno-wojskowe wojewódzkie i powiatowe w latach 1790—792 въ Ateneum, 1882, т. I, 427.

2) О правѣ представленія шляхтою 4-хъ кандидатовъ, изъ которыхъ король долженъ былъ утвердить одного см. Lengnich, Prawo pospolite królestwa polskiego; переводъ Гельцеля. Краковъ. 1836, 329.

3) Тамъ же, 512.

Кромѣ этихъ сеймиковъ важны для насъ также сеймики реляційные. Хотя они, собственно, предназначались для отдачи отчета мѣстной шляхтѣ въ томъ, что происходило на сеймѣ, тѣмъ не менѣе здѣсь, особенно съ XVII в., обыкновенно раскладывались установленные сеймомъ налоги и повинности. Здѣсь даже иной разъ происходила успѣшная оппозиція постановленіямъ сеймовъ [1]). Значеніе сеймиковъ особенно было велико во время безкоролевья; тогда они принимали иногда даже мѣры для охраны границъ, мобилизаціи войска, укрѣпленія крѣпостей и т. п. [2]).

Приступая къ оцѣнкѣ мѣстнаго самоуправленія послѣднихъ временъ рѣчи Посполитой, мы должны обратить вниманіе на то, что на сеймики собиралось дворянство [3]), что города не принимали въ нихъ участія. Это имѣло самыя пагубныя послѣдствія. Не смотря на посольскую избу, состоящую исключительно изъ дворянства, не смотря на сеймики для выборовъ представителей на сеймъ и реляційные, никогда такъ называемая «золотая свобода» не проникла-бы насквозь всю массу шляхты безъ тѣхъ сеймиковъ, о которыхъ мы говорили. Сеймъ, по самому существу дѣлъ, подлежащихъ его вѣдѣнію, могъ преслѣдовать въ законодательствѣ и администраціи исключительные интересы только шляхты въ широкихъ размѣрахъ. Самая широта принятыхъ имъ рѣшеній, ихъ распространенность на громадныя пространства, не говоря уже о высшихъ государственныхъ соображеніяхъ, должна была ослаблять ихъ значеніе въ смыслѣ эксплуатаціи всего остальнаго населенія шляхтою. Напротивъ того въ сеймикахъ принимали участіе массы шляхты, полу и совсѣмъ необразованной, для которой не существовало никакихъ высшихъ соображеній, которая даже интересы государства обсуживала съ точки зрѣнія своего личнаго отношенія къ своему крестьянину, къ своему сосѣду мѣщанину и т. п. При томъ это преслѣдованіе своихъ сословныхъ интересовъ было тѣмъ послѣдовательнѣе, неумолимѣе, что дѣлалось съ глубокимъ знаніемъ мѣстныхъ отношеній. То, что вся государственная машина была при-

---

1) Hüppe, Verfassung der Republick Polen. 1867, 165, 6.

2) Такова была дѣятельность сеймиковъ въ безкоролевье послѣ Сигизмунда Августа и послѣ Генриха Валуа (Ateneum, 1878, т. I, 553, 4).

3) Къ дворянству причислялось и духовенство, ибо писалось въ постановленіяхъ сеймиковъ: nos nobiles utriusque status.

способлена для удовлетворенія шляхецкихъ интересовъ, то, что это понимало все дворянство, хотя бы и безграмотное, было, по нашему мнѣнію, слѣдствіемъ той формы мѣстнаго самоуправленія, которую мы описали.

При составленіи этого очерка мѣстнаго самоуправленія Чехіи и Польши нами, между прочимъ, руководила мысль прослѣдить дальнѣйшее развитіе старо-славянскихъ порядковъ во времена историческія. Древнее, языческое славянство состояло, по нашему мнѣнію, изъ племенъ, представлявшихся вполнѣ независимыми государствами. Племя дѣлилось на общины. Если объ устройствѣ племенъ сохранилось мало свѣдѣній, то неудивительно, что объ общинахъ ихъ почти совсѣмъ не имѣется; мы можемъ заключить объ ихъ существованіи только изъ послѣдующихъ извѣстій. Посмотримъ, какія данныя мы добыли для возстановленія древнѣйшаго быта. Древне-польскія ополя представляются намъ административными общинами; хотя связь между населеніемъ въ XIII в. несомнѣнно вытекаетъ изъ причинъ административныхъ, тѣмъ не менѣе сохранился слабый намекъ на то, что въ болѣе отдаленныя времена была, можетъ быть, связь и поземельная, вытекающая изъ владѣнія землею сообща. Намекъ этотъ я вижу въ значеніи ополя при отведеніи границъ[1]). Далѣе мы можемъ заключить, что собранія ополей былими демократическими. Въ Чехіи объ ополяхъ мы не говорили; однако имѣются указанія на ихъ существованіе; при обходѣ межей упоминаются vicinatus[2]). Это наводитъ на мысль, что ополя, хотя и существовали въ Чехіи, но пали очень рано, можетъ быть, еще въ XI в.; это произошло, вѣроятно, отъ бóльшей густоты населенія: отдѣльные дворы, раскинутые на большемъ пространствѣ, начали здѣсь замѣняться рано деревнями съ довольно густымъ населеніемъ. Такимъ образомъ древне-славянская община падаетъ въ Чехіи, вѣроятно, еще въ XI в., въ Польшѣ — въ концѣ XIII в.

---

1) На это мы не имѣли-бы права указывать, какъ на фактъ очень незначительный, если-бы не было болѣе ясныхъ извѣстій объ этомъ въ Сербіи и особенно въ Истріи.

2) Brandl, Glossarium подъ словомъ: osada.

Во время образованія бóльшихъ политическихъ союзовъ, начиная съ VII в., племена не вдругъ утрачиваютъ свои особенности. Происходитъ долгій и весьма интересный процессъ ихъ превращенія въ политическомъ отношеніи въ одно государство, въ этнографическомъ — въ одинъ народъ. Въ Чехіи этотъ процессъ былъ чрезвычайно послѣдователенъ: племена сначала превращаются въ области съ весьма значительною автономіею и затѣмъ, въ концѣ XIII в., совершенно исчезаютъ въ одномъ политическомъ единствѣ. Въ Польшѣ, на оборотъ, замѣчаются скачки. При Болеславахъ съ трудомъ можно найдти кой-какіе намеки на племена[1]), но за то послѣ распаденія Польши на удѣлы племенные порядки отживаютъ. Мы, я думаю, не сдѣлаемъ ошибки, если скажемъ, что послѣдніе слѣды племеннаго быта умираютъ въ Польшѣ съ концемъ XV в., т. е. съ исчезновеніемъ аристократическихъ вѣчъ и земскихъ должностей. Характеристическая черта самоуправленія, какъ остатка племеннаго быта, есть аристократизмъ; намъ кажется, что и древне-славянское племенное устройство отличалось аристократическимъ характеромъ, такъ что главнѣйшій признакъ племеннаго устройства остался однимъ и тѣмъ же во весь долгій періодъ его видоизмѣненій подъ вліяніемъ совершенно новыхъ условій[2]).

1) Во время волненій при Мечиславѣ II и при Владиславѣ Германѣ.

2) Недостатокъ мѣста намъ не позволяетъ даже вскользь коснуться тѣхъ причинъ, почему въ Чехіи, при видимой слабости центральной власти въ началѣ, племенные порядки исчезаютъ ранѣе, чѣмъ въ Польшѣ. Замѣтимъ только, что не одно географическое положеніе Чехіи имѣло здѣсь значеніе; я приписываю очень многое сознательной политикѣ чешскихъ князей, которые принимали органическія мѣры къ уничтоженію племенныхъ порядковъ, между тѣмъ какъ польскіе князья довольствовались только разбитіемъ племенныхъ территорій на каштелляніи.

Варшава. Февраль 1883 г.

МИСТРЪ ПРОТИВА,

«новый» чешскій писатель XV вѣка.

Юрія Анненкова.

Съ 1856 года съ легкой руки I. Иречка, составителя руководства къ исторіи чешской литературы въ формѣ словаря, два историческихъ лица съ воззрѣніями, діаметрально противоположными стали приниматься за одно и тоже лицо, и это признается на столько доказаннымъ, что не находятъ даже нужнымъ входить по этому предмету въ какія-либо новыя изслѣдованія. Эти два лица: мистръ Против а изъ Новой Веси и мистръ Против а, на котораго ссылается въ своихъ сочиненіяхъ Петръ Хельчицкій, извѣстный писатель XV вѣка.

Янъ Против а изъ Новой Веси былъ первымъ проповѣдникомъ при Виѳлеемской часовнѣ въ Прагѣ, а затѣмъ настоятелемъ одной изъ тамошнихъ приходскихъ церквей. Съ 1408 года до самаго конца жизни Гуса Против а былъ въ числѣ его враговъ. О выдающейся литературной дѣятельности этого Противы съ характеромъ полемическимъ и притомъ либеральнымъ мы рѣшительно ничего не знаемъ. Изъ обвинительныхъ пунктовъ его противъ Гуса оказывается, что это былъ завзятый клерикалъ, который не прочь былъ напр., чтобы по случаю утопленія извѣстнаго Яна изъ Помука наложенъ былъ интердиктъ; что онъ доносилъ архіепископу о томъ, что Гусъ говорилъ на проповѣдяхъ, и въ своихъ доносахъ искажалъ истину. О томъ, какъ презрительно относился Гусъ къ этому шпіону, видно изъ того, что онъ однажды публично посмѣялся надъ нимъ, обозвавъ его «кук-

ликомъ», такъ какъ Против сидѣлъ на проповѣди Гуса, закрывшись капишономъ, чтобы не быть узнаннымъ. Всякое выраженіе сочувствія Виклефу со стороны Гуса Против ставилъ ему въ вину [1]).

Мистръ Против, на котораго ссылается Хельчицкій въ «Сѣти вѣры» и въ трактатѣ «Объ основаніи человѣческихъ законовъ», былъ, по отзыву Хельчицкаго, «много свѣдущъ въ законѣ Христовѣ и много докторовъ разбилъ на немъ». Этотъ Против, какъ видно изъ цитатъ Хельчицкаго, доказывалъ, что законъ Христовъ одинъ безъ прибавленія къ нему законовъ человѣческихъ достаточенъ для основанія и управленія истинной церкви христіанской на землѣ. Установленія человѣческія, приданныя къ закону Христову,—это ядъ, примѣшанный къ меду. Онъ говорилъ, что управленіе бываетъ троякое: божеское, человѣческое и ангельское. Человѣческое раздѣляется на городское, принудительное, и другое, руководимое евангеліемъ. Евангельскій правитель не долженъ править по обычаю городскому, прибѣгая къ принудительнымъ церковнымъ мѣрамъ. Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, что если бы весь родъ человѣческій сохранилъ законъ или управленіе любви, то было бы излишне и не нужно придерживаться императорскихъ и городскихъ правъ или законовъ. Исходя изъ мысли о достаточности одного Христова закона, Против возстаетъ противъ обращенія къ святымъ съ просьбою о ходатайствѣ предъ Богомъ. «Поклоняться подобаетъ Христу и нѣтъ надобности прибѣгать къ святымъ для сношенія съ нимъ, и безуменъ тотъ, кто сталъ бы искать другаго ходатая. Въ первоначальной церкви молитва была обращена къ Христу, и тогда церковь болѣе преуспѣвала и росла во всемъ добромъ, чѣмъ теперь».

Таковы основныя мысли Противы, на котораго ссылается Хельчицкій; что онѣ идутъ въ разрѣзъ и съ дѣятельностью и съ характеромъ Противы—обвинителя Гуса, не можетъ быть, по моему, и рѣчи.

Кто же былъ этотъ второй Против?

Вопросъ этотъ до появленія словаря I. Иречка оставался открытымъ, хотя въ распоряженіи ученыхъ находились рѣшительно всѣ тѣ документы, которые позволили г. Иречку дать категорическій отвѣтъ.

1) Palacký, Documenta, стр. 174 и слѣд.

Знаменитый Шафарикъ, собиравшій въ 50-хъ годахъ матерьялы о Хельчицкомъ, напечатанные въ 1874 году г. Иречкомъ (въ Čas. česk. Mus. Svaz. I, str. 91—109), высказалъ предположеніе, что подъ именемъ Противы у Хельчицкаго скрывается другое лицо: Прибрамъ или Гиларій, и что гуситскій писатель Іафетъ называетъ подобнымъ образомъ іезуита Штурма докторомъ Плетихой.

Палацкій въ своей исторіи[1]) считаетъ Противу однимъ изъ тѣхъ писателей, сочиненія которыхъ погибли. «Старая чешская литература, говоритъ онъ, была многимъ богаче сочиненіями особенно религіознаго содержанія, чѣмъ на сколько мы ее теперь знаемъ. Такъ, самъ Хельчицкій ссылался часто на книги мистра Противы, намъ совершенно неизвѣстнаго, хотя, по словамъ Хельчицкаго, онъ превосходилъ другихъ соотечественниковъ своихъ и умомъ, и ученостью». Объ этомъ отзывѣ Хельчицкаго было уже упомянуто.

И такъ ни Шафарикъ, ни Палацкій не рѣшились отождествить втораго Противу съ Яномъ Противой изъ Новой Веси. Какъ пришла эта мысль г. Иречку, неизвѣстно, такъ какъ доводовъ въ подкрѣпленіе ея не приводится. Неизвѣстно также, на чемъ основаны предположенія г. Иречка, что Хельчицкій имѣлъ въ Прагѣ личныя сношенія съ Противой, и что Протива «безъ сомнѣнія» служилъ посредникомъ для Хельчицкаго въ его знакомствѣ съ сочиненіями Матвѣя изъ Янова.

По стопамъ г. Иречка пошли г. Ферд. Шульцъ въ своихъ статьяхъ о Хельчицкомъ (въ Osvěta 1875, часть I, № 1—6) и проф. Голлъ въ сочиненіи: Quellen und Untersuchungen zur Geschichte der Böhmischen Brüder. Prag 1882, II, 35.

Ферд. Шульцъ не спеціалистъ, а литераторъ вообще, и потому не удивительно, что онъ повторяетъ взглядъ Иречка, называя Противу отечественнымъ писателемъ, который былъ всѣхъ милѣе Хельчицкому, предшественникомъ Хельчицкаго въ реформаціонныхъ стремленіяхъ чешскихъ, отъ котораго Хельчицкій заимствовалъ объясненіе о происхожденіи и характерѣ свѣтской власти. Но странно видѣть некритическое отношеніе къ дѣлу проф. Голла, который давно уже занимается исключительно гуситствомъ.

---

1) Palacký, Dějiny, IV, часть I, стр. 410.

Профессоръ Голлъ игнорируетъ и предположеніе Шафарика и осторожность Палацкаго и безъ всякихъ разсужденій соглашается съ Иречкомъ. Онъ идетъ даже дальше и при помощи удобныхъ словечекъ lässt sich и scheint находитъ возможнымъ войти въ нѣкоторые детали относительно различія между ученіемъ Противы и Хельчицкаго. Вотъ его слова: «Нѣтъ сомнѣнія, что сами виновники гуситскаго движенія имѣли непосредственное вліяніе на Хельчицкаго: онъ слушалъ ихъ проповѣди и имѣлъ съ ними лично сношеніе. Но онъ держится по отношенію къ нимъ свободно, не преклоняется предъ ихъ авторитетомъ, противорѣчитъ имъ; его порицаніямъ подвергается также Іоаннъ Гусъ и еще болѣе тотъ, который позже занялъ его мѣсто, Якобель изъ Мизы. Это самостоятельное положеніе Хельчицкаго обнаруживается и въ томъ, что онъ въ своихъ сочиненіяхъ ссылается на прежнихъ друзей и позднѣйшихъ противниковъ Гуса, о которыхъ въ то время, когда онъ писалъ, запрещено было, конечно, и вспоминать въ гуситскихъ кружкахъ. Это Станиславъ Зноемскій и особенно Іоаннъ Протива. Хельчицкій цитируетъ съ особеннымъ предпочтеніемъ, что позволяетъ заключать объ интимныхъ личныхъ отношеніяхъ, сочиненія Противы, которыхъ мы, къ сожалѣнію, незнаемъ. Хотя мы и не въ состояніи опредѣлительно измѣрить его вліяніе на Хельчицкаго, но въ цитатахъ изъ него всюду повторяется одна и та же мысль, что божественный законъ выше человѣческаго и что его достаточно для основанія и управленія церкви. Изъ цитатъ не трудно понять, что оба мужа, хотя и сходились въ этой мысли, но затѣмъ расходились по противоположному направленію. Протива, какъ кажется, исходя изъ превосходства божественнаго закона, стоялъ за господство церкви надъ государствомъ, тогда какъ Хельчицкій отдѣляетъ церковь отъ государства и хотя уничтожаетъ его въ идеѣ, но не подчиняетъ церкви. Протива защищаетъ существующую церковь, Хельчицкій нападаетъ на нее».

Все это сужденіе о Противѣ страдаетъ голословностью и крайнею неясностью. Если Протива признаетъ достаточность одного Христова закона для церкви и называетъ, какъ мы видѣли раньше, ядомъ всѣ установленія человѣческія, какъ напр. молитвы святымъ и т. п., то какимъ образомъ можно сказать о немъ, что онъ защищаетъ существующую церковь? Да и трудно себѣ представить, чтобы Хельчицкій,

«нападающій на церковь» ссылался, въ подтвержденіе своихъ взглядовъ на защитника существующей церкви. Что между ученіемъ Противы и Хельчицкаго могло быть различіе, въ этомъ нѣтъ ничего страннаго; но внимательное чтеніе «Сѣти вѣры», гдѣ болѣе всего цитатъ изъ Противы, показываетъ, что Хельчицкій выбиралъ изъ него тѣ основныя мысли, съ которыми онъ соглашался и которыя были нужны ему для подтвержденія своихъ взглядовъ.

Ткково послѣднее слово послѣдняго изъ чешскихъ ученыхъ, писавшихъ о Противѣ: оно не только не доказываетъ тождества двухъ лицъ съ этимъ именемъ, но затемняетъ наше представленіе о характерѣ ученія того Противы, на котораго ссылается Хельчицкій.

Перехожу къ своему взгляду. Во первыхъ, для меня ясно, что Протива у Хельчицкаго не есть мистръ Янъ Протива изъ Новой Веси. Къ этому приводитъ меня сопоставленіе тѣхъ идей, которыя развиваются въ цитатахъ у Хельчицкаго, съ извѣстнымъ намъ характеромъ дѣятельности Противы изъ Новой Веси. Во вторыхъ, сопоставленіе тѣхъ же цитатъ съ отрывками изъ сочиненій Виклефа, напечатанными у Лехлера, убѣждаютъ меня въ томъ, что нѣтъ надобности предполагать существованіе какого-то неизвѣстнаго писателя Противы и что Протива, на котораго ссылается Хельчицкій, есть не кто иной, какъ самъ Виклефъ.

Мысль, что одинъ законъ Божій безъ примѣси человѣческихъ установленій достаточенъ для руководства христіанъ въ этой жизни и для спасенія въ будущей, составляетъ основное положеніе Виклефа, которое онъ высказываетъ нѣсколько разъ. «Utilius, говоритъ онъ, et undique expeditius foret sibi (ecclesiae) regulari pure lege scripturae, quam quod traditiones humanae sunt sic commixtae cum veritatibus evangelicis, ut sunt modo» (Lechler, I, 477). Сравненіе установленій человѣческихъ съ ядомъ, примѣшаннымъ къ меду, принадлежитъ Виклефу: «patet, quod summa diligentia cavere debemus venenum sub melle adorando idolatrice signum loco signati» (тамъ-же, 556). Виклефъ же раздѣляетъ владычество на божеское, ангельское и человѣческое (тамъ-же, 501). Идеалъ Виклефа—«евангельское государство», руководимое однимъ закономъ любви. «Es schwebt ihm (говоритъ Лехлеръ) ein Ideal des Staates vor, und das ist der «evangelische Staat» (politia evangelica), welchen er sich offenbar als ein Gemeinwesen vorstellt,

in welchem nicht das starre Recht und das Privateigenthum, sondern die Liebe waltet und alles Gemeingut ist» (тажъ-же, 599—600). Обязанность духовенства: «uti pro suo regimine (ср. выраженіе «духовные правители» у Противы) lege evangelica impermixte (тамъ-же, 477). По поводу почитанія святыхъ въ римской церкви Виклефъ говоритъ такъ: «Cum apostoli sine talibus festis sanctorum plus nobis dilixerunt Iesum Christum, videtur multis catholicum, tot sanctorum festa instituere esse temerarium (тамъ-же, 560). Къ одному Христу должны мы обращаться и въ Немъ одномъ искать спасенія: «Nullus homo potest — sine illo ut fonte salvari» (тамъ-же, 517).

Наконецъ (и этотъ аргументъ мнѣ кажется достаточно вѣскимъ) самъ Хельчицкій въ посланіи къ мистру Яну (Парижск. рук.) приписываетъ Виклефу тѣ самыя мысли, которыя въ трактатѣ объ основаніи законовъ человѣческихъ (Оломуц. рук.) приводятся отъ лица Противы; даже выраженія одинаковы. «Задаетъ вопросъ (Виклефъ, въ Олом. рук. Протива): достаточно ли закона Христова безъ придачи законовъ человѣческихъ для основанія и управленія здѣсь на пути (Ол. на свѣтѣ) вполнѣ христіанской церкви? Кажется, что да, т. е. достаточно» и т. д. (Париж. р., стр. 11). Здѣсь же мы находимъ отзывъ Хельчицкаго о Виклефѣ, равносильный тому, какой имъ сдѣланъ въ сочиненіи «Объ основаніи законовъ человѣческихъ» о Противѣ: Съ корнями потрясъ Виклефъ антихристовы сословія и тѣхъ докторовъ, которые ввели мошенническіе законы, противные закону Хтрисову (8)».

Ошибся ли Хельчицкій, приписавъ въ посланіи къ мистру Яну тѣ мысли, которыя онъ въ другомъ мѣстѣ приписываетъ Противѣ? Проф. Голлъ, которому извѣстенъ мой взглядъ, признаетъ за Хельчицкимъ ошибку, или какъ онъ называетъ, Verwechslung, которая объясняется тѣмъ, что Хельчицкій пользовался латинскими сочиненіями только при посторонней помощи (Quellen и т. т., II, 35, прим. 2). Нѣтъ ничего легче подобныхъ возраженій. Если въ этомъ мѣстѣ посланія къ мистру Яну допустить случайную «замѣну», то отчего не допустить такой же замѣны и въ другихъ мѣстахъ того же сочиненія, гдѣ упоминается о Виклефѣ? Но этого проф. Голлъ не дѣлаетъ во первыхъ потому, что я пользуюсь какъ аргументомъ только однимъ мѣстомъ изъ посланія къ Яну, а во вторыхъ самъ проф. Голлъ признаетъ весьма существенное вліяніе Виклефа на Хельчицкаго. Послѣ приведеннаго выше разсуж-

денія о Противѣ онъ такъ говоритъ о вліяніи Виклефа: «Противники гуситовъ часто называли ихъ Виклефистами и не безъ основанія, ибо если гуситство вообще находится подъ вліяніемъ Виклефа, то особенно обнаруживается это вліяніе на радикальныхъ его элементахъ. Это относится и къ Петру Хельчицкому. Если онъ въ св. писаніи находитъ вполнѣ удовлетворительный и всесоединяющій законъ Божій; если онъ въ Христѣ видитъ образецъ, къ которому христіанинъ долженъ приближаться, особенно въ своемъ смиреніи, кротости и нищетѣ, и смотритъ на него какъ на постояннаго посредника и ходатая; если онъ признаетъ цѣну и заслугу только въ свободномъ исполненіи заповѣдей и при этомъ на ряду съ благодатью придаетъ цѣну и дѣламъ предъ лицемъ Божія милосердія; если онъ отвергаетъ культъ святыхъ, то все это положенія, напоминающія Виклефа. На его сторону склоняется Хельчицкій въ своемъ ученіи о таинствахъ, ему обязанъ онъ своимъ ученіемъ о таинствѣ причащенія. Ученіе о транссубстанціаціи защищаетъ онъ аргументами Виклефа; таборитамъ доказываетъ, что они не основательно прикрываютъ свое ученіе его авторитетомъ. Съ Виклефомъ раздѣляетъ Хельчицкій радикальную оппозицію противъ существующей церкви». (Goll, II, 35—36).

Что же послѣ всего этого остается на долю Противы, когда и основная идея, изъ которой именно и вытекаетъ «радикальная оппозиція» Хельчицкаго противъ существующей церкви взята, у Виклефа, а между тѣмъ нѣсколькими строками выше таже основная идея приписывается Противѣ?

Что Хельчицкій былъ знакомъ съ идеями Виклефа, хотя и при посторонней помощи, видно изъ его ссылокъ на Виклефа въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ. Объ особенномъ уваженіи Хельчицкаго къ англійскому богослову свидѣтельствуютъ слѣдующія слова въ посланіи къ мистру Яну: «Знай, что я всѣхъ святыхъ учителей и нынѣшнихъ принимаю на столько, на сколько они своимъ знаніемъ могли мнѣ указать истинный путь или смыслъ и т. д. Но Виклефа я сверхъ того уважаю особенно, слыша о немъ, что никто изъ первыхъ учителей и изъ нынѣшнихъ такъ вѣрно не говорилъ и не писалъ противъ яда, влитаго въ святую церковь, изъ котораго народился величайшій антихристъ со всѣми противными установленіями, которыми онъ попралъ Іисуса

Христа съ его закономъ;... этимъ онъ мнѣ нравится болѣе другихъ» (Париж. рук., 8).

Что Виклефъ могъ выступить въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ Хельчицкаго подъ вымышленнымъ именемъ Противы, нѣтъ ничего особенно страннаго. Въ средніе вѣка былъ обычай ссылаться на разныхъ духовныхъ писателей, употребляя вмѣсто ихъ именъ какія-нибудь прозвища по нѣкоторымъ особенно выдающимся качествамъ. Стоитъ припомнить хоть извѣстнаго Петра Ломбарда, который цитовался подъ именемъ магистра sententiarum. Шафарикъ указалъ на іезуита Штурма, который у Іафета называется докторомъ Плетихой. Почему же и Виклефъ не могъ явиться у Хельчицкаго подъ именемъ Противы, какъ характеризующимъ отношеніе англійскаго реформатора къ существующей церкви?

С.-Петербургъ. Январь 1883 г.

НОВЫЯ ДАННЫЯ ДЛЯ БІОГРАФІИ НИКОЛАЯ РЕЯ.

Станислава Пташицкаго.

Въ исторіи разцвѣта польской литературы въ XVI в. первое и выдающееся мѣсто занимаетъ Николай Рей изъ Нагловицъ. Около него должно сосредоточиваться изученіе всей литературы этого вѣка и онъ долженъ служить исходнымъ пунктомъ новыхъ изслѣдованій о такъ называемомъ золотомъ періодѣ польской литературы. Тщательное разсмотрѣніе сочиненій Рея въ связи съ предшествующею и послѣдующею эпохою, а также и съ западноевропейскою литературою, броситъ совершенно новый свѣтъ на весь послѣдующій ходъ польской умственной жизни. Тогда только представится намъ ясная картина постепеннаго развитія извѣстныхъ идей въ обществѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ лучше поймемъ внутреннія причины, способствовавшія проникновенію польскихъ произведеній въ Русь. До сихъ поръ, однако, сочиненія Рея подробно еще не изслѣдованы, хотя объ нихъ уже весьма много писано.

Изученіе сочиненій писателя должно быть поставлено въ тѣсную связь съ историческою жизнью народа. Надо знать положеніе и роль его въ томъ обществѣ, среди котораго ему пришлось дѣйствовать. Между тѣмъ біографія Рея намъ извѣстна весьма мало. Правда, мы имѣемъ драгоцѣнную записку его друга Тржецескаго, но она весьма коротка и даетъ чрезвычайно мало свѣдѣній. Позднѣйшіе изслѣдователи прибавили къ Тржецескому очень немного. Факты, сообщенные біографомъ-пріятелемъ, остались непровѣренными, а сомнительные окончательно не разъясненными. Вотъ почему намъ показалось важнымъ сообщеніе кс. В. Сярковскаго въ 1876 году (Ognisko Domowe, 1876, №№ 12, 21) о томъ, что г. Рыбарскій занялся собираніемъ докумен-

товъ, относящихся къ Рею, въ келецкомъ архивѣ. Въ 1880 г. самъ г. Рыбарскій издалъ (Ateneum, 1880, III, 371—389) рядъ грамотъ, разъясняющихъ много сомнительныхъ вопросовъ. Знакомство съ этими грамотами показало, что разысканія должны идти дальше, что надо просмотрѣть многіе другіе архивы, при томъ прежде всего главный въ Варшавѣ, Люблинѣ, Краковѣ и Львовѣ. Намъ удалось заняться, впрочемъ впродолженіе весьма короткаго времени, въ краковскомъ и львовскомъ архивахъ гродскихъ и земскихъ актовъ. Въ настоящее время мы располагаемъ нѣкоторымъ количествомъ грамотъ и считаемъ своимъ долгомъ подѣлиться ими со всѣми интересующимися этимъ вопросомъ. Здѣсь мы приводимъ, по преимуществу въ выдержкахъ, только болѣе важные документы, оставляя остальные до другого времени. При этомъ мы считаемъ пріятнымъ долгомъ выразить свою благодарность, за оказанное намъ содѣйствіе, д-ру В. Вислоцкому, д-ру З. Князёлуцкому, д-ру А. Прохаскѣ и г. Финкелю.

Для настоящей замѣтки мы воспользовались изъ львовскаго архива гродскихъ и земскихъ актовъ — актами: Castrensia Haliciensia (C. H.)[1]), Terrestria Haliciensia (T. H.), Castrensia Leopoliensia (C. Lp.), Terrestria Leopoliensia (T. Lp.), Castrensia Premislensia (C. P.), Terrestria Premislensia (T. P.) и Castrensia Belsensia (C. B.). Изъ краковскихъ у насъ есть выписки только изъ Acta Iudicii Proszoviensis (I. Pr.). Кромѣ того мы просмотрѣли слѣдующіе печатные сборники: Muczkowski i Rzyszczewski: Codex dipl. Poloniae (M. R.), Liske: Acta grodzkie i ziemskie (L. Gr.), Piekosiński: Codex dipl. minoris Poloniae (Mnp.), Cod. dipl. Capituli Cracoviensis (CpC.), Kodeks Tyniecki (Cd. T.), Kodeks Mogilnicki (C. Mg.) и грамоты, изданные г. Рыбарскимъ въ Ateneum 1880 (Ryb). Мало дали намъ матеріала: Helcel: Starodawne prawa polskiego pomniki, т. II. (H. P.) и Długosz: Liber beneficiorum. Въ этомъ послѣднемъ сборникѣ находимъ Реевъ: II, 18, 111, 144, 146, 149, 162, 377 и III, 140. Другіе источники и пособія указываемъ на своихъ мѣстахъ.

По указаннымъ выше даннымъ можно подробнѣе изобразить жизнь и дѣятельность Николая Рея. Здѣсь мы намѣрены на основаніи новыхъ данныхъ представить внѣшнюю сторону жизни нашего

---

1) Въ скобкахъ мы указываемъ на принятыя нами сокращенія.

писателя и этимъ расчистить путь для будущей подробной его біографіи. Намъ кажется, что въ настоящее время это первая задача біографа и уже за этимъ на такой канвѣ можно будетъ дать болѣе точную картину многосторонней дѣятельности Николая Рея.

По преданію, сохраненному еще гербовниками XVI в., родъ Реевъ ведетъ свое начало въ Польшѣ отъ чешскихъ выходцевъ Вершовцевъ, переселившихся сюда при Болеславѣ Кривоустомъ (1102—1139). Вершовцы уже въ X-мъ в. упоминаются въ чешской исторіи (Palacký. Dějiny, T. I, ч. I, 269), но скоро они исчезаютъ. Въ XVI в. Секерки сталъ выводить свой родъ отъ Вершовцевъ, но древнѣйшее упоминаніе о нихъ относится къ 1305 г., когда они еще не имѣли въ гербѣ топорика. Впослѣдствіи имъ присвоенъ былъ титулъ графовъ Вершовцевъ (Palacký, Ib. 381). Гербъ ихъ Брадатицы имѣетъ нѣкоторое сходство съ гербомъ Реевъ (нынѣ тоже графовъ)—Окшею. Говорятъ, что Окшичи поселились въ Силезіи и оттуда перешли въ польскія земли.

Древнѣйшимъ представителемъ Окшичей въ Польшѣ считается краковскій епископъ Нанкеръ, силезецъ, которому по словамъ Тржецескаго такъ понравилась жизнь въ Польшѣ, что онъ окончательно въ ней поселился. Преданіе о Нанкерѣ до сихъ поръ не провѣрено, но, по нашимъ разысканіямъ, оказывается не лишеннымъ основанія. Вотъ его карьера. Въ 1308 г. онъ былъ сандомірскимъ архидіакономъ (Mпр. 168), въ 1318 г. сѣрадскимъ cancellarius (CpC, I, 153), въ 1320 г. встрѣчаемъ его въ качествѣ краковскаго декана (Mпр. 192), въ этомъ же году онъ возведенъ въ санъ краковскаго епископа (Bielowski, Mon. II, 909. Mпр. 195) и сталъ отстраивать каѳедральный соборъ, о чемъ зналъ и Тржецескій. Буллой папы Іоанна XXII переведенъ на бреславльскую каѳедру 1 октября 1326 года (Theiner, Mon. Pol. I, 289), и въ этой должности онъ скончался въ 1341 г. (Bielowski, Mon., II, 942). Свидѣтельство Тржецескаго о благотворительности Нанкера подтверждается современными ему источниками. Что Нанкеръ принадлежалъ къ гербу Окша свидѣтельствуетъ не одинъ Длугошъ (Hist. Lib., IX, 972), но и печать Нанкера отъ 1320 года, внизу которой изображенъ гербъ Окша (Mпр., 195). Длугошъ говоритъ, что Нанкеръ происходилъ de domo Okscha ex provincia opoliensi. Во время его епископства

въ Краковѣ въ 1322 году его братъ Pasco былъ судьею опольскимъ (СрС., I, 161). Таковы самыя раннія извѣстія объ Окшичахъ въ Польшѣ. Упоминаемаго въ 1206 году Nancherus wratizlaviensis ecclesie uicarius (СрС., I, 11) нельзя поставить ни въ какую общую связь съ ними. Въ какомъ отношеніи къ Реямъ находится Нанкеръ, невозможно опредѣлить; общее съ ними только гербъ.

Съ Реями въ Польшѣ мы начинаемъ встрѣчаться уже въ концѣ XIV столѣтія. Въ 1399 г. Iohannes Rey de Dzyewyanthle является въ качествѣ свидѣтеля въ грамотѣ владиславскаго епископа Николая изъ Курова (M. R., II, 353). Съ XV столѣтія встрѣчаемъ двѣ линіи Реевъ: одни подписываются изъ Шумска, другіе изъ Нагловицъ.

Въ 1419 г. въ Краковѣ былъ судьею Iohannes Rey de Schumsko (L. Gr., V, 41), на каковой должности встрѣчаемъ его еще въ 1437 и 1438 гг. (C. Mg., 115, 116; C. T., 296) съ указаніемъ на то, что онъ былъ герба Окша. Подъ 1444 г. упоминается Iohannes Rey de Schumsko prepositus s. Michaelis, canonicus cracoviensis, sigilliger regius (L. Gr. III, 208; V, 135, 136, 138, 144), который умеръ въ 1468 г. (Biel., Mon. II, 930). По недостатку данныхъ нельзя ничего сказать, въ какомъ они находятся отношеніи къ одноименнымъ съ ними Реямъ изъ Шумска (1447, Ryb.). Одинъ изъ нихъ владѣлъ вблизи Тарнополя деревней Buczanowa, которую закладывалъ за 40 маркахъ въ 1466 году и женатъ былъ на дочери нѣкоего Nikyel de Rostkowicze, за которою получилъ приданнаго 100 марокъ. Этотъ Iohannes Rey de Schumsko впослѣдствіи назывался уже de Bucznowa. Который изъ этихъ двухъ Реевъ (а м. б. это одинъ и тотъ-же) былъ въ 1452 г. venator cracoviensis (C. T., 332, H. P., II, 614), не беремся рѣшать — слишкомъ мало имѣемъ для этого данныхъ. Отмѣтимъ только, что въ Галичѣ является свидѣтелемъ въ 1474 г. Iohannes Rey de Schumsko (L. Gr., VI, 220). Исторія этой линіи насъ неособенно интересовала; здѣсь намъ важно было отмѣтить существованіе ея въ началѣ XV столѣтія, значитъ были они въ Польшѣ въ концѣ XIV столѣтія.

I. 10 Mart. 1466. Halicz. Veniens personaliter in praesenciam Therrestris iudicii generosus Iohannes alias Rey de Schumsko non compulsus nec coactus palam recognovit, quia nobili Mathie Luboczski alias de Gawroniow villam suam dictam Bucznyowkam minorem et inferiorem, inscribit et praesentibus inscripsit in quadraginta marcis

pecuniae communis et numeri polonici in qualibet marca quadraginta et octo grossos polonicales computando. C. H., II, 518.

II. 24 Iun. 1471. Halicz. Nobilis Ioannes Rey de Bucznowa tenutarius recognovit, quia post nobilem Annam, uxorem suam etiam filiam nobilis Nikyel de Rosthkovicze centum marcas racione dotis accepit, exadverso centum marcas ipse dotaliciat. T. H., III, 18—19.

По свидѣтельству Тржецескаго Николай Рей происходилъ изъ древняго рода, всегда называвшагося Реями, которые писались изъ Нагловицъ,—помѣстья лежавшаго въ Краковской землѣ, въ ксенскомъ уѣздѣ. Преданіе это оказывается вѣрнымъ.

Нагловицы одно изъ весьма древнихъ поселеній. Въ 1269 году князь Болеславъ даетъ краковскому воеводѣ Сулькѣ въ Нагловицахъ и Лонтчинѣ земли пространствомъ на три плуга, каковую землю Сулько обмѣнялъ съ Андреевскимъ монастыремъ на Кржеславицахъ (Мпр., 79). Во времена Казиміра Великаго является нѣкто providus vir Jacobus Rechiczki de Naglowycz heres, которому въ 1369 г. Казиміръ поручаетъ основаніе города Пржирова (Ib., 361). Съ начала XV вѣка Нагловицы находятся во владѣніи Реевъ.

Длугошъ, разсказывая о грюнвальденской побѣдѣ (1410), говоритъ, что въ числѣ побѣдоносныхъ войновъ былъ Johannes Rey de Naglowycze de armis Okscha (Lib., IX, 294). Поставивъ еще отдѣльно сандомірскаго судью Яна Рея, упоминаемаго подъ 1434 г. (Paprocki. Herby, 564), и Стогнѣва Рея, кастеляна въ Ровѣ (Баръ) изъ рода Окша (de domo Okscha),—котораго татары взяли въ плѣнъ въ 1452 году (Miechovita. Chr. Pol. ed. 1521, Lib., IV., p. 313), мы можемъ, на основаніи нашихъ документовъ, перейти уже прямо къ предкамъ Николая Рея и установить его точную родословную.

Янъ Рей изъ Нагловицъ является нѣсколько разъ въ 1434 г., а въ 1460 г. со званіемъ краковскаго ловчаго (Ryb.). У Яна Рея былъ сынъ Николай, который уже пишется изъ Нагловицъ и Тополи и за 1000 венгерскихъ злотыхъ держитъ деревни Жерники и Бржезно съ 1464 г. и отдаетъ ихъ въ аренду Николаю Сулимерскому (Ryb). Женатъ былъ онъ на нѣкоей Варварѣ, имѣвшей постоянныя тяжбы и ближе намъ неизвѣстной. Этотъ Николай, несомнѣнно, уже не жилъ 5 октября 1497, когда Варвара называется relicta olim Nicolai Rey de Naglowycze, heres de Topola (I. Pr., XII, 213). Она была матерью Петра и Станислава, которые въ 1497 году

называются наслѣдниками Бобина. — Barbara relicta olim nobilis Nicolai Rey de Naglowycze et nobiles Stanislaus et Petrus fratres germani de Bobyn heredes (I. Pr., XI., 165). Послѣ отца Петру достались Нагловицы, но первоначально онъ пишется изъ Тополи (1495, I. Pr., XI, 94). Петръ еще жилъ въ 1537 году и называется heres de Naglowycze et Nouawysz. Братьямъ послѣ отца, несомнѣнно, достались Нагловицы, Тополя и Бобинъ.

III. 25 Aug. 1537. Leopolis. Nobilis Laurentius Slyep de Dessno recogn. Quia a nobili Petro Rei herede in Naglowycze et in Nouawysz summam sexaginta fl. recepit. Quam summam habuit inscriptam super bona eius hereditaria ville Nouawysz in actis districtus Xiassnensis etc. C. Lp., XVIII, 82.

Станиславъ, по словамъ Тржецескаго, не остался въ Краковской землѣ, а переселился на Русь, гдѣ у него былъ одногербный дядя Вонтробка, львовскій епископъ, пріютившій его у себя. Здѣсь на Руси онъ женился въ первый разъ. Первая его жена происходила изъ фамиліи Бучацкихъ. Наши документы даютъ и поэтому вопросу разъясненія. Женатъ Станиславъ былъ въ 1492 г.; жена его, которая называлась Анною, была дочерью nobilis Joannis de Nyenczyn. Она вмѣстѣ со своею сестрою Еленою Скарбковою ведутъ искъ противъ Яна Монастырскаго съ 30 января 1492 г., а въ 1493 году обѣ сестры требуютъ ввода въ его имѣнія за долги. Въ 1508 г. Анна уже не была въ живыхъ; у нея были сыновья: Андрей и Яковъ и дочь Анна за мужемъ за Ѳомою Вильжинскимъ. Послѣ нея достались ея мужу деревни Сржедне и Дубовица. Анна Вильжинская вышла вторично за мужъ за Дзедушицкаго. Здѣсь мы приводимъ важнѣйшіе документы, относящіеся къ первой женѣ Станислава Рея и къ ихъ дѣтямъ.

IV. 30 Jan. 1492. Halicz. Nobiles Helena consors nobilis Stanislai Skarbek et Anna consors nobilis Stanislai Rey sorores germane indiuise filie olim nobilis Ioannis de Nyenczyn attentauerunt terminum concitatorium per suum procuratorem et affectauerunt satisfactionem et solutionem centum florenorum ungaricalium principalium et aliorum centum florenorum vadii et dimidiam alteram marcam pene et centum florenorum damni a generoso Johanne de Manasterzyska herede Laczkye et Korostatyn. T. H., V, 246—254.

V. 26 Mart. 1492. Halicz. Nob. Stanislaus heres de Thenyathniky recogn. quia debet Helene consorti Stanislai Skarbek, Anne,

consorti nobilis Rey et Catharine, consorti Mathie Przywyeczky 50 marcas etc. T. H., IV, 190.

VI. (1493). Halicz. Ministerialis haliciensis recogn. Quia prout additus fuit ad tertiam intromissionem nobilibus Helene, consorti olim Stanislai Skarbek et Anne, consorti nobilis Stanislai Rey super generosum Michaelem Jaszlowyeczky, et dum venit in Marthinow et ibi affectavit intromissionem secundam... intromissio est repercussa et non admissa etc. Et sic iudicium ipsis dominabus penam trium marcarum super eodem damno decrevit et ipsam causam de iure terrestri ad brachium regale remisit etc. T. H., V, 360.

VII. 13 Mart. 1508. Halicz. Nobilis Andreas Rey, filius olim nobilis Anne, heredis de Srzednye et Dubowycze, filie vero olim Iohannis Nynczynski recogn. Quia gen. dominus Michael Jaslowyeczky de Buczacz, succamerarius haliciensis sibi satisfecit pro summa 300 fl. quam habuit idem Iohannes Nynczynsky, avus ipsius inscriptam et reformatam in et super villis Przewloka, Usowcze et Barysch. T. H., VI, 272.

VIII. 30 Ap. 1509. Halicz. Nobiles Andreas Rey cum fratre Iacobo, filii generosi Stanislai Rey libere recogn. Quia eis satisfecit generosus Andreas Skarbek pro 100 marcas, quas nobilis Helena, consors nobilis Stanislai Skarbek et amita ipsorum germana habuit inscriptas a olim Stanislao Skarbek, marito ipsius in tercia parte sortis Saranczuki, Que Helena per Thurcos seu hostes recepta et abducta cum filio Stanislao. Qui nobiles Andreas et Iacobus obligati sunt et obligant, quod si ordinacione dei de manu hostili dicta Helena cum filio rediisset, extunc debent solvere et reponore dictas centum marcas Andrэae Skarbek et ipsum eliberare, quod si cum rediisset Helena cum filio et ipsi dictas centum marcas Andreae Skarbek dare nollent extunc in dictis 100 marcis debent dare in medietatem villarum Srednye et Dubowycza intromissionem. T. H., VI, p. 445—446.

IX. 8 Jan. 1515. Halicz. Rey cum filio. Iudicium addidit ministerialem nobilem Stanislaum Ruchalski nobili Stanislao Rey de Thopolya ad quid sibi necessarius fuerit. Stanislaus Ruchalski Ministerialis Haliciensis arrestauit pecuniam videlicet summam centum marcarum, quam reverendissimus in Christo patre dominus Jacobus dei gratia episcopus Camenecensis ex parte puerorum olim nobilis Andreae Skarbek nobili Andreae Rey fllio nobilis Stanislai eciam Rey eorum iudicio soluebat et dabat ex parte Stanislai Rey in haec verba: Domine iudex ego aresto alias zapowyedam hanc pecuniam ex parte nobilis Stanislai Rey, quam reverendissimus in Christo patre dominus Jacobus dei gratia episcopus Camenecensis ex parte puerorum olim nobilis Skarbek posuit coram iudicio ex parte nobilis Stanislai Rey tanquam patris legitimi et tutoris nobilis Jacobi filii eiusdem Stanislai Rey et sororis ipsius qui sunt in

eius potestate, qui etiam sunt ita propinqui ut Andreas filius ipsius, quam pecuniam ipse Andreas recepit non denegat enim ipsi Andreae ipsius sortem quartam que ad ipsum spectat ipsius summam centum marcarum sed affectat ut extraderetis illas sortes in manus eius que alios pueros ipsius spectant tanquam patri et tutori ipsorum. T. H., VII, 652.

X. 15 Ian. 1527. Leopolis. Nobilis Anna consors nobilis Thome Wylzynski recogn. Quia sibi nobilis Stanislaus Rey pater suus satisfecit pro omnibus bonis, pecuniis ad ipsam spectantibus. Et quia marito suo, prefato Thome Wylzynsky debuntur 300 fl. in villis Srzednye et Dubowycza inscripti, tunc modo debet et tenebitur dicta Anna renunciari bonis maternis. T. Lp., IX, 813.

XI. 1 Ian. 1552. Leopolis. Comparens personaliter generosus Stanislaus Wylzinsky recogn. Quia a generoso Nicolao Rey, tamquam tutore ipsius de omnibus summis et inscriptionibus et de tutoria ipsius Stanislai Wilzinski est satisfactum de quibus eundem Rey quietat. C. Lp., CCCXXVIII, 97.

XII. 28 Apr. 1552. Leopolis. Nobilis Venceslaus Dziedossiczki filius olim Nicolai Dziedossiczki, tribuni trembovliensis, de Dziedossicze et Sokolow heres recogn. Quod inscriptionem castrensem leopoliensem, quam pater ipsius nobilis Nicolaus nobili Anne Reyowne de Thopolia, uxori suae et ipsius Venceslai matri inscripsit coram officio castr. leop. quam inscriptionem, ad vitalitatem in prefatis bonis continentem, ipse Venceslaus post mortem patris in acta ter. leop. feria quinta post Epiphaniam 1550, transtulit, approbavit, ratifficavit. T. Lp., XV, 259.

Послѣ смерти своей первой жены Станиславъ Рей женился во второй разъ на Варварѣ, вдовѣ послѣ Яна Журавинскаго, котораго, по словамъ Тржецескаго, турки взяли въ плѣнъ въ Буковинѣ въ царствованіе Александра и который по прошествіи нѣскольких лѣтъ умеръ въ тюрьмѣ. Здѣсь, конечно, Тржецескій ошибся, говоря, что это было при Александрѣ. Онъ, несомнѣнно, подразумѣвалъ буковинское пораженіе при Янѣ Альбертѣ 1497 года. Янъ Журавинскій встрѣчается во львовскихъ актахъ весьма часто, но въ послѣдній разъ 22 мая 1497 года: Johannes Zorawinski heres de Bukaczowce (T. H. V. 397). Варвара Журавинская, выходя за мужъ за Станислава Рея, владѣла на разныхъ правахъ нѣсколькими помѣстьями: tenutaria reformacionis sue ville Czahrow (T. H. VI, 451); tenutrix reformacionis dotis et dotalicii suorum in Bukaczowcze et Temiąthnyki (T. H., VIII, 10); tenutaria de Bukaczovcze et Kozara (T. H., XLIV, 1353); tenutrix

reformacionis sue oppidi Zorawno (T. H., XX, 620). Отъ перваго брака остался у нея сынъ Вилибордъ. Здѣсь приведемъ нѣсколько документовъ, потверждающихъ сказанное о названныхъ нами лицахъ.

XIII. 25 Jun. 1509. Constituta personaliter nobilis Barbara consors nobilis Stanislai Rey, tenutaria reformacionis sue ville Czahrow recogn. Quia a nob. Stanislao marito in mutuum recepit 80 fl. etc. Quam pecuniam ipsa Barbara dedit generoso Nicolao Herborth post nob. Elizabet [...] prioris mariti sui nobilis Ioannis [Zoraw]ynsky Quosquidem 80 fl. ipsa Barbara sibi Stanislao Rey in medietate Czahrow inscribit etc. T. H. VI, 451.

XIV. 4 Ian. 1520. Halicz. Otto de Chodecz, palatinus terre Russie generalis, capitaneusque haliciensis interponit vadium mille fl. inter Ioannem Georgium et Iacobum, fratres germanos de Panyow Zydaczoviensis capitaneatus, heredes vero sortium ipsarum oppidi Thismyenicza et villarum pertinentium et generosos Iohannem de Daleyow castellanum haliciensem, Andream Herborth de Felschtyn, Stanislaum Rey de Topolye et Vilibordum Zorawinski in divisionem omnium bonorum pretactorum et inscriptionem divisionis in actis castrensibus haliciensibus etc. T. H., VIII, 119.

XV. (s. d.) Halicz. Generosa Barbara, uxor nobilis Stanislai Rey tenutaria de Bukaczowcze et Kozara una cum filio suo gen. Vilibordo ex una et nobilis Maruchna de Hanyowcze et Nynczyn etc. pro hominibus profugis. T. H., XLIV, 1353.

Станиславъ Рей, живя въ русскомъ краѣ, имѣлъ дѣла и въ краковскомъ. Такъ въ судныхъ книгахъ прошовскихъ находимъ его подъ 1508 годомъ, 24 декабря (Stanislaus Rey de Thopolya sortis sue heres Pr., XIII, 5) и подъ 1516, 23 мая (Ib., 386). Главнымъ мѣстомъ его пребыванія было мѣстечко Журавно на Днѣстрѣ, вблизи Жидачева. Здѣсь онъ умеръ и похороненъ. Дѣйствительность его пребыванія въ это время на Руси доказывается какъ вышеприведенною грамотою отъ 1520 года, такъ и слѣдующею:

XVI. 1510. Halicz. Stanislaus Ruchalsky ministerialis tonsus stans coram iudicio recognovit quia ex consensu et admissione generosi olim Ioannis Manasterski de Buczacz nobili Stanislao Rey intromissionem realem dedit in bona ipsius Ioannis heredtiaria dicta Parchowa, Koszczyclnyky et Russylow in summa ducentorum et quinquaginta florenorum monete et numeri consueti polonicalium in qualibet floreno sexaginta grossos computando. T. H., VII, 495.

Отъ брака Станислава Рея съ Варварою Журавинскою родился въ Журавнѣ сынъ Николай. Тржецескій говоритъ, что такъ какъ онъ былъ единственнымъ, то отецъ особливо его баловалъ и долгое время ничему не училъ. Наконецъ друзья уговорили его послать мальчика въ школу и онъ его отдалъ въ Скальмѣржъ, потому что туда было близко изъ Тополи, гдѣ тогда жилъ Станиславъ. Въ школѣ Николай пробылъ два года и вернулся домой, ничему не выучившись. Послѣ этого отецъ послалъ его учиться во Львовъ, гдѣ тоже провелъ два года среди веселой компаніи. Съ такою подготовкою отправился онъ въ краковскій университетъ и записался въ число его учениковъ. Въ краковскомъ университетѣ хранится книга матрикулъ; въ ней во второй части, на листѣ 42, подъ 1513 годомъ записано: Andreas Ade Trzecieski de Conywschowa diocesis Crac. 13 octobris grossos ȳ soluit. На 1518 годъ — In rectoratu sexto Venerabilis et eggregii domini Mathie de Myechow... пятнадцатымъ сряду записанъ: Nicolaus Stanislai Rey de Topola diocesis Cracoviensis 5 May 4 grossos soluit (Secunda pars Matrice Universitatis inclite studii cracoviensis, fº 73). — Запись эту намъ удалось самимъ видѣть и мы пользуемся случаемъ исправить ошибку г. Завадскаго, поставившаго вмѣсто 5 мая — 4-е. Впрочемъ ее можно было исправить и по каталогу г. Вислоцкаго.

Такимъ образомъ 5 мая 1518 года Николай Рей былъ уже въ университетѣ. До этого времени онъ провелъ четыре года въ разныхъ училищахъ. Исходя отъ вѣрной даты — 5 мая 1518 года — можемъ приблизительно опредѣлить время начала ученія Николая. Два года во Львовѣ, т. е. 1517 и 1516, два въ Скальмѣржѣ, — 1515 и 1514; въ Скальмѣржъ Николай ходилъ, когда отецъ жилъ въ Тополѣ. Что между 1510 и 1516 гг. онъ тамъ жилъ, могутъ свидѣтельствовать акты прошовскаго суда (XIII, 5 и 386). Въ виду всего этого дату рожденія Николая, данную Тржецескимъ, слѣдуетъ признать очевидною опечаткою. Николай не могъ родиться въ 1515 г., потому что въ этомъ году онъ былъ уже въ школѣ. Если принять 1505 годъ, тогда вся хронологія будетъ точною. Въ то время въ школу обыкновенно отдавали на девятомъ году, слѣдовательно въ 1514-мъ, — годъ поступленія Николая въ училище, — Николаю уже исполнилось девять лѣтъ. И такъ, Николай родился во вторникъ 4 февраля 1505 года, въ 1514-16 г. былъ въ Скальмѣржѣ, съ 1516—1518 г. — во Львовѣ, а въ маѣ 1518 году — уже въ Краковѣ.

Въ Краковѣ онъ былъ не долго; въ Liber promotionum мы его не встрѣчаемъ. Отецъ, думая, что сынъ уже научился многому, отозвалъ его домой въ Журавно. Здѣсь Николай до восемнадцати лѣтъ жилъ на свободѣ, бѣгалъ съ ружьемъ и удочкою по берегамъ Днѣстра. Всѣ его любили и ласкали. Отецъ послалъ (1523?), наконецъ, его къ дядѣ въ Тополю, чтобы тотъ отправилъ его ко двору какого-нибудь магната. Ему на этотъ случай купили матеріи на новое платье. У дяди онъ вздумалъ выгнать воронъ изъ скирдъ хлѣба; для этого изрѣзалъ матерію на кусочки, которые привязалъ къ древкамъ; сдѣлавъ такимъ образомъ маленькіе флаги, онъ потомъ привязывалъ ихъ воронамъ къ хвостамъ. Вороны въ испугѣ разлетались во всѣ стороны и выгнали всѣхъ остальныхъ. Этотъ случай задержалъ Николая у дяди лишній годъ. Уже на двадцатомъ году жизни (1524?) онъ поѣхалъ къ Андрею Тенчинскому, который въ то время былъ сандомірскимъ воеводою; эту должность Тенчинскій исполнялъ съ 1523 по 1526 годъ (Niesiecki, I, 140), и въ мартѣ 1526 года онъ, какъ краковскій воевода, отправился въ Гданскъ (Bielski. ed. Turowski., 2, 1035). Значитъ Николай пріѣхалъ къ Тенчинскому не позже конца 1525 года, и такъ какъ тогда ему былъ двадцатый годъ, то имѣемъ опять новое соображеніе, что онъ родился въ 1505 году.

До сихъ поръ Николай поступалъ такъ, какъ желалъ его отецъ, но отъ Тенчинскаго отсталъ уже самъ. Вѣроятно, около этого времени (1526 г.) отецъ его умеръ. Оставивъ Тенчинскаго, Николай опять жилъ среди пріятелей на Руси, но никогда не служилъ въ войскѣ, хотя и близокъ былъ къ тогдашнему гетману Николаю Сѣнявскому, который былъ польнымъ гетманомъ съ 1538 по 1561 годъ. Въ это время жизни съ пріятелями (21 октября 1531 г.) Николай получилъ отъ Якова Грущинскаго часть имѣнія Сленцинъ въ ксенскомъ уѣздѣ (Ryb.) и обязался выплатить ему 300 злотыхъ. Для совершенія поземельныхъ сдѣлокъ по тогдашнимъ законамъ необходима была competentia annorum, которая наступала на 24-мъ году (Dutkiewicz. Program., 173). Такимъ образомъ въ 1531 году Николаю должно уже было быть 24 года. Въ 1533 году Николай еще долженъ былъ тому же Грущинскому 257 злотыхъ (Ryb.). 11 апрѣля 1532 года Николай пишется изъ Тополи и называется наслѣдникомъ Сржедни и Дубовицы:

XVII. 11 Ap. 1552. Leopolis. Comparens personaliter nobilis Nicolaus Rey de Thopolya, Srzednye et Dubowicza heres recogn. Quia generoso Martino Chodorowski de Chodorow debet summam 500 fl. etc. Quam summam in villis Srzednya et Dubowicza inscribit etc. C. Lp., XVI, 197—200.

До 1540 года Николай женился на Софіи, дочери Яна Косцѣня изъ Сендзишова (Ryb.). Мать ея, Елизавета Коспова изъ Вывлы (Ryb.), упоминается уже въ 1560 году какъ вдова послѣ Яна Косцѣня. Такимъ образомъ свидѣтельство Тржецескаго потверждается и разъясняется грамотами. Необходимо, впрочемъ, сдѣлать еще болѣе точныя розысканія. Софія была родственницею архіепископа Андрея Борышевича-Розы, отъ котораго и ей достались два имѣнія въ холмскомъ краѣ—Кобыльское и Сѣнница. Кромѣ того Софія держала въ холмскомъ краѣ королевскія имѣнія Стайне и Плисковъ, которыя въ 1540 г. Сигизмундомъ I отданы въ наслѣдственное пользованіе Софіи и Николаю Реямъ съ ихъ сыномъ Христофоромъ (Ryb.). Эти имѣнія находились въ рукахъ Рея въ 1564 году, какъ это видно изъ отчета о ревизіи королевскихъ имѣній, произведенной въ этомъ году 3 февраля.

XVIII. 3 Febr. 1564. Przemyśl. Pan Mikolay Rey. Stayne. Okazal listh od nieboscyka krola Zygmuntha 1524 za rellatią i podpissem księdza Tomiczkiego, s ktorego się okazuie, że Stanislaw de Sienicza chorąży chelmski dostatecznem swiadecztcwem y swą przysięgą dowiodl, że mu listhy od Wladyslawa, krola Polskiego i Węgierskiego na summę trzech seth grzywien monetae imienia kroliewskie wssi Staine, w ziemi chelmskiey leżącze zapissane, w Krasnem Sthawie zgorzali; a isz thež dowiedzial ssie krol I. M. že tego listhu w Canczelariey, księgach Wladyslawa krola, nota per modum actus iesth zapissana, tedy za thakiem dowodem krol I. Mcz. niebosczyk thę summę na wssi przerzeczony zapissal; dobra summa za stharą ma bycz rozumiąna.

Tenže. Staine. Pliskow. Okazal też i drugi listh na thrzystha grzywien tak że polskich na dwu wssiach Staine i Plyskow w ziemi Chelmskiey leżących od tegosz krola Zygmuntha, tegosz dnia i roku. Za takiem że dowodem swiadesthwa i przyssięgi wlasney i themi prawye slowy yako pierwssy pissani okrom clausuli, że nota in regestis Cancellariae nie byla. A wszakže iž ssie znaczy dostateczne swiadesthwo i przyssiega, ktorą ssie na on czasz stalla; dobra summa za stharą ma bycz rozumiana.

Okazal kthemu y trzeczi listh od niebosczyka krola Zygmuntha 1540 za rellacyą i podpisem księdza Maczieiowskiego, ktoremu niebosczyk

krol, za prozbą tegoz nieboszczyka (?) Mikolaya Reÿa summy na wssiach dwu przerzeczonych zapissane złączą. A wszakze sum zadnych niemianuye pro nominatis tamen et expressos miecz chcze, tak zeby coniuncte summae na wssiach przerzeczonych bÿli i zarazem tem ze listem tedy temuz tho Mikolaiowi Reiowi i Krzystophowi synowi iego dozywoczie zapissal. Ale telko Micolaÿowi Reiowi ysez ma samemu iesli synowi przed Seÿmem Piotrkowskiem dzierzawy nie pusczil.

Tenze. Okazal thez sąndowny listh Sędziego i podszethka ziemskich Chelmskich 1568 (?1508), ktorem Elzbietha zona Maczieya Zamoÿskiego, Stanislaw alias Czoder, Pawel i Olechno braczia rodzeni de Zaporborze et Kobÿle wssisthki częsczi swe dziedziczne, kthore na nie po Pawle Chelmczÿk wuÿa i po Barbarze Rzessowskieÿ siesthrze ich czioteczney dziedziczach de Kobÿlie, Robie, Staine et Wolia Kobÿlska, w thych tho wssiach przypadlÿ za sescz seth sesczdziesiąth zlothÿch zprzedali wiecznie i na wieki. A thak ÿs sie nie mieli miecz pewne czesczi dziedziczne za tem zapissem we wssi sthane (sic!) prossącz ze by thÿ listhÿ krolewskie wyssey opissane kthoremi sie wszisthka wies Stayne opissuye bycz krolewska nicz iego częsczian dziedzicznem nieskodzily. Iz nie byla similis do krola Iego Mczi, krol Iego Mcz pothem ysz iesth in possessione przÿ ÿego dziedzisthwie onego zachowacz raczel yako ÿnne. C. P., CCLXXXVI, 48—49.

Ревизія эта явлена въ саноцкихъ гродскихъ книгахъ (XIX, 791-793). Изъ нея опредѣляется дата документа и дѣлаются слѣдующія поправки: при словахъ «Mikolaya Reÿa» не должно быть: «nieboszczyka», и годъ 1568 долженъ быть замѣненъ 1508-мъ.

Женившись, Николай поселился (до 1540 года) въ холмскомъ краѣ, въ имѣніяхъ своей жены, и зажилъ жизнью сельскаго хозяина. Это видно изъ того, что онъ не только не довольствуется бывшими у него имѣніями, но даже беретъ въ аренду чужія. Первымъ подобнымъ дѣломъ является обязательство, принятое имъ на себя 2 декабря 1542 г. Онъ беретъ въ аренду у своего родственника, Николая Одновскаго, въ то время еще кастеляна перемышльскаго и львовскаго, русскаго старосты, имѣнія Бохотница, Сточекъ и Слотичи въ люблинскомъ краѣ. Изъ-за этого возникаетъ между обѣими сторонами дѣло, выясняющееся найденными нами во Львовѣ документами.

XIX. 2 Dec. 1542. Leopolis. Comparens personaliter generosus Nicolaus Rey, heres in Thopolia et Slanowicze recogn. Quia Magnifico

Nicolao Odnowski de Fulsztin, castellano premisliensi etc. leopoliensi, terrarumque Russie capitaneo generali tenetur, habebit et presentibus obligatur acervos hiemalium et estivalium frugum seu frumentorum diversi grani in bonis et horreis Bochothnycza, Stoczek et Slothlicze in terra lublinensi sitis, morte olim Magn. Anne de Fulsthin pallatine lublinensis sororis ipsius Magnifici prefati germane derelictorum et super ipsum Magn. Odnowski devolutorum, pro quolibet acervo tres marcas pro festo sacratissime Pasche proximo solvere et complere. Casu quo non solverit aut solvere neglexerit extunc in crastino eiusdem festi sacratissime pasce, proxime venturi debebit sibi Nicolao Odnowski dare realem intromissionem et pacificam possessionem in bona sua hereditaria videlicet villas Thopolya et Slanovicze in terra Cracoviensi sitas. C.Lp., 20, 336—8.

XX. 27 Aug. 1544. Leopolis. Odnowski. Reÿ. Vielmozni Mikolai Odnowskj z Fwlsthina, castellan Przemiskj lwowskj y Rwskich ziem starosta pospolÿthi, przes swego procuratora przed sandem groczkim lwowskÿm iesth pylnowal rokw wedlwg poswu groczkiego lwowskiego przecziwko wrzodzonemu Mikolayowi Reÿowi, dziedziczowi dobr wssi Thopolÿeÿ ÿ Lanowicz (sic!), yako poswanemu wedlwg poswu y zapissu, ktorego poswu iesth napÿs slowo od slowa: Mikolai Odnowski z Fwlsthina, castellan Przemiski, lwowski y Ruskich ziem starosta pospoliti etc. Thobie wrodzonemu Mikolaiowi Reyowi, sthopoliey y zlanowicz dziedziczowi, mocza crolewska y wrządw naschego starosceiego lwowskiego przÿkazwÿemy, ysz bys przed namy y sandem naschim groczkim staросczim lwowskim we sroda przisla przed swientem thomaschem apostolem blisko badaczim na przecziwko wielmoznemu Mikolaiowi Odnowskiemu s Fwlsthina, castellanowi przemiskiemu y staroscie lwowskiemu, oblycznie abys stawal, ktori czie poziwa kw zapisowi groczkiemu starosczkiemu lwowskiemu y zeznanÿw thwoiemu, ktorÿm ze tho zapissem przerzeczonym themu tho Mikolaiowi Odnowskiemu przerzeczonemu vynienes y obowiazales sie brogÿ ozimich y yarÿch sbosz rosmaytego ziarna na dobrach a gwmnich bochothnicze, sthoczek y slothlicze, v ziemi lwbelskiey liezączą y bądacze, smierczią nyegdi wielmoznei Anni s Fwlsthina woyewodziney lwbelskiey, syostri iego rodzonei zostawione, y na tego tho Mikolaia Odnowskiego przerzeczonego przipadle, za kąsdi brog sboza przerzeczonego, ylie bÿ ych bylo w gumnyech y w folwarczich przerzeczonich dobr, trzi grziwnÿ pyeniadzi moneti y lÿczbi polskiey na swiento naswienschey wielkiei noczi jwsz przesley zaplaczicz y vipelnycz; sprziczniey, ktorą nie zaplaczil bis albo zaplaczicz omieskal bis, thedi nazaivtrz tego swiantą vielkonocznego jwsz przeslego obowiazales sie themu tho przerzeczonemu Mikolaiowi Odnowskiemu dacz isthne wwiazani y spokoÿne dzierzeny w dobra twoie dziedziczne, tho iesth wssi Topolie y slanowicze

w ziemi cracowskiey liezacze; przes wosnego ziemskiego oneÿ ziemie y obowiazales sie y vynÿenes thego tho przerzeczonego Mikolaia obiczaiem przerzeczonich rzeczi bronicz, scziczicz ÿ vibawicz, dawssi wwiazanie, y thw dzis obowiazales sie w thich dobrach krziwdi nie czinicz pod zakladem pyączi seth slothich pÿenyedzi alias yakos othen zapys groczki lwowski staroscżi schirzeÿ w swoych articulach obmawia; thi uczinywssi thaki zapys iemu przecziwiącz nyedales anÿs zaplaczil za siedmÿ dziesiąth brogow bes iednego sbozą y siarna rostycznego vyssey pomynyonych dobrach po trzi grzywni pÿenÿedzi, anys dal isthnego wwiazania themu tho Mikolaiowi Odnowskiemu przerzeczonemv przesczos iemv krziwda wczinil, s ktorich prziczin zaklad pyaczi seth slothich pÿenyedzi iemu kw zaplaczenyw przepadles o ktori zaklad pyaczisetb slothich sprziczin vyssey pomynyonÿch przescżie iemu przepadle cziebie pozywa sąndownie abis odpowiedal. Dano we Lwowie w ponyedzialek nazaywtrz po swientem Marczinie liatha panskiego thysiacznego pyathsethnego sterdziestego trzeciego.

Ktori przerzeczoni Mikolai Rey, pozwani od thego tho przerzeczonego Mikolaia Odnowskiego z fwlsthinia castelhana przemiskiego lwowskiego y Ruskich ziem starosthi glownego, byl wolan przes wosnego ziemskiego lwowskiego upatrznego Maczieyą Nyekrassa spod zamku lwowskiego pyervssi drugi trzeczi y czwarthi ras mymo prawo, abi stanal przed sąndem wrzondowym groczkim lwowskim na przecziwko przerzeczonemu wielmoznemu Mikolaiowi Odnowskiemu etc. yako poswany na przecziwko powodowi, ktori przerzeczoni Rei, wolani kw prawu, any przes siebie sam any przes swego procuratora na przecziwko themu tho wielmoznemu Mikolaiowi Odnowskiemu castellanowi Przemiskiemu yako pozwani kw prawu nye stanal any stanacz chczial any nycz nyeczinil, czo thoy visni przerzeczoni Macziek wozni przed sandem groczkim lwowskim iesth zeznal yz iest go wolal, przetho przerzeczonego Mikolaia Reya procurator od przerzeczonego Mikolaią Odnowskiego yako od powoda przerzeczonego Mikolaia Reyą yako poswanego we wssyczkim swym zyskw sdal na czo pamiethne iesth polozono ktore wrząnd wzial. C. Lp., CCCXXVI, 31 - 34.

XXI. 26 Sept. 1544. Leopolis. Procurator Mgci Nicolai Odnowski etc contra generosum Nicolaum Rey posuit coram iudicio cittationes (Sequitur citatio № XX) et affectavit, ut sibi iudicium ministerialem addidisset ad omnes actus iudiciarios ad quoscunque fuerit necessarius etc.

Iudicium officii castren. leopoliensis visa et audita iusta et consona affectatione.... addidit ministerialem etc.

Demum idem ministerialis clamavit generosum Nicolaum Rey primo secundo tertio et super habundanti quarto vicibus etc. Quiquidem Nicolaus Rey nec per se nec per suum procuratorem iuri parere minime curavit.

Demum idem procurator peciit hoc ipsum iudicium, ut sibi mini-

sterialem terr. addidisset ad intromitendum in bona prefati Nicolai Rey videlicet in villas Thopolya et Zlanovicze cum remissione ad brachium regale videlicet ad Mcum Dominum Petrum Kmitha de Vysznycze pall. cracoviensem etc. in cuius capitancatu bona prefati Nicolai Rey consistunt.

Iudicium tandem audita iusta et consona affectatione addidit ministerialem ad intromissionem ipsius Capitanei in bona generosi Nicolai Rey in certo debito quingentorum florenorum pecunie vigore suorum perlucrorum remitendo... cum remissione ad brachium regale (Sequitur obligatio № XIX.), C. Lp., CCCXXVI, 131—136.

Дѣло съ Одновскимъ у Николая Рея продолжалось долго. Въ 1546 году онъ даетъ ему обезпеченіе на своемъ имѣніи, Тополѣ, въ 1000 марокъ. Того же числа беретъ у Одновскаго въ аренду Сржедне и Дубовицу за 300 злотыхъ. Какимъ образомъ эти имѣнія перешли къ Одновскому, мы не знаемъ.

XXII. 7 Apr. 1546. Leopolis. Comparens personaliter generosus Nicolaus Reii, heres in Thopola et Slanowicze recogn. Quia Mfco Nicolao Odnowski... centum marcas p. tenetur et presentibus obligatur huic ad festum Nativitatis Christi proxime venturum solvere et complere. Casu quo non solverit an solvere neglexerit ex hunc in crastino eiusdem festi debebit... sibi Nicolao Odnowski dare realem intromissionem et pacificam possessionem in villam suam hereditariam Thopola... C. L., 326 p. 306-8.

XXIII. 7 Apr. 1546. Leopolis. Mfcus Nicolaus Odnowski a Fwlsthen castellanus etc. recogn. Quia bona sua hereditaria videlicet villas Srednye et Dwbowicza in districtu haliciensi consistentes generoso Nicolao Reÿ pro tricentis florenis arrendavit a festo Nativitatis Chisti proximo preterito ad tres annos. C. Lp., CCCXXVI, 308—9.

Ко времени пребыванія Рея въ холмскомъ краѣ Тржецескій относитъ пріобрѣтеніе имъ многихъ другихъ имѣній. Извѣстіе это вполнѣ потверждается грамотами. Уже г. Рыбарскій указалъ, что въ 1544 г. Іеронимъ Шафранецъ, хенцинскій староста, даетъ Рею въ видѣ пріятельскаго подарка козловскіе луга, расположенные по берегамъ Ниды. Въ 1545 г. графъ Станиславъ Тенчинскій уступаетъ Рею имѣніе Островъ холмскаго уѣзда (Ryb.). Ниже приводимъ документъ, изъ котораго видно, что въ 1545 г. Николай Рей купилъ за 300 злотыхъ половину деревни Колодзеевъ галицкаго уѣзда. Сохранился даже актъ ввода, котораго мы не печатаемъ теперь (C. Lp., LI, 319—21). Вто-

рую половину подарилъ ему въ 1550 г. Арнольфъ Блудницкій. Сигизмундъ I въ 1546 даетъ Николаю Рею, vati alias Rimarzowi, какъ сказано въ грамотѣ, деревню Темеровцы галицкаго уѣзда (Ryb). Во Львовѣ сохранился актъ ввода, любопытный потому, что Рей названъ кастеляномъ, вѣроятно по не знанію.

XXIV. 27 Mai 1545. Leopolis. Venerabilis Ioannes prepositus Eclesie parochialis Rohathynensis cum consensu Archiepiscopi leopoliensis ac rąthihabicione capituli leopoliensis astantibus penes ipsum successoribus legittimis olim fundatorum medietatis ville Kołodziejow prepositure Rohatinensi videlicet Mfca Anna de Daleÿow, castellana wysliczensis cum consensu mariti sui penes ipsam stantis ac generoso Ieronimo a Syenyawa pallatini de bełzensi eidem preposito ad omnia consencientibus recognovit. Quia medietatem ville sue Kolodzieyow in districtu haliciensi site Generoso Nicolao Rey de Naglowycze pro trecentis florenis pecunii vendidit ac resignavit etc. C. Lp. LII, 319-21.

XXV. 5 Iul. 1546. Leopolis. Ministerialis terrestris halicien. etc. recogn. Quia generoso Rey castellano (sic!) intromissio iuxta donacionem literarum S. Regiae Maiestatis in villam et hereditatem dictam Thumyrowcze est data et admissa C. Lp., XC, 781.

XXVI. 13 Oct. 1550. Leopolis. Generosus Arnolphus Bludniczki, heres sortis sue bonorum ville Kolodzieyow recogn. Quia sortem suam in Kolodzieyow generoso Nicolao Rey dedit, donavit etc. T. H., LIII, 630.

На землѣ, принадлежавшей къ имѣнію своей жены, которое называлось Кобыле, Николай основалъ городъ Реёвецъ и въ 1547 году получилъ отъ Сигизмунда I учредительную грамоту (Ryb.). По словамъ Тржецескаго, Сигизмундъ I и королева Бона особенно благоволили къ Николаю и дали ему деревню (какъ уже намъ извѣстно) и доходъ со станціи въ Скальмѣржѣ. Этому потвержденіе находимъ у г. Рыбарскаго; у него указана грамота отъ 1549 года, гдѣ сказано, что Сигизмундъ I по просьбѣ Боны даетъ Рею доходъ со станціи въ Скальмѣржѣ въ 50 марокъ.

Кромѣ этихъ документовъ сохранился цѣлый рядъ другихъ частныхъ сдѣлокъ. Тржецескій говоритъ, что близкій его родственникъ, Павелъ Быстрамъ, не имѣя потомства, еще при жизни своей отдалъ Николаю два имѣнія въ люблинскомъ краѣ: Попковицы и Скорчицы. До насъ дошли по этому дѣлу формальныя обязательства. 2 января 1548 года Николай Рей и Павелъ Быстрамъ уничтожаютъ формально всѣ, до сихъ поръ существовавшія между ними сдѣлки, и Павелъ Быст-

рамъ отдаетъ Рею всѣ свои движимыя и недвижимыя имущества за исключеніемъ одной деревни. 18 января Рей обѣщаетъ женѣ Быстрама пожизненное обезпеченіе и при этомъ того же числа отдаетъ эти имѣнія назадъ Быстраму. Здѣсь есть кое-что, непонятное для насъ. Сохранился документъ, слѣдующій за указаннымъ нами, въ которомъ Рей удостовѣряетъ Быстрама, что по смерти Николая наслѣдники его не будутъ имѣть права пользоваться имѣніями Быстрамовъ (С. В., II, 221).

XXVII. 2 Jan. 1548. Comparentes personaliter generosi Nicolaus Rey de Naglowicze heres et Paulus Bistram de Scorczicze recogn. Quia omnes inscripciones in diversis actis per ipsos inter se habitas... mutuo inter se cassant, mortificant et in nichilum redigunt sub vadio decem millium fl... C. B., II, 193—5.

XXVIII. 2 Jan. 1548. Generosus Paulus Bistram, dapiffer terre lublinensis, heres in Popkowicze et in aliis bonis suis sanus mente et corpore... recogn. Quia omnia bona mobilia et immobilia exceptis bonis Slupia prope Czasnik sitis et aliis bonis ad id pertinentibus, que ipse Bistram reservat pro usu suo etc, generoso Nicolao Rey dono perpetuo inscripsit. Et predictus Rey, stans personaliter ad hoc consensit tamquam successor predicti Bistram, quem pro successore accepit.

Et hicidem stans personaliter generosa Zophia de Mirow, consors legittima generosi Pauli Bistram, adhanc inscriptionem per generosum Bistram, generoso Nicolao Rey recognittam et factam consensit in omnibus punctis et clausulis etc. C. B., II, 195—201.

XXIX. 18 Jan. 1548. Comparens personaliter Nicolaus Rey de Naglovicze et in Popkowicze et Skorczicze heres recogn. Quia Generose Zophie de Mirow, consorti generosi Pauli Bistram, bona sua hereditaria villam Skorczicze in districtu urzedoviensi sittam in mille florenis obligavit et inscripsit tali modo et condicione quod, si generosus Paulus Bistram ex hac luce decedere et mori contigerit et ipsa Zophia de Mirow existens in humanis convolari ad secundas nupcias contigerit extunc predictus Rey pottens erit, tamquam heres eadem bona Skorczicze, et si predicta Zophia non convalverit ad secundas nupcias, extunc possidebit eadem bona Skorczicze usque ad mortem et post mortem predicte Zophie predictus Rey successoribus Zophie tantum mille fl. solvere tenebitur etc. C. B., II, 217.

XXX. 18 Jan. 1548. Comparens personaliter generosus Nicolaus Rey de Naglowicze et in Popkowicze et Skorczice heres recogn. Quia bona sua hereditaria Popkowicze in districtu urzedoviensi sita Generose Zophie de Mirow Bistram ad tempora vite ipsius dat et concedit etc. C. B. Ib.

XXXI. 18 Jan. 1548. Comparens person. gen. Nicolaus Rey etc. recogn. Quia bona sua hereditaria videlicet villas Skorczicze, Popkowicze ac advocatiam urzedovisenem generoso Paulo Bistram dat, concedit etc. C. B., II, 219—21.

Тржецескій сообщаетъ, что впослѣдствіи Николай былъ близокъ къ Сигизмунду Августу, который былъ для него по истинѣ милостивымъ государемъ. Послѣдній далъ ему доходъ съ рогатокъ и подарилъ ему деревню Дзивіонцеле, которая должна была достаться королю послѣ смерти Николая Одновскаго iure donatorio. Дарственная грамота обнародована г. Рыбарскимъ. Изъ нея мы узнаемъ, что это случилось въ 1552 г. Интересно сообщеніе Тржецескаго о томъ, что Н. Одновскій былъ его близкимъ родственникомъ и еще при жизни своей передалъ ему право на это имѣніе. Мы уже видѣли, что у Рея съ Н. Одновскимъ были довольно продолжительная тяжба и постоянныя денежныя дѣла. Грамота на собираніе дохода съ рогатокъ въ Холмѣ еще не найдена, но она должна была существовать, какъ существуетъ грамота на станцію въ Скальмѣржѣ.

Въ 1554 г. Николай Рей основалъ городъ Окшу вблизи Нагловицъ. Для этого онъ совершилъ рядъ поземельныхъ сдѣлокъ: купилъ половину села Хича у Бескихъ, въ тотъ же день промѣнялъ ее съ Іеронимомъ Ржешовскимъ на два имѣнія Творовъ и Повензовъ. На землѣ Творова основалъ Окшу. Всѣ сюда относящіяся грамоты изданы г. Рыбарскимъ.

Сестра Николая, Анна, была замужемъ за Дзедушицкимъ; ея дочь Варвара вышла замужъ первый разъ за Петра Боратынскаго, которому Николай заложилъ за 2000 злотыхъ Бобинъ, и второй разъ за Станислава Святополка Болестрашинскаго. Родственники Боратынскаго потребовали возвращенія вещей, оставшихся послѣ Петра. Отсюда возникъ цѣлый рядъ процессовъ, весьма интересныхъ, потому что въ дѣлахъ ихъ перечисляются разные предметы, по которымъ ясно можно возстановить обстановку XVI вѣка (Т. Р., XX, 65—206). Для нашей цѣли они важны, потому что только въ нихъ однихъ находимъ званіе Николая Рея Secretarius Sacre Regie Maiestatis что̀ сихъ поръ совсѣмъ не было извѣстно.

XXXII. 23 Nov. 1549. Leopolis. Comparens pers. generosus Nicolaus Reÿ bonorum ville Bobin heres etc. recogn. Quia gen. Petro Bora-

thinsky S. R. Majestatis secretario et viceeapitaneo cracoviensi villam Bobin in duobus millibus flor. obligavit. C. Lp., XXVI, 864.

XXXIII. 6 Mai. 1561. Generosus Raphael Pileczky de Pilcza et Zalyesye haeres actor, generosum Stanislaum Swyethopelk de Zrzedze in Bolestrassycze heredem cittatum iuxta suam cittationem terr. premisliensem minime parere curantem occasione cautionis fideiussorie verbalis solite pro eodem Stanislao Swyethopelk in manus Magnifici et Generosorum Ioannis Herborth de Phulsthyn, castellani Lubaczoviensis, Nicolai Rey de Naglowicze et Ioannis Plaza de Msthyczow solutionis duorum millium fl. per ipsum Swyethopelk generosae Zophie filiae et successori Mgci olim Petri Borathinsky Castellani Belzensis et samboriensis aut eius successoribus alias prout ipsa cittatio latius canit. T. P., CCLXIX, 1081.

XXXIV. 30 Sept. 1561. Inter generosos Ioannem pocillatorem, Valentinum subiudicem terrestres premislienses Orzechowskye, Barbaram de Zloczkowÿcze, consortem Generosi Nicolai Zarszynski, vexiliferi sanocensis Georgium et Ludovicum Skoruthy, tutores ligittimos Generosi Ioannis Borathynski Minorennis, et Nicolaum Rey de Naglowÿcze, secretarium sue sacre M. R., qui se eciam ius et interesse habere pretendit ad hoc ipsum ius tutorie super ipsum Borathynsky minorennem, binos actores et competitores unius et eiusdem cause. Quorum uterque tam ipsi Orzechowsczy, Zarszynska, Skoruthowÿe pro iure suo naturali tutorie, quam ipse Nicolaus Rey iure suo tutorie a Sacra M. R. dativo et concesso cittaverunt Generosam Barbaram de Dzyedossycze relictam Mgnfici olim Petri Borathynski castellani belzensis samboriensis capitanei ex quo sedem vidualem violavit ad recipiendum summas peccunie, quas habet modo et iure reformacionis inscriptam a prefato marito suo in bonis ipsius hereditariis et aliis quibusvis etc.

Ipsa cittata affectavit hoc negocium tam diu suspendi donec ipsi actores inter se iure experirent, quis illorum ad eandem tutoriam ius propinquius habere debet etc.

Ubi iudicium ipsum ex ablegalis et controversis parcium decrevit ipsum Rey habere dillationem ad ipsa munimenta literatoria ad causam necessariam. A quo decreto ipsi Orzechowsczy, Zarszynska et Skoruthowye actores mocionem interposuerunt.

In termino itaque hodierno colloquiorum ex vi mocionis comparens ipse videlicet Rey per Nobilem Andream Golasky etc.

Magnificus itaque pallatinus Russie una cum dignitariis et officialibus secundum iudicio colloquiorum generalium assidentibus.... hoc idem decretum Iudicii terrestris tanquam iustum .... decrevit etc.

A quo decreto ipsi Orzechowsczy, Zarszynska et Skoruthowye ad sacram M. R. seu ad convencionem generalem appelaverunt. Cui appel-

lationi Iudicium colloquiale detulit et habent habebuntque partes prefate locum in convencione generali Regni sexta die ab incepcione conventus generalis die incepcionis exclusa etc. T. P., XXII, 203.

XXXV. (1561). Generosus Nicolaus Rey de Naglowycze secretarius Sac. M. R. per Sacram R. Majestatem datus et deputatus actor in et contra gen. Barbaram de Dziedossycze relictam primarum nuptiarum olim Mgci Petri Borathynski castellani Belzensis nunc vero consortem generosi Stanislai Swyethopolk de Bolyestrassycze oppidi Hussaków villarumque Boyovycze, Drozdówcze ac aliorum vigore refformationis dotis et dotalicii tenutarii cittatam. Ind. Decr. T. P., CCLXVII, 647.

Г. Рыбарскій напечаталъ нѣсколько документовъ, опредѣляющихъ съ точностью годъ смерти Николая. 21 іюня 1569 г. Николай былъ еще въ живыхъ; но 17 декабря того же года его жена была уже вдовою. У Николая осталось три сына: Николай, Христофоръ и Андрей и пять дочерей: три замужнія Анна Гухровецкая, Дорота Чаплица, Богумила Петровская и двѣ незамужнія Елизавета и Варвара.

Во львовскихъ актовыхъ книгахъ сыновья Николая встрѣчаются весьма часто. Въ 1564 году являются вмѣстѣ отецъ и сынъ — Nicolaus iunior (T. H., LV, 987; C. H., II, 39; III, 108 etc.). Встрѣчаются два брата вмѣстѣ: Nicolaus et Christophorus Rey fratres germani (C. Lp., XL, 109; XLI, 877; LXVI, 512; C. H., II, 120) и даже всѣ три вмѣстѣ: Christophorus Rey de Naglowycze et Popkowicze, Nicolaus et Andreas fratres (C. Lp., DCCLXV, 19).

Изъ сыновей Николая старшимъ былъ, вѣроятно, Христофоръ, такъ какъ онъ упоминается уже въ 1540 году (Ryb.) и при этомъ такъ, какъ будто другихъ не было. Христофоръ въ 1563 году былъ въ лейпцигскомъ университетѣ (Tomkowicz, Metrica. Archiwum do dziejów krajowych., II, 433). Это весьма важный фактъ для характеристики Николая Рея. Въ 1567 г. Христофоръ былъ королевскимъ ротмистромъ (C. Lp., CCC, 343). Николай, второй сынъ, еще при жизни отца (въ 1564 г.) дѣлаетъ долги и закладываетъ свое имѣніе за 400 злотыхъ (T. H., LV, 987). Крестьянинъ Сѣнявской зоветъ Николая въ 1577 г. въ судъ за причиненные ему побои (T. H., CXXXV, 659). Андрей Рей извѣстенъ уже по документу, напечатанному Мацѣевскимъ (Pismiennictwo. Dodatki., 159), гдѣ онъ vovit Deo omnipotenti, se amplius ultra mediam ollam vini quocunque die bibere nolle. Вообще, какъ Николай-сынъ, такъ и Андрей попадаются часто въ грамотахъ, какъ

личности широкой натуры. Вѣроятно большая часть громкой славы пьяницы перейдетъ съ отца на сыновей.

За все XVI столѣтіе въ грамотахъ главнымъ образомъ встрѣчаются Реи изъ Нагловицъ; вторая линія,— изъ Шумска, сходитъ съ общественной сцены. Одновременно съ нагловицкими Реями мы встрѣтили только двухъ другихъ, стоящихъ совсѣмъ отдѣльно. Г. Рыбарскій приводитъ грамоты, изъ которыхъ видно, что въ 1506 г. былъ другой Николай Рей, державца Бржезна, и послѣ него въ 1541 г. осталась вдова Анна. Мы видѣли раньше, что дѣдъ писателя тоже Николай держалъ имѣніе Бржезно, но въ какомъ отношеніи они находятся другъ къ другу не знаемъ. Во львовскихъ актахъ (С. Н., XCII, 129) встрѣчается подъ 1571 г. Stanislaus Rey procurator Nicolai Rey (сынъ писателя), но не указаны ихъ родственныя отношенія.

По весьма понятнымъ причинамъ мы остановились на грамотахъ, относящихся непосредственно къ Николаю Рею. Остальные члены его рода интересовали насъ на столько, на сколько способствовали разъясненію общественнаго положенія лица, насъ занимающаго. Дальнѣйшія архивныя разысканія могутъ быть направлены только къ отысканію новыхъ документовъ, касающихся лично писателя, такъ какъ семейныя отношенія нами уже достаточно разъяснены. Приведенныя нами грамоты, надѣемся, показываютъ достаточно ясно, какой драгоцѣнный и еще нетронутый матеріалъ хранится въ архивахъ для исторіи польской литературы. Но мы не исчерпали его даже для Рея. необходима работа дальнѣйшая по этому пути. Мы вполнѣ увѣрены, что болѣе подробное изученіе архивнаго матеріала дастъ возможность опредѣлить точнѣе не только соціальное положеніе Рея въ обществѣ, но и его литературно-историческое значеніе.

С.-Петербургъ. Декабрь 1882 г.

ВАЛЕНТИНЪ ВОДНИКЪ.

Очеркъ изъ исторіи словинской литературы.

Григорія Воскресенскаго.

Свѣтлая эпоха словинской литературы, развившаяся въ половинѣ XVI столѣтія подъ возбужденіями протестанства и обозначившаяся именами Трубера, Креля, Ю. Далматина и Богорича, продолжалась недолго; въ первой половинѣ XVII столѣтія началась католическая реакція, протестанство страшно преслѣдовалось и только что начавшаяся литература кончилась подъ религіознымъ гоненіемъ. Особенно усердно іезуиты преслѣдовали и жгли протестантскія книги. Сохранились извѣстія, что 8 августа 1600 г. іезуиты сожгли въ Грацѣ 10,000 протестантскихъ книгъ, 23 декабря тоже повторилось въ Люблянѣ, а 9 января 1601 г. іезуиты опять сожгли въ Люблянѣ три полныхъ воза книгъ. Потому-то изданія южно-славянскихъ протестантовъ составляютъ въ настоящее время величайшую библіографическую рѣдкость; многія истреблены совсѣмъ. Въ концѣ концовъ іезуиты, можетъ быть, сознавая, что господство ихъ теперь твердо упрочено среди словинцевъ, ни мало не заботились о словинскомъ языкѣ, тогда какъ напр., въ Хорватіи и Далмаціи они все-таки оказывали вниманіе къ народному языку славянъ, видя тамъ постоянно предъ собою церковь православную. Въ теченіе XVII и XVIII столѣтій печатались почти одни молитвенники и другія церковныя книги; литературы, собственно, вовсе не было. Только съ конца прошлаго столѣтія, когда у всѣхъ славянскихъ народностей обнаружились попытки самобытной дѣятельности,

и въ словинскомъ народѣ началось новое литературное движеніе. Въ числѣ начинателей новаго періода словинской литературы, безспорно, самое видное мѣсто занимаетъ Валентинъ Водникъ, бывшій въ свое время средоточіемъ цѣлаго народнаго движенія.

Водникъ родился 3 февраля 1758 г. (ум. 1819 г.) въ деревнѣ близъ Любляны, воспитывался у монаховъ, былъ приходскимъ священникомъ въ разныхъ мѣстахъ, наконецъ въ Люблянѣ профессоромъ и инспекторомъ училищъ. Это былъ мужъ, отличавшійся всесторонвимъ умомъ. Много работалъ Водникъ надъ исторіей своего отечества, которую и издалъ 1809 г. на нѣмецкомъ языкѣ [1]). Трудъ этотъ отличается основательной критикой источниковъ. Поощряемый и поддерживаемый барономъ Цойсомъ, извѣстнымъ словинскимъ меценатомъ, Водникъ изучалъ ботанику, минералогію и геологію. Онъ имѣлъ большія филологическія способности; зналъ языки: латинскій, греческій, нѣмецкій, итальянскій, французскій, а также нѣкоторыя славянскія нарѣчія и состоялъ въ живыхъ сношеніяхъ съ Добровскимъ. Для своего отечественнаго языка Водникъ сдѣлалъ чрезвычайно много, написавъ превосходную грамматику [2]) и собравъ множество матеріаловъ для нѣмецко-словинскаго словаря [3]); матеріалы эти послѣ вошли въ составъ большаго Вольфова словаря. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ хорошимъ журналистомъ. Въ 1795—1797 г. онъ издавалъ въ Люблянѣ народный календарь [4]), въ которомъ кромѣ мѣсяцеслова, указаній ярмарочныхъ дней, перечня царской фамиліи и т. п. помѣщались разныя правила домашней жизни и краткія забавныя повѣсти и загадки. Съ 1797 по 1800 г. издавалъ газету «Lublanske Novice od vsih krajov zeliga svejta» въ народно-просвѣтительномъ направленіи. Нѣкоторыя мысли Водника о словинскомъ языкѣ и народѣ [5]) весьма любопытны. Отъ 18 ноября (listagnoje) 1797 г. мы читаемъ тамъ: «Краинскій языкъ наиболѣе подобенъ московскому (moshkovitarskemu), болѣе чѣмъ всѣмъ остальнымъ славянскимъ нарѣчіямъ. Московскій языкъ сохранилъ много

1) Geschichte des Herzogthums Krain, des Gebietes won Triest und der Grafschaft Görz. Второе продолженное Фр. Рихтеромъ изданіе вышло въ Вѣнѣ, въ 1825.

2) Pismenost ali Gramatika za perve shole. Ljubl. 1881.

3) Slovar nemshko-slovensko-latinski.

4) Velika pratika ali kalender.

5) Въ статьяхъ: «Povedanje od slovenskiga jezika».

словъ, которые у насъ забыты или вышли изъ употребленія»; отъ 24 января (prosenca) 1798 г.: «Прежде всѣ Славяне имѣли письмо образное, фигуральное, какъ и всѣ другіе народы въ древности; всѣ славянскія племена имѣютъ слово: писать. Но буквы изобрѣтены уже послѣ раздѣленія славянскихъ племенъ, оттого у разныхъ Славянъ (вм. славянскихъ народностей) онѣ неодинаково называются, напр. по словински cherke, по польски littera, по сербски писмикъ, по хорватски slovo, по русски слова». Не безъинтересны для насъ разсѣянныя въ «Новицахъ» Водника замѣчанія о Россіи и русскихъ воинахъ, съ которыми краинцы тогда имѣли случай вступать въ соприкосновеніе. Эти замѣчанія находятся въ статьяхъ подъ заглавіемъ: «Moshkovitarsko», «Moshkovia», «Petrovburg», «Moshkova», «Russia», «Rusko». За 1797 г. мы тамъ встрѣчаемъ нѣсколько свѣдѣній о царствованіи императора Павла Петровича и въ частности о его короновании. Болѣе любопытныхъ замѣчаній о русскихъ встрѣчается за 1799 г. Когда пришелъ въ Австрію Суворовъ съ русскими войсками, Водникъ поспѣшилъ извѣстить въ своей газетѣ, отъ 27 апрѣля (maliga travna): «Русскіе и наши (краинцы) обнялись какъ братья; тѣ и другіе храбры, готовы воевать и желаютъ битвъ, пока не устроятъ миръ». Водникъ хвалитъ храбрость, честность и добродушіе нашихъ солдатъ: «Russi stoje v'ogni kakor sid... oni so sares strashno grosovitni vitezi» (отъ 11 мая); «pridni, poshteni ludje, nobene shkode niso sturili, vse dobro je slishati od njih» (отъ 22 іюня). Суворовъ, по замѣчанію Водника, умѣлъ наилучшимъ образомъ «sovrashnike krotiti». Любопытенъ рефератъ Водниковъ отъ 29 іюня (roshnizveta) 1799 г.: «Русскіе, наши старые братья, пришли не только посѣтить насъ, но и защищать отъ враговъ. Назадъ тому полторы тысячи лѣтъ пришли первые Словенцы въ наши «Краи»: они были родомъ русскіе, — оттого мы такъ легко понимаемъ русскій языкъ; русскіе суть коренные Словенцы, отъ которыхъ произошли наши отцы. Теперь ясно видимъ, какихъ могучихъ и великихъ братьевъ мы имѣемъ на свѣтѣ, которые постоянно охраняютъ чистый словенскій языкъ. Мы должны отъ нихъ заимствовать, когда хотимъ очистить свой языкъ, и у нихъ учиться, какъ должно защищать свое отечество отъ враговъ». Всѣ эти замѣчанія, буквально переданныя нами съ подлинника, писаны были самимъ Водникомъ.

Особенно же важна была и благодѣтельна для словинскаго народа

дѣятельность Водника, какъ поэта. Водникъ оставилъ послѣ себя довольно много стихотвореній разнаго рода, оригинальныхъ и переводныхъ. Пользуемся изданіемъ Фр. Левстика[1]). При всесторонности своего образованія Водникъ самъ высоко цѣнилъ народную словинскую пѣсню и въ своихъ пѣсняхъ видѣлъ лучшій памятникъ своей славы:

Latinske, helenske,
Tevtonske učím;
Za pevke slovenske
Živím in gorím.

Ne hčere, ne sina
Po meni ne bó,
Dovòlj je spomína,
Me pésni pojó.

(Стихотвореніе: «Moj spominek»).

Между лирическими пѣснями первое мѣсто занимаетъ, безспорно, стихотвореніе «Ilirija oživljena».

Napoleon reče:
Ilirija vstan'!
Vъstaja, izdiha:
Kdo kliče na dan?

O vitez dobrotni,
Kaj ti me budíš!
Daš roko mogočno,
Me gori držíš! и т. д....

Содержаніе этого стихотворенія вкратцѣ слѣдующее: Иллирія оживлена чрезъ Наполеона и не знаетъ, чѣмъ достойно наградить своего благодѣтеля; она не можетъ возвратить и собрать во едино своихъ дѣтей, потому что старые города и герои ея погибли. Иллиры сами нѣкогда были могущественны и страшны врагамъ: они осаждали Римъ, и еще прежде римлянъ умѣли строить лодки и корабли, пока ихъ не поработили римляне; но эти послѣдніе сами были порабощены германцами, и Иллирія было погибла, пока наконецъ Наполеонъ вновь ее не воскресилъ. Иллиры и славяне одно и тоже, и воевали еще съ македонянами. Теперь Наполеоновъ духъ вступаетъ въ иллировъ или словенцевъ, и Иллирія переродится, какъ перстень Европы:

Duh stopa v Slovence
Napoleonóv,
En zarod poganja
Prerojen, ves nov.

Oprto eno roko
Na Galijo 'mam,
To drugo pa Grkom
Prijazno podam.

1) Vodníkove pesni. Uredil France Levstik. 1869, v Ljubljani. Это наиболѣе полное и лучшее изданіе. Часть своихъ стихотвореній Водникъ напечаталъ самъ въ Люблянѣ въ 1806 г. подъ заглавіемъ: «Pesme sa pokushino». Въ 1840 г. въ Люблянѣ же явилось другое изданіе, впрочемъ мало удовлетворительное.

Na Grecije čelu
Korinto stojí,
Ilirija v srcu
Evrope leží.

Korintu so rekli
Helensko okó,
Ilirija prstan
Evrópini bo.

Видно, что на Наполеона возлагались большія надежды, которыя однако совсѣмъ не осуществились. Какъ-бы то ни было, но это стихотвореніе написано прекрасно: національно-патріотическія чаянія и мечты вылились, можно сказать, прямо изъ сокровенной глубины души поэта. Послѣ удаленія французовъ и новаго водворенія Австріи явилось какъ-бы въ противовѣсъ этому стихотворенію другое: «Ilirija zveličana».

Jz Dunaja kliče:
Jlirija vstan'!
Svobodnosti tvoje
Napočil je dan.

Po starih pravicah
Prejème oblast,
In star'mu jeziku
Ovăruvaj čast! и т. д...

Тамъ величался Наполеонъ, здѣсь — Францъ Габсбурскій. Ода эта изображаетъ счастіе, которымъ прежде пользовалась и будетъ пользоваться Иллирія или Словенія подъ управленіемъ Габсбургскаго дома. Однако, ода эта не дышетъ искренностію и въ поэтическомъ отношеніи ниже первой. Стихотвореніе «Ilirija oživljena» и приверженность Водника къ французамъ навлекли на него преслѣдованія австрійскаго правительства, и онъ потерялъ мѣсто инспектора низшихъ и среднихъ школъ люблянскихъ. Не имѣлъ ли въ виду Водникъ этой новой одой возвратить себѣ благоволеніе Австріи? — Прекрасны лирическія пѣсни Водника: «Moj Spomínek», «Dramilo mojih rojakov», «Zadovoljni Krajnec» и др. Вотъ для образца стихотвореніе «Dramilo mojih rojakov».

Slovén'c! tvoja zemlja je zdrava,
In pridnim nje léža najprava.
Polje, vinograd,
Gora, morjé,
Ruda, kupčija
Tebe redé.

Um ti je dan,
Našel jo boš, ak'
Né si zaspan.

Za uk si prebrisane gláve,
Pa čedne in trdne postave,
Jšče te sreča,

Glej, stvárnica vse ti ponúdi,
Iz rok ji prejémat' ne mudi!
Lénega čaka
Strgan rokáv,
Pal'ca beraška,
Prazen bokál.

Между баснями имѣетъ глубокое значеніе «Nemški ino kranjski koni».

Nemški konj slovénj'mu reče:
Brate, kaj medlíš na cest'?
Ti li noga, glava neče?
Al'se ti ne ljubi jest'?

Mene v dobri reji 'majo,
Ovsa núјajo trikrát,
Čiste noge mi igrajo,
Nosim po labódje vrat.

Krajnska para milo pravi:
Tud' bi lehko jaz bil ták,
Al' tepêjo me po glavi,
Lačnemu je stati v mlak'.

Это — отвѣтъ тѣмъ, которые, по старой привычкѣ, упрекаютъ славянъ въ отсталости отъ нѣмцевъ. — Басня «Kós in brézen» представляетъ намъ живую картину самого поэта, который такъ рано повѣрилъ въ словинское возрожденіе подъ французскимъ правленіемъ. — Воднику особенно удалось описаніе величественной краинской природы. Такова пѣсня «Vršác», описывающая эту послѣ Триглава самую высокую гору-снѣжникъ въ Крайнѣ:

Na Vršác stopívši sédi,
Néznan svet se ti odprè,
Glédaj! sivih pleš vъ sredi
Zárod žlahtnih zél cvetè.

Sklad na skladu se zdvigúje
Golih vrhov kámen zid;
Večni mojster ukazuje:
Prid' zidár se les učít!

Divja koza prosto skače,
Od muh daleč je govéd,
Plánšar z Mino po domače
Lovec išče v snegu sled.

Ak' vihár dreví valove,
Zbegne v skale plašni trop,
Strésa votel glas bregove,
Grom majè nebeški strop.

Kmalu solnce čisto séje,
Iz jezér stokrat blešči,
Star mecesen redi veje,
Vetru, zimi v bran stojí.

Tukaj bistra Sava 'zvíra,
Mati pevske umnosti,
Jézer dvanajst si nabíra,
Šola zdrave treznosti.

Tje pogledaj na višáve,
Kjer Triglav kipí v nebó;
Štej snežníkov goličáve,
Kar dozrè nardalj' okó.

Tamkaj ravno Forlaníjo,
Benečansko zad mörjé,
Dol' globoko Hrvatíjo,
Švajca bele gor' glavé.

Bliz je polje Korotána,
Orat' vidim Štajerca,
Blíženj sosed mi Ljubljana,
Ziljska, t'rolska planšar'ca.

Pod velíkim tukaj Bogom
Breztelesen bit' želím,
Čiste sape sred' mej krogom
Menim, da že v neb' živim.

Водникъ пробовалъ свои силы на разныхъ родахъ поэзіи. Въ изданіи г. Левстика кромѣ различныхъ пѣсенъ (числомъ 36) помѣщены еще: basni, uganke (загадки), пѣсни, сложенныя въ народномъ духѣ, переводныя пѣсни (съ греческаго — пѣсни Анакреона и съ итальянскаго — «Iskrice»), воинственныя пѣсни (pesni brambovske), написанныя Водникомъ въ 1809 г. для словенскаго ополченія, народныя пѣсни, изъ коихъ особенно выдается «Nevesta kralja Matijáža», наконецъ pesni kratke ino poskočne (танцовальныя).

Водникъ — первый словинскій поэтъ, придавшій изящность словинскому языку. Въ произведеніяхъ Водника живо рисуется народная жизнь; какъ поэтъ, онъ дѣйствовалъ прямо на народъ. Языкъ его сочиненій, сравнительно съ нынѣшнимъ словинскимъ, конечно, не столь правиленъ и развитъ, что̀ и естественно, но за то простъ, ясенъ, основанъ на началахъ живаго народнаго языка; его стихъ изященъ, риѳма пріятна, легка. Водникъ, видно, хорошо зналъ правило, выраженное въ видѣ эпиграфа къ изданію г. Левстика слѣдующимъ четверостишіемъ:

Naj pesen umétna,
Naj mérjena bo,
Nikdar ni prijetna,
Ak' žali uhó.

Сергіевъ Посадъ. 17 Октября 1882.

ІЕРОНИМЪ КАВАНЬИНЪ,

полузабытый стародалматинскій панславистъ начала XVIII вѣка.

Антона Будиловича.

Въ Далмаціи издревле соприкасались два культурные міра: восточный и западный, греческій и римскій, славянскій и европейскій. Это отражается и на политическихъ судьбахъ страны, и на религіозныхъ ея отношеніяхъ, и на литературныхъ произведеніяхъ. Далматинцы послѣдовательно входили въ систему то восточныхъ, то западныхъ государствъ, принадлежали то славянской, то латинской церкви, дѣйствовали въ интересахъ и въ духѣ то сербохорватской, то италіянской литературныхъ школъ. Нерѣдко этотъ дуализмъ отношеній и стремленій совпадалъ въ условіяхъ времени и мѣста. Острова напр. и города далматинскіе хранили въ себѣ остатки стараго латинскаго населенія или служили пріютомъ новыхъ италіянскихъ колоній еще долго послѣ того, какъ материкъ и особенно деревня ославянились уже. Море давало странѣ колоритъ знойнаго запада въ то самое время, какъ горы дышали на нее прохладой свѣжаго востока.

Но эта — все еще не законченная — борьба стихій и контрастовъ была бы по истинѣ безотрадна, если бы въ ней не вырабатывалось постепенно новое, высшее единство. Оно выражается въ постепенномъ торжествѣ горъ надъ моремъ, грекославянскаго востока надъ романогерманскимъ западомъ.

Въ области литературной это торжество ранѣе всего выразилось въ языкѣ. Въ XV и XVI вв. рядомъ съ сочиненіями латинскими и

италіянскими стали все чаще и чаще появляться въ Далмаціи литературныя, особенно поэтическія произведенія на славянскомъ языкѣ. Это установило хоть внѣшнюю связь далматинской литературы съ сосѣднею сербскою, особенно же съ народною словесностью. Слѣды ея вліянія на далматинскую лирику, а отчасти и эпосъ отражаются уже въ первыхъ произведеніяхъ дубровницкихъ, сплѣтскихъ и т. д. писателей и идутъ возрастая до XVIII в., гдѣ самымъ высшимъ и блестящимъ отраженіемъ этого вліянія являются литературныя произведенія Андрея Качича-Міошича.

Но не одинъ языкъ, не однѣ формы, пріемы и колоритъ поэтическаго изображенія Далматинцевъ отражаютъ въ себѣ вліяніе поэзіи сербской. Понемногу проникаютъ оттуда и идеи, то явныя, то затаенныя стремленія и чаянія Сербовъ въ отношеніяхъ общественномъ, религіозномъ и политическомъ; развивается сознаніе общности происхожденія, судебъ, задачъ всего южнаго Славянства, а съ нимъ и западнаго и наконецъ восточнаго.

Научнымъ выраженіемъ этой постепенно назрѣвающей идеи племеннаго единства Славянъ является всеславянская исторія (Il regno degli Slavi, 1601 г.) Мавра Орбини; первымъ же поэтическимъ ея отраженіемъ служитъ «Османъ» Гундулича, гдѣ довольно рельефно выдвигается мысль о солидарности славянскихъ задачъ и интересовъ, живымъ представителемъ и средоточіемъ которыхъ признается Польша. Во второй половинѣ XVII вѣка ратовалъ и даже пострадалъ за ту же идею хорватскій ксендзъ Юрій Крижаничъ; въ началѣ же XVIII в. она нашла себѣ поэтическое выраженіе въ дидактической поэмѣ «Богатство и убожество» мало извѣстнаго и полузабытаго далматинскаго писателя Іеронима Каваньина.

Хорватскіе ученые мало обращаютъ вниманія на Каваньина, котораго панславистическихъ воззрѣній они не могутъ раздѣлять, особенно въ печатномъ изложеніи; но отчего бы не заняться русскимъ славистамъ этимъ замѣчательнымъ далматинцемъ, который съ такимъ одушевленіемъ писалъ о Славянствѣ, особенно же о Россіи?

Чтобы хоть нѣсколько восполнить этотъ пробѣлъ въ славянской исторической литературѣ, составленъ авторомъ предлагаемый очеркъ взглядовъ Каваньина на Славянство, какъ одно племенное и историческое цѣлое. Матеріалы заимствованы исключительно почти изъ его

поэмы «Bogatstvo i ubožtvo», изданной въ 1861 г. въ Загребѣ г. Кукулевичемъ, съ приложеніемъ нѣкоторыхъ біографическихъ свѣдѣній объ авторѣ поэмы, заимствованныхъ издателемъ, вѣроятно, изъ рукописнаго словаря далматинскихъ писателей С. Червича.

Не лишено значенія то обстоятельство, что Каваньинъ, этотъ открытый панславистъ, былъ итальянскаго происхожденія (Caballini). Существовали, значитъ, въ Далмаціи стараго времени такія общественныя силы, которыя претворяли въ Славянъ даже италіянскихъ пришельцевъ! Едва ли не главную роль играли при этомъ женщины, которымъ въ Дубровникѣ запрещено даже было учиться по итальянски. Возможно, что нѣчто аналогичное существовало и въ Сплѣтѣ, гдѣ родился (1640 г.) и выросъ нашъ Каваньинъ. Высшее образованіе получилъ онъ въ Падуанскомъ университетѣ, которымъ удостоенъ былъ въ 1669 г. ученой степени доктора правъ. Возвратясь на родину, Каваньинъ занималъ нѣкоторое время должность преподавателя юридическихъ наукъ въ Задрской коллегіи, а затѣмъ служилъ въ родномъ Сплѣтѣ въ званіи юрисконсульта мѣстной архіепископіи. Происходя изъ властельскаго сословія, Каваньинъ легко нашелъ доступъ въ городское вѣче Сплѣта и нѣкоторое время занималъ должность старшаго городскаго судьи. Авторитетъ этого образованнаго юриста былъ столь великъ, что и сосѣдній городъ Трогиръ причислилъ его къ своему властельскому сословію. Изъ другихъ событій общественной жизни Каваньина мы знаемъ лишь то, что онъ присутствовалъ при битвѣ Сербовъ съ Турками у г. Новаго (Custelnuovo) въ 1687 г. и участвовалъ въ торжествѣ перенесенія въ г. Трогиръ мощей епископа Ивана Трогирскаго въ 1681 г. Семейныя отношенія Каваньина были не особенно счастливы. Смерть рано лишила его жены (первой), четырехъ братьевъ и троихъ сыновей. Наслѣдникомъ его славнаго имени сдѣлался зять, Иванъ Каугросовичъ-Каваньинъ, котораго потомки и донынѣ живутъ въ Сплѣтѣ. Послѣдніе годы своей жизни Каваньинъ провелъ въ сельскомъ уединеніи, раздѣляя время между занятіями хозяйственными и литературными. Умеръ онъ въ глубокой старости (на 74 г.) въ 1714 г.

О литературной дѣятельности Каваньина сохранилось мало свѣдѣній. Мы знаемъ, что онъ писалъ въ молодости эротическія пѣсни и

дидактическія стихотворенія, но все это погибло или не найдено еще. Извѣстны пока лишь два его сочиненія, изъ коихъ одно писано по итальянски, подъ заглавіемъ: Informazione circa Spalato a la chiesa metropolitana; другое же по-сербски подъ заглавіемъ: Povist vangelska bogatoga a nesrećna Epulouna i ubogoga a čestita Lazara iliti od štete bogastva a koristi ubožtva, velopjesna... prigodno razdiljena u triest pievanjah, т. е. Евангельская притча о богатомъ и несчастномъ Епулоунѣ съ одной стороны, о бѣдномъ, но честномъ Лазарѣ съ другой, или о вредѣ богатства и пользѣ убожества, поэма... раздѣленная для удобства на 30 пѣсенъ.

Оставляя въ сторонѣ итальянское «Разысканіе» Каваньина «о Сплѣтѣ и его метрополичьей церкви», которое къ тому же и не издано, насколько мнѣ извѣстно, мы остановимся нѣсколько на сербской его поэмѣ, которую, согласно съ издателемъ г. Кукулевичемъ, будемъ называть для краткости: «О богатствѣ и убожествѣ».

Поэма эта написана Каваньиномъ въ послѣдніе годы его жизни, приблизительно въ 1710—1711 гг., какъ видно изъ нѣкоторыхъ подробностей ея содержанія. По объему она занимаетъ чуть ли не первое мѣсто между поэтическими произведеніями Далматинцевъ, такъ какъ заключаетъ въ 30 пѣсняхъ, по счисленію Кукулевича, 5443 шестистишныхъ строфъ, т. е. 32,658 стиховъ, составленныхъ 4-стопнымъ хореемъ. Планъ этой огромной поэмы не особенно ясенъ, а смыслъ отдѣльныхъ мѣстъ нерѣдко затемненъ то недостатками стиля, то ошибками переписчика той копіи, по которой издана поэма Кукулевичемъ. Все-таки мы можемъ въ общихъ чертахъ понять мысли и намѣренія Каваньина, которыми онъ руководился при составленіи своей дидактической поэмы «О богатствѣ и убожествѣ», а потому имѣемъ право и по этому неудовлетворительному изданію представить характеристику взглядовъ автора на Славянство вообще, а Россію въ частности.

Общее содержаніе поэмы Каваньина, насколько можно судить при бѣгломъ съ нею ознакомленіи, слѣдующее. Въ первыхъ пяти пѣсняхъ излагаются мысли автора о вредѣ богатства, какъ источника изнѣженности, обжорства, блудодѣянія и остальныхъ смертныхъ грѣховъ, съ одной стороны, а о пользѣ убожества и простой сельской жизни—съ другой. Въ слѣдующихъ одиннадцати пѣсняхъ (6—16) выводятся славные люди древняго, стараго и новаго времени въ Сплѣтѣ и дру-

гихъ далматинскихъ городахъ и островахъ, затѣмъ въ Венеціи (XI пѣсня), древнемъ Иллирикѣ, въ странахъ сербскихъ, болгарскихъ, угорскихъ, чешскихъ, польскихъ, русскихъ (XIII п.); о славныхъ славянкахъ; о папахъ славянскаго происхожденія; о гербахъ славянскихъ областей (XIV п.); о святыхъ славянскаго происхожденія (XV п.), о мощахъ и другихъ святыняхъ славянскихъ земель (XVI п.). Пѣсни 17—19 посвящены разсужденіямъ о вѣрѣ, надеждѣ и любви; объ истинѣ, воздержаніи и твердости; о мудрости и терпѣніи; о значеніи монашества и славѣ іезуитскаго ордена. Въ пѣсняхъ 20—24 находимъ описаніе адскихъ мукъ грѣшниковъ, а въ слѣдующихъ затѣмъ 25—30 изображеніе звѣзднаго міра, какъ пребыванія праведныхъ ангеловъ и самаго Бога, котораго свойства исчисляются въ 29-ой, а страшный судъ рисуется въ 30-ой пѣснѣ.

Уже изъ этого перечня темъ отдѣльныхъ пѣсенъ поэмы видно, что она не имѣетъ строгаго единства и непрерывности эпическаго дѣйствія. Богатый и бѣдный, въ которыхъ мы должны видѣть главныхъ героевъ этой оригинальной эпопеи, лишь изрѣдка выходятъ на сцену и то какъ отвлеченные типы, а не живые характеры. Образы и картины лишь кой гдѣ мелькаютъ тутъ на сплошномъ фонѣ сентенцій, нанизанныхъ на евангельскую притчу о богатомъ и Лазарѣ, почему поэма эта должна быть отнесена къ дидактическому роду. Она не лишена поэтическихъ достоинствъ въ частностяхъ; но не ими опредѣляется ея историческое значеніе. Она важна по заключенному въ ней матеріалу для далматинской исторіи и этнографіи. Насъ же интересуетъ она теперь исключительно какъ источникъ для изученія тѣхъ взглядовъ на Славянство въ его прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ, до которыхъ додумались передовые Далматинцы XVII-аго и начала XVIII-аго вѣка.

Каваньинъ не считалъ Далматинцевъ какимъ либо отрѣзаннымъ ломтемъ или самостоятельнымъ членомъ въ средѣ окружающихъ народовъ; наоборотъ, онъ ясно сознавалъ, что они одинъ изъ побѣговъ иллирской вѣтви великаго славянскаго дерева.

Понятіе о Славянствѣ, какъ одномъ племенномъ цѣломъ, выражается во многихъ мѣстахъ поэмы «О богатствѣ и убожествѣ»; приведу лишь самыя рѣзкія изъ нихъ.

Каваньинъ упоминаетъ «старую мать слова» или праматушку Славянъ, которая сидѣла де на берегахъ Дуная:

XIV, 58. Po pàržini kraj Dunaja,
Gdino 'e stara mati Slova;

упоминаетъ и «благородное славянское племя, извѣстное всему міру»:

XIII, 3. Plemenito Slavsko pleme
Tko 'e da nezna na sém svieti?

говоритъ о радости «славянской братьи» при совершеніи славянской литургіи:

VI, 71. I u tielo sekruh obratja,
Nek su utiešna Slavska bratja.

Св. Меѳодія онъ называетъ «епископомъ славянской земли»:

XV, 17. Metod... biskup zemlje Slave.

Встрѣчается въ поэмѣ даже терминъ: «славянскій міръ», въ слѣдующемъ напримѣръ обращеніи автора къ Венеціи:

XI, 2. Blago rači darovati
Milost, da te i ja mogu
Slavskom svietu pokazati,
Ko sam dàržan po razlogu.

Территорія этой «славянской братьи» простирается, по Каваньину, «отъ моря Балтійскаго до Іоническаго» и «отъ пояса холоднаго до жаркаго»:

XIII, 240 сл. Narod, koji nadoloži
Sebi svoje tóke ruke...
Da od mora baltiskoga
Gospodova do jonskoga...
S pod pojasa ledenita...
Do pojasa vrutenita.

Исчисляя славянскія рѣки, онъ поименовываетъ не югославянскія лишь, но и рѣки балтійской и черноморской системъ:

XIII, 248. Dunaj, Visla, Sava, Drava,
Nieper, Niester, Volga, Varna,
Krupa, Tisa, Prut, Morava,
Oder, Raba, Dřina, Tana,
Vitoš mrazni (?), Kunovica (?),
Don, Neretva i Marica.

Нѣсколько ниже Славянству присваиваются три моря:

XIII, 249. Preko slavskih naših gora'
Tóke slave na tri mora.

Упоминается наконецъ въ поэмѣ и «вила славянская», пребывающая въ лѣсахъ Которскихъ:

IX, 33. . . . . vila Slava
Kotoraške povàrh gore.

Лишь изрѣдка употребляетъ Каваньинъ терминъ «Slovine» въ болѣе узкомъ смыслѣ, въ отношеніи къ Хорватамъ-глаголитамъ:

VI, 105. Duhovnike s njima ine
I Latine i Slovine.

Каваньинъ не упускаетъ случая и въ историческихъ иносказаніяхъ выразить мысль о племенномъ единствѣ Славянъ южныхъ, западныхъ и восточныхъ. Такъ мы находимъ и у него воспроизведеніе извѣстнаго этимологическаго миѳа о братьяхъ Чехѣ, Лѣхѣ и Русѣ, вышедшихъ, по мнѣнію Каваньина, изъ Далмаціи, слѣдовательно ближайшихъ родичей и какъ бы колонистовъ сербохорватскихъ:

XIII, 97 сл. Čeh, Leh, Rus, tri brata mlada
Dalmatinska. . .
Sastaviše tri kralije:
Pàrvi Boemsku, to jest Česku,
Rusku drugi, sad Moskove,
Treti odabra krunu Lešku.

Переходя затѣмъ отъ родоваго понятія о Славянствѣ къ отдѣльнымъ его вѣтвямъ, мы видимъ, что на первомъ планѣ стоятъ у Каваньина, конечно, Славяне далматинскіе; за ними слѣдуютъ другія сербохорватскія отрасли; далѣе Болгары, Чехо-Моравaне, Поляки, а наконецъ—въ отдаленной, но все еще довольно ясно освѣщенной перспективѣ— Славяно-русскіе или Московиты.

Родство всѣхъ вѣтвей сербо-хорватскаго племени было фактомъ столь очевиднымъ и общеизвѣстнымъ, что не нуждалось въ доказательствахъ; спорнымъ могъ представляться развѣ источникъ этого родства. Каваньинъ, какъ и многіе его предшественники и послѣдователи, вплоть до недавняго времени, выводилъ свой народъ изъ древнихъ Иллировъ, славянство которыхъ представлялось несомнѣннымъ.

Такъ какъ по классическимъ миѳамъ не только Ахиллъ, но и самъ

Марсъ приводятся въ извѣстное соотношеніе съ Иллирами, то Каваньинъ не колеблется причислить обоихъ къ Славянамъ по происхожденію или мѣсту рожденія:

XIII, 237. Sin Ilira snažni Akile
I Mart isti, bog od boja,
Jesu naše kàrvi sile,
Slavske i slavne obadvoja.

XII, 203. Mart, hrabreni bog od boja
Meju Slavi ki se radi.

На аналогичныхъ основаніяхъ причисляетъ авторъ къ Славянамъ: Филиппа Македонскаго, Александра Великаго, Пирра (XII, 130 сл.), Константина Великаго (XIII, 214) и нѣкоторыхъ другихъ героевъ древняго и стараго времени.

Въ какомъ широкомъ смыслѣ понималъ Каваньинъ термины: Иллиръ, Иллирикъ, видно изъ слѣдующаго мѣста, гдѣ его границами являются Черное море на югѣ, а Балтійское на сѣверѣ:

XII, 42 сл. A hercegoh i županah
Iliriskih kamo starih?...
Do iztoka ki se steru
I u Càrno more udieru;
Ki pružiše svoje skoke
I rieč svoju do Baltika...
I po druzieh stranah svieta
Sjá im jedros mudra svieta.

Въ этомъ мѣстѣ слово «Иллиръ» понято почти какъ синонимъ «Славянинъ»; иначе какъ объяснить распространеніе ихъ области не только до Чернаго, но и Балтійскаго моря, куда настоящіе Иллиры никогда не простирались, даже при включеніи въ ихъ число и Ѳракійцевъ?

Замѣчательно, что и Готовъ нашъ авторъ причисляетъ къ Славянамъ, потому ли, что смѣшалъ ихъ съ родичами Иллировъ Гетами, или для объясненія быстраго ославяненія Готовъ далматинскихъ. Вотъ это мѣсто:

VII, 35. Slavi i Goti da su puci
Svi sjeverski, jednoruci;
Jedne viere i naravi
I jednoga svi jezika.

Не на аналогичномъ ли основаніи Каваньинъ причисляетъ мимоходомъ къ Славянамъ и Датчанъ со Шведами, помѣщая напр. въ списокъ святыхъ славянскаго происхожденія Канута датскаго, Эрика шведскаго и др.

XV, 81 сл. Svet Kanuto, kralj Daneški,
Kvintian, ruski stadnik teški...
Čelnik Dački svet Niceto,
I Auskarij drugi Šveski...
Sveti Erik, kralj mučeni,
Šveske zemlje omrazene...
Gdi pobrojih i ostale
Slavne kralje naše ruke.

Болгары выводятся обыкновенно въ поэмѣ рядомъ съ Сербами, какъ ихъ ближайшіе соплеменники, но кой гдѣ выступаютъ и въ отдѣльности, особенно въ государственномъ отношеніи. Замѣтно впрочемъ, что Каваньинъ имѣлъ довольно смутное представленіе о событіяхъ и дѣятеляхъ болгарской исторіи. Такъ въ нижеслѣдующемъ мѣстѣ очень своеобразно сгруппированы важнѣйшіе болгарскіе государи:

XIII, 91. Bugri kriepci, slavokruni,
Jasen, Boriš, Miho, Orbato (?),
Samuel, Petri i Šimuni.

Имѣлъ Каваньинъ кое-какія свѣдѣнія и по политической исторіи Чеховъ. Онъ зналъ объ ихъ старой борьбѣ съ Нѣмцами и о позднѣйшемъ съ ними примиреніи:

XIII, 104 сл. Česki kralji hrabri i sviti
Za Rujerom ki sedihu....
Tóke slavne boje bihu,
Jer ih Nemci već ne taru,
Verni izhode svom' cesaru.

Рядъ чешскихъ государей не особенно ясно напечатлѣлся въ памяти далматинскаго писателя:

XIII, 106. Otokari, Venceslavi,
I Hedvige i Gertruda,
Kralji jaci, jakno Slavi,...
Podiebradci...

Замѣчательно, что Святополка велико-моравскаго Каваньинъ считаетъ тутъ не далматинцемъ:

XII, 153. Kralj Svetopelk, ki na polju
Delmanskomu kàrst prijavši,
Dalmatinom srieću bolju,
Càrkvenikom vlast podavši...

Отношеніемъ къ Чехамъ слѣдуетъ, кажется, объяснять и мнимое славянство, приписываемое Каваньиномъ императорамъ: Карлу IV Сигизмунду и Вячеславу Люксембургскимъ (XIII, 214).

За Чехами слѣдуютъ и у нашего автора Поляки, на которыхъ въ XVII в. обращены были глаза и надежды Югославянъ, какъ это видно и изъ «Османа». Каваньинъ ни мало не сомнѣвается въ славянизмѣ Ляховъ и имѣетъ нѣкоторое понятіе о ихъ древнихъ и новыхъ короляхъ, вплоть до Ивана Собѣскаго:

XIII, 132 сл. Kralj poljaški kamo pàrvi
Mičeslao....
Iageloni, Stanislavi (?),
Leši, Kazmiri i Šišmani...
Vladislava kraljevicá...
Šišmund...
Sva poljaška s nim gospoda...
Druzi jaci kralji Leški,
Živi zaklon od kàrstjanah,
Slavni Ivaniš Sobieski,
Ki množiju od poganah
Pod cesarskim razbi Bečem.

Вслѣдъ засимъ (стр. 139—157) сообщаются нѣкоторыя подробности объ освобожденіи Вѣны отъ Турокъ въ 1683 г., которыя авторъ могъ заимствовать изъ поэмы: Oslobodjenje Beča od Turčina, написанной Петромъ Канавеличемъ.

При исчисленіи святыхъ славянскаго происхожденія приводятся нѣкоторыя польки, напр.

XV, 61. Ginga uzvišna i blažena...
Boleslava buduć žena...
I na molbe ke dopusti

Dà Bog dobit svim Poljarom,
Suproč Rusom i Tataróm.

Здѣсь какъ будто прославляются побѣды Поляковъ не только въ войнахъ съ Татарами, но и съ Москвою.

Особенно высоко ставилъ Каваньинъ изъ польскихъ королей Людовика Великаго, соединившаго временно Польшу съ Угріей и Хорватіей:

XIII, 121. Lauš koji zagàrljenu
Na štit dàrža s Vislom Savu
I dostojno narešenu
Dvima krunam'ma glavu,
I Budinu i Krakovu
Gdi još bojna diela slovu.

Главною заслугою Поляковъ Каваньинъ считалъ отраженіе Турокъ:

XIII, 96. Leški kralji ki se oprihu
Otmaniću na ravnicah.

Потому-то хвалитъ Каваньинъ своего земляка и пріятеля Канавелича за стихотворное прославленіе Собѣсскаго:

IX, 39. Kanavelić...
...privede na visoke
Slave i dike neumàrle
Cieća Beća branjenoga
Kralja Ivana poljaćkoga.

Не нравится лишь нашему автору въ Полякахъ ихъ олигархическое и даже анархическое правленіе:

XIII, 164. Nemoj imat tóke sude,
Kolike imaš plemske glave.

Разочарованіе, произведенное въ Югославянахъ картиною польской анархіи, было, кажется, одною изъ причинъ, по которой они обращаютъ со второй половины XVII в. свои взоры на отдаленную Москву, смутно предчувствуя грядущее оттуда освобожденіе южнаго Славянства.

Такъ и Каваньинъ посвятилъ Россіи въ XIII пѣснѣ цѣлый рядъ строфъ, воспѣвающихъ ея древнихъ государей и съ особенной любовью останавливающихся на величавомъ образѣ Петра Великаго.

По особенной важности этого мѣста поэмы для цѣлей настоящей статьи, мы позволимъ себѣ представить его цѣликомъ въ русскомъ переводѣ, параллельно съ оригинальнымъ текстомъ подъ строкой. Считаемъ впрочемъ необходимымъ оговориться, что многія мѣста отрывка не ясны и допускаютъ различное пониманіе. Такія мѣста отмѣчены въ переводѣ вставочными вопросительными знаками. Арабскими же цифрами отмѣчена послѣдовательность строфъ въ XIII пѣснѣ поэмы.

166. «Не стану я разсказывать про древняго Руса, который, усиливъ свои владѣнія (?), захотѣлъ управлять самодержавно (?) и учредилъ царство; онъ былъ славой далматинской державы въ средѣ другихъ Славянъ.

167. Не стану говорить и про Ольгу, которая нагрянула на убійцъ своего мужа и, чтобы отомстить его раны, живымъ огнемъ пожгла и попалила всѣхъ несчастныхъ Древлянъ.

168. Не стану говорить и о тѣхъ, подъ чьимъ управленьемъ открылась новая земля у сѣвернаго моря (?) и столько народовъ подчинило своей власти (?) — то въ бояхъ, то мирно — великое, неизмѣримое царство.

169. Не стану говорить про мудраго и сильнаго Ивана, о которомъ Луканъ разсказываетъ съ похвалою, а равно про его наслѣдниковъ, прославленныхъ вилами, побѣдителей хановъ татарскихъ, покорителей Болгаръ, Казани, Астрахани.

170. Не буду вспоминать Ивановъ и Василіевъ, съ ихъ боярами,—

---

166. Davna Rusa ni 'e mi pravljat,
Ki vladanje tu zastavi,
Veličanstvom ki se upravljat
Hoti, i carstvo tu napravi;
Slava me 'u ine Slave
Dalmatinske od dàržave.

167. Olgu néću, ká navali
Cieća muža ubivena,
Ter požeže i popali
Živim ognjem učinjena,
Da osveti njega rane,
Sve nesrećne Dreveljane.

168. Pod kima se zemlja nova
U sieviersko mere otvori,
I toliko imenova
Svoje vlasti nagovori,
Velo carstvo neizmirno,
Kad u boju, kada mirno.

169. Ne Ivana mudra i jaka,
Koga hvaleč Lukan pravi,
Ni poslédnje one paka,
Vil glasnica kojih slavi,
Ki dobiše Tatrih kane,
Bugar, Kazan, Astrakane.

170. Nije Ivane i Vasilje
Spominjati al njih predne,
Prikazaše jer pravilje
Te takove cari vredne,
I kad hoče, svak ih ima
U kartijah pred očima.

царей законодателей (?), о которыхъ желающіе могутъ прочитать въ хартіяхъ.

171. Миную и отличнаго царя Василія, который чрезъ посла Димитрія Герасимова хлопоталъ о соединеніи церквей греческой съ римскою, съ милостивымъ отцемъ папою, царственнымъ теперь какъ и всегда (?).

172. Миную Димитріевъ, Гавріиловъ (?), Ѳеодоровъ, Борисовъ, Шуйскихъ, Михаиловъ, Ѳеодоровичей, Михайловичей, которые разгромили Татаръ и Ляховъ и сдѣлали ихъ своими данниками.

173. Миную и тѣхъ, которые возсоединили со своими владѣніями государство Новгородское, неправедно отнятое было Шведомъ, которые заняли (Мало)Россію, Рязань, Смоленскъ и самую Казань.

174. Но слѣдуетъ мнѣ теперь воспѣть Петра Великаго, образцоваго сына Алексѣева, который уже въ молодости прославился, занявъ царскій престолъ послѣ брата.

175. Какъ орелъ, парящій на высотѣ, озирая свои владѣнія, стремглавъ бросается онъ на иновѣрныхъ королей-грабителей, когтями и клювомъ срывая съ нихъ вѣнцы.

176. Такъ еще недавно сбилъ онъ вмѣстѣ съ вѣнцомъ наглое нахальство короля шведскаго, побѣдивъ и унизивъ его въ апогеѣ гордости; преслѣдуемый царемъ, король съ трудомъ добѣжалъ до Турціи.

---

171. Vàrstna kralja Basiljia,
Poklisarstvom koj radio
Demetria Erasmia,
Da bi kako Garčku skladio
S rimskom càrkvom, otcem laska,
Papa carom sve i danaska.

172. Demetrie, Gabrijile,
Feodore al Boriće,
Zojtke ali Mihovile,
Federove, Mikloviće,
Tatre i Lehe koji pobihu
I na harač podložihu.

173. Koji banstvo Novograda
Opet sebi privazeše,
Er nepravo sried prigoda'
Švek ga sebi vazeo bieše;
Preoteše Rusiu, Razan,
I Smolensko i isti Kazan.

174. Neg' jè meni davoriti
Sad od Petra velikoga,
Ki 'e plod velmi uzoriti
Alesija otca svoga,
I ki od mlada car proslavljen
Bi na bratov stol postavljen.

175. Bistri oró s 'te visine
Koji gleda svoja stanja,
I kad kralji viere ine
Gredu ih grabit prez kàrzmanja
S nohti i s kljunom na njih sune,
Čim im svàrže iste krune.

176. Jakno i skoro kralju Šveku
U najvećoj svoj ponosi
Strese s krunom naglos prieku
I nadjača i prikosi;
I kad kralja hti da stiže
Jedva Turkom sam pobiže.

177. Милостивый побѣдитель предложилъ королю мирно возвратиться домой изъ Турціи (?); но тотъ не довѣрился царю, усомнившись въ его словѣ, которому однако царь не измѣнилъ еще въ жизни, даже въ отношеніяхъ къ простымъ людямъ (?).

178. Потому-то объявилъ онъ (Петръ Великій) войну царю востока, пріютившему короля (Карла XII), и снаряжаетъ войска для нападенія на его высокій престолъ, думая излѣчить волка, повыдергавъ съ него щетины (?).

179. Нѣтъ, думаю, живой души, которая могла бы съ нимъ соперничать; мудрость и сила въ немъ пребываютъ; всѣ добродѣтели въ немъ соединены; его слава уже носится по всѣмъ странамъ свѣта.

180. Одаренный всѣми геройскими (?) царственными свойствами, онъ шлетъ своихъ Стрѣльцовъ и Москалей на пораженіе проклятаго турчина. Вѣдь извѣстно, что не къ добру раздѣленіе на землѣ власти между двумя царями.

181. Ужъ если ты, Государь, разсорился съ другимъ царемъ, такъ отправляй на него смѣлыя войска, вынимай свою острую саблю и не влагай ея въ ножны, доколѣ не заточишь его въ темницу;

182. доколѣ не поработишь себѣ жестокаго насильника; доколѣ не сорвешь съ него вѣнца, похищеннаго насиліемъ и безспорно принадлежащаго тебѣ (?).

183. Непреклонна твоя воля и величественно рѣшеніе, чтобы сверженный съ престола турчинъ на вѣки подавился тетивою лука и чтобы одно осталось дорогое царство, какъ одно солнце.

---

177. Koga na dom da vratja se
Mio dobitnik zva u miru
Turak', al' s nim neufa se,
I potlači njega viru,
Ka na manje u životu
Svo'em ne dodje ni priprostu.

178. Zatoj caru od istoka,
Ki ga primi, rat zameće,
I priestolja put visoka
Radi vojskom da svom kreće,
Da se dlakom vuka lieči,
Pokle ga u tom vuk ugrieči.

179. Nije, scienim, duha živa,
Ki se takmit njemu more,
Mudros, jakos s nijm pribiva,
Sve krieposti zanj govore;
I glas njegov već prihita
Svekolike kraje svita.

180. Imajući viteoske
Sve načine jasna cara,
Svoje Strelce šlje i Moske,
Da Turčina kleta obara;
Znato 'e da vlast carih dvije'
Viek na zemlji dobra nije.

181. Jur kad već si, Gospodine,
S drugim carom u zavadi,
Šlji na njega vojske smine,
Britku i sablju tvu izvadi,
Nit' je meći u nožnicu,
Čim ne baciš ga u tamnicu.

182. Čim nemili si oni plienac
Ne učini se, da ti rabi;
Čim ne struniš njemu vienac,
Svom nepravdom ki ugrabi,
I koj tebi stari' boka'
Pristoji se brez pritoka.

184. Не можетъ быть велика та рѣка, которая дѣлится на два колѣна; да прояснится отъ облаковъ твоя свѣтлость и да не помрачаютъ чужія свѣтила твоего солнечнаго блеска.

185. Иди по слѣдамъ крестоносцевъ (?), чтобы свергнуть на востокѣ Магомета; твоимъ мечемъ да обагрится темный мѣсяцъ, который донынѣ помрачаетъ сіяніе креста (?) и блескъ твоего солнца.

186. Да не туманитъ онъ болѣе своимъ мерцаніемъ (?) небесной лазури; да не возмущаетъ морей, не колеблетъ міра изъ своихъ укрѣпленныхъ позицій (?); да не обманываетъ онъ болѣе народовъ и не пригвождаетъ ихъ ко крестамъ.

187. Твои бояре, твои народы низвергнутъ Османовича; славная добыча у тебя въ рукахъ и кругомъ давно уже носится молва (?), что тебѣ быть восточнымъ царемъ.

188. Вижу молодого твоего сына Алексѣя, какъ онъ вьется на борзомъ конѣ; въ сіяніи и славѣ, быстро онъ мчится (?), чтобы поразить ядовитаго змѣя; ни вѣтеръ, ни птица не опередитъ его въ стремительномъ бѣгѣ.

189. Иди, иди, тебѣ тѣсенъ льдистый край; твое величіе показываетъ (?), что ты царь прирожденный; да падетъ царство злаго турчина и да утвердится твой престолъ въ сильномъ Стамбулѣ.

---

183. Stanovita 'e tvoja volja,
I uzmnožna tva odluka,
Da već za uviek van prestolja
Tetivom se davi od luka
Turčin, i ko sunce jedno
Jedno i carstvo bude vriedno.

184. Viek golema ricka nije,
Kà s' razstaje u dva traka,
Tvá vedrina čin' najprije,
Da osvane brez oblaka',
Pak ne pusti da zdrak ini
Tvojem suncu svietlos hini.

185. Na kàrstjanski put se stavi,
Da s istoka Mahumeta
Baciš, i tvoj mač kàrvavi
Tamni miesec, koji smeta
Dosle zori kàrst od časti
I tvom' suncu samom' sjasti.

186. Da jasninu od nebesa'
Svojom zviezdom več ne càrni,
Mora smutja, sviet ne stresa,
Stojeć silnoj u obarni,
Da ne slaga puke jače,
I na križe njih ne tlače.

187. Tvoji bojari, tvoji puci
Povalit će Otmanića,
Slavodobit tva ti 'e u ruci,
A vàrh tebe, tebi srića,
Ka ti od davna htie slutiti,
Da i istočni car ćeš biti.

188. Vidju Alesia sinka mlada,
Gdi ognjenim konjem vije,
Svitao, u slavi, bàrže klada,
Zmiju otrovnu da probije:
Niedan vietar, niedna ptica
Hitri tek mu nepritica.

189. Sliedi, sliedi, kraj ledeni
Tiesan ti je, tva vlast mnoga
Hoće, da s' ti car rodjeni,
A Turčina carstvo zloga
Pade, i u Stambul gradu jaku
Da stol kladeš i ožaku.

190. Пусть и нашъ вѣкъ увидитъ подъ славнымъ твоимъ водительствомъ то, что видѣли вѣка старые: два свѣтлыхъ солнца — тебя и единственнаго сына — на чистомъ небѣ.

191. Одна часть свѣта не даетъ простора твоему всемогуществу; итакъ нагрянь въ славномъ боѣ на Азію, чтобы поразить султана и возвратить его въ состояніе конюха, посбивъ оба рога его мѣсяцу (?).

192. Залитые луннымъ свѣтомъ, безмятежно дремлютъ магометовы сады (?): двинься же на нихъ со своимъ стягомъ и толпою витязей; пусть покроются они густымъ мракомъ и поникнутъ передъ твоими знаменами.

193. Нѣтъ уже нынѣ тѣхъ пламенныхъ янычаръ, которыхъ рука была столь могуча и которые служили твердой и пылкой охраной восточнаго царя; разучились они уже умирать за него съ надеждою наслѣдовать жизнь вѣчную.

194. Благородные спахоляне уже не кажутся губительными волками, а развѣ слабыми волченятами, которые невѣрны и своимъ; уже не струится изъ нихъ кровь изъ за тяжелыхъ сандаліевъ (?).

195. Уже не смотрятъ на него (султана) дервиши, своевольничаютъ муллы и муфти, не кланяются ходжи и улемы, но первые отъ него отрекаются; при такихъ условіяхъ достаточно малѣйшаго возмущенія, чтобы тотчасъ свергнуть его.

196. Лишь по трусости становятся подъ его знамена крымцы и ханъ татарскій; лишь изъ кровожадной алчности идутъ съ нимъ на войну каймакамы съ капиджами, беглербегами, кадлескерами и алайбегами.

---

190. Neka i naša vide doba
Poda slavnom tvom udesu
Dupla sunca, svietla oba,
Ko i stara vidila su,
Što s' ti sada i tvoj jedini
Sin, dva sunca u vedrini.

191. Svemogućtvu vidim tvojem'
Da sviet jedan dosta nije,
Tieraj dakle slavnim bojem
U Aziju, čim se zbije
Sultan, i opet konjuh càrni
Bud', a miesec oba skàrni.

192. Mahumetski gaj podpuni
Zdrakom, ne vietri od mieseca,
S tvojim se stiegom jur nanj suni
I tvoih kitom od viteza'
Strašni mrak ga da dopade,
Čim pred tvoim stiegom pade.

193. Nije ognjenih janjičara',
Kih desnica bi moguća,
I iztočnoga koji cara
Bihu brana tvàrda i vruća;
Već za njega nisu obični
Mriet, za imat život vični.

194. Spaholjani plemeniti
Već pogibni vuci nisu,
Nego lihi vukoviti,
Ki nevierom nevierni su,
Već im od van kàrv ne kapa
Cieć tabanstva težcich štapa'.

195. Već dàrviši har neimaju,
Mule i mufti mazulu se,
Hodje i Ulami ne klanjaju,
Neg'mu pàrvi odmeću se;
Mala i buna tim je dosti,
Da ga svàrgnu u naglosti.

197. Тебѣ свыше предназначены драгоцѣнные трофеи; Пресвятая Дѣва пошлетъ, конечно, на помощь тебѣ своего Сына; собирайся же на священный бой: передъ тобой летитъ счастье.

198. Вотъ сидитъ райская дѣва, защитница Константинова града; вотъ и пресвѣтлые твои предки, которые славнымъ, всевластнымъ крестомъ охраняли царства: уповай на нихъ въ своемъ подвигѣ.

199 Иди же, премудрый и могущественный кесарь; воцарись надъ царями, утверди тамъ (въ Константинополѣ) свой наслѣдственный престолъ (?), завѣщавъ своимъ потомкамъ воскресить славу Константина.

200. Ты вѣдь знаешь, что Константинъ Великій былъ нашего рода, твоего племени; свой ликующій городъ завѣщалъ онъ тебѣ, дорогимъ крещенымъ душамъ, твоей милости, твоимъ народамъ, а не змѣямъ или волкамъ.

201. Тутъ средоточіе царственнаго величія и власти надъ цѣлымъ міромъ; пусть же возсядетъ на возвышенный престолъ вмѣсто него (турка) твоя свѣтлость, противъ которой безсильна (?) и морозная зима.

202. Золотой сѣверный орелъ, парящій превыше солнца! Пошли мнѣ своихъ перьевъ, если желаешь, чтобы хоть часть твоихъ доблестей была воспѣта мною по достоинству.

203. И ты услышишь, что нижайшій рабъ твоего величества со-

---

196. Prieko-Krimci i Tatar-kan
S nehrabrenstva s njim vojuje,
A s lakomstva kajimakan,
Da udavi, navaljuje
S kapidjiami i beglerbezi,
Kadleskieri i alajbezi.

197. Tebi' e s neba odrejena
Slavodobit mnoge scine,
Dieva mati šalje sina
Na tvu pomoč do istine;
Poteži se na boj sveti,
Er pred tobom srecá leti.

198. I prie rajska dieva siedi
Odvietnica Konstant-grada,
I prejasni tvoji diedi,
Slavnim križem, ki svud vlada,
Uzdàržaše cesarije,
U njih ufat i tebi je.

199. Čin', Cesare svih cesara'!
Ki s' premudar i svemoguć,
Da ti budeš car od cara',
Tu se ustoliš i u svem izuć
Da se ukažeš tvoima sini,
Nek s' još slave Kanstantini.

200. Znaš, Konstantin da bi veli
Naše ruke, tvoje trage,
On ti ostavi grad veseli,
Za kàrščene duše drage,
Za tvu milos, za tve puke,
Ne za zmaje, ne za vuke.

201. Tu cesarske izvàrsnosti
I vlast svieta svega ima,
Neka jasnost tve svietlosti,
Ku nedune mrazna zima,
Vàrh prestolja višnijega
Posadi se miešte njega.

202. Zlatni Orle od sievera,
Koi letiš sunca više,
Pošalj' meni tvoja pera,
Aku žudiś, da se piše
Tvoih posala' dio koji,
Ko dàržanstvu mo'em' dostoji.

203. Ter céš slišat, podniženi
Da rob tvoga visočanstva
Uvit Ti hoće svezeleni
Vienac svoga od pievanstva,
I pravljat' cé, steć u Splietu
Tvoje slave svemu svietu.

вьетъ тебѣ вѣчно-зеленѣющій вѣнокъ своихъ пѣсенъ и изъ Сплѣта станетъ возвѣщать всему міру твою славу».

Сверхъ приведенныхъ строфъ XIII-й пѣсни встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ поэмы отдѣльныя указанія на Русь, ея царей и дѣятелей. Такъ въ пѣснѣ VII, 144 упоминаются съ похвалою еп. Меѳодій Холмскій и Рафаилъ Левановичъ, заслужившіе признательность папы за содѣйствіе при исправленіи глаголическихъ богослужебныхъ книгъ:

Metod biskup od Holmije
Za'edno s otcem Rafaelem
Poizpraviše psaltir prije
Pak brevial pomniom cielom,
Kako ih papa pismom hvali
U početku od breviali.

Изъ политическихъ дѣятелей петровскаго круга поименованы Каваньиномъ находившіеся въ службѣ московскаго царя сербы: Милорадовичъ, Сава Владиславичъ и Наталичъ, изъ коихъ первый незадолго до написанія поэмы посѣтилъ Цетинье, а второй Дубровникъ:

VII, 243. Càrnogorci...
Prie pod Risan, a ono lani
Miloradom na Cetinje
Žgani....

X, 120. Vladislavić svietao Sava,
Sgodan sobnik velom' caru
Moskoviskom'...
Skoro od pape ki 'e sad dvoren,
Zlatokriži vitez stvoren.

ibid., 123. Nataliću Jero odšeta
Moskovskomu caru velom.

Итакъ изъ сопоставленія всѣхъ мѣстъ поэмы, относящихся къ Россіи, мы ясно видимъ, что, по представленіямъ Каваньина, въ отдаленной Москвѣ развивалась мало по малу такая сила, передъ которой должна поникнуть величавая прежде сила польская и на которую Югославянство можетъ и должно перенести свои надежды на болѣе или менѣе близкое освобожденіе отъ турецкаго ига. Въ царяхъ Москвы Каваньинъ видитъ прямыхъ и законныхъ преемниковъ императоровъ византійскихъ.

Замѣчательно то обстоятельство, что по представленіямъ нашего автора восточное царство обнимаетъ не одни лишь славянскіе народы, но и нѣкоторые другіе, связанные съ ними то кровными узами, то сосѣдствомъ размѣщенія, то общими историческими преданіями и культурными задачами. Къ числу такихъ народовъ восточнаго круга или, какъ мы теперь выражаемся, грекославянскаго типа, относятся, по взгляду Каваньина, сверхъ вышеизчисленныхъ еще Волохи, Угры, разные народы Европейской Турціи, а равно части Австріи и Венеціи. Всего нагляднѣе это выразилась въ пѣснѣ XIV-й, гдѣ авторъ описываетъ гербы тѣхъ областей, которыя представлялись ему примыкающими болѣе или менѣе по населенію, судьбамъ и задачамъ къ его родной Далмаціи. Вотъ эти области въ той своеобразной очереди, въ какой выводитъ ихъ на сцену нашъ авторъ, съ обозначеніемъ въ скобкахъ начальныхъ строфъ о каждой:

Иллирія (23), Венеція (32), Истрія (43), Хорватія (45), Ладомерія (Волынь? 56), Славонія (60), Паннонія (60), Угорщина (63), Австрія (67), Моравія (69), Богемія (70), Силезія (72), Далмація (74), Дубровникъ (80), Герцеговина (85), Босна (87), Срѣмъ (92), Сербія (94), Албанія (99), Эпиръ (101), Трибаллія (103) Расія (Стар. Сербія, 104), Дакія (105), Валахія (107), Молдавія (108), Трансильванія (109), Пруссія (? Boruska, 112), Польша, (114), Бессарабія (? 117), Македонія (119), Греція (122), Мизія (131), Русь (134), Болгарія (135), Дарданія (137), Румелія (139), Куманія (141), Московія (143), Скиѳія (150), Кандія (152) и Турція (154).

Должно впрочемъ оговориться, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поэмы мы встрѣчаемъ какъ будто противорѣчія изложеннымъ его взглядамъ на единство славянскаго и даже грекославянскаго міра и на гегемоническую въ немъ роль царя и царства московскаго. Такъ напр. одновременно съ призывомъ въ Константинополь царя московскаго Каваньинъ обращается съ подобными же надеждами къ царю западному, обладателю священной римской имперіи:

XI, 187. Svàrn' prilikom moe gospoje,
Niemški orle dvoglav moguć,
K Carigradu, krune dvoje
Pokle nosiš, tute izuć

Slavodobit tebe čeka,
Iztočni si cesar neka.

Строка это несомнѣнно противорѣчитъ своимъ содержаніемъ вышеприведенной 187-й строкѣ XIII-й пѣсни.

Въ этомъ колебаніи политическихъ взглядовъ и стремленій автора слѣдуетъ, кажется, видѣть отраженіе того дуализма воззрѣній, который вообще характеризуетъ стародалматинскую образованность и котораго источникъ обозначенъ выше, во вступительныхъ замѣчаніяхъ къ настоящей статьѣ.

Еще рѣзче отражается эта двойственность въ области вѣроисповѣдныхъ взглядовъ Каваньина.

Съ одной стороны онъ прославляетъ память свв. Кирилла и Меѳодія:

XV, 14. ...Ciril i Metodi
Stadničari Bogu ugodni..,
Ib. 17. Metod pastir od Morave,
Ki ćirilov brat nazva se,
I on je biskup zemlje Slave,
Kojè s kraljmi dovedoše
Na kàrst...

хвалитъ изобрѣтеніе славянскихъ письменъ и переводъ на славянскій языкъ священныхъ книгъ:

VI, 71. I Jerolim i Cirilo,
Koi slovnice dvie začeše,
Da u rieč našu rieči dilo
Neizrečeno izreče se,
I u tielo se kruh obratja,
Nek su utiešna Slavska bratja;

прославляетъ литургію на славянскомъ языкѣ:

VI, 73. I slovinske neka s mise
Naš liep jezik uzvisi se;

хвалитъ угорскаго епископа Драшковича за оборону на Триденскомъ соборѣ противъ нѣмцевъ причащенія подъ двумя видами (XIII, 110); помѣщаетъ въ числѣ славянскихъ святыхъ не только чешскихъ Вячеслава, Людмилу и Прокопа (XV, 64), но и сербскаго святителя

Саву (XV, 74); съ другой же стороны называетъ Римъ солнцемъ вселенной:

XI, 201. Rim je sunce, kó svim svieti
I jednako kriepi svude;

папу считаетъ источникомъ всякой власти:

IX, 71. Sami papa, ne vlast ina
Daje pečat od pàrvina'.
Papa kraljem, papa svima
Dieli miesta od poštenja...
XI, 205. Od njega su vlasti svake
I on cesarstvo diedom poda;

явно сочувствуетъ попыткамъ папы подчинить себѣ Москву:

VI, 89. Moskoviske kadno u strane
Sveti ćaćko biše odlučio
Njega [1]) poslat, jęda izvane
Puke s carom bi prikučio
Càrkvi obćenoj, on nastoja
Čast sebi odbit, ku dostoja.

Въ вопросахъ догматическихъ Каваньинъ крѣпко держится нововведеній римской церкви, напр. по вопросу объ исхожденіи св. Духа:

XVII, 20. I od obiuh Duh izhodi.

Онъ возражаетъ даже противъ ученія Коперника о вращеніи земли, какъ несогласнаго съ буквою св. писанія:

XXV, 121. Nek' Koperniki ini kroju,
Da se zemlja vàrti i kreće
A nebesa s mirom stoju,
Da t' razumit vidnom neće,
Najprij' pismo pak i càrkva
Ti njih nauk počemàrkva.

При описаніи же ада, авторъ помѣщаетъ въ немъ не только Гуса и другихъ «еретиковъ»:

XXIV, 92. Donat, Felić, Hus, Pikardo
I neskladne mnoge klete
Stranputnikah pasje čete;

---

1) Сплѣтскаго епископа Джорджича.

но и отцовъ греческой церкви, вообще всѣхъ, отложившихся отъ Рима, не признающихъ чистилища и догмата filioque:

XXIV, 89. Tu su gàrčki otci i puci,
Koji čarkvu razdvojiše
I poglavni njih stranpuci,
Očist koji nerazmiše,
Ni da od Otca i od Sina
Duh ishodi prava istina.

Нельзя, конечно, вмѣнять Каваньину въ особенную вину этихъ латинскихъ убѣжденій: онъ былъ сынъ своей страны и своего времени. Италія была слишкомъ близка къ Далмаціи, чтобы не подчинить ее своему культурному вліянію, своему церковному главенству, тѣмъ болѣе что и Венеція, и Австрія съ Венгріей поддерживали папскій авторитетъ въ своихъ далматинскихъ владѣніяхъ. Извѣстно, что въ Дубровникѣ до XIX-аго вѣка съ дѣтскою наивностію вѣрили какому-то старинному пророчеству, что республика исчезнетъ вслѣдъ затѣмъ, какъ допуститъ у себя схизматическое богослуженіе! Не удивительно, что Каваньинъ, какъ и его славный хорватскій единомышленникъ Крижаничъ, считалъ церковь восточную вредною помѣхою при осуществленіи его панславистическихъ мечтаній, а потому и помѣстилъ въ адъ мнимыхъ виновниковъ раздѣленія церквей. За то въ вопросахъ обрядовыхъ, имѣющихъ самую тѣсную связь съ интересами славянской народности, онъ всегда высказывался въ пользу славянскаго языка и богослуженія, примыкая въ этомъ къ хорватскимъ глаголитамъ и инославянскимъ — русскимъ между прочимъ уніятамъ.

Сводя въ одно цѣлое все сказанное о взглядахъ Каваньина на Славянство, мы замѣчаемъ большое сходство между нимъ и хорватскимъ панславистомъ XVII-аго в., Юріемъ Крижаничемъ. Оба смотрѣли на Славянство, какъ на одно племенное и историческое тѣло, котораго главою предназначено быть Россіи; оба видѣли въ ней освободительницу Славянства порабощеннаго; оба желали соединенія церкви греко-славянской съ римско-католическою съ удержаніемъ лишь обрядовыхъ особенностей церкви восточной; оба ратовали противъ чужебѣсія, роскоши (II, 10 слл.); оба съ сочувствіемъ относятся къ народ-

нымъ пѣснямъ Юго-славянъ (II, 43, 54; IX, 141 сл.). Лишь въ вопросѣ о всеславянскомъ литературномъ языкѣ мы не находимъ у Каваньина такого яснаго сознанія необходимости объединенія Славянъ, какъ это видимъ у Крижанича. Впрочемъ и далматинскій панславистъ съ великимъ сочувствіемъ говоритъ о церковно-славянскомъ языкѣ, какъ священномъ наслѣдіи блаженнаго Іеронима и славныхъ братьевъ Солунцевъ.

Заключая этотъ краткій обзоръ славянскихъ или, если угодно, панславистическихъ воззрѣній Каваньина, я позволю себѣ выразить желаніе, чтобы поэма «О богатствѣ и убожествѣ» обратила на себя вниманіе нашихъ славистовъ и вызвала спеціальное и всестороннее изслѣдованіе. Въ ней найдется множество новыхъ и важныхъ матеріаловъ для характеристики общественной, литературной, церковной, экономической жизни и дѣятельности Далматинцевъ конца XVII-аго и начала XVIII-аго вѣка.

Варшава. 12 Февраля 1883.

ГРАММАТИКА ІОАННА, ЭКЗАРХА БОЛГАРСКАГО.

Василія Малинина.

Грамматика Іоанна, экзарха болгарскаго, представляетъ безспорно весьма важный и любопытный памятникъ древнеславянской письменности. Если бы удалось обставить достаточными доводами принадлежность перевода Іоанну экзарху, то въ названной грамматикѣ мы имѣли бы и важный памятникъ языка, и первый опытъ приспособленія теоріи греческаго языка къ славянскому. Не смотря однако на такое исключительное значеніе ея въ исторіи славянской письменности и особенно въ исторіи славянскаго языкознанія, какъ извѣстно, очень небогатаго фактами, доселѣ нѣтъ ни одного спеціальнаго изслѣдованія, посвященнаго разбору этого замѣчательнаго памятника. Не послѣднею причиною этого служитъ то, что грамматика Іоанна, экзарха болгарскаго, сохранилась не вполнѣ и притомъ въ сравнительно позднихъ рукописяхъ, неспособныхъ поэтому внушить особеннаго довѣрія къ свидѣтельству нѣкоторыхъ изъ извѣстныхъ списковъ объ именитомъ ея авторѣ.

Впрочемъ сомнѣніе въ дѣйствительной принадлежности перевода грамматики Іоанну экзарху возникло не сразу, да и доселѣ раздѣляется не всѣми представителями науки. Незабвенный Калайдовичъ, которому принадлежитъ честь открытія сочиненій Іоанна экзарха, въ числѣ другихъ драгоцѣнныхъ трудовъ знаменитаго современника великаго Симеона называетъ, какъ подлинный, и переводъ книги «о осьмихъ чѧстьхъ слова», при чемъ сначала обстоятельно знакомитъ съ содер-

жаніемъ книги [1]), а въ приложеніи VIII воспроизводитъ и самый текстъ по тремъ спискамъ [2]). Мнѣніе Калайдовича, авторитетно высказанное, подкупало въ свою пользу открытіемъ такихъ блестящихъ памятниковъ, какъ «Шестодневъ» и переводъ «Богословія» Дамаскина, а потому и было принято всѣми учеными. Сомнѣніе возникало не по вопросу о принадлежности перевода грамматики Іоанну экзарху, а по вопросу о принадлежности его самого, какъ писателя, къ такому древнему періоду болгарской исторіи, какъ вѣкъ Симеона. Принимая во вниманіе, что Симеонъ долженъ былъ всю свою жизнь провести въ борьбѣ съ врагами своей родины, находили несообразнымъ съ обстоятельствами допустить въ немъ такого ревнителя книжнаго дѣла, какимъ онъ представляется въ посвященіяхъ Іоанна экзарха и другихъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ современниковъ. Вотъ почему произведенія Іоанна экзарха, Константина, Григорія мниха и друг. относили къ XII вѣку, а въ лицѣ Симеона видѣли Стефана Неманю, названнаго въ монашествѣ Симеономъ. Такъ думалъ Каченовскій [3]), а за нимъ и Строевъ [4]). При этихъ условіяхъ и грамматика, при своей принадлежности Іоанну экзарху, являлась произведеніемъ XII вѣка и не болгарскимъ, а сербскимъ. Скептицизмъ Каченовскаго однако стоитъ одиноко, и взглядъ Калайдовича на подлинность и древность произведеній нашего писателя, а въ томъ числѣ и его грамматики, повторяется и въ ученыхъ трудахъ послѣдующаго періода. Шафарикъ [5]), Востоковъ [6]), Палаузовъ [7]), Давыдовъ [8]), Бодянскій [9]) признаютъ не только принадлежность перевода Іоанну экзарху, но и то, что оригиналомъ служила именно грамматика Іоанна Дамаскина.

Новое направленіе въ вопросѣ о грамматикѣ Іоанна, экзарха болгарскаго, начинается со времени выхода въ свѣтъ «Описанія рукопи-

1) Іоаннъ, экзархъ болгарскій. Москва. 1824 г., стр. 76—80.

2) Тамъ же, стр. 167—173.

3) Вѣстникъ Европы за 1826 г., мѣсяцы сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь.

4) Журн. Минист. Народ. Просвѣщ. за 1834 г., февраль, стр. 155.

5) Geschichte der südslawischen Literatur. Das serbische Schriftthum. I Abth. Prag. 1865, стр. 205—206.

6) Описаніе ркп. Румянцев. Муз., NN CXC, CXCI, CXCII.

7) Вѣкъ болгарскаго царя Симеона. Спб. 1852, стр. 96, 103—104.

8) Предисловіе къ новому изданію россійской грамматики Михаила Ломоносова Спб. 1855, стр. VI.

9) О времени происхожденія слав. письменъ. Москв. 1855, стр. 50.

сей синодальной библіотеки». Авторы описанія, А. В. Горскій и К. И. Невоструевъ, не ограничились лишь разсмотрѣніемъ славянскаго текста грамматики, но старались опредѣлить и греческій источникъ. Опредѣлить источника имъ не удалось, но поиски и особенно сличеніе текста грамматики съ текстомъ безспорныхъ сочиненій Іоанна экзарха привели авторовъ описанія рукописей къ слѣдующимъ соображеніямъ и выводамъ:

1) «Между твореніями преподобнаго Іоанна Дамаскина ни по изданіямъ, ни по рукописямъ грамматики не встрѣчается (Fabr. Bibl. Gr. ed. Harles. T. VIII, p. 687 sqq.). И въ такомъ видѣ, какъ она читается въ славянскихъ рукописяхъ, не требуетъ столь знаменитаго имени для своего сочинителя. Она представляетъ краткія, первоначальныя, самыя общія грамматическія понятія, которыя всѣ встрѣчаются еще въ грамматикѣ Діонисія Ѳракійскаго (Fabr. T. VI, p. 311) и въ объясняемой Георгіемъ Хировоскомъ грамматикѣ Ѳеодосія (Georgii Choerobosci dictata in Theodosii canones: ed. Gaisdord Oxon. 1842 T. I, p. 3 и 22 объ именахъ; T. II, p. 469 о глаголахъ)».

2) Появленіе имени Іоанна Дамаскина въ нѣкоторыхъ спискахъ грамматики произошло отъ того, что переводчикъ діалектики или кто другой помѣстилъ грамматику предъ діалектикой Дамаскина, отчего впослѣдствіи первая изъ нихъ также стала являться съ прибавленіемъ «книга святаго Іоанна Дамаскина философская»,—что опять относится къ «κεφάλαια φιλοσοφικά» Дамаскина или его діалектикѣ.

3) Переводъ грамматики не справедливо усвояется Іоанну экзарху, потому что «въ языкѣ грамматики, въ его формахъ грамматическихъ и словахъ ничего не встрѣчается такого, чтобы указывало на вѣкъ экзарха». Кромѣ того въ грамматикѣ встрѣчаются собственныя имена, какъ Милошь, Драгошь, Добромиръ, Радославъ, Драгомиръ, которыя указываютъ на происхожденіе грамматики въ Сербіи, а не въ Болгаріи. (Опис. ркп. синод. библіотеки, II, 2, № 156, стр. 311—313).

Замѣтимъ кстати, что, опираясь на данныхъ языка, Горскій и Невоструевъ отрицаютъ принадлежность Іоанну экзарху и перевода діалектики.

Приведенныя соображенія раздѣлили ученыхъ на два лагеря: одни изъ нихъ примкнули ко взглядамъ Горскаго и Невоструева, другіе остались при мнѣніи Калайдовича. Такъ профессоръ В. Ягичъ въ «Ис-

торіи хорватской и сербской литературы», стр. 69 — 70 замѣчаетъ: «Još se Joanu eksarchu prisvaja prievod dialektike istoga Joana damascenskoga (koju je ovaj po Aristotelu izradio), za tiem prievod nekakve gramatike (o osmihъ čestehъ slova), za koju se ipak nezna, da li je sbilja djelo Ioana damascenskoga. Protiv oba ova djela podiže se u novije doba sumnja, koja je uvaženja vriedna, jer je osnovana na razlozih nutrnjih, na ime na razlikah, koje se opažaju u prievodu ovieh djela napram oniem, koja su autentička». Тотъ же взглядъ на дѣло высказалъ и проф. Голубинскій въ «Исторіи русской церкви» (Москва 1880 г., стр. 728) съ тою лишь разницею, что онъ съ тѣмъ вмѣстѣ видимо примыкаетъ и къ мнѣнію о происхожденіи перевода грамматики въ Сербіи. Чудиновъ въ своемъ трудѣ «О преподаваніи отечественнаго языка» [1]), повторяя вполнѣ мнѣніе Горскаго и Невоструева, добавляетъ съ своей стороны, что сохранившаяся часть слав. грамматики вѣроятно представляетъ или «отрывокъ изъ грамматики Діонисія Өракійскаго въ передѣлкѣ одного изъ глоссаторовъ, или же трудъ, составленный греческимъ грамматистомъ Іоанномъ, жившимъ въ началѣ VII вѣка и извѣстнымъ своими толкованіями Аристотеля и сочиненіями по части грамматики и философіи» [2]).

Не всѣ однако убѣдились доводами А. В. Горскаго и Невоструева. И. И. Срезневскій въ «Древнихъ памятникахъ письма и языка юго-западныхъ славянъ» (Спб. 1865) коротко замѣчаетъ: «въ описаніи синодальныхъ рукописей выражено сомнѣніе противъ того, что эта книга («о осмихъ чѧстьхъ слова») есть трудъ Іоанна экзарха, но безъ представленія доказательствъ» (стр. 20). Проф. Потебня, цитуя мнѣніе разсматриваемой грамматики о неопредѣленномъ наклоненіи, выражается: «уже Іоаннъ экзархъ въ своей передѣлкѣ книги Дамаскина объ осми частяхъ слова говоритъ» [3]). Изъ выраженія почтеннаго профессора мы, кажется, имѣемъ основаніе сдѣлать выводъ, что онъ не только не сомнѣвается въ принадлежности Іоанну экзарху перевода

1) Филологич. Зап. за 1871 г., стр. 164.

2) Нельзя при этомъ не отмѣтить странной ошибки автора, способной ввести въ немалое недоразумѣніе незнакомаго съ дѣломъ, что будто бы «рукопись отрывка (грамматики) относится къ X вѣку». (Тамъ же). Да тогда и самый-то вопросъ о разсматриваемой грамматикѣ имѣлъ бы конечно иную постановку.

3) «Изъ записокъ по русской грамматикѣ», т. 2, стр. 274.

грамматики, но съ тѣмъ вмѣстѣ и въ томъ, что трудъ экзарха есть передѣлка соотвѣтственнаго труда Іоанна Дамаскина.

Такова исторія вопроса о такъ называемой грамматикѣ Іоанна, экзарха болгарскаго. Какъ видимъ, вопросъ о ней распадается на слѣдующіе два: 1) на вопросъ объ авторѣ или точнѣе переводчикѣ въ связи съ вопросомъ о времени и мѣстѣ происхожденія и 2) на вопросъ объ источникѣ или оригиналѣ памятника. Оба эти вопроса, довольно раздѣльные, не всегда однако можно взаимно обособить; какъ части одного цѣлаго, они иногда такъ тѣсно соприкасаются, что, затрогивая одинъ, мы въ тоже время невольно затрогиваемъ и другой.

Къ сожалѣнію, и въ настоящее время средства изслѣдователя остаются почти одни и тѣже, въ слѣдствіе чего онъ не можетъ надѣяться на возможно удовлетворительное рѣшеніе поставленныхъ вопросовъ и по прежнему осужденъ вращаться въ области догадокъ и соображеній. Правда, число списковъ грамматики увеличилось, но всѣ они, не исключая и вновь указанныхъ, содержатъ уже изданный Калайдовичемъ отрывокъ и опять таки по позднимъ рукописямъ, представляющимъ обычное подновленіе языка.

Намъ извѣстны слѣдующіе списки, включая сюда и тѣ, которыми пользовался Калайдовичъ:

1) Списокъ митрополита Даніила (Калайдовичъ, Іоаннъ экзархъ, стр. 74—75).

2) — московской духовной типографіи, писанный Щербакомъ въ Ниловой пустыни, XVII в. (Ibid., 124).

3) — библіотеки графа Толстова № 300, XVII в.

4) — той же библіотеки № 442, XVIII в.

5—6) — московской духовной академіи № 176 (1853) и № 177 (1577), XV в. (См. Чтен. въ общ. исторіи и древностей 1878 г., кн. 2, стр. 158—159 описанія о. Иларія).

7) — московской синодальной библіотеки № 156, XVI в.

8) — кіевской духовной академіи изъ рукописей почаевской лавры № 47 (116), XVI в., писанный Исаіей Отслатиновымъ.

9) — королевской берлинской библіотеки № 3, XVII в. (См. Серг. Строева, «Описаніе памятн., хранящихся въ библіотекахъ Германіи и Франціи», стр. 75).

10—12)—Румянцевскаго музея №№ CXCI, XVI—XVII вв.; CXC, XVII в.; CXCII, XVIII в.

13)— Флорищевой пустыни владим. губ., XVII в.

Всего такимъ образомъ извѣстно до 13 списковъ. Конечно существуютъ и еще доселѣ неизвѣстные списки, особенно въ Болгаріи, гдѣ собираніе рукописей только что началось.

Какой же отвѣтъ они даютъ на поставленные вопросы? Если принять во вниманіе съ одной стороны позднее происхожденіе рукописей, съ другой констатированное отсутствіе въ языкѣ свойствъ, указывающихъ на время экзарха, то повидимому должно придти къ выводу, что и самый памятникъ поздняго происхожденія. Такой выводъ былъ бы однако поспѣшенъ. Исторія славянской письменности представляетъ намъ несомнѣнныя доказательства сохраненія въ позднихъ рукописяхъ памятниковъ, весьма древнихъ по своему происхожденію. Къ тому же открытіе и обнародованіе памятниковъ древнеславянской письменности далеко еще не окончено; нельзя еще отчаяваться въ возможности открытія не только списковъ, болѣе древнихъ, но и заключающихъ въ себѣ полный текстъ грамматики. Доколѣ же этого нѣтъ (а можетъ быть и не будетъ), необходимо внимательно присмотрѣться къ свидѣтельству извѣстныхъ списковъ. Ихъ можно раздѣлись на три разряда: въ однихъ изъ списковъ кромѣ текста сохранилось ясное указаніе на переводчика и источникъ, въ другихъ лишь указаніе на источникъ, а въ третьихъ не указывается ни того, ни другаго. Полное оглавленіе списковъ перваго разряда, приводимое Калайдовичемъ по списку митрополита Даніила, слѣдующее: «книга святаго Ивана Дамаскина философскаа о осмихъ чястѣхъ слова; преведе же еа Иванъ презвитеръ, екзархъ болгарскій, отъ еллинского языка въ словенскій» (см. также рукопись Румянц. муз. № CXCII) или же короче: «Ивана екзарха ѡтъ ѡсми чястиі слова Дамаскина». (Румянц. муз. № CXC). Образецъ оглавленій втораго рода представляетъ списокъ синод. библ. № 156, XVI в.: «книга ст҃аго іѡанна Дамаскина ѳилософьскаа ѡ осми частех слова» (см. также рукопись Рум. муз. № CXCI; рукоп. берлинск. королевск. библ. № 3; москов. духовн. акад. №№ 176—177; графа Толстова № 300). Въ рукописяхъ третьяго разряда сказано лишь: «книга философская о осьмихъ частѣхъ слова» (Рпсь библ. графа Толстова

№ 422) или же: «ѡсмь чⷶстїи слѡва єлико глемь и пишем» (Ркпсь кіев. духовн. акад. № 47 (116)).

Теперь самъ собою возникаетъ вопросъ: какую изъ заглавныхъ надписей грамматики считать первоначальной и подлинной? А. В. Горскій и К. И. Невоструевъ, очевидно, склоняются въ пользу оглавленія списковъ третьяго разряда. Но въ такомъ случаѣ какъ же могли появиться собственныя имена и этихъ именно, а не другихъ церковныхъ писателей? Имена извѣстныхъ писателей греческой и славянской литературы далеко не исчерпываются именами Іоанна Дамаскина и Іоанна экзарха. И почему бы напр. сербу-патріоту произведеніе собственной литературы не украсить именемъ Саввы или даже Константина, и безъ того извѣстнаго грамматическими трудами? Предположеніе, что имя Іоанна Дамаскина появилось случайно въ слѣдствіе помѣщенія грамматики, переводчикомъ или другимъ кѣмъ, впереди діалектики можетъ получить значеніе лишь въ томъ случаѣ, когда предварительно будетъ доказана рѣшительная невозможность приписать оригиналъ славянской грамматики именитому отцу греческой церкви. Но если бы мы и это признали фактомъ (чего, конечно, нельзя сдѣлать безъ положительныхъ доказательствъ), то все же остается открытымъ вопросъ о появленіи въ заголовкѣ грамматики имени Іоанна экзарха. Предполагать и здѣсь случайность совмѣщенія грамматики въ одной рукописи съ подлинными и безспорными переводами экзарха и отсюда перенесеніе имени переводчика на грамматику, значитъ осложнять вопросъ, а не рѣшать его. Не можемъ при этомъ не отмѣтить, что самая принадлежность Іоанну экзарху перевода діалектики Дамаскина отрицается, чѣмъ еще болѣе затрудняется возможность возникновенія имени нашего писателя, какъ переводчика, въ оглавленіи грамматики. Вотъ почему мы находимъ болѣе естественнымъ, а потому и болѣе правдоподобнымъ, другое предположеніе, — что исторически происходило не осложненіе оглавленія, а его сокращеніе. На эту мысль необходимо наталкиваешься, разсматривая самый характеръ существующихъ оглавленій. Это и понятно: позднѣйшему переписчику, не рѣдко мало образованному, совершенно не нужно было и ничего не говорило непонятное и мало употребительное въ церковной іерархіи имя экзарха; — оно могло просто казаться ошибкой писца; но въ свою очередь имя Іоанна безъ этого прибавленія теряло всякое значеніе, какъ неспособное придать никакого авторитета

памятнику. Мы, конечно, далеки отъ мысли утверждать, что исчезновеніе имени переводчика и автора произошло именно такъ, а не иначе; мы отмѣчаемъ фактъ, которому аналогичныхъ можно указать очень много. Такъ теперь никто, разумѣется, не станетъ отрицать принадлежности Іоанну экзарху перевода богословія Дамаскина, между тѣмъ въ собраніи рукописей Хлудова № 59 имени Іоанна экзарха нѣтъ, да и предисловіе его также оказывается опущеннымъ. Наши старые начотчики не отличались современной щепетильностью въ пользованіи чужими трудами и именами и по обстоятельствамъ то опускали, то сокращали, цѣня не столько имя, сколько памятникъ и его пригодность.

Но разъ имя существуетъ, здравая критика требуетъ держаться его до тѣхъ поръ, пока совокупность условій, опредѣляющихъ подлинность произведенія, не будетъ противорѣчить историческому указанію, унаслѣдованному отъ древности въ имени автора или переводчика. Указанія такого несоотвѣтствія отчасти, правда, сдѣланы, но они не могутъ быть признаны достаточными. Сюда, какъ извѣстно, относится во первыхъ указаніе собственныхъ именъ, свидѣтельствующихъ будто бы о сербскомъ происхожденіи памятника, и во вторыхъ указаніе на свойство самого языка грамматики. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ относительно болгарскихъ памятниковъ такого прекраснаго лексикона, какой имѣютъ сербы въ трудѣ Даничича; это отчасти затрудняетъ справки. Такъ мы не можемъ подтвердить древними памятниками употребленіе въ Болгаріи уменьшительныхъ именъ Милошь и Драгошь; что касается до остальныхъ, то они столько же свойственны Болгаріи, сколько и Сербіи. Такъ Добромиръ былъ одинъ изъ воеводъ Стефана Самуила, которому послѣдній ввѣрилъ защиту Вереи[1]). То же имя встрѣчается въ синодикѣ царя Бориса[2]). Въ томъ же синодикѣ встрѣчается и имя Радослава. Имя Драгомира встрѣчается въ синодикѣ Севастьянова и во множествѣ въ влахо-болгарскихъ грамотахъ[3]). Что касается до названія Шумякъ, то его нельзя производить отъ Шумадія, но отъ шума (сравн. наше тулякъ, пермякъ), при чемъ это имя указываетъ на жителя лѣсной мѣстности, — и такое

---

1) Cedren, II, 469. Рачкій, Borba južnich Slovena za državnu neodvisnost u XI vieku. Rad, кн. 24, стр. 96.

2) Временникъ за 1855 г., кн. XXI, стр. 15.

3) Морошкинъ, Славянскій именословъ, стр. 77.

имя, соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ, можетъ быть употребительно повсюду, гдѣ, какъ и въ Болгаріи, въ значеніи лѣса употребляется названіе шума[1]). Не можемъ при этомъ не отмѣтить, что въ Болгаріи, какъ и въ Россіи, подъ вліяніемъ греческаго духовенства очень рано настаетъ вытѣсненіе народныхъ именъ греческими, но въ періодъ Іоанна экзарха это явленіе не могло, разумѣется, принять широкихъ размѣровъ, а потому не удивительно, если на ряду съ именами Петръ, Павелъ, Сарра, Анна мы встрѣчаемъ и названія народныя. Не забудемъ наконецъ, что въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь о Болгаріи времени Симеона, когда въ составъ ея входили многія сербскія мѣстности и когда слѣдовательно при пышномъ дворѣ Симеона въ качествѣ верховныхъ сановниковъ, такъ называемыхъ внутреннихъ и внѣшнихъ бояръ, могли встрѣчаться жители разныхъ мѣстностей въ томъ числѣ и сербскихъ. При такихъ условіяхъ не было бы удивительно занесеніе въ грамматику и чисто сербскихъ именъ, если бы только таковыми непремѣнно потребовалось признать имена Драгошь и Милошь. Но и этой необходимости не видится, потому что то и другое имя извѣстно въ памятникахъ болгарскихъ поздняго времени и въ современномъ употребленіи. Такъ имя Драгошь употребляется въ влахо-болгарскихъ грамотахъ и въ синодикѣ Севастьянова[2]). Въ свою очередь въ болгарскихъ пѣсняхъ[3]) и въ современномъ употребленіи извѣстны имена Милошъ, Милушъ и проч. Все это приводитъ къ выводу, что догадка о сербскомъ происхожденіи разсматриваемаго памятника, насколько она опирается на указанныя имена, не можетъ быть признана убѣдительною.

Гораздо важнѣе по своему существу второе указаніе, именно на несоотвѣтствіе языка грамматики не только съ языкомъ перевода «Шестоднева» и «Богословія» Дамаскина, но и вообще съ вѣкомъ экзарха. Этотъ аргументъ былъ бы неотразимъ, если бы при этомъ были указаны факты несоотвѣтствія, но такъ какъ этого не сдѣлано, то и самая ссылка теряетъ научное значеніе. Но если бы такое несоотвѣт-

---

1) Миличевичъ справедливо сопоставляетъ Шумадія съ римскимъ названіемъ Transilvania, — что оправдывается присутствіемъ лѣсовъ въ нынѣшней шумадійской области. (Кнежевина Србија, стр. 1).

2) Морошкинъ, стр. 78.

3) Ibid., стр. 124.

ствіе и нужно было признать фактомъ, то все же при разсмотрѣніи переводныхъ трудовъ одного и того же автора не можетъ быть забываемъ и характеръ переводимаго памятника. Само собою понятно, что между техническимъ языкомъ богословскимъ и еще болѣе техническимъ языкомъ грамматическимъ — параллель отдаленная, которая способна сдѣлать сомнительною даже фактическую ссылку. Еще болѣе жаль, что не указано опредѣленно, въ чемъ заключается отступленіе языка разсматриваемой грамматики отъ языка эпохи Іоанна экзарха. Фактическія указанія такого рода рѣшительно необходимы тамъ, гдѣ выступаютъ съ мнѣніемъ, отступающимъ отъ общепринятаго, какъ въ настоящемъ случаѣ. Безъ этого условія и самое указаніе, не смотря на свою важность, теряетъ цѣну въ глазахъ другихъ.

При чтеніи и изученіи памятниковъ, подобныхъ грамматикѣ Іоанна экзарха, сильно пострадавшихъ отъ времени и частыхъ переписываній, приходится довольствоваться отдѣльными указаніями на свойства и особенности оригинала. Объ извѣстности и частомъ употребленіи разсматриваемой грамматики отчасти свидѣтельствуетъ приписка на одномъ изъ списковъ XVII вѣка, сообщенная Калайдовичемъ, что грамматику эту князь Константинъ Острожскій изъ собственной библіотеки передалъ для напечатанія и что она дѣйствительно была напечатана въ 1586 году въ Вильнѣ въ типографіи Мамоничей [1]). Возьмемъ во вниманіе еще то обстоятельство, что такіе памятники, какъ грамматики, лишенные авторитета святости и неприкосновенности, особенно сильно подвергаются измѣненіямъ со стороны людей «свѣдущихъ». Вотъ причины, которыя, по нашему мнѣнію, могли вызвать разницу въ состояніи текста грамматики сравнительно съ текстомъ богословія Дамаскина, не смотря на то, что тотъ и другой памятникъ сохранился въ одной и той же рукописи, — на что, какъ извѣстно, указываютъ Горскій и Невоструевъ. Не нужно наконецъ забывать и того, что языкъ извѣстнаго памятника обусловливается свойствомъ оригинала. Можетъ оказаться памятникъ въ очень поздней рукописи списаннымъ съ оригинала очень древняго; еще естественнѣе случай списыванія памятниковъ въ одинъ и тотъ же сборникъ съ оригиналовъ разной древности.

---

1) Калайдовичъ, Іоаннъ, экзархъ болгарскій, стр. 80—81.

Все это необходимо имѣть въ виду при обсужденіи достоинства перевода и языка памятника.

Грамматика Іоанна экзарха, какою мы находимъ ее въ обнародованномъ Калайдовичемъ текстѣ, представляетъ много позднѣйшихъ подновленій языка и почти полное обрусеніе, какъ напр. въ употребленіи носовыхъ гласныхъ и *ѣ*. Здѣсь нужно обращать вниманіе на частности, а не на общее. А эти частности таковы, что всего менѣе могутъ говорить о сербскомъ происхожденіи памятника. Въ пользу сербскаго оригинала могла еще пожалуй говорить встрѣчающаяся по мѣстамъ замѣна широкаго глухаго гласнаго узкимъ, въ родѣ: глаголемь 167; укажемь ibid.; сьстоятся 169; кь явленію 167; но если мы рядомъ съ этимъ возьмемъ во вниманіе случаи обратнаго употребленія широкаго глухаго гласнаго вмѣсто узкаго, то будетъ ясно, что и въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ обычною особенностію памятниковъ болгарской редакціи—неразличеніемъ твердости и мягкости глухихъ гласныхъ. Таковы случаи: чръви 168; помръцаетъ 170; начрътанїа 170, 171 и 172. Приведенные примѣры съ тѣмъ вмѣстѣ свидѣтельствуютъ и вообще о характерѣ употребленія глухихъ гласныхъ въ древнемъ оригиналѣ грамматики. Можно указать еще нѣсколько случаевъ: прьсть 168; съузъ 167; въздухъ 167; свръшеніе 167; прьво 171; гораздо больше случаевъ древняго употребленія глухихъ въ спискѣ академическомъ: плъти 208. б; тръсть, пръсть 209. б.; дъщи 210. а.; тъчіѫ 212. а.; въкоупѣ 212. б.; въсѣкь 211. а.; въчьтесѧ 214. а.; пръво 214. б.

Употребленіе *ѣ* въ текстѣ Калайдовича представляетъ обычное въ памятникахъ русской редакціи безразличіе съ *е*; между тѣмъ какъ въ спискѣ академическомъ, вообще относящемся къ средне-болгарской редакціи, находимъ смѣшанное употребленіе его съ ꙗ: дрѣводѣл*ѣ* (им. ед.) 211. а.; вол*ѣ* (им. ед.) 213. б.; испльн*ѣ*ѫщи 213. б.; дѣл*ѣ*т же сѧ 216. а; въс*ѣ*кь 211. а.; ꙗвл*ѣ*ѫтсѧ 210. а. (постоянно). Въ текстѣ Калайдовича сюда должно отнести форму «средн*е*го» имене 172 (въ акад: срѣдн*ѣ*го 215. б.).

Носовые въ текстѣ Калайдовича повсюду замѣнены чистыми; но въ этой замѣнѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ ясно сквозитъ оригиналъ болгарской редакціи съ обычнымъ смѣшеніемъ широкаго и узкаго юсовъ: ꙗже (им. мн. сред.) не на еръ конецъ им*а*ть 168 (въ акад:

имать вм. имѫть 210. а.); кь исполненію съвѣта доушю (= доуша) 170; творя (1 л. ед. наст.) 171 (въ акад: творѧ 214. б.); біася (1 л. ед. наст. страд.) 171 (въ акад: бижсѧ 214. б.); тоже и ниже, какъ форма 1 лица наст. вр: біася 171, при чемъ въ акад. также: бижсѧ 215. б.

Склоненіе въ свою очередь сильно пострадало отъ времени, особенно склоненіе сложное, въ которомъ не осталось и слѣда удвоенія гласныхъ. При всемъ томъ и здѣсь сохранились нѣкоторые слѣды древности, опять таки болѣе въ спискѣ академическомъ. Такъ именительный пад. основъ на согласный звукъ представляетъ формы: мати, свекри, дщи 168; нами ibid.; родит. пад. въ текстѣ Калайдовича: времени 169—170; въ спискѣ акад: врѣмене 212. б; имене 172 (5 разъ); мѣстный пад. множ: именехъ 173. Замѣчателенъ дат. п. единств.: имени 167, безспорно поздній, извѣстный и въ другихъ памятникахъ (Mikl., III, 50). Изъ основъ на ї замѣчательно сохраненіе ї въ именительномъ единств. въ словахъ: гвозди, чръви, также извѣстное и въ другихъ памятникахъ (Mikl., III, 36; Lautlehre, 1879 г., стр. 110). Видимо, что конечное ї въ приведенныхъ словахъ слышалось ясно и съ большимъ или меньшимъ постоянствомъ, иначе трудно объяснить указаніе ихъ, какъ примѣра словъ на ї мужескаго рода. — Двойственное число приводится правильно во всѣхъ извѣстныхъ тогда падежахъ; форма родит. женинѣ не стоитъ въ связи съ паденіемъ двойственнаго числа и имѣетъ особую причину. — Причастіе правильно сохраняетъ сложныя и именныя формы, не переходя въ дѣепричастіе («рѣчь падающи» и проч.).

Относительно спряженія замѣтимъ, что двойственное число, представленное лишь въ формахъ настоящаго времени дѣйствительнаго и страдательнаго залога, знаетъ только двѣ формы: на *ва* и *та*.

Соображая все сказанное, слѣдуетъ признать, что хотя языкъ грамматики и представляетъ много позднѣйшихъ явленій, неизбѣжно связанныхъ съ частыми и поздними переписками, однако въ немъ нѣтъ и ничего такого, чтобы совершенно обособляло его сравнительно съ языкомъ другихъ древнихъ произведеній, извѣстныхъ по позднимъ спискамъ. Правда, въ немъ нѣтъ выдающихся архаизмовъ, какъ напр. простыхъ и сигматическихъ аористовъ, но отсутствіе ихъ не можетъ быть признано достаточнымъ основаніемъ къ отрицанію древности па-

мятника и сверхъ того можетъ быть оправдано особыми причинами, о которыхъ скажемъ при разборѣ текста грамматики.

Переходимъ къ другому вопросу, къ вопросу объ оригиналѣ разсматриваемой грамматики. Въ большинствѣ извѣстныхъ списковъ ясно указывается, что «книга о осьмихъ чѧстьхъ слова» есть переводъ одноименнаго произведенія Іоанна Дамаскина. Такъ имя Дамаскина стоитъ въ оглавленіи всѣхъ трехъ списковъ грамматики Румянц. музея, извѣстныхъ по описанію Востокова; тоже видимъ и въ спискѣ митрополита Даніила, спискахъ москов. духов. академіи, библіотеки графа Толстова № 300 и королевск. берлинской № 3. Правда, грамматики съ именемъ Іоанна Дамаскина доколѣ неизвѣстно по греческимъ рукописямъ; но отсюда еще не слѣдуетъ, что такой грамматики и не было. Изслѣдованіе древнеславянской письменности представляетъ не одинъ примѣръ сохраненія въ славянскихъ текстахъ того, что доколѣ неизвѣстно въ греческихъ; еще болѣе случаевъ, когда славянскій текстъ представляется или болѣе полнымъ или съ такими разночтеніями, которыхъ не представляютъ извѣстные доселѣ греческіе тексты. Въ этомъ безъ сомнѣнія заключается общелитературное значеніе славянскихъ памятниковъ, которое оцѣнить достойнымъ образомъ предстоитъ еще будущему. Да и самъ по себѣ случай совершенно естественный, что авторъ діалектики является въ то же время и авторомъ грамматики, такъ какъ у древнихъ грековъ до послѣдняго времени связь грамматики съ реторикой и діалектикой не порывалась, а прежде это были лишь части одного неразрывнаго цѣлаго, какъ напр. у стоиковъ и у самого Аристотеля. Нѣтъ ничего необыкновеннаго и въ томъ, что духовное лицо посвящаетъ свой досугъ труду по грамматикѣ. Исторія греческаго языкознанія въ періодъ послѣ Рождества Христова сохранила много именъ духовныхъ лицъ, оставившихъ послѣ себя сочиненія по грамматикѣ. Такъ въ изданіи Беккера упоминаются труды Іоанна Глики, патріарха константинопольскаго (περὶ ὀρθότητος συντάξεως. Immanuelis Bekkeri Anecdota graeca. Berolini. 1821, стр. 1077); Кирилла, архіепископа александрійскаго (λεξικὸν κατὰ στοχείων, ibid., стр. 1094); Михаила Синкелла (περὶ τῆς συντάξεως τοῦ λόγου, ibid., стр. 1127, 1169); монаха Нифонта (περὶ στοχείων καὶ τῶν ὀκτὼ μέρων τοῦ λόγου ἑρμηνευθέντα κατὰ δύναμιν, ibid., стр. 1129); Михаила Пселла, честнѣйшаго среди философовъ (σύντομος ἐξήγησις περὶ τῶν

ὀκτὼ μέρων τοῦ λόγου τοῦ μὴ βαρβαρίζειν καὶ σολοικίζειν ἐν ταῖς τοῦ λόγου συντάξεσιν, ibid., 1162, 1169); Григорія, митрополита коринөскаго (περὶ συντάξεως τοῦ λόγου. Ὀκτὼ εισι πάντα τὰ μέρη τοῦ λόγου, ibid., стр. 1169).

Съ другой стороны представляется вѣроятнымъ, что Іоаннъ Дамаскинъ былъ излюбленнымъ авторомъ Іоанна экзарха. Читая знаменитыя предисловія послѣдняго нельзя не замѣтить вліянія на нихъ извѣстнаго посланія Дамаскина къ Козьмѣ Маіумскому, которое помѣщается обыкновенно въ началѣ діалектики. Конечно, говорить о буквальныхъ заимствованіяхъ трудно, но духъ пролога къ богословію и посланія Дамаскина одинъ. Здѣсь и тамъ говорится о лѣности и худоуміи, какъ препятствіи взяться за дѣло; здѣсь и тамъ трудъ предпринимается по чужой иниціативѣ изъ страха отвѣтственности за непослушаніе. Вотъ нѣкоторыя мѣста, представляющія близость мыслей и выраженій:

Прологъ Іоанна экз. у Калайдовича, стр. 129.	Академ. сп. діалект., листъ 109. а.
Азъ же се слыша, мъногашьды хотѣвъ окоуситї оучительскаꙗ сказаниꙗ готова прѣложити въ словѣньскъ ꙗзыкъ; онъı бо ξ-тъ прѣложилъ бѣаше оуже Меөодии, ꙗко же слъıшаахъ, оубоꙗхъсѧ помышлѧꙗ, еда въ него мѣсто хоцоу потроудивъсѧ на оуспѣхъ чади преложити въ свои ꙗзыкъ съказаниѧ оучительскаꙗ, еда боудоуть имъ на исказоу: вѣдѣ бо своего ꙋма тоупость и гроубость и плътьноую немощь и лѣность, се вьсе погонивъ, ѡстахъсѧ сего.	Еже оубо тѣскное разоума и недооумѣтелное ѫзыка моего свѣды. лѣнѣхсѧ ѡ бл҃женіи ꙗже выше силы моеѫ начати и немощнаа дръзнѫти. ꙗкоже нѣкыи бестоудливъ и дрьзостивь..... (л. 110. а.) ниже слово имыи довлѣти мыслимымь могѫщее, б҃жств҃наа и неизреченнаа провѣщаѧ. ꙗже въсѣкыѫ словесныѫ твари прѣвъсходѣща постизаніе. сіа оубѡ помышлѣѫ, лѣних҃сѧ ѡ словеси. боахсѧ заповѣди, речетсѧ истинное да некогда ꙿсоугоубь пріимѫ посмѣхь.

Стр. 130—131.	Листъ 110. б и 111. а.
Азъ же на дъвоѥ разлоучаю страхъ, рекъ: ослоушавъшеомоусꙗ съмьрть боудеть, а послоушавъшемоу жизнь; Б҃оу могоущоу и слѣпъıимъ видѣнье, и глоухъıимъ	нѫ понеже прѣслоушаніа плод съм҃рть. смѣреній же и послоушливыи х҃ствь оученикь бывїй, къ высотѣ возводитсѧ и бл҃адть ѿ б҃а просвѣтител҃нѫѧ пріемлеть. и ѿвръзаѫ

слышанье, и дебелоу же ѹмоу и гроубоу ѡстротоу и разоумѣнье противоу вѣрѣ дающоу; всяко бо дааніе благо и всякъ даръ съвршенъ, съ горы есть съходя ѿ тебе Оц҃я свѣтомъ, его же азъ имя нарѣковавъ, и Сн҃а его Иис҃ Ха҃ и Ст҃аго Дх҃а, ахъся по се дѣло, и прѣложихъ ст҃го Иѡана презвоутера Дамаскина.

ouста исплъньатсѧ дх҃а. не пекысѧ что възгл҃ет. съсѫд же бываѫщомоу дх҃оу в҆ немь. вами же въ вас сщ҃енноначѧл҆ствоуѫщоу хс҃ви повиноуѫсѧ подкланѣѫсѧ повелѣнію. и ѿвръзаѫ оуста, оуповаѫ вашими мл҃твами, яко исплънѣтсѧ дх҃ѡм, и възглѧ словеса не съмысла плѡд моего. нѫ плод иже слѣпыѫ оумѫждрѣѫщаго дх҃а. елика дасть пріемлѧ, и сіа провѣщаѫ. . . . вѣды яко еже аще оубѡ бл҃го съвыше ѿ б҃а чл҃кѡм даровасѧ. понеже въсѣко дааніе бл҃го и въсѣкь дарь съвръшень съвыше есть. съходѧ ѿ ѡ҃ца свѣтом.

Замѣтимъ съ тѣмъ вмѣстѣ еще одно общее свойство: тотъ и другой писатель обращается къ произведеніямъ Аристотеля, хотя Іоаннъ экзархъ въ своемъ «Шестодневѣ» и приводитъ его положенія лишь затѣмъ, чтобы опровергать ихъ. Сомнительно, хотя и не невозможно, чтобы нашъ писатель изучалъ Аристотеля въ подлинникѣ; вѣроятнѣе, что онъ прежде всего познакомился съ нимъ въ произведеніяхъ кого либо изъ церковныхъ писателей, быть можетъ, того же Дамаскина, въ его именно діалектикѣ.

Всѣ эти соображенія приводятъ насъ къ выводу, какъ единственно возможному, по крайней мѣрѣ доколѣ, что въ разсматриваемой нами грамматикѣ мы имѣемъ переводный трудъ Іоанна экзарха, современника Симеона, извѣстнаго и другими важными литературными трудами, какъ переводными, такъ и самостоятельными. Могутъ сказать, что грамматика не снабжена предисловіемъ, которымъ Іоаннъ экзархъ любитъ предварять свои труды. Но эта любовь извѣстна намъ лишь по двумъ его произведеніямъ, «Шестодневу» и «Богословію» Дамаскина, предпринятымъ явно по чужой иниціативѣ; никто однако не можетъ утверждать, что этими произведеніями исчерпывается переводческая дѣятельность энергичнаго и даровитаго труженика на пользу просвѣщенія роднаго края. Кто знаетъ, быть можетъ наукѣ удастся современемъ открыть и другіе труды нашего писателя. Не нужно опускать изъ виду, что разработка древнихъ славянскихъ памятниковъ только

еще началась и не имѣетъ даже прочно установившагося метода. При такомъ состояніи науки нужно особенно бережно и осмотрительно обращаться съ древними свидѣтельствами. Возьмемъ во вниманіе и внутреннюю вѣроятность. Что можетъ быть удивительнаго въ томъ, что въ началѣ переводной дѣятельности и лучшій ея представитель дѣлаетъ попытку дать себѣ отчетъ въ отношеніи славянскаго языка къ греческому, какъ языку подлинниковъ, представить теорію славянскаго языка, какъ руководство для себя и другихъ. Что подобный трудъ былъ желательнымъ и своевременнымъ, можно видѣть изъ знаменитыхъ предисловій того же Іоанна экзарха. Полагать нужно, неопытнымъ переводчикамъ, близко державшимся подлинника въ ущербъ понятности, Іоаннъ экзархъ указываетъ на разницу между греческимъ и славянскимъ языкомъ и на вытекающую отсюда необходимость наблюдать разумъ подлинника, а не букву: «Небо есть льзѣ вьсьдѣ съмотрити елиньска глагола, нъ разоума ноужда блюсти: придеть бо дроугоици моужьско имѧ грьчьскы, а словеньскы женьско, да прѣложьше моужьскомь именьмь, ıакоже лежить грьчьскы, на велику исказоу придеть прѣложенье». (Калайд., Іоаннъ экзархъ, стр. 10). Здѣсь мы уже видимъ теоретика славянскаго языка, различающаго роды именъ. Что же удивительнаго въ томъ, что эту теорію славянскаго языка онъ нашелъ полезнымъ, а можетъ быть и настоятельно необходимымъ изложить съ возможной полнотой, какая была наиболѣе пригодна для его времени. Быть можетъ, по этому-то именно разсматриваемая нами грамматика носитъ явные слѣды сокращенія, передѣлки и нѣкоторой неполноты (съ нашей, разумѣется, точки зрѣнія). Такъ въ ней совершенно нѣтъ фонетики, да и ученіе о частяхъ рѣчи, насколько оно сохранилось, видимо преднамѣренно ограничивается сущностью, преслѣдуетъ цѣли не школьнаго изученія языка, а практическія—общее знакомство съ теоріей языка. Эта сторона грамматики Іоанна экзарха замѣтно выдѣляетъ ее изъ ряда другихъ извѣстныхъ намъ въ болѣе позднее время.

Но эта же самая особенность подала, какъ извѣстно, поводъ находить ее произведеніемъ, недостойнымъ имени Іоанна Дамаскина. Конечно, тамъ, гдѣ дѣло идетъ не о самомъ фактѣ, а его пониманіи, разнорѣчіе всегда возможно. Мы съ своей стороны находимъ, что это недоразумѣніе. Ссылка на то, что наша грамматика воспроизводитъ

положенія грамматики Діонисія Ѳракійскаго и Ѳеодосія, можетъ быть, убѣдительна лишь по связи съ общими успѣхами древняго греческаго языкознанія. На эту сторону мы обратимъ вниманіе въ недалекомъ будущемъ при разборѣ самого текста разсматриваемой грамматики.

Кіевъ. Февраль 1883 г.

ИЗЪ НАБЛЮДЕНІЙ НАДЪ ЯЗЫКОМЪ И ПОЭЗІЕЙ РУССКАГО СѢВЕРА.

Иннокентія Анненскаго.

Мы намѣрены посвятить эти нѣсколько страницъ наблюденіямъ семасіологическимъ и лексическимъ въ сферѣ поэзіи русскаго сѣвера, насколько это возможно по имѣющимся печатнымъ матеріаламъ. Матеріаломъ въ данномъ случаѣ послужили сборники: Рыбникова, Гильфердинга и Барсова (2 тома «Причитаній Сѣв. кр.»). Мы ограничиваемся выдѣленной областью явленій тепла и холода, по скольку эти явленія отразились въ языкѣ и поэзіи русскаго сѣвера.

Источникомъ тепла и свѣта является солнце. Въ [illegible] народной поэзіи оно играетъ очень видную роль. Но намъ придется только вскользь говорить о солнцѣ, потому что народная фантазія антропоморфируетъ его главнымъ образомъ какъ свѣтило. Самый эпитетъ «красное» указываетъ на блескъ, а не на тепло, [illegible] изъ конкретнаго поэтическаго образа. Впрочемъ, если говорится о лучахъ солнца или его лучахъ, то обыкновенно указывается на ихъ теплоту: Печетъ красно солнышко (Рыбн., I, 155); —не оппекетъ (Ibid., 254); Отъ жаркаго лучи печетъ (Ibid. 214); Отъ очей какъ отъ лета быдто лучъ печетъ (Гильф., 311); Одно красное печетъ солнышко (Барс., I, 71); Скорое гуляешь печетъ красное солнышко (Б. I, 149); Красно солнышко печи не припекаетъ (Б., I, 85); Жалобно солнце востекало (Б., I, 85). Иногда печетъ значитъ жаръ, что свѣтитъ, какъ напр. въ случаѣ особеннаго заѣдаемой или въ слѣдующемъ выраженіи у

Гильфердинга: Сказалъ воду увидѣлъ покупалось красно солнышко

(377). Кромѣ обыденнаго эпитета красно солнце имѣетъ еще цѣлый рядъ эпитетовъ: тепло (Б., I, 194), тепло-красно (Б., I, 192), миженно (Б., I, 93), миженно-красно (Б., I, 190) тепловито (Б., I, 72), тепловито-красно (Б., I, 72). У Гильфердинга есть мѣста, гдѣ для солнца прибрано 4 эпитета: Закатилося сугрѣвное, меженное, тéплое, красное солнышко (Г., 580). Солнце, какъ источникъ тепла, является въ поэзіи и метафорически.

Ласка выражается посредствомъ обращенія тепло солнышко (Б., I, 190 и 194). Это примѣняется по большей части къ родственникамъ и близкимъ людямъ. Жаркіе лучи солнца сравниваются съ появленіемъ любимаго гостя. (Б., I, 246). Теплота солнца не чувствуется печальными, сиротами, обездоленными (Б., I, 69, 85), или оно печетъ этимъ бѣднякамъ жалобно, сквозь холодный туманъ (Б., I, 169). Сердце печальныхъ не согрѣвается, не утѣшается (Б., II, 115). Солнце, которое печетъ сквозь туманъ, олицетворяетъ собою печаль.

И во туманѣ пече красно теперь солнышко,
И во печали златокрылый ты ясенъ соколъ (Б., II, 110).

Одно теплое солнце на небѣ олицетворяетъ собою одно желаніе въ сердцѣ (Б., I, 71).

Разница въ теплѣ между утреннимъ и позднимъ солнцемъ тоже метафоризируется въ народной поэзіи:

Съ утра солнышко не спекло,
Подъ вечеръ солнышко не огрѣё (Г., 1116),

(т. е. не приняли гостя, какъ слѣдуетъ, съ самаго начала, — значитъ ужъ подъ конецъ его не учествовать.) О мѣсяцѣ говорится, что онъ печетъ, очевидно, въ смыслѣ свѣтитъ: Пекё мѣсяцъ то свѣтлёшенько, да не тонь есте теплёшенько (Б., I, 50).

Иногда солнце и мѣсяцъ сопоставляются въ различныхъ функціяхъ, Напр. у Гильфердинга:

Роспекло то севодни красно солнышко
Освѣтитъ то севодни младъ свѣтелъ мѣсяцъ.

Вмѣсто солнца иногда встрѣчается слово жаръ. Въ смыслѣ температурномъ мы находимъ это слово въ выраженіи: Личико жарамы зажарило (Г., 971), или жары непомѣрныи (Г., 214); но чаще въ смыслѣ чисто свѣтовомъ. Ср. слово жаръ-птица, или у Гильфердинга:

На верху шеломъ, какъ быдто жаръ горитъ (527), кровельки золоченыи какъ жаръ горятъ (ibid., 530).

Лѣто въ поэзіи называется теплымъ, (Б., I, 69), краснымъ или тепло-краснымъ (203). Замѣтимъ также выраженіе слѣтна сторона (Г., 1118) = югъ.

Огонь, пламень, искра фигурируютъ въ народной поэзіи и главнымъ образомъ по своей функціи. Огонь имѣетъ эпитетомъ слово плящій (Б. II, 229, 247; тотъ же эпитетъ примѣняется къ молніи и морозу). Искра называется плящею, трескучею (Б., II, 247), неутышною (Г., 473). Глаголы, прилагаемые къ слову огонь,—это горѣть, жгать (жечь), сѣчетъ (Ср. Г., 30, 473, 531). При описаніи пожаровъ встрѣчаемъ слѣдующія выраженія: огнемъ горитъ (Г., 531), огню придали (Г., 208); съ коньца его зажгу, головней покачу (Г., 229); на дымъ спущу (Р. 66). Изображенія огня мы находимъ въ былинахъ, между прочимъ: при описаніи рѣки Пучай (Г., 30), при описаніи чудеснаго богатырскаго коня (Г., 1081), при описаніи того, какъ Марина жжетъ Добрынины слѣды (см. ниже). Дѣйствіе огня на человѣка иногда представляется образно:

И съ огня съ пламяни буйна голова рострескалась.
И дымомъ съѣло-то побѣдны наши очушки (Б., II, 222).

Огонь иногда представляется, какъ нѣчто страшное, угрожающее:

И не огонь иду, горюшица, не обпалю
И не змѣя иду, побѣдна, я не оклюну (Б., II, 27; I, 53).

Горѣніе огня, которое можно наблюдать и чувствовать извнѣ, не получило однако въ народной поэзіи такой обширной области изображенія, какъ тотъ невидимый внутренній огонь, про который въ причитаніи говорится:

Безъ огня мое сердечко разгоряется,
Безъ смолы моя утроба роскипляется (Б., II, 3).

Наружный огонь часто смѣшивается съ свѣтомъ, какъ мы видѣли выше, и какъ можемъ видѣть еще въ словѣ свѣща. Умирающаго часто сравниваютъ съ гаснущей свѣчой (или падающей звѣздой—Б., II, 18, 28). Этой свѣчѣ придаются эпитеты: милая, нетопленая, мѣстная (Ср. Р., 394; Г., 981). Вѣроятно въ народной фантазіи играетъ роль не только свѣтъ, но и нѣкоторая теплота горящей свѣчи, эмблема

жизненности. Но въ выраженіи: «Молодцы на коняхъ какъ свѣчи горя» (Г., 1099) очевидно представляется только свѣтъ. Изъ несвѣтящихъ, но очень горячихъ предметовъ въ народной поэзіи нерѣдко встрѣчается смола. Богатырь Дунай мочитъ въ кипящую смолу плетку, чтобы наказать Настасью Микуличну (Р., 185). Но чаще кипящая смола аллегорически изображаетъ душевное страданіе (Б., I, 44, 64; II, 110). При этомъ иногда смола называется горькой (Б., II, 229) или лютой (Б., II, 177). Оба эпитета употребляются лирически, съ пессимистическимъ характеромъ.

Разсмотримъ теперь поэтическія выраженія того внутренняго пламени, которое въ народной фантазіи пожираетъ то сердце, то утробу, то жилы, то кровь человѣка и характеризуетъ нѣсколько разнородныхъ душевныхъ движеній и состояній.

Огонь символизируетъ сильное желаніе, страсть, похоть: Есть ли охота, горитъ-ли душа со мной дѣвицей позабавиться (Р. 64), говоритъ одна изъ былинныхъ прелестницъ. Горите вы, слѣдочки Добрынины. Гори-тко во Добрынюшкѣ по мнѣ душа (Гф. 26, 1089), говоритъ другая. Катерина, обращаясь къ Чурилѣ, и Настасья, обращаясь къ Ивану Годиновичу, говорятъ, что у нихъ сердце розгорѣлосе (Гор. 1268, 1203). Едва ли не позднѣйшимъ надо считать слѣдующее выраженіе въ одномъ изъ былинныхъ варіантовъ:

> Ужъ вы, нойте, нойте, слѣдочки вы Добрынины,
> Чтобы ныло у нево да ретиво сердце (Г. 1327)

Желаніе чего нибудь съѣстнаго, возбужденіе аппетита тоже можетъ изображаться горѣніемъ. За первымъ колачикомъ или за первой чарочкой по второй душа горитъ (Г., 525, 826; Р., 282, 287). Рѣже говорится просто: Да цару пьешь, другая хочется, да безъ третьей и минуть нельзя (Г., 1075). Ср. также выраженіе—упальчивый до вина (Г., 814). Интересно, что самое дѣйствіе выпитой чаши есть заливающее, укрощающее внутренній пожаръ: Окати свое ретивое сердечушко, говорятъ богатырю, предлагая ему вина; Облей, обкати свое ретливое сердечушко (Р. 471). Иногда и обыкновенное, болѣе отвлеченное желаніе выражается метафорически подобнымъ же образомъ, напр. у Василья Буслаевича богатырское сердце пожадѣлося и разгорѣлося ѣхать въ Іерусалимъ (Р., 361) или

Владиміръ спрашиваетъ богатыря: горитъ ли у него душа вмѣстѣ съ князем попариться (Р., 247).

Процессъ горѣнія символизируетъ также приливъ силы, удали. Напр. богатырь встрѣтилъ препятствія.

Розгорѣлось ёго сердце богатырское
Скочилъ онъ черезъ гору каменну (Г., 294—295).
Розгорѣлось его сердце богатырское
Роскипѣлась его мысель молодецкая (Г., 362).

Богатырь ѣдетъ въ догонку за врагомъ:—

Молодецко сердце разгорѣлоси
Ай и пробовать силы захотѣлоси (Г., 898).

Иногда вмѣсто розгорѣлось въ томъ-же смыслѣ говорятъ росходилось, розретивилось.

Приливъ силы и удали, доходящій до полнаго увлеченія выражается въ былинѣ о Васильѣ Буслаевѣ слѣдующимъ образомъ:

Росходились мои плечушка могучіи
Розгорѣлось то сердечушко ретивое,
Бѣлый свѣтъ въ глазахъ да помятушился (Г., 596).

Горячность съ приливомъ силы и удали особенно разыгрывается въ бою: при видѣ татарской силы у богатырей сердца разгорѣлись и жилы расходились (Г., 659).

Отъ того отъ пару татарскаго
Разгорѣлось сердце богатырское (Р., 104).

Иногда чувство горячности пріобрѣтаетъ въ изображеніи новый спеціальный оттѣнокъ.

Когда Илья выпилъ волшебную чашу и почувствовалъ приливъ силы, у него

Богатырско его сердце разгорѣлося
Его бѣлое тѣло распотѣлося (Р., 34)

или

Разъярилось сердце богатырское,
Раскипѣлась кровь молодецкая (Р., 79).

Впрочемъ, разъярилось значитъ обыкновенно разсердилось; напр. у Василья Буслаева при далеко не любезномъ объясненіи съ крестовымъ батюшкой

Богатырское сердце разъярилося (Р., 349).

Выраженіе же распотѣлось употребляется при описаніи усталости послѣ подвига, когда богатырь чувствуетъ необходимость освѣжиться. Напр. когда Добрыня потопталъ поганыхъ змієнышей, повыручилъ полоновъ русскіихъ,

Богатырско его сердце пожадѣлося,
Пожадѣлося и распотѣлося (Р., 123).

Торопливость и забывчивость выражаются въ народной поэзіи, какъ слѣдствія разгоряченнаго состоянія человѣка. Напр. Василій Буслаевъ въ торопяхъ — въ озарности чуть не убилъ мать (Г. 292). Вспомнимъ также:

Онъ скорешенько бѣжитъ во широкій дворъ
Во тоя великой во горячности (Р., 160).
Со тоя онъ великія горячности
Просмотрѣлъ ступень шашечный.

Но самое обыкновенное проявленіе душевной горячности, которая изображается въ видѣ горѣнія, — это аффектъ гнѣва

Разгорѣлося сердце царское (Р., 451).
Кровь то въ немъ роспылаласи,
Сердце его розгорѣлоси
За эту родительску обидушку (Г., 519).

Ермакъ сердится: Розгорѣлось сердце богатырское (Г., 602).

Владиміръ сердится: Розгорѣлось ретиво сердце,
Роскипѣлась кровь горячая (Г., 1322).

Грозный сердится: Будто сине море всколыбалосе,
Богатырско сердце розгорѣлосе (Г., 1145).

Аффектъ гнѣва выражается и другими глаголами: расходиться (Г., 728), розсердиться (Г., 620) розретивиться (Г., 929), роззадориться (Г., 234), озвѣриться (Г., 956). Разсерженный человѣкъ называется розгнѣванный, роздраженный (Г., 234). Аффектъ гнѣва, по народнымъ представленіямъ, сопровождается приливомъ силъ и энергіи: плечи и руки расходятся. Но духовныя способности притупляются. Богатырь не разсчитываетъ, не соразмѣряетъ силъ. Василій Буслаевъ признается:

Росходились мои плечушки могучіи,
Розгорѣлось-то сердечушко ретивое,
Бѣлый свѣтъ въ глазахъ да помятушился (Г., 596).

Народная мудрость предупреждаетъ увлекшагося богатыря: погинешь по напрасному; сорвешься надорвешься (Г., 559). Помутившееся око характеризуетъ состояніе гнѣва, даже когда онъ не переходитъ непосредственно въ дѣйствіе. Ср. для примѣра изображеніе Ивана Грознаго, когда онъ узнаетъ объ измѣнѣ,—онъ сердится на пушкарей или на нарядную одежду Никиты Романовича (Г., 105 bis, 109). Не только аффектъ гнѣва, но и любовная страсть (изображаемая въ видѣ внутренняго огня) сопровождается подобнымъ-же притупленіемъ духовныхъ способностей:

Помѣшался у меня разумъ во буйной головѣ,
Да помутились у меня да очи ясные (Г., 1064),

говоритъ одна изъ былинныхъ прелестницъ.

Говоря объ изображеніи гнѣва, не можемъ пройти молчаніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ изображается напавшія на человѣка, въ минуту расправы, колебаніе и нерѣшительность:—

Права ручушка въ плечи да остоялася,
Въ ясныхъ очушкахъ да й помутился свѣтъ (Г., 465).

Око помутилось, рука застоялась, сердце пріудрогнуло у богатыря, задумавшагося надъ рѣшительнымъ ударомъ. (Ср. изобр. у Г., 231, 232, 244; у Р., 70, 701 Г.)

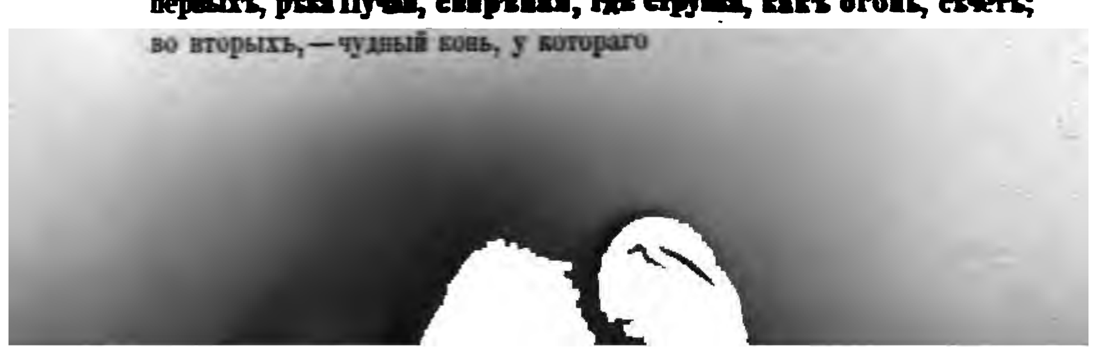
Прекращеніе гнѣва изображается глаголами: прекратить, укротить, укрѣпить, утишить (сердце или мысли)—Г., 611, 772, 596, 955;—

Не укрятаешь плеча могучаго,
Не утѣшишь (т. е. не удовлетворишь, не насытишь) сердца молоденкаго.

Укротить сердце обозначаетъ обыкновенно перестать проявлять гнѣвъ, перестать драться (Г., 293, 535).

Аффектъ гнѣва—отсюда свирѣпость, приливъ силы—отсюда необычайный размахъ, сила движеній;—эти явленія народная фантазія символизируетъ процессомъ горѣнія не только въ мірѣ людей.

Напомню два былинныхъ образа, которые, кажется, не остались безъ вліянія со стороны изображенія человѣческой души. Это—во первыхъ, рѣка Пучай, свирѣпая, гдѣ струйка, какъ огонь, сѣчетъ; во вторыхъ,—чудный конь, у котораго



Изъ ноздрей то искры сыплются,
Изъ ушей то дымъ столбомъ стоитъ (Р., 75),
Изо рта у добра коня пламя́ маше (Г., 108!)

и про котораго говорится, что

Скоки́-ты онъ скаче по цѣлой версты (Г., 1081).

Но пламя, сжигающее внутренняго человѣка, изображаетъ не только страстныя желанія и аффектъ гнѣва; всевозможныя проявленія грусти,—отъ тихой печали до жгучей скорби,—рисуются подобнымъ же образомъ.

Вспомнимъ слова: горе, печаль; эпитеты слезъ: горькія и горючія; слова: горюша, горюшица, горепашица; выраженія: горькая сирота, горе — горькая сирота.

Тоска — состояніе продолжительной скорби, обыкновенно называемой неугасимой (Б., I, 18). Зла несносная, тоска неугасимая (Б., I, 39); Зладѣтинная тоска неугасимая (Б., II, 4, 99).

Вмѣсто прекратить тоску говорится: угасить тоску (Б., II, 135). Народная поэзія отлично изображаетъ начало и затѣмъ усиленіе скорби:—

И быдто вёшная вода да разливается,
И такъ тоска у мня побѣдной разгоряется (Б., II, 159).
Побѣдное сердечко разгорѣлося
И такъ обидушка съ досадой расходилася (Б., II, 23).
Уже такъ мое сердечко разгоряется
И зла великая кручина расходилася
И на сердечушкѣ тоска да распалилася (Б., II, 44)
И у бладенчиковъ утроба разжигается (отъ грусти, что отца берутъ въ солдаты).

Отмѣтимъ два обыкновеннѣйшихъ способа изображенія жгучей печали:

1) Способъ положительнаго сравненія:

Какъ огнемъ горитъ ретливое сердечушко,
Какъ смолой кипитъ безсчастная утробушка (Б., II, 118).

2) Способъ отрицательнаго сравненія.

..безъ огня..сердечко разгоряется
И безъ лютоей смолы да роскипляется (Б., II, 177, 3, 110).

Вотъ полное картинное описаніе жгучей тоски-печали:

И какъ што діется въ моемъ да ретливомъ сердчѣ,
И на безсчастноей на матерной утробушкѣ.
И будто лютая змія да тамъ свивается,
И въ родѣ плящія огни да разгоряются,
И быдто горькая смола да роскипляется (Б., II, 229).

О прекращеніи печали, какъ о прекращеніи гнѣва, говорится: уходиться, утѣшиться (Б., II, 115).

Изстрадавшійся человѣкъ изображается такъ:

Вся утробушка моя да перержавѣла (Б., II, 41; ср. у Рыбникова: сердце соржавѣло значитъ старость пришла).

Сердце, нечувствительное къ печали и состраданію, называется плотно-каменнымъ (Б., II, 43).

Явленія теплоты занимаютъ въ народной поэзіи меньше мѣста, чѣмъ явленія огня и сгаранія. Припомнимъ теплое солнце и теплое лѣто. Къ теплотѣ отношеніе чисто оптимистическое. Пріятное, близкое, ласковое зовется теплымъ. Сестра называетъ братьевъ— теплы солнышки (Б. I, 194). Эпитетъ теплый прилагается къ банѣ Б., I, 82; теплопарный), печкѣ (Б., I, 113), гнѣзду (Б., I, 7, 227, 265), къ пазухѣ (отсюда къ человѣку):—Не убоюсь выду—тепла моя пазушка (Б., I, 103),—и къ ласкательному слову: сугревушка (Б., I, 168).

Гнѣздо это метафора родного дома; оно называется: тепло, тепловито, тепло-вито, вито-тепло и употребляется обыкновенно въ лирической формѣ.

Притеплить значитъ не только согрѣть, но отчасти утѣшить, успокоить. Вотъ, напр., какъ изображается грусть дочери по умершей матери:

(Солнце уже не грѣетъ сироту)
Лишь притеплитъ меня бѣднушку
Зеленая дубравушка
На могилѣ моей матушки (Б. I, 169).

Слово сугревушка (только въ лирической формѣ) чрезвычайно характерно (Ср. сугрѣвать—сугрѣвна шубенка (Б., II, 64). Кромѣ эпитета теплая, при этомъ ласкательномъ словѣ стоитъ еще эпитетъ сердешная (Б., I, 226).

Перейдемъ къ явленіямъ холода. Метафоризаціи холода ограниченнѣе.

Зима, сѣверный вѣтеръ, страданія отъ холода зачастую фигурируютъ въ сѣверной поэзіи. Но кругъ душевныхъ явленій, характеризуемыхъ холодомъ, очень не великъ и метафоры холода, въ противуположность метафорамъ тепла, отличаются чисто пессимистическимъ характеромъ.

Разсмотримъ слова для названія холода и сопряженныхъ съ нимъ явленій.

Зима имѣетъ эпитеты холодной и студеной (Б., I, 21, 203, 155; Б., II, 18):

Назябнетесь студенной холодной зимой (Б., I, 95). Иногда зима называется просто холодной (Б., I, 69) или просто студеной. Безъ эпитета слово встрѣчается рѣдко (Ср. Гильф., 984). Часто эпитетамъ не придается никакого характернаго значенія:

Пріобженимъ по студеной холодной зимѣ (Б., I, 107).

Зима называется и лирическимъ именемъ зимушка (Б. I, 74, 69, 155). Видоизмѣняться въ такую же форму въ этой области способны слова: вѣтеръ, морозъ, снѣгъ въ противуположность словамъ: буря, сиверъ, стужа. Было бы ошибкою приписывать этимъ лирическимъ формамъ ласкательный или уменьшительный смыслъ. Вѣрнѣе, что это просто признаки болѣе частаго употребленія словъ въ поэзіи, либо признакъ изображенія предмета или явленія въ сферѣ его непосредственнаго вліянія на жизнь человѣка.

Замѣтимъ мимоходомъ отсутствіе лирической формы для слова мѣсяцъ.

Слово: зимній или зимный (въ краткой формѣ зимну) съ оттѣнкомъ холодный прилагается къ словамъ: ночь (Б., I, 185) и погода:

Ужъ какъ это чужое зло подворьице,
Быдто зимнее холоднее погодьице (Б., I, 227).

Въ смыслѣ чисто обстоятельственномъ оно прилагается къ слову извощикъ (Б., I, 203).

Изображеніе зимы въ народной поэзіи связано съ изображеніемъ человѣческихъ страданій отъ холода:—

Студеной зимой вы ю да не знобите-тка (Б., I, 222).
Назябнетесь студеной холодной зимой (Б., I, 95).

Въ одномъ причитаніи рисуется цѣлая картина страданій маленькихъ сиротъ отъ зимняго холода (Б., I, 155):

Вы студеной этой зимушкой согрѣйте-тко!

Эта просьба равносильна нашему не оставьте, не забудьте.

Но зима является, такъ сказать, только обстановкой страданій.

Причиною зимы въ былинѣ является морозъ:

Началася зима отъ мороза (Г., 330).

Морозъ играетъ роль активную. Онъ ударяетъ, щелкаетъ, заставляетъ трескаться:

Въ родѣ травоньку морозомъ пріударило (Б., I, 190).
Морозомъ прищелне ручки бѣлыя (Б., I, 155).

Отъ морозу трескаетъ сердце или утроба, по выраженіямъ народной поэзіи (Б., I, 69; II, 38, 120):

И отъ морозушку сердечко порастрескаетъ (Б., II, 76).
И отъ морозушку утроба бы не трескала (Б., II, 120).

Это тотъ холодъ, про который мы говоримъ, что онъ пробираетъ, донимаетъ человѣка.

Обратимъ вниманіе на выраженія:

Безъ морозу сердце вызябло (Б., I, 55).
Отъ снѣжку то зябутъ рѣзвы у ихъ ноженьки,
И отъ оружьица безсчастны ручки бѣлыи
И отъ морозушку сердечко перетрескаетъ (Б., II, 38).

Вспомнимъ при этомъ, что въ народной поэзіи солнце отогрѣваетъ именно сердце человѣка; подъ его лучами оттаиваетъ безсчастная утробушка (Обогрѣйте у безсчастныхъ ретливо сердче.—Б., II, 127). Вмѣсто отвлеченныхъ выраженій: ему холодно, онъ согрѣлся, народная фантазія представляетъ подверженнымъ дѣйствію предполагаемый ею центръ чувствующаго человѣка.

Морозъ, какъ было сказано раньше, имѣетъ въ языкѣ народной поэзіи и лирическое названіе. Его эпитеты: плящій (обыкновенный эпитетъ огня — Б., I, 246; II, 229, 247), студеный (II, 74, 201), крещенскій (Б., II, 37), неудобный (Б., II, 201).

Нужно отмѣтить и производное слово морозница:

Припечаливши хоромное строеньице
По вону стоитъ горница
По нутру стоитъ морозница (Б., I, 167).

Слово мерзлый употребляется въ смыслѣ мертвый:

Прибила Татарина тутъ мертваго,
Мертваго она мерзлаго (Р., 234).
Возьмите поганаго татарина,
Хоть мертваго его мерзлаго (Р., 455).

О выраженіи холоднее погодьице было уже упомянуто. Съ нимъ сравнивается въ народной поэзіи чужой домъ; родной домъ изображается въ видѣ теплаго гнѣзда.

Слово стужа встрѣчается довольно рѣдко. Употребительнѣе уже упомянутое прилагательное студеный и однокоренныя: студить, остуда, остудней, остудникъ, простудить, стыдъ, стыдитель, простыть, постылый. Они имѣютъ значеніе прямое и метафорическое.

Въ прямомъ смыслѣ стужей называется холодная пора.— Стужа со морозами крещенскими (Б., II, 37) или просто холодъ.— Велику себи стужу принимаетъ (Г., 330). Слова студить, простудить, застудить употребляются въ прямомъ смыслѣ. Застудить имѣетъ оттѣнокъ непріятный; простудить, наоборотъ, значитъ освѣжить.

Сирота жалуется, что «ее застудила холодна вода» (Б., II, 159). Добрыня, собираясь купаться, хочетъ «простудить тѣло нѣжное» (Г., 340).

Остуда значитъ непріятность и врагъ (См. Словарь Барсова):

Ублуждала ей буйную головушку
Хоть остуду отъ семьи я принимала (Б., I, 129).
Остудушки въ семьѣ не возводила (Б., I, 82).
Намъ не по уму остуда—чужа сторона (Б., I, 84).
Остудушки въ семьѣ не заводили бы (Б., I, 43).

Остуднѣй передается словомъ постылый.

Напр. женихъ не по сердцу.—Остудней бладъ-отецьской сынъ (Б., I, 84). Вмѣсто остуднѣй употребляется слово остудникъ (Б., I, 273).

Слова—стыдъ, стыдить (стыдитель) употребляются въ значеніи близкомъ къ литературному, но только въ болѣе ограниченномъ объемѣ. Иногда они характеризуютъ дѣйствія, оскорбительныя для женской чести:

Безъ меня не пристыдилъ (Г., 296),

говоритъ дѣвица про богатыря.

Какъ мужніимъ женамъ не стыдитель былъ (Б., II, 28),

говорится въ похвалу покойнику.

(Съ другимъ оттѣнкомъ—Р., 324; Г., 252; Б., I, 199. Съ оттѣнкомъ близкимъ къ бранить—Б., I, 216). Вмѣсто постылый встрѣчается слово пустылый:

И пустылая родима каже родинка (Б., II, 25).

Тутъ очевидно вліяніе народной этимологіи.

Простыть (на ножичкѣ) — это выраженіе употреблено въ былинахъ однажды въ смыслѣ умереть, быть убитымъ (Сравни другое, болѣе обыкновенное образное выраженіе съ тѣмъ же смысломъ — облиться своею кровью).

Застынуть употреблено неопредѣленно, то-ли въ смыслѣ замерзнуть, то-ли въ смыслѣ умереть:

Аль застынулъ онъ на широкой на уличкѣ? (Б., I, 275).

Призастынуть употребляется въ переносномъ смыслѣ:

Призастынуло побѣдно ретливо сердче (Б., II, 240).

Здѣсь изображается тупое отчаяніе.

Весьма близко къ слову студить въ прямомъ и переносномъ смыслѣ подходитъ слово знобить (стыть—зябнуть):

Студеной зимой вы ю да не знобите-тко! (Б., I, 222).

Въ переносномъ смыслѣ знобить значитъ доставлять непріятное ощущеніе. Мать на распросы дѣтей объ отцѣ говоритъ:

И лучше дѣтушки не говорили-бы
И сердечушко мое да не знобили-бы (Б., II, 182).

Зазноба (обыкновенно въ лирической формѣ: зазнобушка) значитъ горе или точнѣе чувство, вызываемое обидой или отчужденіемъ.

Сирота говоритъ:

Отъ плѣмнятъ не велика приберегушка,
Только на сердчѣ великая зазнобушка (Б., I, 113).

Или въ сердцѣ является обидушка, въ утробѣ зазнобушка (Б., I, 199). Ознoба употребляется въ томъ же смыслѣ и въ той-же формѣ:

Не по лѣтушкамъ великая ознобушка (Б., II, 69).

Ознобный = остудный, впрочемъ съ болѣе пессимистическимъ характеромъ. (Ср. По чужой-то дальней ознобной сторонушкѣ. — Б., I, 269).

Субъективныя выраженія суть: зябнуть, зяблый, подзяблый, позяблый, холодный (терпящій холодъ Б., I, 2), холоднуть. Въ прямомъ смыслѣ зябнуть говорится обыкновенно про лице, руки, ноги (Б., II, 38, 76).

Интереснѣе переносное значеніе: сирота называется — позяблая обиднушка (Б., I, 109), неубрано позябло дитятко, позяблая сѣмяниночка (Б., I, 71). Позяблой (Б., I, 85) называется бѣдная мать, которая схоронила дочь (Б., I, 114); бѣдный молодой рекрутъ сравнивается съ подзяблой изюмной ягодиночкой (Б., II, 56) и подсохлой (отъ холоду?) сахарной деревиночкой (ibid.). Но самое обыкновенное выраженіе тупого страданія — это (по)зяблая утробушка (Б., I, 159, 169; II, 4, 115, 117, 127). Часто сюда прибавляется слово безсчастная (Б., II, 127, 135, 139). Подходитъ сюда же по значенію рѣдко встрѣчающееся выраженіе унылая утробушка (Б., II, 6).

Въ страданіяхъ, изображаемыхъ метафорами холода, нѣтъ того жгучаго, сердитаго, мстящаго характера, который обыкновенно отмѣчается метафорами горѣнія; они выражаютъ пассивное, подавленное состояніе души. Это состояніе особенно хорошо характеризуется въ стихахъ: Обмирала моя зяблая утробушка (Б., I, 159), Умирать буде заблая утробушка (Б., I, 169; ср. также Б., I, 249). Является оно или при отчаяніи по поводу смерти (Б., I, 249), или слѣдствіемъ страха и мрачныхъ предчувствій (Б., I, 275).

Холодный, какъ мы уже сказали, въ субъективномъ смыслѣ означаетъ терпящій холодъ (Б., I, 2):

На сине море иди да ты холодная,
Во чисто поле иди да ты голодная (Б., I, 267).

Сопоставленіе холода и голода, можетъ быть, отчасти обусловленное созвучіемъ, — явленіе весьма постоянное (Б., I, 167. Ср. также Г., 99). Холоднёшенько употребляется въ смыслѣ трудно, тяжело, непріютно:

Вѣтры віютъ потихошеньку,
Анъ приходитъ холоднешенько
Сиротинкамъ краснымъ дѣвушкамъ (Б., I, 72).

Интересно сравненіе непріятной, чуждой для уха клички «вдова» съ холодной водой:

Какъ несчастней вдовой называютъ,
Бывъ холодное водой поливаютъ (Б. I, 39).

Холодный сѣверный вѣтеръ называется сиверомъ или витромъ (ѣ) сиверомъ. Его эпитеты сильной, свирѣпый (Б., I, 262). Расходившійся сиверъ сравнивается съ горемъ, которое расходится по сердцу у сироты:

Не отъ сивера волна расшумѣлася:
Такъ тоскуе сирота горегорькая (Б., I, 98).

Тоскующая дочь думаетъ, что ея покойная мать оставила на землѣ свое желаніе въ витрѣ сиверѣ (Б., I, 63). Свирѣпость и сила сивера вызываютъ на сравненіе его съ мачихой:

Каково тепло отъ буйнаго отъ сивера
Таково добро отъ лихой живе мачихи (Б., I, 85).

Снѣгъ рисуется въ народной поэзіи довольно часто. Народъ зоветъ его «перистымъ снѣжкомъ», и его изображеніе не имѣетъ пессимистическаго характера. Припомнимъ поэтическую картину утренней прогулки Чурилы. Тающій снѣгъ метафорически изображаетъ смерть (умираетъ дѣвушка):

Какъ снѣжечки быдто таютъ кругомъ-на-околъ огней (Б. I, 116).

Слово прохладный употребляется въ смыслѣ пріятный. Слабая степень холода кажется пріятною, какъ и тепло — слабая степень жара. Особенно часто примѣняется прилагательное прохладный къ слову жирушка (т. е. жизнь), въ противуположность: маетной, бобыльской, сколотной. Отмѣтимъ также прохлаждалися (прокла-жалися ?) въ смыслѣ отдыхали (Б. I, 211). Близко по значенію подходитъ кладбищо, прокладбищо (— гульбище). У Гильфердинга прохлаждаться рѣже, чѣмъ проклаждаться (x — 126; $к$ — 208, 233, 291). Если первоначальной слѣдуетъ считать форму съ $к$, то

нельзя ли принять, что слово хладъ, прохлада въ народномъ сознаніи повліяли семасіологически на данную группу словъ и придали ей оттѣнокъ своего смысла.

С.-Петербургъ. Февраль 1833.

ОБЪ ОСОБЕННОСТЯХЪ УГРОРУССКАГО ГОВОРА.

Антона Семеновича.

«Не красна моя работа,
«Подарить была охота».

Въ настоящей статьѣ перечисляются тѣ грамматическія и лексикальныя особенности, которыя преимущественно или исключительно, въ большей или меньшей мѣрѣ, свойственны угрорусскому говору. Въ дополненіе предлагается нѣсколько образцовъ названнаго говора, заимствованныхъ изъ неизданныхъ сборниковъ пѣсенъ и т. п. Все это въ совокупности можетъ до нѣкоторой степени ознакомить съ однимъ изъ самыхъ отдаленныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ любопытныхъ отпрысковъ русскаго языка. Сообщаемыя здѣсь данныя частію почерпнуты изъ наблюденій самого автора надъ живымъ языкомъ, частію же извлечены имъ изъ рукописныхъ сборниковъ, а также изъ русско-мадьярскаго словаря Митрака. Русская діалектологія — предметъ, далеко не разработанный, а потому можно надѣяться, что настоящая статья, составленная при содѣйствіи двухъ природныхъ угророссовъ, а именно Е. Е. Бачинскаго и В. Ѳ. Кимака, подастъ поводъ другимъ ученымъ соотечественникамъ ихъ къ дальнѣйшимъ, болѣе подробнымъ, болѣе основательнымъ и болѣе точнымъ изысканіямъ.

При нынѣшнемъ состояніи славяновѣдѣнія, едва ли нужно упоминать, что здѣсь идетъ рѣчь о языкѣ полумилліона сѣверовосточной Венгріи и проч., но, оставляя въ сторонѣ сообщеніе подобныхъ свѣдѣній, авторъ считаетъ необходимымъ войти въ краткое разсужденіе

о томъ, какое мѣсто занимаетъ угрорусскій говоръ посреди другихъ многочисленныхъ отраслей русскаго языка.

Что угрорусскій говоръ принадлежитъ къ малорусскому нарѣчію, это не подлежитъ сомнѣнію, но вопросъ въ томъ, съ которымъ именно изъ малорусскихъ поднарѣчій этотъ говоръ находится въ ближайшемъ сродствѣ?

Я. Ѳ. Головацкій, раздѣливъ въ § 24 своей «Росправы» южнорусскій языкъ (т. е. малорусское нарѣчіе) на волынско-подольское, галицкое и карпаторусское нарѣчія, тѣмъ самымъ призналъ угрорусскій говоръ за одну изъ разновидностей особаго, самостоятельнаго малорусскаго поднарѣчія, названнаго имъ карпаторусскимъ или горскимъ. По словамъ этого почтеннаго ученаго, карпаторусское поднарѣчіе «любитъ широкіе гласные *а* и *я* и сокращенный творительный падежъ на *овъ*, *евъ*, употребляетъ иногда полугласное *ь* вмѣсто *е*, различаетъ *ы* и *и* и особенно любитъ *ы* послѣ гортанныхъ *г*, *к*, *х*». Въ дополненіе и какъ бы въ поясненіе этого взгляда можно привести слѣдующее замѣчаніе Головацкаго, изложенное на стр. 62 его сочиненія «о костюмахъ или народномъ убранствѣ Русиновъ или Русскихъ въ Галичинѣ и сѣверовосточной Венгріи»: «Славянорусское населеніе въ сѣверовосточной Угорщинѣ (Угріи или Венгріи) столь же древнее, какъ галицко-русское. Мадьяре, пришедши въ эту страну, нашли уже на южномъ скатѣ Карпатскихъ горъ не только многочисленный народъ, но и города: Ужгородъ (Unghvár) на рѣкѣ Ужъ или Угъ, Мукачево (Munkács) на рѣкѣ Латорицѣ и др. И по сю пору русскій людъ населяетъ всю южную пологость Карпатъ отъ рѣки Попрадъ (у подошвы Татровъ) до верховьевъ рѣки Тисы и т. д.».

Нѣсколько иначе думаютъ другіе. Такъ, напримѣръ, и профессоръ Огоновскій различаетъ въ своемъ сочиненіи «Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache. Lemberg 1880» подольско-волынское, галицкое и горское или карпатское нарѣчія, но здѣсь эти нарѣчія являются уже поднарѣчіями или вѣрнѣе разнорѣчіями червонорусскаго поднарѣчія, которое въ свою очередь вмѣстѣ съ южномалорусскимъ, сѣверномалорусскимъ и даже бѣлорусскимъ поднарѣчіями входитъ въ составъ малорусскаго нарѣчія или, согласно терминологіи автора, рутенскаго языка. На стр. 18—19 г. Огоновскій категорически заявляетъ, что языкъ угроруссовъ въ Марморошскомъ, Сатмарскомъ,

Бережскомъ и Ципскомъ комитатахъ ни что иное, какъ одинъ изъ идіомовъ червонорусскаго поднарѣчія, на равнѣ съ идіомами Гуцуловъ, Лемковъ и Бойковъ; что же касается до остальныхъ комитатовъ, то въ нихъ, по его словамъ, угороссы говорятъ на особомъ идіомѣ, происшедшемъ изъ смѣшенія трехъ другихъ идіомовъ, свойственныхъ Лемкамъ, Бойкамъ и Гуцуламъ.

Вопросъ о принадлежности угрорусскаго говора къ тому или другому поднарѣчію сводится въ сущности къ вопросу о происхожденіи угроссовъ. Историческія и филологическія соображенія приводятъ къ заключенію, что мадьяре, придя въ Венгрію, едва-ли могли найти тамъ многочисленный русскій народъ: города *Ung*hvár и M*un*kács могли быть основаны и населены другимъ славянскимъ племенемъ. Согласно народному преданію, подтверждаемому историческими свидѣтельствами, угороссы переселились въ нынѣшнее свое отечество сначала вмѣстѣ съ мадьярами, впослѣдствіи же отдѣльными группами, особенно въ XIV столѣтіи, подъ предводительствомъ новгородсѣверскаго князя, Ѳедора Коріатовича. Весьма естественно предположить, что дружина названнаго князя и слѣдовавшіе за нимъ переселенцы были его земляки и сосѣди, т. е. жители тѣхъ мѣстностей, гдѣ нынѣ господствуетъ сѣверномалорусское поднарѣчіе. Съ другой стороны, какъ видно изъ нижепомѣщенныхъ на разныхъ мѣстахъ сравненій, угрорусскій говоръ не имѣетъ ни съ однимъ изъ малорусскихъ поднарѣчій столько общихъ примѣтъ, какъ именно съ вышеназваннымъ. Такимъ образомъ становится до нѣкоторой степени вѣроятнымъ предположеніе, что коренной, чистый угрорусскій говоръ находится въ ближайшемъ сродствѣ съ сѣверномалорусскимъ поднарѣчіемъ. Для окончательнаго рѣшенія вопроса, желательно было бы, кромѣ подробнаго изслѣдованія малорусскихъ говоровъ и критическаго разбора историческихъ памятниковъ, касающихся колонизаціи Венгріи, сравнить мѣстныя названія, личныя имена, обычаи Черниговской и другихъ смежныхъ губерній съ таковыми же названіями, именами, обычаями Угорской Руси.

Какъ ни мала область, занимаемая угороссами, говоръ ихъ тѣмъ не менѣе распадается на нѣсколько видовъ. Особенно замѣтна разница между говорами горѣшнянъ, долѣшнянъ и сосѣдей словаковъ. Рѣчь горѣшнянъ, т. е. жителей горъ, приближается болѣе къ галицкорус-

скому поднарѣчію: у нихъ господствуетъ «що» и «і», вмѣсто нѣкогда долгаго «о»; у долѣшнянъ преобладаетъ «што» или «шо», «у» и «ю», вмѣсто нѣкогда долгаго «о». Ословаченные угроруссы раздѣляются на чотаковъ и сотаковъ, смотря по тому, употребляютъ ли они «чо» или же «со», вмѣсто «што». Сотакамъ свойственны также словца: ава = вотъ и цеперъ = теперь. Вмѣсто: идутъ, будутъ, они говорятъ: ида, буда и пр. Bidermann, Die ungarischen Ruthenen I. 89, 91, 94, 95.

I. Особенности грамматическія.

а. Фонетика.

1. Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе переходъ нѣкогда долгаго *о* не только въ *і*, но также въ *у*, *уй* и *ю*, почти во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ ближайшемъ червонорусскомъ поднарѣчіи такое *о* является только въ видѣ *й* или *йй*. Примѣры: *о* въ *у*: род. мн.: зубувъ, легйникувъ; предл. ед.: тумъ, туй, святумъ, мнягкумъ, еднуй; въ предлогахъ: отъ, подъ и по: удъ, удмолодну, удоперти (= отпереть), вуддай, вутки (также утки и удкю = откуда), пудъ и пудо, пудлый, пуйти, пушковъ, пугнала и пр.; мугъ, вунъ (онъ), букъ, рукъ, муй, сорокувцй, гурше, гурькій, нучка, доружка, пульне (= польное), пузднѣше, грузно, тулько, скучка, рунина (= равнина) и т. п. — *о* въ *ю*: кюнь и кунь, бюгъ и бугъ (= богъ), вюлъ и вулъ (волъ), вюлки и вулки (boves), сокювъ, ковпютъ, вювцй и вюцй (овцы), ворютчата и воротчата (= ворота), жидювка, кюлько, покю, докю, долю, домю, дому и домувъ и т. д. кюнь, вюлъ, бюгъ говорятъ преимущественно «дротари». — Такимъ же образомъ переходитъ *ё* (изъ е) въ *ю*: моюмъ, сюй, рюкъ (dixit), пюкъ (coxit), утюкъ (aufugit) принюсъ, тютка или кютка (= тетка) и пр. — Въ Сатмарскомъ и Бережскомъ комитатахъ преобладаетъ *у*, *ю* надъ *й*, въ другихъ наоборотъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Шарошскаго и Ципскаго комитатовъ, какъ отчасти и у Лемковъ, *ы* вытѣснило *й*: кынь, вывъ, тывкый и т. д. Нѣчто подобное существуетъ и у горѣшнянъ: такъ, кромѣ розыйдемеся, розыйшлися, употребляется блыха, брыви, дрыва, слыза, слызъ (слезъ), вмѣсто блоха и пр. Ср. бѣлорусское: гылывахъ, ныгахъ и тамбовское: пышелъ пы арихи (= пошелъ по арѣхи), рыздрала и т. п.

Переходъ нѣкогда долгаго *о* въ *у* и пр. свойственъ также говору Лемковъ и въ особенности сѣверномалорусскому подпарѣчію. Для сравненія послѣдняго пусть послужатъ слѣдующіе примѣры—изъ Исторіи Бантышъ-Каменскаго III. 241: кюнь, нюжъ, вюлъ; изъ народныхъ южнорусскихъ сказокъ, собранныхъ Рудченкомъ: род. мн.: чумакувъ, возувъ, волувъ, москалювъ, панувъ, годувъ; предл. ед.: однумъ, сюмъ, екуй, юй; въ предлогахъ подъ, по: пудъ, пудвода, пудойшовъ, пуйде; вупъ (=онъ), вузъ, стулъ, бугъ (богъ), нучь, свуй; тулькі, скулькі, однюсенькойі, домувку, рувни; двуре, нучи (I, 170—173; II, 74—77. Ср. відийшовъ, одойшовъ—I, 172); панивъ (род. мн.), урокивъ (тоже), витти (II. 75, 76, 77. См. также стр. 66. «Über die vermeintliche Quantität. der Vocale im Altpolnischen»).

Въ остальной области, занимаемой малорусскимъ нарѣчіемъ, *у* вмѣсто *ŏ* является только спорадически въ нѣкоторыхъ словахъ и мѣстностяхъ, какъ напримѣръ, пробу и проби, вмѣсто пробогъ (по польски: prze bog) и т. п., но совершенно справедливо замѣтилъ уже въ 1848 г. Я. Ѳ. Головацкій въ § 26 своей «Росправы о южнорусскôмъ языцѣ», что въ настоящемъ случаѣ *у* древнѣе *ŏ* и что первое только въ новѣйшемъ періодѣ развитія малорусскаго нарѣчія уступило мѣсто послѣднему, при чемъ ссылается на купъ вм. копъ и рукъ вм. рокъ, встрѣчающіяся въ львовской грамотѣ 1421 г. Существованіе *у* и *ю* вм. *о* въ XIV стол. подтверждается примѣрами, заимствованными изъ грамотъ того времени, какъ-то: нюмь, божьюмъ, своюмъ, своюй, Василювъ, чтюнъ, добровульно, прузвище. Что это *у*, *ю* было въ полной силѣ въ XVI и въ XVII столѣтіяхъ, доказываютъ слѣдующія выписки: изъ обыскной записи львовскихъ православныхъ дворянъ и гражданъ 1540 г.: Андрѣювъ сынъ; отъ млынувъ; черъньцювъ; ключювъ; при тумъ всемъ; до пана Кракувскаго (Акты историческіе, относящіеся къ исторіи западной Россіи. II, 370, 371); изъ записи львовскаго гражданина В. Болабана властямъ Уневскаго монастыря 1581 г.: отцювъ (род. мн. 3 раза) и дѣдовъ; королювскій (3 раза); Унювскій и Уневскій; на нюй; оттуль; откуль (Тамъ же, III, 266, 267, 268, 271); изъ малорусской пѣсни XVII стол. (Archiv für slavische Philologie. II, 297): lahum, kosakum, iunakum; bulsz (3 раза), raniusienko, zhodniusienko, odkul, dosal (=dosul); изъ львовской лѣтописи XVII стол. (изданной Петрушевичемъ во Львовѣ въ 1867 г.):

панувъ, столувъ 266; Жолкувскому 264 и Жолковскому 266; вуспу (= оспу) 276 и воспу 277. Ср. тамъ же: при нiомъ 280, козацкимъ монастыру 272, потимъ 282, килька 269, 270 и пр., тилько 275.

2. Между тѣмъ какъ галичане не знаютъ разницы въ произношенiи между *и* и *ы*, выговаривая и то и другое одинаково, какъ польское «у», а мѣстами даже какъ «е», въ Угорской Руси «и» звучитъ, какъ латинское «і», или же, какъ украинское «и», т. е. приближается къ латинскому «і», отличаясь вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзко отъ «ы», произношенiе котораго здѣсь совершенно сходно съ великорусскимъ «ы». Это «и» не смягчаетъ предшествующей согласной, напримѣръ, звонити = zvoniti. См. впрочемъ п. 8. Такая же особенность въ произношенiи «и» замѣчается отчасти у Лемковъ и въ сѣверномалорусскомъ нарѣчiи; что же касается до «ы», то и Бойки произносятъ этотъ звукъ почти такъ же, какъ угороссы. — *ы* удержалось въ глаголѣ быти. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ формахъ этого глагола *ы* чередуется съ *о* и съ *е*: бывъ и бовъ; быть, абымь, обымь, бысъ, быстe — и абемь, обемь, бемь, бесъ, обесъ, бeстe. Ср. туболець (indigena), мабоrе и мабуть (= быть можетъ).—Основяненько 75. — Слитный предлогъ *вы*- является здѣсь въ видѣ *ву*- и *у*-: вуберати, выкопати, вурости, а также уберати, укопати и пр. Въ такомъ же видѣ употребляется *вы* — въ сѣверномалорусскомъ нарѣчiи, въ Галицiи же этотъ слитный предлогъ произносится отчасти какъ *вй*. — *ы* чередуется съ *у* въ словѣ подыства и подуства (родъ рыбы).

3. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Угорской Руси сохранилось въ извѣстныхъ словахъ и формахъ древнее произношенiе звука *ѣ*: невѣста = nevesta. Ср. черниговское: въ однумъ лесi; ведьми; стенах. Рудченко, I, 74, 75. II, 171.

4. Угроссы охотно сокращаютъ *ае* въ *а* во 2-мъ и 3-мъ лицахъ настоящаго времени: памняташь, загадашь, уважашь; спѣватъ и спѣвать, спочиватъ, рубатъ, глядатъ, кусатъ, гулятъ, зашибатъ; помагать, позерать, повтерать, пудперать, бывать; причуватся и т. д. Несокращенныя формы 3-го лица употребляются, однако, большею частiю безъ окончанiя *тъ* или *ть*: спѣвае, рубае и пр. Замѣчательны еще слѣдующiя сокращенiя: помай бугъ изъ помагай бугъ; тва мость изъ твоя милость; ба́гме бо́же изъ бу̑агме боже. Ср. галицкое: бо̂гме́ или бо̂гме боже. См. также п. б. мѣстоименiя мой и пр.

5. Угрорусскій говоръ любитъ зіяніе: знау, мау, миркуу, чуу, моа, моу, стрыомъ, знаэшь, маэшь и т. п. Для устраненія зіянія предпочитается *в*: знаву, маву и пр. За то въ началѣ словъ предъ гласными *й* имѣетъ преимущество предъ *в*: йострый, йовесъ, йорати.

6. Приставочное *й* почти всегда присоединяется къ предлогамъ съ, дъ и къ глаголу ждати: излѣзъ козакъ исъ коня; изъ (cum), исходитися (собираться), испомнянути (также сп-), искликати, изробити, изловити, излишити, изволочити (также зв-), извоевати (также зв-), избуджати; ходи идъ минѣ и ходи дъ минѣ; иждати (ждать). Ср. черниговское: излѣзла изъ дерева; изроблена, издивовались, изнайшовсь, изновъ, извелівъ и пр. Рудченко. II, 156, 157, 158, 171, 173.

7. Въ нѣкоторыхъ словахъ законъ полногласія нарушенъ. Кромѣ болѣе или менѣе извѣстныхъ: благій, благость, благословити, благодарити, глава, сладость, пламѐнь, стража, врагъ, прахъ, хранити, виноградъ, срѐбро, хлопъ, бростъ, надлежитъ замѣтить: златый, драгій, гварити и грацька.

8. Относительно согласныхъ достойно вниманія слѣдующее: *г* произносится, какъ лат. *g* въ словахъ гавра, гайдиця и пр. см. словарь; въ словахъ: бугдень, дагде, нигда и т. п., *гд* произносится, какъ лат. *gd*; въ словахъ: батухъ, батуха (= батогъ) и доханъ (табакъ) *г* звучитъ, какъ *x*. — Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Шарошскаго комитата *т'* и *д'* произносятся, какъ ц, дз: трецій, водзйц. Эта особенность встрѣчается отчасти и въ сѣверномалорусскомъ поднарѣчіи — *ч*, *ш* и *ж* является часто въ смягченномъ видѣ: чястка, шяновати, жяль. Древнеславянскому *жд* соотвѣтствуетъ здѣсь большею частію *дж*: чюджый, ходжу — *в* замѣняетъ *л*: мавенькій и мал-, ковпютъ изъ клопо̂тъ, ховпакъ (= колпакъ) — *в* вмѣсто *ль* въ словѣ тывкый (толикій) — *л* вм. *в* въ словѣ клочка (насѣдка) — *ль* вм. *ть*: свальба (свадьба) — *н* вм. *л*: тани̂ръ (тарелка, Teller) — *р* вм. *л*: курастра. — Вставочное *т* въ: струбъ, струбити. — *л* рѣдко вставляется между губными и я, ю: здоровья, спью, робью и т. д. — *в* опущено въ словахъ руный и руня, вм. ров-, осухъ и вусяникъ отъ слова овесъ, кутачъ вм. ков-, бавуна вм. бавовна. Любопытно: пріязати и поязати, пой вм. пойди, тко вм. кто, ковпютъ вм. клопотъ, повересло и перевесло, креликъ (clericus).

б. Флексія.

Изъ падежныхъ окончаній именъ существительныхъ замѣчательны слѣдующія: широкого полю; камене твердого; день, дне, дневи и день, дня, днёви; горе зват. пад.; едно ручко твор. пад., обыкновенно —овъ или -о̂у; дат. множ. на -и̂мъ: хлопци̂мъ, дѣвчати̂мъ, вмѣсто -юмъ, -іомъ; винит. множ.: закликавъ емь на псы; я звѣри̂ удганявъ; предл. множ.: трудѣхъ, лѣсѣхъ, когутѣхъ, палатѣхъ, вусѣхъ (отъ вуха = уши), грѣсехъ, столовехъ; торгохъ, угро̂хъ. Ср. сѣверномалорусское гостьухъ, мѣстьухъ.

Средній родъ прилагательныхъ въ единств. числѣ оканчивается на -ое и на -ой, какъ и у Лемковъ: доброй и доброе, красной, твердой и т. д., напримѣръ: гуся найкрасшой, чубатой; твой войско; предл. падежъ ср. рода ед. числа въ усѣченномъ видѣ имѣетъ значеніе нарѣчія: добрѣ, злѣ, краснѣ и т. д.; предл. падежъ ед. числа жен. рода оканчивается на -ой и на -ей: доброй и добрей.

Мѣстоименіе «я» имѣетъ въ род. и винит. пад. ед. числа всего чаще: ня: у ня, удъ ня, не бій ня, озми ня — рѣже: мня, ме. — «Тя» употребляется и въ значеніи родит. падежа: удъ тя. — Мѣстоименіе 3-го лица имѣетъ въ род.: ёго, у нёго, дат. ёму. Указательное мѣстоименіе «тотъ» употребляется также въ удвоенной формѣ: тототъ, тота, тотое; род. ед. числа жен. рода: тоея и тойи̂. Отъ: мой, твой, свой употребляются нѣкоторыя сокращенныя формы, какъ и въ сѣверномалорусскомъ поднарѣчіи: ма и моя, тва и твоя, тво и твое, му и мою, сву и свою, сви̂мъ и своимъ (твор. ед. ч.). Замѣчателенъ твор. множ. чис.: своима.

Глаголъ *ес-* спрягается такъ: емь, есъ, е, есме, есте, суть: я емь май молодшій; я емь Д.; ты есъ П.; есме посѣдали; заблудили есме; француха сме звоевали; де ти суть вювци̂; суть у мене три кони̂. Съ отрицаніемъ — рѣдко нѣсть, обыкновенно нѣтъ, non est (безл.).—Аористъ глагола быти сохранился въ союзѣ быхъ, абыхъ, si ego, utinam ego, ut ego, ἄν: а быхъ бывъ сони̂нько, лемъ ёму быхъ свѣтивъ; вювчаря быхъ любивъ, кидь быхъ я бывъ дѣвка. Рѣже употребляется: бымь, *а-* и обымь, бемь, *а-* и обемь въ томъ же значеніи. Кромѣ бы, абы, обы, слышится также вбы. Ср. вбнимати.

Будущее глаголовъ несовершеннаго вида образуется при помощи буду съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ: буду писати (а не: буду писалъ). Въ Шарошскомъ комитатѣ 1-ое лицо ед. числа оканчивается на -мь: будземь, укажемь. О 2-мъ и 3-мъ лиц. ед. числа см. а. 4. Любопытно: познаваетъ (cognoscit). 1-ое лицо множ. числа оканчивается обыкновенно на -ме какъ въ настоящемъ времени, такъ и въ повелительномъ наклоненіи: знаеме, ходиме, просиме; чиньме, робме, берме, любимеся и т. д. Повелительное наклоненіе имѣетъ двѣ формы: полную на -и, -ите и сокращенную на -ь, -ьте, какъ и въ сѣверномалорусскомъ: люби и любь, говори и говорь, позволи и позволь; не забуди; помози; робите и робьте, берите и берте и пр.—Глаголъ спѣвати спрягается кое-гдѣ такъ: спѣваву, спѣваэшь, спѣвавуть (cantat), спѣваеме, спѣваете, спѣвавуть (cantant).

в. Синтаксисъ.

Нѣкоторыя синтаксическія особенности помѣщены въ словарѣ. Замѣчательно употребленіе настоящаго времени глаголовъ вида совершеннаго вмѣсто прошедшаго: я пушовъ въ лѣсъ на грибы, и вдарятъ ми въ вуха голосы изъ трубы; вунъ каже тай идъ намъ на землю ляже; каже и очѝ повтерать; сонъ го убѣже; свисне = свиснулъ; прійду вм. я прійшовъ и т. п. Constructio acc. c. inf.: я видѣвъ его ходити—мадьяризмъ: látlam őtet jarni. Винительный при отрицаніи: не топчи пульне зѐлья; я толикій скотъ не видѣвъ; тото не чувъ; не маю дорогу винницю; я ю не позераю; я ею не слухаю.—Зъ, изъ вм. одного творительнаго орудія: не топчи пульне зѐлья зъ бѣлыми ногами; изъ моимъ батухомъ я звѣрѝ удганявъ; изъ чимъ быхъ удслуживъ. Дательный: ти = твой: тямлю ти бесѣду; де ти суть вювцѝ; памятъ ти солодка. —«Того року» кое-гдѣ значитъ: въ нынѣшнемъ году, а «сего року» въ прошедшемъ году.

II. Лексикальныя особенности.

Слѣдуютъ въ алфавитномъ порядкѣ областныя угрорусскія слова:

áва междум. вотъ (у Сотаковъ). Ср. галицкое авó, аво-вó=вотъ.
áдде нар. здѣсь, вездѣ.
ажъ союзъ 1) что: набрехала, ажъ я люблю; 2) пока: ажъ не найдешь, дому не йди. Ср. ожъ.
ай и ой 1) междум. о: ай чѣсаре! ай Мигалю, ай Мигалю! 2) союзъ, но. ай хоть — а хоть = или—или: ай хоть молься Богу, а хоть мовчи.
айбó 1) утвердительная частица: да. 2) союзъ: но однако. айбó—айбó не = или—или не.
айнó утверд. частица: да.
алé междум. вотъ: алé чоловѣ́къ; алé што за кунь. Ср. галицкое алé? = въ самомъ дѣлѣ? алé, алé-алé, алé-лé=да. Алé, какъ союзъ, значитъ но.
áнде, áндека, áндеки (изъ анъ + (г)де=вотъ гдѣ) нар. тамъ. Ср. галицкое генде и пр. съ тѣмъ же значеніемъ.
антáкъ нар. иначе.
аршю́въ м. кирка. Ср. мадьяр. ásó.
аттáкъ нар. такъ.
аттáмъ нар. тамъ.
аттепéръ нар. теперь.
аттогдá нар. тогда.
аттоли́ нар. тогда.
аттóтъ мѣст. тотъ.
атту́ нар. здѣсь.
áтько м. и бáтько отецъ.
ачéнь, ачи́нь и ачéй нар. можетъ быть.
бабéцъ м. родъ рыбы, по мадьяр. Kolty.
баву́на ж. бумага, Baumwolle.
бáгме бóже, багмé бóже и бу́гме боже = ей Богу. См. I. а. 4.
багри́ти гл. наводить ободъ.
багрó ср. ободъ.
баламу́та ж. смута, кутерма.
бáлега ж. навозъ рогатаго скота.
барнáстый прил. бурый, braun, мадьяр. barna.
бату́хъ м. батухá род. п., родъ длиннаго кнута. Ср. батогъ.
бáяти гл. ворожить.
бетéжный и бетѐжный прил. хворый: мадьяр. beteg. Рѣдко.
бибáкъ м. нарывъ.
бйзовáтися на што гл. полагаться на что либо: вунъ ся уже на ласку божу бйзуе; еденъ ся бйзуе самъ на свою силу. Ср. мадьяр bizni.
бирóвикъ м. войтъ: не будешь ня муй милый бировику бити: мадьяр. biró. Ср. биришть въ Lexicon palaeoslovenicum Миклошича.
бирь м., также лавка, перекладина, ponticulus.
бирь ж. налогъ: мадьяр. bér.
бисáга ж. и бисáги plur. tantum, переметныя сумки, bisaccium.
бйтáнга м. (= bitanga) бродяга: мадьяр. bitang. Рѣдко.
благій прил. добрый, милостивый:

благій господарю; вунъ ушитко дае, ёго рука блага.
благода́ри́ти гл. благодарить.
бла́гость ж. доброта.
бла́зенъ м. дуракъ.
блія ж. названіе коровы: блія беззуба; веду блію на ярмарокъ.
богда́й союзъ, собств. богъ дай, пусть: богдай впала; богдай не зросла. Ср. галицкое бода́й.
бо́йтарь м. бойта́рикъ уменьш. пастухъ, чиномъ выше «вувчаря»: ставъ емь за бойтаря; бойтарикъ ягнячій. «bujtar (opilio inferior) dürfte altgetischen Ursprungs sein» Slavische Alterthümer. I, 470. Ср. мадьяр. bojtár.
бокла́гъ м. баклага. бокла́жикъ уменьш.
бокорва́нъ м. моровой прыщъ.
боко́ръ м. плотъ, гонка.
бокре́йта ж. плюмажъ, мадьяр. bokréta. У Головацкаго, о костюмахъ 63, 66: покрейтка (цвѣтокъ на шляпѣ).
болтъ м. сводъ, мадьяр. bólt, итал. volta (Miklosich, Fremdwörter).
боро́цква ж. персикъ.
босо́рка и босорки́ня ж. вѣдьма.
бочко́ры мн. родъ лаптей.
бра́на и бра́ма ж. ворота: малёвана брана, малёваний ворютчата.
брезъ предл. съ винит. чрезъ, съ родит. безъ.
бростъ м. почка на деревѣ.
бры́ла ж. четырехугольный тесаный камень.
бу́гдень м. (чит. bugdeń) будень.
бузе̂къ м. аистъ. Ср. гал. бу́сёкъ, бу́сько.
бу́рса ж. артель.
буя́къ м. быкъ.
бы́стья ср. и обы́стья крестьянскій дворъ: я ишовъ коло ейй быстья.
ва́гашъ м. (чит. vagaš) колея, мадьяр. vágás.
ва́да ж. споръ, ссора, пощада, повадка.
вада́сити гл. охотиться; вада́ска ж. охота, мадьяр. vadászat.
ва́дити гл. вредить.
вакелі́я ж. трутникъ, трутъ.
вакле́ша ж. толстая баба.
ва́лалъ м. село—изъ словацкаго. Рѣдко.
вали́ло ср. валяльня.
валова́тися гл. бушевать?: ой на горѣ вѣтеръ ся валуе.
вало́вшный прил. приличный: -шно decet, мадьяр. való.
ва́ловъ и ва́лювъ м. желобъ, мадьяр. válú.
ва́льки мн. валёкъ (род.) нежженый кирпичъ.
вамъ м. подать. Рѣдко.
ва́ровати гл. стеречь. -ся беречься.
ва́рошъ м. городъ, мадьяр. város. варошскій мѣщанинъ.
варъ м. солнечный жаръ: трава увяне въ горячихъ варахъ.
ва́тра ж. очагъ, огонь.
ватра́ль, ватра́лька ж. 1) кочерга, 2) лѣнтяй, лѣнтяйка.
вергнутися гл. броситься: вергла ся.
вере́ня и вере́та ж. родъ ковра изъ грубаго, простаго холста.
верпе́ць м. ве́рпцѝ мн. = бочкоры, половински вершки, родъ лаптей; у Лемковъ: керпцѝ.

ве́рства ж. возрастъ (также пластъ).
ви́нница ж. виноградникъ.
ви́нничкы мн. красная смородина.
ви́нчовати, ви́нчую гл. поздравлять. Въ Гал. ви́ншувати.
волокъ м. родъ снурка, коимъ заснуровываются «бочкоры».
волѣ́й нар. скорѣе, potius.
во́рга ж. губа.
воро́нка ж. отверстіе улья и т. п.
во́рча ж. 1) прыщъ, 2) судорога.
врагъ и во́рогъ м. врагъ.
вся́гды и уся́гды нар. вездѣ.
ву́кста м. выкрестъ.
вуся́никъ, овся́никъ и о́сухъ м. овсяный хлѣбъ.
вшеля́кій мѣст. всякій.
вши́токъ, -тка, -тко и ушитокъ мѣст. весь: вшиткумъ (предл. ед. ч.); вшиткимъ людемъ и т. д. Рѣдко.
вы́жла ж. ищейка.
вы́змокъ м. родъ рыболовной сѣти.
вѣ́терница ж. вихрь.
вѣ́торъ м., рѣже вѣ́теръ, вѣ́теръ.
вязѣ́ль м. связка.
га́вра ж. (чит. gavra) берлога.
гада́ти гл. думать, заботиться: хто ся у вувчарѣ гадать.
га́йдица и го́йдица ж. (чит. gaj-) пастушеская свирѣль: ци ковтежъ, ци труба, ци гайдица. га́йдати гл. играть на свирѣли.
гайнова́ти гл. кутить.
гайто́ва ж. охота гайтова́ти гл. охотиться, мадьяр. hajtani.
галамбе́ць м. родъ размазни изъ кукурузяной муки.
га́мба ж. го́мба и уменьш. го́мбичка (чит. ga-) пуговица мадьяр. gomb.
гами́шный прил. коварный, hämisch, мадьяр. hamis.
га́мы мн. конская збруя, мадьяр. ham.
гану́ти гл. угадать.
га́рдый и га́рный прил. хорошенькій.
гарамі́я м. атаманъ разбойниковъ, мадьяр. haramja. Рѣдко.
гва́рити и говорити гл. говорить: гварю; гварить; не гварь; прогварити три слова. Ср. тамбовское гварить.
гевъ нар. сюда.
геде нар. здѣсь.
гей-гей утверд. частица: да. Ср. гал. гай-гай = ну ладно.
гелева́чъ м. (чит. geł-) брюхачъ. Ср. галиц. гелево = брюхо.
гелета и гелетка ж. (чит. geł-) боченокъ. Ср. галиц. geł-, gił-, d'iłetka- родъ мѣры для сыпучихъ тѣлъ.
гелю́хъ м. гелюхи́ мн. потрохъ, потроха.
ге́нанто и ге́нто нар. намедни.
ге́ндека и ге́ндеки нар. тамъ.
ге́нтова нар. тамъ.
гере́нда ж. (чит. ger-) плотъ, мадьяр. gerenda, дрсл. грѧда. См. Miklosich, Fremdwörter.
ги нар. какъ. гибы, какъ будто: гибы хтось говоривъ.
ги́гнути гл. швырнуть (чит. gig-), въ Галиціи: получить.
ги́дзатися гл. (чит. gi-), взбѣситься (отъ укушенія мухъ—о скотѣ).
гинтювъ м. родъ повозки, мадьяр. hintó.

гири́ти гл. терять.
ги́ча и ги́чка ж. Первое значитъ: кукурузный стебель, второе: древесина кукурузнаго стручка.
глава́, голова́ и го́ловь ж. голова.
гли́ва ж. гливы мн. родъ грибовъ, растущихъ на гнилыхъ деревьяхъ.
глота́ ж. давка.
глу́шка, глуха́ня, глушка́ня ж. горячка.
гля́данка ж. зара́ботокъ. Ср. гля́дати кого=искать кого либо.
гнеть и гне́тька нар. тотчасъ.
годи́нка ж. часы.
годъ и рукъ м. годъ.
го́йдалка ж. качель. Ср. гал. -ан-.
го́йкати гл. кричать. гойкъ м. крикъ.
го́луза ж. вѣтвь. Ср. гал. гал-.
го́лузья ср. вѣтви.
го́льва ж. зобъ, мадьяр. golyva.
гони́ти гл.: вѣтромъ гонити = напрасно трудиться.
го́рличка ж. turtur.
городе́цъ м. огородъ.
горчи́ца ж. горькуша, agaricus amarus.
го́рѣ нар. вверхъ: горѣ долу ходить.
горѣне́цъ нар. навзничь.
гости́на ж. пиръ.
гра́бати, гребсти и горнути гл. загребать.
гра́цька ж. шосейная дорога.
гребена́тый прил. cristatus.
гре́зенъ м. грезнъ.
гроба́рь м. могильщикъ.
гроши́ и гро́ші мн. деньги.
груно́къ м. холмикъ грунъ м. холмъ.
грѣнка ж. грѣнокъ. грѣнчити гл. приготовлять грѣнки.
гу предл. (чит. gu) и ку = къ. Рѣдко.
гу́ба, губа́ня и гу́ня ж. родъ нагольнаго тулупа безъ рукавовъ.
гугнотѣ́ти гл. кричать (о совѣ).
гуда́къ м. скрипачъ.
гу́жвати гл. мять.
гужо́вь и гужо́вка ж. вица. Ср. гал. ву- или ужевка.
гулагова́ти гл. (чит. guľagovati) колотить, вм. кулак-.
гу́лькнути гл. брякнуть, закричать на кого либо. Ср. гал. гулюкати на кого.
гу́слі мн. скрипка.
гу́сошъ м. родъ монеты, Zwanziger, мадьяр. húszas.
гу́та ж. (чит. guta) ударъ: гута его ударила, мадьяр. guta, лат. gutta. Miklosich, Fremdwörter.
гуто́нити и гута́рити гл. говорить.
гуча́ти гл. на кого = бранить.
дагде́ нар. (чит. dagde) гдѣ то.
да́еденъ, дадна́, дадно́ мѣст. какой то.
да́коли и даколи́ нар. иногда.
да́котрый и дакоторы́й мѣст. нѣкоторый.
да́ле нар. далѣе.
да́рабъ м. кусочекъ, мадьяр. darab. См. Miklosich, Fremdwörter.
да́рьмо нар. напрасно.
даско́лько мѣст. нѣсколько.
да́хто мѣст. дакого, дакимъ и пр. нѣкто.
да́что и да́што мѣст. нѣчто.

даякы́й мѣст. какой то. У Лемковъ да́кый.
два́е числ. оба: мы двае.
двічі́ числ. дважды.
двори́ти гл. шутить.
де́акъ м. ученикъ, мадьяр. deák latinus. Miklosich, Fremdwörter.
деренки́ мн. родъ фруктовыхъ деревьевъ.
держа́чка ж. перила.
дерскій прил. храбрый.
дзву́нникъ м. звонарь.
дзья́ма ж. супъ.
ди́вый прил. дикій: дивый лѣсъ.
до предл. съ дат. пад. къ. Рѣдко.
добрѣ́ нар. хорошо.
додѣва́ти гл. надоѣдать.
долома́нъ м. родъ верхней одежды, вышитой скурками съ петлями и 48 мелкими пуговицами. Головацкій, о костюмахъ, 63.
до́лу нар. внизу: гей тамъ долу при поточку; гей тамъ долу на долинѣ.
дому́ и дому́въ нар. домой.
до́разъ нар. тотчасъ.
доро́мба, торо́мба и дры́мба ж. родъ маленькаго музыкальнаго инструмента, Drommel, мадьяр. dromb.
достоитъ гл. 3 л. слѣдуетъ, прилично: тому лемъ достоитъ овечку давати; тебѣ то достоитъ.
дость и доста нар. довольно.
доха́нъ, дога́нъ и довга́нъ м. табакъ, мадьяр. dohány.
до́цѣле и до́цѣлкомъ нар. цѣликомъ.
дровтовати гл. обтянуть проволокой.
дровтъ м. проволока.
дрясе́нъ м. inula pulicaria.
дру́тити гл. толкнуть. Ср. гал. тр-.
дры́лити гл. толкнуть.
дрынга́йло м. неуклюжій человѣкъ-
дуба́къ м. палка.
дудки мн. деньги.
дунді́шъ, кострубá́чъ, хлѣбура́дъ м. кличка собакъ.
дупловый прил. двойной, duplus, мадьяр. dupla. Рѣдко.
ду́ркати гл. стучать.
дурня́чка ж. тифъ.
дъ предл. съ дат. къ: пришли дъ еднуй скалѣ; ходити дъ вамъ. Ср. до, идъ.
дыхъ м. дуновеніе вѣтра.
дьяко́вня ж. домъ дьячка.
дѣ частица: де, молъ, отъ глагола дѣти—ponere, dicere.
дѣ́до м. отецъ, дядя.
дѣ́йця м. виновникъ.
дюгъ м. злой духъ.
дя́ка ж. воля, охота.
еденъ и оденъ числ. одинъ.
еднако и однако союзъ: однако.
ели союзъ = ли: я искушу, ели спить. Вмѣсто ес-, есть-ли.
е́мко нар. скоро, ловко.
жаберина́ ж. лягушечья икра.
жали́ва ж. крапива.
жа́рта ж. и жартъ м. шутка.
жебь и жебе́ня ж. родъ сумки, мадьяр. zseb, галиц. дзьовбня.
жмы́кати гл. стирать бѣлье.
жунчо́вка ж. молодушка.
жу́па ж. 1) пучекъ соломы, мадьяр. zsúp. 2) жупа или столица — комитатъ.
жупна́къ м. нѣсколько пучковъ соломы вмѣстѣ.

жупи́ти гл. покрывать пучками соломы, мадьяр. zsúpolni.
жура́виця ж. и журавль м. журавль.
за предл. съ вин. а) въ теченіи: въ Д-а за мѣсяць, въ К-а за годъ служивъ емь; b) о: не говори за гробъ; не забывай за насъ.
забо́читися гл. смотрѣть исподлобья.
зава́дити гл. зацѣпить.
за́воротъ м. головокруженіе
завѣ́са ж. завѣ́сы мн. хоругвь.
завѣ́трити гл. почуять.
завѣча́ти гл. предвѣщать.
завче́ромъ нар. третьягодня.
за́га ж. изжега, мадьяр. zaha.
за́головокъ м. подушка
загоркота́ти гл. ворковать.
зазу́лица и зазулечка ж. кукушка.
зака́ртавѣти гл. выродиться, коснѣть.
закру́нкати гл. кричать по журавлиному: журавль закрункавъ. Ср. круньками, за- въ Галиціи = хрюкать.
зала́яти гл. бранить: залаешь мнѣ въ злу годину.
занико́ки гл. заглядывать: туй не заникайте. ни́кати гл. смотрѣть, въ Гал. же ходить туда и сюда.
засилити, силити гл. завячать узелъ. сыляти плести.
за́става ж. флагъ.
за́ставка ж. залогъ, пари.
за́сѣдъ м. надѣлъ.
затяти́ гл. зарубить. -ся = заупрямиться.
затяты́й прил. упрямый.
за́ушина ж. серьга.
зачмели́ти гл. ошеломить.
зашиба́тися гл. отдаваться (о голосѣ).
зборъ и збо́ръ м. ярмарка, мадьяр. szbür. Рѣдко; обыкновенно ярмарокъ и ярмарка.
зва́рка ж. кадка для выварки бѣлья.
зваря́ти гл. вываривать бѣлье.
зви́днитися гл. разсвѣтать.
зворъ м. дебрь.
зву́кати гл. гудѣть.
зда́леки и отда́леки нар. издали.
здоро́въ употребляется безъ различія рода въ смыслѣ «за Ваше здоровье»: здоровъ, файна душка
здря́чій прил. косоглазый.
злодѣ́вець м. воръ.
знати гл. съ дат. пад. знать о чемъ: любилися, кохалися, мамка имъ не знала.
зно́воньки нар. снова.
зно́йный прил. знойный, потный.
знойи́ти гл. потѣть.
зо́вица ж. золовка.
золотый м. Gulden.
зосъ предл. удвоенное «съ» съ твор.
идъ предл. съ дат. къ: прихилися идъ минѣ, якъ ся мамка прихиляла идъ малой дѣтинѣ; пріязавъ коника идъ зеленуй лѣщинѣ; щирость идъ всѣмъ братьумъ и пр.
иждáти, ждати гл. ждать.
избуджа́ти гл. разбужать.
извоева́ти гл. завоевать.
изволочи́ти гл. соблазнить.
излиши́ти гл. оставить.
излови́ти гл. поймать.
излѣ́зти гл. сойти.

изни́кнути гл. исчезнуть, уйти: изникъ; ни серна удъ тя не изниче.
изроби́ти гл. сдѣлать.
изъ предл. 1) съ твор. съ: изъ няньkомъ пушовъ; гулятъ изъ молодицями; прiйду изъ добровъ повиновъ и пр. 2) съ род.: серце изъ камене твердого; изъ жалю великого; излѣзъ козакъ изъ коня.
искли́кати гл. созвать.
искуси́ти гл. испытать.
испомня́нути гл. вспомнить.
испочи́нути гл. отдохнуть.
и́стина ж. капиталъ.
истя́ти гл. отрубить.
исходи́тися гл. сходиться.
исходи́ти гл. восходить: утки сонце исходило.
ище́, ищи, еще, ще и щи нар. еще.
кады́ и куды́ нар. куда.
ка́лапъ м. черная шляпа съ низкимъ кругловатымъ верхомъ и широкими полями, загнутыми вверхъ. Головацкiй, о костюмахъ, 63.
калу́пи́рь м. подорожникъ.
кантаръ м. узда, мадьяр. kantár.
ка́пчати гл. застегивать.
капю́въ м. охотничья собака, мадьяр. kapó.
ка́рапъ м. карликъ. карапузова́тый прил. похожiй на карлика.
катра́нъ м. передникъ.
катуля́ти гл. катить.
кату́на м. солдатъ, мадьяр. katona.
keба́нька ж. родъ сосуда изъ древесной коры.
кедравый прил. ?: кедраво̂ шапцѣ.
кедъ, кедь, кидь союзъ: если, когда.
кепень, кепенягъ или -акъ м. родъ венгерск. чемерки, мадьяр. köpenyeg.
кере́ня ж. пришедшiя въ брожение сливы (при винокуренiи).
керкти́на ж. кротовина.
керть ж. огородъ, мадьяр. kert.
ке́фа ж. щетка, мадьяр. kefe.
ки союзъ: если, только въ соединенiи съ быхъ и пр.: кибыхъ зо̂рничка бывъ; щеботавъ быхъ ёму, кибыхъ ластовиця. Ср. кедъ. кибы =кабы.
ки́ндьерта ж. спичка, мадьяр. kéngyertya.
ки́хати, ки́хнути гл. чихать, чихнуть.
клеба́нъ м. клеба́ня, клеба́нка ж. родъ шляпы. Ср. у гуцуловъ клепаня, родъ шапки.
кли́нець м. гвоздь: своими клинцями пудковавъ коня.
клинь м. родъ форели.
кло́пкати гл. стучать.
кло́чка ж. насѣдка.
ключъ м. родъ птицы: зазвинѣли ключи въ ночи, понадъ море йдучи.
клягъ м. (чит. klag) закваска: телячiй желудокъ. клягати гл. заквасить -ся, закисать. Въ Галиц. глягъ (чит. glag).
кля́мба ж. скоба.
кобзова́ти гл. inquirere, мадьяр. kobozni.
ковпютъ м. хлопоты.
ковтежъ, ковтежникъ и ковтежикъ м. пастушiй посохъ. Ср. ковтати = колотить.
ко́зубъ м. коробка изъ коры.

кой союзъ, коли, когда.
колéшня ж. каретный сарай.
колóдица и колодка ж. висячій замокъ.
коль союзъ, если, когда. якъ-коль—какъ бы: бѣленькі̂ якъ коль снѣгъ; вода якъ коль слыза чиста; бо то не такъ пуйти якъ коль кумъ до кума.
команúца и комонúца ж. клеверъ. Ср. гал. конючина и др. комонь.
комáшня ж. тризна.
кóнань ж. кончина.
кóнарь м. главная вѣтвь.
конóвля, конóвца, кóновь ж. родъ ведра съ рукояткой.
корабъ м. -у (род.) корабль.
кордуаны мн. сафьянные желтые венгерскаго покроя сапоги. Головацкій, о костюмахъ, 63.
кóрназъ м. кабанъ.
корóвля ср. коровушка.
коропаня ж. жаба.
корсы мн. загнутая передняя часть саней.
кортный прил.: минѣ кортно = мнѣ скучно.
корчáга ж. кружка, желѣзный горшокъ.
коршовъ м. коршовка ж. глиняный сосудъ, мадьяр. korsó. дрсл. кръчагъ. Miklosich, Fremdwörter.
коцы́ба и коці̂ба ж. костыль.
кочія ж. коляска.
крéкнути гл. стенать.
крéликъ м. clericus: креликъ чорный.
крыга, крыжка ж. кусочекъ.
крыжъ м. хоругвь, также крестъ.
купúнка ж. кротовина.
курáстра ж. colostra. Въ Гал. кулястра.
курлю́къ м. родъ болѣзни у скота, состоящей въ томъ, что будто-бы червь подтачиваетъ корень языка или хвоста. Ср. гал. кордюкъ, родъ болѣзни языка у скота.
курты́й прил. короткій, быстрый: курті̂ крыла.
кутáчъ м. маленькая желѣзная кочерга.
кучні̂ръ и кушні̂ръ м. скорнякъ, Kürschner.
кýява ж. захолустье.
лáгода ж. миръ, согласіе.
лáзиво ср. лѣстница.
лáйбичокъ м. родъ жилета.
лампашъ м. лампа, мадьяр. lámpás.
лáстовица ж. ласточка.
лáти и лáяти гл. бранить: не лай минѣ.
лацнó нар. вѣроятно.
лáщити гл. ласкать -ся, ласкаться.
легúнь и легúникъ м. (чит. łeg-) парень.
лéдачь м. негодяй.
лéдаякій прил. негодный.
лéдва нар. и ледво—едва.
лéкваръ м. родъ пастилы изъ сливъ.
лелѣ́тка ж. коса (волосъ).
лемъ, лишь и тулько нар. только.
липина ж. лучина.
лúшка ж. лисица.
лóвранки мн. родъ завтрака около 9-и часовъ утра и послѣ обѣденной закуски около 4 часовъ по полудни. Отсюда гл. ловранковáти.

локотошъ м. слесарь, мадьяр. lakat—замокъ.
лопоничи гл. производить шумъ ходьбою.
лоскотати гл. щекотать.
лосный мѣст. тотъ же самый, такой же.
луйтра ж. лѣстница, мадьяр. létra, Leiter.
лѣвити, полѣвити гл. подать, поступить, полегчить.
лѣса ж. ворота.
лѣчный прил. цѣлебный.
ліьха и вульха ж. ольха.
лябдати гл. болтать.
мавенькій прил. маленькій: кобы то мавеньке або середеньке, але кедъ то тывкый кынь, кынь! Такъ причитаютъ бабы въ селѣ Камюнка на похоронахъ взрослаго сына.
майти гл. украшать цвѣтами.
май нар. болѣе: любый няньку, люба мамко, щи май люба любко; весьма, наи-: кобы такихъ бѣлявочокъ по свѣту май много; я емь май молодшій; май старшій пастырю.
мамка и мати ж. мать.
мангорловъ м. катокъ, мадьяр. mangorló, Mangel.
мачалка ж. метелка съ мочалкой у кузнецовъ.
мачанка ж. соусъ.
мачка ж. кошка.
маштальня ж. конюшня.
мелай м. кукуруза. Ср. гал. малай, кукурузяный хлѣбъ.
мента ж. родъ мѣховаго женскаго полушубка.
мерендзяти гл. жевать жвачку.
меренда ж. съѣстные припасы дорожнаго человѣка.
мерзити гл. съ винит. возбуждать отвращеніе.
мерявый прил. упрямый, шероховатый.
мирковати на кого гл. обращать вниманіе.
мнюхъ м. родъ рыбы, мадьяр. menyhal.
можаръ м. ступка, Mörser, мадьяр. mozsár.
мозола ж. утомительный, хлопотливый трудъ.
мотузарь м. веревочникъ.
мурангель м. муравей. мурящокъ и муряшокъ тоже.
мышпергачъ, пергачъ и попергачъ м. летучая мышь.
на предл.: на мя листокъ пише = пишетъ ко мнѣ письмо.
набывати гл. появляться.
навгулъ нар. огуломъ.
навилокъ м. маленькая копна сѣна.
нагулити гл. наткнуться.
наиснѣ нар. въ самомъ дѣлѣ.
наказитися гл. заразиться подкожною опухолью (объ овцахъ). наказъ м. родъ опухоли у овецъ въ мокрую пору.
наколи союзъ, если.
нанашка ж. крестная мать. *-о* м. крестный отецъ.
нападъ м. внезапная болѣзнь у скота.
наремный прил. скорый, неожиданный, пылкій.
нарубы или наспакъ—на изнанку.
нать ж. стебель (картофелины). натиня ср. стебли.
неволя ж падучая, нелегкая.

нее 3 л. non est: нее (= neje) грошей=нѣтъ денегъ. Также нѣтъ.
нéжетъ м. насморкъ.
нештó = еслибы такъ было, сталось.
нúгда нар. (чит. nigda) никогда. нигда шугай: рѣшительно никогда. нúгды — никогда. Ср. никгды въ грам. Свидригайлы 1442 и 1445 г. (Акты, относящ. къ истор. зап. и югозап. Росс., стр. 17).
ничельниця ж. крылья вѣтряной мельницы?: якъ ничельниці горѣ долу ходить.
новинкú мн. газета.
ногáвки мн. штаны изъ простаго холста. ногавúці мн. штаны.
нудúтися гл. скучать. нудá ж. скука.
ню междум. вотъ.
няй, нягáй и нáй — пусть, чтобы: няй буде; няй пасутъ; позволи, няй ти даю; прошу васъ, няй закличу.
нянъо, нянько, нянечко м. отецъ: род. нянька, дат. няньковн, зват. няньку, твор. нянькомъ. Ср. няня — ancilla parvulorum; галиц. неня=мать.
о съ дат. о: о братови забыло.
обзóры мн. осмотръ приданаго.
óблазъ м. дорога около горы.
óблачокъ м. окошко, мадьяр. ablak.
облишúти, облúшовати гл. оставлять.
облýкъ м. изогнутая палка и т. п.
обстáти, обставáти гл. оставаться.
обѣ́ручный прил. для двухъ рукъ, рукоятокъ. обѣ́ручь нар.
óгарь ж. очагъ.
óжеледь ж. ледъ на деревѣ.
óжухъ м. рукоятка метлы.
ожъ союзъ 1) что: кажутъ люде, ожъ тя люблю; ци такъ, ошъ я правду кажу. 2) такъ-какъ: ожъ емь ся не вернувъ, теперъ ся не верну. Ср. ажъ.
окомкнýть нар. мигомъ.
олóй, олюй м. масло, oleum.
онáда ж. прикормка.
онáчити глаголъ, замѣняющій какой бы то ни было другой глаголъ, вслѣдствіе ли забывчивости говорящаго, или же вслѣдствіе нежеланія употребить соотвѣтственный глаголъ.
онь нар. только, даже : голубку узяли и понесли онь за тихій дунай; ай узъ мене онь до тебе далеко ходити.
опáлка ж. коробка, кузовъ.
оплѐчья ср. короткая (по поясъ) женская сорочка.
óпинка ж. передникъ.
опúрь м. упырь.
óрябка ж. рябчикъ.
óттинокъ м. отрубокъ.
оцúлъ м. сталь, мадьяр. aczél.
оцúркнутися гл. исчезнуть.
ошéйникъ м. воротникъ у рубашки.
ощúпокъ м. лепешка, хлѣбъ.
пáворозъ м. стебель вьющихся растеній,—тыквы и т. п. пáворозья, пóворозья ср. (собират.).
пáвузъ м. притягъ. пáвузити гл. притянуть сѣно, снопы на возу.
паздзúрья ср. кострика. Ср. галиц. паздиринье.

па́йташъ м. товарищъ, мадьяр. pajtás. -очка ж.
пакъ, пакатъ, а пакъ, и пакъ нар. потомъ. Ср. pak, dapak въ малорус. пѣсни XVII стол. (Archiv. II, 297).
пала́нокъ м. рычагъ, мадьяр. palánk.
палачи́нта ж. placenta, мадьяр. palacsinta.
палга́ ж. плита. палгова́тый прил. слоистый.
па́ленка ж. водка.
палі́пля ж. горячая зола, летящая головня, галка.
палѣ́сокъ м. рыболовный снарядъ изъ прутьевъ.
па́нтликъ м. и па́нтличка ж. узелъ, Band, мадьяр. pantlika.
па́нькати и -ся—усердно просить.
па́планъ м. покрывало, мадьяр. paplan.
папу́ча ж. туфля. Ср. баварское Papotsche. Miklosich, Fremdwörter.
па́рна ж. и перина—пуховикъ, мадьяр. párna.
па́робокъ м. парень. Въ Галиціи: паро́бокъ, парубокъ и парбукъ.
паску́да ж. 1) гадость. 2) глазная болѣзнь у скота.
па́сторокъ м. дядя.
пасу́ля ж. и фа-, фасоль.
па́сѣка и посѣ́ка ж. чищоба.
пахо́локъ м. парень.
пеле́вня ж. овинъ, гумно.
пеля и пиля предл. возлѣ: сядь собѣ пеля мня.
пеня́ ж. бѣсъ.
пеня́вый прил. копотливый.
передня́къ и пере́дникъ м. передовой человѣкъ.
пере́йма ж. родовыя натуги.
перелу́кій прил. горбатый, загнутый.
пери́ло ср. строеніе для сѣна или хлѣба возлѣ гумна.
перо́ ср. перо и зонтикъ.
першеразъ нар. впервые.
песликъ м. локонъ.
пестраки́ мн. веснушки. Отсюда прилаг. пестракова́тый.
пе́текъ м. петечи́на ж. ветхая верхняя одежда крестьянъ (косматая изъ грубой шерсти тканная, бурка).
петельки́ мн. горшечная повязка для ношенія горшковъ въ поле съ кушаньемъ для рабочихъ.
печа́рка ж. печерица.
печени́на ж. и пече́ня—жаркое, свиное сало.
печени́ца ж. сушеныя яблоки или груши.
пикни́ця ж. колбаса.
пинтювка ж. fringilla, мадьяр. pinty.
пи́па ж. трубка.
пищалочка ж. большой пастушій рожекъ.
пи́щокъ м. карандашъ, перо.
пла́нка ж. дикая яблонь.
плека́чка ж. мамка.
плетени́къ м. крендель.
плетю́га м. лгунъ.
плі́хтати гл. развѣваться, скитаться.
плужи́ти гл. идти въ прокъ.
побрястати? гл. попрыгать: такъ себѣ побрящи, якъ молодой ягня.
побучь нар. косо вверхъ.
пове́ргнути гл. оставить.
пове́ресло ср. перевясло.
повнова́ти и поуноватися гл.

скучать, тосковать: вжемь повновала; поунуешся; уже вшиткимъ людемъ дуже повновала. Ср. унывать и галиц. бановати?
пóгаръ м. бокалъ. погарчикъ уменьшит.
погучáти гл. бранить: на тя погучу.
пóдря ж. вышка, чердакъ.
подыства ж. подустъ.
познавáти гл. быть знакому: познаешь ты его?
пой повелит. = пойди.
поклювáникъ м. палка.
покля и поклй союзъ пока.
пóкостъ м. мурава, Glazur.
полегкáрь м. лежебокъ.
поличúти гл. посчитать.
полишúти гл. оставить.
полкъ м. стадо.
половичáнка ж. рожь, смѣшанная съ пшеницею.
полохiй прил. робкiй: дѣвочка полоха; цытъ бѣдо полоха!
помай бугъ—здравствуй: ты помай бугъ арендарю, дай горѣвки жиде; помай бугъ дубе! Изъ помагай.
помáлѣ нар. мало по малу.
понúвачь и понéвачь союзъ, такъ-какъ. Рѣдко.
порзный прил. скоромный. пóрзнитися гл. скоромиться.
портóкъ м. и портя́ ср. скатерть.
пóрцiя ж. подать.
посéстра ж. подруга, любовница.
посполúця ж. сплошная недѣля.
пóсыпка ж. корь.
пóтакъ м. мотовило.
потвóритися, твóритися гл.: не творится = не смотритъ, не обращаетъ вниманiя.
пóтля и потлй нар. пока.
пóтя ср. и потю́хъ м. птица. Ср. галиц. потя = птенецъ.
прáвити гл. готовить.
право ср. законъ, право и тяжба.
правотити гл. искать судомъ. -ся—тягаться судомъ.
правѣ нар. прямо.
прáйникъ м. валекъ; въ Гал. пранникъ.
пре: ничь пре ничь = вовсе не.
прейдовáти гл. praedari, мадьяр. préda, добыча.
при пред.: тото было въ лѣтѣ при святумъ Макарѣ.
привáдити гл. прицѣпить.
пригарь ж. пригарки.
приклятъ м. сѣни.
прислóнъ м. лавочка, на которой лежитъ покойникъ. Ср. гал. ослóнъ, лавочка.
прúслопъ м. обрывъ (горы).
приспóлница ж. масляница.
приспол̆ъ нар. наисполъ.
прúсташъ м. призяченый, примака.
прúтискъ м. нужда.
прищапúти гл. прищемить.
про предл.: про тебе = по твоей винѣ; прóшто = почему; про сонъ ходитъ = во снѣ; про васъ = для васъ.
провказáти гл. показать.
промкнýти гл. проглотить.
простомоцьковáти гл. презрительно говорить.
прочúти гл. тратить.
прочупя́тися гл. очунаться.
прóщава ж. чернь.
псовáти гл. бранить. Ср. гал. псячити.

псóта ж. чортъ; плутовство; неудача; подлость.
псѣти гл. жить въ нуждѣ.
пудйларъ м. pugillares.
пумше нар. позже.
путь м. и ж. путь.
пýшка ж. ружье. пушкáрь м. стрѣлокъ.
пчелйнокъ м. пчельникъ.
пѣнязь м. полушка -зи, мн. деньги.
пѣрь м. пестушка (рыба).
пѣшáкъ м. пѣшнйкъ м. тропинка. пѣшáкъ м. пѣшеходъ, пѣхотинецъ.
рабловáти гл. грабить, мадьяр. rabolni.
рáкашъ м. толпа, мадьяр. rakás.
растъ м. безвременный цвѣтъ.
ребрять нар. ребромъ.
рéпнути гл. ударить, повалить -ся—упасть.
репѣ́гати, репѣ́жити гл. летать, порхать; ливмя лить.
рéтязь м. засовъ; цѣпочка для ключей.
робóтязь м. рабочій.
рóбъ м. колодникъ.
рóвта ж. толпа, мадьяр. róta.
рóдичъ м. отецъ, родственникъ.
розбóйця м. разбойникъ.
ростечися гл. разбѣжаться: розыйшлися, ростеклися, якъ на небѣ хмара.
румéнокъ м. роменъ.
румéный прил. и румняный, руняный—красный.
руный прил. ровный. руня ж. равнина.
рýпа ж. яма для картофеля, погребъ.
руснáкъ м. мужикъ: не пуйду я за руснака, пана ми давайте.
рýчо нар. скоро, поспѣшно.
рыбянка ж. родъ рыболовнаго снаряда.
рѣзкій прил. ловкій, бойкій.
рябѣти гл. красоваться?: полониньскі̂ вершки и смуглявı̂ скалы... не рябѣютъ уже.
рямйти и рясити гл. складывать въ складки (платье). ря́мы мн.—складки.
ря́нда ж. тряпка. ряндья ср. собир. ря́ндавый прил. ряндя́рь м. тряпичникъ.
ряска ж. сережка (на деревѣ).
ряхтйти гл. дрожать (о звукѣ); мерцать, сверкать.
сабювъ м. sartor, мадьяр. szabó.
сакалáшъ м. потѣшный огонь (на пасху).
сакýля ж. сакъ м. родъ рыболовнаго снаряда.
самó союзъ: же, однако же, всетаки.
самокйша ж. простокваша.
свáльба ж. свадьба.
сварá ж. ссора. сваря́тися и сварится гл. ссориться.
свердáнъ м. сверчокъ.
свéрделъ м. буравъ.
свйта ж. рябая юбка крестьянокъ.
свѣдка м. и свѣдокъ м. свидѣтель.
свѣжйна ж. свѣжее мясо (свиное).
свѣтичъ м. подсвѣчникъ.
сéгинь прил. бѣдный, мадьяр. szegény.
секéрный прил. стройный, ловкій.
селйтва ж. жилище, закладка.
селó ср. улица и село.
сембрéля ж. плата служителей.

се̂мсто числ. (семь сотъ) очень много.
серени́ти гл. напирать.
серéнъ м. гололедица, изморозь.
серню́хъ м. cervus capreolus.
серня́тина ж. сернина.
си́гла ж. си́готъ м. родъ ивы. сиготáрь м. корзинщикъ.
силкá ж. силокъ м. круглый горшокъ.
сирохмáнъ м. сирота.
скали́ти гл. колоть; колотить; бранить.
скалуби́на ж. щель.
ски́ба ж. кусокъ, ломоть.
скíпа ж. лучина. скíпи́ти гл. прививать, щепить. скíпéцъ м. привитое дерево.
скóмена ж. оскомина. Ср. галиц оскома, оскомина.
скопéцъ м. дойникъ; западня.
ско̂тити гл. потерять.
скру́ха ж. ревность, добрая воля; раскаяніе.
скулá ж. побужденіе.
скулити гл. щурить.
скулѣ́ти гл. визжать.
скучка ж. лягушка.
сли и если союзъ, если.
сли́чный прил. красивый.
слопéцъ м. западня.
слóмпати, слóмпити гл. слинить, курить трубку слинясь.
слу́тый прил. разслабленный, кто не владѣетъ какимъ либо членомъ тѣла.
слызá ж. слеза. слызити гл. струиться: студники слызятъ.
смóли мн. сопли. смóлавецъ м. сoплякъ.
смолавый прил. сопливый.
сморкати гл. сморкать. сморкачъ м. сопливецъ. Ср. гал. смар-, шмар-.
смыкъ м. смычекъ.
смѣть ж. мятель.
сóвзати гл. скакать, шалить, рѣзвиться. Ср. гал. ховзатися = кататься на льду.
соки́рвиця ж. сукровица.
сокиря́нка ж. кирка.
солоджáва ж. сладость.
солóдичъ м. солодковый корень.
соля́нка ж. солонка.
сомаръ м. оселъ, мадьяр. szamár.
сóпухъ м. зловоніе.
сорокóвецъ м. Gulden. Ср. гал. Zwanziger.
сóха ж. подпора, подставка.
сочи́ти гл. предлагать, поручать, совѣтовать.
спарá, спáрка ж. щель. Ср. гал. шпáра.
спинáтися гл. дыбиться; карабкаться.
спинцёвáти гл. прыгать, дыбиться.
спори́ти гл. умножать. спóрый прил. довольно большой.
спуза, спудза ж. горячая зола.
ставъ м. состояніе, званіе.
стáроста м. сватъ, свадебный распорядитель, предводитель. Въ одной свадебной пѣсни значится слѣдующее: «Зáне люляше, стáроста пля́ше». Слова: зане, люляше, пляше—непонятны.
стежáръ м. гумно. на стежаръ = настежь.
стéрень, стерня, стернянка ж. жниво.
стóкомъ нар. ловко.
стóяло ср. мѣсто, гдѣ скотъ от-

дыхаетъ въ полдень, скотный рынокъ.
стромъ м. плодовое дерево.
струбъ м. срубъ. **струби́ти** гл. сдѣлать срубъ.
стру́нга ж. (чит. strunga) отверстіе въ заборѣ и пр.
стры́ко м. дядя.
стрѣ́хавый прил. взъерошенный.
стряпѣ́ти гл. стараться о чемъ.
сту́дникъ, студничокъ и **студня.** колодезь.
ступляй м. ступа; шагъ.
сукъ м. дыра.
суньголо́въ нар. стремглавъ.
сучье молоко—молочай.
сушня ж. сушильня.
схитити гл. похитить.
схудо́бнѣти гл. обѣднѣть.
сыса́къ м. трубочный мундштукъ.
сѣйба́, сѣ́ятва ж. посѣвъ, посѣянное, время посѣва.
сѣмъ нар.: сѣмъ и тамъ = тамъ и сямъ.
сѣрка́чъ м. спичка.
тадь союзъ, вѣдь.
тады и **туды** нар. туда.
та́ниръ м. тарелка. Ср. гал. тариль.
тарка́стый и **-атый** прил. пестрый.
та́шка ж. карманъ.
тва́мость ж. Твоя милость = Вы = Ты.
тѐлекъ м. надѣлъ, мадьяр. telek.
теле́на ж. пастушья свирѣль.
темеси́ти гл. угадать.
теметювъ и **танатювъ** м. кладбище.
темни́къ м. дремучій лѣсъ.
тендери́ця ж. кукуруза.
те́ренъ м. шипъ.
теркны́ и **тре́нки** мн. терновыя ягоды.
терло́ ж. метаніе икры.
терно́слива ж. prunus spinosa.
терпу́га ж. водка.
терлеба́чка ж. дрянная повозка.
теско́ м. тезка.
тетю́га ж. лихорадка. Ср. гал. -ха.
тирхъ м. бремя. **тирхати** гл. обременять, мадьяр. terh, terhelni.
тиса ж. populus rubra.
тко и **хто** мѣст. кто.
то́вчка ж. ступа.
то́кма ж. торгъ, условіе о цѣнѣ. **токмити** гл. договаривать о цѣнѣ, нанимать, мадьяр. tokma и дрсл. тъкъмити. Miklosich, Fremdwörter.
токмо нар. только.
то́равый прил. паршивый. **то́равецъ** м. **торавѣти** гл.
тормоси́ти, торноси́ти гл. тормошить.
то́ронъ м. **ту́рня** ж. башня, мадьяр. torony.
торо́пати гл. кое-какъ жить.
тремтѣ́ти гл. дрожать.
тричи́ числ. трижды.
тригуба́чъ м. губанъ.
трови́ти гл. 1) варить (въ желудкѣ), 2) отравить, 3) натравить собакъ на кого. Ср. въ Галиц. 1) тра́вити, 2) трои́ти, 3) трови́ти.
тровлю́къ м. соловей.
тромпаки́ мн. картофель.
тропо́тъ м. tintinnabulum pecorale.
троска́ ж. окалина.
тро́щити гл. давать, тѣснить.
трумпе́та ж. пастушья труба.

туга́ ж. 1) радуга. Ср. гал. дуга, 2) печаль.
туй нар. сюда.
туній прил. дешевый.
ту́рати гл. заботиться.
ты́рлячъ м. плохой скотъ.
тя́кнути гл. быть полезнымъ, исполниться.
у́дица ж. удочка.
удну нар. внутри, внутрь.
удоперти г. отпереть.
уза́видь нар. во всю прыть.
уйко и вуйко м. дядя.
укоси́читися гл. украсить себя цвѣтами.
уло́га ж. лощина.
у́пуляти, у́пулити гл., также вып-, вытарашить (глаза).
у́рда и вурда ж. родъ сыра.
утала́шитися гл. утихнуть.
у́чёнь м. ученый; учитель.
учи́нки мн. дѣла; колдовство.
фарша́нги мн. масляница.
фатю́въ м. незаконно рожденный сынь, мадьяр. fattyn. Въ Гал. слуга.
фацеликъ м. носовой платокъ.
финжа ж. чашка, мадьяр. findza.
финъ м. крестникъ. Въ Галиц.: фиййнъ.
флёкати гл. кипѣть. флёкотати болтать.
флыга́нъ м. волкъ (въ Мармороштѣ).
флы́гошъ м. бродяга.
фраи́рка, фраи́рочка ж. любовница.
францу́хъ м. французъ.
фриштиковати гл. завтракать.
фунѣ́ти гл. вывѣтриваться, тлѣть.
хабни́къ, хамни́къ м. кустарникъ.
хви́ля ж. хви́ля—погода.
хворо́та ж. болѣзнь.
хвоста́нъ м. хвостатая рыболовная сѣть.
хитру́ха ж. хитрая женщина.
хля́нути гл. уставать.
хованецъ м. домовой.
ховпа́къ м. мѣховая шапка. У Головиц. о костюмахъ, стр. 63: калпакъ = шапка изъ лучшихъ мѣховъ съ камковымъ верхомъ.
ховпъ м. клочекъ, косма; хлопье.
хо́дли мн. ходули.
хма́рникъ м. колдунъ.
ца́бати, ца́бнути гл. расхаживать крупными шагами.
царо́къ м. перегородка, клѣтка, садокъ.
цвекла родъ дерева?: летѣла зазуленька, та сѣла на цвеклѣ.
цве́рна ж. и нитка, нить.
цейкла ж. свекла, мадьяр. czécla.
церего́вый прил. самый лучшій (чит. ceregovyj). церо́, самое лучшее.
церковни́къ м. звонарь, пономарь.
цигла и цегла ж. кирпичъ.
цимеръ м. гербъ. Ср. румын. cimiriŭ, signum, нѣм. Ziemire, Zimber. Miklosich, Fremdwörter.
цинторъ и цв- м. кладбище.
ци́тромъ м. лимонъ.
цифро́ванный — доломанъ, вышитый снурками, съ петлями и съ 48 мелкими пуговицами.
цо́мпель м. сопля, сосулька. Въ Гал. сомпель.
цо́ркати, церкота́ти гл. стучать, трещать. церкота́йло м. трещетка. Ср. галиц. торк-, дурк-.

цу́ря и цундря ср. лохмотья. цу́равый прил.
цѣ́дка ж. цѣдилка.
цѣ́ле нар. право, въ самомъ дѣлѣ.
цютъ, цётъ и цётъ: цётъ не цётъ = четъ не четъ. Ср. гал. цетъ чи лишка.
чаканошъ м. городовой.
чалова́ти гл. обманывать, румын. čeluesk, мадьяр. csalui. Miklosich, Fremdwörter.
ча́яти гл. заботиться.
челле́ный прил. червеный, черленый красный.
чемеси́ти гл. давить.
чемса́ти гл. стругать, срѣзывать. Ср. гал. чѐмхати.
чемдетювъ м. колокольчикъ, мадьяр. csengetyü.
чепа́къ, чипе́цъ м. чепецъ.
чепа́рити гл. растопыривать.
червôнка ж. кровавый поносъ.
червото́къ м. червоточина.
череда́рь м. пастухъ.
черко́ты мн. родъ шпоръ съ побрякушками по сторонамъ каблука. Головац. о костюмахъ, стр. 64.
чизмы, чиземня́та мн. башмаки.
чиръ м. размазня. чирчикъ уменьшительный.
чи́рь ж. трутъ.
чко́да ж. убытокъ, также шк-.
чоба́нъ м. родъ деревяннаго сосуда для молока.
чопи́ти гл. тупѣть.
чу́га, чуга́ня ж. родъ свитки безъ рукововъ. Головац. о костюмахъ, стр. 66.
чу́лый прил. съ отрѣзанными ушами.
чутора ж. трубочный мундштукъ.
чи́сарь м. императоръ.
шашъ м. также осо́ка ж. мадьяр. sás.
шентяля́вый прил. мерзкій.
шершу́нъ и шаршунъ м. шершень.
ши́бень и ши́беница ж. висѣлица.
шибъ м. оконница.
шингля ж. (чит. šyngla) Schindel, мадьяр. sindel.
ши́пка ж. шапка, шапка.
шкату́ля и кату́ля ж. коробка, Schachtel.
шовгоръ, швагоръ м. (чит. -g-) шуринъ.
шпе́никъ м. щопки мн. стебель, хвостики плодовъ.
шпи́нькати гл. застегивать.
шпо́ндя ж. губка, spongia, мадьяр. spongya.
што, что, що, то, чо, со мѣст. что.
шу́вный прил. красивый.
шугай м. любовникъ.
щабрикъ м. родъ растенія.
щава́ ж. щавель.
щебота́ти гл. чирикать.
щêть ж. чесалка.
южъ, уже, вже нар. уже.
ябко и яблоко ср. яблоко.
яло́, яло́ся—прилично.
яре́й, я́ричъ м. ежъ.
я́рець м. ячмень.
ярь ж. весна; въ яри = весною. ярёвати гл. заниматься весеннею полевою работою. ярина́ ж. яровой хлѣбъ. ярый прил. 1) яровой. 2) живой, проворный. я́рный прил. яровой.

Примѣры именъ личныхъ: Гаври́лôвъ, Максими́шинъ, Кукли-

шинъ, Щерба́ничъ, Лу́чка, Су́сла, Сачко́, Брынько́, Лоша́къ, Перебздя́къ, Матёвка, Гайда́нка, Го́йдзанка, Церко̂вни́къ, Ки́рикъ, Рыга́нъ, Галага́нъ, Фарка́шъ, Ву́кста, Жджепо̂вскій, Бриндзовичъ и т. д.

Примѣры названій мѣстъ: Лю́та, Ти́ха, Бы́стра — также -ое, Ко́стрина, Зарѣчёвъ, Смереко́вое, Поро́шково, Перечино́, Сва́лява, Ро́стока, Вы́шка, Черноголо́вня, Соли мн.: бывъ у Соля́хъ и т. д.

Образцы языка.

Сивый сокювъ, сивый сокювъ, тай сива голубка,
Любый нянько, люби мамка, щи май люба любка.

Ой Иване, Иваночку, лѣса бы тя вбила,
Кюлько было легѣникувъ, лишь тебемь любила.

Не давъ бы я себе, коли я зъ вювцями, за того, што гулятъ изъ молодицями;
Не давъ бы я себе за вшитокъ бѣлый свѣтъ, бо кидь я вювчарёмъ, южъ надо мною нѣтъ.

Вювчаря быхъ любивъ, кидь бы я бывъ дѣвка, вювчаря быхъ маивъ, кидь быхъ бывъ хотъ квѣтка.

—

Кидь быхъ бывъ водиця, лемъ вювчарь бы мя пивъ, а быхъ бывъ сонêнько, лемъ ёму быхъ свѣтивъ.

—

«То суть вювцѝ мои» кажу я голосно, кидь хочь, вуддай ми ихъ, покля гварю красно.

—

А цытте лемъ дѣти! Ци ми въ вусѣхъ шумитъ? Штось ми ся причуватъ гибы хтось говоривъ.

—

Хто плаче, добрѣ кидь удъ слызъ ся повтерать,
А старому, кидь ся ковтежомъ пудперать.

Ци йти на правый букъ, ци йти на лѣвый? Што вже ту робити? Якъ аттакъ у собѣ прутко ся журиме, тишина усягды, и ничь не чуеме; разъ приходитъ идъ намъ еденъ сивый старецъ и пр.

Вѣнокъ ти дарую, очче муй солодкій!
Кунця вунъ не мае, всягды округлевькій!
На знакъ, же щирости конецъ моей буде
Тогды, якъ у вѣнку конецъ найдутъ люде!

Съ этими послѣдними словами обращается къ достопочтенному юбиляру и благодарный ему

Авторъ.

Калишъ. Январь 1883.

КНЯЗЬ КОНСТАНТИНЪ БОДИНЪ.

Очеркъ изъ исторіи Сербовъ XI в.

Алексѣя Петрова.

Объединеніе Неманичами сербскаго племени было подготовлено въ XI в. трудами зетскихъ или дуклянскихъ князей, распространявшихъ свою власть на сосѣднія сербскія области и защищавшихъ ихъ свободу отъ притязаній Византіи.

Самое географическое положеніе Зеты (въ обширномъ смыслѣ) сдѣлало ее колыбелью сербской самостоятельности. Гористая, природой защищенная отъ внѣшнихъ нападеній страна благопріятствовала образованію небольшаго политическаго тѣла и ограждала его отъ враговъ. Въ то же время Зета и вообще сербское приморье, находясь на окраинѣ Балканскаго полуострова, было удалено отъ Константинополя, центра самого опаснаго непріятеля — Византійской имперіи. Съ другой стороны — легкость сношеній черезъ Адріатическое море съ западными противниками Византіи, которымъ Зета могла служить опорнымъ пунктомъ противъ имперіи и въ свою очередь получать отъ нихъ помощь, все это заставляло византійцевъ дорожить дружественными отношеніями къ Зетѣ и многое оставлять ей безнаказаннымъ, если уже было невозможно совершенно подчинить ее себѣ.

Конечно, будь Византія крѣпка внутренно и обезопашена отъ другихъ враговъ, всѣ указанныя благопріятныя условія все-таки не защитили бы Зету. Но быстрое паденіе Византійской имперіи по смерти Василія II Болгаробойцы, неспособность и слабость большин-

ства его преемниковъ, внѣшнія и внутреннія затрудненія, новые грозные враги Византіи—Печенѣги и Норманны—все это дало зетскимъ князьямъ успѣхъ въ ихъ стремленіи къ независимости.

При императорѣ Василіи II вслѣдъ за паденіемъ Болгаріи (1018 г.) и Сербія (1019 г.) покорилась Византіи, на лучшихъ, впрочемъ, условіяхъ, чѣмъ Болгарія. Хотя Сербія и раздроблена на мелкія княжества и подчинена греческому намѣстнику, но все-таки сохраняетъ нѣкоторую долю самоуправленія въ лицѣ своихъ собственныхъ князей.

Около 1040 г. зетскому князю Стефану Воиславу Доброславу удалось свергнуть иго Византіи. Съ 1040 по 1081 гг. Стефанъ и его сынъ Михаилъ отражаютъ всѣ попытки Грековъ вернуть Зету подъ свою власть и наконецъ добиваются того, что Византія оставляетъ ихъ въ покоѣ и даже входитъ въ дружбу. Михаилъ именуется другомъ и союзникомъ Римлянъ и получаетъ титулъ императорскаго протоспаѳарія[1]).

Въ то же время, вѣроятно, не безъ вліянія зетскихъ князей возобновляется прежнее діоклейское архіепископство съ метрополіей въ Барѣ (Антивари)[2]). Этимъ выдѣляются церкви во владѣніяхъ зетскихъ князей отъ вліянія сплѣтскаго архіепископа, подчиненнаго хорватской коронѣ. Ходатайствуя за рагузскаго епископа въ его распрѣ съ Сплѣтомъ, Михаилъ вступаетъ въ сношенія съ папой и при этомъ случаѣ получаетъ отъ Григорія VII знамя и плащъ, какъ знакъ принятія его подъ покровительство римскаго престола[3]), чѣмъ, конечно, болѣе обезпечивается самостоятельность Зеты.

Параллельно съ упроченіемъ независимости зетскихъ князей идетъ подчиненіе ими другихъ сербскихъ областей — главнымъ образомъ западныхъ (что именно было присоединено къ Зетѣ Стефаномъ и Михаиломъ, за отсутствіемъ вполнѣ достовѣрныхъ данныхъ, сказать нельзя). Однако окраинное положеніе Зеты, благодаря которому изъ нее могло начаться объединеніе Сербовъ, препятствовало ей имѣть глубокое вліяніе на внутреннія, восточныя сербскія области. Только когда центръ политической жизни Сербовъ перешелъ въ эти внутреннія области, тогда единство этого народа стало болѣе прочнымъ.

---

1) Cedren, ed. Bonn., II, p. 607.
2) Rački, Documenta hist. croat. period. ant. illustr, str. 199—202.
3) Rački, ibid., str. 211—212.

Въ виду этого пріобрѣтаетъ большое значеніе періодъ, когда зетскіе князья освобождаютъ изъ подъ власти Византіи и подчиняютъ себѣ восточныя сербскія земли — Босну и Расу. Это совершилось именно въ послѣднія десятилѣтія XI в. при князѣ Константинѣ Бодинѣ. Послѣ него, въ XII в., Зета отступаетъ уже на второй планъ; возвышается Раса и Неманичи.

Дѣятельность Бодина такимъ образомъ является непосредственно подготовившей успѣхъ Стефана Немани и изученіе исторіи Сербовъ при Неманичахъ должно быть неразрывно связано съ изученіемъ времени княженія Бодина.

Въ нашемъ очеркѣ мы обращаемся къ разсмотрѣнію этого періода, мало занимавшаго русскихъ славистовъ. Рачкій въ «Borba južnih Slovena za državnu neodvisnost u XI v. U Zagrebu. 1875 г.»[1]) довольно подробно разобравшій его, оставилъ безъ вниманія нѣкоторые частные вопросы.

Изслѣдованію нашему предпосылаемъ краткій обзоръ источниковъ, которые могутъ быть раздѣлены на двѣ группы.

I. Источники современные или близкіе по времени къ разсматриваемымъ событіямъ и основывающіеся на документальныхъ и устныхъ извѣстіяхъ современниковъ.

II. Источники позднѣйшіе.

I. Главное значеніе въ 1-й группѣ имѣютъ византійскіе историки: Михаилъ Атталіата, Іоаннъ Скилица, Никифоръ Вріенній, Іоаннъ Зонара и особенно Анна Комнина[2]). Извѣстія ихъ о Сербахъ и по объему и по достовѣрности являются наиболѣе важнымъ матеріяломъ, хотя и не вполнѣ могутъ удовлетворить насъ: византійцы говорятъ о Сербахъ лишь мимоходомъ, поэтому ихъ показанія страдаютъ отрывочностью и часто не совсѣмъ опредѣленны и ясны; притомъ они касаются лишь внѣшней исторіи Сербовъ—ихъ отношеній къ Византіи. Для изученія же внутреннихъ событій и отношеній Сербовъ къ Дубровнику приходиться обращаться къ позднѣйшимъ извѣстіямъ. Кромѣ

---

1) Rad. jug. ak., kn. XXIV, XXV, XXVII, XXVIII, XXX и XXXI; мы пользовались отдѣльнымъ оттискомъ.

2) Мы цитируемъ: М. Атталіату, I. Скилицу, Н. Вріенія и Алексіаду Анны Комнины по бонскимъ изданіямъ, а I. Зонару по изданію Migne'я (Patrologiae series graeca, t. 135). Текстъ извѣстій о Сербахъ въ Алексіадѣ свѣренъ съ изданіемъ Hoeschellii. Aug. Vind., 1610.

того къ 1-й группѣ относятся: Лупъ Протоспаѳарій, Раймундъ de Aguilers, Вильгельмъ Тирскій и Ордерикъ Виталій [1]); всѣ они, впрочемъ, даютъ только короткія отрывочныя показанія.

II. Ко второй группѣ принадлежатъ:

а) Хроника анонимнаго діоклейско-барскаго священника (Črnčić, Popa Dukljanina ljetopis. Kraljev. 1874). Хотя для XI—XII в. хроника болѣе достовѣрна, чѣмъ для предъидущаго времени, но все-таки представляетъ въ историческомъ отношеніи далеко не надежный матеріялъ по слѣдующимъ причинамъ:

1) Она принадлежитъ къ позднѣйшей эпохѣ. Рачкій въ «Ocjena starijih izvora» (Književnik, 1864 г., I, 203—205) относитъ ее къ половинѣ XII в. (1143—1153 гг.). Но при этомъ, какъ намъ кажется, онъ слишкомъ мало вниманія удѣлилъ этому вопросу и доказательства его (если оставить въ сторонѣ общую фразу — «по всему содержанію, духу и формѣ не можетъ быть позже XII в.») не особенно тверды, такъ что ради запутанности, неясности, ошибокъ и другихъ недостатковъ хроники скорѣе ее можно отнести къ болѣе позднему времени, можетъ быть и къ XIII в. [2]). Во всякомъ случаѣ на опредѣленіе времени, сдѣланное Рачкимъ, далеко нельзя полагаться [3]).

---

1) Lupus Protospata—Pertz, Mon. Germ. hist., SS., t. V; Raimundus de Aguilers — Recueil des historieus des Croisades, histor. ocsidentaux, t. III; Wyll. Tyrensis archiep. ibid., t. I; Ordericus Vitalis — Migne, Patrologiae series latina, t. 188.

2) Доказательства Рачкаго слѣдующія: хроника обрывается на событіяхъ половины XII в. со словами etc., etc. — очевидно конца нѣтъ. Рачкій совершенно произвольно предполагаетъ, что недостающая часть должна быть не велика. Затѣмъ, на вымышленномъ Діоклейцемъ дувненскомъ соборѣ (IX в.) не упоминается епископствъ сѣньскаго и крбавскаго, основанныхъ въ 1186 г., а также архіепископіи въ Зарѣ — съ 1154 г. Рачкій отсюда выводитъ, что хроника писана раньше 1154 — 1186 г. Но вѣдь Діоклеецъ, говоря о IX в., совершенно естественно могъ не упомянуть о томъ, что было лишь въ XII в. Кромѣ того изслѣдователь не остановился на двухъ важныхъ вопросахъ: 1) если въ 1143—1154 г. авторъ хроники былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ (vim inferens meae senectuti, стр. 1), то чѣмъ объяснить страшную путаницу въ его разсказѣ о событіяхъ начала XII в., которымъ онъ могъ быть современниковъ? См. сличеніе этихъ показаній Діоклейца съ извѣстіями Византійцевъ у В. Г. Васильевскаго въ «Изъ Исторіи Византіи XII в.» (Славянскій Сборникъ, т. II, приложеніе III). 2) Не представляется ли страннымъ появленіе въ началѣ XII в. (м. б. и въ XI в.) сочиненія о готско-славянскихъ короляхъ, писаннаго по славянски, такъ какъ очевидно, что libellus Gothorum, переведенный и дополненный, по Рачкому, въ 1143—1154 г., долженъ быть составленъ раньше этого времени.

3) Ср. также о діокл. свящ.: Engel, Geschichte d. Freistaates Ragusa. Wien. 1807,

2) Хроника дошла до насъ въ значительно испорченномъ видѣ (Rački, Ocjena,—Knjiž; Crnčić, введеніе къ изд. Діокл.).

3) Главный источникъ хроники—очень мутный и темный—устное преданіе, иногда народное, иногда даже можетъ быть и не народное, а придворное, монастырское и т. п. Наконецъ свѣдѣнія, почерпнутыя авторомъ изъ этого источника, обработаны имъ по своимъ личнымъ соображеніямъ, запутаны и дополнены произвольными объясненіями и подробностями.

Въ виду всего этого къ показаніямъ Діоклейца должно относиться какъ можно строже, брать только то, что не противорѣчитъ другимъ, болѣе достовѣрнымъ источникамъ, притомъ свѣдѣнія болѣе общаго и важнаго характера, носящія на себѣ явные слѣды народнаго преданія, часто связанныя съ какимъ нибудь опредѣленнымъ мѣстомъ или временемъ; хотя, конечно, за точность и ихъ поручиться нельзя. Болѣе же мелкія подробности далеко не могутъ считаться достовѣрными, хотя бы и представлялись возможными.

б) Хроника Андрея Дандоло († 1354 г.) [1]. Дандоло даетъ одно извѣстіе—объ отнятіи Бодиномъ у Роберта Гвискарда Драча,—по формѣ сходное съ такимъ же показаніемъ Діоклейца, которое, очевидно, или заимствовано у Діоклейца, а можетъ быть его извода, или же, что менѣе вѣроятно, имѣетъ общій съ Діоклейцемъ письменный источникъ. Извѣстія Діоклейца и Дандоло, что Драчъ прямо перешелъ отъ Роберта къ Грекамъ, противорѣча опредѣленному показанію Анны Комнины (I, 289—290), должны быть отвергнуты. Для сличенія привожу оба извѣстія:

Diocl., cap. XLII.	An. Dandolo, lib. IX, cap. VIII.
De potestate Francorum, qui erant in Durachium et in tota terra Duracenorum, mortuo Riberto Guiscardo, tulit atque obtinuit rex Bodinus totam terram	Robertus Guiscardi.... moritur. Huic Rogerius filius successit, qui Amalphiae juramentum fidelitatis, praestitit Urbano papae.... et se hominem ligium ecclesiae confes-

стр. 67, пр. a и 75, пр. b; Гильфердингъ, Исторія Сербовъ и Болгаръ,—Полн. собр. соч. I. Спб. 1868, стр. 166—167; Dümmler, Ueber die ält. Geschichte d. Slav. in Dalmatien въ Sitz. ber. d. phil. his. cl. XX, B. 355; Дриновъ, Южные Славяне и Византія въ X в. М. 1876, стр. 146—152; Новаковић, Српске областе X и XII в. У Београду. 1879, стр 1—2.

1) Muratori, Scriptores rerum italicarum, t. XII.

Duracenorum et ipsam civitatem Durachium. Post haec, facta pace cum imperatore, reddidit illi civitatem.

sus est. Et hoc etiam sub vexillo [1]) nunc Bodinus Raxiae Durachium accepit, et postea, pace cum imperatore Constantinopolitano composita, illi urbem resignavit.

б) Дубровницкіе историки. Вообще пользованіе ими довольно затруднительно: сочиненія многихъ потеряны, другихъ не изданы или очень рѣдки. Мы имѣли подъ руками:

1) Отрывки риѳмованной хроники Милеція конца XIII в. (изд. и объясн. A. K. Matas въ Biblioteca storica della Dalmazia—Gelcich lib. I. 1882 г.)[2]).

2) Л. Червы Туберона (1492—1552 гг.). Начало и судьбы Дубровника (гл. IV—VII 5-й кн. Commentarii de temporibus suis, Lud. Cervarii Tuberonis у Schwandtner, Script. rer. Ungar., t. II).

3) Мавра Орбинича, Regno degli Slavi, 1601 г. (по русскому переводу 1722 г. въ Спб.: Кніга Історіографія народа Славянскаго).

4) Я. П. Луккарича (1551—1615 гг.), Copioso ristretto degli annali di Rausa. Venetiis 1605 г.

5) Юнія Растича (1671—1735), Historia della Republica di Ragusa (по списку Вл. Ив. Ламанскаго).

6) Серафима Червы († 1759 г.) — отрывокъ изъ Vitae illustrissimorum Ragusinorum, помѣщенный у Макушева въ «Изслѣдов. о пам. и быт. Дубр.», стр. 77, пр. 1.

Главнымъ основаніемъ разсказа дубровницкихъ историковъ о Бодинѣ служитъ таже хроника Діоклейца, которой они слѣдуютъ довольно близко. Извѣстія Діоклейца они дополняютъ или собственными соображеніями или (довольно рѣдко) показаніями византійцевъ, иногда же преданіями, связанными съ опредѣленными мѣстностями, памятниками, старыми обычаями и т. п. Конечно, только послѣдняго рода добавленія имѣютъ интересъ для насъ. Все же остальное должно быть оставлено въ сторонѣ. Иногда дубровничане ссылаются на письменные документы: pagina prisca, archivii, annali и т. п., но во 1-хъ, ссылки

---

1) Hoc sub vexillo — скорѣе церкви. Дандоло могъ знать о буллѣ 1078 г. папы Григорія VII князю Михаилу съ обѣщаніемъ дать vexillum et pallium.

2) Макушевъ, Изслѣдованія объ историч. пам. и бытописат. Дубровника, 1867, стр. 76—80.

очень рѣдки, во 2-хъ, пока не собраны, не изданы и не изучены остатки этого рода письменныхъ памятниковъ, мы не можемъ на нихъ опираться[1]).

г) 4 грамоты, приводимые Фарлати въ «Illiricum Sacrum» (t. VI, 58—60), времени Бодина и его преемниковъ не могутъ считаться подлинными[2]).

Такимъ образомъ, главный и достовѣрный матеріялъ даютъ византійцы; извѣстія же остальныхъ источниковъ служатъ лишь дополненіемъ.

Приступимъ теперь къ нашей задачѣ.

Князь[3]) Константинъ Бодинъ[4]) былъ сынъ зетскаго[5]) князя Михаила, внукъ Стефана Воислава Доброслава[6]). Годъ рожденія Бодина неизвѣстенъ, но въ 1072—1073 г. Бодинъ является уже человѣкомъ достаточно взрослымъ, чтобы быть выбраннымъ на болгарскій престолъ и самостоятельно предводительствовать войскомъ.

Такимъ образомъ, въ первый разъ Бодинъ появляется на историческомъ поприщѣ въ роли объединителя славянскихъ народовъ Болгаръ и Сербовъ. Предпріятіе это однако было слишкомъ мало подготовлено: и Сербія еще далеко не вся была объединена, сплочена и сильна, и

---

1) Ср. Макушевъ, Изслѣд. о пам. и бытописат. Дубровника, стр. 203—217.

2) Engel, Geschichte d. Freist. Ragusa, стр. 75, пр. b, и Rački, Ocjena, Kn. I, 221.

3) Дарованіе папой Григоріемъ VII знамени и плаща отцу Бодина, Михаилу, и титулъ regi Sclavorum въ заголовкѣ папской буллы не могутъ еще служить прямымъ доказательствомъ, что Григорій VII возвелъ Михаила въ королевское достоинство. Относительно же королевскаго достоинства Бодина совершенно нѣтъ данныхъ. Названіе Бодина — rex у Діоклейца, Раймунда de Aguilers, Вильгельма Тирскаго и Ордерика Виталія — не имѣетъ значенія достовѣрнаго и точнаго свидѣтельства)

4) Константинъ — имя христіанское, Бодинъ отъ корня бѫд (Miklosich, Bildung d. slav. Personennamen, nr 21) — народное; мы беремъ форму Бодинъ вм. Будинъ (у Рачкаго, Borba južn. Sl., 180, пр. 2), какъ болѣе соотвѣтствующую правописанію источниковъ: у византійцевъ Βοδῖνος, Βοδίνος, Βοδῦνος, у лат. авторовъ: Bodinus.

5) J. Scylitz, 715, 718; Lup. Protosp. s. a. 1081 — бракъ сына Михаила съ дочерью барійца Аргирици, извѣстною Гіацинтою (жена Бодина, у Diocl. Jaquinta). Діоклеецъ (гл. XL), по обыкновенію, упоминая о многихъ (11) сыновьяхъ Михаила, путается и дважды называетъ имя Бодина, то какъ сына, то какъ внука Михаила. Въ дальнѣйшемъ его разсказѣ Бодинъ является сыномъ Михаила.

6) Стефанъ и Михаилъ владѣютъ югозападной частью Сербіи, прилежащею къ Драчу, т. е. древней Діоклеей или Зетой. У Brien. (100—103) подданные Михаиха — Χωροβάτοι (=Σέρβοι) καὶ Διοκλεῖς. Столица Бодина—Скадръ (Praesb. Diocl., c. XLII; Order. Vit. IX, 5. Migne, t. 188, стр. 649).

Болгарія не успѣла оправиться послѣ прежнихъ погромовъ и не возстала единодушно. Бодинъ на этотъ разъ потерпѣлъ неудачу, и въ дальнѣйшей своей дѣятельности, наученный опытомъ,—ставитъ болѣе тѣсныя рамки своимъ планамъ, — ограничивается освобожденіемъ и объединеніемъ одного сербскаго народа, и, искусно взвѣшивая свои силы и политическія обстоятельства, достигаетъ успѣха. Обратимся однако къ его кратковременному царствованію въ Болгаріи.

Въ послѣдніе мѣсяцы (послѣ августа) 1072 г. [1]) возстали Болгары, выведенные изъ терпѣнія корыстолюбіемъ и притѣсненіями византійскихъ чиновниковъ, особенно полновластнаго любимца императора Михаила VII Дуки, логоѳета Никифора. Въ Болгаріи въ это время уже не было никого изъ прежняго царскаго рода [2]). Болгарскіе вельможи и во главѣ ихъ Георгій Воитахъ (Βοϊτάχος—Воитѣхъ?) [3]), собравшись въ Скопіи, рѣшили во избѣжаніе зависти и распрей не выбрать вождемъ кого либо изъ своей среды, а обратиться къ князю Михаилу, бывшему въ родствѣ съ болгарскими царями [4]). Михаилъ отправилъ въ Болгарію своего сына, Константина Бодина, съ отрядомъ Сербовъ въ 300 ч., давъ въ руководители сыну нѣкоего Петрила (Петромила). Въ Приштинѣ Бодинъ былъ встрѣченъ Болгарами и выбранъ ими въ цари, при чемъ онъ перемѣнилъ имя Константина на Петра [5]).

Греческое войско поспѣшно выступило къ Приштинѣ подъ начальствомъ Даміана Далассенскаго и, не приготовившись хорошо, напало на Сербовъ и Болгаръ. Греки потерпѣли пораженіе и бѣжали; лагерь достался непріятелямъ. Даміанъ Далассенскій и другіе военачальники

---

1) По I. Скилицѣ, 714, въ 1-ый годъ царствованія Михаила VII, 11-го индикта. 11-й индиктъ начинается съ сентября 1072 г.; сентябрь и октябрь этого года какъ разъ и падаютъ на 1-ый годъ имп. Михаила VII, вступившаго на престолъ въ октябрѣ 1071 г. Это точное и болѣе раннее показаніе Скилицы имѣетъ больше значенія, чѣмъ неопредѣленное опредѣленіе I. Зонары (lib. XVIII, c. XVII, p. 281)—въ третій годъ имп. Михаила.

2) Rački, Borba južn. Sl., стр. 180—181.

3) Изъ рода Κομχάνων (J. Scyl., 715), по предположенію Рачкаго (Borba, 181, пр. 2), вм. Κρουμχάνων или скорѣе Κρουμχάνου, т. е. потомокъ Крума.

4) Іоаннъ Владимиръ, одинъ изъ предковъ Бодина, былъ женатъ на дочери, а Стефанъ Воиславъ на внучкѣ царя Самуила (Rački, Borba, 37, 114).

5) Можетъ быть, въ память Петра Симеоновича и Петра Деліана (Rački, Borba, 182).

взяты въ плѣнъ (между ними нѣкто Лонгибардопулъ, т. е. родомъ изъ южноитальянскихъ Норманновъ)[1]).

Послѣ этой побѣды Бодинъ былъ открыто провозглашенъ царемъ. Упоенные первой удачей Сербы и Болгары, желая сразу расширить кругъ своихъ дѣйствій, раздѣлили войско на двѣ части. Одну самъ Бодинъ повелъ въ придунайскія области, къ Нишу, можетъ быть, съ цѣлью войти въ связь съ населеніемъ придунайскихъ и посавскихъ городовъ, недовольнымъ Греками, а также—съ печенѣжскими отрядами. Бодинъ занялъ Нишъ; по дорогѣ грабилъ и раззорялъ тѣхъ, которые не приставали къ нему и не признавали его царемъ. Петрилъ съ другою частью войска двинулся на югъ, къ Костуру (Καστορία), захватывая города, занятые Греками (между прочими и Скопію). Греческіе начальники изъ этихъ городовъ скрылись подъ защиту крѣпкихъ стѣнъ Костура. Здѣсь же нашли убѣжище и Болгары, стоявшіе за Грековъ и боявшіеся поэтому мести кровныхъ (ἰζαγενῶν) Болгаръ,—между ними нѣкто Борисъ Давидъ. Большое, но не устроенное и наскоро составленное войско Болгаръ и Сербовъ не могло взять отлично защищеннаго и природой, и искусствомъ Костура и было разбито греческими войсками, собравшимися туда изъ мѣстъ, объятыхъ возстаніемъ. Многіе Болгары и Сербы захвачены въ плѣнъ; Петрилъ едва успѣлъ черезъ непроходимыя горы спастись бѣгствомъ къ князю Михаилу.

Вскорѣ послѣ битвы подъ Костуромъ пришло въ Болгарію новое греческое войско подъ начальствомъ Саронита. Саронитъ двинулся къ Скопіи, ввѣренной Георгію Воитаху. Воитахъ, не будучи въ состояніи послѣ пораженія войска Петрила сопротивляться превосходнымъ силамъ Грековъ, сдалъ городъ Сарониту, выговоривъ себѣ безопасность. Въ то же время однако Воитахъ извѣстилъ Бодина, совѣтуя ему поскорѣе придти къ Скопіи и напасть на Грековъ, считавшихъ свою побѣду уже обезпеченною. Зимою, въ декабрѣ 1072 г. по снѣгу Бодинъ поспѣшно направился къ Скопіи, но Саронитъ, узнавъ объ этомъ, пошелъ на встрѣчу и въ мѣстечкѣ Таоніи между Нишемъ и и Скопіей (гдѣ именно—неизвѣстно) нанесъ Бодину рѣшительное пораженіе, взялъ его въ плѣнъ и отправилъ въ оковахъ въ Константи-

1) Rački, Borba, 183.

нополь вмѣстѣ съ Георгіемъ Воитахомъ. Воитахъ не вынесъ жестокихъ побоевъ и мученій, которыми отплатили ему Греки за приглашеніе Бодина въ Скопію, и умеръ на дорогѣ. Бодинъ же былъ заключенъ въ константинопольскомъ монастырѣ св. Сергія.

Такимъ образомъ равнодушіе части Болгаръ, не приставшей къ Бодину, и неосторожное раздѣленіе послѣднимъ военныхъ силъ оказались пагубны для возстанія; пораженіями при Костурѣ и въ Таоніи ему былъ нанесенъ рѣшительный ударъ.

Оставалось Грекамъ покончить съ тѣми Болгарами, которые еще думали сопротивляться, и съ Сербами. Князь Михаилъ отправилъ къ Бодину новое войско изъ Сербовъ и Лонгобардовъ (т. е. Норманновъ) подъ начальствомъ Лонгибардопула, который женился на дочери Михаила и далъ клятву вѣрности. На помощь Бодину Лонгибардопулъ не поспѣлъ, хотя могъ еще оказать поддержку Болгарамъ. Для окончательнаго подавленія возстанія назначается дуксомъ всей Болгаріи Никифоръ Вріенній, прославившійся въ битвахъ съ Печенѣгами и Турками. Въ короткое время Вріенній вернулъ Болгарію подъ иго Византіи и затѣмъ былъ переведенъ въ Драчъ, откуда удобнѣе и ближе было дѣйствовать противъ Сербовъ. Расчистивъ и расширивъ непроходимыя дороги въ горныхъ тѣснинахъ, Вріенній двинулся противъ Сербовъ, разбилъ сербское войско, вернулъ подъ власть Грековъ захваченные Сербами города и, взявъ заложниковъ, заставилъ, какъ говоритъ Н. Вріенній, по прежнему платить дань Грекамъ.

Очевидно послѣднія слова историка не могутъ имѣть того смысла, что княжество Михаила подчинилось Грекамъ, потому что въ одну побѣду нельзя было покорить Зету, да и раньше и послѣ этого она является самостоятельною. Еще менѣе Зета могла быть покорена именно въ это время, такъ какъ Византія должна была обратить свои силы на усмиреніе волненій въ придунайскихъ городахъ и возстанія вестарха Нестора. Поэтому слова Вріеннія могутъ относиться лишь къ пограничнымъ областямъ, захваченнымъ Сербами во время возстанія Болгаръ. Когда именно въ 1073 г. покончены возстаніе Болгаръ и война съ Сербами, данныхъ для рѣшенія нѣтъ[1]).

---

1) О возстаніи Болгаръ и войнѣ съ Сербами сообщаютъ I. Скилица, 714—719 и Ник. Вріеній, 100—103; послѣдній главнымъ образомъ о дѣятельности Вріеннія, а

Бодинъ изъ Константинополя былъ переведенъ въ Антіохію подъ присмотръ ея дукса, Исаака Комнина. Такъ какъ Исаакъ, занятый борьбою съ Турками и усмиреніемъ волненій въ Антіохіи, не особенно строго слѣдилъ за Бодиномъ, то Михаилу удалось, при помощи нанятыхъ венеціанскихъ кораблей, освободить Бодина и возвратить въ отечество[1]). Въ которомъ году это было, неизвѣстно[2]).

Діоклеецъ (c. XLI) разсказываетъ нѣсколько иначе объ освобожденіи Бодина, а именно, что его освободилъ не отецъ его, Михаилъ, а дядя Радославъ, княжившій послѣ Михаила. Радославъ затѣмъ далъ во владѣніе Бодину Грбаль и Будву. Бодинъ, не довольствуясь удѣломъ, возсталъ на дядю. Миролюбивый Радославъ уступилъ власть племяннику, удалившись въ Требинье (Tribunia), гдѣ спустя нѣсколько лѣтъ умеръ и погребенъ въ монастырѣ св. Петра de Campo[3]). Однако мы не считаемъ возможнымъ принять такое извѣстіе Діоклейца въ виду во 1-хъ, опредѣленнаго показанія Скилицы (p. 718), что Бодинъ освобожденъ отцемъ своимъ Михаиломъ, по смерти котораго сталъ княжить; во 2-хъ,— словъ Лупа Протосп., что въ октябрѣ 1080 г.[4]) Михаилъ женилъ своего сына (значитъ вернувшагося уже на родину) на дочери знатнаго барійца Аргирици, — что̀ прямо относится къ Бодину, женатому на столь извѣстной Яквинтѣ, дочери Аргирици (Diocl, c. XLII); и въ 3-хъ,— въ виду упоминанія въ 1080—1081 г. Анной Комниной вмѣстѣ Михаила и Бодина (см. ниже).

Впрочемъ извѣстіе Діоклейца можно, ограничивъ его значеніе, объяснить такъ: 1) Радославъ, братъ Михаила, принималъ участіе въ экспедиціи, посланной послѣднимъ для освобожденія Бодина; 2) еще при жизни Михаила Радославъ могъ владѣть частью сербскихъ земель,

---

вообще значительно короче перваго. Въ нѣсколькихъ словахъ объ этомъ упоминаетъ I. Зонара, l. XVIII, l. XVII, 281. Краткое извѣстіе есть и у Діоклейца, XL.

1) I. Scyl., 718.

2) По Діоклейцу (XLI), Бодинъ освобожденъ по смерти (т. е. скорѣе въ смыслѣ сверженія съ престола) императора Михаила, слѣд. послѣ 1078 г. Но врядъ-ли можно довѣрять Діоклейцу въ такихъ мелкихъ подробностяхъ.

3) Растичъ прибавляетъ: Радославъ in Trebigne in quella parte di Breno... fece in un loco, chiamato Bielo fabricar una chiesa ad onor di S. Pietro ed una stanza per abitazione de Monachi, alli quali sue donazione per publico istromento insieme con la Regina Juliana sua consorte e con Branislavo suo figliolo primogenito (inscritto nell'archivio di mon. Lacrom).

4) Lup. Protosp. s. a. 1081 (годъ сентябрскій).

нополь вмѣстѣ съ Георгіемъ Воитахомъ. Воитахъ не вынесъ жестокихъ побоевъ и мученій, которыми отплатили ему Греки за приглашеніе Бодина въ Скопію, и умеръ на дорогѣ. Бодинъ же былъ заключенъ въ константинопольскомъ монастырѣ св. Сергія.

Такимъ образомъ равнодушіе части Болгаръ, не приставшей къ Бодину, и неосторожное раздѣленіе послѣднимъ военныхъ силъ оказались пагубны для возстанія; пораженіями при Костурѣ и въ Таоніи ему былъ нанесенъ рѣшительный ударъ.

Оставалось Грекамъ покончить съ тѣми Болгарами, которые еще думали сопротивляться, и съ Сербами. Князь Михаилъ отправилъ къ Бодину новое войско изъ Сербовъ и Лонгобардовъ (т. е. Норманновъ) подъ начальствомъ Лонгибардопула, который женился на дочери Михаила и далъ клятву вѣрности. На помощь Бодину Лонгибардопулъ не поспѣлъ, хотя могъ еще оказать поддержку Болгарамъ. Для окончательнаго подавленія возстанія назначается duксомъ всей Болгаріи Никифоръ Вріенній, прославившійся въ битвахъ съ Печенѣгами и Турками. Въ короткое время Вріенній вернулъ Болгарію подъ иго Византіи и затѣмъ былъ переведенъ въ Драчъ, откуда удобнѣе и ближе было дѣйствовать противъ Сербовъ. Расчистивъ и расширивъ непроходимыя дороги въ горныхъ тѣснинахъ, Вріенній двинулся противъ Сербовъ, разбилъ сербское войско, вернулъ подъ власть Грековъ захваченные Сербами города и, взявъ заложниковъ, заставилъ, какъ говоритъ Н. Вріенній, по прежнему платить дань Грекамъ.

Очевидно послѣднія слова историка не могутъ имѣть того смысла, что княжество Михаила подчинилось Грекамъ, потому что въ одну побѣду нельзя было покорить Зету, да и раньше и послѣ этого она является самостоятельною. Еще менѣе Зета могла быть покорена именно въ это время, такъ какъ Византія должна была обратить свои силы на усмиреніе волненій въ придунайскихъ городахъ и возстанія вестарха Нестора. Поэтому слова Вріеннія могутъ относиться лишь къ пограничнымъ областямъ, захваченнымъ Сербами во время возстанія Болгаръ. Когда именно въ 1073 г. покончены возстаніе Болгаръ и война съ Сербами, данныхъ для рѣшенія нѣтъ [1]).

1) О возстаніи Болгаръ и войнѣ съ Сербами сообщаютъ I. Скилица, 714—719 и Ник. Вріеній, 100—103; послѣдній главнымъ образомъ о дѣятельности Вріеннія, а

Бодинъ изъ Константинополя былъ переведенъ въ Антіохію подъ присмотръ ея дукса, Исаака Комнина. Такъ какъ Исаакъ, занятый борьбою съ Турками и усмиреніемъ волненій въ Антіохіи, не особенно строго слѣдилъ за Бодиномъ, то Михаилу удалось, при помощи нанятыхъ венеціанскихъ кораблей, освободить Бодина и возвратить въ отечество[1]). Въ которомъ году это было, неизвѣстно[2]).

Діоклеецъ (c. XLI) разсказываетъ нѣсколько иначе объ освобожденіи Бодина, а именно, что его освободилъ не отецъ его, Михаилъ, а дядя Радославъ, княжившій послѣ Михаила. Радославъ затѣмъ далъ во владѣніе Бодину Грбаль и Будву. Бодинъ, не довольствуясь удѣломъ, возсталъ на дядю. Миролюбивый Радославъ уступилъ власть племяннику, удалившись въ Требинье (Tribunia), гдѣ спустя нѣсколько лѣтъ умеръ и погребенъ въ монастырѣ св. Петра de Campo[3]). Однако мы не считаемъ возможнымъ принять такое извѣстіе Діоклейца въ виду во 1-хъ, опредѣленнаго показанія Скилицы (p. 718), что Бодинъ освобожденъ отцемъ своимъ Михаиломъ, по смерти котораго сталъ княжить; во 2-хъ,— словъ Лупа Протосп., что въ октябрѣ 1080 г.[4]) Михаилъ женилъ своего сына (значитъ вернувшагося уже на родину) на дочери знатнаго барійца Аргирици,— что̀ прямо относится къ Бодину, женатому на столь извѣстной Яквинтѣ, дочери Аргирици (Diocl, c. XLII); и въ 3-хъ,— въ виду упоминанія въ 1080—1081 г. Анной Комниной вмѣстѣ Михаила и Бодина (см. ниже).

Впрочемъ извѣстіе Діоклейца можно, ограничивъ его значеніе, объяснить такъ: 1) Радославъ, братъ Михаила, принималъ участіе въ экспедиціи, посланной послѣднимъ для освобожденія Бодина; 2) еще при жизни Михаила Радославъ могъ владѣть частью сербскихъ земель,

---

вообще значительно короче перваго. Въ нѣсколькихъ словахъ объ этомъ упоминаетъ I. Зонара, l. XVIII, l. XVII, 281. Краткое извѣстіе есть и у Діоклейца, XL.

1) I. Scyl., 718.

2) По Діоклейцу (XLI), Бодинъ освобожденъ по смерти (т. е. скорѣе въ смыслѣ сверженія съ престола) императора Михаила, слѣд. послѣ 1078 г. Но врядъ-ли можно довѣрять Діоклейцу въ такихъ мелкихъ подробностяхъ.

3) Растичъ прибавляетъ: Радославъ in Trebigne in quella parte di Breno... fece in un loco, chiamato Bielo fabricar una chiesa ad onor di S. Pietro ed una stanza per abitazione de Monachi, alli quali sue donazione per publico istromento insieme con la Regina Juliana sua consorte e con Branislavo suo figliolo primogenito (inscritto nell'archivio di mon. Lacrom).

4) Lup. Protosp. s. a. 1081 (годъ сентябрскій).

какъ удѣльный князь. Бодинъ же, вступивъ на престолъ, отнялъ у Радослава его удѣлъ; или же, если Радославъ и получилъ власть по смерти Михаила, то пользовался ею не долго.

Имѣя смутное представленіе объ этихъ событіяхъ, Діоклеецъ могъ легко изложить ихъ въ томъ видѣ, который, какъ мы указали, не соотвѣтствуетъ другимъ достовѣрнымъ извѣстіямъ.

Нѣкоторымъ основаніемъ, почему мы не рѣшаемся прямо отвергнуть разсказъ Діоклейца и признаемъ возможность существованія Радослава, служитъ показаніе Растича о постройкѣ Радославомъ церкви въ Бѣломъ и Діоклейца о погребеніи его въ монастырѣ св. Петра de Campo. Память о Радославѣ могла храниться въ этихъ мѣстахъ.

Но все это, конечно, одни предположенія; совершенно же достовѣрно слѣдующее: въ 1080—1081 г. Михаилъ былъ еще живъ, Бодинъ уже освобожденъ и (сряду или послѣ короткаго промежутка) наслѣдовалъ власть своего отца.

Передъ греко-норманской войной 1081—1085 г. Михаилъ и Бодинъ [1]) являются князьями самостоятельнаго государства, правда, дружественнаго Византіи, но не повинующагося послушно ея повелѣніямъ и не подчиняющагося видамъ византійской политики, а преслѣдующаго свои собственныя цѣли.

Византія, угрожаемая войною съ Робертомъ Гвискардомъ, понимала значеніе небольшаго, но хорошо защищеннаго природой и мужествомъ правителей зетскаго княжества, могшаго стать опорой для Норманновъ, дорожила его дружбой и старалась не затрогивать его князей, чтобы не наживать себѣ лишнихъ враговъ. Это видно между прочимъ изъ исторіи дукса Драча, Георгія Мономахата. Мономахатъ въ послѣднее время царствованія Императора Никифора Вотаніаты, зная о приготовленіяхъ Роберта къ войнѣ, предлагалъ ему свои услуги. Въ тоже время онъ сносился и съ великимъ доместикомъ Запада Алексѣемъ Комниномъ, намѣревавшимся возстать противъ импера-

1) Ан. Комнина, I, 80, 181, называетъ рядомъ ихъ имена, 3 раза ставя на 1-е мѣсто Бодина, а на 2-е Михаила и только 1 разъ наоборотъ. Конечно, слишкомъ рискованно изъ этого заключать, что здѣсь упоминается не отецъ Бодина, Михаилъ, а сынъ его, тѣмъ болѣе, что Бодинъ женился на Яквинтѣ, отъ которой имѣлъ сына Михаила лишь въ 1080 г.; слѣдовательно не могъ этотъ Михаилъ въ 1081 г. стоять на ряду съ Бодиномъ какъ ἔξαρχος τῶν Δαλματῶν. Съ другой стороны понятно, что Анна ставитъ на 1-е мѣсто болѣе извѣстнаго ей Бодина.

тора. На случай же неудачи своей двойной игры Мономахатъ, понимая независимое положеніе Михаила и Бодина, старался расположить ихъ въ свою пользу и такимъ образомъ приготовить себѣ безопасное убѣжище.

Дѣйствительно дружба ихъ оказалась не лишней. Алексѣй Комнинъ, достигши престола, позаботился о смѣщеніи изъ Драча ненадежнаго Мономахата и послалъ туда свояка своего, Георгія Палеолога. Робертъ Гвискардъ, не приготовившись еще къ походу, не могъ помочь Мономахату и тотъ бѣжалъ въ Зету. Комнинъ, не желая оставить Мономахата на свободѣ въ Зетѣ и въ тоже время избѣгая требованіемъ выдачи возстановить противъ себя Михаила и Бодина, вступилъ въ переговоры съ Мономахатомъ, предлагая ему вернуться; въ обезпеченіе же безопасности послалъ ему хрисовулъ. Только по полученіи хрисовула Мономахатъ покинулъ Михаила и Бодина [1]).

Между тѣмъ въ маѣ 1081 г. Робертъ Гвискардъ выѣхалъ изъ Отранто. Въ іюнѣ подступили Норманны къ Драчу. Самого императора здѣсь не было, онъ спѣшилъ заключить миръ съ Турками и устроить дѣла управленія государствомъ, чтобы свободно направить всѣ силы на Норманновъ. Только въ октябрѣ 1081 г. прибылъ Алексѣй къ Драчу. До октября же Драчъ защищалъ храбрый Георгій Палеологъ, вспомоществуемый съ моря венеціанцами, а съ суши между прочимъ сербскими отрядами, высланными Бодиномъ [2]).

Однако сербскій князь вовсе не является ревностнымъ помощникомъ Византіи и не желаетъ тратить свои силы для нея. Особенно ясно сказалось это во время рѣшительной битвы подъ Драчемъ 18-го октября 1081 г. [3]), гдѣ Греки потерпѣли страшное пораженіе, отчасти можетъ быть благодаря уклончивости и своекорыстію Бодина, лично начальствовавшаго надъ Сербами. Во время сраженія Бодинъ, построивъ войска свои въ боевой порядокъ, стоялъ въ сторонѣ, выжидая исхода дѣла. Когда же стало ясно пораженіе Грековъ, Бодинъ спокойно увелъ войско домой [4]).

---

1) An. Comn., I, 80, 181.

2) An. Comn. I, 204, 294; съ этого времени Анна говоритъ только о Бодинѣ, не упоминая о Михаилѣ. По этому можно предположить, что Михаила около конца 1081 г. уже не было въ живыхъ.

3) An. Comn., I, 207—214; Lup. Protosp. s. a. 1082. (годъ сентябрскій).

4) An. Comn., I, 214.

Далѣе, за всю греко-норманнскую войну ни разу не упоминается о Бодинѣ [1]), да и послѣ онъ появляется въ разсказѣ Анны лишь съ 1090—1091 г. Видно такимъ образомъ, что Бодинъ удерживался отъ участія въ войнѣ, предпочитая воспользоваться затрудненіями Византіи для своихъ цѣлей.

Дѣйствительно, успѣхъ Бодина показываетъ, что онъ умѣлъ вѣрно оцѣнить выгоды для себя тогдашнихъ обстоятельствъ.

Сосѣдство съ Византіей, войны и мирныя сношенія съ нею отца и дѣда Бодина, личное знакомство съ имперіей во время болгарскаго возстанія и плѣна въ Константинополѣ и Антіохіи — съ одной стороны; съ другой — постоянныя связи (часто при посредствѣ Дубровника) съ южноитальянцами, особенно послѣ брака Бодина съ барянкой Яквинтой, пребываніе норманнскихъ отрядовъ на службѣ у Михаила, бракъ сестры Бодина съ Лингобардопуломъ, все это давало возможность Бодину хорошо знать силы и Византіи, и Норманновъ.

Состояніе Византіи, послѣ Василія II клонившейся къ упадку, было далеко не прочно, храбрость же и военное искусство Норманновъ и знаменитаго герцога Роберта Гвискарда давно были извѣстны и доказаны. Дѣйствительно, не смотря на всю энергію Алексѣя Комнина, не падавшаго духомъ отъ тяжкихъ неудачъ, дѣла Грековъ шли все хуже и хуже, и только удаленіе Роберта въ Италію и затѣмъ смерть его дали возможность Алексѣю выйти, если не побѣдителемъ, то и не побѣжденнымъ.

Все это показывало Бодину, что лучшее положеніе для него нейтральное [2]), развязывавшее притомъ ему руки для исполненія его намѣреній, шедшихъ въ ущербъ интересамъ Византіи. Даже въ случаѣ побѣды послѣдней, Бодинъ могъ разсчитывать, что его образъ дѣйствія останется безнаказаннымъ. Средства Византіи будутъ истощены тяжелой борьбой, и она не пожелаетъ начинать новой, требующей также многихъ усилій, особенно въ виду грозныхъ Печенѣговъ и Турокъ,

1) Объ извѣстіи Діоклейца и Дандоло о завоеваніи Бодиномъ Драча см. выше въ разборѣ источниковъ.

2) Стать же прямо на сторону Норманновъ было дѣло слишкомъ рискованное и необычное; при томъ въ случаѣ побѣды Роберта Бодинъ пріобрѣлъ бы, можетъ быть, болѣе опаснаго сосѣда, чѣмъ теперь Византія.

лишь временно оставившихъ ее въ покоѣ и при случаѣ готовыхъ возобновить нападенія.

И дѣйствительно событія оправдали разсчетъ Бодина. Не только уклоненіе отъ помощи Византіи противъ Норманновъ прошло Бодину даромъ, но и въ послѣдующее время, не смотря на постоянные набѣги Сербовъ и нарушеніе ими мирныхъ договоровъ, императоръ всякій разъ спѣшитъ кончить дѣло миромъ, лишь только Сербы заводятъ о немъ рѣчь. Алексѣю Комнину было не до Сербовъ. Тотчасъ по окончаніи тяжелой войны съ Норманнами, возобновляются нападенія другихъ враговъ, поставившія Византію на край гибели. Съ 1086—1091 гг., почти не прерываясь, идутъ опустошительные набѣги Печенѣговъ съ сѣвера и одновременно — съ юга наступательное движеніе родственныхъ Печенѣгамъ Турокъ, въ лицѣ Чахи начинающихъ даже оспаривать господство Грековъ на морѣ. Къ этому присоединяются грабежи Половцевъ, возстанія внутри государства и придворныя интриги и заговоры. Все это исключительно привлекаетъ къ себѣ силы Византіи и даетъ Бодину почти полную свободу для осуществленія его плановъ.

На сколько мы можемъ судить по извѣстіямъ, хотя скуднымъ, но вполнѣ опредѣленнымъ, и на основаніи различныхъ соображеній, дѣятельность Бодина въ періодъ 1081—1091 гг. была направлена на двѣ, связанныя между собою задачи: 1) обезпеченіе своей власти въ наслѣдственныхъ приморскихъ областяхъ и 2) освобожденіе изъ подъ владычества Грековъ и подчиненіе себѣ восточныхъ сербскихъ земель. Что касается первой, то мы считаемъ возможнымъ отнести именно къ этому періоду разсказъ Діоклейца (с. XLII) о борьбѣ Бодина съ родственниками и Дубровникомъ. Діоклеецъ сообщаетъ объ этомъ послѣ извѣстія о завоеваніи Бодиномъ Расы и Босны и отнятіи Драча отъ Роберта (т. е. послѣ 1085 г.). Однако при общей запутанности и произвольности хронологическихъ показаній Діоклейца, нельзя на это вполнѣ полагаться, и мы скорѣе даже думаемъ, что борьба съ родными была раньше 1085 г. и предшествовала покоренію Расы. Очень вѣроятно, что распря съ родными скорѣе могла имѣть мѣсто въ началѣ княженія Бодина, и что, только утвердившись прочно въ наслѣдственныхъ земляхъ, Бодинъ сталъ расширять свои предѣлы къ востоку. При томъ же можно поставить въ связь осаду Бодиномъ Дуб-

ровника съ греко-норманнской войной: Сербы считались союзниками Грековъ, дубровничане же союзниками Роберта [1]); такимъ образомъ Бодинъ, воюя съ Дубровникомъ, какъ бы косвенно помогалъ Грекамъ.

Впрочемъ, за отсутствіемъ положительныхъ данныхъ мы не беремъ на себя рѣшеніе этого вопроса [2]).

Продолжительность войны съ Дубровникомъ также неизвѣстна. Позднѣйшіе дубровницкіе историки назначаютъ 7 лѣтъ, но, скорѣе, срокъ этотъ слишкомъ преувеличенъ.

Общая достовѣрность разбираемаго разсказа Діоклейца несомнѣнна. Онъ составляетъ самую обширную и существенную часть всѣхъ извѣстій этого лѣтописца о Бодинѣ и по этому не можетъ быть произвольной выдумкой. При томъ же дубровницкіе историки, какъ мы уже выше говорили, повторяя разсказъ Діоклейца, пополняютъ его различными подробностями, пріурочивающими отдѣльные эпизоды борьбы къ опредѣленнымъ мѣстностямъ, памятникамъ, стариннымъ обычаямъ и т. п. Изъ этого ясно, что многія воспоминанія о Бодинѣ дѣйствительно жили въ Дубровникѣ.

Что же касается до достовѣрности частностей разсказа, то это вопросъ за отсутствіемъ другихъ данныхъ неразрѣшимый, да и не особенно важный. Въ виду этого мы ограничимся только краткой передачей сущности разсказа Діоклейца и нѣкоторыхъ, болѣе интересныхъ добавленій дубровницкихъ историковъ.

Сряду послѣ вступленія Бодина на престолъ началась у него распря съ двоюроднымъ братомъ, Браниславомъ Радославичемъ (владѣвшимъ частью княжества), скоро, впрочемъ, окончившаяся при посредничествѣ Петра, архіепископа Антивари. Однако на этомъ междоусобія очевидно не могли прекратиться. Бодинъ, преслѣдуя обширные планы, желалъ править всѣмъ княжествомъ безраздѣльно и упрочить престолъ за своимъ потомствомъ. Особенно возбуждала Бодина противъ родныхъ жена его, Яквинта, честолюбивая и коварная итальянка, совѣтамъ

1) Guillerm. App., lib. IV, c. 302—393—Pertz. M. G. SS., IX, 288.

2) Связь (у Luccari, Ristretto p. 14—15) между убійствомъ Бодиномъ родныхъ и его завѣщаніемъ 1110 г. въ пользу Кромскаго монастыря, какъ искупительной жертвы за преступленіе, и сама по себѣ не особенно крѣпка и основательна, а въ виду сильной сомнительности завѣщанія совершенно не имѣетъ значенія. При томъ же время прохожденія массъ крестоносцевъ черезъ Балканскій полуостровъ было чрезвычайно неблагопріятно для мелкихъ ссоръ и войнъ.

которой историки приписываютъ всѣ преступленія Бодина[1]). По ея наущенію однажды Бодинъ захватилъ и посадилъ подъ стражу бывшаго у него въ гостяхъ Бранислава съ братомъ и сыномъ. Родственники Бранислава (братья, сыновья и племянники), опасаясь того же, скрылись въ Дубровникъ. Когда дубровницкіе граждане отказали Бодину въ ихъ выдачѣ, Бодинъ осадилъ Дубровникъ и построилъ у моста, соединявшаго его съ твердой землей, укрѣпленіе[2]), не только запиравшее городъ съ суши, но и затруднявшее доступъ въ портъ[3]). Однажды во время вылазки братъ Бранислава, Кочапаръ (Cociaparus), убилъ родственника (по другимъ, любовника) Яквины, Косара (Cossar-Diocl.-Цезарь?). Яквинта убѣдила Бодина въ отмщеніе умертвить передъ стѣнами города, въ виду родныхъ, Бранислава съ братомъ и сыномъ. Бодинъ однако тотчасъ же раскаялся въ своемъ преступленіи и отдалъ тѣла убитыхъ духовенству, упрекавшему его за тяжкій грѣхъ. Они были похорены въ бенедиктинскомъ монастырѣ на островѣ Кромѣ (Lacroma)[4]). Остальные родные Бодина, боязь измѣны, бѣжали изъ Дубровника въ Сплѣтъ, оттуда въ Апулію и въ Константинополь.

Діоклеецъ сообщаетъ далѣе, что Бодинъ взявъ Дубровникъ, построилъ тамъ укрѣпленіе и вернулся въ Скадръ. Онъ говоритъ очевидно о томъ же укрѣпленіи, извѣстія дубровничанъ о которомъ мы привели

---

1) Въ позднѣйшее время она даже вошла въ пословицу: Passo nel proverbio in Slavonia, che quando si vedeva alcuna femina, che fosse precipitosa di rabbia e crudelta, si diceva nel riprenderla, bastarebbe che costei fusse Iaquinta (Luccari, Ristretto, p. 16).

2) См. планъ Дубровника у Макушева: Матерьялы для ист. дипл. сношеніи Россіи съ раг. респ. 1865 г. Rocca di Bodino. Укрѣпленіе это, по дубровницкимъ историкамъ, было взято только по смерти Бодина въ ночь на пасху (2-го апрѣля въ 1116 г.), разрушено и на его мѣстѣ построенъ храмъ св. Николая de Campo. Въ память взятія укрѣпленія совершались ежегодно въ пасху съ участіемъ сената и клира торжественныя процессія въ этотъ храмъ. Въ одной изъ церквей въ Дубровникѣ было изображено на картинѣ взятіе укрѣпленія Бодина: nella tribuna del tempio d. S. Apostoli fù dipinta quella historia (Luccari, Ristretto p. 15). Вообще объ этомъ укрѣпленіи и сдачѣ его дубровничанамъ много подробностей у дубровн. историковъ (Miletius по изд. Matasa, стр. 11; Lud. Cerv. Tuber. Commentarii lib. V, cap. VI; M. Орбиничъ, Історіографія, стр. 172; Luccari, Ristretto p. 14—15; Resti, Historia di Ragusa; Ser. Cerva Vitae illustr. Ragus. у Макушева, стр. 77, пр. 1).

3) Resti, Historia di Ragusa.

4) Lud. Cerv. Tuber., lib. V, c. VI, сообщаетъ, что похороны были на счетъ Дубровника и что надъ могилами ихъ воздвигнутъ мраморный памятникъ, существовавшій и въ его время (exstructo eis marmoreo, quod adhuc extat, monumento).

выше. Однако всѣ дубровницкіе историки единогласно отрицаютъ взятіе Бодиномъ Дубровника и ихъ показаніе мы должны принять за болѣе достовѣрное. Хорошо укрѣпленный[1]) и охраняемый патріотизмомъ гражданъ городъ врядъ ли былъ по силамъ Бодину (особенно безъ хорошаго флота). При томъ съ удаленіемъ родныхъ Бодина изъ Дубровника уничтожилась главная причина войны съ нимъ. Впрочемъ очень вѣроятно, что и по возвращеніи Бодина въ Зету въ укрѣпленіи оставался сербскій гарнизонъ.

Какъ бы то ни было, цѣль Бодина была достигнута; онъ остался полновластнымъ повелителемъ своего княжества.

Обратимся теперь къ другой задачѣ Бодина — расширенію предѣловъ княжества. Подъ 1090 г. Анна Комнина въ слѣдующихъ выраженіяхъ характеризуетъ совершенно опредѣленнымъ образомъ его дѣятельность въ предшествующіе годы: «Бодинъ, будучи человѣкомъ необыкновенно воинственнымъ и изворотливымъ, не хотѣлъ держаться въ своихъ границахъ, но, постоянно дѣлая набѣги на ближайшія къ Далмаціи мѣстечки, ихъ присоединялъ къ своимъ владѣніямъ»[2]).

Куда же могъ Бодинъ направить свои усилія? Относительно южныхъ предѣловъ нельзя было особенно разсчитывать на успѣхъ: во 1-хъ, здѣсь близко кончалась этнографическая граница сербской народности, во 2-хъ, здѣсь находился крѣпкій Драчъ, защищаемый опытнымъ полководцемъ Іоанномъ Дукой, шуриномъ императора, — Драчъ, такъ важный для Грековъ, которые стали бы упорно его отстаивать, и для овладѣнія имъ нужны были морскія силы.

Дѣйствительно, какъ говоритъ Анна, І. Дука отражалъ нападенія Бодина и успѣлъ вернуть все захваченное имъ[3]). Такимъ образомъ граница Сербовъ къ югу осталось безъ большихъ измѣненій. Въ 1096—1097 г. Драчъ — въ рукахъ Грековъ, столица Бодина — тотъ же Скадръ.

---

1) Rački, Borba, 320.

2) An. Comn. I, 368; ср. также II, 273; здѣсь и далѣе цитирую по переводу проф. Карпова въ изданіи виз. историковъ при спб-ой дух. академіи.

3) При этомъ Анна прибавляетъ «І. Дука 11 лѣтъ прожилъ въ Эпидамнѣ и въ одномъ сраженіи взялъ Бодина въ плѣнъ». І. Дука отозванъ изъ Драча въ 1090 г., назначенъ же туда не раньше возвращенія города отъ Норманновъ въ 1085—1086 г. Очевидно тутъ у Анны какая-то путаница. Къ тому же о плѣнѣ Бодина мы больше ничего не знаемъ, а въ 1096—1097 г. онъ по прежнему правитъ Сербами. По этому мы оставляемъ это извѣстіе Анны подъ нѣкоторымъ сомнѣніемъ.

Въ виду такихъ обстоятельствъ, [illegible] восточныя сербскія области,—Раса [illegible] удача. Благодаря затруднительному [illegible]

I. Дука былъ не только военнымъ начальникомъ [illegible] скую власть въ Драчской темѣ (Письмо Θеофилакта [illegible] Васильевскій,—рецензія на «Образов. втораго [illegible] скаго. Одесса. 1879», отд. отт., стр. 81). Въ 1081 г. I. [illegible] Драча получилъ другое назначеніе, именно, какъ опытный [illegible] ликимъ дуксомъ флота для войны съ Чахой (но о битвахъ I. [illegible] не говорится).—См. An. Comn., I, 367—368, и Синодальное [illegible] по дѣлу еп. халкидонскаго Льва, гдѣ I. Дука именуется [illegible] faucon, Bibl. Coisl. 1715 pag. 103; о времени его см. В. Г. [illegible] цензію на кн. Успенскаго, стр. 76, пр. 1). Другой причиной [illegible] могло быть опасеніе императора, чтобы I. Дука, какъ всѣ Дуки, [illegible] около 1090—1091 г. недовольнымъ Комнинами (В. Г. Васильевскій, [illegible] ченѣги» въ Журн. М. Н. П. 1872, дек., стр. 310, прилож. III) не задумалъ [illegible] отъ имперіи по примѣру многихъ другихъ дуксовъ Драча: Ник. Вріеннія, [illegible] Мономахата; ср. также доносъ 1091 г. на Іоанна Исааковича Комнина.

Въ 1091 г. дуксомъ Драча вмѣсто I. Дуки является Іоаннъ Комнинъ, [illegible] севастократора Исаака (An. Comn., I, 411—417). Только въ 1092 г. I. Дука [illegible] выступаетъ противъ Чахи (An. Comn., I, 424—430, 433—435). Такимъ образомъ назначенный въ 1090 г., I. Дука не сряду направился противъ Чахи, но до 1092 г. вѣроятно устраивалъ свои дѣла въ Драчѣ и подготовлялъ морскія силы. Можетъ быть на это пребываніе въ Драчѣ I. Дуки уже послѣ назначенія его великимъ дуксомъ указываютъ слова Θеофилакта арх. болгар. въ письмѣ къ I. Дукѣ по поводу его отозванія изъ Драча: «Ты, удалившійся отъ насъ за грѣхи наши,... Божіимъ устроеніемъ можетъ быть и опять будешь благодѣтелемъ Болгаріи (часть которой входила въ Драчскую тему)... хотя и нынѣ ты не совсѣмъ покинулъ насъ (καίτοι καὶ νῦν οὐκ ἀπολέλοιπας ἡμᾶς πάντη. Lami, 12; Ср. В. Г. Васильевскій, рецензія, стр. 81).

Къ этому мы должны присоединить еще два замѣчанія:

1) Въ 1092 г. Анна Комнина говоритъ: императоръ призвалъ къ себѣ изъ Эпидамна шурина своего Іоанна Дуку. Въ виду совершенно опредѣленнаго ея показанія о назначеніи I. Дуки уже въ 1090 г. противъ Чахи приведенныя слова или могутъ быть простымъ обозначеніемъ того, гдѣ прежде дѣйствовалъ I. Дука, не въ смыслѣ, что онъ лишь въ 1092 г. оттуда вызванъ, или же указываютъ, что I. Дука, въ 1090 г. смѣненный съ должности дукса Драча, оставался еще тамъ, снаряжая флотъ, какъ великій дуксъ его, для морской борьбы съ Чахой.

2) Θеофилактъ могъ быть назначенъ еще въ 1090 г. на архіепископскую каθедру въ Болгаріи и застать тамъ Іоанна Дуку. Анна Комнина въ 1091 г. упоминаетъ о доносѣ архіепископа Болгаріи (не называя его имени) на Іоанна Исааковича. Какъ объяснить доносъ Θеофилакта, при его близкихъ отношеніяхъ къ Комнинамъ. Въ 1-хъ, можетъ быть, Анна по ошибкѣ назвала доносчика архіепископомъ, тогда какъ доносъ исходилъ отъ одного изъ епископовъ Болгаріи. Во 2-хъ, если доносчикъ былъ Θеофилактъ, то онъ, хотя былъ близокъ къ Комнинамъ, но также, если не болѣе, былъ близокъ и къ Дукамъ и хотѣлъ доносомъ сдѣлать имъ угодное, въ виду ихъ натянутыхъ отношеній съ 1090 г. къ Комнинамъ. Притомъ и часть семейства Комниновъ была враждебно настроена противъ Исаака севастократора и его сына (См. An. Comn., I, 415—416).

двинулъ далеко на востокъ предѣлы своего княжества. До 1081 г. борьба Грековъ съ Сербами идетъ у Драча. Послѣ 1091 г. она переносится уже къ Косову полю. Граница византійской имперіи и независимаго сербскаго княжества идетъ по долинѣ рѣки Ситницы; верхній край долины принадлежитъ Сербамъ, опорнымъ пунктомъ которыхъ является Звечанъ (Σφεντζάνιον), нижній съ Липлянами (Λιπένιον) въ рукахъ у Грековъ. Между Сербами и Греками, такимъ образомъ, лежатъ горы, служащія водораздѣломъ Дрина и притоковъ Маравы, и идущія съ югозапада на сѣверовостокъ. Сербы уже такъ прочно утвердились въ Расѣ до Косова поля, что Алексѣй Комнинъ и не пытается отнять у нихъ эти области, заботясь лишь объ отраженіи нападеній Сербовъ на греческіе предѣлы.

Очень вѣроятно, что въ періодъ 1081—1091 гг. и сѣверовосточныя сербскія земли—Босна, были соединены подъ властью Бодина, но вполнѣ достовѣрныхъ данныхъ на это нѣтъ, если не считать словъ Діоклейца: Bodinus.... debellando obtinuit Rassam atque possedit eam, posuitque ibi duos juppanos de curia sua, Velcano et Marco (или Манго).... Deinde cepit Bosnam, posuitque ibi Stephanum Knesium (XLII).

Итакъ десятилѣтіе 1081—1091 г. является однимъ изъ важнѣйшихъ періодовъ въ исторіи Сербовъ XI в., именно тѣмъ періодомъ, когда большая часть сербскаго народа стала свободною и объединилась подъ верховенствомъ Зеты, исполнившей, такимъ образомъ, въ лицѣ Бодина свою задачу. Остальные годы XI в. и начала XII в. уже не представляютъ такого интереса. Сербы ограничиваются отстаиваніемъ пріобрѣтеннаго и пограничными стычками и набѣгами на сосѣднія греческія области. Въ виду этого мы значительно короче изложимъ событія этого времени и остановимся нѣсколько лишь на одномъ главномъ вопросѣ.

Съ 1090 г. Анна Комнина только два раза упоминаетъ о Бодинѣ, предводителемъ же Сербовъ, борющимся съ Греками, является Волканъ (Βολκάνος). Обыкновенно, основываясь на словахъ Діоклейца, считаютъ этого Волкана жупаномъ Расы. Разсказывая о княженіи Бодина, Діоклеецъ только кратко упоминаетъ о Волканѣ; по смерти же Бодина Волканъ, по Діоклейцу, участвуетъ въ распрѣ преемниковъ Бодина и одинъ изъ нихъ женится на дочери Волкана. (Diocl. XLII, XLIII, XLIV).

Въ виду вообще малой достовѣрности извѣстій Діоклейца (особенно сравнительно столь мелочныхъ) вполнѣ полагаться на его слова нельзя, но мы не рѣшаемся прямо и отвергнуть дѣйствительность существованія Волкана, жупана Расы, поставленнаго въ ней Бодиномъ. Однако, если внимательно разсмотрѣть извѣстія Анны Комнины о Волканѣ, мы можемъ иначе опредѣлить отношенія между имъ и Бодиномъ. Конечно мы высказываемъ это только какъ возможность, но не какъ несомнѣнную истину.

1) Какъ мы сказали, съ 1090 г. Анна Комнина только два раза и то мимоходомъ называетъ имя Бодина, дѣйствующимъ же лицомъ (главнымъ образомъ въ 1091—1094 гг.) является Волканъ. Между тѣмъ въ 1096—1097 г. Бодинъ несомнѣнно еще княжилъ надъ Сербами[1]). Нѣсколько странно, почему энергичный и предпріимчивый Бодинъ все время оставался въ сторонѣ, предоставляя главную роль подчиненному ему жупану.

2) Названія народа и страны, во главѣ которыхъ стояли Бодинъ и Волканъ одно и тоже — Δαλμάται, Σέρβοι, Δαλματία, Σερβία[2]).

3) Анна Комнина нигдѣ не говоритъ, чтобы Волканъ былъ подчиненъ Бодину: Волканъ постоянно дѣйствуетъ, какъ самостоятельное лицо, и въ 1094 г., какъ независимый князь, заключаетъ миръ съ Алексѣемъ Комниномъ и даетъ ему въ обезпеченіе мира 20 заложниковъ, между прочимъ своихъ двоюродныхъ племянниковъ, Уроша (Οὔρεσιν) и Стефана Волкана; при этомъ Волканъ является къ Алексѣю, окруженный родственниками и знатнѣйшими жупанами (συνεπαγόμενος τούς τε συγγενεῖς καὶ ἐκκριτοὺς τῶν ζουπάνων. An. Comn., I, 459—460). Въ другомъ мѣстѣ Анна Комнина называетъ Волкана полновластнымъ главою Далматовъ (= Сербовъ, по ея терминологіи) — ἀνὴρ οὗτος τὸ πᾶν τῆς ἀρχῆς τῶν Δαλματῶν φέρων (An. Comn., I, 436).

4) Когда въ 1-ый разъ (въ 1090 г.) упоминается Волканъ и рядомъ съ нимъ Бодинъ, Анна не поясняетъ, кто такой Волканъ и какое отношеніе его къ Бодину, какъ будто бы Волканъ извѣстное, раньше уже встрѣчавшееся лицо (An. Comn., I, 368).

---

1) Raim. de Agu. l., I, p. c. 236; Wyll. Tyr. l., II, CXVII, p. 98; Order. Vit., l. IX, c. V, p. 659.

2) An. Comn., I, 80, 203, 204, 294, 367, 368, 411, 412, 413, 423, 436, 437, 439, 459; II. 149, 174, 273.

5) Въ 1091 г. Алексѣй Комнинъ по поводу доноса на своего племянника Іоанна Исааковича вызываетъ его изъ Драча подъ предлогомъ, что хочетъ получить отъ него подробныя свѣдѣнія о враждебныхъ намѣреніяхъ Волкана. Въ письмѣ къ Іоанну императоръ пишетъ: «узнавъ обо всемъ яснѣе, мы приготовимъ больше средствъ и давъ тебѣ, что нужно, пошлемъ обратно въ Иллирикъ, чтобы, напавъ на непріятеля съ двухъ сторонъ, при помощи Божіей одержать побѣду» [1]). Такимъ образомъ владѣнія Волкана граничатъ съ визант. имперіей не только у Косова поля, куда идетъ съ войскомъ самъ императоръ, но и у Драча, откуда долженъ напасть Іоаннъ. Между тѣмъ извѣстно, что къ сѣверу отъ Драча лежитъ именно княжество Бодина съ столицей въ Скадрѣ [2]).

Наконецъ 6) въ двухъ мѣстахъ Алексіады, гдѣ рядомъ упоминаются и Бодинъ и Волканъ, Анна Комнина говоритъ о нихъ въ такихъ выраженіяхъ, что они являются какъ бы однимъ и тѣмъ же лицемъ:

а) «Самодержецъ посылалъ Іоанна Дуку въ Эпидамнъ... для веденія войны противъ Далматовъ; ибо такъ называемый Бодинъ... не хотѣлъ держаться въ своихъ границахъ, но, постоянно дѣлая набѣги на ближайшія къ Далмаціи мѣстечки, присоединялъ ихъ къ своимъ владѣніямъ. І. Дука, проживъ въ Драчѣ 11 л., отнялъ изъ подъ власти Волкана много крѣпостей и переслалъ къ самодержцу многихъ плѣнныхъ Далматовъ; и наконецъ, въ одномъ упорномъ сраженіи съ Бодиномъ взялъ и его самого» [3]).

б) Въ 1091 г., вскорѣ послѣ побѣды надъ Скиѳами при Хиринѣ, императоръ «услышалъ, что Бодинъ и Далматы, нарушивъ союзъ, намѣрены идти на нашу землю» [4]). Отправившись противъ нихъ, императоръ зоветъ письмомъ къ себѣ дукса Драча Іоанна Исааковича

1) An. Comn., I, 413.

2) Странно, что Рачкій, разсказывая объ этомъ эпизодѣ, совершенно произвольно и не указывая причины замѣняетъ имя Волкана (въ письмѣ Алексѣя Комнина) именемъ Бодина (Borba, 313—314).

3) Δοῦκαν Ἰωάννην εἰς Ἐπίδαμνον ὁ αὐτοκράτωρ μετὰ στρατιᾶς ἀξιομάχου κατέπεμψεν... τὴν μετὰ τῶν Δαλματῶν ἀναδύσασθαι μάχην. Ὁ γὰρ οὕτω καλούμενος Βοδῖνος... οὐ μέχρι τῶν ἰδίων ὁρίων ἑστᾶναι ἠβούλετο, ἀλλ' ὁσημέραι τὰς ἔγγιστα Δαλματίας κωμοπόλεις κατατρέχων, τοῖς ἰδίοις προσετίθει ὁρίοις. Ὁ δὲ Δοῦκας Ἰωάννης ἐνιαυτοὺς τῷ δέκα πρὸς ἑνὶ εἰς τὸ Δυρράχιον ἐνδιατρίψας, πολλὰ μὲν ὑπὸ τὴν ἐξουσίαν Βολκάνου ἀφῃρεῖτο φρούρια, πολλοὺς δὲ καὶ ζωγρίαν Δαλματίας πρὸς τὸν αὐτοκράτορα ἐξαπέστειλεν. Καὶ τέλος καρτερὰν μετὰ τοῦ Βοδίνου μάχην συναρράξας καὶ αὐτὸν κατέσχεν. (An. Comn., I, 367—368).

4) An. Comn., I, 411.

Комнина: «я опасаюсь Волкана, какъ бы и онъ (раньше въ письмѣ Алексѣй упоминаетъ о Команахъ) не задумалъ чего нибудь намъ противнаго. Кромѣ того ты долженъ сообщить мнѣ свѣдѣнія касательно Далмаціи и затѣмъ относительно самого Волкана, соблюдаетъ ли онъ мирныя условія; ибо недобрыя вѣсти о немъ приносятся намъ ежедневно». Къ старѣйшинамъ Драча въ тоже время пишетъ Алексѣй: «Узнавъ что Волканъ опять строитъ противъ насъ замыслы, мы вышли изъ Византіи, чтобы занять тѣснины между нашею и далматскою землею» [1]).

На основаніи всей совокупности приведенныхъ нами соображеній мы рѣшаемся сдѣлать предположеніе о тождествѣ Бодина и Волкана Анны Комнины. Какъ однако тогда объяснить два различныя имени?

1) Возможно, что оба имени носилъ Бодинъ, т. е. онъ былъ Константинъ Бодинъ Волканъ (какъ его дѣдъ Стефанъ Воиславъ Доброславъ). Волканъ могло быть прозвище, данное за его храбрость и предпріимчивость.

2) Если дѣйствительно существовалъ Волканъ, жупанъ Расы, то возможно, что имя Волкана, какъ передоваго бойца у Бодина, было больше извѣстно Грекамъ и они перенесли это имя на князя Бодина [2]).

Анна Комнина, собирая для Алексіады свѣдѣнія отъ различныхъ лицъ, изъ которыхъ одни называли сербскаго князя Бодиномъ, другіе Волканомъ, не задалась вопросомъ о взаимныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ лицъ въ виду не особенной важности дѣла, а прямо записала такъ, какъ слышала.

Но если предположеніе о тождествѣ Бодина и Волкана не вѣрно, то во всякомъ случаѣ дѣятельность Волкана такъ тѣсно связана съ дѣятельностью Бодина, что мы считаемъ необходимымъ здѣсь же хотя нѣсколько обратить на нее вниманіе, тѣмъ болѣе, что главнѣйшая ея доля приходится именно на время княженія Бодина.

Пораженіе Печенѣговъ при Хиринѣ 29-го апрѣля 1091 г. [3]) освободило Византію отъ самаго опаснаго врага. Алексѣй Комнинъ счелъ

---

1) An. Comn., I, 412—413.

2) Первое объясненіе кажется намъ болѣе вѣроятныхъ въ виду того, что имя Волкана встрѣчается въ двухъ письменныхъ документахъ, приводимыхъ Анной—письмахъ императора къ дуксу и старѣйшинамъ Драча. Конечно императоръ могъ лучше другихъ знать имя сербскаго предводителя.

3) An. Comn., I, 396—407.

тогда возможнымъ позаботиться объ охраненіи своихъ границъ отъ Сербовъ, о враждебныхъ намѣреніяхъ которыхъ дошли до него извѣстія. Лѣтомъ 1091 г. императоръ черезъ Филиппополь направился къ Косову полю и занялъ тѣснины между сербскими и греческими владѣніями. «Пройдя все ущелье (ζύγον) — не на лошадяхъ (ибо этого не позволяла тамошняя мѣстность, вездѣ обрывистая, рытвинистая и едва проходимая), а пѣшкомъ, всюду проникая и все осматривая собственными глазами, чтобы не утаилось какого-либо незащищеннаго мѣста, черезъ которое непріятели могли бы имѣть удобный проходъ, императоръ повелѣлъ индѣ провести рвы, индѣ построить деревянныя башни и городки, индѣ, когда позволяло мѣсто пользоваться каменными и плитяными матеріалами, а индѣ приказывалъ выкапывать съ корнемъ и валить на землю высочайшія деревья»[1]). Укрѣпивъ границы, императоръ вернулся въ Константинополь, куда его призывали приготовленія къ войнѣ съ Чахою. Сербы такимъ образомъ не рѣшились сразиться съ императоромъ.

До 1093 г. Анна Комнина, отвлеченная разсказомъ о борьбѣ съ Чахою, не упоминаетъ о Сербахъ, но вѣроятно мелкіе ихъ набѣги не прекращались.

Въ 1093 г. Волканъ предпринялъ болѣе сильный набѣгъ, занялъ и сжегъ Липляне. Императоръ, покончившій уже удачно съ Чахою, лично двинулся на Волкана. Волканъ не рискнулъ вступить въ битву съ самимъ императоромъ и, прежде чѣмъ Комнинъ дошелъ до Скопіи, попросилъ мира, обѣщая дать заложниковъ и говоря, что онъ вынужденъ къ нападеніямъ враждебными дѣйствіями пограничныхъ византійскихъ правителей. Императоръ удовольствовался обѣщаніями Волкана, не желая новой тяжелой борьбы[2]).

Волканъ однако не далъ заложниковъ, и не прошло еще году (т. е. въ 1093—1094 г.), какъ опять возобновилъ нападенія. Молодой Іоаннъ Исааковичъ Комнинъ, duксъ Драча, посланный императоромъ, по неопытности дозволилъ Волкану усыпить его бдительность обѣщаніями покориться и поплатился за это. Ночью Волканъ напалъ на

1) An. Comn., I, 411—414, 423—424.
2) An. Comn., I, 436—437.

лагерь Грековъ подъ Звечаномъ и многихъ умертвилъ. Остальные, видя невозможность сопротивляться, поспѣшно ушли изъ подъ Звечана, и Іоаннъ явился съ извѣстіемъ о пораженіи въ Константинополь. Волканъ же сталъ грабить сосѣднія греческія области (м. проч. окрестности Скопіи) и дошелъ до самой Враньи.

Императоръ тотчасъ же (въ началѣ февраля 1094 г.[1]) выступилъ противъ Волкана, который, въ виду приближенія большаго войска подъ начальствомъ самого императора, не сталъ рисковать силами въ рѣшительной битвѣ и просилъ мира. Императоръ согласился только подъ условіемъ немедленной выдачи заложниковъ, что̀ Волканъ и исполнилъ. Устроивъ такимъ образомъ миръ съ Сербами, императоръ удалился отъ ихъ границъ[2]). Уступчивость императора въ данномъ случаѣ вытекаетъ не только изъ его обыкновенной осторожной и по возможности примирительной политики, но и изъ необходимости сохранить силы для борьбы съ Половцами, которыхъ привелъ на имперію самозванецъ, выдававшій себя за Константина, сына императора Романа Діогена[3]).

Немного времени спустя по окончаніи войны съ Половцами началось прохожденіе черезъ Балканскій полуостровъ первыхъ отрядовъ крестоноснаго западнаго ополченія. Конечно въ виду такого громаднаго движенія, какъ крестовые походы, столкновенія Сербовъ съ Греками должны были прекратиться (возобновляются они лишь около 1107 г.).

Зимою 1096—1097 г. отрядъ крестоносцевъ подъ начальствомъ Раймунда гр. тулузскаго и Адемара, еп. гор. Пюи, проходитъ черезъ Хорватію и Сербію, встрѣченный враждебно тамошнимъ славянскимъ населеніемъ и своимъ поведеніемъ еще болѣе увеличившій эту непріязнь. Въ Скадрѣ принялъ крестоносцевъ самъ князь Бодинъ, но и его покровительство, вознагражденное дарами крестоносцевъ, не прекратило враждебныхъ столкновеній съ Славянами, и крестоносцы, отдохнувъ немного, поспѣшили перейти въ византійскіе предѣлы, къ Драчу[4]).

---

1) An. Comn., I, 448.

2) An. Comn., I, 437—439; 459—460.

3) An. Comn., II, 6—25; Ср. В. Г. Васильевскій, «Византія и Печенѣги» въ Ж. М Н. П. 1872, дек., 289—296.

4) Raim. de Aguil., c. I p. 236 и Wyll. Tyr. l., II, c. XVII p. 98. не сообщаютъ имени славянскаго князя, но у Order. Vit., IX, 5, (Migne, t. 188, p. 659) онъ прямо названъ Бодиномъ.

Это послѣднее достовѣрное упоминаніе о Бодинѣ. Когда умеръ Бодинъ, неизвѣстно, но если онъ одно и тоже лицо съ Волканомъ, то около 1107 г. онъ былъ еще въ живыхъ. Анна Комнина именно сообщаетъ, что за нѣсколько времени передъ войною Византіи съ Боэмундомъ Тарентскимъ (1107 г.) [1]), Волканъ нарушилъ прежній мирный договоръ, сталъ грабить византійскія области и разбилъ отправленное противъ него войско подъ начальствомъ Іоанна Исааковича Комнина. Императоръ посылаетъ новое, болѣе многочисленное войско и Волканъ принужденъ просить мира и даетъ заложниковъ [2]).

На этомъ оканчиваются извѣстія о разбираемомъ нами періодѣ. Дальнѣйшая исторія Сербовъ до первыхъ Неманичей опять дѣлается въ высшей степени темной и запутанной.

---

1) Notae Ducang. An. Comn., II, 647—648.
2) An. Comn., II, 149.

С.-Петербургъ. Мартъ 1883.

УЧРЕДИТЕЛЬНЫЯ ГРАМОТЫ ПРАЖСКОЙ ЕПАРХІИ.

Василія Регеля.

Не безъинтереснымъ вопросомъ въ настоящее время является споръ о подложности нѣкоторыхъ памятниковъ древней чешской исторіи. Изъ нихъ наиболѣе извѣстны, по заключающимся въ нихъ богатымъ даннымъ для изображенія быта древней Чехіи, Краледворская и Зеленогорская рукописи; но не менѣе важными представляются нѣкоторыя грамоты, имѣющія первостепенное значеніе при попыткахъ уяснить дѣйствительное политическое значеніе Чехіи въ теченіи X вѣка. Къ послѣдняго рода историческимъ документамъ прежде всего должна быть отнесена грамота императора Генриха IV, данная имъ пражской епархіи и указывающая на другую такую-же грамоту еще большей древности; чешскимъ ученымъ она подала поводъ представлять Чехію, за время ея управленія Болеславомъ II, достигшею необычайнаго величія славы, а нѣмецкимъ и польскимъ ученымъ она служила основаніемъ для сильныхъ нападокъ на чешскую исторіографію. Съ своей стороны мы намѣрены познакомить читателя съ положеніемъ этого спорнаго вопроса и по мѣрѣ силъ нашихъ содѣйствовать выясненію истиннаго значенія этой грамоты.

Грамота эта до послѣдняго времени была извѣстна только по сообщенію перваго чешскаго лѣтописца, Козьмы Пражскаго[1]). На ука-

---

1) lib. II. cap. 37. — Лучшія изданія: Koepke, M. G. SS. IX. 91—93, и Emler, Fontes rer. Bohem. II. 115 sqq. Изъ отдѣльныхъ изданій намъ извѣстны: Melch. Goldasti De Bohemiae regni comment. Append. p. 18—19;—Bohusl. Balbini Miscellanea

занныя въ грамотѣ епархіальныя границы Чехіи царствованія Болеслава II Козьма смотрѣлъ въ тоже время какъ на политическія. Hic gloriosissimus dux, secundus Bolezlaus,—говоритъ онъ о немъ,—in quantum ampliando dilataverit ferro sui terminos ducatus, apostolica testatur auctoritas in privilegio ejusdem Pragensis episcopatus[1]). Основанный на этомъ взглядъ относительно величія и территоріальнаго протяженія Чехіи при Болеславѣ II оставался господствующимъ у средневѣковыхъ писателей. Его держался и Богуславъ Добнеръ[2]), который впервые подвергнулъ грамоту основательному критическому разсмотрѣнію; затѣмъ полученные имъ результаты были принимаемы большею частію изслѣдователей настоящаго столѣтія. На него главнымъ образомъ опирается Бандтке въ своемъ изслѣдованіи[3]). Палацкій, самый знаменитый изъ чешскихъ историковъ, основываясь на грамотѣ, сообщенной Козьмою, приходитъ къ такому заключенію относительно политическаго значенія Чехіи[4]): «Наиболѣе выдающееся явленіе въ исторіи этихъ временъ—это необыкновенное территоріальное разширеніе Чехіи за время правленія Болеслава II, даже въ первые годы его царствованія. Территорія этого государства достигла при немъ такихъ размѣровъ, до какихъ никогда послѣ не доходила—ни во время Оттокара II, ни въ славный періодъ царствованія Карла IV. Ибо кромѣ собственной Чехіи примыкали къ ней съ юговостока не только вся нынѣшняя Моравія, но и вся угорская словацкая земля, лежащая между Дунаемъ и Татрами, вплоть до горныхъ хребтовъ Матры; оттуда границы шли на сѣверъ черезъ Татры къ р. Стрыю въ Львовскую область и затѣмъ спускались внизъ по Бугу до Подляхіи. Съ сѣвера граница шла на западъ—

---

hist. Bohemiae, decadis I. lib. VI. n. IX. p. 11—12;—Lünig, Deutsches Reichsarchiv, VI. Suppl. p. 230. n. 131;—Hartzheim, Concilia Germaniae, III. 754;—Boczek, Codex dipl. et epist. Moraviae, I. n. 192. p. 172—174;—Erben, Reg. Bohemiae et Moraviae, I. n. 167. p. 73—74;—Köhler, Codex dipl. Lusatiae superioris, I. p. 13—15;—Bielowski, Monum. Poloniae, I. p. 145—148;—Jireček, Codex iuris Bohemici, I. n. 13. p. 21 sqq.—Cp. Grünhagen, Regesten zur schlesischen Geschichte, I. S. 2. 12;—Stumpf, Reichskanzler, II. p. 240. n. 2882;—Böhmer, Reg. archiep. Magunt., I. p. 222.

1) I. 34.

2) Ad Annal. Hayec. IV. 214 sqq.

3) Erläuterung der Urkunde Kaiser Heinrich IV über die Verleihung der Bisthümer Prag und Ollmütz 1086, въ Schlesische Provinzialblätter; Bd. 94 (1831), S. 395 ff. 487 ff.

4) Dějiny národu česk. I. 1. (3 wyd. 1876), str. 252 násl.

черезъ Пилицу и верхнюю Варту, по направленію Одры между Вратиславлемъ и Глоговомъ, и черезъ Боберъ поднималась къ Изерскимъ горамъ такъ, что захватывала кромѣ верхней и средней Силезіи все нынѣшнее царство польское. Итакъ Болеславъ царствовалъ надъ всѣми сосѣдними, родственными чехамъ племенами по обѣ стороны Татровъ и Крокоnошъ. Княжество Святополка и Бѣлая Хорватія были тогда чешскими провинціями, а дикіе ятвяги въ Подляхіи, точно также какъ могущественные кіевскіе князья древней Руси, приходились ближайшими сосѣдями. Хотя этотъ фактъ и установленъ исторіей и подтвержденъ грамотою, но никто не можетъ съ достовѣрностію сказать, когда и какъ онъ образовался. Нѣтъ сомнѣнія, что еще Болеславъ I положилъ основаніе величію чешскаго государства, а своей вершины это величіе достигло при Болеславѣ II-омъ, со смертію котораго оно надолго исчезло». Въ этомъ же направленіи высказываются Томекъ [1]), Дудикъ [2]) и Репель [3]), извѣстные своими трудами по изслѣдованію историческихъ памятниковъ Чехіи, Моравіи и Польши.

Но съ другой стороны критика довольно рано начала высказывать свои сомнѣнія относительно нашего документа. Съ начала она хотя признала за несомнѣнное существованіе грамоты, но отвергла основанныя на ней предположенія относительно того, что границы пражской епархіи были въ тоже время и политическими границами чешскаго государства [4]). Лелевель указывалъ также и другія противорѣчія и прямо называлъ грамоту: «diplom zmyślony między 1037 a 1052, potwierdzony 1086» [5]). Критика Дюмлера, которая имѣла наиболѣе рѣшительное вліяніе на дальнѣйшее развитіе вопроса, уже видитъ въ грамотѣ твореніе епископа Яроміра (Гебгардта) [6]). Взглядъ

---

1) Apologie der ältesten Gesch. Böhmens въ Abh. d. k. böhm. Gesellschaft d. Wiss., V Folge 13 Bd., S. 16 ff.

2) Des Herzogthums Troppau ehemalige Stellung zur Markgrafschaft Mähren. Wien. 1857. S. 2. 230 ff. Beilage II.—Mährens allg. Gesch., I. 313 ff. II. 40 ff.

3) Geschichte Polens, I. S. 108, 143 f., 639 ff.

4) См. напр. статью: Urgeschichte Schlesiens въ Schlesische Provinzialblätter. Bd. 54. (1816) S. 406. Anm.

5) Narody na ziemiach sławiańskich. Poznan 1853, стр. 711 сл.; — Polska wieków średnich II. Poznan 1856, стр. 147. прим. 42. — Ср. также его: Zdobycze Bolesława Wielkiego въ Tygodnik Wileński, 1816, т. II. стр. 1 сл. (№ 27) и 49 сл. (№ 30), гдѣ онъ еще не сомнѣвается въ подлинности грамоты.

6) Piligrim von Passau und das Erzbisthum Lorch. Lpz. 1854, S. 173. Anm. 9.

Дюмлера усвоили и всѣ позднѣйшіе нѣмецкіе ученые, а именно: Гизебрехтъ [1]), Бюдингеръ [2]), Цейсбергъ [3]) и Лозертъ [4]). Послѣдній въ своихъ изысканіяхъ идетъ дальше всѣхъ: «Грамота 1086 г.,—говоритъ онъ,—имѣетъ своимъ основаніемъ грамоту, составленную св. Войтѣхомъ, и не можетъ болѣе подлежать сомнѣнію, что этотъ послѣдній документъ представляется поддѣлкой. Хотя онъ и не сохранился до настоящаго времени, но на это ясно указываетъ грамота 1086 г., которая, по словамъ Козьмы, представляетъ собою почти буквальную копію съ первоначальной... Прежде всего подлогъ заключается въ томъ, что она приписывается св. Войтѣху; затѣмъ въ ней ошибочно говорится объ Оттонѣ Великомъ; третьимъ признакомъ поддѣлки являются сѣверныя границы пражской епархіи; четвертая фальшь состоитъ въ томъ, что моравская епархія въ 974 г. присоединена къ Чехіи... Составлена эта поддѣлка съ ясно опредѣленными цѣлями въ виду майнцскаго сейма, на которомъ она и была представлена. Не въ какомъ-либо другомъ источникѣ, а именно здѣсь (въ этой подложной грамотѣ) Козьма нашелъ данныя, которыми потомъ и воспользовался для характеристики Болеслава Благочестиваго» [5]). Признавая грамоту подложною, Лозертъ вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно отвергаетъ принятый и защищаемый Палацкимъ взглядъ на положеніе Чехіи подъ владычествомъ Болеслава II.

Въ 1865 г. грамота эта была издана Штумпфомъ по одной копіи XII столѣтія, хранящейся въ мюнхенскомъ государственномъ архивѣ [6]). По сличеніи изданной копіи съ грамотой Козьмы видно, что онѣ въ цѣломъ, за исключеніемъ незначительныхъ отклоненій, одинаковы,

---

1) Geschichte der deutschen Kaiserzeit, Bd. I (1855) S. 789. Напротивъ, въ своемъ прежнемъ трудѣ: Jahrbücher d. deutschen Reiches unter Otto II. Berlin 1840 (въ Ranke, Jahrb. d. d. R. u. d. sächs. Hause, Bd. II. 1), Excurs II, S. 123 ff., Гизебрехтъ считаетъ грамоту подлинною.

2) Oesterreichische Geschichte bis zum Ausgange des XIII Jahrh., Bd. I. Lpz. 1858, S. 314. Anm. 4.

3) Miseco I, der erste christliche Beherrscher der Polen въ Archiv für Kunde österr. Gesch., Bd. 38 (1867). S. 79 ff.

4) Der Umfang des böhmischen Reiches unter Boleslaw II въ Mittheilungen des Instituts für österreich. Geschichtsforschung, Bd. II (1881). S. 23 ff.

5) Стр. 25, 27, 28.

6) Stumpf, Die Reichskanzler vornehmlich des X, XI u. XII Jahrh., III. p. 79—81 (n. 76). Cfr. II. p. 240. n. 2882.

только въ концѣ грамота Козьмы отличается отъ изданной Штумпфомъ неточнымъ хронологическимъ означеніемъ чиселъ и тѣмъ, что въ ней не указаны мѣсто составленія и нѣкоторыя другія подробности, а именно:

По лѣтописи Козьмы:	По изданію Штумпфа:
	Signum domini Heinrici tercii Romanorum imperatoris augusti. Hermannus cancellarius vice Wezelonis archicancellarii recognovit.
Data III Kal. Maii anno ab incarnatione domini 1086, indictione IX, anno autem domini Heinrici regni quidem XXXII, imperii vero III.	Datum III kalendas Maii, anno ab incarnatione domini 1086, indictione VIII, anno autem domini Heinrici regni quidem XXXII, imperii vero III.
	Actum Ratispone, in Christi nomine feliciter amen.

Теперь обратимся къ разсмотрѣнію самой грамоты, о ближайшихъ обстоятельствахъ появленія которой говоритъ намъ лѣтописецъ Козьма. Въ 1086 г. онъ находился въ составѣ свиты князя Вратислава и епископа Яроміра, ѣдущей въ Майнцъ. «По указу императора Генриха IV,—пишетъ Козьма,—тамъ происходилъ большой имперскій сеймъ. 4 архіепископа, 12 епископовъ вмѣстѣ съ аббатами монастырей и другими занимались установленіемъ правилъ церкви. На этомъ сеймѣ императоръ съ общаго согласія всѣхъ присутствующихъ тамъ своихъ сановниковъ, герцоговъ, маркграфовъ, графовъ и епископовъ назначилъ князя Вратислава повелителемъ Чехіи и Польши, собственноручно возложилъ на главу его королевскую корону и повелѣлъ, чтобъ Эгильбертъ, архіепископъ трирскій, миропомазалъ и короновалъ его въ резиденціи своей, Прагѣ. На этомъ же сеймѣ епископъ Яроміръ предложилъ на размотрѣніе сейма документы, относящіеся къ прежнимъ сѣтованіямъ его на моравскаго епископа Іоанна[1]). Хотя послѣдній въ тотъ же годъ и умеръ, но Яроміръ, въ интересахъ будущаго, всѣми силами старался при помощи своихъ друзей, приближенныхъ императора, чтобы на мѣсто умершаго не назначали преемника, и въ

1) scripta suae antiquae querimoniae representat de Moraviensi episcopo Iohanne supra memorato.

подтвержденіе своихъ сѣтованій развернулъ въ присутствіи всѣхъ грамоту св. Войтѣха, предмѣстника своего, утвержденную какъ папою Бенедиктомъ, такъ и императоромъ Оттономъ I[1]). Императоръ, въ виду справедливыхъ сѣтованій, тронутый просьбами князя Вратислава, брата его епископа Яроміра и споспѣшествуемый совѣтами архіепископа Майнцскаго, Везило, и другихъ ревнителей истины, вмѣсто старой—далъ новую грамоту, почти тождественную съ первой, и утвердилъ ее своею печатью»[2]). «Печать Римскаго императора Генриха III,—продолжаетъ Козьма,—видѣлъ я собственными глазами, когда прикладывалъ ее названный повелитель къ грамотѣ пражской епархіи». Грамота эта гласитъ:

«Во имя Бога, въ Троицѣ Славимаго, Мы Генрихъ III, Милостію и Благоволеніемъ Его Императоръ Римскій.

«Мы убѣждены, что Нашему Императорскому званію и достоинству приличествуетъ искоренять всякое зло и несправедливость, направленныя противъ церкви Божіей. А потому оповѣщаемъ теперь и впредь да будетъ извѣстно вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ, что любезный намъ епископъ Пражскій, Яроміръ, неоднократно уже приносилъ свои неудовольствія своимъ во Христѣ братьямъ, епископамъ, и другимъ нашимъ князьямъ, а не давно и намъ изложилъ свои сѣтованія о томъ, что епископство Пражское, которое первоначально учреждено было нераздѣльно какъ для чешскаго такъ и для моравскаго княжествъ, и какъ таковое было утверждено папою Бенедиктомъ и Императоромъ Оттономъ I, впослѣдствіи безъ его, епископа, и его предмѣстниковъ узаконенія, благодаря только своей свѣтской власти, въ предѣлахъ своихъ уменьшилось и на территоріи его былъ поставленъ другой епископъ. Вотъ и здѣсь, въ Майнцѣ, предъ нунціями престола папскаго, передъ нами и многими владѣтельными князьями Яроміръ повторилъ свои сѣтованія. Въ виду чего собравшіеся здѣсь архіепископы: Везило Майнцскій, Сигвинъ Кельнскій, Эгильбертъ Трирскій, Лимаръ Бременскій и епископы: Тидерихъ Верденскій, Конрадъ Утрехтскій, Удальрихъ Эйхштедтскій и Оттонъ Регенсбургскій, съ согласія свѣт-

1) replicat coram omnibus privilegium olim a sancto Adalberto episcopo, suo antecessore, confirmatum tam a papa Benedicto quam a primo Ottone imperatore.

2) novum antiquo fero eiusdem tenoris addit privilegium et signo imperiali confirmat.

скихъ князей, Вратислава чешскаго и брата его Конрада, герцоговъ Фридриха и Лютольда, пфальцграфа Рапото и всѣхъ на сеймѣ присутствующихъ сановниковъ — опредѣлили: возстановить первоначальную епархію и присоединить ее со всѣми прежними границами къ Пражскому епископству. Эти границы суть слѣдующія... [слѣдуетъ перечень границъ]... Эту епархію, подобно тому, какъ она была и прежде подчинена Пражскому епископу, Мы, съ общаго соизволенія на то князей и съ согласія князей Вратислава и брата его Конрада, признали за благо возвратить вышепоименованному епископу, брату названныхъ князей, безъ всякаго территоріальнаго ея уменьшенія, почему Мы, снисходя на просьбы сего епископа, возстановляемъ границы Пражскаго епископства и закрѣпляемъ оное Императорскою Нашею грамотою какъ за нимъ, такъ и за всѣми его преемниками»...

Грамота выдана 29 апрѣля 1086 г. въ Регенсбургѣ, изъ канцеляріи канцлера Германа (28 дек. 1085—1 февр. 1089), впослѣдствіи архіепископа кельнскаго.

Въ этомъ же году, по извѣстію Козьмы, грамота эта была предложена папѣ Клименту, сторону котораго поддерживали тогда какъ Генрихъ IV, такъ и Вратиславъ съ Яроміромъ. Папа, вслѣдствіе настоятельныхъ просьбъ епископа, съ которыми явился предъ нимъ чешскій посланецъ, Альбинъ, сообразуясь съ ходатайствомъ императора Генриха IV и съ мнѣніемъ своего нунція, присутствовавшаго на сеймѣ и прибывшаго въ Римъ вмѣстѣ съ Альбиномъ, призналъ и утвердилъ епископство пражское въ границахъ, которыя были означены въ грамотѣ.

Такимъ образомъ, основаніемъ грамоты, данной пражской епархіи въ 1086 г., послужило какое-то privilegium episcopatus Pragensis св. Войтѣха, о которомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ упоминаетъ Козьма [1]), утвержденное императоромъ Оттономъ I и папою Бенедиктомъ и написанное, надо полагать, въ двухъ тождественныхъ между собою спискахъ.

Относительно подлинности первой грамоты (1086 г.) и о достовѣрности сообщаемаго Козьмою, который былъ очевидцемъ того, какъ императоръ скрѣплялъ ее своею печатью, до сихъ поръ никто не вы-

1) I. 34.

сказывалъ сомнѣнія. Напротивъ того грамота св. Войтѣха, утвержденная какъ императоромъ такъ и папою, насколько мы ее можемъ возстановить изъ грамоты 1086 г., вслѣдствіе противорѣчія съ показаніями другихъ источниковъ, доставила польскимъ и нѣмецкимъ ученымъ удобный поводъ для критическихъ и полемическихъ нападокъ; а обстоятельства, при которыхъ она была предложена на майнцскомъ сеймѣ, послужили не послѣднимъ поощреніемъ къ совершенному отрицанію ея подлинности.

По истеченіи значительнаго промежутка времени по смерти епископа Себира, побѣдивъ долгое сопротивленіе со стороны брата своего Вратислава II, занялъ пражскую епископскую каѳедру чешскій князь Яроміръ. Учрежденное въ 1063 г. его отцемъ епископство въ Моравіи новому епископу было крайне непріятно уже потому, что на это онъ смотрѣлъ съ одной стороны какъ на ограниченіе своей власти, съ другой—какъ на уменьшеніе своихъ доходовъ; притязанія, отсюда проистекающія, повели къ продолжительнымъ пререканіямъ, что и понудило епископа Яроміра съ своими претензіями обратиться къ императору. Во время великой борьбы папы съ императоромъ, изъ-за преобладанія духовной власти надъ свѣтскою, Яроміръ открыто стоялъ на сторонѣ Генриха IV, который въ 1077 г. и сдѣлалъ его государственнымъ канцлеромъ. Послѣдствіемъ этого было то, что еще ранѣе смерти оломуцкаго епископа, Іоанна, зародилась мысль соединить оломуцкую епархію съ пражской [1]). Въ дѣйствительности же она обнаружилась въ 1086 г., на имперскомъ сеймѣ въ Майнцѣ, гдѣ Яроміръ изложилъ императору причины стариннаго неудовольствія, которое онъ имѣлъ противъ оломуцкаго епископа (scripta suae antiquae querimoniae), желая разъ навсегда «valde praecavens in futurum» положить конецъ этому раздору. Случилось это при такой обстановкѣ, при которой не было «ничего болѣе естественнаго, какъ составить грамоту, которая бы наглядно и рѣшила дѣло въ его пользу» [2]), тѣмъ болѣе, что въ то время Яроміръ, какъ канцлеръ императора, располагалъ всѣми средствами и способами, чтобы съ полною увѣренностію

1) Ср. Loserth, S. 24.
2) Dümmler, S. 174.

въ успѣхѣ подъ видомъ подлинной издать подложную грамоту; къ тому-же онъ по характеру своему былъ способенъ на это [1]).

Что касается ближайшихъ причинъ, по которымъ грамота признается подложною, то ихъ можно раздѣлить на двѣ категоріи: на внѣшнія и на внутреннія. Первыя состоятъ въ опредѣленіи времени, которое даетъ Козьма для первоначальной грамоты, а именно: «privilegium olim a sancto Adalberto episcopo, suo antecessore, confirmatum tam a papa Benedicto, quam a primo Ottone imperatore». Но св. Войтѣха нельзя считать современникомъ Оттона Великаго и папы Бенедикта VI, потому что первый только въ 982 г. получилъ пражскую епископскую каѳедру, между тѣмъ какъ Оттонъ I 23 мая 973 г. скончался, а папа Бенедиктъ VI управлялъ съ конца 972 г. по іюль 974 года. Добнеръ [2]), допуская по отношенію къ св. Войтѣху ошибку, пришелъ къ такому выводу, что на основаніи прочихъ данныхъ, Козьмою сообщенныхъ, пражская епархія установлена еще при жизни Оттона I, въ 973 г.; подтвержденіе для своего заключенія онъ нашелъ какъ въ указаніяхъ Оттона, біографа св. Вольфганга, согласно которымъ послѣдній, по занятіи имъ 28 декабря 972 г. регенсбургской епископской каѳедры, далъ свое разрѣшеніе на учрежденіе въ Чехіи особой епископіи [3]), такъ и у Annalista Saxo, что въ праздникъ св. пасхи 973 г. состоялась въ Кведлинбургѣ встрѣча Болеслава съ Оттономъ I [4]). За выводами Добнера послѣдовали Добровскій [5]), Палацкій [6]), вначалѣ было и Гизебрехтъ [7]), Кёпке [8]), Гинцель [9]) и Фриндъ [10]). Но уже Пубичка [11]) призналъ неточнымъ извѣстіе

---

1) Ср. Zeissberg, S. 80 f.

2) Ad Ann. Hayec., IV. 213 sqq.

3) Othloni vita s. Wolfgangi, c. 29, M. G. SS. IV. 538.

4) Ann. Saxo ad a. 973, M. G. SS. VI. 624.

5) Kritische Versuche die ältere böhm. Geschichte von späteren Erdichtungen zu reinigen: III. Wenzel und Boleslaw, въ Abh. d. kgl. böhm. Gesellsch. der Wiss. VI (1819). S. 13.

6) Würdigung d. alten böhm. Geschichtschreiber. Prag 1831 (1869), S. 26.—Dějiny, I. 1. стр. 254 сл.

7) Jahrb. d. d. R., S. 120 f.

8) M. G. SS. IX, p. 49. adn. 30.

9) Geschichte der Slawenapostel Cyrill und Method und der slawischen Liturgie. Wien 1861. S. 136.

10) Kirchengeschichte Böhmens. I. Prag 1864. S. 53.

11) Chronologische Geschichte Böhmens., Bd. III. S. 19 ff.

грамоты, что основаніе пражской епархіи воспослѣдовало при Оттонѣ I, и предположилъ, опираясь на выше приведенное извѣстіе Отлона, по которому основателемъ этой епархіи былъ Оттонъ II [1]), что самое учрежденіе пражской епископіи произошло во второй половинѣ 973 г.; онъ, однако, при этомъ не ставилъ вопроса о подлинности самой грамоты. Дюмлеръ [2]) же считаетъ грамоту прямо подложною и, слѣдуя Пубичкѣ, предполагаетъ, имѣя въ виду только извѣстіе Отлона, что учрежденіе епархіи относится или къ концу 973 г., или же къ началу 974 г.; къ этому заключенію присоединяются мнѣнія Гизебрехта [3]), Бюдингера [4]), Цейсберга [5]), а въ отношеніи вопроса о времени и Дудика [6]). Кёпке въ послѣднемъ изслѣдованіи своемъ, изданномъ Дюмлеромъ [7]), а за нимъ и Лозертъ [8]), относитъ учрежденіе названной епархіи еще далѣе, — къ 975—976 гг., ссылаясь съ одной стороны на замѣтку, находящуюся въ каталогѣ страсбургскихъ епископовъ [9]), согласно которой Дитмаръ, первый пражскій епископъ, посвященъ былъ Виллигисомъ, избраннымъ во архіепископы 25 января 975 г., и Эрхенбальдомъ страсбургскимъ, съ другой—на грамоту Виллигиса отъ 28 апрѣля 976 г. [10]), въ которой упоминается уже и пражскій епископъ [11]).

Понятно, что при таком неточномъ опредѣленіи времени появленія грамоты, въ которой св. Войтѣхъ, епископъ пражскій, названъ въ 974 г. современникомъ Оттона I, — она должна казаться сомнительною, равно какъ и относящіяся къ этому предмету объясненія чешскихъ историковъ нужно признать недостаточными. Что же касается до

---

1) medius Otto Caesar, l. c.

2) l. c.

3) Gesch. d. d. Kaiserzeit, I, S. 789.

4) l. c.

5) l. c.

6) II. S. 37. Anm. 1.

7) Kaiser Otto der Grosse (Jahrb. d. d. Gesch.) Lpz. 1876. S. 503. Anm. 2.

8) S. 27.

9) Wimpheling, Catal. episc. Argentin., p. 34: (Erckenbaldus consecravit) cum eodem (sc. Willigiso Maguntino archiepiscopo) Dietmarum Pragensis ecclesiae episcopum apud Bruchmagod.

10) Boczek, Codex dipl. et epist. Mor., I. n. 113. p. 97. — Erben, Reg. Boh. et Mor., I. n. 72. p. 31.

11) Въ другомъ мѣстѣ нами доказано, что учрежденіе пражскаго епископства относится къ 974 г.

внутреннихъ причинъ, по которымъ грамота, предложенная въ 1086 г. на майнцскомъ сеймѣ, считается подложною, то сюда должны быть отнесены два мѣста ея.

Въ одномъ говорится: что «Pragensis episcopatus, qui ab initio per totum Boemiae ac Moraviae ducatum unus et integer constitus, et tam a papa Benedicto, quam a primo Ottone imperatore sic confirmatus est»—впослѣдствіи утратилъ такую значительную часть, что въ прежнихъ его предѣлахъ былъ поставленъ другой епископъ (Себиръ). Между тѣмъ доказано, что въ Моравіи былъ епископъ уже въ 976-мъ году [1]), т. е. вскорѣ послѣ учрежденія пражской епархіи. Чтобы уничтожить противорѣчіе, Дудикъ [2]) называетъ моравскаго епископа викаріемъ (Aushilfsbischof), возлагая на него функціи суффрагана (Weihbischof), чѣмъ однакоже дѣло далеко еще не разъясняется. Затѣмъ, въ другомъ мѣстѣ грамоты встрѣчается противорѣчіе относительно сѣверныхъ границъ пражскаго епископства, такъ какъ послѣднія не сходятся съ границами ранѣе установленныхъ епископствъ въ Жичѣ, Межиборѣ и Мишнѣ.

Въ виду приведенныхъ противорѣчій, по мнѣнію названныхъ ученыхъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что грамота, представленная епископомъ Яроміромъ на майнцскомъ сеймѣ, была подложною. Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію означенныхъ противорѣчій, позволимъ себѣ обратить вниманіе на то, что приведенныя сопоставленія представляютъ грамоту, во всякомъ случаѣ, въ сомнительномъ свѣтѣ; но чтобы довести до очевидности [3]) эту ея подложность, необходимо ближайшее разсмотрѣніе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, опущенныхъ изъ виду нѣмецкими изслѣдователями.

Козьма сообщаетъ намъ документъ 1086 г.; изданная независимо отъ сего Штумпфомъ (въ 1865-мъ году) грамота служитъ доказательэтвомъ, что содержаніе документа передано Козьмою вѣрно и точно. Какъ же, спрашиваемъ мы, могло произойдти то, что эта грамота утвержденіе пражскаго епископства приписываетъ папѣ Бенедикту, между тѣмъ какъ въ другомъ мѣстѣ, гдѣ Козьма прямо гово-

1) О немъ говорится въ вышеупомянутой грамотѣ Виллигиса отъ 28 апрѣля 976 г.
2) Mähr. Gesch., II, 47.
3) «Zur Evidenz», Loserth, 27.

ритъ объ учрежденіи епархіи, основателемъ послѣдней указанъ имъ папа Іоаннъ XIII, при чемъ онъ ссылается на буллу послѣдняго [1]).

Далѣе первымъ епископомъ Козьма считаетъ Дитмара [2]), а вторымъ — св. Войтѣха [3]), которому приписывается учрежденіе епископства. Какое рѣшеніе представляется для этого противорѣчія? Козьма, какъ деканъ пражскаго капитула лучше и ближе, чѣмъ кто-либо, зналъ древнюю исторію пражской церкви, въ его распоряженіи находились какъ грамоты, такъ и некрологи собора св. Вита, а также лѣтописныя замѣтки и преданія пражскаго духовенства. Поэтому едва ли можно предполагать, чтобы онъ по отношенію къ основанію пражской епархіи, судьбы которой во всѣхъ отношеніяхъ такъ близко затрогивали его, могъ допустить такія грубыя ошибки: не только считать двухъ папъ основателями, но даже покровителя пражской церкви, св. Войтѣха, котораго онъ называетъ вторымъ епископомъ, считать въ тоже время виновникомъ учредительной грамоты.

Наконецъ, грамота была предложена епископомъ Яроміромъ на майнцскомъ сеймѣ; послѣдній, выслушавъ справедливыя сѣтованія Яроміра, въ интересахъ истины, единогласно [4]) утвердилъ первоначальную грамоту. Эта грамота была подложна не потому только, что составителемъ ея былъ епископъ, который только спустя 10 лѣтъ достигъ епископской каѳедры, и не потому только, что основателемъ послѣдней названъ императоръ, котораго, по крайней мѣрѣ, за годъ до этого событія не было уже въ живыхъ, но и потому, что въ ней были опредѣлены границы, которыя захватывали собою гораздо бо̀льшій округъ, нежели какой въ дѣйствительности достался пражскому епископу, въ виду чего пострадали интересы многихъ другихъ духовныхъ и свѣтскихъ князей, причастныхъ этому и частію присутствовавшихъ при этомъ. Кромѣ того, все это произошло въ Майнцѣ, съ соизволенія и по совѣту мѣстнаго архіепископа Везило, между тѣмъ какъ именно въ Майнцѣ, которому подчинена была пражская епископія, и должны были находиться неопровержимыя доказательства для обнаруженія такой плохой поддѣлки. Въ виду этого нельзя предполо-

1) I, 22.
2) I, 23.
3) I, 25.
4) communi principum aspirante suffragio.

жить, чтобы между многими, съѣхавшимися въ Майнцѣ, духовными и свѣтскими сановниками не нашлось ни одного, который бы не протестовалъ противъ подобнаго подлога и противъ такого безцеремоннаго на счетъ другихъ увеличенія территоріи пражской епархіи; равнымъ образомъ не заслуживаетъ вѣроятія и то, что Яроміръ, «какъ канцлеръ императора, располагая всѣми средствами и способами къ незамѣтной поддѣлкѣ подобной грамоты» [1]), представилъ ее сейму такъ неумѣло составленную.

Поэтому мы приходимъ къ такому заключенію, что Дюмлеромъ и его послѣдователями были упущены изъ виду обстоятельства и факты, безъ разъясненія которыхъ пониманіе грамоты въ указанномъ имъ направленіи является невозможнымъ. Поэтому мы беремъ на себя смѣлость другимъ путемъ разрѣшить кажущіяся въ грамотѣ противорѣчія.

Грамоту 1086 года можно раздѣлить на 2 части: 1) На первоначальную, которая содержитъ въ себѣ перечень границъ пражской епархіи и которая начинается словами: «Termini autem ejus occidentem versus hii sunt» и кончается словами: «qua Bavaria limitatur». Прямое указаніе на эту грамоту заключаетъ въ себѣ также жалоба епископа Яроміра, внесенная въ грамоту 1086 года, «quod Pragensis episcopatus, qui ab initio per totum Boemiae ac Moraviae ducatum unus et integer constitus, et tam a papa Benedicto quam a primo Ottone imperatore sic confirmatus...»: разъясненіе относительно Моравіи опирается прямо на опредѣленіе границъ епархіи въ первоначальной грамотѣ, два одинаковые между собою списка которой были утверждены папою Бенедиктомъ и императоромъ Оттономъ. 2) Другія постановленія грамоты, составляющія начало и конецъ ея, относятся къ исторіи ея утвержденія на майнцскомъ сеймѣ. Епископъ Яроміръ явился въ Майнцъ съ означенной первоначальной грамотой и на ней основывалъ свои притязанія. Находящіеся здѣсь архіепископы, епископы и свѣтскіе сановники признали его притязанія справедливыми, въ виду чего пражская епархія была возстановлена въ своемъ прежнемъ объемѣ.

Для первоначальной грамоты Козьма даетъ намъ болѣе точное

---

1) Zeissberg 81.

хронологическое указаніе, говоря: «(Pragensis praesul Gebeardus) replicat coram omnibus privilegium olim a sancto Adalberto episcopo, suo antecessore, confirmatum tam a papa Benedicto quam a primo Ottone imperatore». Изъ его словъ: «imperator novum antiquo fere ejusdem tenoris addit privilegium» можно заключить, что указанныя въ грамотѣ 1086 года границы почти буквально взяты изъ первоначальной грамоты.

Мы исходимъ изъ того положенія, что главнѣйшія изъ кажущихся противорѣчій относительно первоначальной грамоты, основываются на неправильномъ пониманіи послѣдней. Основателемъ пражской епархіи Козьма считаетъ папу Іоанна XIII, буллу котораго онъ и приводитъ, и первымъ епископомъ — Дитмара; гдѣ, спрашивается, видитъ онъ въ разбираемой нами грамотѣ основную, учредительную грамоту епископства и гдѣ онъ считаетъ св. Войтѣха основателемъ послѣдняго? Мы имѣемъ грамоту 1086 г., но поэтому же нельзя предположить существованіе третьей грамоты между основной и утвержденной Генрихомъ IV и папою Климентомъ,—грамоты, ведущей свое начало отъ св. Войтѣха?

Что касается до опредѣленія времени ея появленія, то сюда должны быть отнесены слѣдующія мѣста: 1) въ грамотѣ 1086 года мы читаемъ: «Pragensis episcopatus........ tam a papa Benedicto quam a primo Ottone imperatore sic confirmatus», и 2) у лѣтописца Козьмы: «replicat coram omnibus privilegium a sancto Adalberto episcopo, suo antecessore, confirmatum tam a papa Benedicto, quam a primo Ottone imperatore». И такъ мы имѣемъ дѣло съ грамотою, которая своимъ происхожденіемъ обязана св. Войтѣху и которая утверждена императоромъ Оттономъ I и папою Бенедиктомъ. Уже выше мы упомянули, что основаніе пражской епархіи должно быть отнесено къ 974 году, причемъ грамота на учрежденіе ея составлена св. Вольфгангомъ, какъ говоритъ объ этомъ біографъ послѣдняго[1]). Предложенная на майнцскомъ сеймѣ грамота не можетъ быть тождественна съ предполагаемою учредительною, потому во 1-хъ, что составителемъ послѣдней мы только что назвали св. Вольфганга, между тѣмъ какъ упомянутая въ документѣ 1086-го

1) Cumque tempus peragendi concambii venisset, tanta flavit alacritate, ut ipse privilegium componeret. l. c.

года составлена св. Войтѣхомъ; во 2-хъ, св. Войтѣхъ былъ вторымъ пражскимъ епископомъ и на эту должность былъ избранъ только въ 982 году; въ 3-хъ наконецъ, императоръ Оттонъ I скончался 7 мая 973 г., а потому и не могъ утвердить грамоты въ 974 году. Только время правленія папы Бенедикта могло бы согласоваться, такъ какъ Бенедиктъ VI былъ папою съ конца 972 до іюля 974 года.

Если же мы исходимъ изъ того положенія, что оспариваемая грамота относится ко времени св. Войтѣха, то для времени появленія ея получимъ сроки: какъ самый ранній—19 февраля 982 г., день избранія св. Войтѣха во епископы, и какъ самый поздній—октябрь мѣсяцъ 983 г., такъ какъ папа Бенедиктъ VII (съ октября 974 г.) около этого времени умеръ. Какое же въ данномъ случаѣ имѣетъ значеніе императоръ Оттонъ I? Мы предполагаемъ, что тутъ именно заключается ошибка, и что нужно читать не «primo Ottone», а только «Ottone», т. е. secundo. Въ спискѣ, утвержденномъ папою, повидимому, не было указано, что грамота утвержена Бенедиктомъ седьмымъ, доказательствомъ чему можетъ служить какъ грамота 1086 г., такъ и сообщеніе Козьмы, гдѣ сказано только: «papa Benedicto». Мы полагаемъ, что и въ спискѣ грамоты, подписанномъ императоромъ, имя Оттона II было означено не точно, и основаніе къ такому предположенію мы находимъ въ изученіи грамотъ этого императора. Во всѣхъ почти грамотахъ Оттона II, изданныхъ напр. Бёмеромъ въ его «Acta imperii selecta», сказано только: «anno regni domni Ottonis», «signum domni Ottonis» и т. д., безъ означенія, который именно Оттонъ [1]); напротивъ, въ грамотахъ Оттона III большею частью точнѣе означено: «anno regni domni tertii Ottonis» [2]). Штумпфъ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ грамотъ этого періода, отзывается о нихъ такъ: «даже въ несомнѣнныхъ подлинныхъ документахъ нѣкоторыя цифры положительно ошибочно переданы; точно также встрѣчается, что въ годы тяжелыхъ затрудненій для государства, въ годы смутъ, изготовленіе грамотъ, въ особенности точное обозначеніе времени, неудовлетворительно, какъ напримѣръ въ концѣ царствованія императора Оттона II» [3]). Мы полагаемъ по этому, что не будетъ слишкомъ смѣлымъ съ нашей стороны принять

1) Boehmer, Acta imperii selecta (1866) nn. 14, 15, 16, 17, 19, 20.
2) Ср. Boehmer.
3) Reichskanzler, Bd II. S. XII.

за вѣрное, что въ грамотѣ, подписанной Оттономъ II, подобно другимъ грамотамъ этого государя, не дописано «secundus», и только въ 1086 г. при выдачѣ новой грамоты въ императорской канцеляріи къ слову «Ottone» ошибочно прибавлено «primo». Лучшимъ доказательствомъ, что подобныя ошибки встрѣчались въ то время довольно часто, служитъ намъ современникъ Козьма; такъ напримѣръ, императора Генриха III онъ называетъ «imperator secundus Heinricus»[1]); Генриха IV — «imperator secundus Heinricus»[2]) или его же — «imperator tertius Heinricus»[3]); Генриха V онъ называетъ — «tertius Heinricus rex»[4]), «rex Henricus quartus»[5]) и «rex Heinricus quintus»[6]), но послѣ этого его же опять называетъ «imperator quartus Heinricus»[7]). По этому мы стоимъ за то, что въ данномъ случаѣ имѣемъ дѣло не съ умышленнымъ подлогомъ первоначальной грамоты, послужившей основаніемъ разсматриваемой, но съ позднѣйшей канцелярской ошибкой, которая вкралась при составленіи грамоты 1086 года.

Приведенное разрѣшеніе вопроса о времени появленія грамоты представляется не только самымъ простымъ, но, по нашему мнѣнію, и единственнымъ вѣрнымъ способомъ разрѣшенія, такъ какъ съ этимъ пріемомъ разрѣшенія всѣ остальныя противорѣчія, относящіяся къ установленію границъ въ 974—976 гг., падаютъ сами собою.

По этой грамотѣ пражская епархія должна была заключать въ себѣ: часть Угріи, Моравію, Чехію, Верхнія и Нижнія Лужицы, Верхнюю и Нижнюю Силезію. Съ перваго раза означенные предѣлы кажутся въ противорѣчіи съ документальнымъ извѣстіемъ, что Моравія въ 976 г. имѣла своего отдѣльнаго епископа. Въ грамотѣ Виллигиса отъ 28 апрѣля названнаго года поименованы въ качествѣ суффрагановъ, подающихъ свое мнѣніе о канторѣ Гоцмарѣ, нижеслѣдующіе епископы: шпейерскій (Бальдерихъ), вормскій (Адальгельмъ), пражскій (Дитмаръ) и моравскій[8]). И это все, что мы имѣемъ достовѣрнаго о морав-

1) II, 8.
2) II, 25.
3) II, 37.
4) I, 35.
5) III, 18, 20.
6) III, 38.
7) III, 52, 55, 61.
8) Quapropter auctoritate ipsius, astipulantibus quoque assessoribus nostris venerabilibus episcopis, Spirensi, Wormatiensi, Pragensi, Moraviensi........ Boczek, Cod-

скомъ епископѣ этого времени. Только Козьма, сообщая объ учрежденіи въ Оломуцахъ, во время пражскаго епископа Себира и князя Вратислава, отдѣльной епископской каѳедры, ссылается на одно преданіе, что Моравія еще до Себира (1030—1063 гг.) имѣла своего епископа, котораго звали, по его показанію, Враценомъ [1]). За совершеннымъ отсутствіемъ другихъ данныхъ въ этомъ отношеніи и такъ какъ объ этомъ епископѣ Враценѣ не упоминается ни въ series episcoporum Olomucensium Августина, ни въ древнѣйшемъ некрологѣ оломуцкихъ епископовъ [2]), мы не осмѣливаемся отождествлять его, подобно Дудику, съ моравскимъ епископомъ 976 г. [3]) Мы считаемъ слишкомъ смѣлымъ утверждать, подобно упомянутому ученому, что поименованный моравскій епископъ 976 г. управлялъ епископіею одновременно съ пражскимъ епископомъ Дитмаромъ, такъ какъ «Враценъ, по словамъ Козьмы, былъ епископомъ не моравскимъ, но только находился въ Моравіи, не имѣя опредѣленной каѳедры, потому что сѣверо-восточная и восточная границы епархіи были еще открыты, и онъ былъ, такъ сказать, только викаріемъ, назначеннымъ въ помощники пражскому епископу, а особой епархіи для него не было учреждено» [4]).

Болѣе важно въ этомъ отношеніи извѣстіе Granum'a catalogi episcoporum olomucensium, что Моравія при посредствѣ Бенедикта VII была возсоединена съ пражскою церковью при св. Войтѣхѣ: «Tempore S. Adalberti, Pragensis episcopi secundi, anno episcopatus sui tertio, Moraviensis episcopatus Pragensi episcopo Benedicti Papae VII, Ottonis imperatoris II confirmatione et Pii Boleslai ducis Bohemiae consensu accedente usque ad tempora Severi episcopi Pragensis VI et Wratislai ducis Bohemiae fuit unitus» [5]). Правда, въ

---

dipl. et epist. Moraviae, I. n. 113, p. 97; Erben, Reg. Boh. et Mor, I. n. 72, p. 31 etc. См. Boehmer, Reg. arch. Magunt., I. p. 119.—Палацкій, Dèjiny I. 1. стр. 261. прим 255, полагаетъ, что подъ названіемъ «episcopus Moraviensis» надо понимать епископство того же имени въ графствѣ Murray въ Шотландіи; но его доказательства не имѣютъ достаточныхъ основаній какъ потому, что въ рѣшеніи судебнаго дѣла участвовали только суффраганы майнцскаго архіепископа, такъ и въ виду того, что сей послѣдній врядъ ли пригласилъ для этого дѣла въ Майнцъ шотландскаго епископа.

1) Fertur autem, quod fuisset in Moravia ante tempora Severi quidam episcopus, ut reor, nomine Wracen. II, 21.

2) См. объ этомъ Dudik, II. S. 46. Anm. 2.

3) Dudik, II. 46 ff.

4) l. c., стр. 50; ср. стр. 426, прим. 1.

5) Dudik, S. 63. Anm. 1.

этомъ извѣстіи заключается хронологическая неточность, такъ какъ папа Бенедиктъ умеръ еще во второй годъ правленія св. Войтѣха, а здѣсь сказано, что возсоединеніе произошло въ третій годъ его управленія, но такое разногласіе не можетъ имѣть важнаго значенія. Напротивъ, приведенное извѣстіе, находящееся въ Granum'ѣ catologi episcoporum olomucensium, съ одной стороны совершенно согласно съ извѣстіемъ грамоты 976 г., которая говоритъ объ отдѣльномъ въ названномъ году для Моравіи епископѣ, а съ другой не только не противорѣчитъ пражской грамотѣ, но прямо подтверждаетъ выше высказанное нами предположеніе. Въ послѣднемъ случаѣ мы констатируемъ тождественность сообщенія съ извѣстіемъ грамоты какъ въ томъ, что возсоединеніе Моравіи съ пражской епархіей произошло въ бытность св. Войтѣха пражскимъ епископомъ, такъ и въ томъ, что возсоединеніе утверждено папою Бенедиктомъ VII и императоромъ «Оттономъ II», съ согласія чешскаго князя Болеслава II, какъ прибавляетъ Granum. Одинаковость обоихъ сообщеній до того поразительна, что не возможно сомнѣваться въ томъ, что позднѣйшее извѣстіе грамоты 1086 г. относительно утвержденія епархіи Оттономъ «первымъ» основывается на недоразумѣніи, къ каковому заключенію мы пришли уже при изслѣдованіи хронологическихъ данныхъ грамоты. Такимъ образомъ, для возсоединенія Моравіи съ пражской епархіей, на основаніи данныхъ Granum'а, мы получаемъ тоже самое время, какъ и для составленія первоначальной грамоты, т. е. между февралемъ (19) 982 г., временемъ избранія св. Войтѣха во епископы, и октябремъ 983, кончиною Бенедикта VII.

Такъ какъ ясному сообщенію Granum'а, что Моравія около этого времени не имѣла особаго епископа, не противорѣчатъ другіе источники, то главное доказательство подложности грамоты, данной пражской епархіи, при пониманіи ея съ нашей точки зрѣнія, падаетъ само собою. Затѣмъ намъ остается еще разсмотрѣть соображенія нѣмецкихъ ученыхъ, что сѣверныя границы епархіи противорѣчатъ объему епископства жичанскаго, межиборскаго и мишенскаго.

Прежде всего, мы полагаемъ, нужно провѣрить это нѣсколько смѣлое предположеніе относительно епископствъ въ Жичѣ и Межиборѣ. Грамота, говоря о саксонской границѣ, указываетъ на «media silva, qua Boemia limitatur», т. е. на Крушныя (Рудныя) горы. Точно

также Титмаръ[1]) свидѣтельствуетъ, что межиборская и жичанская епархіи доходили до поименованныхъ границъ Чехіи; первая захватывала собою земли сербовъ (между рр. Салой и Мульдой) и жупы житичей (Scitice), сусельцевъ или сусловъ (Suisuli), хутичей (Chutize) и коледичей (Queszizi), а вторая простиралась отъ Плиссы и Эльстры вверхъ по Салѣ, соприкасаясь съ границами епархій межиборской и мишенской у рр. Мульды и Каменицы. По этому мы не знаемъ, на чемъ основывается приведенное предположеніе[2]), и только по отношенію къ границамъ мишенскаго епископства должны признать несоотвѣтствіе послѣднихъ съ границами Чехіи.

Изъ учредительной грамоты мишенской епархіи[3]) видно, что границы послѣдней шли отъ истоковъ Одры къ истокамъ Лабы, оттуда на западъ, гдѣ сталкиваются между собою Чехія и расположенная по Лабѣ жупа нишанъ (Niseni), затѣмъ онѣ идутъ черезъ р. Лабу до истоковъ Мульды, по обѣимъ сторонамъ послѣдней вплоть до устья ея и отсюда вверхъ по Лабѣ до жупы нижанъ (Nisici) и, захватывая области лужичанъ и слублянъ (Selpoli), тянутся къ городу Zulpize и р. Одрѣ и отъ послѣдней вверхъ по ея теченію до ея истоковъ. Такъ какъ грамота пражской епархіи области слезанъ, требовлянъ, бобранъ и дѣдошанъ считаетъ за принадлежащія названной епископіи, то Верхняя и Нижняя Силезія, расположенная по лѣвому берегу Одры, отъ ея истоковъ до рр. Квисы и Бобра, принадлежала какъ къ учрежденной въ 968 г. мишенской епархіи, такъ и къ шестью годами позднѣе основанной пражской, что едва ли можно допустить. Для болѣе правильнаго выясненія положенія дѣлъ и тогдашнихъ отношеній, намъ кажется, не лишнимъ будетъ бросить бѣглый взглядъ какъ на исторію распространенія христіанства, такъ и на исторію нѣмецкаго владычества въ странахъ верхняго и средняго теченій рр. Лабы и Одры.

Еще Карлъ Великій установилъ тюрингенскую или сербскую марку (limes sorabicus); но она точно также какъ и учрежденное въ 834 г.

---

1) III. 9, MG. SS. III. 764.

2) Ср. напр. Loserth 26: Unter den Grenzen werden auch jene gegen Norden hin angegeben, aber auch hier findet sich ein Widerspruch, den auch das künstlichste Raisonnement nicht verhüllen kann, denn aus dem Wortlaut der Urkunde von 1086 geht hervor, dass die angeblichen Grenzen des Prager Bisthums mit jenen der früher gegründeten Bisthümer Zeiz, Merseburg und Meissen nicht übereinstimmen.

3) Gersdorf, Codex dipl. Saxoniae reg., II. Hauptth., Bd. I. n. 3. p. 4.

гамбургское архіепископство, имѣвшее своею цѣлію обращеніе сѣверныхъ племенъ, и преимущественно славянъ, долгое время не оказывала ни малѣйшаго вліянія на живущія по ту сторону Лабы племена полабскихъ славянъ. Путь къ покоренію сербскихъ племенъ проложилъ Генрихъ I порабощеніемъ далеминцевъ[1]) и вынужденіемъ дани у мильчанъ и лужичанъ[2]), живущихъ по верхнему и среднему теченію р. Спревы. Но послѣдніе настойчиво сопротивлялись, выжидая удобный случай сбросить съ себя ненавистное имъ нѣмецкое иго. Только Геро, называемый Шафарикомъ[3]) «грознымъ бичемъ славянъ», окончательно покорилъ полабцевъ, обитавшихъ между Лабою и Одрою[4]). Императоръ Оттонъ I поручилъ ему вести войну противъ всѣхъ, на сѣверо-востокѣ скученныхъ полабскихъ племенъ; Геро первый внесъ единство въ безцѣльныя до того времени предпріятія нѣмцевъ, онъ первый не только окончательно умиротворилъ покоренныя имъ племена полабскихъ славянъ, но и способствовалъ ихъ обращенію въ христіанство. Послѣдствіемъ этого было то, что у покоренныхъ имъ племенъ на Гаволѣ и въ нижнемъ теченіи Спревы возникли въ 946 г. гавельбергское епископство, а въ 949 г. браниборское. Но еще разъ порабощенныя имъ племена возстали противъ нѣмецкой гегемоніи; эта неровная борьба, почти безъ перерыва, продолжалась съ 955 г. по 960 г.; на нее нужно смотрѣть какъ на послѣднюю попытку освободиться отъ чужеземнаго ига. Только нѣкоторыя, болѣе отдаленныя племена еще не были окончательно покорены: въ 963 г. противъ управляемой Геро марки возстали лужичане, чѣмъ и пріобрѣли себѣ славу у своихъ современниковъ—до послѣднихъ силъ противостоять иноземному игу. Послѣ ожесточенной борьбы пали эти послѣдніе защитники полабской свободы въ кровавой битвѣ съ Геро и были порабощены. Пользуясь успѣхами своей побѣды маркграфъ двинулся черезъ область лужичанъ и слублянъ къ р. Одрѣ и остановился на границахъ Польши. Князь польскій, съ которымъ, по всей вѣроятности, лужичане находились въ союзѣ, не отважился выступить пе-

---

1) Thietm. I. 6, l. c. 737;—Widuk. I. 36, l. c. 433.

2) Thietm. I, 9, l. c. 739.

3) Slov. starož., 2 vyd. (1863) II, 388.

4) См. объ этомъ преимущественно изслѣдованія: C. v. Leutsch, Markgraf Gero. Lpzg. 1828, и Heinemann. Margkraf Gero Braunschw. 1860. — Ср. также L. Giesebrecht I, (1843).

редъ непріятелемъ, показавшимся на территоріи его государства. Онъ пошелъ засвидѣтельствовать свою преданность нѣмецкому военачальнику Геро, безпрекословно покорился ему и обязался за страну вплоть до Варты уплачивать дань[1]).

Подчиненіе Польши власти нѣмецкаго императора было послѣднимъ политическимъ дѣяніемъ Геро, побѣда его надъ лужичанами была послѣднимъ ударомъ меча противъ покоренныхъ имъ полабовъ. Вскорѣ послѣдовавшая (въ 965 г.) смерть его была общимъ несчастіемъ, давшимъ почувствовать себя какъ королю, такъ и народу[2]). Нѣмецкіе современники возвеличали его великимъ маркграфомъ[3]), — названіе, вполнѣ заслуженное имъ,—такъ какъ на него нужно смотрѣть какъ на основателя нѣмецкаго владычества между Лабою и Одрою; Шафарикъ одинаково справедливо называетъ его «жесточайшимъ врагомъ славянъ»[4]), потому что въ дѣлѣ преслѣдованія и угнетенія ихъ онъ не останавливался ни передъ хитростью, ни передъ звѣрскою жестокостью.

Церковной потребности славянъ, живущихъ въ областяхъ по ту сторону Лабы, ранѣе покоренныхъ Геро, Оттонъ I доставилъ удовлетвореніе учрежденіемъ двухъ епархій гавельбергской и браниборской. Еще въ 962 году онъ получилъ согласіе на то, чтобы основать нѣсколько епископій и одно архіепископство въ болѣе центральныхъ мѣстахъ среди славянъ, покореніе которыхъ стоило такихъ громадныхъ условій и было сопряжено съ тяжелыми жертвами, съ цѣлію сплоченія ихъ и распространенія между ними христіанства. Учрежденіе въ 967—968 гг. особаго архіепископства для вновь поко-

---

1) Contin. Reg. ad a. 963, M. G. SS. I. 626: Eodem anno (sc. 963)..... apud nos quoque Sclavi qui dicuntur Lusinzani subduntur. — Widuk. III. 67, M. G. SS. III. 463: Eodem quoque tempore Gero praeses Slavos qui dicuntur Lusiki potentissime vicit et ad ultimam servitutem coegit, non sine sui tamen gravi vulnere nepotisque optimi viri casu, ceterorum quoque quam plurimorum virorum.—Thietm. II. 9: Gero, orientaliun marchio, Lusizi et Selpuli, Miseconem quoque cum sibi subiectis imperiali subdidit dicioni. Cfr. II. 19, l. c. 753: Interea Hodo, venerabilis marchio, Miseconem, imperatori fidelem tributumque usque in Vurta flumen solventem, exercitu petivit collecto, — VI. 38, l. c. 822.

2) Thietm., II. 13—14, l. c. 749;—Widuk., III. 75, l. c. 465.

3) Thietm., VI. 38, l. c. 822; — Widuk., III. 54, l. c. 461; Ann. Quedlinb. ad a. 1013, l. c. 82.

4) Slov. Starož. II, 547.

ренныхъ полабовъ въ Дѣвинѣ (Магдебургѣ)[1]) было вѣнцомъ попеченій Оттона въ этомъ направленіи. Всѣ славяне по ту сторону Лабы и Салы были подчинены новому архіепископству; пять слѣдующихъ епископій находились въ подчиненіи послѣдняго: старыя епархіи, гавельбергская и бранибо́рская, которыя дотолѣ причислялись къ майнцской митрополіи, и вновь учрежденныя въ Межиборѣ, Жичѣ и Мишнѣ, границы которыхъ нами были приведены выше. Къ этимъ присоединилось учрежденное въ Польшѣ епископство познанское, которое хотя въ грамотѣ и не упомянуто, но епископъ котораго Титмаромъ[2]) и въ ма́гдебургскихъ анналахъ[3]) считается шестымъ суффраганомъ.

Магдебургское архіепископство съ подчиненными ему суффраганами было учреждено въ маркѣ Геро, образовавшейся путемъ покоренія полабскихъ племенъ, расположенныхъ между Лабою и Одрою. Со смертію Геро владѣніе его раздѣлилось на 6 марокъ, такъ какъ въ той области, въ которой онъ съ 946 г. управлялъ одинъ въ качествѣ маркграфа, немедленно же появляется нѣсколько маркграфовъ[4]), вслѣдствіе чего единство дѣйствій противъ славянъ прекратилось. Область отъ нижней Салы и Мульды, идущая черезъ Лабу вдоль по Спревѣ и Одрѣ до Варты, т. е. позднѣйшая Восточная Марка или Лужицы, была поручена Удо. Она возникла изъ послѣднихъ завоеваній Геро, и мы встрѣчаемъ здѣсь Удо въ войнѣ съ Мечиславомъ польскимъ, вѣроятно изъ-за дани за область на Вартѣ; эта война, судя по житію св. Войтѣха, была несчастлива[5]). Южно-тюрингенская марка,

1) См. объ этомъ изслѣдованіе P. Grosfeld, De archiépisc. Magdeburg. originibus. Monast. 1857. Грамоты изданы у Gersdorf, Codex p. 1 sqq.

2) II. 14, l. c. 759: Archiepiscopus autem a clero et omni populo magnifice susceptus, in his festivis diebus consecravit Bosonem, Merseburgensis ecclesiae pastorem primum, Burchardum, Misnensis ecclesię provisorem primum, Hugonem, episcopum Citicensem primum, Havelbergensis ecclesiae custodem primum hiis Tudonem cooptavit, prius consecratum: omnes hos, subiectionem sibi suisque promittentes successoribus, disposita singulis quibusque parochia speciali. Additus est his confratribus Brandeburgensis ecclesiae primus pastor Thietmar, ante hoc unctus, et Jordan, episcopus Posnaniensis primus. Cfr. Ann. Saxo, M. G. SS. VI. 622.

3) Ad a. 970, M. G. SS. XVI. 150.

4) Какъ наилучшія изслѣдованія по сему предмету назовемъ: v. Leutsch, Markgraf Gero, Anhang: Gaugeographie der serbischen Mark, S. 117 ff., u Giesebrecht, Jahrb. d. deutschen Reiches u. Otto II (въ Ranke, J. d. d. R. u. d. säch. H., II. 1), Excurs II, S. 147 ff.,—который дополняетъ розысканія Лейтча.

5) Vita Brunon., c. 10, F. r. B. I. 271.

расположенная вдоль чешской границы по направленію къ Бобру, изъ которой впослѣдствіи образовалась мишенская, раздѣлилась на три маркграфства, такъ какъ при учрежденіи епархій въ Межиборѣ, Жичѣ и Мишнѣ введеніе въ должность епископовъ было поручено тремъ маркграфамъ — Вигберту, Виггеру и Гюнтеру [1]). Въ виду того, что церковное подраздѣленіе на епархіи обыкновенно составляло въ тоже время и политическое раздѣленіе территоріи, то возможно, что между тремя маркграфами и тремя епископскими округами существовала какая либо опредѣленная связь [2]), хотя и не могла быть полной тождественности въ границахъ, тѣмъ болѣе, что послѣднія къ востоку были открыты. Это раздѣленіе вскорѣ же прекратилось, но весьма вѣроятно, что маркграфство Гюнтера заключало въ себѣ всю позднѣйшую мишенскую марку. Во всякомъ случаѣ, мы около 980 г. встрѣчаемъ здѣсь маркграфа Рикдага, преемника, повидимому, Гюнтеру, должностной округъ котораго простирался черезъ епархіи межиборскую и мишенскую (по направленію къ Бобру). Ему была поручена защита Межибора и Мишни; на востокѣ, въ Верхнихъ Лужицахъ, онъ долженъ былъ удерживать мильчанъ, а на югѣ — чешскаго князя. Вскорѣ послѣ того, около 980 года, позднѣйшая мишенская марка имѣла объемъ, который сохранялся долгое время [3]).

Вотъ въ краткихъ чертахъ ходъ событій и обстоятельства распространенія нѣмецкаго владычества и христіанской религіи въ славянскихъ земляхъ, расположенныхъ по среднему теченію рр. Лабы и Одры. Основываясь на вышеизложенномъ, мы должны придти къ такому выводу относительно Силезіи, лежащей на лѣвомъ берегу Одры вплоть до Бобра, которая упоминается какъ въ мишенской, такъ и въ пражской учредительныхъ грамотахъ въ періодъ времени 974—983 гг.

1) Во время Геро, въ X вѣкѣ, нѣмецкое владычество распространилось на всѣ почти полабскія страны: крайніе предѣлы подвластной ему марки составляли Верхнія и Нижнія Лужицы, т. е. земли мильчанъ и лужичанъ, покоренныхъ имъ въ 963 г. Эти пограничныя области, изъ которыхъ впослѣдствіи образовалась лужицкая и мишенская

1) Посланіе императора Оттона I, отъ 968 г., у Gersdorf, Codex n. 7. p. 10.

2) Ср. Giesebrecht, 151; Grosfeld, 35; Koepke-Dümmler, Kaiser Otto d. Grosse, 388.

3) Относительно подробностей см. Giesebrecht, 152.

ея, по видимому, совпадали съ границами собственной Чехіи. Границы же познанскаго епископства, вѣроятно, не были опредѣлены ни съ сѣвера, ни съ юга и ни съ востока, точно также какъ и при учрежденіи епархій гавельбергской и бранибурской. Но къ западу потребовалось болѣе точное разграниченіе отъ бранибурскаго и отъ мишенскаго епископствъ, почему первоначально открытыя на востокъ границы двухъ послѣднихъ были уменьшены до р. Одры [1]).

Около 1000 года были основаны епископства гнѣзненское и вратиславское, частію на территоріи познанской епископіи, частію же мишенской, чѣмъ какъ разъ и подчиненъ былъ вратиславской епархіи нынѣ оспариваемый силезскій округъ, доходившій до р. Бобра. Еще ранѣе въ 981 г. при уничтоженіи межиборскаго епископства границы мишенской и жичанской епархій значительно увеличиваются. Лучшимъ же доказательствомъ того, какъ мало въ этихъ округахъ обращали вниманія на притязанія другихъ епископій, служитъ данная Генрихомъ въ 1086 г. грамота, подлинность которой не подлежитъ сомнѣнію: къ пражской епархіи присоединяются области, въ предѣлахъ которыхъ еще въ началѣ того столѣтія были учреждены епископства вратиславское и краковское.

3) Наконецъ мы не лишнимъ считаемъ указать на то, что всѣ грамоты, касающіяся учрежденія мишенской епископіи, въ отношеніи подлинности своей болѣе или менѣе подверглись сомнѣнію.

Грамота отъ 11 января 948 г. [2]), безъ сомнѣнія, подложна; она составлена въ концѣ XII столѣтія и ошибочно большинствомъ изслѣдователей относится къ 965 г. Основаніемъ при составленіи ея несомнѣнно послужили булла отъ 2 января 968 г. [3]) и грамота императора Оттона III отъ 6 декабря 996 г. [4]). Герсдорфъ [5]) относительно основаній, которыя заставляютъ насъ признать грамоту подложною, отзывается въ такихъ выраженіяхъ: «Архіепископа майнцскаго Гильдеберта 31 мая 937 г. уже не было въ живыхъ, а Фолькмаръ фигу-

---

1) Границы познанскаго епископства подробно разсматриваетъ Roepell, Gesch. Polens, I, 632.

2) Gersdorf, Cod. dipl. Sax. reg., I, n. 16, p. 22.

3) ibid., n. 4.

4) ibid., n. 15.

5) l. c. — Cp. Leutsch, S. 131 f.

Уже основанное въ Гамбургѣ во время Ансгара архіепископство имѣло цѣлію обращеніе въ христіанство славянъ, какъ сѣверныхъ такъ и восточныхъ. Учрежденныя въ 946 и 949 гг. Оттономъ I гавельбергская и браниборская епархіи были подчинены майнцскому архіепископу. Изъ сличенія грамотъ, данныхъ на учрежденіе обоимъ церковнымъ округамъ, видно, что жупы жемчичей (Zemzici) и дошанъ (Dosseri), принадлежавшія сначала гавельбергской епархіи, позднѣе были причислены къ браниборской. Далѣе изъ разсмотрѣнія границъ видно, что оба епископства на своихъ юго-восточныхъ окраинахъ были открыты, и въ этомъ отношеніи походили на свѣтскія «legationes» [1]. Вмѣстѣ съ распространеніемъ нѣмецкаго господства на югъ, въ 967—968 гг. послѣдовало учрежденіе трехъ новыхъ епархій въ Жичѣ, Межиборѣ и Мишнѣ, между тѣмъ гавельбергское и браниборское епископства были исключены изъ подчиненія майнцской митрополіи и вмѣстѣ съ тремя вновь учрежденными епархіями были подчинены магдебургскому архіепископству. Епископства въ Жичѣ и Межиборѣ получили нѣкоторыя части гальберштадтской епархіи, въ то время какъ мишенское епископство захватывало между прочимъ область лужичанъ, принадлежавшую ранѣе браниборской епархіи, какъ нѣкогда произошло нѣчто подобное съ епископствомъ гавельбергскимъ и браниборскимъ. Ни въ браниборской, ни въ мишенской учредительныхъ грамотахъ не находимъ никакого замѣчанія относительно прежней принадлежности вышеназванныхъ областей къ другому епископству. Это объясняется тѣмъ, что основанныя для славянъ, живущихъ по Лабѣ, епископства на юговостокѣ были не замкнуты и къ ихъ составу были причислены области, которыя были или совсѣмъ не покоренными или только номинально считались таковыми. Такъ какъ церковныя границы въ общемъ были одинаковы съ политическими, то вмѣстѣ съ фактическимъ завладѣніемъ провинцій было сдѣлано и соотвѣтствующее измѣненіе въ подраздѣленіи на епархіи.

Почти одновременно были учреждены познанское и пражское епископства, съ подчиненіемъ перваго магдебургскому архіепископу, а послѣдняго—майнцскому. Пражская епархія, благодаря этому обстоятельству, отошла отъ регенсбургской и при ея основаніи границы

---

1) Grosfeld., 9; Zeissberg, 35.

Императорская грамота отъ 19 октября 968 г. [1]) прежде всего должна быть отнесена къ 967 г., какъ по индикціи, такъ и по указаннымъ въ ней годамъ королевскаго и императорскаго достоинствъ [2]), тѣмъ болѣе что приведенному выше папскому распоряженію отъ 2 января 968 г. должно предшествовать такое же со стороны императора; между тѣмъ въ октябрѣ 967 г. императоръ въ Римѣ не былъ. Затѣмъ границы какъ въ этой грамотѣ, такъ и въ помянутомъ папскомъ декретѣ, указываютъ на расширеніе [3]) мишенской епархіи на западъ и на сѣверо-западъ по Мульдѣ, каковое осуществилось въ дѣйствительности только въ 981 г., по уничтоженіи межиборской епархіи [4]). Вообще сама грамота почти буквально сходна съ грамотой 996 года. Она, конечно, могла имѣть дѣйствительныя основанія, такъ какъ императоръ Оттонъ I, при утвержденіи епископства, долженъ былъ опредѣлить объемъ епархіи, но во всякомъ случаѣ какъ въ ней, такъ и въ папскомъ декретѣ въ XI в. сдѣланы вставки для того, чтобы западной границей къ Магдебургу имѣть р. Мульду.

Что же касается до грамоты 6 декабря 996 г. [5]), въ которой Оттонъ III установляетъ границы мишенской епископіи и опредѣляетъ монастырю десятину своего округа, то она, не смотря на одинаковость индикціи и года правленія съ календарнымъ годомъ грамоты, возбуждаетъ сомнѣніе, потому что Оттонъ короновался въ Римѣ 20 или 21 мая этого года, а 9 дек. 995 года, какъ положительно извѣстно, онъ былъ во Франкфуртѣ еще королемъ.

Такимъ образомъ Верхняя и Нижняя Силезія, расположенная по лѣвому берегу Одры, ни въ X в., ни тѣмъ менѣе въ первой половинѣ XI ст. не находилась подъ непосредственнымъ владычествомъ нѣмцевъ. Лужицкая и мильчанская жупы, а слѣдовательно и р. Боберъ, послѣ смерти Геро составляли предѣльные пункты нѣмецкаго господства въ славянскихъ земляхъ. Такое отношеніе сохранилось и по учрежденіи магдебургскаго архіепископства съ подчиненными ему вышеназванными суффраганами, и если даже границы, указанныя въ учредительной грамотѣ мишенскаго епископства, правильны, то это

1) Gersdorf, Cod. n. 3. p. 4—5.
2) Leutsch, S. 132 f.,—Gersdorf, l. c., p. 5.
3) Thietm. III. 9, l. c. 764.
4) Grosfeld, p. 40, 47, adn. 2;—Koepke-Dümmler, S. 453, Anm. 3.
5) Gersdorf, Cod. n 16, p. 22.

обстоятельство нисколько не измѣняетъ выше приведеннаго факта. Границы епархій, учрежденныхъ въ славянскихъ земляхъ, какъ мы видѣли, къ востоку не были замкнуты, а вмѣстѣ съ политическими измѣненіями въ подраздѣленіи на округа послѣдовали таковыя же и церковныя измѣненія. Такъ съ учрежденіемъ браниборской епархіи часть ранѣе основаннаго гавельбергскаго епископства отошла къ первой, безъ оговорки въ грамотѣ, данной ей на учрежденіе. На территоріи браниборской епархіи, послѣ того какъ предѣлы нѣмецкаго владычества увеличились завоеваніями Геро, вновь были учреждены епископства мишенское и познанское, а части послѣднихъ послѣ побѣдъ Болеслава польскаго, прозваннаго *Храбрымъ*, отошли въ составъ основанныхъ около 1000 года епархій вратиславской и гнѣзненской. При такихъ обстоятельствахъ понятно, что и Силезія находилась въ такомъ же положеніи. Въ 967—968 гг., когда она была подвластна Польшѣ и когда послѣдняя вынуждена была платить дань за нее, то Силезія была отнесена къ мишенской епархіи; около же 1000 года, когда Болеславъ Храбрый завоевалъ эти страны, она отошла къ вновь учрежденному вратиславскому епископству. Намъ остается только опредѣлить, послѣдовали-ли за время учрежденія мишенской и вратиславской епархій измѣненія въ церковномъ подчиненіи Силезіи? Оставались-ли только здѣсь политическія преобразованія безъ осязательнаго вліянія на церковныя отношенія, такъ какъ страна, лежащая по лѣвому берегу Одры, періодически находилась, какъ извѣстно, въ распоряженіи Чехіи? Затѣмъ, обращая вниманіе на одинаковость между границами, приведенными грамотой для пражской епархіи, и границами фактическаго распространенія нѣмецкаго владычества на славянскія земли, по Одрѣ расположенныя, такъ какъ демаркаціонной линіей для нихъ служила р. Боберъ, мы должны спросить себя, была-ли эта одинаковость простою случайностью. На основаніи вышеизложенныхъ и вполнѣ аналогичныхъ примѣровъ, мы, кажется, въ правѣ придти къ такому заключенію, что подчиненіе Силезіи пражскому епископству находилось въ связи съ покореніемъ Силезіи подъ власть Чехіи. Ближайшимъ срокомъ для этого, мы должны принять время возсоединенія Моравіи съ пражской епархіей. Если мы будемъ опровергать фактъ церковнаго соединенія Силезіи съ пражской епархіей, такъ какъ въ грамотѣ, сохранившейся къ тому же не въ цѣломъ видѣ,

нѣтъ оговорки относительно отхода ея отъ мишенскаго епископства, то тогда одинаково можемъ мы подвергнуть сомнѣнію вопросъ объ учрежденіи епископствъ браниборскаго, мишенскаго, познанскаго, вратиславскаго и др., потому что здѣсь нѣтъ указаній относительно упомянутыхъ выше областей. Если же наконецъ необходимо признать что нибудь подложнымъ, какъ то силятся доказать вышеназванные изслѣдователи, то скорѣе же должно признать подложною не грамоту, данную пражской епархіи, но грамоты, данныя мишенской, такъ какъ послѣднія, какъ мы это видѣли, представляютъ основательныя причины считать ихъ подложными, — вслѣдствіе чего возраженія противъ подложности учредительной грамоты пражской епархіи падаютъ сами собою[1]).

Въ виду вышеизложеннаго мы считаемъ достаточно доказаннымъ, что возраженія, направленныя противъ пражской учредительной грамоты, при ближайшемъ разсмотрѣніи тогдашнихъ обстоятельствъ и при отнесеніи ея къ 982—983 годамъ, не выдерживаютъ критики, и полагаемъ, что какъ основаніе ея, такъ и политическія отношенія того времени должны служить дальнѣйшимъ доказательствомъ вѣрности нашего положенія.

Если мы ближе посмотримъ на часть грамоты 1086 года, ведущую свое начало отъ св. Войтѣха, и сопоставимъ ее съ другими памятниками того времени, то замѣтимъ, что на встрѣчающихся въ грамотѣ названіяхъ границъ видны слѣды глубокой старины. Въ грамотѣ на учрежденіе мишенской епархіи, относящейся къ 967 — 968 гг. и слѣдовательно болѣе ранней по времени, нежели грамота св. Войтѣха, описаніе тѣхъ же границъ таково: «ubi caput et fons est aquae, quae dicitur Odera, inde quasi recta via usque ad caput Albiae, inde deorsum in occidentalem partem, ubi divisio et confinium duarum regionum est Behen et Nisinen. Ibidem ultra Albiam et per silvam in occidentalem partem usque ad caput Mildae etc.... et inde in aquam, quae dicitur Odera, et sic Odera sursum usque ad caput ejus»[2]).

---

1) Roepell, Gesch. Polens, I. 632, прямо опредѣляетъ границы мишенской епархіи такимъ образомъ: «Die Grenzen von Meissen liefen von der nordöstlichen böhmischen Grenzecke längs des Queisflusses ostwärts zum Bober, folgten dann diesem bis zu seinem Einfluss in die Oder, längs deren linken Ufer sie bis etwa in die Gegend von Fürstenwalde hinabgingen» и т. д.

2) Gersdorf, Cod. p. 4.

Какъ изъ этой, такъ и изъ другихъ подобныхъ ей грамотъ видно, что во второй половинѣ X в. для опредѣленія границъ служили преимущественно естественныя границы. Между тѣмъ въ пражской грамотѣ встрѣчаемъ мы для тѣхъ же почти границъ исключительно названія многихъ осѣдлыхъ тамъ племенъ, которыя и извѣстны намъ большею частью только изъ этой грамоты и которыя выдѣляются по своей древности. Такъ мы встрѣчаемъ здѣсь племя пшованъ, между тѣмъ какъ намъ извѣстно только названіе города Мельникъ, и только у Козьмы, а за нимъ и у Далимила, Пшовъ упоминается какъ городъ св. Людмилы. Точно также изъ этой грамоты мы имѣемъ извѣстіе о слезанахъ; Титмаръ же даетъ только названіе жупы «pagus Silensis», такъ какъ названіе племени, живущаго тамъ, не было, повидимому, болѣе въ употребленіи. Далѣе не встрѣчаются имена требовлянъ и бобранъ въ Силезіи ни въ другихъ современныхъ источникахъ, ни также у Титмара, а между тѣмъ послѣдній много разъ и довольно обстоятельно трактуетъ объ этой странѣ. Только у баварскаго географа второй половины IX вѣка мы встрѣчаемъ въ Силезіи Sleenzane и Dadosesani не какъ жупы, но какъ племена, и описаніе тѣхъ странъ въ этомъ старинномъ памятникѣ, а равнымъ образомъ у одновременнаго короля Альфреда, гораздо ближе подходитъ къ географическимъ даннымъ разбираемой нами грамоты. Многочисленныя, приведенныя въ ней, названія племенъ, особенно въ Чехіи тѣмъ болѣе удивительны, что послѣдніе племенные князья въ ней уже при св. Вячеславѣ и Болеславѣ I были подъ властью могущественныхъ пражскихъ князей; хотя и встрѣчаются въ Чехіи еще единичные сильные владѣтели, какъ напримѣръ можно указать на Славника, отца св. Войтѣха, и на домъ Вершовцевъ, однако они, какъ видно изъ находящагося у Козьмы описанія владѣній названнаго князя, уже не были самостоятельными племенными князьями. Тѣмъ болѣе не вѣроятно то, чтобы св. Войтѣхъ, получившій образованіе въ Магдебургѣ, сталъ приводить въ составленной имъ грамотѣ эти старинныя племена въ качествѣ пограничной линіи; скорѣе можно предположить, что въ данномъ случаѣ онъ имѣлъ подъ руками нѣкоторые старинные документы, изъ которыхъ онъ и почерпнулъ свѣдѣнія при опредѣленіи границъ. Грамоту, св. Вольфгангомъ составленную, нельзя принимать въ соображеніе, такъ какъ со времени ея появленія не прошло и 10 лѣтъ, и притомъ

она не могла заключать въ себѣ тѣ же границы, а также понятно, что въ то время, когда Чехія принадлежала къ регенсбургской епархіи, не могли и составить подобной грамоты. Мы принуждены поэтому бросить взглядъ нѣсколько назадъ и какъ наиболѣе подходящее опредѣленіе времени для появленія такого документа мы будемъ имѣть послѣднюю четверть IX в., т. е. время отъ введенія христіанства въ Чехіи (въ 70 гг.) до подчиненія послѣдней регенсбургской епископской каѳедрѣ, которое, вѣроятно, и послѣдовало въ концѣ названнаго столѣтія. И тогда въ Чехіи не было самостоятельнаго епископства, но она была, какъ нужно предположить, составною частью моравской епархіи, основанной св. Меѳодіемъ. Извѣстіе Козьмы, что названный великій славянскій первосвятитель ввелъ въ Чехіи христіанство, хотя и было много разъ оспариваемо, но въ настоящее время оно не можетъ подлежать сомнѣнію. Меѳодій первый посвятилъ въ истины христіанской религіи не только Моравію, но и Чехію и подчинилъ послѣднюю своей епархіи. Затѣмъ въ моравской церкви, какъ надо полагать, существовалъ документъ, относящійся къ этому періоду времени, на которомъ основывается св. Войтѣхъ въ своей грамотѣ; чтобы имѣть хотя нѣкоторое представленіе о немъ, необходимо дать приблизительное понятіе объ объемѣ моравской епархіи.

Къ великоморавскому государству Святополка, кромѣ собственной Моравіи въ ея теперешнемъ объемѣ, принадлежала часть Нижней Австріи. Для установленія сѣверныхъ границъ служитъ извѣстіе межиборскаго епископа Титмара (876—1018): «Boemii regnante Zuetepulco duce quondam fuere principes nostri. Huic a nostris parentibus quotannis solvitur census, et episcopos in sua regione Marierun dicta habuit; quod omnes is et successores sui superbia tumidi perdiderunt, quia omnis humilitas, evangelio teste, crescit et arrogantiae sublimitas minoratur»[1]. Поэтому не только Чехія составляла часть великоморавскаго государства, но и значительное пространство Саксоніи, повидимому, было обязано данью и находилось подъ властью Святополка,

1) VI. 60, l. c. 835. — «Moravi» или «Marierun» вмѣсто «Boemii» объясняется тѣмъ, что въ концѣ XI вѣка чешскіе князья не только владѣли и Моравіей, но что Чехія въ это время вообще играла туже роль, какую въ концѣ IX в. названная земля, вслѣдствіе чего Титмаръ и считаетъ Святополка княземъ чешскимъ. См. Dudík, Herzogthum Troppau, S. 229. Beilage I, и его же Mähr. Gesch., I, 311.—Palacký, Dějiny, I. 1, str. 155.

а самымъ сѣвернымъ предѣломъ, по мнѣнію Палацкаго и Дудика[1]), долженъ былъ быть Дѣвинъ (Magdeburg). На востокѣ вліяніе и могущество Святополка распространялись до рр. Одры и Вислы, такъ какъ паннонское житіе упоминаетъ о переговорахъ св. Меѳодія по обращенію въ христіанство съ однимъ могущественнымъ языческимъ княземъ, которые велись на берегахъ послѣдней[2]). Это — сплошныя славянскія земли, лежащія между Лабою и Одрою и идущія вплоть до верхняго теченія Вислы, а именно — Мишня, Верхнія и Нижнія Лужицы, Верхняя и Нижняя Силезія и Краковская область, которыя находились подъ владычествомъ Святополка, платя послѣднему дань. На юговостокъ владѣнія Святополка шли черезъ землю словаковъ вплоть до Тиссы; здѣсь мы не будемъ касаться того, на сколько въ дѣйствительности Великая Моравія, начинавшаяся, по словамъ Константина Багрянороднаго, отъ Бѣлграда у Срема[3]), и расположенная по Тиссѣ равнина принадлежали къ владѣніямъ Святополка[4]), и на сколько близко къ истинѣ то предположеніе, что при заключеніи мира въ Кенигштеттенѣ Святополкъ выговорилъ себѣ всю Нижнюю Паннонію вплоть до Савы[5]) — мы оставимъ, такъ какъ изслѣдованіе объ этомъ предметѣ насъ завело-бы слишкомъ далеко.

Если трудно при неясности источниковъ дать общее понятіе о величинѣ великоморавскаго государства, то не менѣе трудно пролить

---

1) l. c.

2) Въ Москвитянинѣ 1843 г., III, стр. 430, — въ Чтеніяхъ въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1865 г., I, отд. III, стр. 8, 22, 34, 44, 55, 68, 80, 92,—F. r. B., I, 48.—См. Dudik, Mähr. Gesch., I, 312. Anm. 2.

3) De imp. adm. c. 40. Καὶ πάλιν κατὰ τὴν τοῦ ποταμοῦ ἐκδρομήν ἐστι τὸ Σέρμιον ἐκεῖνο τὸ λεγόμενον, ἀπὸ τοῦ Βελεγράδας ὁδὸν ἔχον ἡμερῶν δύο καὶ ἀπὸ τῶν ἐκεῖσε ἡ μεγάλη Μοραβία ἡ ἀβάπτιστος, ἣν καὶ ἐξήλειψαν οἱ Τοῦρκοι, ἧς ἦρχε τὸ πρότερον ὁ Σφενδοπλόκος. Ταῦτα μὲν τὰ κατὰ τὸν Ἴστρον ποταμὸν γνωρίσματά τε καὶ ἐπωνυμίαι· τὰ δὲ ἀνώτερα τούτων, ἐν ᾧ ἐστὶν ἡ πᾶσα τῆς Τουρκίας κατασκήνωσις, ἀρτίως ὀνομάζουσι κατὰ τὰς τούτων ἐκεῖσε ῥεόντων ποταμῶν ἐπωνυμίας. Οἱ δὲ ποταμοί εἰσιν οὗτοι· ποταμὸς πρῶτος ὁ Τιμήσης, ποταμὸς δεύτερος Τούτης, ποταμὸς γ´ ὁ Μορήσης, δ´ ὁ Κρίσος, καὶ πάλιν ἕτερος ποταμὸς ἡ Τίτζα. πλησιάζουσι δὲ τοῖς Τούρκοις πρὸς μὲν τὸ ἀνατολικὸν μέρος οἱ Βούλγαροι, εν ᾧ καὶ διαχωρίζει αὐτοὺς ὁ Ἴστρος καὶ Δανούβιος λεγόμενος ποταμός, πρὸς δὲ τὸ βόρειον οἱ Πατζινακῖται, πρὸς δὲ τὸ δυτικώτερον οἱ Φράγγοι, πρὸς δὲ τὸ μεσημβρινὸν οἱ Χρώβατοι.

4) См. объ этомъ: Dobner, Krit. Abh. von den Grenzen Altmährens въ Abh. einer Privatgesell. in Böhmen, VI. (1784) S. 38 ff.;—Dudik, I, 315 ff.;—Huber, Beiträge zur ält. Gesch. Oesterreichs: 2. Die Ausdehnung des grossmährischen Reiches nach Südosten въ Mittheilungen des Instit. f. oest. Gesch., II. 372 ff.

5) См. объ этомъ: Dümmler, Die südöstlichen Marken des fränkischen Reiches unter den Karolingern (въ Archiv f. K. oest. Gesch. X) S. 48;—Dudik, I, 259 ff. и др.

свѣтъ на границы учрежденнаго Меѳодіемъ моравскаго архіепископства. При назначеніи Меѳодія въ 870 г. архіепископомъ иллирійско-паннонской митрополіи вновь вспомнили объ исчезнувшемъ сремскомъ епископствѣ съ цѣлію сдѣлать его центромъ миссіонерской дѣятельности Меѳодія въ славянскихъ земляхъ. До 880 г. онъ въ папскихъ буллахъ считается только «archiepiscopus Pannoniensis» или также «dioecesis Pannoniae»[1]), и онъ въ дѣйствительности былъ архіепископомъ съ округомъ безъ опредѣленныхъ границъ, подобно тому какъ нѣкогда великій нѣмецкій проповѣдникъ св. Бонифацій, ибо въ языческихъ странахъ невозможно было намѣтить точные рубежи для обращенія въ христіанство. Только въ 880 году наступила окончательная перемѣна, когда папа Іоаннъ VIII рѣшился, въ лицѣ нѣмца Вихинга, посвятить одного суффрагана Меѳодію, чтобы закрѣпить новую митрополію, которая съ того времени по своему главному пункту называлась моравской.

Часть владѣній основаннаго Святополкомъ государства отошла Вихингу, для котораго предназначалась епископская каѳедра въ Нитрѣ. Воздерживаясь отъ всякихъ гипотезъ по отношенію къ границамъ новаго церковнаго округа, мы можемъ съ увѣренностію сказать, что восточной границей послѣдняго служила р. Вагъ, а сѣверной — Татры, и что епископство получило свое названіе отъ резиденціи своей — Нитры[2]).

Съ 980 г. миссіонерская дѣятельность Меѳодія была поставлена въ болѣе опредѣленныя границы. Онъ былъ, какъ говоритъ папа Іоаннъ въ письмѣ къ Святополку, archiepiscopus S. ecclesiae Marabensis[3]), между тѣмъ какъ въ предшествующемъ году называлъ еще «archiepiscopum Pannoniae»[4]) и утвердилъ его митрополію особою грамотою[5]), которая къ сожалѣнію не дошла до нашего времени. Во всякомъ случаѣ въ грамотѣ этой были точнѣе опредѣлены границы

1) Boczek, Cod. Mor, I, p. 34 sqq.;—Erben, Reg. Boh., I, p. 15 sq.

2) См. Dudík, Mähr. Gesch., I, 269 f., 278 f.

3) Boczek, Cod. Mor., I, n. 59, p. 42;—Erben, Reg. Boh. I, n. 43, p. 17.

4) Boczek, n. 57, p. 39;—Erben ibid., n. 42.

5) Boczek, p. 43,—Erben, p. 17 sq.: Nos autem illum..... vobis iterum ad regendam commissam sibi ecclesiam dei remisimus, quem veluti pastorem proprium ut digno tenore et reverentia, laetaque mente recipiatis iubemus, quia nostrae apostolicae auctoritatis praecepto eius archiepiscopatus ei privilegium confirmavimus.

подчиненнаго Меѳодію округа, главныя части котораго составляли Моравія и Чехія. Относительно принадлежности послѣдней къ епархіи св. Меѳодія, а не регенсбургской, какъ то утверждали нѣмецкіе ученые, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Въ пользу этого обстоятельства говоритъ намъ какъ фактъ введенія св. Меѳодіемъ христіанства въ Чехіи, такъ и популярности въ ней славянскихъ письменъ и службы церковной не только въ X в., но и въ послѣдующихъ столѣтіяхъ, такъ что всѣ мѣропріятія папъ, направленныя къ искорененію послѣдней, остались безплодными [1]). Юговосточной границей епархіи была р. Вагъ; она отдѣляла моравскую епископію отъ нитранской и впослѣдствіи осталась границей противъ Угріи. Къ югу епархія, повидимому, доходила до Дуная (отъ Моравы до Кампа) [2]). Западной границей, отдѣляющей отъ пассовской и регенсбургской епархій, были р. Кампъ и Чешскій лѣсъ — чешская граница въ ея теперешнемъ видѣ съ нѣкоторыми незначительными отклоненіями [3]). По направленію къ сѣверу, миссіонерскій округъ Меѳодія, по мнѣнію Дудика, распространялся или черезъ покоренныя подъ владычество Святополка или только обязанныя данью земли, а именно черезъ округа трехъ учрежденныхъ только въ X в. полабскихъ епархій: старградской (ольденбургской), гавельбергской и браниборской, которыя, подобно позднѣе основаннымъ епископствамъ въ Межиборѣ, Жичѣ, Мишнѣ и въ Познани, были подчинены учрежденному въ 968 г. архіепископству магдебургскому, какъ викарныя [4]). Мы не можемъ согласиться съ такимъ мнѣніемъ Дудика, по-

---

1) Изъ многочисленныхъ изслѣдованій по сему вопросу нѣмецкихъ и чешскихъ ученыхъ назовемъ: E. Duemmler, De Bohemiae condicione Carolis imperantibus (788—928). Lips. 1854, c. III, p. 17 sqq.; — W. Wattenbach, Slavische Liturgie in Böhmen въ Abh. d. hist.-phil. Gesellsch. in Breslau, Bd. I (1857) S. 221 ff; — W. Zelený, De religionis christianiae in Bohemia principiis въ Progr. d. k. k. akad Staatsgymnasiums zu Prag 1855;—W. W. Tomek, Obrana nejstaršich dějin českých protі novějšim utokům spisovatelů německých въ Památky arch. a mist., IV (1861) str. 3 násl., IV (1863) str. 203, 252, 289, — и Apologie etc. въ Abh. d. k. böhm. Gesellsch. d. Wiss. V Folge, Bd. XIII. (1863); — Ginzel, Gesch. der Slawenapostel Cyrill u. Method u. d. slaw. Liturgie. Wien 1861, S. 67 ff.;—Dudík, I, 271 ff.

2) Этого вопроса подробно касается Dudík, Herzogth. Troppau, S. 235 ff., и Mähr. Gesch., I, 270 f.

3) Относительно стариныхъ границъ Чехіи см. изслѣдованіе Томка, Něco o pomezi země české za nejstaršich časů až do postrědka 13 století въ Časopis Mus. král. česk. 1855, str. 461 násl.

4) Dudík, I, 276.

тому во 1-хъ, что не подлежитъ никакому сомнѣнію, что распространеніе могущества Святополка на сѣверъ, о чемъ говоритъ Титмаръ и на свидѣтельство котораго главнымъ образомъ опирается Дудикъ въ своемъ предположеніи, имѣло мѣсто только послѣ 980 г., въ теченіи котораго была утверждена грамота моравскаго архіепископства, или даже послѣ 985 г., годины смерти св. Меѳодія. Во 2-хъ, можно съ увѣренностью предположить, что этотъ округъ на сѣверѣ имѣлъ точно опредѣленныя границы, такъ какъ еще со времени Карла Великаго здѣсь существовала тюрингенская или сербская марка, а впослѣдствіи учрежденное для славянъ, расположенныхъ между Лабою и Одрою, гамбургское архіепископство, которому и были подчинены впослѣдствіи учрежденныя здѣсь епископства (старградское, гавельбергское и браниборское). Извѣстно, какія препятствія встрѣчалъ св. Меѳодій при насажденіи христіанства со стороны нѣмецкаго духовенства, которое не гнушалось никакими средствами, чтобы вытѣснить его изъ его же епархіи; поэтому трудно предположить, чтобы послѣдняя простиралась въ области, на которое другое вороисповѣданіе имѣло свои неотъемлемыя притязанія, не говоря уже о томъ, что мы ни въ памятникахъ того времени, ни въ позднѣйшей исторіи не имѣемъ никакихъ указаній на то, чтобъ миссіонерская дѣятельность великаго первосвятителя въ странахъ полабскихъ славянъ заходила за нынѣшній Бранденбургъ. Итакъ, съ увѣренностію принимаемъ, что новое архіепископство имѣло на сѣверѣ точно опредѣленныя границы, не заходя за естественныя со стороны Чехіи, точно также какъ и со стороны Силезіи по направленію къ Лужицамъ, и что р. Боберъ раздѣляла не только польскія отъ полабскихъ племенъ, но и составляла предѣлъ дѣятельности св. Меѳодія. Напротивъ, на востокъ не было положено границъ миссіонерской дѣятельности, ибо задача св. Меѳодія состояла не только въ расширеніи церкви и просвѣщеніи уже крещенныхъ народовъ, но и въ провозглашеніи и распространеніи христіанской религіи среди язычниковъ[1]). Здѣсь границы, какъ и вообще у епархій въ языческихъ странахъ, были открыты. Какъ нѣкогда и Бонифацію, великому нѣмецкому проповѣднику, не были указаны предѣлы дѣятельности,

---

1) Относительно характера дѣятельности св. Меѳодія см. П. Лавровскаго: Кириллъ и Меѳодій, 1863, стр. 318 сл.

такъ и при учрежденіи гамбургскаго архіепископства постановлено было — проповѣдывать христіанство не только среди сосѣднихъ народовъ, какъ то шведовъ, датчанъ, норвежцевъ, въ Гренландіи, Исландіи и т. д., но и вообще среди славянъ и другихъ сѣверныхъ и восточныхъ народовъ. Доказательствомъ такой дѣятельности св. Меѳодія на востокѣ служитъ намъ паннонское житіе, которое, какъ мы видѣли выше, упоминаетъ о переговорахъ его съ могущественнымъ на Вислѣ княземъ: «Поганескъ князь силенъ вельми, сѣдя въ Вислѣхъ, ругашася христіаномъ, и пакости дѣяше. Пославъ же къ нему (Меѳодій) рече: добро ти ся бы крестити сыну волею своею на своей земли, да не плѣненъ, нудми крещенъ будеши на чужей земли, и помянеши мя. Еже и бысть»[1]). Подтвержденіе этому извѣстію усматриваемъ мы въ томъ, что еще въ срединѣ XIII столѣтія въ краковскомъ церковномъ округѣ по образцу греческой церкви былъ установленъ постъ[2]). Такимъ образомъ, миссіонерскій кругъ дѣятельности св. Меѳодія распространялся, какъ нужно предположить, черезъ впослѣдствіи образовавшіяся епархіи вратиславскую и краковскую.

До сихъ поръ мы по возможности старались приблизительно опредѣлить границы, какъ государства Святополка, такъ и учрежденнаго св. Меѳодіемъ архіепископства, однако при этомъ не принимали во вниманіе свидѣтельства лѣтописца Козьмы, который по отношенію къ увеличенію владычества Святополка пишетъ: «Zuatopulch, rex Moraviae....... sibi non solum Boemiam, verum etiam alias regiones, hinc usque ad fluvium Odram, et inde versus Ungariam usque ad fluvium Gron subiugarat»[3]). Откуда, спрашиваемъ мы, Козьма заимствовалъ извѣстіе о величинѣ великоморавскаго государства и объясняется ли простою случайностью, что это извѣстіе не совпадаетъ съ политическими границами государства Святополка, но съ церковными Меѳодіева архіепископства? Козьма южною границею государства считаетъ р. Гронъ, между тѣмъ какъ положительно извѣстно, что оно на югъ и юговостокъ простиралось гораздо далѣе, а округъ св. Меѳодія доходилъ приблизительно до этой страны. Для всего остальнаго разсказа о Святополкѣ источникомъ служило Козьмѣ,

1) См. стр. 297 прим. 2.
2) Ср. Stenzel, Gesch. Schlesiens, I (1853) S. 13.
3) I, 14.

по его собственнымъ словамъ, народное преданіе [1]) и кромѣ того извѣстно, что онъ имѣлъ подъ руками хронику Регино; приведенное же извѣстіе онъ не могъ заимствовать ни изъ перваго источника, ни изъ втораго. Мы полагаемъ, что слѣдуетъ искать разрѣшенія въ томъ источникѣ, который приводитъ онъ для принятія крещенія Чехіи Боривоемъ. «Borivoy,—говоритъ онъ,—primus dux baptizatus est a venerabili Metudio episcopo in Moravia, sub temporibus Arnolfi imperatoris, et Zuatopluk ejusdem Moraviae regis [2]). . . . Qualiter autem gratia dei semper praeveniente et ubique subsequente—пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ—dux Borivoy adeptus sit sacramentum baptismi, aut quomodo per ejus successores his in partibus de die in diem sancta processerit religio catholicae fidei, vel qui dux quas aut quot primitus ecclesias credulus erexit ad laudem dei, maluimus praetermittere quam fastidium legentibus ingerere, quia jam ab aliis scripta legimus: quaedam in privilegio Moraviensis ecclesiae, quaedam in epilogo eiusdem terrae atque Boemiae, quaedam in vita vel passione sanctissimi nostri patroni et martiris Wencezlai» [3]). Что это за privilegium Moraviensis ecclesiae была, которую Козьма приводитъ какъ документъ для древнѣйшей церковной исторіи Чехіи и въ которой кромѣ Боривоя упомянуты св. Меѳодій и Святополкъ? Такъ какъ въ другомъ мѣстѣ, гдѣ онъ упоминаетъ объ учрежденіи Вратиславомъ особаго епископства въ Оломуцахъ, въ бытность Себира пражскимъ епископомъ, онъ ясно говоритъ: «fertur autem, quod fuisset in Moravia ante tempora Severi quidam episcopus, ut reor, nomine Wracen» [4]), то не подлежитъ сомнѣнію, что въ промежутокъ времени между св. Меѳодіемъ и Іоанномъ не было дано никакой грамоты моравской церкви, и что мы поэтому имѣемъ дѣло или съ первоначальной грамотой папы Іоанна VIII св. Меѳодію, или же съ грамотой вновь учрежденному Вратиславомъ епископству. Если мы примемъ послѣднюю грамоту, то нельзя будетъ сомнѣваться въ томъ, что она опиралась на прежнюю грамоту моравской епархіи, ибо какъ она могла служить источникомъ для распространенія христіанства въ Чехіи, иду-

1) Sicut vulgo dicitur, l. c.
2) I, 10.
3) I, 15.
4) II, 21.

щаго изъ Моравіи, и для крещенія Боривоя св. Меѳодіемъ во время правленія Святополка! Мы полагаемъ поэтому, что не будетъ слишкомъ смѣлымъ, если мы будемъ утверждать, что прежняя грамота моравскаго архіепископства, учрежденнаго св. Меѳодіемъ, была извѣстна въ Чехіи и отсюда само собою понятно и Козьмѣ. Это и былъ тотъ источникъ, изъ котораго Козьма заимствовалъ свое извѣстіе объ объемѣ моравскаго государства, подъ скипетромъ Святополка, и въ немъ полагаемъ мы найти разъясненіе вначалѣ не совсѣмъ понятнаго обстоятельства, что Козьма за политическія границы принимаетъ церковныя: ибо подобно тому какъ Козьма въ другомъ мѣстѣ ссылается на грамоту пражской епархіи, говоря объ объемѣ чешскаго государства при Болеславѣ II [1]), такъ и здѣсь онъ принималъ церковныя границы за равнозначащія политическимъ, и поэтому, по аналогіи съ пражской грамотой, заимствуетъ изъ грамоты моравской епархіи свои свѣдѣнія о величинѣ государства Святополка.

Грамота моравскаго архіепископства, учрежденнаго св. Меѳодіемъ, о которомъ папа Іоаннъ VIII упоминаетъ въ своей буллѣ на имя Святополка, была такимъ образомъ, на основаніи вышеизложеннаго нами, извѣстна въ Чехіи. На эту грамоту, какъ мы предполагаемъ, ссылается Козьма, упоминая объ объемѣ велико моравскаго государства Святополка. Случайно-ли, наконецъ, произошло то, спрашиваемъ мы, что тѣже самыя границы моравской епархіи встрѣчаемъ мы и въ грамотѣ пражской епископіи, своимъ появленіемъ обязанной св. Войтѣху и послужившей основаніемъ для таковой же въ 1086 г.? Мы предполагаемъ и не безъ основанія, что эта была не только грамота моравской митрополіи, подчиненной св. Меѳодію, которая послужила св. Войтѣху краеугольнымъ камнемъ для пражской грамоты, но и что пражская епархія въ томъ видѣ, какъ она была утверждена за св. Войтѣхомъ, должна считаться обновленіемъ и возстановленіемъ прежняго моравскаго архіепископства, въ права котораго она вступила. Такое пониманіе даетъ намъ съ одной стороны выясненіе тѣхъ обстоятельствъ, которыя оставались для насъ непонятными, и съ другой подтверждается политическими отношеніями тогдашняго времени.

---

1) Hic gloriosissimus dux, secundus Bolezlaus, ... in quantum ampliando dilataverit ferro sui terminos ducatus, apostolica testatur auctoritas in privilegio ejusdem Pragensis episcopatus, I, 34.

Чехія при Болеславѣ II, въ началѣ 80-хъ годовъ X-го столѣтія, имѣла, безъ сомнѣнія, территорію, которую составляли главныя области моравскаго архіепископства при св. Мееодіи, Чехія и Моравія. Уже при св. Вячеславѣ закончилась централизація Чехіи; послѣдніе племенные князья посредствомъ насилія или путемъ брачныхъ союзовъ были приведены къ подчиненію пражскимъ князьямъ; Болеславъ I подавилъ послѣднее возстаніе упорнаго дворянства, заслуживъ тѣмъ прозваніе «Крутаго». Хотя при Болеславѣ II и его преемникахъ встрѣчаемъ мы могущественные владѣтельные роды, какъ напр. Славниковцевъ и Вершовцевъ, но они утратили уже независимость племенныхъ вождей и были подъ властью пражскихъ князей.

Далѣе, что касается до Моравіи, то имѣются извѣстія отъ X в., къ сожалѣнію очень скудныя, такъ что мы не въ состояніи ближе ознакомиться съ обстоятельствами освобожденія послѣдней изъ-подъ ига угровъ. Однако нѣтъ основаній сомнѣваться въ томъ, что это освобожденіе было прямымъ послѣдствіемъ большаго пораженія, которое потерпѣли угры въ битвѣ при Аугсбургѣ въ 955 г. и въ которой Болеславъ I принималъ дѣятельное участіе[1]), и что оно сопровождалось подчиненіемъ большей части Моравіи чешскому господству. Козьма прямо сообщаетъ, что молодой Брячиславъ (около 1029 г.) получивъ отъ отца своего всю Моравію, какъ провинцію, изгналъ поляковъ изъ всѣхъ городовъ своей страны—«quia revera post obitum secundi Bolezlai sicut urbem Pragam, ita totam Moraviam vi obtinuerant Poloni»[2]). Подтвержденіемъ тому, что въ первой четверти XI столѣтія Моравія находилась подъ властью поляковъ, служитъ извѣстіе Титмара, по словамъ котораго въ войнѣ Болеслава Храбраго съ нѣмцами и чехами принимало участіе моравское войско, находившееся подъ его предводительствомъ[3]). Вслѣдствіе этого извѣстіе Козьмы, что Болеславъ Храбрый при завоеваніи Чехіи въ 1002 г. отнялъ у чеховъ Моравію, подтверждается, а равнымъ образомъ всѣ другія источники указываютъ на то, что эта страна въ послѣдней чет-

1) Hungari cum immensis copiis et ingenti multitudine Baioariam impediuntur.... Contra quos Otto rex cum Burislao, Sarmatarum principe,.... pugnavit, et eosdem Hungaros interimens, cunctos pene delevit. Flodoardi ann. ad a. 955, M. G. SS. III, 403.

2) I, 40.

3) VII, 42, 44, l. c. 854.

верти X столѣтія состояла подъ державою Чехіи. Въ одной грамотѣ князя баварскаго, Генриха II, около 985 г., перечисляющей владѣнія пассовской церкви, между прочимъ сказано, что они доходятъ «ultra Danubium usque ad Mareuinos terminos»[1]), и кромѣ того въ вышеприведенной майнцской грамотѣ отъ 28 апрѣля 976 года[2]) прямо указывается на моравскаго епископа, какъ на суффрагана майнцской митрополіи. Слѣдовательно въ 976 г. Моравія не могла быть подъ игомъ угровъ, такъ какъ послѣдніе въ это время еще не приняли христіанства, между тѣмъ какъ Моравія имѣла уже епископа. Точно также въ это время Моравія не могла быть и подъ властью поляковъ, такъ какъ Польша до конца X столѣтія имѣла только епископство познанское, принадлежавшее къ магдебургской митрополіи; чтобы Моравія съ своимъ особымъ епископомъ, подчиненнымъ майнцскому архіепископству, принадлежала къ государству польскому,—такое предположеніе противорѣчитъ не только указаніямъ источниковъ, но и всѣмъ обычаямъ и всѣмъ условіямъ того времени. Наконецъ, еслибы Моравія была подвластна Баваріи, то пронырливый Пилигринъ пассовскій и зальцбургское духовенство не упустили бы случая осуществить свои прежнія притязанія на эту страну подъ предлогомъ вознагражденія за Чехію, не за долго до этого отошедшую къ майнцской митрополіи; между тѣмъ только что приведенныя грамоты свидѣтельствуютъ, что Моравія не принадлежала ни къ пассовской епархіи, ни вообще къ зальцбургскому архіепископству. Напротивъ, нельзя не признать вліяніе Чехіи на Моравію, которое, между прочимъ, отзывается на епископской дѣятельности св. Войтѣха и его учениковъ. Не только біографы послѣдняго и Козьма, но и житіе св. Стефана[3]) говорятъ ясно о миссіяхъ св. Войтѣха въ сосѣдней съ Моравіей Угріи, которую онъ обращалъ въ христіанство частію лично, частію черезъ своихъ посланныхъ. Если и можно считать доказаннымъ, что извѣстіе, находящееся въ вышеназванномъ житіи о послѣдствіяхъ миссіонерской дѣятельности пражскаго епископа въ Угріи, который будто бы крестилъ самого Вайка, впослѣдствіи короля Стефана, значительно преувеличено

1) Boczek, Cod. I, n. 114. p. 99; Erben, Reg. I, n. 74, p. 32.
2) См. стр. 280.
3) M. G. SS., XI, 231.

и что условія для нея были далеко не благопріятны [1]), то нельзя сомнѣваться въ сообщеніи его современника Бруна Кверфуртскаго: «Я не могу умолчать, говоритъ онъ, что онъ въ сосѣднюю Угрію посылалъ то своихъ посланныхъ, то самъ отправлялся, но мало разувѣрилъ угровъ въ ихъ заблужденіи и только положилъ, такъ сказать, одну тѣнь христіанства» [2]). Такая дѣятельность указываетъ на извѣстное въ этомъ отношеніи право чешскаго духовенства, тѣмъ болѣе, что былъ живъ Пилигринъ, который употреблялъ всевозможныя усилія присоединить къ своей епархіи Паннонію и Моравію, а этотъ епископъ, будучи любителемъ пописать и поспорить, навѣрное возвысилъ бы свой голосъ противъ несправедливаго вмѣшательства. Притомъ, если установлена миссіонерская дѣятельность изъ Чехіи въ Угрію, то она должна была сама имѣть прочное основаніе въ Моравіи. И такъ, уже изъ принадлежности Моравіи вмѣстѣ съ Прагою въ 976 г. къ майнцской митрополіи можно заключить о политическихъ отношеніяхъ обѣихъ странъ, а миссіонерская дѣятельность, идущая изъ Чехіи въ Моравію, и Угрію, вполнѣ прекращаетъ наши сомнѣнія относительно справедливости сообщенія Granum'а catalogi episcoporum olomucensium о соединеніи моравской церкви съ пражскою и извѣстія Козьмы о политической принадлежности Моравіи къ Чехіи, которой положенъ конецъ только завоеваніемъ Болеслава Храбраго.

Гораздо труднѣе опредѣлить предѣлы могущества пражскихъ князей на востокѣ внѣ опредѣленныхъ, естественныхъ границъ Чехіи и Моравіи. Что они заходили за естественныя границы Чехіи, это мы можемъ заключить изъ русской лѣтописи, согласно которой чешское государство съ восточной стороны приходилось сосѣднимъ съ русскимъ, а именно: «Въ лѣто 6504 (996).... и бѣ Володимеръ живя съ князи околними миромь, съ Болеславомъ Лядьскимь, и съ Стефаномъ Угрьскимъ, и съ Андрихомь [3]) Чешьскимь, и бѣ миръ межо ними

1) См. объ этомъ K. Lohmeyer, St. Adalbert, Bischof von Prag въ Zeitschr. für Preuss. Gesch. u. Landesk. 9 Jahrg. (1872) S. 20 ff., и Будиловича: Очерки изъ церковной исторіи западныхъ славянъ (Пражскій еписк. Войтѣхъ) Варш. 1880, стр. 95. сл.

2) Non tacendum, quodi uxta positis Ungris nunc nuncios suos misit, nunc se ipsum obtulit, quibus et ab errore parum mutatis umbram christianitatis impressit. F. rer. B., I, c. 16. 282.

3) По ипатьевскому списку «Ондроникомъ», по никоновскому «Андрѣхомъ» Лѣтописецъ повидимому ошибочно считаетъ Ольдриха, своего современника, чешскимъ княземъ въ 996 г.

и любы»[1]) и далѣе: «Того же лѣта (6506 = 998) пріидоша послы отъ папы Римскаго и отъ королей Чежьскихъ и Угорскихъ»[2]). Какъ далеко на западъ простиралось могущество Владиміра, видно изъ слѣдующихъ извѣстій лѣтописи: Въ 981 г. извѣщаетъ она о покореніи Владиміромъ червенскихъ городовъ: «Въ лѣто 6489. Иде Володимеръ къ Ляхамъ и зая грады ихъ, Перемышль, Червенъ и ины грады, иже суть и до сего дне подъ Русью»[3]); — и въ 983 году о походѣ на ятвяговъ: «Въ лѣто 6491. Иде Володимеръ на Ятвягы, и побѣди Ятвягы и взя землю ихъ»[4]). Въ 988 году, въ годъ крещенія Владиміра, лѣтописецъ отмѣчаетъ фактъ раздѣленія Владиміромъ его княжества между своими сыновьями: «и посади.... Всеволода въ Володимери (Велиньскомъ)»[5]). Достойно замѣчанія еще одно извѣстіе отъ 993 г.[6]): «Въ лѣто 6501. Иде Володимиръ на Хорваты (и побѣди а). Пришедшю же ему съ войны Хорватьскыя, и се Печенѣзи придоша по оной сторонѣ отъ Сулы»[7]). На основаніи приведенныхъ мѣстъ изъ русскихъ лѣтописей[8]) мы должны придти къ такому заключенію, что могущество Болеслава II простиралось за Краковскую область до покоренной Владиміромъ Красной или Червонной Руси, которая, какъ надо полагать, доходила на западъ до р. Сана, верховьевъ Вислока и до Татровъ[9]). Почти тоже самое свидѣтельствуетъ и Козьма въ своей лѣтописи, влагая въ уста Болеславу II на его смертномъ одрѣ слѣдующія слова: «hujus regni terminos ego dilatavi usque ad montes, qui sunt ultra Krakov, nomine Trytri», а послѣ его смерти Болеславъ Храбрый въ 999 г. завоевалъ у Чехіи Краковъ[10]). Въ этомъ же смыслѣ Л. Гизебрехтъ старается объяснить извѣстіе Титмара о переговорахъ въ 990 г. по

---

1) Это извѣстіе находится во всѣхъ спискахъ лѣтописи; см. «Сводн. Лѣтопись», изд. Лейбовичемъ, стр. 100.

2) Встрѣчается только въ лѣтописяхъ Никоновской и Авраамки; см. «Св. Лѣт.» Лейбовича, стр. 103.

3) Ibid., стр. 75.

4) Ibid.

5) Ibid., стр. 88. Тверской списокъ указываетъ еще ближе: въ Володимери «Велиньскомъ».

6) Ibid., стр. 96.

7) Встрѣчается только въ тверскомъ спискѣ.

8) См. Zeissberg, Miseco, I, S. 99 f.

9) Ср. Замысловскаго Атласъ по русск. ист.

10) I, 33, 34.

заключенію мира между Болеславомъ и Мечиславомъ въ Нижнихъ Лужицахъ. «По заключеніи мира Болеслава съ нѣмцами, пишетъ Козьма, principes nostros alloquitur, ut qui contra cum huc venirent, cum eo ad Miseconem pergere, et in restituendis suimet rebus se apud Miseconem adiuvare voluissent.......... Venit Bolizlavus cum nostris ad Oderam; ad Miseconem nuncius mittitur, qui diceret, se in potestate sua auxiliatores suos habere. Si regnum sibi ablatum redderet, hos incolomes abire permitteret; sin autem, omnes perderet. Sed Miseco huic talibus respondit: Si voluisset rex suos acquirere salvos aut ulcisci perditos, faceret; et si hoc non fieret, quod propter eos nil omnino perdere voluisset. Hoc Bolizlavus ut accepit, salvis omnibus nostris, quaecumque potuit et locis circumiacentibus predatur ac incendit. Inde reversus urbem unam[1]).......... nomine possedit, et hanc cum domino eius, urbanis nil repugnantibus, acquisivit, eundemque Liuticis ad decollandum dedit»[2]). Л. Гизебрехтъ[3]) предполагаетъ, что здѣсь говорится о народѣ и странѣ хорватовъ, что въ свою очередь оспариваетъ Цейсбергъ[4]). Наконецъ, Дудикъ[5]) указываетъ на миссіонерскую дѣятельность св. Войтѣха въ Краковѣ, что̀, конечно, послужило бы вѣскимъ доказательствомъ для принадлежности этой области Чехіи. Большое благоговѣніе, которымъ и въ настоящее время пользуется Войтѣхъ въ этомъ городѣ, выстроенная въ память его на главной площади небольшая церковь со свѣжими еще воспоминаніями о святомъ, все это, по мнѣнію названнаго изслѣдователя, приводитъ къ тому заключенію, что польскій историкъ Длугошъ навѣрное имѣлъ подъ руками достовѣрный источникъ, когда заносилъ въ свою хронику извѣстіе о пребываніи св. Войтѣха въ Краковѣ и о его тамошней миссіонерской дѣятельности[6]). Какъ на дальнѣйшее подтвержденіе своего взгляда Дудикъ указываетъ на сообщенія Адемара[7]) о дѣятельности св. Войтѣха въ Краковѣ и

---

1) Сюда обыкновенно относятъ извѣстіе сазавскаго монаха подъ 990 г.: «Eodem anno Nemci perrdita est».
2) IV, 9, l. c., 771.
3) Wend. Gesch., I, 267.
4) l. c., S. 96, Anm. 2.
5) II, 67 f. Ср. Roepell, Gesch. Polens, I, 108 f.
6) Hist. Pol., lib. II, p. 16.
7) Hist. lib. III, M. G. SS. IV, 129.

на паннонское житіе св. Кирилла, въ которомъ говорится объ искорененіи изъ Чехіи и Польши славянскихъ письменъ и обрядовъ[1]). Такъ какъ только со смертію св. Войтѣха культъ его сдѣлался національнымъ и распространился не только по Чехіи и Моравіи, но и въ Силезіи, Польшѣ, Пруссіи, Угріи и т. д., и только впослѣдствіи въ честь и память его стали воздвигаться повсюду церкви и другіе достойные его памятники[2]), и притомъ названные источники по отношенію къ св. Войтѣху могутъ имѣть только второстепенное значеніе, то въ виду этого трудно придавать приведенному доказательству Дудика какое либо рѣшающее значеніе[3]).

На основаніи вышеизложеннаго мы приходимъ къ такому заключенію, что̀ дѣйствительно представляется весьма вѣроятнымъ, что чешское могущество при Болеславѣ II временно простиралось и за Краковскую область, но выставлять послѣднее обстоятельство вполнѣ доказаннымъ мы не рѣшаемся. Во всякомъ случаѣ мы не ошибемся, если будемъ утверждать, что могущество Чехіи при Болеславѣ II по направленію къ востоку заходило за естественныя границы Чехіи и Моравіи и, безъ сомнѣнія, достигало страны, расположенной по Одрѣ, захватывая всю Силезію, на что указываетъ и извѣстіе сазавскаго монаха о взятіи Нѣмча. Сказать же что нибудь положительное «объ отнятомъ у Болеслава государствѣ», о чемъ въ 990 г. сообщаетъ Титмаръ, какъ и объ извѣстіяхъ, находящихся въ русскихъ лѣтописяхъ, за неимѣніемъ и неясностью источниковъ невозможно.

Болеславъ соединилъ подъ своею властью главныя земли великоморавскаго государства, Чехію и Моравію; онъ былъ могущественнѣйшимъ на западѣ славянскимъ княземъ и долженъ былъ смотрѣть на себя какъ на прямаго преемника великаго моравскаго князя. Но одно только внѣшнее объединеніе не могло удовлетворить его. Чтобы укрѣпить свою монархію на будущія времена, онъ долженъ былъ сдѣлать Прагу не только свѣтской, но и духовной митрополіей своего государства и возобновить епархію, учрежденную великимъ славянскимъ первосвятителемъ Меѳодіемъ, къ чему въ началѣ 80-хъ годовъ и представился ему удобный моментъ. Въ 974 г., согласно извѣстію въ

---

1) Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1863, II, стр. 32.
2) Будиловичъ, стр. 148 сл.
3) Ср. Lohmeyer S. 27; Будиловичъ, стр. 90.

annales altahenses, Болеславъ съ зятемъ Мечиславомъ польскимъ заключилъ союзъ съ Генрихомъ II баварскимъ противъ Оттона II[1]); едва ли Генрихъ могъ найти болѣе могущественныхъ союзниковъ противъ императора, чѣмъ эти два славянскіе князья. Причины, побудившія Болеслава къ такому шагу, неизвѣстны, но можно предположить, что на перемѣну его политическаго направленія имѣло вліяніе учрежденіе пражской епархіи, вслѣдъ за которымъ произошло его отпаденіе. На основаніи того, что въ Моравіи, входившей, безъ сомнѣнія, въ составъ чешскаго государства, мы встрѣчаемъ самостоятельнаго епископа, считаемъ себя въ правѣ предположить, что чешскій князь, по смерти Оттона I увидѣвши себя обманутымъ въ своихъ надеждахъ на Оттона II относительно правъ и объема новой епархіи, сдѣлался вмѣстѣ съ Генрихомъ его противникомъ, ожидая наибольшихъ выгодъ отъ своего союзника. Многолѣтнія неудачныя войны съ Чехіей, пораженіе отъ Болеслава при Пльзенѣ, вторженіе послѣдняго въ тюрингенскія марки и временное занятіе Жичи[2]) заставили императора признать чешскаго князя могущественнымъ и храбрымъ вассаломъ, котораго предпочтительнѣе расположить къ себѣ милостію, нежели имѣть врагомъ и преслѣдовать съ оружіемъ въ рукахъ. Въ то время, какъ на магдебургскомъ сеймѣ герцогъ Генрихъ и его нѣмецкіе союзники вынуждены были, лишившись своихъ леновъ, или идти въ заключеніе, или отправиться въ изгнаніе, между императоромъ и чешскимъ княземъ, вѣрнымъ союзникомъ Генриха, на праздникахъ пасхи 978 г. состоялось примиреніе совершенно на другихъ основаніяхъ: Болеславъ съ честію былъ принятъ при дворѣ императора и съ богатыми подарками былъ отпущенъ домой[3]). Событія послѣдующихъ годовъ еще менѣе располагали къ

1) Объ отношеніяхъ Оттона къ славянамъ см. изслѣдованія W. Giesebrecht, Jahrb. d. d. R. u. Otto II, S. 16 ff., и Zeissberg, Miseco I, S. 84 ff.

2) Temporibus his ecclesia Citicensis a Boemiorum exercitu, Dedi duce, capta est et depredata, Hugone primo tunc episcopo hinc effugato. Thietm. III, 11, l. c. 764. На основаніи сообщенія Титмара можно бы было полагать, что эта война относится къ 983 г.; однако Гизебрехтомъ (Excurs XI, S. 156 ff.) доказано, что она была предпринята Болеславомъ въ союзѣ съ герцогомъ Генрихомъ въ 976 или 977 гг., а равнымъ образомъ, что чешскій князь съ пасхи 978 г. находился въ мирныхъ отношеніяхъ къ императору.

3) An. 978. Ad imperatorem Ottonem venit in pascha Bolislawo; qui honorifice susceptus magnisque muneribus ab imperatore oneratus, rediit domum. Lamb. Ann., M. G. SS. III, 65.

тому, чтобы императоръ могъ отказаться отъ дружественныхъ отношеній чешскаго князя. Положеніе дѣлъ въ Италіи послѣ пораженія при Сквиллаче потребовало его личнаго тамъ присутствія. Въ южной Германіи какъ прежде, такъ и впослѣдствіи онъ долженъ былъ остерегаться безпокойнаго герцога Генриха, не смотря на его заключеніе, а умы въ сѣверной Германіи еще болѣе были не расположены въ пользу его. Казни графа Геро возбуждали неудовольствіе противъ императора и маркграфа Теодориха; съ утвержденіемъ Гизлера магдебургскимъ архіепископомъ и съ уничтоженіемъ межиборской епархіи враждебное настроеніе еще болѣе обострилось. Къ этому присоединилось еще и то, что Мечиславъ, состоявшій съ 974 г. постояннымъ союзникомъ Генриха и замѣшанный въ смуты 975—977 гг., не хотѣлъ заключать мира, повидимому, вслѣдствіе своихъ военныхъ успѣховъ, а императоръ еще въ 979 г. долженъ былъ предпринять противъ него неудачный походъ [1]). Наконецъ отношеніе нѣмцевъ къ славянскимъ племенамъ между Лабою и Одрою съ нѣкотораго времени измѣнилось къ худшему: среди покоренныхъ совершенно открыто обнаруживались неудовольствія и возстанія. Лютичи возвратились къ своему языческому культу, и бодричи также отпали отъ христіанства; коротко говоря, все предсказывало, что годами накипѣвшая злоба, сдерживаемая силою оружія и страхомъ, выступитъ изъ границъ терпѣнія и выразится всеобщимъ возстаніемъ. Ко всему этому присоединился еще разладъ въ пограничныхъ маркахъ между графами, для прекращенія котораго маркграфъ Теодорихъ не имѣлъ ни силы Геро, ни довѣрія князей. Всѣмъ успѣхамъ, достигнутымъ на востокѣ Оттономъ I и отцомъ его, угрожало совершенное уничтоженіе однимъ разомъ.

Болѣе чѣмъ когда либо при такихъ отношеніяхъ Оттону II нужно было имѣть на сѣверѣ, среди славянскихъ князей, прочное положеніе; самымъ могущественнымъ между ними былъ чешскій князь: если бы онъ былъ надежнымъ сторонникомъ императора, то весь югъ былъ обезпеченъ и у недовольныхъ была отнята главная опора; если бы миссіонерская дѣятельность св. Меѳодія на востокѣ нашла достойнаго преемника для дальнѣйшаго распространенія христіанства среди сла-

---

1) Giesebrecht, S. 39; Zeissberg, S. 87.

вянскихъ племенъ, то это обстоятельство послужило бы вѣрнѣйшимъ путемъ къ утвержденію христіанской религіи среди славянъ-язычниковъ. Таковы были причины, которыя заставили Оттона удовлетворить стремленіямъ Болеслава къ учрежденію церковнаго центра для подвластныхъ ему странъ и вмѣстѣ съ этимъ къ возобновленію моравской епархіи съ перенесеніемъ послѣдней въ Прагу; не доставало только человѣка для выполненія этого плана.

Отыскать такого человѣка, который бы выступилъ во главѣ великой славянской епархіи и который бы пользовался популярностью среди славянъ, отыскать человѣка, могущаго блюсти интересы не только чешскаго князя, но прежде всего императора и нѣмецкаго духовенства, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, было довольно затруднительно. Среди другихъ долженъ былъ несомнѣнно обратить на себя вниманіе братъ князя Страхквасъ, который по распоряженію Болеслава I былъ опредѣленъ въ монахи и находился въ монастырѣ св. Эммерама въ Регенсбургѣ [1]). Козьма совершенно вѣрно описываетъ преимущества, которыя давали ему право на такое положеніе, заставляя св. Войтѣха, когда послѣдній «vellet Romam apostolicum consultum ire et ad gentem apocastricem numquam redire» — обратиться къ Страхквасу съ предложеніемъ ему епископской каѳедры съ такими словами: «хорошо, что ты братъ князя и происходишь отъ князей страны этой: здѣшній народъ предпочитаетъ, чтобъ ты управлялъ имъ, и будетъ охотнѣе слушаться тебя, нежели меня» [2]). Это обстоятельство подтверждается избраніемъ Страхкваса въ преемники св. Войтѣху на епископскую каѳедру: оно согласовалось не только съ общенароднымъ призывомъ его на этотъ постъ, но и соотвѣтствовало его собственнымъ побужденіямъ [3]). Очевидно, что и въ 982 г. само положеніе вещей дѣлало его первымъ претендентомъ на упраздняющееся епископство, и должны были существовать важныя причины и сильное постороннее вліяніе, если въ двухмѣсячный промежутокъ времени до занятія епископіи избраніе его оказалось уже невозможнымъ. Такъ какъ и для князя

1) Cosmas, I, 18.

2) Et bene est, inquit, quod tu frater nosceris esse ducis, et huius terrae ex dominis originem ducis: te plebs ipsa mavult dominari, et tibi magis obedire quam mihi. Cosmas, I. 29.

3) Cosmas, I, 30.

несомнѣнно было желательнымъ видѣть во главѣ церковнаго управленія преданнаго ему человѣка, то избраніе Страхкваса могло встрѣтить препятствіе не въ Чехіи, но въ Германіи среди майнцскаго духовенства и при дворѣ императора. Поэтому высказанное проф. Будиловичемъ предположеніе, что Страхквасъ былъ сторонникомъ введенныхъ св. Меѳодіемъ церковныхъ обрядовъ и языка и что поэтому нѣмецкое духовенство протестовало противъ его избранія, имѣетъ за собою много вѣроятностей [1]; вѣдь папа Іоаннъ XIII уже далъ свое согласіе на учрежденіе пражской епархіи подъ такимъ только условіемъ: «Verumtamen non secundum ritum aut sectam Bulgariae gentis vel Ruziae, aut Sclavònicae linguae, sed magis sequens instituta et decreta apostolica, unum pociorem totius ecclesiae ad placitum eligas in hoc opus clericum, Latinis adprime litteris eruditum» [2]). Къ этому присоединилось еще и то, что самъ императоръ на избраніе Страхкваса смотрѣлъ неблагосклонно: назначеніе на епископскую каѳедру св. Меѳодія брата могущественнаго славянскаго князя скрѣпило бы неразрывною связью свѣтскую власть въ странѣ съ духовною, что̀ для императора вовсе не было желательно, а напротивъ вызывало опасенія политическаго характера. Въ виду этого, послѣ двухмѣсячныхъ безполезныхъ переговоровъ по этому предмету, избраніе пало на другаго мужа, хотя значительно младшаго годами, но за то болѣе соотвѣтствовавшаго нѣмецкимъ интересамъ,— молодаго Войтѣха.

Войтѣхъ, подобно Страхквасу, происходилъ изъ древняго родовитаго дома, которому, безъ сомнѣнія, въ прежнія времени принадлежала княжеская власть въ подвластной ему области. Канапарій и Брунъ называютъ отца его, Славника, знатнымъ, великимъ и могущественнымъ мужемъ, такъ что въ распоряженіи его состояла многочисленная челядь и дворецъ его блестѣлъ и золотомъ, и серебромъ. Затѣмъ Козьма описываетъ владѣнія его, какъ они раскинулись по долинѣ Чехіи на большое пространство, причемъ резиденціей ему служилъ городъ Любица, лежащій при впаденіи р. Цидлины въ Лабу [3]). По сло-

1) Будиловичъ, стр. 53 сл., этимъ объясняетъ противорѣчіе, встрѣчающееся у Козьмы въ характеристикѣ Болеслава, которое еще Палацкій, Dějiny I. 1, стр. 271, прим. 262, призналъ ничѣмъ не мотивированнымъ.

2) Cosmas, I, 22.

3) I, 27.

вамъ Бруна, въ его жилахъ текла царская кровь, такъ какъ онъ приходился внукомъ Генриху I [1]). Съ начала Войтѣхъ, повидимому, крещенъ и миропомазанъ былъ по славянскому обряду [2]), но потомъ обрядъ крещеніе былъ совершенъ надъ нимъ вторично св. Адальбертомъ, архіепископомъ магдебургскимъ, который при совершеніи таинства перемѣнилъ ему имя Войтѣха на латино-нѣмецкое имя Adalbertus. Еще будучи мальчикомъ въ 972 году онъ былъ отправленъ въ магдебургскую школу, состоявшую при монастырѣ св. Маврикія; руководителями его образованія были два лица: архіепископъ св. Адальбертъ, который раньше занимался миссіонерскою дѣятельностью въ древней Руси и получилъ титулъ епископа русскаго, и тогдашній начальникъ школы Отрикъ, который, будучи великимъ ученымъ своего времени, послѣ смерти Адальберта былъ избранъ соборнымъ капитуломъ въ преемники ему. Девять лѣтъ, проведенныхъ Войтѣхомъ въ магдебургской школѣ, не могли остаться безъ вліянія на него, но напротивъ должны были наложить прочную печать на его воззрѣнія; вслѣдствіе того его отношеніе къ роду Премысловичей и родство дома Славниковцевъ съ саксонской династіей, являлись въ глазахъ Оттона II и его прелатовъ въ совершенно иномъ свѣтѣ. Въ занятіи имъ пражской епископской каѳедры должно было заключаться поручательство противъ враждебныхъ нѣмцамъ тенденцій Болеслава: духовная власть вѣрныхъ императору Славниковцевъ, парализуя свѣтскую власть Премысловичей, стремящихся къ владычеству надъ славянами, должна была разсѣять сомнѣнія Оттона противъ выполненія желаній чешскаго князя относительно учрежденія великой славянской епархіи. Между тѣмъ Болеславъ и чехи, рѣшая выбрать Войтѣха въ епископы, глубоко довѣряли ему, какъ природному славянину и потомку древняго княжескаго рода, будучи въ полной надеждѣ, что онъ совершенно соотвѣтствуетъ ихъ желаніямъ и цѣлямъ: Войтѣхъ, по выраженію его біографа, былъ знатный, богатый и образованный туземецъ и въ лицѣ своемъ соеди-

---

1) Pater eius erat vir magnus et praepo tens, substantia eius integra, possessio diffusa. Est ei mortalium felicitatum copia.... mater digna iu galis iuncta digno marito, marito videlicet, qui tangit reges linea sanguinis, quem longe lateque iura dantem hodie tremunt populi, Heinrico regi accessit proximus nepos. — Относительно родства см. Loserth, S. 21, Anm. 1.

2) Ср. Будиловича, стр. 15 сл.

нялъ всѣ требованія, необходимыя для положенія епископа[1]). Поэтому, въ то время какъ нѣмцы смотрѣли на него какъ на будущее послушное орудіе своей власти, чехи считали его достойнымъ преемникомъ великаго славянскаго первосвятителя, св. Меѳодія. Они забывали однако, что девятилѣтнее пребываніе въ Магдебургѣ не осталось безъ вліянія на молодаго Войтѣха, и что въ его душѣ не изгладились еще правила и воззрѣнія нѣмецко-католическаго духовенства. Они также не принимали въ соображеніе того вліянія, которое долженъ былъ оказать на него и майнцскій архіепископъ, которому была подчинена пражская епархія.

Майнское архіепископство съ 975 г. оставалось за Виллигисомъ, однимъ изъ величайшихъ князей церкви своего времени. При его предшественникахъ врученная его руководительству епархія имѣла большій кругъ дѣятельности: ей принадлежали основанныя въ странѣ полабскихъ славянъ епископства гавельбергское и бранибορское, а на востокъ открывалось болѣе широкое поле для миссіонерской дѣятельности. Съ основаніемъ магдебургскаго архіепископства майнцское ощутило большую потерю, и причисленіе къ нему Чехіи и Моравіи было недостаточнымъ возмѣщеніемъ оной. Поэтому Виллигисъ съ радостью долженъ былъ воспользоваться случаемъ распространить свое архіепископство по направленію къ востоку на области по верхней Одрѣ и Вислѣ до границъ Руси, заселенныя славянскими племенами, только на половину обращенными въ христіанство, и возобновить прерванную вторженіемъ угровъ миссіонерскую дѣятельность св. Меѳодія. Возобновленіе и перенесеніе упраздненнаго моравскаго архіепископства, съ подчиненіемъ его майнцской митрополіи, должно было возбудить честолюбіе знаменитаго іерарха и этотъ планъ требовалъ всей его энергіи, тѣмъ болѣе что казалось наступилъ удобный моментъ для его выполненія. Чехія и Моравія, главныя составныя части порученнаго въ 880 г. св. Меѳодію папою Іоанномъ VIII церковнаго округа, были соединены подъ одною властію чешскаго князя; Силезія и, быть можетъ, еще нѣкоторыя области, лежащія за

---

1) Indigena noster Adalbertus, cuius actus, nobilitas, diviciae ac vita cum honore concordant. Vita Canapar., c. 7, F. r. B., I, 240.—indigenam Adalbertum, cuius nobilitas, divitie, alta sapientia et placabiles mores cum tanto honore concordarent. Vita Brunon., c. 8., F. r. B., I, 270.

Одрою и верхнею Вислою, были обязаны ему данью. Какъ это было прежде въ моравской епархіи, точно опредѣлены были сѣверные, западные и южные предѣлы возобновляющейся епархіи по образцу политическихъ границъ, а къ востоку они, какъ и прежде, стояли открытыми для болѣе широкаго распространенія христіанства среди языческихъ поселеній. Болѣе затруднительнымъ представлялось установленіе внутренней организаціи великой славянской епархіи и отношеній ея къ майнцской митрополіи, потому что при всемъ соотвѣтствіи ея древней моравской епископіи, въ ея внѣшней организаціи, представлялось все-таки существенное внутреннее различіе, которое для дальнѣшей судьбы ея становилось все болѣе и болѣе критическимъ: архіепископство св. Меѳодія было совершенно самостоятельнымъ и въ немъ славянскій языкъ и церковные обряды были господствующими. Пражская епархія напротивъ находилась въ строгой зависимости отъ нѣмецко-римской архіепископіи, которая заботливо наблюдала за сохраненіемъ латинскаго ритуала и своею задачею имѣла вытѣснять введенные св. Меѳодіемъ у славянъ обряды.

Такимъ образомъ въ лицѣ Войтѣха соединялись всѣ условія нужныя для занятія такого поста, какъ пражское епископство, но при всемъ этомъ потребовалось еще около года для окончательныхъ переговоровъ по этому предмету. На сеймѣ нѣмецкихъ и итальянскихъ князей, которыхъ пригласилъ императоръ Оттонъ II на 29 іюня 983 г. въ Верону [1]), присутствовалъ и Виллигисъ; сюда же явились и депутаты отъ чешскаго князя съ Войтѣхомъ, который 3-го іюня получилъ отъ Оттона инвеституру, а 29 того же мѣсяца хиротонисаніе отъ Виллигиса [2]). Во время четырехнедѣльнаго пребыванія въ Веронѣ

1) A. d. i. 983 imperator Verone placitum habuit. Thietm., III, 14, l. c. 766. О пребываніи императора въ Веронѣ съ 1 по 17 іюня 983 г. свидѣтельствуютъ грамоты. См. Böhmer, Reg. reg. atque imp. rom. nn. 605—618, p. 33;—Stumpf, Reichskanzler, II, 73—74.

2) Ea tempestate rediens de Saraceno bello adiit Veronam urbem praecelentissimus imperator Otto secundus.... Ad quem Sclavonica manus Boemiae cum electo pergit episcopo, ferens ex parte ducis legationem ac totius cleri atque populi petitionem, quo imperiali nutu eorum communem confirmaret electionem. Igitur serenissimus imperator condescendens eorum dignae petitioni III. Non. Julii dat ei annulum et pastoralem virgam: et, cuius suffraganeus erat, Willigisus, Maguntinus archipraesul, qui ibi forte aderat, iussu imperatoris consecrat eum in episcopum nomine Adalbertum..... Consecratus autem III. Kal. Julii.... Cosmas, I, 26. Ср. Canpar. c. 8 (F. r. B. I, 241) и Brunon. vit. c. 9 (F. r. B. I, 270 sq.). Относительно года Ann. Saxo, M. G. SS., VI, 630, отзывается:

Войтѣхъ и делегаты Болеслава имѣли во всякомъ случаѣ достаточно времени заручиться всѣми необходимыми распоряженіями по этому предмету, чтобы въ своихъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ не выходить изъ предѣловъ намѣченныхъ императоромъ и архіепископомъ. Здѣсь на сеймѣ, по нашему мнѣнію, была предложена старинная грамота моравскаго архіепископства, учрежденнаго св. Меѳодіемъ, и дана была Оттономъ II новая грамота пражской епархіи, отчасти сохранившаяся въ разсматриваемой нами грамотѣ 1086 г.; дальнѣйшая же санкція папы Бенедикта VII была испрошена вслѣдъ за этимъ чешскими делегатами. Здѣсь въ Веронѣ, какъ мы предполагаемъ, совершился новый актъ, такъ важный въ исторіи церкви западныхъ славянъ, которымъ возобновилась великоморавская епархія въ ея прежнемъ объемѣ, причемъ однако было предположено всѣми силами содѣйствовать искорененію введенныхъ св. Меѳодіемъ церковныхъ обрядовъ и славянскаго языка.

Вотъ въ краткихъ словахъ результатъ нашего изслѣдованія этой не безъинтересной грамоты императора Генриха IV. Что касается до того, что подлинность грамоты, предложенной епископомъ Яроміромъ на майнцскомъ сеймѣ, оспаривалась и оспаривается по настоящее время, то приводимые въ доказательство ея подложности доводы, какъ доказано нами въ первой части нашего изслѣдованія, исходятъ изъ неправильнаго пониманія этой грамоты. Мы старались разсматривать ее не какъ основную учредительную грамоту пражской епархіи, но какъ позднѣйшую грамоту св. Войтѣха, и сообразно этому появленіе ея нами отнесено къ 982—983 гг.; при такомъ пониманіи ея всѣ сомнѣнія, высказанныя противъ нея, падаютъ сами собою, за исключеніемъ одной небольшой канцелярской ошибки.

Въ дальнѣйшемъ ходѣ нашихъ доказательствъ мы осмѣлились утвердить, что, въ виду политическихъ отношеній того времени, составленіе въ 983 г. подобной грамоты является весьма вѣроятнымъ. Не простою случайностью представляется то, что мы встрѣчаемъ въ ней необыкновенно широкое опредѣленіе границъ епархіи, ибо Бо-

---

Sciendum autem est, quod Cosmas Pragensis ecclesiae decanus hanc electionem et consecrationem anno dom inc. 969. ascribit, cum conventus ille post bellum Saracenorum Veronae ab Ottone II habitus, cuius ipse in eodem loco meminit, dom. inc. anno 983. acciderat.

леславъ къ этому времени въ самомъ дѣлѣ соединилъ подъ своею властью большую часть этихъ земель и стремился путемъ возобновленія архіепископства св. Меѳодія доставить своему государству наибольшее единство. Затѣмъ не опрометчивостью было и то, что императоръ далъ свое согласіе на осуществленіе этого плана, потому что для него былъ прямой разсчетъ имѣть надежную опору въ лицѣ могущественнаго чешскаго князя въ критическій моментъ, когда общее возстаніе грозило уничтожить все сдѣланное его отцомъ по отношенію къ славянскимъ племенамъ, когда война въ Италіи требовала напряженія всѣхъ силъ, а изъ Германіи со стороны князей не оказывалось надлежащей подержки. Не равнодушіемъ объясняется то, что нѣмецкое духовенство допустило миссіонерскую дѣятельность пражской церкви въ славянскихъ областяхъ, ибо во главѣ этой епархіи стоялъ человѣкъ, глубоко расположенный и преданный императору, воспитанный въ традиціяхъ латинской церкви, отъ котораго можно было ожидать, что онъ употребитъ всѣ свои силы и средства къ искорененію въ тѣхъ странахъ схизматическихъ ученій. Никакія серьезныя политическія опасенія не могли быть вызваны утвержденіемъ епархіи въ ея прежнемъ объемѣ, ибо епископскую каѳедру занималъ мужъ, который былъ не только въ родственныхъ отношеніяхъ съ императоромъ, но и происходилъ изъ могущественнаго, враждебнаго Премысловичамъ рода, а миссіонерскую дѣятельность по направленію къ востоку майнцскій архіепископъ долженъ былъ разсматривать, какъ возмѣщеніе за потерю, понесенную имъ отъ учрежденія магдебургской митрополіи.

Прямое подтвержденіе высказанному нами положенію находимъ мы въ сообщеніи Granum'a catalogi episcoporum olomucensium о соединеніи моравскаго епископства съ пражской епархіей во время св. Войтѣха, папы Бенедикта VII, императора Оттона II и князя Болеслава. Наше предположеніе не выходитъ изъ области возможнаго, если мы въ «primitiva illa parochia», о которой говоритъ пражская грамота, видимъ моравскую епархію въ томъ объемѣ, въ какомъ она находилась во времена св. Меѳодія.

А какое же послѣдствіе имѣло возстановленіе епархіи, основанной великимъ славянскимъ первосвятителемъ? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ намъ позднѣйшая приписка къ паннонскому житію св. Ки-

рилла: «Потомъ же многомъ лѣтомъ минувшимъ, пришедъ Войтѣхъ въ Мораву, и въ Чехы, и въ Ляхы, разруши вѣру правую и русскую грамоту отверже, а латинскую вѣру и грамоту постави, и правыя вѣры епискупы и попы изъсѣче»[1]), вслѣдствіе чего участь этой епархіи разъ навсегда была рѣшена.

Намъ остается еще вкратцѣ разсмотрѣть границы, отмѣченныя въ грамотѣ пражской епархіи, и разсмотрѣть настолько, насколько онѣ представляютъ интересъ при изслѣдованіи древнихъ славянскихъ памятниковъ: «Termini autem ejus occidentem versus hii sunt: Tugost, qui tendit ad medium fluminis Chub, Zedlica et Lucane et Dacane, Lutomerici, Lemuci usque ad mediam silvam qua Boemia limitatur. Deinde ad aquilonem hii sunt termini: Psovane, Chrovati et altera Chrovati, Zlasane, Trebowane, Boborane, Dedosane usque ad mediam silvam, qua Milcianorum occurrunt termini. Inde ad orientem hos fluvios habet terminos: Bug scilicet et Ztir cum Cracova civitate provinciaque, cui Wag nomen est, cum omnibus regionibus ad praedictam urbem pertinentibus, quae Cracova est. Inde Ungarorum limitibus additis usque ad montes, quibus nomen est Tritri, dilatata procedit. Deinde in ea parte, quae meridiem respicit, addita regione Moravia usque ad fluvium, cui nomen est Wag, et ad mediam silvam, cui nomen est Moure, et eiusdem montis, eadem parochia tendit, qua Bavaria limitatur»[2]).

Эти данныя грамоты относительно географическаго дѣленія страны по живущимъ въ ней племенамъ въ высшей степени цѣнны, особенно для Чехіи, и тѣмъ болѣе, что онѣ мѣстами подтверждаютъ, а мѣстами

---

1) По рукописи Библ. Моск. Дух. Акад.,—въ Чтеніяхъ въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс., 1863, II, стр. 32.—Ср. также выписку помѣщенную въ хронографѣ XV ст. при переводѣ соч. Добровскаго: Кириллъ и Меѳодій, стр. 118 и 119.

2) Относительно опредѣленія приведенныхъ границъ слѣдуетъ указать на нижеслѣдующія изслѣдованія: Dobner, Ad Ann. Hayec, IV, 217 sqq.; — Bandtke, Erläuterung d. Urk. K. H., IV., l. c.; — Kropf, Die älteste Eintheilung des Landes Böhmen, въ Jahrbücher des böhm Museums f. Natur- und Länderkunde, Gesch., Kunst u. Lit. 1831, S. 457 ff.; — Palacký, Dějiny, I, 1, стр. 247 сл. 252. прим. 245; — Šafařík, Slov. starožitnosti (2 vyd. 1863) II, 389 прим. 48, 395 сл., 461 сл., 618 сл.;— Lelewel, Narody, стр. 664 сл.; — Koepke, въ M. G. SS. IX, p. 92, adnn. 67 — 86;— Dudík, Herzogthum Troppau, Beilage II, S. 232 ff., — и Mähr. allg. G., II, 313 ff.; — Tomek, O starém rozd. Čech na župy, въ Časopis 1858, str. 492 násl. 1859, str. 167 násl.,—Apologie, l. c. S. 16 ff.; — Jireček, Slov. právo I, 51 násl.,—Das Recht in Böhm. u. Mähren I, 1, S. 19 ff.;—Wocel, Pravěk země české II, 272 násl.

дополняютъ сообщенія Козьмы. Только отсюда мы узнаемъ о существованіи сѣверныхъ чешскихъ племенъ, независимо жившихъ тамъ, какъ надо полагать, еще въ половинѣ IX вѣка.

Tugast, Tugošč, Tugošt', Tugst, Taugst, Taust, Taus или Domažlicé. Домажлицкая жупа была расположена преимущественно по долинѣ р. Радбузы и захватывала собою Чешскій лѣсъ до средняго теченія р. Кубы (Chub, Kouba, Kamb), впадающей въ Резну и своимъ верхнимъ и среднимъ теченіемъ принадлежащей нынѣ къ Баваріи. Слѣды стариннаго названія Tugast и по настоящее время видны въ нѣмецкомъ Taus. Отъ Домажлицъ черезъ лѣсъ въ Баварію вела изстари извѣстная дорога; она проходила черезъ мѣстечки Осу (Eschelkam) и Бродъ (Furth) и затѣмъ шла по р. Кубѣ въ Хамъ; здѣсь стояла пограничная стража для предупрежденія набѣговъ со стороны нѣмцевъ[1]).

Zedlica, Zedlicane, Sedličané[2]). Седличане занимали нынѣшнія локетскую и пльзенскую жупы; западныя ихъ области въ верховьяхъ р. Огры граничили съ хебскимъ округомъ (Egerland), находившимся подъ нѣмецкою властью, а сѣверныя — доходили до истоковъ р. Эльстры. Имя седличанъ встрѣчается въ нѣсколькихъ грамотахъ, а въ названіи Sedlce (Zettlitz) близъ Карловыхъ Варъ и понынѣ замѣчается сходство съ ихъ жупнымъ городомъ.

Liusena, Lusane, Luczane, Lučané. Лучанъ Козьма прямо называетъ самостоятельнымъ племенемъ (natio), особенности котораго выражались въ безпримѣрной заносчивости, сохранившейся даже до

---

1) Sedláček, Zlomky z popsánycetsy do Rezna въ Časopis I (1827) str. 91 násl.; — Jireček, O star. cestách въ Časopis 1856, II, 118, — Stezky въ Časopis 1856, III, 91 и 97;—Tomek, O star. rozd. Čech, 1859, str. 167 násl. 172;—Černin, Tugost, въ Pam. archaeol. a mist. VI, str. 56 násl.; — Wocel II, 296; — Palacký I, 2, str. 417 násl.

2) Во всѣхъ почти спискахъ хроники Козьмы сказано: Zelza Zedlica. Добнеръ IV, 218, считаетъ Zelza границами жичанскаго епископства, Кропфъ стр. 465, — пльзенскою жупою. Палацкій, I, 2, стр. 393, принимая варіантъ дрезденскаго и вѣнскаго списковъ Zeyza, измѣняетъ его въ Mysa и, подобно ему, Томекъ, O st. rozd. Čech 1859, str. 181, и Apologie S. 17, видитъ въ немъ названіе жупы на р. Мсѣ. Но еще Пельцель и Добровскій, Script. rer. Boh. I. p. 169. adn., говорятъ: Videntur haec duo nomina Zelza et Zedlica unius vocis lectiones variantes esse, — и доказательствомъ вѣрности высказаннаго ими мнѣнія служатъ какъ окрытые впослѣдствіи лейпцигскій и стокгольмскій списки и изданная Штумпфомъ копія грамоты, въ которыхъ встрѣчается только Zedlica, такъ и бревновскій списокъ, гдѣ у названія Zelza на полѣ отмѣчено: «alias Zedlica».

него [1]). Область этого племени занимала сѣверо-западную часть Чехіи, расположенную на югъ отъ Крушныхъ горъ, по обѣимъ сторонамъ р. Огры и по верховьямъ р. Мсы, и во времена Козьмы раздѣлялась на 5 жупъ; послѣднія онъ описываетъ такимъ образомъ: «Prima regio est sita circa rivum nomine Gutna. Secunda ex utraque parte est fluvii Uzka. Tercia extenditur per circuitum torrentis Brocnica. Quarta, quae et silvana dicitur, sita est infra terminos fluminis Msa. Quinta, quae in medio est, dicitur Luka: pulcherrima visu et utillima usu ac uberrima satis, nec non habundantissima pratis, unde et nomen ipsa regio traxit, quia luca latine pratum dicitur. Et quoniam haec regio,—далѣе объясняетъ Козьма,—longe antequam Satec urbs condita foret, est inhabitata hominibus, recte ejus incolae sunt a regione Luczane nuncupati» [2]). Лучане, могущественное и воинственное племя, во время предпріимчиваго князя своего Властислава, стремившагося къ единовластію въ Чехіи, были покорены чехами и лишились самостоятельности [3]); во время Козьмы область ихъ уже называлась Жатцомъ (Žatecko) [4]).

Dasena, Dacane, Daciane, Děčané. Племя дѣчанъ было расположено на правомъ берегу Лабы, по обѣ стороны рр. Плучницы и Каменицы, впадающихъ въ Лабу. Въ наименованіи города Дѣчина на Лабѣ до сего времени видно сходство съ названіемъ этого племени.

Lutomerici, Liutomerici, Litoměřici. Лютомеричи, обитавшіе по обѣимъ сторонамъ Лабы, на югъ отъ дѣчанъ и на сѣверъ отъ пшованъ, на западѣ граничили съ горами Медвѣзомъ и Припекомъ и съ бѣлинскою жупою. Во время ожесточенной войны лучанъ съ чехами они стояли, по словамъ Козьмы, въ числѣ другихъ племенъ на сторонѣ чеховъ [5]). Жупный городъ ихъ Лютомерицы и понынѣ сохранилъ свое названіе.

---

1) Козьма такъ отзывается о князѣ ихъ Властиславѣ: dux Lucensis, ferocissimus mente, cum superbissima gente, quibus et hodie a malo innatum est superbire.—I, 12.

2) I, 10. Относительно болѣе точнаго опредѣленія границъ отдѣльныхъ жупъ см. Knopf, S. 462 ff. и Tomek, O st. rozd. Čech. 1858, str. 492 násl.

3) I, 10—13.

4) Luczanl, qui nunc a modernis ab urbe Satec vocitantur Satcenses.—I, 10.

5) Condidit (sc. Wlaztizlaw) urbem, quam appellavit nomine suo Wlaztizlaw, inter duos montes Meduez et Pripek, scilicet in confinio duarum provinciarum Belina et Lutomerici, et posuit in ea viros inquos, ob insidias utriusque populi, quia hii adiuvabant partes Boemorum.—I, 10.

Lemuzi, Lemuczi, Lémuci usque ad mediam silvam, qua Boemia limitatur. Добнеръ относитъ лемучей къ окрестностямъ Житавы,— Кропфъ, Шафарикъ и Дудикъ указываютъ на названіе замка Lemus, находившагося въ горахъ, на сѣверѣ болеславской жупы, а Иречекъ и Зубекъ[1]) указываютъ на область рѣки Плучницы, на востокъ отъ племени дѣчанъ. Наибольшаго же вниманія заслуживаютъ доказательства Томка[2]), который отождествляетъ лемучей съ обитателями бѣлинской жупы; названіе же жупы, всюду встрѣчающееся въ позднѣйшее время вмѣсто названія племени, по его мнѣнію, взято отъ жупнаго города Бѣлины, расположеннаго на берегу рѣки того же названія, отъ которой и получилъ свое. Даже Козьмѣ извѣстна не только provincia Belina, но и populus, qui adjuvabat partes Boemorum въ войнѣ ихъ съ лучанами. Изъ бѣлинской жупы, слѣдовательно изъ племени лемучей, происходилъ Премыслъ, родоначальникъ чешскаго княжескаго рода, прямымъ послѣдствіемъ чего было, какъ надо полагать, то, что племя лемучей рано слилось съ чешскимъ, почему и названіе его племени исчезло. Въ бѣлинской жупѣ находился и въ старину извѣстный Хлумецъ, отъ котораго шла дорога черезъ media silva въ Сербію[3]).

Psovane, Pšované. Область пшованъ, по мнѣнію Томка, начиналась отъ Лабы у Стараго Болеславля и Мельника и доходила до сѣверныхъ границъ Чехіи. Козьма называетъ отца св. Людмилы (жены князя Боривоя) «comes de castello Psov»[4]), а Далимилъ говоритъ: Ta (sw. Ludmila) jest' byla žena Bořivojova—a hraběnka ze Pšova.— Jemuž tehdy Pšov diechu,—témuž potom Mělník vzděchu;—neb před Mělníkem hrad bieše — ten sobě Pšov jmě jmějieše; — a pod městem potóček teče, — ten sobě Pšova (по другимъ спискамъ jmě Pšovka) řěče»[5]). Наименованіе это сохранилось въ названіи ручья Пшовки (Шобки) у города Мельника[6]).

---

1) Zoubek, Lipé въ Pam. arch. a míst., VI (1864) str. 1.

2) O st. rozd. Čech 1859, str. 181 násl., — Apologie S. 21.

3) Via, qua itur per Zribiam, et est exitus de silva in istam terram per castrum Hlumec. Cosmas, II, 9.—sub ipso introitu silvae iuxta oppidum Hlumec. III, 20.

4) filia Zlaviboris, comitis de castello Psov, nomine Ludmila. I, 15.

5) Dalimil, c. XXV въ F. r. B. III, 52.

6) Даже полнѣйшіе изслѣдователи, какъ напр. Heyne, Documentirte Geschichte des Bisth. u. Hochst. Breslau I (1860). S. 46, который ссылается на Wolff, Krit. Sich-

Chrovati et altera (sc. provincia) Chrovati. Хорваты находились на юговостокъ отъ пшованъ у Крконошъ и раздѣлялись на двѣ жупы. О нихъ упоминается также и въ старославянскомъ житіи св. Вячеслава, въ которомъ говориться, что Драгомира, по убіеніи Вячеслава братомъ въ Старомъ Болеславлѣ, бѣжала въ Хорватію: «Убоявши же ся мати его смерти, и бѣжа въ Кроваты»[1]).

Мы переходимъ теперь къ Силезіи, для территоріи которой грамота приводитъ имена слѣдующихъ племенъ:

Zlasane, Slasane, Slezané. У баварскаго географа мы встрѣчаемъ Sleenzane съ XV civitates[2]). По Титмару, городъ Нѣмчъ[3]) находился въ pagus Silensis, получившемъ названіе отъ высокой горы, которая въ языческія времена мѣстными жителями страны глубоко чтилась[4]). Шоботь (Zobtenberg), о которой, повидимому, онъ говоритъ, въ срединѣ XIV вѣка называлась горою Слензою или Силезскою[5]) и еще въ XV вѣкѣ имѣла то же названіе. Равнымъ образомъ рѣчка Lohe, вытекающая изъ окрестностей Нѣмча и впадающая ниже Вратиславля въ Одру, въ началѣ XIII вѣка называлась Слензою. Такимъ образомъ слезане или силезцы были обитателями рѣчки Слензы и занимали небольшую полосу въ срединѣ нынѣшней Силезіи, а именно: страну около Шоботы—отъ горъ до Одры у Вратиславля, подтвержденіемъ чего служитъ и грамота 1203 г. Названіе ихъ приводятъ также въ связь съ именемъ силинговъ, обитавшихъ въ этой странѣ еще раньше славянъ[6]).

---

tung d. Stadt u. d. Herzogth. Sagan (Grünberg 1854), отзываются такимъ образомъ относительно названія Psovane: «Es werden ausser Böhmen die Länder im Norden, eigentlich von Ost nach Südost, angeführt (т. е. въ грамотѣ 1086 г.), und unter diesen zunächst Psouane, welches bisher kein Erklärer anzugeben wusste, aber ohne Zweifel das von dem alten Orte Pschow ($1^1/_5$ M. von Rybnik), der im J. 1531 noch Psow hiess, von der Neisse und Klodnitz südlich bis zu den Karpathen sich erstreckende Südschlesien ist».

1) F. r. B., I, 133.

2) Šafařík, II, 711, прил. XIX.

3) О городѣ Нѣмчѣ говорится также у Козьмы и его продолжателей.

4) Urbs Nemzi, eo quod a nostris olim sit condita, dicta..... Posita est autem haec in pago Silensi, vocabulo hoc a quodam monte nimis excelso et grandi olim sibi indito; et hic ob qualitatem suam et quantitatem, cum execranda gentilitas ibi veneraretur, ab incolis omnibus nimis honorabatur.—VII, 44, l. c., p. 855. Также и въ другомъ мѣстѣ его хроники упоминается o Cilensi et Diedesi.—VI, 38, l. c., p. 822.

5) Mons Zlenz, mons Silentii.

6) О слезанахъ или силезцахъ см.: Zeuss, Die Deutschen u. d. Nachbarstämme, S

Труднѣе выяснить болѣе точное положеніе остальныхъ трехъ племенъ: Trebowane, Boborane и Dedosane, которыя для большаго удобства, разсмотримъ въ обратномъ порядкѣ.

Dedosesi, Dedosese (Dědoši), Dedosane, Dědošané — usque ad mediam silvam, qua Milcianorum occurrunt termini. Такимъ же образомъ границы этого племени опредѣляются и Титмаромъ, а именно въ видѣ слѣдующихъ сообщеній. Въ 1000 году Оттонъ III идетъ въ Гнѣзно чрезъ Жичу и Мишню; decursis tunc Milcini terminis, huic ad Diedesi pagum primo venienti Bolizlavus . . . . . parato in loco, qui Ilua [1]) dicitur, ... occurrit [2]). Далѣе въ 1011 г. маркграфы Геро и Германъ вмѣстѣ съ чешскимъ княземъ Яроміромъ изъ Нижнихъ Лужицъ нападаютъ на польскія области, опустошаютъ Cilensi et Diedesi, проходя при этомъ черезъ Глоговъ [3]). Наконецъ, Генрихъ II переходитъ въ 1015 г. чрезъ р. Одру и по опустошеніи страны и завоеваніи большаго города Businc, возвращается ad pagum, qui Diadesisi dicitur [4]). Слѣдовательно, дѣдошане граничили на западѣ съ р. Бобромъ и лѣсомъ, отдѣлявшимъ ихъ отъ мильчанъ, причемъ крайнимъ предѣломъ ихъ области былъ городъ Ильва. На сѣверъ и на востокъ демаркаціонной линіей служили рр. Боберъ и Одра; на югъ, наконецъ, жупа ихъ, судя по извѣстіямъ Титмара, доходила до области слезанъ, такъ какъ онъ называетъ обѣ жупы,—одну вслѣдъ за другою. Основываясь на томъ, что Глоговъ принадлежалъ еще къ области дѣдошанъ, рѣку Кацбахъ можно считать границею между обоими племенами [5]). У баварскаго географа мы находимъ Duadosesani съ XX civitates [6]).

Boborane, Bobrané. Бобране, какъ указываетъ ихъ имя, жили

663;—Leutsch, Markgraf Gero, S. 202;—Šafařík, II, str. 422 násl.;—Stenzel, Gesch. Schlesiens, I (1853) S. 14;—Dudík, Herzogth. Troppau, S. 234.

1) Нынѣ Halbau или Eilau на Бобрѣ.

2) IV, 28, l. c., p. 780.

3) VI, 38, l. c., p. 822. Относительно Глогова см. также VII, 44, l. c. p. 855.—Укажемъ при этомъ на подобное опустошеніе этой страны чешскимъ княземъ Брячиславомъ II: Poloniam.... ita crebris incursionibus demolitus est, ut ex ista parte fluminis Odrae a castro Recen, usque ad urbem Glogov praeter solum Nemci oppidum, nullus habitaret hominum. Cosmas, III, 1.

4) VII, 13, l. c., p. 842.

5) Leutsch, S. 202.

6) l. c.

по верховьямъ Бобра, такъ какъ по среднему и нижнему теченію этой рѣки жили дѣдошане. Имя бобранъ встрѣчается только въ разсматриваемой нами грамотѣ.

Trebowane, Třebované. Относительно этого племени трудно сказать что либо опредѣленное, такъ какъ о немъ нигдѣ не упоминается. Бандтке [1]) относитъ какъ ихъ, такъ и слезанъ (Zlasane) на сѣверъ Чехіи, гдѣ, по его мнѣнію, они получили названіе свое отъ какого либо ручья, источника или мѣстечка. Лейчъ относитъ требовлянъ въ Верхнюю Силезію, въ область Опавы (Troppau), по мнѣнію же Гейне [2]), они заселили правый берегъ Одры вплоть до верховьевъ Варты, а по Иречку [3]) и другимъ они жили между слезанами и бобранами. По мнѣнію Добнера, они занимали окрестности Дренова или Древнова, стариннаго названія Горелицъ (Görlitz), что видно изъ сообщенія продолжателей Козьмы [4]); на этотъ же городъ указываютъ Нарушевичъ [5]) и Лелевель [6]), называя его Требовымъ. Наконецъ, Кропфъ [7]) и Шафарикъ [8]) считаютъ это племя за принадлежащее къ сербскимъ, указывая въ Нижнихъ Лужицахъ на городъ Trebula, по нѣмецки Triebel [9]) (въ грамотѣ 1301 г. Trebule), первоначальнымъ названіемъ котораго, вѣроятно, было Требовъ или Требовль.

Мы не можемъ согласиться съ послѣднимъ мнѣніемъ, такъ какъ въ грамотѣ 1086 г. требовляне поименованы непосредственно за слезанами, затѣмъ идутъ бобране и послѣдними дѣдошане, границами которыхъ былъ лѣсъ, отдѣлявшій ихъ отъ племени мильчанъ. Изъ этого, несомнѣнно, слѣдуетъ, что дѣдошане приходились самыми сѣверными изъ названныхъ племенъ, такъ что съ одной стороны Боберъ состав-

---

1) Urkunde K. H. IV, l. c. 398.
2) l. c., p. 46.
3) Slov.právo, I, str. 37.
4) Canon. Wisegrad. ad a. 1131, F. r. B. I, 212 sq.: Dux Sobieslaus.... castrum aedificavit in partibus Milesko iuxta flumen Niza, appelavitque nomine Yzhorelik, quod antea Drenow vocabatur.
5) Hist. nar. polsk. 3-е изд., IV, 41.
6) Tygodnik Wileński, 1816, II, 384.
7) l. c., p. 460.
8) II, 618.
9) Не совсѣмъ понятно объясненіе Дудика, H. Tr. 234: Trebowané zwischen den Bewohnern des Flusses Slenza und der Bober, in der Unter-Lausitz, in der Nähe der alten Stadt Trebule, deutsch Triebel.

лялъ крайніе предѣлы пражской епархіи, а съ другой стороны къ ней принадлежали только польскія племена Силезіи, но отнюдь не сербскія племена Верхнихъ и Нижнихъ Лужицъ. Въ виду этого мы полагаемъ, что намъ слѣдуетъ держаться буквальнаго смысла единственнаго источника, въ которомъ говорится о требовлянахъ, и вслѣдствіе этого отнести ихъ мѣстожительство въ область между слезанами съ одной стороны, а бобранами и дѣдошанами — съ другой. У Титмара мы не встрѣчаемъ ни племени требовлянъ, ни бобранъ, въ виду чего предполагаемъ, что эти названія болѣе не были въ употребленіи; названіе жупы дѣдошанъ, которая въ его время къ югу доходила до жупы слезанъ, первоначально относилось только къ сѣверной части, и только въ X вѣкѣ простиралось также и на сосѣднія области бобранъ и требовлянъ. Подобное явленіе представляетъ намъ напр. названіе жупы лужичанъ. Поэтому на названія двухъ помянутыхъ племенъ, по нашему мнѣнію, нужно смотрѣть какъ на слѣды глубокой древности самой грамоты, въ которой они приводятся.

Milciani, Milčané. Мильчане, какъ извѣстно, составляли большое племя, обитавшее въ нынѣшнихъ Верхнихъ Лужицахъ, слѣдовательно занимали область между Нижними Лужицами, Квисою, Крушными горами и Мишнею до Черной Эльстры. По свидѣтельству баварскаго географа они имѣли XXX civitates[1]).

Fluvii Bug et Ztir, cum Cracova civitate (cum omnibus regionibus ad praedictam urbem pertinentibus) provinciaque, cui Wag nomen est. Объясненіе этихъ границъ для изслѣдователей представляло большія затрудненія, причина которыхъ главнымъ образомъ заключалась въ отождествленіи епархіальныхъ границъ пражской епархіи съ таковыми же чешскаго государства. По нашему мнѣнію, въ подраздѣленіи границъ нужно отмѣтить два явленія: болѣе широкій взглядъ на предѣлы епархіи и болѣе узкій. Въ первомъ случаѣ рѣки Бугъ и Стырь составляютъ предѣлы епархіи in partibus infidelium и представляютъ собою возобновленныя границы моравской епархіи св. Меѳодія; ибо для миссіонерской дѣятельности славянскаго первосвятителя не было предначертано строго опредѣленныхъ границъ, но, такъ сказать, послѣднія были только намѣчены верховьями рр. Буга и Стыря.

1) l. c.

Область, простирающуюся отъ сѣверныхъ Татровъ до названныхъ рѣкъ и идущую до города Олеска[1]), изъ окрестностей котораго вытекаютъ эти рѣки, занимала Красная или Червонная Русь, покоренная, какъ нами выше было сказано, въ 981 г. Владиміромъ; ему были подвластны города Перемышлъ (на р. Санѣ), Бельзъ, Владиміръ Волынскій и Червенъ[2]) (послѣдніе въ области верхняго Буга), такъ что рр. Санъ, Вислокъ и Татры служили его княжеству западными границами[3]). Поэтому понятно, что Червонная Русь, простирающаяся до истоковъ Буга и Стыря, не могла и быть составною частью чешскаго государства; эти рѣки, составляя фиктивныя рамки миссіонерской дѣятельности св. Мееодія на востокѣ, при возобновленіи въ 983 г. его славянской епархіи были отнесены и къ пражскому епископству. Палацкій[4]), Дудикъ[5]), Лелевель[6]) и другіе изслѣдователи, считая восточныя границы пражской епархіи въ тоже время и политическими чешскаго государства, измѣняютъ Ztyr въ Ztryi; однако, мы должны признать соображенія ихъ не только неосновательными, но и совершенно безполезными, такъ какъ фактъ противорѣчія русскихъ границъ чешскимъ этимъ не устраняется.

Во второмъ случаѣ, границы епархіи захватываютъ краковскую и вагскую области, и представляется весьма вѣроятнымъ, что эти области не служили болѣе для указанія открытыхъ на востокѣ границъ прежней моравской митрополіи, но составляли настоящія границы пражской епархіи на востокѣ, въ дѣйствительности входя въ составъ оной. Если поэтому краковская область въ это время была подчинена чешской власти, то эти восточныя границы пражской епархіи составляли вмѣстѣ съ тѣмъ и политическіе предѣлы чешскаго государства.

Исторія названныхъ областей, лежащихъ на сѣверъ отъ Татровъ,

---

1) См. Bielowski, Mon. Pol., I, p. 147. adn. 9.

2) Карамзинъ, Ист. Госуд. Росс., I, 203 и прим. 431 на стр. 167, отождествляетъ г. Червенъ съ нынѣшнимъ селеніемъ Чернеевымъ, близъ Хелма (Холма), на югъ. Ср. Roepell, I, 651.

3) Зубрицкаго: Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червоной или Галицкой Руси. М. 1845, стр. 16.—Roepell, I, 651 f.

4) Dějiný, I, 1 стр. 253, прим. 245.

5) Herzogth. Troppau 234 f.—Mähr. Gesch., I, 315 f.

6) Polska wieków średn., II, 148 и пр.

по верховьямъ Вислы, извѣстныхъ подъ названіемъ Малой Польши, въ IX и X вв. вообще крайне темна и, можно сказать, забыта. Вотъ что сохранилось о нихъ въ современныхъ источникахъ. Изъ сообщенія короля Альфреда узнаемъ: «На востокъ земли моравань находится Visleland.... На сѣверовостокъ отъ моравань живутъ далеминцы (Dalamensan), и на востокъ отъ далеминцевъ **хорваты** (Horithi), и на сѣверъ отъ далеминцевъ сербы (Surpe), и оттуда на западъ—Syssele. На сѣверъ отъ **хорватовъ** (Horiti) лежитъ Mägdaland, и на сѣверъ отъ Mägdaland находится земля сарматовъ (Sermende)»[1]). Баварскій географъ сообщаетъ: «Ungare. Vuislane. Sleenzane, civitates XV. Lunsizi, civitates XXX. Dadosesani, civitates XX. Milzane, civitates XXX etc.»[2]). У Константина Багрянороднаго земля на сѣверъ отъ Татровъ называется Бѣлой Хорватіей[3]), и въ русской лѣтописи встрѣчается также названіе какъ бѣлыхъ хорватовъ[4]), такъ и хорватовъ, въ сосѣдствѣ съ волынянами, дулѣбами, уличами и тиверцами[5]), жившими на Бугу

1) У Шафарика, II, 709 сл.

2) ibid., 712.

3) c. 13. Οἱ δὲ Χρωβάτοι πρὸς τὰ ὄρη τοῖς Τούρκοις παράκειναι....... c. 30. Οἱ Χρωβάτοι κατῴκουν τηνικαῦτα ἐκεῖθεν Βαγιβαρείας. ἔνθα εἰσὶν ἀρτίως οἱ Βελοχρωβάτοι... οἱ δὲ λοιποὶ Χρωβάτοι ἔμειναν πρὸς Φραγγίαν καὶ λέγονται ἀρτίως Βελοχρωβάτοι ἤγουν ἄσπροι Χρωβάτοι.—c. 31. Οἵ τινες (οἱ ἀβάπτιστοι Χρωβάτοι καὶ οἱ ἄσπροι ἐπονομαζόμενοι) Τουρκίας μὲν ἐκεῖθεν, Φραγγίας δὲ πλησίον κατοικοῦσι καὶ συνοροῦσι Σκλάβοις τοῖς ἀβαπτίστοις Σέρβλοις.... Ὅτι ἡ μεγάλη Χρωβατία καὶ ἡ ἄσπρη ἐπονομαζομένη ἀβάπτιστος τυγχάνει μέχρι τῆς σήμερον, καθὼς καὶ οἱ πλησιάζοντες αὐτὴν Σέρβλοι.... Ἀπὸ γὰρ τῶν ἐκεῖσε μέχρι τῆς θαλάσσης ὁδός ἐστιν ἡμερῶν λ′. ἡ δὲ θάλασσα εἰς ἣν διὰ τῶν ἡμερῶν λ′ κατέρχονται ἐστὶν ἡ λεγομένη Σκοτεινή.—c. 32. Ἰστέον ὅτι οἱ Σέρβλοι ἀπὸ τῶν ἀβαπτίστων Σέρβλων τῶν καὶ ἄσπρων ἐπονομαζομένων καταγονται τῶν τῆς Τουρκίας ἐκεῖθεν κατοικούντων εἰς τὸν παρ᾽ αὐτοῖς Βόϊκι τόπον ἐπονομαζόμενον, ἐν οἷς πλησιάζει καὶ ἡ Φραγγία, ὁμοίως καὶ ἡ μεγάλη Χρωβατία ἡ ἀβάπτιστος, ἡ καὶ ἄσπρη προσαγορευομένη.

4) По мнозѣхъ же времѣнехъ сѣли суть Словѣни по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска. И отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ; яко пришедше, сѣдоша на рѣцѣ, имянемъ Морава, и прозвашася Морава; а друзіи Чеси нарекошася; а се ти же Словѣни: **Хорвате Бѣлии**, и Серебь, и Хорутане и пр. у Лейбовича: «Свод. Лѣт.», стр. 3.

5) И живяху въ мирѣ Поляне, и Древляне, и Сѣверъ, и Бужане, и Радимичи, Вятичи и **Хорвате**, Дулѣби живяху по Бугу, где нынѣ Велыняне, а Лутичи и Тивецы сѣдяху по Днѣстру (и по Бугу). Тамъ же, стр. 9 сл.—Въ лѣто 6415 (907). Иде Олегъ на Грекы, а Игоря остави въ Киевѣ; поя же множество Варягъ и Словенъ, и Чюдь, и Кривичи, и Мерю, и Древляны, и Радимичи, и Поляны, и Сѣверы, и Вятичи, и Хорваты, и Дулѣбы, и Тиверцы, яже суть толковины. Тамъ же, стр. 26.—Въ лѣто 6501 (993) Иде Володимиръ на **Хорваты**. Пришедшю же ему съ войны Хорватьскыя, и се Печенѣзи придоша по оной сторонѣ отъ Сулы. Тамъ же, стр. 96.

и по верховьямъ Днѣстра. Такимъ образомъ, приведенные источники свидѣтельствуютъ о томъ, что въ странѣ, находящейся на сѣверъ отъ Татровъ, преимущественно въ IX в., жили висляне и бѣлые хорваты, но сказать о нихъ что либо болѣе опредѣленное, за неимѣніемъ другихъ источниковъ, почти невозможно[1]).

Ungarorum limitibus additis usque ad montes, quibus nomen est Tritri. Горнымъ хребтомъ Татровъ, по нашему мнѣнію, означаются на востокѣ тѣ же границы, какъ и «provincia, cui Wag nomen est», расположенной по верховьямъ р. Вага. Поэтому мы полагаемъ, что восточными открытыми границами моравской епархіи были указаны только естественныя: fluvii Bug et Ztir и montes Tritri; — для Пражской же епархіи, соотвѣтственно дѣйствительному распространенію чешскаго государства, онѣ были означены еще ближе областями краковскою и вагскою и землею угровъ (Ungarorum limitibus additis).

Addita regione Moravia usque ad fluvium, cui nomen est Wag, et ad mediam silvam, cui nomen est Moure, et eiusdem montis,........ qua Bavaria limitatur. Границею между Моравіею и Угріею, какъ видно изъ вышеприведеннаго, служила р. Вагъ. Наиболѣе разногласія встрѣчаемъ мы относительно «silva Moure», отдѣлявшей Моравію отъ Баваріи. Пубичка[2]), имѣя въ виду варіантъ «Mure», принимаетъ ее за р. Муръ въ Штиріи; Добнеръ[3]) и Иречекъ[4]) за Mouriberg, нынѣ Mailberg въ Австріи; Палацкій[5]), а за нимъ Шафарикъ[6]), Лозертъ[7]) и др. за горный хребетъ Матру; Майлатъ[8]), Бочекъ и Дудикъ[9]) за Модру (по угорски Modor и по нѣмецки Modern). Однако, представляется совершенно невозможнымъ, чтобъ лѣсомъ «Moure» означался хребетъ Матра, такъ какъ въ грамотѣ его прямо называютъ баварскою границею, южною же границею Моравіи (противъ Угріи) въ ней означается р. Вагъ. Наиболѣе подробно касается этихъ южныхъ гра-

1) См. объ этомъ въ особенности Šafařík., II, 111 násl, 407 násl., 421.
2) Chronol. Gesch. Böhmens, IV, 19.
3) l. c.
4) Slov. pr., I, 21 násl.—Das Recht in B. u. M., I, 1. S. 9 f.
5) l. c.
6) II, 507.
7) стр. 25.
8) Wiener Jahrb. 79. S. 279.
9) Herzogth. Troppau, 235; ср. Mähr. Gesch., I, 270. II, 42.

ницъ Бочекъ и по его примѣру Дудикъ, опредѣляя ихъ такимъ образомъ: отъ р. Вагъ граница идетъ до отроговъ Карпатскихъ горъ у Модры, оттуда до Дуная противъ Лысыхъ горъ, затѣмъ тянется по Дунаю до Тульна, и потомъ вверхъ по р. Кампу до средняго теченія этой рѣки, гдѣ сходятся границы Моравіи, Чехіи и Австріи. При всемъ этомъ, однакоже, мы не можемъ отказаться отъ предположенія, что въ данномъ случаѣ silva Moure надо разсматривать какъ Mouriberg, о которомъ не только упоминается въ нѣкоторыхъ грамотахъ XI—XIII вв., но еще въ одной грамотѣ императора Генриха III отъ 1055 г., гдѣ онъ прямо называется «Mouriberg silva») [1]).

Съ принятіемъ выше означенныхъ границъ, должно, по нашему мнѣнію, разсѣяться послѣднее сомнѣніе относительно подлинности грамоты. Чешское господство не простиралось надъ областью ни Верхнихъ, ни Нижнихъ Лужицъ, но Крушныя горы и р. Боберъ составляли сѣверную границу его. Русскіе города не присоединены ошибочно къ восточной части чешскаго государства, ибо въ данномъ случаѣ только краковская область названа принадлежащею къ пражской епархіи. Рѣки же Бугъ и Стырь, подобно тому какъ нѣкогда въ моравской архіепископіи, составляли открытыя границы не государства, но епископства. Равнымъ образомъ и не относительно Угріи встрѣчается въ грамотѣ противорѣчіе, потому что границами ея служатъ не горные хребты Матры, но Татры вмѣстѣ съ Вагомъ.

Въ надеждѣ, что дальнѣйшія изслѣдованія подтвердятъ вѣрность нашего положенія, мы заканчиваемъ разсмотрѣніе грамоты 1086 года.

---

1) inter Movriberg silvam, et fluvium, qui dicitur Bulka. Erben, Reg. Boh., I, n. 120, p. 50.

С.-Петербургъ. Мартъ 1883.

ДАННИЧЕСКАЯ И ЛЕННАЯ ЗАВИСИМОСТЬ ВОСТОЧНЫХЪ ОКРАИНЪ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРІИ ВЪ X и XI в.

Василія Кракау.

Въ продолженіе среднихъ вѣковъ германскіе императоры постоянно съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ стремятся поставить отъ себя въ зависимость сосѣднія славянскія и угорскія страны. Но въ какую зависимость? Для рѣшенія этого вопроса относительно X и XI в. документальныхъ источниковъ—договорныхъ грамотъ у насъ нѣтъ. Свѣдѣнія объ исторіи западно-славянскихъ и угорскихъ странъ за это время мы почерпаемъ изъ лѣтописей — современныхъ германскихъ и позднѣйшихъ (начала XII в.) чешскихъ и польскихъ (угорскихъ ранѣе XIII в. нѣтъ).—Но лѣтопись есть памятникъ литературный; на фактахъ, сообщаемыхъ въ ней, отражаются взгляды самого лѣтописца и его современниковъ. Поэтому изъ германскихъ лѣтописей мы узнаемъ не зависимость нашихъ странъ отъ имперіи, а какъ понимали ее современники нѣмцы;— а какъ она представлялась славянамъ и уграмъ и какъ слагались въ дѣйствительности отношенія, мы можемъ опредѣлить лишь отчасти.— Особенно трудно выяснить взгляды современныхъ славянъ; только относительно Чехіи это облегчается вслѣдствіе того, что къ концу XI в. устанавливается опредѣленная зависимость отъ имперіи, которую туземный лѣтописецъ знаетъ. Угрія-же и Польша, зависимыя въ началѣ столѣтія, къ концу стали фактически независимы. Въ нашемъ очеркѣ мы постараемся выяснить стремленія и взгляды современныхъ германцевъ на нашъ вопросъ,

уже потому важные, что активной силой была Германія, которая опредѣляла зависимость, навязывала обязанности; славяне же и угры только защищались.

Христіанѣйшій, славнѣйшій императоръ римскій считался (въ X и XI в.) намѣстникомъ Христа (Vicarius Christi: Wipo Vita Chuonradi 3; Thietmar VI, 8—Pertz, MG. SS.). Защитникъ католической церкви, долженствовавшій заботиться объ ея распространеніи и преуспѣяніи (Litter. Brun. ad Hm. II), онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ главой и властителемъ всего христіанскаго міра (Wipo 40; Litt. Br. ad Hm. II; Wipo tetralog Vita Hi IV imp.), которому въ теоріи подчинялись не одна Германія и Италія, но всѣ католич. страны, всѣ короли и князья (Wipo, tetr.; A. Quedl. 318).

Но въ тоже время императоръ былъ королемъ Германіи (rex teutonicus, — Jaffé Reg. pontific № 3645, или noster rex, — A. Alt. и т. д.) — опредѣленной области, имѣвшей свои національныя отличительныя особенности и свои частные интересы.

Космополитъ императоръ и германскій король сливаются въ одномъ лицѣ. Это двойственное значеніе главы государства опредѣляетъ весь ходъ средневѣковой германской исторіи, вліяетъ на ея внутреннее развитіе и на отношенія къ Италіи, славянамъ Угріи, и другимъ сосѣднимъ странамъ, являющіяся какъ слѣдствіе стремленія императоровъ превратить свое теоретическое всемірное главенство въ дѣйствительность. Сосѣднимъ иноплеменнымъ властителямъ приходилось, признавая верховную власть всеобщаго императора, вступать въ зависимость отъ германскаго короля.

На востокѣ отъ Германіи лежало нѣсколько областей — большею частью—съ не германскимъ, варварскимъ населеніемъ, въ IX—X в. даже XI в. не вполнѣ еще обращенныхъ въ христіанство и не успѣвшихъ образовать крѣпкія государственныя цѣлыя.

Это населеніе было враждебно Германіи, постоянно тревожило ее набѣгами. — Императору предстояло защитить свою страну, подчинить эти племена своей власти и, обративъ ихъ въ христіанство, слить съ католическимъ міромъ.—Задача была велика, выполнить ее было не легко. Уже Карлъ Великій, подчинивъ саксовъ, принялся за ея выполненіе; при его преемникахъ достигнутое имъ было потеряно, но общая идея и намѣченные пути къ ея выполненію остались. Новое

движеніе на варварскія земли славянъ, датчанъ (и угровъ) начинается со вступленія на королевскій престолъ Генриха, сакс. герцога, въ началѣ X в.—и языческія варварскія племена одно за другимъ признаютъ власть имперіи.

Послѣ опустошительнаго похода короля германскаго небольшое племя покорялось, обязывалось соблюдать вѣрность и платить дань, и давало заложниковъ, затѣмъ обѣщалось принять христіанство, такъ какъ обращеніе язычниковъ шло рядомъ съ ихъ подчиненіемъ.—Самоуправленіе оставлялось племени. Но область его образовала марку; на границѣ ея или въ самой странѣ строилась крѣпостца, гдѣ сидѣлъ маркграфъ и находилось нѣмецкое войско. Такъ являются Мерсебургъ, Мейсенъ (Thiet. I, 9; Wid. II, 3), Магдебургъ, Бранибор, Эзесфельдебургъ, Арнебургъ, Сегебергъ и т. д. Валислево, Вербно (ср. особенно Helmold о колонизаціи нѣмецкой I, 83, вообще Widukind, Thietm.). Около крѣпости образовывалось нѣмецкое поселеніе—опорный пунктъ для нѣмецкой власти и христіанской вѣры. Маркграфъ долженъ былъ наблюдать за вѣрностью покоренныхъ и собирать дань и являлся верховнымъ авторитетомъ для племени.—Послѣ каждаго возстанія увеличивались колоніи нѣмецкія, въ землѣ образовались феодальныя нѣмецкія владѣнія и города, а неимѣвшее правъ, покоренное туземное населеніе стѣснялось и, теряя свою свободу, переходило въ состояніе рабовъ.

Эти варвары (barbari, pagani) были жестокой вѣроломной расой и князья саксонскіе неохотно выдавали своихъ дочерей за славянскихъ владѣтелей, этихъ «грубыхъ и невоспитанныхъ людей» (Helm. I, 13), этихъ «собакъ» (Ad. Brem. II sch. 30; Helm. I, 16).— По праву завоеванія варвары и ихъ земля принадлежали саксонцамъ (Helm. I, 65), которые съ полнымъ правомъ могли занимать ихъ землю, вытѣсняя туземцевъ (Helm. I, 57). Съ безправныхъ покоренныхъ можно было строго и жестоко взыскивать огромную дань, доводя ихъ подчасъ этимъ до отчаянія (Thietm. III, 10; Adam. II, 46, 69, III, 21, 22; Helm. I, 63) и возстаній.

Напрасно язычники просили правъ (Helm. I, 84 ок. 1158 г.): они были рабами, (Th. VI, 18 Лютичи: quondam servi tunc liberi; Геро покорилъ мильчанъ и привелъ къ крайнему рабству, 983 Wid. III, 67),—годными только на то, чтобы платить дань.

Уже Генрихъ I изъ Мишніи подчиняетъ и налагаетъ дань на мильчанъ (Thietm. I, 8); въ 934 г. (Contin. Regin) тоже произошло съ укрянами; въ 936 г. (Wid. II, 4) «имп., избивъ множество враговъ (редарей), остальныхъ сдѣлалъ данниками». Послѣ паденія Бранибора, «всѣ варварскіе народы до Одры подчиняются и платятъ дань» (Wid. II, 21); въ 955 г. (Wid. III, 52) славяне предлагаютъ обычную дань, но желаютъ владѣть землей (A. Sangallens. 955). «Геро, вост. маркграфъ, подчинилъ императору лужичанъ и мильчанъ, а также Мѣшка, а герцогъ Германъ Желибора и Мистивоя съ ихъ подданными сдѣлалъ данниками императора» (Thietm., II, 9; ср. II, 19; Adam., II, 24 «Славяне служили данниками» Adam., II, 47, при Генрихѣ II). Въ 1025 г. «Конрадъ, взыскавъ съ сосѣднихъ Саксоніи варваровъ дань, получилъ все должное казнѣ» (Wipo, I, 6); въ 1036 г. онъ возвышаетъ дань на возставшихъ лютичей (Wipo, 33. Heriman. Augiensis, an. 1036); въ 1045 г. славяне опять принуждены обѣщать дань (Her. Aug.); около 1066 (Helm., I, 25) и 1093 годовъ (it. 34) зависимость опредѣляется признаніемъ христіанства и платежемъ обычной дани князьямъ саксонскимъ. Около же 1138 г. (Helm., I, 53) замѣчено, что князья саксонскіе щадятъ славянъ какъ данниковъ, изъ финансовыхъ соображеній (I, 65).

Отмѣтимъ, что въ тоже отношеніе становятся и варвары германцы—язычники даны (Wid, I, 40). «Оттонъ, обративъ Дановъ въ данниковъ, короля ихъ Кнутона заставилъ креститься». Въ 973 году (A. Altahens. Maj.) послы Гаральда объявляютъ о подчиненіи его и приносятъ дань. Но можно предположить, что она взималась еще раньше. По Гельмольду (I, 9 ср. A. Corbejen., an. 934), уже Генрихъ I наложилъ на нихъ дань.

О другой повинности, характерной для среднихъ вѣковъ—доставкѣ военнаго отряда,—почти не упоминается. Самый крупный фактъ это обѣщаніе Мистивоя въ 984 г. (Thietm., IV, 2). Участіе въ италіанскомъ походѣ князька около 976—983 г. (преданіе Ad. II, sch. 30 и Helm., I, 16) является добровольнымъ;—таково-же и участіе лютичей язычниковъ при Генрихѣ II (Thietm., IV, 18. VI, 44), такъ какъ «лютичи были тогда свободны». Эта помощь язычниковъ противъ Болеслава порицалась современниками.

За исправнымъ поступленіемъ дани и порядкомъ среди народа слѣдятъ маркграфы или герцоги. Бернгарду около 928 г. (Wid., I, 36)

подчиненными оказываются земли редарей, въ 939 г. Герону (Wid., II, 20)—цѣлый рядъ народцевъ и т. д.—Германскій герцогъ (Wid., II, 68) является около 964 г. судьей въ ссорѣ двухъ подчиненныхъ ему князей Желибора вагрскаго и Мистивоя оботритскаго; онъ приговариваетъ къ штрафу (15 тал.) Желибора. Тотъ возстаетъ, но онъ былъпобѣжденъ и смѣщается герцогомъ, а на его мѣсто послѣдній назначаетъ его сына. Епископъ Бенно (Helm., I, 18,—въ XI в.) обращается къ герцогу Бернгарду, чтобы получить церковный доходъ у вагровъ и оботритовъ и добивается желаемаго.

Но конечно эта власть герцоговъ въ Украйнахъ не исключала особенно въ X—XI в. вмѣшательства императора, который на съѣздахъ, вызвавъ князей славянскихъ, опредѣлялъ повинности, судилъ, разрѣшалъ пограничные споры. Напримѣръ Генрихъ въ Вербнѣ переговаривается съ славянскими князьями (Thietm., IV, 22) тоже въ Арнебургѣ (Thietm., VI, 51). При Конрадѣ въ 1032 и 1036 гг. (A. Hild., Wipo, 33) такіе же съѣзды были въ Вербнѣ. Для усмиренія возставшаго племени требовалось часто похода самого императора съ значительными силами.

Славяне повидимому неохотно платили дань, сносили христіанство, переносили вымогательства графовъ и уступали земли для поселеній. Они постоянно возставали. Если уже въ мирное время съ данниками обращаются германцы жестоко, то еще ужаснѣе обхожденіе съ иноплеменными язычниками, варварами во время войны. Грабежъ и раззоренія—дѣла обычныя; но вотъ взятъ Генрихомъ I городъ Гана, и всѣ взрослые избиты, мальчики и дѣвочки обращены въ рабство (Wid., I, 35). Въ 928 г. послѣ ленчинской рѣзни 700 плѣнныхъ славянъ перерѣзаны, а мужское населеніе города удаляется, оставивъ въ добычу женъ, дѣтей и рабовъ (Wid., I, 26). Въ 955 г. (Wid., III, 55) послѣ побѣды голова убитаго князька выставлена въ полѣ, вокругъ нея обезглавлено 700 плѣнныхъ, совѣтникъ князя, ослѣпленный и съ вырѣзаннымъ языкомъ, брошенъ тутъ-же. Въ 964 г. Оттонъ изъ Италіи приказываетъ не прекращать войны съ редарями и вести ее до уничтоженія племени. Въ 1035 г. Конрадъ за осмѣяніе и обезображеніе распятія ослѣпляетъ и, отрубая конечности, лишаетъ разными способами жизни множество плѣнныхъ, за что удостаивается похвалъ современниковъ. Въ 1138 г. голзаты берутъ Плунъ (Helm., I, 56) и избиваютъ всѣхъ славянъ.

Но славяне отчаянно защищаются; видно ясно, что расовая борьба ведется на жизнь и смерть. Гельмольдъ прямо говоритъ: «и съ такимъ упрямствомъ защищаютъ они свою свободу, что предпочитаютъ умирать, чѣмъ обращаться въ христіанство или платить дань» (I, 25, 1066 г.; ср. Wid., II, 20). Славяне отмщаютъ опустошенія опустошеніями и избіенія избіеніями: въ 928 г. все населеніе Валислева избито, въ 1033 г. Вербна, тоже и въ 1002 г. и т. д.; особенно духовенство подвергалось мученіямъ.

Варвары, о которыхъ мы говорили были полабскіе и балтійскіе славяне (оботриты, вагры, лютичи, мильчане, лужичане и т. д.); на востокъ отъ нихъ жили поляки, на югъ чехи, на юго-востокъ отъ которыхъ расположилась мадьярская орда. О подчиненіи послѣдней не могло быть и рѣчи до самаго конца X в.: Германія едва въ 955 г. освободилась отъ ея опустошительныхъ набѣговъ. До поляковъ имперія добралась лишь въ 60-хъ годахъ X в.; но съ чехами она давно уже имѣла дѣло. Чеховъ лѣтописцы вовсе не выдѣляютъ отъ остальныхъ славянъ.

«Генрихъ I (Wid., I, 35) бросился на славянъ гаволянъ, взялъ городъ... Бранибор..., а занявъ городъ, завладѣлъ всей страной; потомъ обратился онъ на далеминцовъ... взялъ городъ Гану;... послѣ этого всѣмъ войскомъ осадилъ Прагу, городъ чеховъ, и принялъ подчиненіе ихъ князя... И такъ король, сдѣлавъ чеховъ данниками, возвратился въ Саксонію.—Когда сосѣднія племена были королемъ Генрихомъ обращены въ данниковъ, а именно: оботриты и вильцы, гаволяне, далеминцы, чехи, редаре»... (Wid., I, 36; ср. Thietm, I, 6). Чехи дѣйствительно не выдѣлялись; язычество тамъ были сильно; около половины X в. тамъ оказываются нѣсколько князей, изъ которыхъ одинъ «послушенъ власти саксовъ» (Wid., II, 3).

Главный князь чеховъ, послѣ долгаго сопротивленія подчиненный въ 952 г., «передается для службы баварскому герцогу Генриху (ad serviendum traditus est.—Thietm., II, 1) и съ этихъ поръ остается вѣрнымъ и полезнымъ рабомъ» (Wid., II, 3: fidelis servus et utilis). Нѣтъ однако намека на ленную присягу съ его стороны. Въ концѣ X в. одинъ чешскій князь оказывается уже вассаломъ, но не императора, а маркграфа Эккарта (Thietm., V, 5).

Чехія платила дань;—въ 991 г. императоръ третью часть ея жерт-

вуетъ въ пользу магдебургской церкви (Erben, Reg. Bohem, № 76). Такимъ образомъ положеніе чешскаго князя было повидимому тоже, что и оботритскаго.

Вѣроятно, подобное-же отношеніе первоначально устанавливается и относительно Польши. Геро подчиняетъ императору (Thietm., II, 9) лужичанъ (ср. Wid., III, 67: ad ultimam servitutem), сельполянъ и Мѣшка съ его подвластными[1]). Мѣшко до Варты платитъ дань (Thietm., II, 19).

«При жизни доблестнаго Годо (маркграфа) Мѣшко въ шапкѣ не смѣлъ войти въ домъ, зная, что онъ тамъ находится, или остаться сидѣть, когда тотъ вставалъ. Да проститъ Богъ императору», восклицаетъ лѣтописецъ (Thietm., V, 6), «который, сдѣлавъ данника независимымъ владѣтелемъ (tributarium faciens dominum), возвысилъ его до того, что тотъ (Болеславъ), забывъ обычай отца, сталъ постоянно дерзать своихъ начальниковъ (sibi praepositos) по немногу обращать въ подчиненныхъ» (in subjectionem paulatim detrahere).

Это пишетъ лѣтописецъ, — современникъ Болеслава и Мѣшка (род. 976 г. а писалъ 1012), — который не могъ выдумывать небывалыхъ отношеній. Къ концу X в. начинаютъ складываться иныя отношенія.

Еще въ 984 г. Мѣшко польскій, Мстивой оботритскій и Болеславъ чешскій упомянуты рядомъ, но всѣ они обѣщаютъ клятвенно военную помощь претенденту Генриху, герцогу баварскому, какъ королю и господину (ut regi et domino. — Thietm., IV, 2). — Тутъ уже проглядываетъ начало другихъ отношеній. Уже въ 973 г. маркграфъ Годо не можетъ справиться съ Мѣшкомъ и требуется вмѣшательство самого императора для улаженія дѣла (Thietm., II, 19). Въ 974 и 984 гг. герцогъ Генрихъ пытается опереться на князей славянскихъ. Эти факты доказываютъ намъ силу Чехіи и Польши. Князья славянскіе начинаютъ присутствовать на сеймахъ по вызову императора, гдѣ вступаютъ въ непосредственныя съ нимъ сношенія: въ 973 г. являются въ Квединбургѣ Мѣшко и Болеславъ по вызову императора

---

1) У современника Видукинда ни о дани, ни о подчиненіи Мѣшка нѣтъ извѣстій; у него, III, 69, Мѣшко названъ amicus imp—is; но, III, 53, Геро предлагаетъ Стойгнѣву подчиниться, чрезъ что «онъ пріобрѣтетъ въ императорѣ друга» (amicum per id adepturum), т. е. просто благосклонность. Титмаръ IV, 4, говоритъ: Frithericum Rigdagi marchionis amicum et satellitem; и такъ Мѣшко, amicus imp—is, можетъ означать вѣрный сторонникъ, — понятіе не исключающее данническихъ отношеній.

(Thietm., II, 20), тоже въ 984 и 985 г. и наконецъ въ 991 г. (A. Quedl. и Hild.). Въ 991 г. говорится: «были тутъ маркграфъ тосканскій Гуго и князь славянскій Мѣшко съ другими выдающимися лицами Европы». Въ 990 г. Мѣшко въ войнѣ съ Болеславомъ обращается за помощью уже не къ маркграфу, а прямо къ императрицѣ-правительницѣ.

При Оттонѣ III чехи и поляки часто участвуютъ въ походахъ императора противъ лютичей. Правда, уже въ 955 г. чехи участвуютъ въ битвѣ на Лехѣ въ рядахъ нѣмецкаго войска, но до 992 г. нѣтъ болѣе упоминаній о вспомагательныхъ чешскихъ отрядахъ. За то чешскій король лично является съ войскомъ къ императору въ 992 и 995 гг. (A. Hild. и Quedl.), польскій-же въ 985, 986 (A. Hild. и Quedl.), 991 и 995 годахъ, а въ 992 г., будучи задержанъ (A. Hild.) дѣлами, онъ посылаетъ войско.

Поляки и чехи, значитъ, къ концу столѣтія были уже въ иномъ положеніи относительно Германіи чѣмъ остальные славяне: ослабло ихъ подчиненіе маркграфамъ, выдвинулась военная помощь. Но это и понятно; эти князья—сильные владѣтели, а самое важное и главное, они христіане. Около 969 г. Польша, около 973 г. Чехія получаютъ свои епископства, и не насильно учрежденныя въ этихъ странахъ, а по почину туземныхъ князей. Къ концу X в. въ высшихъ кругахъ германскаго общества начинаютъ преобладать идеи о всемірной власти христіанскаго императора. Это благопріятствуетъ измѣненію взгляда на князей польскихъ и чешскихъ, они являются не прежними язычниками врагами нѣмцевъ, а друзьями ихъ, христіанскими князьями. Обходиться съ ними какъ съ подчиненными язычниками неудобно; скорѣе ихъ можно поставить въ одинъ рядъ съ другими не германскими князьями, членами имперіи: съ князьями Италіи, Беневента, дожемъ Венеціи, королями Бургундіи, Франціи и т. д.— Съ ними уже легче завязываются родственныя и дружескія связи и у герцоговъ и у графовъ (Thietm., IV, 36 и 37; V, 10 и т. д.).

Оттонъ III ѣдетъ на поклоненіе въ Гнѣзно,—центръ Польши, устраиваетъ тутъ независимую отъ Германіи духовную іерархію и чуть-ли не дѣлаетъ польскаго князя своимъ ленникомъ [1]). Угорскій король по

1) На эту мысль наводитъ упоминаемый у Галла подарокъ императора — копье св. Маврикія и 300 воиновъ, которыми Болеславъ поклонился своему гостю (Thietm., IV,

совѣту и дозволенію императора получаетъ королевскій вѣнецъ и учреждаетъ въ своей землѣ также архіепископство (Thietm., IV, 38).

И вотъ по смерти маркграфа Эккарта Болеславъ забираетъ сосѣднія марки, объявляетъ, что дѣлаетъ это съ согласія и дозволенія герцога Генриха, будущаго короля, обѣщаясь подчиняться относительно владѣнія марками впослѣдствіи волѣ его, въ случаѣ его избранія королемъ, или волѣ мѣстныхъ графовъ (Thietm., VI, 6). И что же «наши, говоритъ лѣтописецъ, повѣрили хитрымъ словамъ; забывъ свою честь, они отправились къ нему какъ господину, мѣняя свою прирожденную честь на просьбы и неправильное подчиненіе». Очевидно Болеславъ, по мнѣнію этихъ графовъ, уже былъ далеко не то, что прежде Желиборъ. Онъ былъ христіанскій князь, ровня саксонскому герцогу.

Затѣмъ на съѣздѣ саксонскихъ князей для признанія короля Генриха (1002 г., Thietm., V, 9 и 10) сходятся «архіепископы бременскій, магдебургскій, епископы... герцоги Бернгардъ и Болеславъ, маркграфы Лютарь и Гериманъ». Тутъ «всѣ, служившіе (serviverant) прежнему императору, даютъ чрезъ рукопожатіе присягу королю (regi manus complicant), обѣщая клятвенно военную помощь». Болеславъ старается получить Мишнію, но добивается лишь передачи Мишніи своему родственнику Гунцелину, самъ-же получаетъ Лужицы и мильчанъ и, «откланявшись и обѣщавъ накрѣпко помощь, когда она потребуется, отправляется въ свою область». Опять онъ дѣйствуетъ какъ ровня князьямъ саксонскимъ.—Около 1009 года Брунонъ, отправившійся обращать язычниковъ, убѣждаетъ императора не воевать съ Болеславомъ, если желаетъ его вѣрности, «если хочетъ его имѣть вассаломъ» (militem, Litt. Brun.).

Въ 1013 г. Мешко, сынъ Болеслава, становится вассаломъ императора (Thietm., VI, 54: regis efficitur; VII, 7: онъ satelles imp-is; VII, 8: is tam sero remittitur qui in numero militum habebatur). Въ 1014 г. наконецъ самъ Болеславъ даетъ вассальную присягу (manibus applicatis miles efficitur.—Thietm., VII, 55) и сопровождаетъ короля въ церковь какъ оруженосецъ (regi ad ecclesiam incidenti armiger ha-

---

28).—Цейсбергъ доказываетъ, что Оттонъ возвелъ Болеслава въ санъ патриція, — санъ данный имъ и Орсеоло дожу Венеціи (Ueber die Zusammenkunft,—Zeitsch. f. öste. Gymn. 1867).

betur), а затѣмъ получаетъ давно желанный бенефицій (c. benefitio diu desiderato suscepit).

Къ началу-же XI в. относится и первое ясное указаніе на устанавливающуюся ленную зависимость Чехіи отъ императора. Владивой (1002 г. Thietm., I, 15), «отправившись къ королю, смиренно ему подчиняется, обѣщая вѣрность, избираетъ его своимъ господиномъ (in dominum elegit) и получаетъ въ бенефицій, чего желаетъ».—Генрихъ въ 1003 г. на тѣхъ-же условіяхъ предлагаетъ признать Чехію за Болеславомъ, но Болеславъ, задумавъ отдѣлиться отъ имперіи и начать войну въ союзѣ съ недовольными въ самой Германіи, отказывается (Thietm., V, 19). Но Генрихъ съ помощью Премысловичей Яромира и Ольдриха изгоняетъ Болеслава и принимаетъ подчиненіе чеховъ (A. Quedl. 1004: tota illa gens sese c. pace suaque omnia regi dedere.—Th. VI, 8). Послѣ занятія Праги Яромиръ «надѣляется отъ короля почестями отца въ присутствіи всѣхъ собранныхъ туземцевъ» (Thietm., VI, 9: cunctis mox dignitatibus a rege honoratur Jaremir paternis). Въ 1014 г. Ольдрихъ получаетъ отъ императора власть надъ родиной (dato honore patrie. A. Quedl; Thietm., VI, 50). Въ 1031 и 1032 г. (Wipo 29; A. Hild., 1032 г.) императоръ дѣлаетъ Оттона княземъ Польши, а затѣмъ, раздѣливъ Польшу,—Мѣшка тетрархомъ. Тоже происходитъ въ 1034 г. съ Чехіей (A. Hild.).

Послѣ подчиненія Бретислава въ 1041 г. описывается подробно его ленная присяга. Генрихъ «передаетъ Бретиславу прежнее владѣніе и тотъ, получивъ его, клянется императору, что будетъ ему такъ вѣренъ, какъ вассалъ обязанъ быть вѣрнымъ сеньору (A. Altahens., an. 1041: tam fidelis illi maneret quam miles seniori esse deberet, ср. A. Saxo. an. 1042: pro fidelitate et servitute), будетъ другомъ всѣхъ его друзей и врагомъ враговъ и не станетъ подчинять себѣ болѣе ни какой либо части Польши, ни иной имперской области, довольствуясь тѣми двумя, которыя удостоился получить въ то время». Въ 1055 г. Спитигнѣвъ назначенъ императоромъ на мѣсто отца (A. Alt.). Въ концѣ XI в. изъ чешскихъ лѣтописцевъ уже видно дарованіе Чехіи въ ленъ чрезъ передачу знамени (vexillum.—Cosm., III, 15, и 8; Mon. Sazav., an. 1126).

Казимиръ польскій вѣрно служитъ (fideliter serviebat.—Wipo 29) императору, но въ 1077 г. князь польскій Болеславъ вѣнчается королевскимъ вѣнцомъ въ оскорбленіе императору. Затѣмъ до конца XI в.

нѣтъ извѣстій, въ какихъ правовыхъ отношеніяхъ польскій князь находился къ имперіи, но повидимому царитъ согласіе: онъ женатъ на сестрѣ императора. У Галла, польскаго лѣтописца, сохранилось любопытное извѣстіе, относящееся къ 1109 г. и рисующее требованія императора. Имп. пишетъ Б-у III: «недостойно императора.... нападать на землю непріятеля особенно-же своего вассала (militis), не предложивъ мира...., поэтому ты раздѣли власть съ своимъ братомъ (Збигнѣвомъ) и плати мнѣ 300 гривенъ дани ежегодно или поставляй столько-же воиновъ въ походъ, или защищайся» (Gallus, III, 2).

Въ 1041 г. Петръ, король угорскій, изгнанъ изъ страны и обращается къ императору за помощью. Генрихъ III пользуется этимъ обстоятельствомъ, чтобы и Угрію привести отъ себя въ зависимость. Въ 1044 г. императоръ (Her. Aug. и A. Alt.) возстановляетъ Петра. Въ 1045 г. (it.) Петръ приглашаетъ его въ Бѣлградъ и тутъ торжественно передаетъ ему угорское королевство, а вельможи угорскіе клятвенно обѣщаютъ императору и его преемникамъ вѣрность. Потомъ Петръ обратно получаетъ королевство въ пожизненное владѣніе. При этомъ (A. Alt.) сообщается о символѣ королевства — копьѣ. Однако ленная зависимость Угріи на дѣлѣ не долго продолжалась, хотя императоры и пользовались постоянно мѣстными усобицами для возобновленія своихъ притязаній. Такъ еще около 1074 г. папа Григорій VII пишетъ покровительствуемому имъ Гейзѣ (Jaffé, Reg. pontif, № 3645), чтобы онъ не вздумалъ «подобно королю Соломону взять королевство въ ленъ отъ короля нѣмецкаго». По нѣмецкому лѣтописцу (Lambert, an. 1074) Соломонъ обѣщаетъ за свое возстановленіе въ Угріи платить дань и быть послушнымъ (dicto obtemperans) и уступить 6 городовъ.

Въ началѣ XII в. король Даніи, который въ X в. былъ данникомъ имперіи, становится, какъ король христіанскій, не въ данническую, а ленную зависимость отъ имперіи; онъ (A. Hild., an. 1134) клянется, что «ни онъ, ни его преемники не будутъ владѣть королевствомъ безъ согласія императора и его наслѣдниковъ... затѣмъ какъ вассалъ исполняетъ на торжествѣ обязанности оруженосца императора».

Но какія обязанности вытекали для князя изъ ленной присяги? — Каждый новый владѣтель долженъ искать подтвержденія отъ императора; затѣмъ изъ вышеприведенной присяги Бретислава вытекаютъ обязанности: 1) помогать королю войскомъ, 2) не предпринимать враж-

дебныхъ ему дѣйствій и 3) не захватывать безъ его воли имперскихъ земель.

И дѣйствительно мы видимъ въ продолженіе XI в. чеховъ постоянно въ рядахъ германскаго войска: въ 1005, 1009, 1015, 1017 гг. (Thietm., VI, 16, 38; VII 12, 44) они бьются за одно съ ними противъ Болеслава; въ 1035 г. (A. Altah.) Бретиславъ участвуетъ въ войнѣ съ лютичами, а въ 1042, 1044 (A. Alt.) 1051 гг. и (Her. Aug.) въ угорскихъ войнахъ. Тоже и въ 1061 г. (Lamb.). Въ 70-хъ годахъ (съ 1075 г.) чехи бьются постоянно на сторонѣ императора противъ саксонцевъ и здѣсь чешскій князь всюду стоитъ наравнѣ съ герцогами и другими князьями Германіи.—Относительно Польши и Угріи указаній на военную помощь гораздо меньше: въ 1002 и 1014 гг. (Thietm., V, 10, VII, 5) Болеславъ обѣщаетъ военную помощь и оба раза не доставляетъ. Въ 1051 г. (Her. Aug.) поляки участвуютъ въ угорскомъ походѣ. Андрей угорскій въ 1053 г. (Her. Aug.) обѣщаетъ участвовать во всѣхъ походахъ императора, кромѣ италіанскаго.

Но ленникъ могъ быть вызванъ и ко двору для совѣта—обсужденія новаго похода, для разбора дѣла, если у него оказывался споръ съ другимъ членомъ имперіи, или для отвѣтственности, если являлось сомнѣніе относительно его вѣрности. Здѣсь на съѣздѣ князь-ленникъ подвергался суду императора, причемъ, по общему правилу, что каждый судится своими равными,—приговоръ составляли вѣроятно князья.

И дѣйствительно часто встрѣчаемъ мы князей чешскихъ и польскихъ при дворѣ среди герцоговъ и графовъ; въ 1009 г. Яроміръ—въ Белегорѣ (Thietm., VI, 37); въ 1014 г. Яроміръ смѣщенъ на съѣздѣ въ Мерсебургѣ и на его мѣсто назначенъ Ольдрихъ (A. Quedl. и Thietm., VI, 50). Въ 1015 г. Ольдрихъ вызванъ для отвѣта въ взводимыхъ на него обвиненіяхъ въ Мерсебургъ; Болеславъ вызванъ туда же, но не явился; въ 1032 г. Ольдрихъ вызванъ къ отвѣту въ Мерсебургъ, но не является; пріѣзжаетъ потомъ въ Вербно, гдѣ осужденъ и сосланъ, (лишеніе должности и ссылка—наказаніе, примѣняемое и къ герцогамъ и графамъ). Въ томъ-же году на съѣздѣ является и Мѣшко (A. Hild.); въ 1035 г. Бретиславъ—въ Бамбергѣ (A. Alt.); въ 1041 г. (A. Alt; Her. Aug.; A. Saxo.) Бретиславъ приноситъ ленную присягу на съѣздѣ въ Регенсбургѣ; въ 1043 г. онъ-же въ Госларѣ «среди

другихъ князей германскихъ». Тогда-же вызванъ и польскій князь, но не явился, и долженъ прислать особое посольство съ извиненіемъ (A. Alt.; Lamb.); въ 1046 г. въ Мерсебургѣ на сеймѣ Бретиславъ, Казимиръ и Земыслъ (Zemuzil) поморскій (A. Alt.); въ 1048 г. императоръ проводитъ пасху въ Регенсбургѣ «съ герцогами» Оттономъ и Бретиславомъ (Her. Aug.); въ 1050 г. вызванъ Казимиръ, будучи обвиненъ въ попыткѣ присвоить область, пожалованную князю чешскому. Въ Госларѣ онъ приноситъ очистительную присягу и «по рѣшенію императора исправляетъ то, въ чемъ оказывается виновнымъ»; въ 1054 г. императоръ миритъ чешскаго и польскаго князей на съѣздѣ въ Мишніи (A. Alt.); въ 1071 г. тоже въ Мишніи императоръ запрещаетъ имъ воевать другъ съ другомъ; въ 1076 г. въ Госларъ вызваны всѣ «князья имперіи, но за исключеніемъ чешскаго князя явились очень немногіе» (Lamb.). Въ 1077 г. Генрихъ въ Регенсбургѣ обсуждаетъ дѣла (habito colloquio) съ баварскимъ, чешскимъ и каринтійскимъ герцогами и патріархомъ аквилейскимъ и т. д.— Но конечно слав. князья гораздо чаще, чѣмъ отмѣчено, бывали при дворѣ. Они, какъ видимъ чешскаго, участвовали и въ обсужденіи имперскихъ дѣлъ.

Относительно суда виновнаго князя сохранилось очень мало указаній; обыкновенно, по разсказу лѣтописца, дѣло рѣшаетъ какъ-бы одинъ императоръ; рѣже намекается на судъ князей и самое ясное въ этомъ отношеніи мѣсто у Титмара (VII, 5): когда Болеславъ въ 1014 г. не доставилъ отряда къ италіанскому походу, то императоръ «объяснилъ вѣрность и помощь Болеслава своимъ вѣрнымъ и потребовалъ, чтобы они единогласно вызвали Болеслава къ отвѣту или удовлетворенію проступка» (suis innotuit fidelibus et ut ab eis ad excusationem aut indictae rei emendationem is vocaretur unanimes poscit). Вопросъ объ отпускѣ Мѣшка (1014 г.; Thietm., XII, 8) рѣшается на совѣтѣ князей. Въ 1041 г. князья совѣтуютъ не мириться съ Бретиславомъ, пока онъ не покорится (A. Alt.). Побѣжденный Бретиславъ отдается на волю императора и его князей; передъ послѣдними онъ является съ повинной и затѣмъ они-же совѣтуютъ императору простить ему и т. д.—(Ср. Waitz. Verfass. gesch., VII, 34, судебное рѣшеніе называется совѣтомъ).

Надо замѣтить, что относительно князей германскихъ у лѣтописцевъ не всегда ясно говорится о судѣ равныхъ; часто дѣло какъ-бы

рѣшается королемъ, напр. въ дѣлѣ объ измѣнѣ Эрнеста и затѣмъ Адальберо рѣшителемъ выступаетъ Конрадъ II; о судѣ ясно не говорится. Императоръ, какъ видно изъ послѣдняго случая, вліялъ на судъ (ср. Waitz, VIII, 38), а иногда онъ и безъ суда наказывалъ своихъ политическихъ враговъ (Waitz, VI, 473).

Повинность, столь важная въ прежнее время,—дань не прекратилась. Бретиславъ платитъ въ 1041 г. дань за 3 года (census Boemicae terrae.—A. Magd. и A. Saxo, an. 1042 cf A. Alt.). Ежегодная дань состояла изъ 120 воловъ и 500 гривенъ серебра (Cosmas Pragensis, II, 8). Дань сама по себѣ не противурѣчила леннымъ отношеніямъ: ленники папы, норманскій герцогъ (princeps), король хорватовъ Звонимиръ и др., платятъ дань (ср. Waitz, VI, 26).—Дань продолжается, но отступаетъ на второй планъ. Однако нѣкоторые писатели напр. продолжаютъ напирать именно на эту повинность. Патріотъ Ламбертъ, герсфельдскій монахъ (пис. 1077 г.), называетъ слав. князей данниками: въ 1043 г. чеховъ (terram.... sibi tributariam fecit), около 1077 г. польскаго князя (tributarius), въ 1074 г. Соломонъ угорскій предлагаетъ сдѣлаться данникомъ. Данниками считаетъ ихъ Адамъ Бременскій (II, 54, писалъ послѣ 1072 г.) при Конрадѣ II и Гельмольдъ (I, 1, писалъ въ 1168 г.). Эти сѣверные саксонскіе писатели приравниваютъ ихъ къ балт. славянамъ. Данники они и у отдаленныхъ: у Сигеберта Венгрія въ 1043 г. (пис. ок. 1100 г.), у составителя исторіи основанія Брунвилерскаго монастыря Мѣшко II (с. 16, пис. въ 1076 г.).

Не смотря однако на ленныя отношенія слав. князей, на равенство ихъ съ князьями имперіи, все же въ Германіи чувствовалось, что эти страны представляютъ нѣчто чуждое, иноплеменное. Рознь племенная особенно давала себя чувствовать во время войнъ, опустошенія Мѣшка 1028—1030 г. (A. Hild. и A. Saxo) или чеховъ въ 1077 г. (Berth. и Bern.), когда славяне не щадили и церквей (ср. Helm., I, 1), не уступали опустошеніямъ, производимымъ язычниками. Племенная рознь постоянно чувствуется въ крайне недоброжелательныхъ отзывахъ лѣтописцевъ о возмутившихся слав. князьяхъ или ихъ народахъ и въ противупоставленіи «нашихъ» или «тевтоновъ»—«славянамъ и уграмъ». (Wipo; A. Alt.; Her. Aug. и т. д.).

Нѣмцы хотя и породнились и подружились съ славянскими князьями, продолжали однако съ полупрезрѣніемъ относится къ славянамъ (ср.

Cosmas).—Для Ламберта и чехи, и поляки въ 1077 г. еще варвары, какъ и угры (1061). Для Эккарта угры «полуварвары» (1096); онъ отмѣтилъ (an. 1097) «слухъ, дошедшій до Коломана, что тевтоны равно склонны убивать язычниковъ и угровъ».

Теперь соберемъ тѣ немногія черты воззрѣній славянъ на зависимость своихъ странъ отъ имперіи, которыя отразились въ туземныхъ лѣтописяхъ начала XII в.

Чешскій лѣтописецъ всегда съ большимъ уваженіемъ отзывается объ императорѣ (Cosm., I, 26, 26; II, 9, 12; III, 49),—если обвиняетъ его, то развѣ за корыстолюбіе. Чехи считаютъ себя его подчиненными (Cosm., II, 12: terra tua est camera nosque tui sumus et esse cupimus). Чехія была леномъ императора, который, подтверждая князя, передавалъ ему знамя (III, 8, 15; Monach. Sazaviens., an. 1126). Но при этомъ императоръ именно подтверждаетъ князя, не можетъ однако его назначить лишь по своему соображенію. Чешскій князь, по приказу императора, является на имперскій сеймъ (III, 8: iussus est venire Radesponam, 55). Не явиться по вызову значитъ сильно оскорбить императора (III, 56). Князь, по его приказу, идетъ на войну (III, 53), посылаетъ войско въ италіанскій походъ (III, 38), наконецъ платитъ дань (II, 38 въ этомъ мѣстѣ говорится только о дани, а не о повинностяхъ вообще).

Императоръ имѣлъ въ Чехіи еще одно важное право,—это инвеституру епископа; но вообще епископъ чешскій подчинялся не прямо ему, а князю; онъ не былъ, такъ сказать, княземъ имперіи, какъ епископы германскіе. Однако мысль добиться независимости отъ князя проявляется и у пражскихъ епископовъ: въ концѣ XI в. епископъ Гергардъ пытается встать въ непосредственную зависимость отъ императора.

Менѣе сильно развилось понятіе объ зависимости отъ имперіи въ Польшѣ.—У лѣтописца сохранилось воспоминаніе о посѣщеніи Гнѣзна Оттономъ III, причемъ императоръ будто-бы, «видя силу, богатство и славу Болеслава, нашелъ, что такой человѣкъ не можетъ называться наравнѣ съ князьями (principibis) герцогомъ или графомъ» и потому сдѣлалъ его королемъ, подарилъ въ знакъ королевскаго достоинства св. гвоздь и копье св. Маврикія и назвалъ его братомъ и сотрудникомъ (cooperator) въ имперіи, другомъ и союзникомъ римлянъ, передавая ему всю власть императоровъ относительно духовной іерар-

хіи въ его странѣ (Gallus, I, 6). Потомъ до похода 1109 г. объ отношеніи его къ имперіи нѣтъ извѣстій. Въ 1109 г. (Gallus., III, 2) на вышеприведенныя требованія Генриха V Болеславъ отвѣчаетъ, что «денегъ или воиновъ, какъ дань, онъ императору не дастъ. Но если послѣдній по добру и безъ принужденія пожелаетъ денегъ или войска на пользу церкви, то воспользуется отъ него не меньшей помощью или совѣтомъ, чѣмъ предшественники императора отъ его предшественниковъ».— Походъ оканчивается для императора плачевно.

Имперія вліяетъ и притягиваетъ къ себѣ славянскія княжества, какъ сосѣднее сильное государство; въ случаѣ усобицы и раздора всегда является партія, которая тянетъ къ Германіи, чтобы съ ея помощью побороть противную.

Но ленная зависимость была личной связью императора съ князьями славянскихъ земель; народа непосредственно она мало касалась. Императоръ крайне рѣдко бывалъ въ странѣ, гдѣ у него не было собственности; еще рѣже ему присягало здѣшнее населеніе (въ 1004, 1041 гг. часть чешскихъ вельможъ; въ 1042 и 1044 гг. угры). Фактъ дарованія императоромъ законовъ населенію Угріи въ 1044 г. (Her. Aug. и A. Alt.) стоитъ совершенно одиноко.... Не оружіемъ покоряла себѣ имперія варварскіе народы, а своей цивилизаціей и культурой,— тѣми просвѣтительными идеями, носительницей которыхъ она была. Она налагала свое вѣроученіе, которымъ связывала крѣпче ленной присяги, такъ какъ это вѣроученіе несло съ собой особыя воззрѣнія на частную и общественную жизнь.

Вѣра приносила и чуждый языкъ латинскій, общій въ зап. Европѣ для литературы, богослуженія и официальныхъ дѣлъ (грамоты, законы). Духовенство являлось главнымъ носителемъ просвѣщенія и образованности; оно играло важную роль и въ государственной жизни; оно же учило, что всѣ христіане католики — члены одной христіанской имперіи. Духовенство было отчасти иноземное; монастыри, колонизаторы страны, основывались изъ германскихъ и другихъ западныхъ, съ которыми продолжали поддерживать связи.—Кто хотѣлъ учиться изъ чеховъ, поляковъ, угровъ, тотъ отправлялся въ Германію, Италію и тамъ усваивалъ съ тамошнею ученостью тамошнія понятія.— Съ иноземками, женами князей, являлись при дворѣ княжескомъ и ихъ единоземцы и заслуживали расположеніе князя и вліяли на него.

Императорскій дворъ, на который стекались со всѣхъ странъ послы, служилъ образцомъ для подражанія и училищемъ политики и государственной жизни для слав. князей, которые получали тутъ болѣе высокое понятіе о своей власти, что̀ и выражали принятіемъ «германскаго титула королей въ оскорбленіе императору», германскому королю (Wipo 9 Lamb., an. 1077)...

С.-Петербургъ. Мартъ 1883.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢТОКЪ О ДВУХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ ТЪРНОВСКАГО ПАТРІАРХА ЕВѲИМІЯ*).

Полихронія Сырку.

Г. Качановскій въ своей небольшой статьѣ «о литературной дѣятельности болгарскаго патріарха Евѳимія» допустилъ слѣдующія невѣрности: 1) проложное житіе св. Іоанна Рыльскаго не было извѣстно и впервые имъ (т. е. г. Качановскимъ) издается (стр. 216, 299); 2) составитель этого житія былъ патріархъ Евѳимій (стр. 231; ср. 230); 3) ученый міръ познакомился съ пространнымъ житіемъ того же святаго по статьѣ сербскаго ученаго Даничича: «Богословская литература у Болгаръ съ IX—XV в.» въ журналѣ «Видов. Дан» 1863 г. (ст. 231, примѣч. 1) 4) пространное или проложное (?) житіе св. Параскевы «въ нашей литературѣ и южнославянскихъ литературахъ неизвѣстно» (стр. 218—219) и 5) «сказаніе Григорія Цамблака о перенесеніи мощей св. Параскевы изъ г. Тырново въ г. Видинъ и затѣмъ въ Сербію сербской княжнѣ Милицей, женой сербскаго князя Лазаря до сего времени еще» не было издано (стр. 223).

Сочиненія послѣдняго търновскаго патріарха Евѳимія давно сдѣлались извѣстнымъ неученому и ученому міру отчасти по рукописямъ, отчасти по печатнымъ изданіямъ и нѣкоторыя изъ нихъ бывали

*) По поводу В. Качановскаго: «Къ вопросу о литературной дѣятельности болгарскаго патріарха Евѳимія (1375—1393)». — Христіанское Чтеніе 1882, ч. 2-я, стр. 216—265.

предметомъ даже разсужденій; но до настоящаго времени, кромѣ однихъ сухихъ перечней, да и то неполныхъ, не имѣется болѣе или менѣе обстоятельнаго обозрѣнія всѣхъ ихъ вмѣстѣ въ послѣдовательномъ или хронологическомъ порядкѣ съ указаніемъ ихъ литературной судьбы и значенія въ духовной литературѣ православныхъ славянъ и румыновъ. Въ настоящее уже время пора собрать ихъ въ одинъ сборникъ, въ чемъ настоитъ неотложная необходимость для болѣе удобнаго и возможно скораго ихъ изученія. Не имѣя въ виду здѣсь пополнить ни одинъ изъ этихъ пробѣловъ, я предварительно перечислю всѣ извѣстныя до нынѣ произведенія патріарха Евѳимія и затѣмъ остановлюсь только на двухъ изъ нихъ: на житіяхъ св. Іоанна Рилскаго и св. Параскевы.

Произведенія патріарха Евѳимія почти со времени выхода ихъ изъ-подъ его пера пользовались большимъ уваженіемъ какъ у современниковъ, такъ и послѣ паденія Болгаріи подъ власть турокъ. Владиславъ Грамматикъ собралъ и помѣстилъ въ своемъ сборникѣ «Панегирикъ» болѣе выдающіяся произведенія патріарха Евѳимія, написанныя, можетъ быть, въ послѣдніе дни существованія болгарскаго царства. Хотя послѣ этого не было попытки собрать ихъ вмѣстѣ, но за то почти всѣ не только переписывались множество разъ какъ въ самой Болгаріи и у сербовъ, такъ у румыновъ и у русскихъ, но нѣкоторые изъ нихъ переведены въ новѣйшее сравнительно время были на простонародный болгарскій языкъ, также сербскій и даже на румынскій и русскій. Не маловажно здѣсь то обстоятельство, что въ содержаніе нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, которые пользовались большею популярностію въ народѣ, вошли отрывки изъ апокрифическихъ сказаній.

Всѣ ли произведенія патріарха Евѳимія извѣстны въ настоящее время или нѣтъ, трудно сказать въ виду того, что въ Болгаріи и въ Румыніи существуетъ еще большое количество неизученыхъ рукописей старославянскихъ и среднеболгарскихъ; не мало ихъ еще и въ Россіи. Можно однако съ увѣренностію полагать, что если и есть какія-либо его произведенія, которыя до нынѣ еще остаются неизвѣстными, то во всякомъ случаѣ весьма немного. Почти всѣ извѣстныя произведенія патріарха Евѳимія уже напечатаны и нѣкоторыя изъ нихъ не по одному только разу, хотя разбросаны по разнымъ повременнымъ и неповременнымъ изданіямъ. Эти произведенія слѣдующія:

1) «Проскомидія», сохранившаяся на стѣнѣ церкви Зографскаго монастыря на Аѳонѣ (издана по фотографическому снимку Севастьянова въ Гласникѣ, кн. XXV, стр. 289—304); весьма вѣроятно, что это одинъ изъ первыхъ книжныхъ трудовъ патріарха Евѳимія, написанный до восшествія на патріаршій престолъ въ монастырѣ св. Троицы около Търнова на мѣстѣ, называемомъ Перу, когда онъ трудился надъ исправленіемъ церковныхъ книгъ [1]). Здѣсь же онъ по всей вѣроятности перевелъ съ греческаго языка:

2) житіе своего учителя, Ѳеодосія Търновскаго, написанное константинопольскимъ патріархомъ Калистомъ (1354—1362 гг.) (Въ «Панегирикъ» Владислава Граматика, рукоп. Рилскаго монастыря, XV в. (1479 г.), на бум.,—лл. 272—294[б]; издано въ «Чтен. въ общ. истор. и др. россійк.» 1860, кн. I) и составилъ:

3) «Млтва стго Еvѳимїа трьновскаго. чтома в врѣмѧ смртоносїа», заключающаяся въ служебникѣ 1532 года, списанномъ въ Зографскомъ аѳонскомъ монастырѣ по повелѣнію и на иждивеніи Ѳеофана, митрополита Сучавскаго и въсеи Молдовлахіи (рукоп. Соловецкаго монастыря въ библіотекѣ казанской духовной академіи, № 1015, л. 88—93)[2]). При означеніи имени творца молитвы не отмѣчено званіе,—что позволяетъ мнѣ думать, что она сочинена Евѳиміемъ до его патріаршества.

Въ какомъ порядкѣ по времени должны слѣдовать остальныя его произведенія, нельзя сказать въ настоящее время. Я склоненъ однако думать, что его поучительное слово должно занимать первое мѣсто между ними.

4) «Св. Еvѳиміа инока тръновскааго [3]) на вносъ (введеніе) церковный пресв. Богородица, егда отъ родителю тріи (трею) лѣтъ вдана бысть» (въ рукоп. Троицко-Сергіевой лавры, № 669, XV в., л. 304 и № 670, XVI в., л. 525; Румянц. музея, № CLX, XVI в., л. 128, стр. 668[б]; Царскаго, № 370, XVI в., л. 78, и № 612, XV в., л. 563 [4]);

---

1) Ср. Григорія Цамблака похвала патріарху Евѳимію въ Гласникѣ, XXXI, стр. 270—271; XXV, стр. 280; «Душеполезное Чтеніе» 1871, кн. 5, стр. 20.

2) Плотниковъ, Среднеболгарскій Служебникъ 1532 года. Воронежъ. 1880, стр. 1, 4.

3) Это слово въ № 669 рукописи Троицко-Сергіевой Лавры отмѣчено на полѣ листа: тръновска, такъ что въ строкѣ стоитъ: инокааго. Описаніе славянск. рукописей библіотеки Свято-Троицкой Сергіевой Лавры. Ч. III. М. 1879, стр. 14.

4) Строевъ, Рукописи славянскія и россійскія. М. 1848, стр. 388 и 661.

Іосифова Волоколамск. мон., № 223, XVI в., л. 122; во всѣхъ четырехъ послѣднихъ случаяхъ тръновскаго не отмѣчено). Уже по одному тому, что Евѳимій названъ въ заглавіи этого слова просто инокомъ, можно заключить, мнѣ кажется, что это слово принадлежитъ къ числу раннихъ его произведеній.

5) Похвальное слово св. Михаилу изъ Потуки (въ рукописи аѳонск. Свято-Павловск. монастыря, — XVIII или XVII в.[1]); изд. въ «Трудахъ кіевск. дух. ак.» 1870, окт., стр. 220—229).

6) Похвальное слово с҃той великомч҃ници н҃ели («Панегирикъ», лл. 596—604)[2]).

7) Житіе св. Іоанна Рилскаго (рилскій «Панегирикъ» съ дополненіемъ Владислава Граматика, лл. 253—265; вообще нужно замѣтить, что это житіе существуетъ во множествѣ южнославянскихъ и аѳонскихъ списковъ XVI—XVII вв.[3]). Оно было издано не научно въ нѣсколько передѣланномъ видѣ печерскимъ намѣстникомъ Антоніемъ Радивиловскомъ въ 1671 г. въ Кіево-Печерской лаврѣ въ отдѣльной книжкѣ и іеромонахами Рилскаго монастыря Неофитомъ и Іосафомъ въ Белградѣ въ 1836 г. въ сводной редакціи по монастырскимъ рукописямъ съ подновленнымъ языкомъ и дополненіями Владислава Граматика, Георгія Скилицы, Дмитрія Кантакузена[4]). По списку Владислава Граматика издано Новаковичемъ въ Гласникѣ, кн. XXII, стр. 265—302. Въ русскомъ переводѣ у Муравьева: Житія святыхъ Россійск. церкви. Октябрь. Спб. 1856, 324—340;—и въ латинск. въ Acta SS. Octobr. t. IX, p. 687).

8) Житіе Иларіона, епископа Мьглинскаго (рукоп. «Панегирикъ»; Троицко-Серг. лавр., № 686, XV в., лл. 225—278;—Іосифова Волоколамск. монастыря, № 214, XVI в., л. 222, № 655, XV—XVI в.; издано Даничичемъ въ «Starinah» knj. I, стр. 66—85. Въ русскомъ переводѣ у Муравьева, стр. 324—340, и въ латинск. въ Acta SS.

---

1) Труды кіевск. духовн. акад. 1870, октябрь, стр. 267.

2) См. кромѣ того у іеромон. Неофита, Описаніе болгарскаго священнаго монастыря Рыльскаго. София. 1879, стр. 102. Ср. Григоровича: Путешествіе по европейской Турціи. М. 1877, стр. 159, гдѣ прямо сказано о трехъ похвальн. словахъ св. Недѣли.

3) Ср. Гласник, кн. XXII, стр. 242.

4) О всѣхъ этихъ писателяхъ см. у Неофита, Слꙋжбы съ житіемъ Іѡанна Рылскаго. Въ Бѣлградѣ. 1836, лл. 3б—4.

Octobr. IX, p. 405 sqq. Ср. Martinov, Annus ecclesiasticus graecoslavicus. Bruxellis. 1863, pp. 253—257).

9) Житіе преподобной Филоѳеи търновской (рукоп. Троицко-Сергіевой лавры, № 676, XVII в., л. 745; № 754, XV, л. 291б;—синод. библ., № 180, лл. 1185—1197 въ «Великой Минеи Четіи» митроп. Макарія).

10) Житіе св. Петки или Параскевы, написанное, можетъ быть, по порученію царя Іоанна Шишмана[1]), какъ намекается на это въ началѣ житія (встрѣчается по большей части со вставкой Григ. Цамвлака о перенесеніи мощей преподобной въ Сербію во множествѣ южно-славянскихъ и русскихъ рукописей, но не вездѣ съ одинаковыми началами: «Панегирикъ»; Троицко-Сергіев. лавры, № 630, XVI в., л. 366; Іосифова Волоколамскаго мон., № 214, л. 154б № 223, XVI в., л. 224; виленск. публ. библ., № 70, XVI в., л. 401б – только начало[2]), № 79, XVI в., л. 315, № 107, XVII в., л. 3—съ бѣлорусскими оттѣнками въ языкѣ[3]); Царскаго, № 135, XVII в., л. 549[4]); изд. въ Гласникѣ, кн. VIII, стр. 131—141, но неполно и смѣшаны части, — затѣмъ Новаковичемъ въ «Starinah», knj. IX, стр. 53—59—въ обоихъ случаяхъ безъ вставки Гр. Цамвлака,—и въ «Великихъ Минеяхъ Четіихъ» митроп. Макарія, изд. археограф. коммис. Октябрь. (Спб. 1874), стт. 1021—1042 съ разночтеніями рилскаго «Панегирика» по списку Гильфердинга. Въ латинск. переводѣ у Риголло (Rigollot) въ «Ad acta SS. supplementum». Pariis. 1875, pp. 163—165).

11) Повѣсть объ обновленіи храма (рукоп. синод. библ. № 986; московск. публичн. музея въ собр. Ундольск. № 393, XVII в.; Троицко-Сергіев. лавры, № 664, XVII, л. 201, и № 665, XVII в.; издано въ «Велик. Минеяхъ Четіихъ». Сентябрь. Спб. 1868, стт. 661—666).

12) Похвальное слово Константину и Еленѣ, составленное по порученію царя Іоанна Шишмана (рукоп. импер. публ. библіотеки въ собр. гр. Толстова, отд. II, № 252, XV—XVI в.; московск. публ. музея въ собраніи Ундольскаго, № 256, XVI в., и № 615, XVII в.; Троицко-

1) Ср. Муравьева: Житія, октябрь, стр. 248.

2) Добрянскій, Описаніе рукописей виленск. публ. библіотеки, церковнославянск. и русскихъ. Вильна. 1882, стр. 91.

3) Ibid., стр. 231.

4) Строевъ, Рукописи, стр. 71.

Сергіев. лавры, № 199, XVI в., л. 310б, № 712, XV в., л. 415, № 754, XV в. л. 174; — соловецк. библ. при казанск. духовн. акад., № 154, XVI, л. 344. Изд. въ «Труд. кіевск. духовн. акад.» 1870 г., октябрь, стр. 229—267; выдержки въ «Описаніи рукописей Соловецк. монастыря, находящихся въ библіотекѣ казанск. дух. академіи. Ч. 1. Казань. 1881», стр. 187—188; описаніе рукописи, — стр. 187—189)[1]).

13) Посланїе къ Никодимоу священноинокоу, иже въ Тисменѣ (въ Румыніи), въпросившоу о нѣкыихъ главизнахъ црьковныхъ ноуждныхъ (въ «Панегирикѣ», лл. 716—722; изд. въ издававш. въ Софіи болгарскомъ духовномъ журналѣ «Християнско Братско Слово» Г. I (1879 г.), кн. II, стр. 132—140, III, стр. 143—146, — довольно не исправно, — и затѣмъ Качановскимъ въ «Христіанск. Чтеніи» 1882, ч. 2-я, стр. 251—262, съ немногими ошибками).

14) Посланїе къ Кѵпрїаноу мнихоу, живоущоу въ светѣй горѣ аѳоньсцѣи и просившоу написати ему о нѣкыихъ црьковныхъ винахъ ноуждныихъ[2]) и послатися емоу тамо. («Панегирикъ», лл. 722—727; — Троицко-Сергіев. лавры, № 748, XV в., л. 445, № 762, XV в., л. 207б; — императорск. публ. библ., въ собр. графа Толстова, отд. I, № 204, XV в., л. 363; — синодальн. библ., № 208, XVI в., л. 284б; — московск. публичн. музея, въ собр. Ундольскаго, № 579, XVII в.; новгородск. софійск. библ. при спб-ой духовн. акад. № 1447, перв. полов. XVI в.; — библ. черниговской духовн. семинаріи, № 81, XVII—XVIII в., л. 171: о св. причащеніи, вопросъ Кипріана мниха, живущаго во св. горѣ Аѳонстѣй, у Евфимія патріарха Трапезонскаго и

1) Въ рукописи XVII в., принадлежащей И. А. Шляпкину заключается между прочимъ: (мц҃а. мѧ҃ѧ, въ к҃а, д҃нь.) житїе ст҃го Бл҃говѣрнагѡ, и҆ ра́вна а҆п҃ломъ. Ве́ликаго ц҃рѧ, ко҃стантина. и҆ х҃ртолюби́вым, мт҃ре е҆го̀ ц҃рцы е҆ле́ны. Творе́нїе е҆ѵ҃ѳи́мїа терновскаго патрїарха (лл. 17—36), — которое въ рукописи Троицко-Сергіев. лавры (№ 669, XV в., л. 17—36) помѣщено безъ означенія имени Евѳимія. Языкъ во второй рукописи совсѣмъ отличается отъ языка и стиля твореній патріарха Евѳимія по рукописямъ той лавры. Кромѣ того въ лаврскомъ спискѣ есть слова, которыя могли быть взяты только изъ русскаго языка, какъ напр. колымага, чаровници и др. По языку рукописи г. Шляпкина нельзя сдѣлать заключеній, такъ какъ списокъ весьма неисправный и поздній. Въ виду всего этого можно думать, что это житіе приписано просто какимъ-нибудь книжникомъ, по невѣдѣнію, патріарху Евѳимію, принявъ похвальн. слово Константину и Еленѣ за житіе послѣднихъ.

2) Вопросы: а) о поклонахъ въ дни пятидесятницы и въ 12 дней между Рожд. Христов. и Богоявленіемъ; б) о причащеніи святыхъ тайнъ въ отсутствіе священника въ пустыняхъ.

Терновскаго[1]); издано только начало въ томъ же болгарскомъ журналѣ, III, стр. 146—147,—и затѣмъ цѣликомъ Качановскимъ въ «Христіанск. Чтеніи» 1882, ч. 2-я, стр. 240—248,—съ нѣкоторыми ошибками).

15) Посланіе къ священнѣйшомоу митрополиту оугро-влахійскому кvръ Анѳімоу («Панегирикъ»; изд. Качановскимъ тамъ-же, стр. 233—240, — съ ошибками)[2]).

I

Чтобы хотя до нѣкоторой степени установить начало чествованія Іоанна Рилскаго, какъ святаго, нужно прежде всего опредѣлить время смерти и перенесенія его мощей въ разныя мѣста. Хронологическія для этого данныя, въ которыхъ нѣтъ недостатка, но которыя не всегда безусловно надежны, представляютъ его житія и только одно румынская лѣтопись монаха Михаила Моксы, составленная по славянскимъ лѣтописямъ, какъ объ этомъ говоритъ самъ составитель ея[3]); ихъ можно до нѣкоторой степени дополнить хронологическими данными объ историческихъ событіяхъ.

---

1) Лилеевъ, Описаніе рукописей, хранящихся въ библіотекѣ черниговск. духовной семинаріи (изд. общ. любителей древней письменности). Спб. 1880, стр. 45—46. Трапезонскій, по всей вѣроятности, отъ Трапезица. Ср. Неофита: Слѹжбы съ житіемъ преподобнагѡ и богоноснагѡ отца нашего Іѡанна Рылскагѡ. Въ Бѣлградѣ. 1836, л. 29б, прим.

2) Проф. Голубинскій безъ основанія предполагаетъ, что патріарху Евѳимію принадлежитъ одно посланіе на греческомъ языкѣ о богомилахъ и массаліалахъ, находящееся въ трехъ рукописяхъ вѣнской импер. библ., и что оно было послано патріархомъ «изъ Константинополя въ Болгарію по тому поводу, что не задолго предъ его отбытіемъ изъ Болгаріи въ Грецію (?), по инціативѣ его учителя Ѳеодосія, царемъ Іоанномъ Александромъ предпринято было истребленіе въ Болгаріи богомильской ереси». Исторія православн. церквей болгарской, сербской и румынской. М. 1871, стр. 173. Но 1) для какой надобности патріархъ Евѳимій принужденъ былъ писать свое посланіе въ Болгарію на греческомъ языкѣ, когда при томъ неизвѣстно ни одно греческое его произведеніе и 2) кромѣ того также неизвѣстно до настоящаго времени ни одного отдѣльнаго, спеціальнаго его труда не только противъ богомиловъ, но вообще обличительнаго; патріархъ Евѳимій до этого времени является переводчикомъ церковныхъ книгъ, творцомъ молитвъ и составителемъ житій, повѣстей, похвальныхъ словъ и посланій церковно-практическаго и отчасти каноническаго содержанія. Но при всемъ этомъ трудно согласиться и съ Ламбеціемъ (lib. V, cod. CCXIII, CCXLVII и CCXLIII, p. 85 и 284) и Фабриціемъ (Biblioth Graeca, ed. Harles., VIII, p. 341), что это посланіе принадлежитъ Евѳимію Зигабену.

3) У Григоровича, Сербіи въ ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ, преимущественно въ XIV и XV столѣтіяхъ. Казань. 1859, стр. 7—8 прибавленій, и у Хышдеу, Кѹвинте ден бътрѫні. T. I. Bucuresci. 1878, p. 400.

Когда пришолъ преподобный Іоаннъ на то мѣсто у подошвы горы Рила, гдѣ въ послѣдствіи былъ устроенъ монастырь, неизвѣстно. Іеромонахъ Неофитъ опредѣляетъ это время около 930 г.[1]), но совершенно безосновательно,— вѣроятно, по своимъ только соображеніямъ, для которыхъ не приводитъ оправданій; впрочемъ едва-ли и возможно приводить какія-либо. Въ одномъ изъ списковъ житія Іоанна, составленнаго по търновскиму патріарху Евѳимію, сказано, что послѣдній пробылъ «на томъ мѣстѣ лѣтъ 7 и мѣсяцей 4»[2]), между тѣмъ какъ по другому, болѣе древнему скилиціеву житію—«12 лѣтъ»[3]). Наскольно эти цифры достовѣрны, не берусь сказать. Въ древнѣйшей редакціи проложнаго житія говорится только: «и въ глъбокую старость достигь. съ миромь конець житию приꙗть.... и тоу своими оученикы погребень бы҃»[4]). Въ евѳиміевомъ житіи и позднѣйшихъ спискахъ проложныхъ житій сказано, что Іоаннъ скончался, когда ему было 70 лѣтъ отъ роду[5]), а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ указанъ даже годъ и день его смерти: лѣто 6454 т. е. 946 г.[6]), августа 18 дня[7]). Этотъ годъ принятъ всѣми[8]), хотя совершенно никѣмъ не провѣренъ. Въ одномъ изъ проложныхъ житій отмѣченъ годъ 6540[9]). Относительно дня погребенія сказано въ другомъ, что по представленіи Іоанна «40 днемь минувшіимь, и нощію преподобный старѣишему отъ ученикъ своихъ явися, да погребутъ в҆ земли тѣло преподобнаго, повелѣваетъ»[10]). Когда открыты

---

1) Описаніе болгарскаго священнаго монастыря Рыльскаго. София. 1879, стр. 13.

2) Преподобнаго оц҃а нашего Іωанна Рылскагѡ житїе и всѧ слꙋжба по преданїю церковномꙋ. Кіево-Печерская лавра. 1671, тетр. 6, л. 2б fin.

3) Великія Минеи Четіи, митрополита Макарія. Октябрь, дни 4—18. Спб. 1874, число 18, ст. 1526. Ср. Голубинскаго: Исторія православныхъ церквей....., стр. 662.

4) Извѣстія Академіи Наукъ, т. VIII, стр. 150.

5) Іеромон. Неофитъ, Слꙋжбы, л. 27; Житїе.... Кіево-Печерск. л 1671, тетр. 6, л. 3б fin.; Великія Мин. Четіи, октябрь, p. c. et l. c.

6) Прологъ московск. изд. Acta SS. Octob. t. IX, p. 685; Неофитъ, op. c., л. 2, примѣч., и его же: Описаніе ...., стр. 13 и 18.

7) Неофитъ, Слꙋжбы, l. c.; его же: Описаніе, 18. День кромѣ того означенъ и въ минеяхъ при службахъ. Архіепископъ Филаретъ, Святые южныхъ Славянъ. Отд. II. Черниговъ. 1865, стр. 48. Martinov, Annus ecclesiasticus graeco-slavus. Bruxellis. 1863, p. 340. Архимандр. (нынѣ епископъ) Сергій, Полный мѣсяцесловъ востока. Т. II, ч. 2. М. 1876., стр. 249.

8) Голубинскій, Исторія православныхъ церквей ..., стр. 661.

9) Житїе.... Кіево-Печерск. л. 1671, l. c.

10) Велик. Мин. Ч., октябрь, l. c.

были мощи преподобнаго, неизвѣстно; но въ томъ же житіи сказано: «Тогда же царьствѣ и дрьжавѣ по двоироднѣмъ приложися игуменъ монастыря, весьнѣ великый въ постницѣхь ꙗвися и мощіи своихъ раку принести повелѣваетъ въ Срѣдческый град', и тамо надъ землею положити»[1]); между тѣмъ во всѣхъ другихъ житіяхъ опредѣленіе времени означено стереотипной фразой: «врѣмени не малоу прѣшьдьшоу» или «врѣмени прѣшьдьшоу немалоу». Также неизвѣстно, когда были перенесены мощи Іоанна въ Софію.

О времени плѣненія мощей уграми и перенесенія ихъ въ Острогомъ (нынѣшній Гранъ) въ житіяхъ сказано стереотипно: «миноувшимь многымь врѣменемь» или «многоу врѣмени мимошьдьшоу (прошедшꙋ)»; его, обыкновенно, опредѣляютъ на основаніи хронологическихъ данныхъ о современныхъ историческихъ событіяхъ. Угры напали на Софію въ 1182 г., взяли ее, какъ и другіе города, и разграбили; въ видѣ трофеи они унесли между прочимъ мощи Іоанна Рилскаго[2]) и положили ихъ въ церкви св. Адальберта въ Гранѣ[3]). По проложнымъ и составленному патріархомъ Евѳиміемъ житіямъ, мощи были возвращены изъ Угріи въ Софію въ 6695 г., т. е. 1187 г.[4]), а по печатному прологу — въ 6605 г.[5]), но послѣднее число произошло отъ понятной ошибки позднѣйшаго писца (҂ѕх҃е вм. ѕх҃ч҂е). По евѳиміеву и проложнымъ житіямъ, мощи перенесены изъ Софіи въ Търново въ 6703 г., т. е. 1194[6]), что потверждаетъ румынская хроника монаха Михаила Моксы, гдѣ сказано: «было тогда число лѣтъ 6702 (1194). Кало-Іоаннъ, господарь славянъ, повезъ тѣло св. Іоанна Рилскаго и перенесъ

---

1) Ibid., ст. 1527.

2) Acta SS. Octobr. t. IX, p. 686; Иречекъ, Исторія Болгаръ. Одесса. 1879, стр. 297.

3) Acta SS., l. c.

4) Гласник., кн. XXII, стр. 284. Acta SS. Octobr. t. IX, p. 686. Извѣстія Ак. Наукъ, т. VIII, ст. 151. Иречекъ, Исторія..., стр. 302—303.

5) Неофитъ, Слꙋжбы, л. 28, 29б, прим. 2; Филаретъ, Святые....., II, стр. 49. По кіевскому изданія житія—6703 г., «а ѿ рожества хр̃това, а҃ч҃е.» Тетр. 7, л. 1б Ср. Acta SS. Octobr. t. IX, p. 686, и Сергія: Полный мѣсяцесловъ, II, ч. 2, стр. 333—334.

6) Гласник., кн. XXII, стр. 286. Ср. Сергій, Полный мѣсяцесловъ, II, стр. 334. Иречекъ, Исторія.., стр. 305. Acta SS. Oct. t. IX., p. 686. Неофитъ, Слꙋжбы, л. 29б прим. По кіевскому изданію житія—въ 7073 г., а ѿ р҃о: х҃ва, 1565. Тетр. 7, л. 3. Acta SS. Maji t. I, p. XLIX: Item (19 oct.) S. P. N. Johani Rilici, anus 6424 reliquiae ex urbe Sredsa Trabezundam portare (in kalendario Ruthenico a bar. Sprewenfeld).

его въ градъ Търновъ»[1]); въ 1469 г. мощи были перенесены изъ Търнова въ Рилскій монастырь»[2]).

Такимъ образомъ религіозное чествованіе Іоанна Рилскаго началось, можетъ быть, съ конца XI, а всего вѣрнѣе съ XII в.[3]), но только въ Болгаріи или, вѣрнѣе, у болгаръ[4]). Вѣроятно, довольно сравнительно рано день его памяти записанъ въ мѣсяцесловахъ сербской редакціи; впрочемъ до настоящаго времени объ этомъ нѣтъ достовѣрныхъ данныхъ[5]). Русская церковь стала чествовать его память съ XV, а окончательно съ XVI в.[6]). Въ греческихъ святцахъ память св. Іоанна Рилскаго, если есть, то отмѣчена, по всей вѣроятности, только въ позднѣйшее время[7]), а въ румынскихъ съ болѣе ранняго времени.

Согласно церковному обычаю, нужно полагать, что вскорѣ послѣ канонизаціи болгарскою церковію Іоанна Рилскаго составлена ему служба. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключить изъ слѣдующихъ словъ службы ему, помѣщенной въ минеѣ за августъ мѣсяцъ парижской національной библіотеки: «въ наша дни ꙗвисѧ преподобне»[8]). Архіепископъ рижскій Филаретъ полагаетъ, что эта служба составлена еще въ то время, «какъ мощи» святаго «лежали въ Средцѣ»[9]), что̀ весьма вѣроятно. Но большаго вѣроятія заслуживаетъ, по моему

1) Ꙟꙋ̆ фость ноумъроул ӑтоу́нче ѕ҃ѱ҃ѕ аоу моута́ть ка́ль іѡа́нь до́мноул шкѣнилорь троу́пꙋл лоуи с҃тіи іѡа́ннь рилскіи де ла́у доусь ла чета́те ф търнѡ́вь. — У Хыщдеу: Кꙋ̆вєнтє дин бътрѫні. Т. I. Bucarescï. 1878, p. 400, и у Григоровича: Сербія въ ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ, преимущественно въ XIV и XV столѣтіяхъ. Казань. 1859, стр. 8—9 прибавленій. Ср. Попова: Обзоръ хронографовъ русск. редакціи. В. I. М. 1866, стр. 191.

2) Гласник., кн. XXII, стр. 300. Неофитъ, Слꙋ̆жбы, л. 51. Сергій, II стр. 334. Иречекъ, 479.

3) Сергій, Мѣсяцесловъ Востока, II, ч. 1. М. 1876, стр. 278. Martinov, Annus ecclesiasticus graeco-slavus. Bruxellis. 1863, p. 338, 344.

4) Сергій, II, ч. 1, стр. 278. Martinov, p. 338, 344.

5) Ср. Неофита: Слꙋ̆жбы, л. 1 пред.

6) Сергій, II, ч. 1, стр. 278.

7) Ср. Сергія, I, стр. 278.

8) Дубровскій относитъ минею къ XIII, а архіепископъ рижскій Филаретъ къ XII в. Святые южныхъ Славянъ. Отдѣл. II. Черниговъ. 1865, стр. 43, пр. 4. Но С. Строевъ (Описаніе памятниковъ славяно-русской литературы, хранящихся въ публичныхъ библіотекахъ Германіи и Франціи. М. 1841, стр. 49, № 17) считаетъ ее XIV в., а о. іезуитъ Іоаннъ Мартыновъ — XIII—XIV вв. Les manuscripts slaves de bibliotheque imperiale de Paris. Paris. 1858, p. 97; Annus eccles., pp. 8, 202, 340. Ср.la Сергія, II, ч. 1, стр. 249.

9) Святые, II, l. c.

разумѣнію, предположеніе о. Мартынова, что она составлена для употребленія при богослуженіи монахами Рилскаго монастыря[1]), слѣдовательно въ самомъ Рилскомъ монастырѣ. Эта служба была однако не единственной, судя по тому, что помѣщаемая въ русскихъ минеяхъ согласуется съ южнославянскими рукописными только въ тропаряхъ, но каноны совершенно разные[2]). Покойный рилскій іеромонахъ Неофитъ склоненъ думать, что минейное житіе составлено патріархомъ Евѳиміемъ[3]), но, мнѣ кажется, безъ уважительныхъ основаній.

Преподобный Іоаннъ Рилскій издавна очень популяренъ въ болгарскомъ народѣ; вслѣдствіе этого краткія и пространныя житія его въ нѣсколькихъ редакціяхъ встрѣчаются на славянскомъ югѣ во множествѣ списковъ какъ отдѣльно, такъ и во многихъ разнороднаго содержанія сборникахъ, и довольно рано оно перешло въ апокрифъ, а эпизоды изъ него духовную въ народную пѣсню, сохранившуюся до настоящаго времени, хотя только въ весьма жалкихъ остаткахъ. За неимѣніемъ данныхъ въ настоящее время трудно сказать, когда появилось первое каноническое житіе Іоанна Рильскаго, но во всякомъ случаѣ, нужно думать, недолго спустя послѣ составленія службы. Объ аскетическихъ подвигахъ рилскаго пустыножителя, который сдѣлался извѣстнымъ даже царю, по всей вѣроятности, сложились какъ между его учениками,

1) Illud etiam probabile videtur, praedictum codicem Paris. VIII, exaratum fuisse in usum monachorum Rylensis monasteri. An. eccles., p. 203.

2) Неофитъ, Слѹжбы, л. 3. Онъ же полагаетъ, что помѣщаемая въ минеяхъ служба есть та самая, которая впервые (первое тѵпомъ изобразисѧ и мірѹ ѡбѧвлена) напечатана въ Кіево-Печерской лаврѣ въ 1671 г. намѣстникомъ печерскимъ іеромонахомъ Антоніемъ Радивиловскимъ при архимандритѣ Иннокентіѣ Гизелѣ. По его же предположенію, въ Россіи служба съ давнихъ временъ находится въ рукописныхъ книгахъ, по которымъ она издана, а съ печатной она перенесена въ минеи. Ibid, l. c. Такъ или нѣтъ, трудно сказать; только въ Анѳологіонѣ, напечатанномъ въ Длъгомъ поли (Campu Lungŭ—въ Валахіи) въ 1645 г., службы Іоанну Рилскому нѣтъ, хотя память его отмѣчена подъ 19 октября (въ оглавленіи или святцахъ).

3) Въ минеѣ и въ книжкѣ Радивиловскаго «въ началѣ канона стоитъ такое краегранесіе: «стлю пою твоѧ всеблаженне чѹдеса». Что значитъ это краегранесіе и какого святителя поются чудеса, Богъ вѣсть, говоритъ о. Неофитъ; развѣ предположитъ ошибку въ припискѣ. Если здѣсь ошибка и слѣдовало бы написать: «святителю пою твоѧ всеблаженне чѹдеса», то отсюда заключаемъ, что святитель Евѳимій, написавшій житіе, написалъ и этотъ канонъ. Если же предположимъ, что слѣдовало бы написать: «свѣтлѡ пою твоѧ всеблаженне чѹдеса», то остается неизвѣстнымъ составитель какъ минейной службы его памяти, такъ и встрѣчающейся въ нашихъ рукописяхъ. Слѹжбы, л. 3.

такъ и на его родинѣ весьма рано разсказы, переходившіе устно отъ поколѣнія къ поколѣнію. Возможно, что его ученики, по обычаю, могли составить краткія записки о своемъ учителѣ по смерти послѣдняго. Подобнаго рода разсказы и записки могли служить источниками перваго житія. Помимо него могли существовать народные разсказы о св. Іоаннѣ, имѣвшіе общій съ житіемъ источникъ или же составленные на основаніи житія и наконецъ принявшіе характеръ апокрифическій. Такъ по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени можно заключить изъ того, что передаетъ патріархъ Евѳимій, что до него существовали не хитрыя и неумѣло составленныя житія Іоанна Рилскаго[1]). По всей вѣроятности самое раннее по времени каноническое житіе Іоанна Рилскаго было то, которое извѣстно по прологамъ или синаксарій (между прочимъ и русской редакціи?) XII—XIII в.[2]) и которое впослѣдствіи передѣлывалось и пополнялось изъ пространнаго житія, а въ позднѣйшее время даже и изъ составленнаго патріархомъ Евѳиміемъ. До насъ оно дошло съ позднѣйшими прибавленіями, т. е. съ разсказомъ о перенесеніи мощей Іоанна Рилскаго изъ Софіи въ Търново.

Но уже очень рано, по всей вѣроятности, появилось и пространное житіе, судя по житію, составленному, нужно думать, во второй половинѣ XII в., т. е. въ то время, когда мощи Іоанна находились еще въ Софіи и не были еще въ плѣну у угровъ. Оно озаглавливается: «житіе и жизнь преподобнаго отца нашего Іоанна пустынножителя Рыльскаго, иже въ Трапезици лежащаго и по вся дни великая сътворяюща чудеса» и помѣщается въ минеяхъ четіихъ подъ 18 числомъ октября[3]). Составитель, Георгій Скилица[4]), говоритъ о себѣ въ началѣ и концѣ житія, хотя своего имени не отмѣчаетъ; онъ былъ посланъ въ Софію Мануи-

1) Гласник., XXII, стр. 266.

2) Неофитъ, Слѹжбы...., гдѣ приведено изъ придисловія къ русскимъ прологамъ слѣдующее мѣсто: «книги содержащыѧ кратчайшыѧ повѣсти житіямъ стыхъ, называемыѧ прологи, въ которыѧ времена и кѣмъ сдѣланы неизвѣстно. Сіе токмѡ извѣстно, что мы оныѧ въ книгохранительницѣ стѣйшаго сѵнода имѣемъ писанныѧ въ двана десѧтомъ и въ третіемъ на десѧтомъ вѣкахъ»—л. 1 предисловія. Martinov, An. eccles., p. 202—203. Ср. Житіе, изд. въ 1671, послѣсловіе въ концѣ книги.

3) Мнѣ это житіе извѣстно по рукописи XV в. Волоколамскаго монастыря въ библіотекѣ московск. дух. акад., № 193 (591), л. 128; оно напечатано въ «Великихъ Минеяхъ Четіихъ» митрополита Макарія. Октябрь, ст. 1515—1530. Несомнѣнно, что оно существуетъ и въ другихъ рукописяхъ въ Россіи; оно есть въ рилскомъ «Панегирикѣ». Неофитъ, Слѹжбы, л. 3 предислов.

4) Ibid., l. c.

ломъ Комниномъ (1143—1180 гг.)[1]), кажется, чтобы быть начальникомъ города[2]). Во время своего пребыванія здѣсь онъ очень сильно заболѣлъ желудкомъ и былъ исцѣленъ только водою отъ святыхъ мощей Іоанна, которою натиралъ себя въ продолженіе трехъ дней. Кромѣ того, спустя годъ послѣ его пріѣзда въ Софію, пріѣхалъ сюда и самъ императоръ Мануилъ, у котораго на одной рукѣ образовалось сухожиліе, отъ чего сильно страдалъ, такъ что не могъ спать по цѣлымъ ночамъ, и былъ излеченъ въ три дня тѣмъ, что мазали его руку масломъ изъ лампады святаго. Если императоръ былъ въ Софіи нѣсколько разъ между 1150—1168 гг.[3]), то житіе могло быть написано до 1180 г., т. е. еще въ царствованіе же Мануила[4]). Составитель его былъ для своего времени образованный человѣкъ. Былъ ли онъ славянинъ или грекъ[5]) или лучше, византіецъ, трудно сказать; но мнѣ кажется, что оно могло быть написано на славянскомъ языкѣ, такъ какъ на греческомъ не извѣстно житіе Іоанна кромѣ того, которое перешло изъ славянскихъ прологовъ въ греческіе.

Житіе могло быть составлено на основаніи или существовавшаго уже житія, или имѣвшихся въ Софіи и Рильскомъ монастырѣ свѣдѣній о св. Іоаннѣ, во всякомъ случаѣ по свѣжимъ еще даннымъ, судя по прекрасно и живописно переданнымъ фактамъ и описаніямъ, какія встрѣчаются въ житіи и которыя составителю оставалось только украсить риторическими хитросплетеніями. Переводъ или оригинальное произведеніе—существующіе въ Россіи списки житія, но въ языкѣ его видны слѣды, которыя обличаютъ въ немъ южнославянское происхожденіе. По своему объему оно довольно пространно; по содержанію же оно близко до полнаго сходства къ проложному житію Іоанна до того мѣста, гдѣ въ послѣднемъ начинается рѣчь объ угрскомъ плѣненіи мощей святаго, такъ какъ въ первомъ описываются жизнь Іоанна въ пустынѣ, открытіе и перенесеніе мощей его въ Софію и чудеса его здѣсь.

---

1) Вел. М. Ч., окт., ст. 1517.

2) «Срѣдскый градъ намъ имущіи». Ibid., ст. 1529.

3) Кинама Исторія, переведен. съ греческ. при с.-п-ской дух. акад. Спб. 1859, стр. 223, 234, 266, 290, 294, 318. Никиты Хоніата. Т. I. Спб. 1860, стр. 117, 161, 193. Παπαρρηγοπούλου Ἱστορία τοῦ ἑλληνικοῦ ἔθνους. Τ. 4. Ἐν Ἀθήναις. 1872, σελ. 580, 590.

4) Ср. Голубинскаго: Исторія православныхъ церквей...., 662.

5) Проф. Голубинскій полагаетъ, что это житіе было написано не славяниномъ, но константинопольскимъ грекомъ. Ibid., l. c.

Въ описаніи подробностей оно во многомъ сходно съ житіемъ, составленнымъ патріархомъ Евѳиміемъ. Есть въ немъ впрочемъ и особенности; въ немъ разсказывается, что мощи святаго по перенесеніи въ Софію на первое время положены были «въ епископьстѣй церкви», затѣмъ по волѣ святаго, объявленной во снѣ игумену Рильскаго монастырю, перенесены въ церковь св. Луки, «тогда древенѣ, сущіи», отсюда наконецъ—въ каменную церковь, построенную въ честь святаго «близъ стѣны Срѣдьчкаго града» благочестивымъ человѣкомъ изъ города......[1]) «отъ Пеоньскыихъ горъ»[2]). Хотя въ заглавіи сказано: «иже въ Трапезици лежащаго», но въ самомъ житіи нѣтъ ни единаго слова о пребываніи мощей въ Търновѣ. Отсюда я заключаю, что заглавіе присочинено впослѣдствіи и очень можетъ быть, что въ Россіи какимъ-нибудь южнославяниномъ въ то время, когда мощи находились въ Търновѣ. Въ виду того, что нѣтъ другаго житія софійскаго періода для церковнаго употребленія, я называю это каноническимъ житіемъ софійской редакціи для отличія отъ апокрифическаго, напечатаннаго Гильфердингомъ.

Что дѣйствительно существовали народные сказанія о св. Іоаннѣ Рилскомъ, можно заключить изъ апокрифическаго его житія, образовавшагося на основаніи ихъ изъ подробнаго каноническаго,—помѣщеннаго въ сборникѣ «рилскаго постника» Іосифа Брадатаго[3]),—который извѣстенъ въ габровскомъ спискѣ 1756 г. іеромонаха Романа[4]), принадлежащемъ «Сербскому Ученому Обществу» въ Бѣлградѣ,—а также изъ пѣсни и народныхъ преданій, приводимыхъ Л. Каравеловымъ[5]) и Качановскимъ[6]). Относительно этого житія Гильфердингъ говоритъ, что «хотя рукопись позднѣйшая», но можно считать «эту редакцію за древнѣйшую». Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго слависта. При всемъ томъ, что оно заключаетъ въ себѣ много

---

1) Названіе города напечатано: сіонь; оно очевидно, испорчено. Вел. М. Ч., окт., ст. 1527. У Неофита: Слѹжбы, л. 27б: «Ѿ грѹдаса ѡнагѡ, иже Ѿ Пеонскихъ горъ былъ».

2) Великія Минеи Четіи. Октябрь, стт. 1527—1528. Ср. Гласник., XXII, стр. 283, и Jireček, Die Heerstrasse von Belgrad nach Constantinopel und die Balkanpässe. Prag. 1877, S. 91.

3) Григоровичъ, Обзоръ славянскихъ литературъ. Воронежъ. 1880, стр. 42—43.

4) Собр. сочин., I, стр. 124—125.

5) Памятники народнаго быта Болгаръ. I. М. 1861, стр. 259—260.

6) Сборникъ западно-болгарскихъ пѣсенъ. Спб. 1882, № 43, стр. 114—116.

легендарнаго, въ немъ замѣтно много фактическаго, болѣе указаній на мѣстности и т. п.[1]), хотя они не внушаютъ къ себѣ довѣрія. До нѣкоторой степени на древность житія указываетъ приводимая въ немъ бесѣда Іоанна Богослова съ Іоанномъ Рилскимъ, которая приводится и въ житіи св. Іоакима Сарандопорскаго по списку XVI в.[2]). Эта же бесѣда можетъ навести на предположеніе, что апокрифическое житіе Іоанна Рилскаго сложено если не богомиломъ, то по крайней мѣрѣ человѣкомъ, начитаннымъ въ богомильской литературѣ и раздѣлявшимъ нѣкоторыя основоположенія секты Одно имя Іоанна Богослова, которое было очень популярно между богомилами, до нѣкоторой степени подтверждаетъ это предположеніе. Къ этому можно прибавить характеръ и тонъ всего житія. Несомнѣнно, что въ немъ есть много историческаго, но большая часть его построена на апокрифической основѣ и каноническаго въ немъ весьма немного. Есть ли это житіе «церковное сказаніе» какъ думаетъ Гильфердингъ[3]), или была ли она въ церковномъ употребленіи или нѣтъ, въ настоящее время нельзя сказать; но, несомнѣнно, оно имѣло большой кругъ читателей внѣ церкви. Іеромонахъ Романъ списываетъ его вмѣстѣ съ другими, по видимому, не для церковнаго обихода, но «на пользо женамъ», чтобы замѣнить этимъ чтеніемъ «женьски и бабини браговьщини (розсказни) заради самовили и бродницы»[4]).

Дѣйствительное ли лицо «рилскій постникъ» Іосифъ Брадатый и когда онъ жилъ, мнѣ неизвѣстно; но что онъ не есть составитель апокрифическаго житія Іоанна Рилскаго, видно изъ того, что прямо сказано въ записи списка 1756 г. его сборника, что онъ его «привелъ и исписалъ ѿ греческаго ӕзика по словеньски»[5]). Нечего и говорить, что греческій языкъ выставленъ здѣсь только для приданія большей важности и значенія какъ цѣлому сборнику, такъ и отдѣльнымъ статьямъ. Аналогичныя явленія въ исторіи народныхъ книгъ встрѣчаются у всѣхъ народовъ, имѣющихъ литературу. Вмѣстѣ съ тѣмъ это заявленіе указываетъ какъ на источникъ, откуда болгарскій народъ получалъ свою ду-

1) Гильфердингъ, Собр. сочин. I, стр. 124, пр. 1.
2) Гласник, XXII, стр. 243. Гильфердингъ, Собр. соч. I, l. c.
3) Ibid., l. c.
4) Ibid., l. c.
5) Ibid., l. c.

ховную пищу, такъ и на то, что византійская литература имѣла большое обояніе даже и на невѣжественную массу болгарскихъ грамотѣевъ, полуобразованныхъ читателей и образованныхъ въ извѣстномъ направленіи, такъ что даже такое произведеніе, какъ житіе Іоанна Рилскаго, чтобы имѣть спросъ на себя, нуждалось въ санкціи относительно своего происхожденія изъ «страны ученной и мудрой». Но житіе не только не византійскаго происхожденія, но, напротивъ, по складу своему, видно, что оно, выражаясь словами Гильфердинга, одно изъ тѣхъ сказаній, принадлежащихъ собственно южно-славянскому міру, которыя остались свободными отъ мертвящей византійской риторики и сколько нибудь передаютъ народные взгляды и разсказы. Судя по языку, я склоненъ думать, что нынѣшняя редакція житія относится къ сербскому періоду болгарской литературы, но первоначальная его редакція гораздо древнѣе; несомнѣнно, что она восходитъ къ тому времени, когда мощи Іоанна Рилскаго находились въ Софіи, судя потому, что въ житіи нѣтъ ни единаго слова ни о плѣненіи мощей уграми, ни о перенесеніи ихъ въ Търново и затѣмъ въ Рилскій монастырь, гдѣ онѣ нынѣ почиваютъ.

Краткое содержаніе его слѣдующее [1]). Іоаннъ былъ «дꙋховнь благовѣрень и христолюбивь»; онъ былъ пастухомъ и ничего не имѣлъ кромѣ брата и одного вола, котораго взялъ съ собою, когда хотѣлъ отправиться въ пустыню тайно отъ всѣхъ. Но діаволъ возбудилъ людей и брата погнаться за нимъ и вернуть; они догнали его на полѣ «Мрьдища и под дꙋбѡм великымъ». Іоаннъ не согласился вернуться, не смотря на просьбы догнавшихъ его. Они взяли у него вола и онъ «едва испроси звонець еже ношаше воль, знаменіа ради мира, а себе на память. да се знае что изнесе светый ѡтьць Іоаннь из мира.... и привеза светый ѡтьць воль под дꙋбѡмь, нарицаемѣмь великый дꙋбь сь своима светима рꙋкама. и ѡттого часа неречесе светога отца дꙋбь, и еще и до днешняго дне познаетсе вꙋже около дꙋба, знаменіе светаго ѡтца». Оттуда онъ отправился въ пꙋстыню Рыльскꙋю, и они собрались къ нему, но онъ «не благослови ихъ, ни прокле. и даст имъ знаменіе рекь азь излазꙋ ѡт вас смѣесе и глꙋме»; затѣмъ онъ пошолъ на мѣсто,

1) Житіе озаглавливается: «Мц҃ъ ѡктѡмврій ꙃ҃і. житіе и жизнь преподобнаго ѡца нашего Іѡанна пꙋстыни жителꙗ рыльскаго. и о прѣнесеніи мощем егѡ». Ibid., 125, примѣч. 1.

называемое Голець, гдѣ пробылъ 9 мѣсяцевъ. Опять соскучался братъ его по немъ и пошолъ его искать, и нашолъ. Іоаннъ, замѣтивъ его, опечалился и сталъ молиться Богу. Тогда онъ услышалъ съ неба голосъ, говорящій ему: «радѹисе светило мое въ пѹстиі сей горѣ снѣжан'ниѣи.... и въстани и възми жеꙁль свои, и иди въ мѣсто оутованное тебѣ под планинѹ ими Врьтопь». Онъ пошолъ и поселился въ найденную имъ тамъ пещеру, «идеже сльнце не призыраеши ни вѣтрь не вѣяше. нъ тькмо ангель самь прихождаше къ немѹ, и ношаше емѹ манѹ ѡт Бога образѡм шипковемь». Затѣмъ разсказывается исторія съ его племянникомъ, какъ въ евѳиміевомъ житіи съ тою только разницею, что братъ Іоанна обращается съ послѣднимъ кротко. Діаволъ, который научалъ брата его, былъ изгнанъ молитвой святаго противъ него. Іоаннъ склоняется на просьбы брата и отпускаетъ племянника, но творитъ молитву, дабы Богъ недопустилъ его до погибели. Змѣя ужаливаетъ племяника и послѣдній умераетъ; отецъ его, по совѣту Іоанна, хоронитъ на мѣсто, называемое Осѣново. Іоаннъ часто ходилъ на могилу племянника, а «змію тѹ помрамори де се ѹвѣсть сила молитвы светога ѡтьца Іѡанна. и приходеще людіе вьземлють ѡт него на врачбо всемѹ». И пробылъ онъ въ пещерѣ 3 года и 5 мѣсяць; и вышелъ оттуда и нашолъ крутой камень, вышиною 40 сажень, и шириною «ꙗко щитъ великъ»; взошолъ на него и пробылъ тамъ 7 л. и 4 мѣсяца въ страшномъ самоуничиженіи, постѣ и молитвѣ. Ангелъ приносилъ ему манну; но діаволъ безпокоилъ его. Однажды напалъ на Іоанна цѣлый полкъ діаволовъ, чтобы прогнать его оттуда, но онъ молитвой побѣдилъ ихъ, къ тому же и ангелъ стоялъ около него и укрѣплялъ его; приходили враги его сбросить его оттуда, били его, но онъ все принималъ съ радостію; на этомъ камнѣ «и до днешняго дне знаятсе стопи ногѹ его». Іоаннъ обратился къ Богу съ молитвой и когда сказалъ: аминь, ангель тотчасъ ударилъ въ каменное било и звонецъ сталъ звонить надъ гробомъ его: и потряслась пустыня, и замутилось озеро, и загудѣлъ лѣсъ, какъ колоколъ, и бросился діаволъ въ преисподнюю; тотчасъ явился ангелъ съ неба и сталъ ободрять Іоанна. Тогда же пришолъ къ нему Іоаннъ Богословъ и обнялъ его, какъ мать своего младенца и, облобызавъ, сказалъ ему: «радѹисе возлюбленниче Господьнь, оуготова бо ти се вѣнець славѣ. слава бо твоя просьвтѣсе. вьстани и вьзми жезль свои и иди въ мѣсто прежднеє идеже сіи пріель инѡчьскыи ѡбразь, и ѡстави

тꙋ жезль свой, да бꙋдеть мирꙋ вь знаменіе, а тебѣ вь паметь, речено бо ти есть ѿт Бога». И отправился Іоаннъ на мѣсто, гдѣ принялъ монашескій чинъ, «под планинꙋ име ей Рꙋень, вь мѣсто зовомое Скрьно»; и ушолъ оттуда и никто не видѣлъ, когда онъ пришолъ и ушолъ; здѣсь онъ оставилъ свой жезлъ. Отсюда онъ пошолъ въ Перигь, гдѣ нашолъ «мѣсто каменно, близь рѣкы именемь Стрꙋма»; и здѣсь онъ устроилъ себѣ «покоище»; отсюда онъ пошолъ «въ планинꙋ Вытошꙋ», гдѣ устроилъ также «покоище». Отсюда, по повелѣнію ангела, отправился на мѣсто, гдѣ своими руками приготовилъ себѣ гробъ въ «пꙋстыни Рылстѣи». Затѣмъ разсказывается, какъ искалъ его болгарскій царь Петръ. Послѣ этого снова пришолъ къ Іоанну Іоаннъ Богословъ и сказалъ: «послань есмь ѿт Бога вьзвьстити тебѣ радость. радꙋисе вьзлюблениче мой и слꙋжителю Господьнь оуготова ти се вѣнаць». И тотчасъ послѣ этого прилетѣла пчела и влетѣла ему въ уста и начала летать «духѡмь по аерꙋ ꙗко и ѡрель, и ꙗко голꙋбь златопрьсит по горамь». Увидѣвъ это Іоаннъ Богословъ, удалился отсюда, а преподобный Іоаннъ почилъ на томъ мѣстѣ 18 августа. Тѣло его лежало, никому не будучи извѣстно, кромѣ ангела, которой приходилъ прислуживать ему. Царь, желая узнать, что стало съ Іоанномъ, послалъ своихъ людей искать его, но они не нашли и царь сильно сокрушался. Дикіе звѣри стекались ко гробу преподобнаго и получали исцѣленія отъ недуговъ. Однажды охотники набрели по слѣдамъ звѣрей на цѣлую кучу ихъ тамъ и были очень обрадованы, что у нихъ будетъ хорошій ловъ. Звѣри, завидѣвъ людей, испугались, но колоколъ сталъ звонить и било застучало. Охотники были поражены этимъ и хотѣли бѣжать отъ страха, но, замѣтивъ лампаду, подошли къ гробу и увидѣли тѣло святаго. Оставивъ охоту, они возвратились домой и извѣстили объ этомъ царя; царь обрадовался. Ангелъ тотчасъ явился ему во снѣ и сказалъ ему наидти тѣло святаго и перенести его въ Срѣдець, ибо тамъ было предопредѣлено лежать ему. Когда хотѣли его перенести, то оно не поднималось, но по повелѣнію Божію, оно снялось съ мѣста и перенесено было въ «Срѣдечьскыи градь» и положено въ церкви, построенной въ честь преподобнаго, который творитъ тамъ чудеса. Это житіе я называю апокрифическимъ житіемъ софійской редакціи.

Судя по составу существующихъ нынѣ у болгаръ преданій объ Іоаннѣ Рилскомъ, можно предположить, что они составились на житійной основѣ.

Что касается извѣстной въ настоящее время пѣсни о немъ или въ весьма испорченной формѣ или въ очень плохомъ спискѣ, то нужно предполагать для нея или общій съ житіемъ источникъ, котораго черты не всѣ отразились въ житіи, или же такую редакцію или скорѣе изводъ житія, котораго также не всѣ черты дошли до насъ въ изданномъ Гильфердингомъ спискѣ. По крайней мѣрѣ слѣдующій эпизодъ пѣсни не легко объяснимъ на основаніи его, кромѣ первыхъ четырехъ стиховъ, хотя это можетъ быть отголосокъ до житійной старины:

Бѣше то едно дѣте сираче [1]).
Послѣ се уцанилъ еденъ човѣкъ,
Уцалилъ се еденъ говедарь;
Откара говеда, да ги пасе,
Загубй крава сосъ теле;
Кога́ дойде́ домоска,
Чорбарджія почна да го біе,
Да го біе за крава-та;
Товà бѣше карáло
Презъ една водá голема:
Соблече́ дрея отъ него́,
Та тури на вода-та,
Да пройде презъ вода-та,
Да тражи кра́ва-та;
Ойде, найде́ кра́ва-та,
Па земá теле́-то,
Па тури дрея на вода,
Па пройде презъ вода-та сосъ теле.
Чорбаджія го пази.
Кога пройде́ презъ вода-та, дома дойде;
Чорбаджія донесе арижа го [2]) теле-то:
И теле-то бѣше шаре́но,
И теле-то бѣше машко;
Чува го три годинъ време.
И кога́ си пойде́ на три годинъ време,
И отиде на Скри́но,
Монастырь да прави на Скрино-то;
Това Скринци сакаа, да го погубатъ [3]).
. . . .

1) Напечатано: сироче. Впрочемъ и эта форма возможна.

2) Напечатано: арижаго. Вообще этотъ стихъ очень испорченъ. По моему, должно быть: чорбаджія донесе телето и арижа го.

3) Качановскій, Сборникъ, стр. 114—115.

Тога отиде у една пустилія,
Де е сега светый Іованъ.

Послѣдніе стихи пѣсни передаютъ разсказъ апокрифа о хожденіяхъ Іоанна передъ смертію; но

И зетекоа го тамъ ошь еднашь:
Отсекли му десница и отнесли у Россія [1])

— суть позднѣйшія наслоенія подъ вліяніемъ бытовыхъ и историческихъ обстоятельствъ.

Съ перенесеніемъ мощей Іоанна Рилскаго изъ Софіи въ Търново являются новыя житія его: краткое или синаксарій и пространное или вѣрнѣе пространно-риторическое, составленное послѣднимъ търновскимъ патріархомъ Евѳиміемъ.

Краткое житіе вошло въ южнославянскіе прологи [2]), а чрезъ нихъ оно перешло въ Россію [3]), хотя не цѣликомъ, и, можетъ быть, къ румынамъ. Судя по концу житія, оно составляло вскорѣ по перенесеніи мощей изъ Софіи въ Търново, въ правленіи Іоанна Асѣна II, повидимому, современникомъ и, можно полагать, очевидцемъ перенесенія и участникомъ въ немъ; житіе довольно сжато,—почти безъ многословія и излишней риторики; оно заключаетъ въ себѣ только положительныя данныя, почерпнутыя составителемъ, по всей вѣроятности, изъ оффиціальныхъ источниковъ. Что таковыя тогда имѣлись, можно заключить, по крайней мѣрѣ, по отмѣткѣ, находимой у румынскаго лѣтописца Михаила

1) Ibid., стр. 116.

2) Оно было издано три раза: въ «Вел. Мин. Чет. окт. Спб. 1860, стр. 1537—1541; архіеп. Филаретомъ по южнославянской рукоп. 1340 г. въ «Извѣст. Ак. Наукъ по отдѣленію русск. языка и словесности». Т. VIII, ст. 150—154; см. кромѣ того его же: Святые южныхъ Славянъ, отд. 2-е, стр. 43, пр. 4, и В. Качановскимъ не совсѣмъ исправно по рукоп. XVII (1602 г.) в. въ «Христіанск. Чтеніи» 1882, ч. 2-я, стр. 248—251. Между обоими изданіями разница только въ словахъ и двухъ-трехъ мѣстахъ, другъ друга дополняющихъ. Въ русскомъ изложеніи того же архіеписк. Филарета въ «Святыхъ южн. Слав.», отд. 2-е, стр. 43—49; въ латинскомъ переводѣ въ Acta SS. Octobr. t. IX, p. 687; оно есть и въ греческомъ переводѣ. Сергій, I, стр. 278.

3) Въ русскомъ прологѣ подробности о перенесеніи мощей Іоанна въ Търново нѣтъ; тамъ окончивается слѣдующими словами: «пренесе ѧ въ црк҇їй свой градъ Тєрно́въ сла́вна Василіемъ патріархомъ и тамо въ созданнѣй емꙋ цр҇кви положи, славѧ Бг҇а въ Трц҇ѣ єдинаго Оц҇а...». Книга житій ст҇ыхъ. К.-П. л. 1762, л. 207б. Въ синаксаріѣ отмѣчено, что Іоаннъ представился, «въ царство благовѣрнаго царѧ болгарскаго Петра, а греческагѡ Константина сына Леона премꙋдрагѡ», а въ прологѣ: «Константина Діогена» — вставка, сдѣланная на основаніи хронографовъ. Ср. А. Попова: Обзоръ хронографовъ русской редакціи. II. М. 1869, стр. 34.

Моксы о перенесеніи мощей Іоанна Рилскаго въ Търново въ 6702 (1194) г., которая, какъ я сказалъ выше, несомнѣнно взята изъ болгарской лѣтописи. Когда именно житіе составлено, нельзя сказать; но уже оно встрѣчается въ августовской минеи парижской національной библіотеки.

Въ основу пространнаго житія, составленное патріархомъ Евфиміемъ, легко краткое, проложное житіе или синаксарій; многое, чего въ немъ нѣтъ, какъ и подробное описаніе фактовъ, взято изъ каноническаго житія софійской редакціи. Гильфердингъ полагаетъ, «что легенда (т. е. апокрифическое житіе Іоанна Рильскаго) была (можетъ быть въ нѣсколько другомъ видѣ) именно тѣмъ матеріаломъ, которымъ пользовался Болгарскій писатель XIV вѣка, чтобы составить житіе Іоанна Рыльскаго соотвѣтственно вкусу его времени» [1]). Это предположеніе вѣрно только отчасти. Мнѣ кажется, что почтенный славистъ, бывъ увлеченъ апокрифомъ о рилскомъ пустыножителѣ, оставилъ совершенно безъ вниманія каноническое его житіе, если толко послѣднее было ему извѣстно, при обсужденіи вопроса объ источникахъ, которыя были у патріарха Евѳимія при составленіи имъ житія Іоанна Рилскаго. Болландисты предполагаютъ въ числѣ источниковъ евѳиміема житія между прочимъ и народное преданіе [2]); но это предположеніе далеко отъ истины, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время его почти совсѣмъ невозможно провѣрить. Патріархъ Евѳимій при составленіи житія Іоанна Рилскаго не только извлекалъ изъ бывшихъ у него подъ руками источниковъ данныя, но и дѣлалъ между ними выборъ, нѣкоторыя корректировалъ, а нѣкоторыя и совсѣмъ отбрасывалъ, и даже прибавлялъ новыя, присочинялъ цѣлыя рѣчи, которыя влагалъ въ уста дѣйствующимъ лицамъ, и всему этому онъ далъ новый нѣсколько порядокъ и изложилъ съ сильною риторическою амплификаціею [3]). Самъ онъ объясняетъ отчасти въ началѣ житія Іоанна Рилскаго, какъ онъ относился къ составленнымъ до него житіямъ этого святаго, говоря «ꙗже бѡ иже прѣжде насъ ѡ немь нехытрѣ некако и гроубѣ съписаше, сїа мы полѣпотѣ ꙗкоже ключимо есть оусрьдно

1) Собраніе сочин. I, стр. 124, примѣч. 1.
2) Acta SS. Octobr. t. IX, p. 683—684.
3) Ср. Гильфердинга: Собраніе сочин. I, l. c.

съповѣдати потъщахомсѧ»[1]). Эти слова нужно понимать, по моему разумѣнію, не только по отношенію къ внѣшней отдѣлкѣ слога или стилю, но и по отношенію къ строю самаго разсказа фактовъ. Вѣдь каноническое житіе софійской редакціи по риторическому хитросплетенію нисколько не ниже житія, написаннаго Евѳиміемъ. У послѣдняго однако сохранились неприкосновенными не только нѣкоторые факты, но и цѣлыя выраженія изъ бывшихъ у него источниковъ.

Съ самаго начала житія Евѳимій идетъ почти шагъ за шагомъ за каноническимъ житіемъ софійской редакціи, повторяя иногда даже одни и тѣже слова и очень часто одни и тѣже тексты, съ очень небольшими измѣненіями и варіаціями, зависящими по большей части отъ личныхъ обстоятельствъ и положеній составителей: одинъ и тотъ же ходъ мыслей, одна и таже мотивировка цѣли и одно и тоже расположеніе фактовъ. Только нѣсколько подробностей здѣсь отличаетъ оба житія, а именно: въ житіи софійской редакціи не говорится о двухъ братьяхъ, какъ въ евѳиміевомъ житіи и апокрифѣ, а въ первомъ — о среднемъ состояніи родителей Іоанна, которые, по Скилицѣ, «бѣста ни зило богата, ни до кон'ца убога; но довол'но имуща требованіе о пищи и одежды»[2]), а также и о нерасположеніи къ нему домашнихъ[3]). Сходство обрывается послѣ разсказа о постройкѣ Іоанномъ колибы или кущи. Послѣ этого въ софійской редакціи разсказывается о нападеніи разбойниковъ, какъ и въ проложномъ житіи, а въ евѳиміевомъ—о переходѣ на другое мѣсто Іоанна, обезпокоеваемаго бѣсами, являвшимися къ нему въ образахъ звѣрей, и затѣмъ о тайномъ приходѣ его племянника къ нему, что̀ имѣетъ нѣкоторое сходство съ подобными почти разсказами апокрифа, гдѣ при этомъ приведены и названія

---

1) Рукоп. XVII в. изъ моего собранія, л. 35; Гласник., кнь. XXII, стр. 266.

2) Великія Минеи Четіи. Октябрь, ст. 1517.

3) Есть еще одна бросающаяся въ глаза особенность въ слѣдующемъ мѣстѣ житія у Скилицы: «. . . и Христа увидѣвъ въ евангеліи, своей матери и тоа обручнику покаряющеся, изыти отъ Іерусалима въ Назареѳъ за 12 лѣтъ по плоти того возвращенія...» Вел. М. Ч., окт., ст. 1518. Далѣе говоря объ Авелѣ, что онъ работалъ въ потѣ лица своего ,«родител'ма ѡсти хлѣбъ нетрудно рас'мотряаше и Адамскыя клятвы, себе же и тою хотя измѣнити, понеже и убо и сія, землю матере своея, въ глубоку старость дошед'ши, въсвратистася наслѣдникъ же бьястася, 25 лѣтъ възрастомъ съчетаемъ, житейскихъ же печаліи отнудь отложися. . .». Ibid. Не указывеютъ ли эти цифры годовъ, взятыя, по всей вѣроятности, изъ апокрифовъ, на возрасты св. Іоанна?.

мѣстностей [1]). Такое же сходство видно и въ разсказахъ о пребываніи у Іоанна его племянника, о изведеніи послѣдняго изъ пустыни его отцемъ и о смерти его отъ укушенія змѣей съ небольшими различіями въ подробностяхъ: въ евѳиміевомъ житіи приведено имя племянника, представлено враждебное отношеніе его отца къ Іоанну, что можно думать, есть отраженіе такого же образа въ началѣ апокрифа и народной пѣсни; изъ апокрифа же богомильскаго характера, можно думать, взяты Евѳиміемъ и слѣдующія слова: «Въсхитивъ оубо съ гнѣвомь и крїчанием ѡ оумиленаго гласа отрока, и ка мирꙋ грѣдеше. къ мїрꙋ скврънеи блꙋдници, къ нечїстоти скврънꙑ въсакое мтрї ѿтръже того ѿ гори бжїе горы тꙋчные. горы въ нїеиже блговоли бгъ жити въ нїеи» [2]). Въ апокрифѣ же названо мѣсто,—Осѣново, гдѣ погребенъ былъ племяникъ, и «светы́ ѡтьць Іѡа́ннь хожда́ше на мѣсто то̀ дꙋ́ше тое́ ра́ди праведничю. и сътворѝ се́бе мѣсто то̀ покоище, а змію тѐ помрамо́ри да сѐ ꙋвѣ́сть сила́ молитвы светаго ѡтьца Іѡа́нна. и прихо́деще лю́діе възе́млють ѿ не́ю на вра́чбо всемꙋ́» [3]). Кромѣ того, по Евѳимію, Іоаннъ пробылъ въ пещерѣ 12 лѣтъ, «ни единнаго покоа телеснаго имѣе» [4]); а по апокрифу: «сътворѝ вь пе́щери то́й светы ѡтьць Іѡаннь не изьхо́де трѝ лѣта и 5 мѣсець». Отсюда, между прочимъ, ясно, что у патріарха Евѳимія былъ подъ руками другой изводъ апокрифа, нѣсколько отличный отъ напечатаннаго Гильфердингомъ, въ которомъ (т. е. въ изводѣ) явно богомильскія черты, могущіе возбудить раздоръ въ соціальной жизни, какъ напр. представленіе жены блудницею и т. п., сглажены или іеромонахомъ Романомъ или «рильскимъ постникомъ» Іосифомъ Брадатымъ. Послѣ этой вставки патріархъ Евѳимій опять возвращается къ кононическому житію софійск. редакціи и беретъ изъ него почти безъ измѣненій и съ сохраненіемъ мѣстами однихъ и тѣхъ же выраженій и текстовъ разсказъ о нападеніи разбойниковъ, представляемыхъ Евѳиміемъ въ образѣ діаволовъ,—который вошелъ и въ проложное житіе, а въ апокрифѣ сглаженъ до неузнаваемости. Патріархъ Евѳимій начинаетъ этотъ разсказъ своимъ обычнымъ пріемомъ:

---

1) Ср. Гильфердинга: Собр. соч. I, стр. 126, примѣч.; Гласник, кн. XXII, стр. 268—269.

2) Рукоп., л. 39б Гласник., кн. XXII, стр. 271.

3) У Гильфердинга: ор. с., стр. 127, примѣч.

4) Рукоп. л. 40б; Гласник., XXII, стр. 273.

«Днемъ доволнемъ прешадшимъ, поимлетъ въселукави . . .» [1]); въ проложномъ же житіи, напротивъ, сказано: «малꙋ же врѣмени прѣминоувшоу, діавольскыимь наваженикмъ. разбоиници». . . [2]); но въ кононическомъ житіи софійской редакціи при этомъ говорится: «по 6 мѣсяць отъ тоа горы отъиде» [3]). Какъ въ этомъ послѣднемъ житіи, такъ и проложномъ, прямо указывается мѣсто, на которое удалился Іоаннъ; въ первомъ сказано: «на гору възыде, на другую, еюже около рѣка течааше, спюже ту живущіи именоваху Рыла, древесы же многы учащена и хврастіемь». [4]), а во второмъ: «ѡнже ѿ тые горы изышь, вьселисе вь поустиноу рилскоую» [5]); между тѣмъ Евѳимій говоритъ только: «отходитъ оубо въ ино мѣсто разстоание не мало и моущне» [6]). Живописное описаніе дуба, въ которомъ поселился Іоаннъ, находящееся въ кононическомъ житіи софійской редакціи [7]), опущено патріархомъ, но въ описаніи жизни Іоанна здѣсь онъ вполнѣ согласенъ съ этимъ житіемъ и находится въ полной отъ него зависимости. Такая же зависимость видна и въ разсказѣ о нахожденіи Іоанна пастухами, гнавшимися за блуждавшей овцой, по житію софійской редакціи, или за овцами, по Евѳимію. Но послѣдній приводитъ эпизодъ, который въ первомъ является при нѣсколько иной обстановкѣ и немного ниже,— о томъ, что на обратномъ пути одинъ изъ пастуховъ тайно и безъ благословенія Іоанна нарвалъ много стручьевъ сланутка и, когда настигъ остальныхъ товарищей, всѣ съ жадностію раздѣлили между собою похищенные стручья, но, раскрывая ихъ, не нашли внутри ни одного зерна; раскаявшись, они возвратились къ Іоанну и, сознавшись въ своемъ проступкѣ, просили прощенія въ своей винѣ. Іоаннъ благодушно простилъ ихъ, говоря: «чада мои, всесильный Богъ благоволилъ, чтобы зеліе сіе травное здѣсь возрастало и здѣсь бы только и употреблялось въ пищу». Пораженные чудомъ, они по возвращеніи въ свои селенія, распространили во всей окрестности молву о святомъ старцѣ, и многіе изъ окрестныхъ мѣстъ приходили къ нему за благо-

1) Рукоп., л. 41. Гласник., XXII, 272.
2) Извѣстія Акад. Наукъ, т. VIII, стр. 150.
3) Великія Минеи Четіи. Октябрь, ст. 1520.
4) Ibid., l. c.
5) Извѣстія Акад. Наукъ, т. VIII, стр. 150.
6) Гласник., XXII, стр. 272.
7) Великія Минеи Четіи. Октябрь, ст. 1520.

словеніемъ» [1]). Въ житіи же софійской редакціи разсказывается, что пастухи, возвратившись на другой день послѣ того, какъ видѣли Іоанна, объявили своимъ товарищамъ о видѣнномъ; тогда всѣ они взошли на гору и видѣли отшельника, нарвали сланутка, который очень удивилъ ихъ, какъ и прежнихъ, что растетъ въ такомъ дикомъ и пустынномъ мѣстѣ, ѣли его вдоволь, не будучи ни кѣмъ удалены оттуда. Эти пастухи распространили молву о пустынножителѣ, къ которому послѣ этого сталъ приходить народъ, принося ему «ин҃ же убо хлѣбъ, другый же меса, другыи же ино что, иже к' напитанію» [2]). Разсказъ о приведеніи бѣсноватаго у Евѳимія почти дословно сходенъ съ такимъ же разсказомъ въ житіи софійской редакціи и даже до того, что повторяются одни и тѣже выраженія, впрочемъ съ двумя-тремя варіаціями [3]). Послѣ же

1) Рукопись, л. 43аб. Гласник, XXII, стр. 273 — 274. Муравьевъ, Житія, октябрь, стр. 301.

2) Великія Минеи Четіи. Октябрь, ст. 1522.

3) Для сравненія привожу это мѣсто изъ обоихъ житій.

Житіе софійской редакціи.

И ѩкоже тогда путемъ поидоша, мужъ нѣкый, единоселникъ, духомъ лукавомъ злѣ оземьствованъ, раздираа ризы своа и въ дому не живяше и врача обрѣсти не надѣѩшеся, примѣси же ся и тъи идущему народу, прахъ же на въздухъ сыпля и незнаемыми клицанми и дивными мрьмраніями таковаа сътворяше, бѣ бо человѣконенавистникъ діаволъ мысленою силою омрачаа. Поврьже убо того, ѩко двою поприщу преди реченнаго древа бяху грядуще, и ту абіе чюдо творитъ Богъ нашь, ѩвленіе же к нему присвоеніа блаженныихъ угодникъ, — преподобный отецъ, сътворивъ знаменіе, и не възможе немощныи поити, но на томъ мѣстѣ падъ, въпіаше: огнь оттуду срѣте мене, и попаляетъ мя безмѣрно, ѩко и въплю приложи въпля, и болѣзни не тръпяше. Связаше же лежаща и страждуща того, и носящи можаху ся разбѣгнути отъ великаго клицаніа давнааго бѣднующа. Ѩкоже къ древу приходящу и очи преподобному възведше, и поврьгоша бѣснующагося на земли, и сами падше ниць, и благословеніа прошааху, и о нихъ помолитися моляху. Діаволъ же имый человѣкъ: пламы пожигают' мя, глаголаше, приносите ничтоже к тому, въпіаше, и ѩкоже нѣкто — сіи есть, зовяше. И что ради сему таковаа прилучишася, въпрошаа убо преподобный пришедшихъ. Увидѣв же вину, ѩко отъ бѣса злую ту бѣду имать, просле-

Житіе по Евѳимію.

Мѹжъ же неки доѹхомъ нечестимъ ѿ многъ летъ самоѹщаемъ. ѩко оѹзре сихъ идоѹщи, послѣдоѹе темъ беше хоте пременитисе ѿ недоѹга. и ако паприща единого близъ ст҃гѡ бывше, абие сатресе его дх҃ъ нечисти. и падъ валаашесе вапие і гл҃ю, ѡгнь ѡпаляетъ ме и не могѹ напредъ поити. ониже свезаше его влечахѹ. са ноѹждею. и падше на землѹ прошахоѹ бл҃вениѩ полоѹчити. онъ же прошение испльнікъ. въпрашаше пришаствиѩ винѹ. ти же припадающе и просеще того ѿ недѹга прѣменити. нъ іѡанъ никакоже на се надѣесе бѣ. нъ (въ рук. на) на б҃га оживлающаго мрътвие. и нарицающаго не соуща ѩко сѹща не нашеже чеда мери гл҃е се дело ѥ не нашеѥ мери. б҃а же единого ѥ еже бѣси изгнати. и ми бо ч҃лвци пѡдобострастни есми. и тоюжде ѡбложени немощію. последоуаше бо и ва семъ владичнемоу гл҃сѹ вѣлѣщомоу. Єгда васа сотворите повелена вамъ, гл҃ите ѩко непотребни раби есми. ониже изліха належаахѹ мл҃ещесе. ѩко оубо тѣхъ видѣ, прилѣжнѣ налѣжѹщеи, и неѡслабно того принѹждоующе (вм. принѹждающе). слъзами себе обливъ. падаетъ на землю. и из глъбини ср҃дца въздъхнѹвъ. бж҃е въ троици рекъ ст҃ѣи покланѩемыи. сътворивыи въса видимаа и невидимаа. Єгоже въса боиетсе и трепещѹтъ, пм҃лѹи тваръ свою. и не даждъ, вл҃дко семѹ надлъзѣ мѹчимѹ быти. не наше ради правди. нъ ради твоеѥ бл҃ти и щедрѡтъ твоихъ. не съмъ бо дсто҃инъ бж҃е именовати твое пр҃тое име. моими нечистимы и скврънимы оусти, обаче на твою надѣюсе бл҃тъ. тебе призываю на помощь. самъ бо

этого патріархъ Евѳимій передаетъ въ нѣсколькихъ строкахъ о томъ, что около Іоанна собирались желающіе жить съ нимъ, но «он҆ же не попѹсти.... запретивъ имъ нектомѹ смеати прїити ка немѹ»[1]), что̀ совершенно иначе передается въ житіи софійской редакціи, гдѣ разсказывается, что желающіе поселиться вмѣстѣ съ нимъ, получивъ позволеніе отъ отшельника, «сътвориша кущу себѣ и до кончины трьпѣти съ преподобнымъ обещашася»[2]). Они приносили съ собою все нужное для прокормленія и предложили Іоанну, но послѣдній принялъ отъ нихъ только немного муки «сущіимъ съ нимъ на утѣшеніе или, аще пріити хощетъ кто». Здѣсь же разсказывается, что если кто рвалъ сланутка безъ благословенія Іоанна, то стручья дѣлались сухими въ рукахъ и оказывались безъ плодовъ, чѣмъ всѣ были удивлены. Патріархъ изъ этого небольшаго разсказа сдѣлалъ цѣлый эпизодъ съ пастухами, о которыхъ и здѣсь, немного ниже, говорится, что они часто приходили къ Іоанну, который, накормивши ихъ «отъ муки до сы(то)сти[3]), ... втайнѣ» отпускалъ[4]), — можетъ быть, руководствуясь въ данномъ случаѣ другимъ изводомъ житія. Относительно того, что

зися убо ради человѣчьскаго рода немощы, на небо очи свои възведъ и руцѣ простеръ, възва страждущаго именемъ. Он҆ же, услышавъ преподобнаго гласа, и без҆ гласенъ бысть, и пакы второе, приближився къ древу, и припаде к ногама его и облобызааше, валяся. Преподобный же въздвиже его рукою и всему множьству въз҆пити повелѣ: Господи помилуй. Людем҆ же убо преподобнаго творящіимъ повелѣніе, и по десятѣмъ въз҆глашеніи, о себѣ Богу моляся, бѣше бо и сице съ всѣми бесѣдуа, и оттоли лукавому духу мучити того и съкрушати запрещено бысть, но тъи убо прогнанъ бысть, сей же Богу благодареніе и того единого Іисуса Христа исповѣдаше. Колико убо радость бѣаше пришедшіимъ тогда о таковѣмъ видѣніи и колико удивленіе и колико ужасть, — и Бога славяху, преподобнаго облобызающе, а пастыремъ исповѣдающи благодать. Великія Минеи Четіи. Окт., стт. 1522—1524.

съ клѣтвою обѣщалъ еси оусты рабъ своихъ пророкъ, не хотети съмръти грѣшникѹ. сего ради припадаем҆ ти въси и милі се деюмъ, оуслыши насъ съ нбсе стго твоего, ѩко блвенъ еси въ вѣкы аминъ. Сице оубо томѹ помоликшѹсе, абіе бѣсъ изыде ѿ чл҃ка и здравъ бы въсъ и славлаше и хвалаше бга. Сѹщіи же съ нимъ, ѩко сіа видѣвше, оужасѡмъ съдръжими бѣхѹ. Рукоп. лл. 43б. — 45а. Гласник, XXII, стр. 274—275.

Это мѣсто взято мной безъ всякаго выбора; въ другихъ мѣстахъ сходство еще болѣе разительное.

1) Рукоп., л. 45. Гласник, XXII, стр. 725—276.

2) Великія Минеи Четіи. Окт., ст. 152.

3) Напечатано: до сысти.

4) Вел. Мин. Чет., Окт., ст. 1524.

Іоаннъ принималъ желавшихъ поселиться съ нимъ, тоже самое вкратцѣ сказано и въ проложномъ житіи [1]), какъ и въ житіи софійской редакціи. Приведенное выше мѣсто объ этомъ же у патріарха Евѳимія, по моему разумѣнію, взято изъ апокрифа или по крайней мѣрѣ, написано подъ вліяніемъ апокрифическаго сказанія, судя по тому, что оно противорѣчитъ исторіи образованія монастырей и въ частности Рилскаго монастыря. Далѣе патріархъ разсказываетъ, что Іоаннъ, желая совершенно быть въ уединеніи, удаляется съ этого мѣста; онъ нашелъ очень высокій камень, на который взошелъ и пребывалъ тамъ въ постѣ, молитвѣ и слезахъ. Діаволъ, которому не нравились подвиги Іоанна, набравъ легіонъ бѣсовъ, напалъ на него и стали его бить, толкать и волочить; сбросивши его съ камня, они удалились, думая, что онъ лежитъ мертвымъ. Іоаннъ, лежа въ изнеможеніи, стоналъ и взывалъ къ Богу; потомъ пришедши въ себя, всталъ и опять взошелъ на камень. Однимъ словомъ здѣсь повторяется подобный же эпизодъ апокрифа съ небольшой варіаціей въ концѣ [2]). Въ каноническомъ житіи дѣло представляется болѣе естественно. Іоаннъ, пребывавшій въ дуплѣ дерева, осаждается лукавымъ бѣсомъ съ легіономъ другихъ бѣсовъ; они стали сперва бросать въ него камнями, а потомъ, ворвавшись въ дупло, сбросили оттуда преподобнаго и затѣмъ разбѣжались. Жившіе съ Іоанномъ, собравшись по обыкновенію на молитву, нашли его лежащимъ на земли и были поражены этимъ; Іоаннъ разсказалъ имъ все случившееся, сказавъ: «отсели ктому таковое ничтоже будетъ»; его подняли [3]).

Послѣ этого слѣдуетъ разсказъ патріарха о болгарскомъ царѣ Петрѣ, желавшемъ видѣть Іоанна,—разсказъ, котораго нѣтъ ни въ каноническомъ житіи софійской редакціи, ни въ проложномъ житіи, и почти вполнѣ сходенъ съ такимъ же разсказомъ апокрифа. На основаніи этого я полагаю, что онъ сложился впослѣдствіи, когда мощи Іоанна перенесены были въ Софію, но едва ли на основаніи дѣйстви-

---

1) «.... и мнозы къ немоу притѣцахоу, и недоужніє свое приносяще. и мл҃твами ст҃го здравие приємлоуще ѿхождахоу, и изыде слава прпобнаго по всей земли тои. и мнозы поревновавше добродѣтелномоу житію ст҃го. и съ нимь жити изволише». Извѣстія Акад. Наукъ, т. VIII, стр. 150 — 151.

2) Гласник, XXII, стр. 276—277.

3) Великія Минеи Четіи. Окт., ст. 1524—1525.

тельнаго факта, иначе трудно объяснить, отчего до евѳиміевскія житія, кромѣ апокрифа, не отмѣтили его, тѣмъ болѣе, что онъ немаловаженъ. Апокрифъ такъ передаетъ его. Былъ тогда «Петрь царь въ Срѣдци гра́дѣ»; когда дошелъ до него слухъ о Іоаннѣ, о которомъ была распространена молва повсюду, онъ выбралъ 9 искусныхъ ловцевъ и послалъ «вь Рылу ловь ловити», наказавъ имъ не вернуться, пока не найдутъ мѣсто, гдѣ находился святой. Долго они ходили, но ничего не ловили и Іоанна не находили. Когда они стали голодать, обратились съ молитвой къ Іоанну, дабы онъ смиловался надъ ними и открылъ себя имъ. Іоаннъ исполнилъ ихъ просьбу, потому что онъ зналъ намѣренія и помышленія царя, и тотчасъ они нашли тропинку, по которой дошли до святаго. Онъ, спросивъ ихъ о причинѣ прихода, предложилъ имъ манну подъ видомъ малой просфирки, принесенную незадолго предъ тѣмъ ангеломъ «ѡбразѡм шипковемь», такъ какъ онъ зналъ, что они не ѣли уже цѣлыхъ пять дней. Одинъ изъ нихъ,—«веледядьць», увидѣвъ просфирку, подумалъ про себя, что она слишкомъ не достаточна для девяти человѣкъ; Іоаннъ проразумѣлъ его помышленіе и, вздохнувъ, мысленно просилъ Бога повторить чудо съ пятью хлѣбами. Чудо совершилось; они насытились и осталась еще добрая половина просфирки. Одинъ изъ нихъ былъ боленъ и выздоровѣлъ послѣ ѣды. Послѣ этого они возвратились къ царю, который, когда узналъ отъ нихъ о всемъ видѣнномъ ими, съ большою свитою отправился на мѣсто, гдѣ находился Іоаннъ. Дошедши до рѣки Рыла, ему показали это мѣсто и верховье рѣки; царь направился вдоль рѣки и дошелъ до камня подъ названіемъ Стогь, но онъ съ своей свитой не могли перейти, потому что мѣсто было тѣсно и круто; оттуда они поднялись на планину Книшаву и указали царю лѣсистую гору и камень, на которомъ пребывалъ Іоаннъ; царю хотѣлось отправиться къ нему, но не могъ по причинѣ пустынности мѣста; онъ послалъ двухъ отроковъ сказать святому отцу, что онъ пришелъ видѣть его, если возможно. Іоаннъ передалъ чрезъ нихъ царю, чтобы онъ устроилъ шатры, а онъ самъ сотворитъ дымъ и такимъ образомъ они увидятъ другъ друга. Когда царь и Іоаннъ видѣлись, прославили Бога и покланились другъ другу. Послѣ этого царь, насыпавъ миску золота, послалъ Іоанну; но послѣдній, принявъ миску, возвратилъ золото назадъ, наказавъ сказать назван-

ному брату своему—царю, что «не ѡ хлѣбѣ единомь и т. д.; мнѣ брате мой, ни вое рожити и никое кѹпле кѹповати. да вьзьми си злáто понѐже тебé есть мнóго потрéба, а чашѹ ю дрьжах на пáметь тебѣ, и на знáменіе мúрѹ», при этомъ онъ прибавилъ передать царю, чтобы послѣдній поспѣшилъ удалиться «ѡтъ мѣста того̀. понéже дѹбно есть, да не погúбнеши и вьсѝ сѹщіи с тóбою»; — и съ того времени мѣсто то называется «Царевь Врьх и до днесь», поясняетъ апокрифъ [1]). Почти одними и тѣми же словами повторяетъ этотъ разсказъ и патріархъ Евѳимій, впрочемъ съ двумя-тремя варіаціями, какъ напр. нѣтъ названія Стогъ, царь посылаетъ Іоанну и золото и овощей изъ столицы, по возвращеніи; Іоаннъ принимаетъ овощи, а золото возвращаетъ и др.,—и приведеніемъ посланій царя и Іоанна другъ къ другу, присочиненныхъ, по всей вѣроятности, самимъ Евѳиміемъ на основаніи или апокрифа, или народнаго сказанія. Что въ разсказѣ Евѳимія учавствуетъ народное сказаніе или народная пѣсня, по моему разумѣнію, видно изъ самыхъ словъ житія: «они же заповѣсть ѿ цара пріемше, быстре неже слово рылѹ достизахѹ» [2]),—выраженіе встрѣчающееся впрочемъ и въ другихъ житіяхъ; кромѣ того рилскіе монахи и настоящее время показываютъ Царевъ Връхъ,—одинъ изъ окаймляющихъ монастырь холмовъ, а въ церковной паперти въ первомъ отъ монастыря подворьи или хуторѣ «Орлица», по дорогѣ изъ монастыря въ с. Рилу, я видѣлъ въ 1879 г. на одной изъ нижнихъ иконъ изображеніе встрѣчи Іоанна съ царемъ Петромъ по описанію апокрифа, а не житія.—Слѣдующее за симъ мѣсто житія также почти совершенно сходно съ апокрифомъ,—даже означеніе времени, проведеннаго Іоанномъ на камнѣ, одно и тоже: 7 л. и 4 мѣсяца. Хотя описаніе кончины въ житіи отлично отъ описанія въ апокрифѣ, но за то оно отличается и отъ описанія въ каноническомъ житіи и синаксарія; по характеру же своему оно близко къ апокрифу.

Разсказъ патріарха объ основаніи общины и затѣмъ монастыря съ Іоанномъ во главѣ вполнѣ сходенъ съ подобнымъ разсказомъ житія софійской редакціи и почти дословно съ синаксаріемъ [3]), но вмѣ-

---

1) У Гильфердинга, въ Собр. соч. I, стр. 129—130, примѣч.

2) Рукоп., л. 47. Гласник., XXII, стр. 277.

3) Въ каноническ. житіи софійской редакціи сказано: «Времени же минувшу и еже къ преподобному вѣрѣ приращающіимъ всюду множьству чюдесемъ, и молит-

стѣ съ тѣмъ составитель нѣсколько противорѣчитъ себѣ, сказавъ раньше, что Іоаннъ не позволялъ никому поселиться около себя. Послѣ открытія мощей и до конца житія Евѳимій вполнѣ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и дословно сходенъ съ проложнымъ житіемъ, которое главнымъ образомъ служило для него источникомъ въ этомъ случаѣ, и во многомъ отступаетъ отъ житія софійской редакціи, гдѣ между прочимъ сказано, что Іоаннъ погребенъ чрезъ 40 дней, какъ онъ самъ распорядился, явившись во снѣ старшему своему ученику,—что̀ онъ сдѣлалъ и предъ открытіемъ мощей, какъ сказано и въ проложномъ житіи,—что въ Софіи мощи его были сперва положены въ епископской церкви и наконецъ, что рака его оста̀лась невредимой во время пожара въ Софіи. Кромѣ проложнаго житія у Евѳимія были подъ руки и мѣстныя, търновскія извѣстія, между которыми, по всей вѣроятности, и лѣтописныя. Очень возможно, что онъ зналъ и мѣстныя писанныя сказанія объ Іоаннѣ. Такимъ предположеніемъ можно объяснить отличія написаннаго имъ житія отъ синаксарія, а именно: названіе мѣста Крьстьць вмѣсто окопъ (vallum), неприведеніе имени игумена Рилскаго монастыря.—Если посланіе Іоанна Асѣня къ патріарху Василію, приводимое Евѳиміемъ, и имѣетъ фактическое основаніе, то по аналогіи съ характеромъ житія нужно признать, что оно риторически прикрашено составителемъ житія. Несомнѣнно, что и въ евѳиміевомъ житіи были: «идеже и до дньшнаго дн҃е лежитъ чудотворивое тѣло пр҃обнаго» и молитва о болгарскомъ народѣ, приводимыя въ концѣ синаксарія[1]), но были выброшены въ турецкое время, по всей вѣроятности, Владиславомъ Граматикомъ съ прибавленіемъ котораго о пере-

венный домъ нѣціи отъ боголюбивыхъ създаша, к подгорію хизины преставльше, келія сътвориша, и монастырь показаша, идеже прежде в' пустынѣ бѣше, в' неж̀е ему и власы своа остриг҄ши и стопамъ преподобнаго по силѣ послѣдовавшіимъ, и къ Богу по блазѣи надежди преставишася». Вел. М. Ч., окт., стт. 1525—1526. Проложн. житіе: «и мнозы поревновавше добродѣтельному житію ст҃го. и съ нимъ жыти изволише. и вь прилежимимь врьт҃пѣ цр҃квь сьтворише, монастїирь съставише. начелника и пастыра имоуще пр҃обнаго», и т. д. Извѣстія Ак. Наукъ, т. VIII, стр. 150—151; Вел. М. Ч., окт., ст. 1538. Послѣднихъ 5 словъ въ спискѣ, изданномъ Качановскимъ, нѣтъ. Ср. «Христіанск. Чтеніе» 1882, ч. 2-я., стр. 249. Въ кононич. житіи о игуменствѣ Іоанна не говорится, но только что «въ предлежащіимъ врьт҃пѣ себе самъ великый затвори, и за 12 лѣтъ отнудъ добродѣтельныа труды неизмѣнно показа». В. М. Ч., окт., l. c. За то въ проложномъ не означено число прожитыхъ Іоанномъ лѣтъ, какъ здѣсь и у Евѳимія.

1) Ср. Martinov, Annus ecclesiast. graeco-slavus, p. 203.

несеніи мощей Іоанна изъ Търнова въ Рилскій монастырь встрѣчается написанное патріархомъ Евѳиміемъ житіе св. Іоанна Рилскаго.

Синаксарій и трактатъ патріарха Евѳимія о св. Іоаннѣ Рилскомъ я называю житіями (проложное и евѳиміево) Іоанна Рилскаго търновской редакціи.

Евѳиміево житіе, разсказывая исторію Іоанна Рилскаго только до перенесенія его мощей въ Търново, оказалось уже недостаточнымъ послѣ перенесенія ихъ въ Рилскій монастырь въ 1469 г., потому что прибавилось въ ней новая страница,—цѣлое немалозначительное съ точки зрѣнія житійнаго событіе. По этому очень скоро послѣ завоеванія Болгаріи турками Димитрій Кантакузинъ по настоянію нѣкоторыхъ изъ своихъ друзей, какъ онъ самъ объясняетъ, пишетъ краткое житіе Іоанна съ такою же похвалою ему и разсказомъ о перенесеніи и возвращеніи его мощей изъ Тырнова въ Рилскую обитель[1]). Дмитрій Кантакузинъ кромѣ того написалъ и службу на память возвращенія мощей, какъ видно изъ краегранесія перваго канона: «Похвалꙋ ти ѿче Іѡанне плетꙋ димитрїи». Составитель самъ говоритъ о себѣ въ концѣ слова; онъ писалъ около половины XV в., въ царствованіи султана Мухамеда II (1451—1481 гг.), который завоевалъ Константинополь[2]).

Почти одновременно съ Кантакузеномъ составлена отдѣльная повѣсть о перенесеніи мощей преподобнаго Іоанна изъ Търнова въ Рилскій монастырь Владиславомъ Граматикомъ, которая вошла въ его сборникъ «Панегирикъ», составленный въ монастырѣ Богородицы у подножія Черной Горы (нынѣ: Кара-Дагъ недалеко отъ Скопіи), въ жеглиговскомъ округѣ, въ 1479 г., т. е. въ тотъ именно годъ, когда турки взяли Венецію,—значитъ при томъ же Мухамедѣ II[3]). Нужно

---

1) Оно озаглавливается: «Димитріа Кантакоузина. о житіи изложителное въ кратцѣ, съ похвалою малою. иже въ стыхъ прподобномꙋ и бгоносномоу ѿцꙋ іѡанноу, поустыние рылскыи жителю. поноуженноꙋ къ семꙋ ѿ нѣкоторыхъ томоу любезныхъ бывшоу. Въ немже и ѡ прѣнесеніи и възвращеніи мощиѥ его еже ѿ трьнова, въ обитель того чтнꙋю иже въ рылѣ» Рукоп. въ «Панегирикѣ» Владислава Граматика (лл. 515—525).

2) «Иже бо нами нынѣ царствꙋꙗй великіи и самодержавныи,....... кѡнстантіновъ великіи ꙗко пріꙗтъ градъ, по малѣ престолъ царствіꙗ въ немъ въдрꙋжаетъ» у Неофита: Слꙋжбы л. 3б предисл. У меня въ настоящее время нѣтъ подъ руками этого житія. Служба издана тамъ же, лл. 31—44; а изъ житія приставлена только хвалебная часть въ концу повѣсти Владислава Граматика. Тамъ же, л. 52—55.

3) Эта повѣсть помѣщается обыкновенно вмѣстѣ съ евѳиміевымъ житіемъ

предположить, что и Д. Кантикузинъ и Владиславъ Граматикъ писали или какъ очевидцы, или на основаніи разсказовъ очевидцевъ; послѣднее, мнѣ кажется, вѣроятнѣе.

При всемъ этомъ житіе Іоанна, написанное патріархомъ Евѳиміемъ, пользовалось на славянскомъ югѣ не маловажнымъ значеніемъ и, можно думать, въ сербскій періодъ болгарской литературы оно не только переписывалось, но даже передѣлывалось. Такъ можно по крайней мѣрѣ судить по изданному въ Кіево-Печерской лаврѣ въ 1671 г. списку[1]). Онъ составленъ изъ евѳиміева житія съ сокращеніями цѣлыхъ періодовъ и съ небольшими новыми прибавленіями изъ синаксарія, а именно: сначала до погребенія Іоанна по Евѳимію, а съ открытія мощей до конца по синаксарію. Что житіе дѣйствительно передѣлано, видно изъ предисловія, гдѣ прямо сказано: «сїе новоисправленное и напечатанное житїе и похвалꙋ»[2]); но гдѣ сдѣлано исправленіе въ Россіи или на славянскомъ югѣ, трудно сказать. Можно однако предположить, что на югѣ, тѣмъ болѣе что въ послѣсловіи говорится: «предлежащее прпбнагѡ Іѡанна Рылскаго житїе; ѩко обрѣтохомъ въ древнихъ рꙋкописанныхъ книгахъ, вѣрнѣ тѵпографїею врꙋчыхомъ», и скорѣе всего въ Софіи, судя по потому, что Евѳимій называется архіепископомъ Сардакійскимъ болгарскимъ[3]). Въ Россію оно перенесено, по всей вѣроятности, во время пребыванія Григорія Цамвлака въ Кіевѣ. Изъ прибавленій можно отмѣтить: «естъ сей Срѣдецъ въ странахъ еѵропїйскихъ, единъ сꙋщь ѿ славныхъ и нарочитыхъ градовъ»[4]). На поляхъ отмѣчены книги св. писанія, изъ которыхъ взяты тексты, и кромѣ того приведено одно объясненіе два раза: «Горохъ рогаты

Іоанна Рилскаго и потому употребляется общее для обоихъ заглавіе: «Житїе и жизнь преподобнаго ѡтца нашего іѡанна рылскаго. въ нюмже и како прѣнесенъ бы въ трънов. Съписано Еѵѳиміемъ патріархомъ трьновскынмь. на коньцѣ же слова и о обновленіи стые обители его иже въ Рылѣ и како пакы пренесенъ бы ѿ трънова въ тъже. славныи монастырь рылскыи. съписано послѣднимъ въ дикцѣхъ, Владиславомь граматикомь».

1) Описаніе этого изданія у Каратаева: Хронол. роспись славянскихъ книгъ напечатано кирриловскими буквами. Спб. 1861, стр. 104, и у Неофита: Слꙋжбы, лл. 1—3.

2) Житїе, л. 2 предисл.

3) Полное заглавіе слѣдующее: «Житїе прпбнаго и богоноснагѡ оца нашегѡ Іѡанна Рилскаго. Списаное иже въ стыхъ оцемъ нашим Еѵѳиміем Архїепкопомъ Сардакійскимъ Болгарскимъ» (подъ 19 октября).

4) Житїе, тетр. 3, л. 1а. Ср. Сырку: Житіе Николая Софійскаго. Спб. 1883, стр. LXVII; Псалтырь, напеч. въ Венеціи въ 1569 г.: «и азъ ꙗковъ ѿ прѣдѣлахъ македоньскихъ ѿ места зовомъ Софиа крайковъ снъ». Предисловіе, verso.

ногѹтъ»[1]) къ слову «сланѹтокъ» (сланѹтька), встрѣчаются одна-двѣ ошибки, напр. «Болгарскїй краль»[2]) вм. «оугорскїи или оугрскїи». Наконецъ во многихъ случаяхъ измѣнены годы, что̀ указано уже выше. Въ языкѣ замѣтны южнорусcизмы.

Имѣло ли житіе св. Іоанна Рилскаго, составленное Евѳиміемъ, большаго литературнаго значенія, въ настоящее время трудно сказать[3]). До настоящаго времени оно не было народной книгой; кромѣ того оно мнѣ не извѣстно на простонародномъ болгарскомъ или сербскомъ языкахъ.

Всѣ житія св. Іоанна, появившіяся послѣ перенесенія его мощей изъ Търнова, я называю житіями рыльской или, вѣрнѣе, послѣ-търновской редакціи. Такимъ образомъ являются три редакціи житія св. Іоанна Рилскаго: софійская, търновская и послѣ-търновская.

II

Другое, не менѣе распространенное произведеніе патріарха Евѳимія, чѣмъ только что разобранное, есть житіе преподобной Петки или Параскевы,— благодаря популярности имени, которое носитъ святая, какъ въ агіологіи[4]), такъ и въ народной поэзіи, сказаніяхъ и преданіяхъ почти всѣхъ ѐвропейскихъ народовъ[5]). Хотя св. Петка по мѣсту рожденія

1) Ibid., тетр. 5, лл. 1ª и 2ª

2) Ibid., тетр. 6, л. 3ª.

3) А. Поповъ говоритъ: «житіе Іоанна Рылскаго и преподобной Пятки, несомнѣнно, извѣстны были собирателю хронографа. О Іоаннѣ Рылскомъ въ хронографѣ сдѣлана замѣтка въ концѣ царствованія Императора Константина, сына Льва. «При семъ царѣ Константинѣ и при Болгарскомъ царѣ Петрѣ бысть Іоаннъ Рыльской». Затѣмъ въ 193-й главѣ хронографа въ статьѣ подъ заглавіемъ — царство Болгарское Асана Ивана царя Болгарскаго—упоминается о перенесеніи въ Терновъ мощей пр. Петки и Іоанна Рыльскаго, причемъ общій отзывъ о побѣдахъ Іоанна Асѣня передается словами Евѳимія, выдержки изъ которыхъ приведены выше». Обзоръ хронографовъ русской редакціи. В. П-й. М. 1869, стр. 33—34; I, стр. 191—194. Трудно оспаривать мнѣніе почтеннаго изслѣдователя. Но съ другой стороны не могу не допустить, что отмѣтки въ хронографъ могли попасть скорѣе изъ болгарскихъ лѣтописей или хронографовъ же. Ср. отмѣтку изъ лѣтописи румынскаго монаха Михаила Моксы, приведенную выше, въ примѣч. 1, на стр. 357. «Слова Евѳимія», судя по приведеннымъ А. Поповымъ выдержкамъ, могли одинаково принадлежать сколько житію, столько же и хронографической лѣтописи.

4) О Параскевахъ см. у Rigollot: «Ad acta SS. supplementum. Volumen complectens auctuaria Octobris et tabulas generales». Parisiis. 1875, p. 154—155.

5) О Пятницахъ у Веселовскаго: «Опыты по исторіи развитія христіанской

не славянскаго происхожденія, но она такъ срослась на южно-славянской почвѣ, что почти затмила своимъ именемъ народную Параскеву или Пятницу, судя по тому, что о послѣдней на славянскомъ югѣ и въ частности у болгаръ существуютъ одни только обрывки народныхъ сказаній и въ народной поэзіи, а иногда такъ смѣшались сказанія и преданія и притомъ самаго разнороднаго происхожденія о той и другой, что трудно въ нихъ оріентироваться. Не имѣя возможности въ настоящее время затронуть этотъ вопросъ, я ограничусь здѣсь только тѣмъ, что прослѣжу распространеніе имени св. **Петки**[1]) на житійной или церковной почвѣ.

Имя св. Параскевы на славянскомъ югѣ было извѣстно гораздо раньше, чѣмъ сама Петка сдѣлалась славянскою, а именно въ XI—XII в. [2]), а какъ славянское—въ XIII в. [3]), со времени перенесенія мощей преподобной въ Търново, и не только у православныхъ, но и у католическихъ славянъ[4]).

Преподобная Петка или Параскева была родомъ изъ села Епивата недалеко отъ г. Калликратіи въ окрестностяхъ Константинополя[5]);

легенды. П. Берта, Анастасія и Пятница» въ Ж. М. Н. П., ч. CLXXXIII, отд. 2, стр. 241—288; ч. CLXXXIV, отд. 2, стр. 50—116, 342—363; ч. CLXXXV, отд. стр. 327—367; ч. CLXXXVIII, отд. 2, стр. 186—251, ч. CXCI, отд. 2, стр. 76—125.

1) Подъ **Петкой** я разумѣю вездѣ Параскеву търновскую и сербскую.

2) **Сергій**, Полный мѣсяцесловъ востока. I, стр. 148.

3) Ibid., II, стр. 273; **Martinov**, An. eccles., p. 337 sqq. Дни памяти отмѣчаютъ: **Kulczynski**, Specimen ecclesiae Ruthenicae. Romae. 1733, p. 49—50; **Martinov**, An. ccles., p. 246; **Rigollot**, op. c., p. 154—155.

4) Rigollot. Ad acta SS. supplem., p. 155—156; Kulčzinski, Specimen, p. 50—51. Въ Кіевѣ празднованіе памяти преподобн. Петки 14 октября установлено Григоріемъ Цамвлакомъ. Митроп. **Евгеній**, Словарь истор. о бывш. въ Россіи писателяхъ духовн. чина. Т. I, Спб. 1818, стр. 105; **Šafařík**, Geschichte d. serbisch. Literatur. Prag. 1865, S. 120.

5) Объ **Епиватѣ** упоминаетъ Григора (ed Bon., II, p. 599 и 602) и I. Кантакузинъ (Hist. t. III, ed Bon., p. 345: Ἐπιβάτος, φρούριον τε περὶ Σηλυβρίας); а о **Калликратіи**—св. Ѳеофанъ въ Хронографіи (t. I, ed. Bon., p. 444) и Ѳеофилактъ Симокитта (Histor., t. VIII, c. VII, p. 328), который говоритъ: «χῶρος γὰρ πρὸ τὸν (scil. Κωνσταντινουπόλιν) ἄστεος οὗτος, λίαν ὡς ἔπος εἰπεῖν ὡρικός». О. **Риголло** предполагаетъ, что «Ѿ вьси епыватемь наричемѣ отъ града каликратіи» по гречески должно быть: «Ἐν τόπῳ Ἐπιβατῷ καλουμένῳ τῆς πρὸ τοῦ ἄστεως Καλλικρατείας». Ad acta SS., p. 159. Въ новѣйшія времена Епиваты = Ἐπιβατόν или Ἐπιβατούς называются **Пивадисъ** вм. **Епиватисъ**, **Пивадосъ**, **Епиватонъ**, **Бивадосъ** и **Бевадосъ**, а нынѣ рыбачье село **Боядосъ**, лежитъ на берегу Мраморнаго моря, на лѣвой сторонѣ р. Атиры (Γλυκὺ νέρον) между Константинополемъ или вѣрнѣе Буюкъ-Чекмедже и Силивріей. Ibid.; Извѣстія Ак. Наукъ, т. VII, стр. 154, примѣч. 12; Летопис матице српске 1873, књ. 115, стр. 175. Периодическо списание на Българско Книжовно

когда она родилась и умерла, неизвѣстно[1]), но подвизалась, по всей вѣроятности, во второй половинѣ X и въ первые годы XI в.[2]).

Мощи ея лежали сперва въ Епиватѣ, пока Іоаннъ Асѣнъ не перенесъ ихъ въ Търново вскорѣ послѣ 1230 г.[3]). Послѣ 1393 г. онѣ были перенесены въ Видинъ, а оттуда въ Бѣлградъ, гдѣ онѣ оставались до 1521 г.[4]) Изъ Бѣлграда мощи перенесены были въ Константинополь, гдѣ оставались до 1641 г., когда перенесены были въ Ясы въ Молдавіи. Слѣдовательно годъ открытія мощей преподобной остается неизвѣстнымъ.

Дружевтво въ Срѣдецъ. Кн. I. Срѣдецъ. 1882, стр. 49. Вальсамонъ говоритъ, что преподобный Петка почиталась «ἐν τῷ χωρίῳ τῇ Καλλικρατείᾳ». Rigollot, op. c., p. 157 и 158.

1) Ср. Rigollot., p. 159, § 17.

2) У преподобной Петки былъ братъ, Евѳимій, который былъ епископомъ мадитскимъ и также извѣстенъ подвижническими дѣлами, за что удостоился святости; объ этомъ Евѳиміѣ Михаилъ Пселъ въ своей похвалѣ патріарху Михаилу Керуларію, сообщая, что отличался святостію жизни, говоритъ: «ἀρχιερατεύει οὐ πόῤῥω πολὺ τῆς καθ' ἡμᾶς λενεᾶς». Лекіенъ прямо говоритъ на основаніи словъ Псела, что Евѳимій издавна зналъ Михаила Керуларія (патріаршествовалъ въ 1043 — 1058 гг.). Михаилъ Пселъ написалъ свою похвалу при преемникѣ Каруларія, Константинѣ Лихудѣ, на четвертомъ году патріаршества послѣдняго. Слѣдовательно отсюда можно заключить, что большая часть жизни Евѳимія падаетъ на X в. и только очень небольшая на первые годы XI в. Значитъ около этого же времени жила и преподобная Петка. Ibid., p. 158, §§ 12—13.

3) Я беру время послѣ этого года, потому что, какъ свидѣтельствуетъ надпись (Раковскій, Нѣколко рѣчи о Асѣню прьвому и сыну му Асѣню второму. Въ Бѣлградѣ 1860, стр. 9 и сним. Иречекъ, Исторія Болгаръ, стр. 337) въ церкви 40 мучениковъ въ Търновѣ, Іоаннъ Асѣнъ на 12 году своего царствованія, т. е. 1230 г., уже совершилъ-было всѣ тѣ завоеванія, о которыхъ говоритъ евѳиміево житіе Петки (Starine, IX, str. 57—58), слѣдовательно вскорѣ послѣ этого могло совершиться и перенесеніе мощей въ Търново. О. Риголло предполагаетъ, что перенесеніе могло совершиться послѣ 1236 г. и вѣрнѣе всего въ 1237 г., когда былъ заключенъ I. Асѣномъ съ франками договоръ при посредствѣ папы. Ad acta SS., p. 161. Ср. Иречекъ, Исторія Болгаръ, стр. 347. Вѣроятно, на томъ же основаніи относитъ перенесеніе мощей къ 1238 г. и архіепископъ Филаретъ. Святые южн. Славянъ, II, стр. 149. Въ русскихъ прологахъ и мѣсяцесловахъ перенесеніе относится къ 1201 г., но тогда франки не были еще въ Константинополѣ. Въ нѣкоторыхъ югославянск. синаксаріяхъ оно ставится подъ 6701 г., а отъ Р. Х. 1175 вм. 1193 г. Rigollot, op. c., p. 156. Но здѣсь предполагается, что въ синаксаріѣ вкралась ошибка и ѕѱа стоитъ вм. ѕѱл (= 1221 г. по сентябрск. году). Ibid., p. 161. По всей вѣроятности, того мнѣнія и о. іезуитъ Мартыновъ. An. eccles., p. 247. Нужно полагать, что нѣкоторые, если не всѣ, годы синаксаріевъ взяты изъ хронографовъ. Ср. Попова: Обзоръ хронографовъ русск. редакціи, I, 191—192; II, 33—34.

4) Летопис српске матице 1873, књ. 115, стр. 33.

Судя по тому, что спустя около ста лѣтъ[1]) существовало уже житіе преподобной Петки, можно предположить что и служба ей сочинена около того же времени, если не раньше. Самая ранняя славянская служба находится въ зографскомъ трефологіѣ второй половинѣ XIII в.[2]), но возможно, что она могла быть раньше на греческомъ языкѣ, если было уже житіе. Вѣроятно, славянская служба сочинена была въ Болгаріи и, по всей вѣроятности, недолго спустя послѣ перенесенія мощей, откуда она перенесена впослѣдствіи, по всей вѣроятности, въ Сербію[3]). Не имѣя этого житія подъ руками въ настоящее время, трудно сказать, на основаніи ли ея сочинена та служба, которая напечатана была Божидаромъ Вуковичемъ въ 1538 г. въ Венеціи и потомъ М. Милоевичемъ съ искаженіями и поддѣльными вставками[4]), какъ основательно доказалъ архимандритъ Иларіонъ Руварацъ[5]), и которую, какъ предполагаетъ С. Новаковичъ, могъ написать митрополитъ Григорій Цамблакъ[6]); такъ или иначе, но это житіе сочинено уже въ Сербіи или, вѣрнѣе, сербомъ, или, по крайней мѣрѣ, передѣлано тамъ.

Житіе, неизвѣстно, краткое или пространное, преподобной Петки явилось уже спустя около ста послѣ смерти или вѣрнѣе отъ времени ея жизни и, какъ и слѣдовало ожидать, на греческомъ языкѣ. Но въ настоящее время трудно сказать, каково было его содержаніе, потому что о немъ встрѣчается только свидѣтельство у Ѳеодора Вальсамона, въ толкованіи на LXIII правило пятаго-шестаго вселенскаго собора, гдѣ между прочимъ сказано, что «святѣйшій патріархъ Николай Музалонъ, нашедши житіе св. Параскевы, которая въ округѣ Калликратіи почитается, составленное неискусно нѣкіимъ деревенскимъ жителемъ на основаніи не кстати приплетенной бесѣды святой съ ангеломъ, приказалъ предать его огню, а своему діакону Василику повелѣлъ написать (новое) житіе преподобной»[7]). Ясно отсюда, что первое житіе

---

1) Rigollot, Ad acta SS., p. 157.

2) Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. Спб. 1876, № LXVIII, стр. 409.

3) Starine, knj. IX, str. 51.

4) Гласник., кн. XXXI, стр. 320—344.

5) Летопис српске матице 1873, књ. 115, стр. 172—178, гдѣ кромѣ того показано отношеніе между службами, напечатанными Божидаромъ и Милоевичемъ.

6) Starine, IX, str. 50.

7) Berengarius, Pand. can. t. I, p. 232. Rigollot, op. c., p. 157. Авторъ предпо-

было апокрифическимъ, а второе—каноническимъ. Риголло предполагаетъ, что первое житіе было болѣе древне [1]), что̀ весьма вѣроятно; но чтобы оно было сожженно только и изъ-за того, что написано человѣкомъ неученымъ и изложено грубымъ стилемъ [2]), мнѣ представляется мало вѣроятнымъ. Николай Музалонъ патріаршествовалъ съ 1147 по 1151 гг., слѣдовательно каноническое житіе написано въ половинѣ XII в. Было ли оно извѣстно болгарамъ до перенесенія мощей св. Петки въ Търново, трудно сказать; но весьма вѣроятно, что оно послужило основаніемъ для проложнаго житія търновской редакціи, которое написано, нужно полагать, немедленно послѣ перенесенія мощей въ Болгарію, судя по тому, что исторія перенесенія разсказана здѣсь только въ нѣсколькихъ словахъ [3]). Трудно сказать въ настоящее время даже приблизительно, въ какихъ именно годахъ было составлено это житіе, такъ какъ въ извѣстныхъ мнѣ рукописныхъ старославянскихъ минеяхъ его нѣтъ [4]). По житію, мощи св. Петки положены были въ царьстѣи црькві, между тѣмъ въ Търновѣ есть церковь св. Петки (света̀ Пе́тка), обращенная въ мечеть, но когда она построена, неизвѣстно [5]). Также неизвѣстно, съ какого времени св. Петка стала называться търновской или трьновской [6]); есть извѣстіе, довольно впрочемъ позднее, по которому въ 1352 г. болгарскій царь Іоаннъ Александръ кленется Параскевой Търновской [7]). Одно можно ска-

---

лагаетъ что это житіе есть то самое, которое помѣщается въ минеяхъ подъ шестымъ числомъ декабря послѣ св. Николая чудотворца. Ibid., p. 157.

1) Ibid., l. c.

2) Ibid., l. c.

3) Издано г. Качановскимъ въ «Христіанск. Чтеніи» 1882, ч. 2, стр. 219—221, по плохому списку; въ латинскомъ переводѣ у Rigollot: Ad acta SS. supplementum, p. 156, а ранѣе у Кульчинскаго, Specimen ecclesiae Ruthenicae. Romae. 1733, p. 49—50.

4) Неизвѣстно, есть ли оно въ заграфскомъ трефологіѣ второй половины XIII в.?

5) Архіепископъ Филаретъ говоритъ, что построена эта церковь Іоанномъ Асѣнемъ. Св. южн. слав. II, стр. 149, гдѣ ссылается на «прологъ окт. 14», въ «Извѣстіяхъ Ак. Наукъ», т. VII, 153, 154, но тамъ я не нашолъ ни проложнаго житія, ни указанія на извѣстіе о построеніи церкви.

6) Starine, IX, str. 48; встрѣчается во многихъ рукописяхъ какъ болгарской, такъ и сербской редакціи. Указаніе С. Новаковича на словарь Вука Караджича не вѣрно.

7) Ljubic, Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium, III, p. 247—248.

зать съ большимъ или меньшимъ основаніемъ, что търновская преподобная сдѣлалась очень рано популярною въ болгарскомъ народѣ, судя потому, что это проложное житіе ея переведено на простонародный языкъ и этотъ переводъ имѣлъ свою литературную исторію. Такъ я заключаю изъ нѣсколькихъ вставокъ въ житіе. Хотя переводъ этотъ извѣстенъ до настоящаго времени только въ сербскомъ изводѣ, но, несомнѣнно, онъ сдѣланъ въ Болгаріи, тѣмъ болѣе что въ его языкѣ замѣтны нѣкоторые слѣды болгаризмовъ[1]). Кромѣ того въ изводѣ идетъ разсказъ о преподобной Петкѣ до пребыванія ея мощей въ Търновѣ включительно; иначе нужно было ожидать продолженіе разсказа о пребываніи ихъ и въ Сербіи. Переводъ не буквальный, но перефразированный. Встрѣчающіяся въ немъ особенности касаются только подробностей. Умершій отъ тяжкой болѣзни карабельщикъ былъ зарытъ не глубоко около дороги, у нѣкоего столпника, и когда трупъ разложился, сталъ издавать зловоніе и т. д. Столпникъ принужденъ былъ слѣсть со столба и зарыть его такъ глубоко, чтобы вонь не слышна была отъ него; но когда узнали окрестные поселяне, пришли разрыли трупъ, чтобы зарыть его подальше, въ другомъ мѣстѣ. И такъ случилось, что они зарыли его при гробѣ св. Петки. Нашедши совершенно цѣлымъ гробъ ея и открывши его, они увидѣли въ немъ «тѣло цѣлокупно и чврсто здраво жѹто и благоѹханно» и были очень удивлены, не зная «чіе к и како лі е». Они говорили между собою: «если бы это тѣло было святое, то Богъ устроилъ бы, чтобы отъ него было какое либо чудо». Послѣ этого они опять его зарыли; «какъ оно лежитъ, говорили они, пусть здѣсь и остается!»[2])... Разрывши гробъ св. Петки и взявши ея тѣло оттуда, положили его въ кивотъ и перенесли его въ Цариградъ и положили въ церкви св. апостолъ... Фузы (вм. Фрузы, Франки), отнявшіе Цариградъ отъ Грековъ, были не самостоятельны, но подчинены болгарскому царю и платили, ему дань такъ какъ тогда съ обоихъ сторонъ моря царствовалъ надъ всѣми болгарскій великій царь Іоаннъ

1) Сербскій изводъ заключается въ одномъ изъ сборниковъ неутомимаго сербскаго труженника и имѣвшаго очень хорошее духовное образованіе іеромонаха Гавріила Стефановича (пис. въ 1716—1747 гг.) и напечатанъ проф. Г. Витковичемъ въ Гласникѣ, кн. XXXIV, стр. 166—169, въ статьѣ: «О књижевном раду іеромонаха Гаврила Стефановича» стр. 151—177.

2) Ibid., стр. 167.

Асѣновичъ, сынъ великаго царя Асѣна..... Наступило время, когда со всей земли нужно было собрать и взнести царю подать. И они, Фузы «Цариграждане (Цароград̂ане), приготовились-было съ данью и другими взносами явиться къ царю. Но царь ничего такого не пожелалъ..... [1]). Они же (Фузы) были очень опечалены этимъ, но нечего имъ было дѣлать, нельзя было воспротивиться царю, и собрали цариградскихъ именитыхъ людей и состали совѣтъ, и съ великою честію послали и отправили (мощи) въ царскій городъ Търновъ..... и положили предъ алтаремъ въ великой царской церкви, гдѣ онѣ почиваютъ до теперешняго времени [2]).

Я склоненъ думать, что похвальное слово препод. Петки, приводимое почти на ряду съ житіемъ [3]), составлено на основаніи търновской редакціи житія, хотя оно у него является въ позднѣйшей передѣлкѣ, сдѣланной, по всей вѣроятности, въ Босніи.

Житіе преподобной Петки, составленное патріархомъ Евѳиміемъ, было одно изъ самыхъ распространенныхъ его произведеній на всѣмъ славянскомъ югѣ. Поэтому тамъ оно довольно не рѣдко встрѣчается безъ прибавленія Григорія Цамвлака и въ такомъ видѣ оно вошло даже въ сборникъ Божидара, напечатанной въ Венеціи въ 1536 г. [4]) И это житіе, какъ и проложное, нужно полагать, уже довольно рано сдѣлалось любимымъ народнымъ чтеніемъ, судя потому, что оно является на простонародномъ болгарскомъ языкѣ со вставкой болгарскаго преданія о I. Асѣнѣ, составляющей небольшой варіантъ токого же преданія въ переводѣ синаксарія и другими особенностями, что̀ уже давно извѣстно изъ люблянской рукописи [5]). Хотя новоболгарскій переводъ по всѣмъ признакамъ языка новѣйшаго времени [6]), но, по моему разумѣнію, житіе преподобн. Петки должно было быть довольно распространено въ народѣ гораздо раньше, иначе трудно объяснить: какими

1) Ibid., стр. 168.

2) Ibid., стр. 168—169.

3) Ibid., стр. 169—176.

4) Starine, IX, str. 50. Изъ этого сборника оно перепечатано Новаковичемъ тамъ же, str. 53—59, 52.

5) Ж. М. Н. П., ч. CXLIV, стр. 106, гдѣ приводится начало и небольшой отрывокъ съ конца житія.

6) Проф. М. С. Дриновъ относитъ люблянскій сборникъ къ XVIII в. Периодическо Списание на Българско книжовно дружество въ Срѣдецъ. Кн. III. Срѣдецъ, 1882, стр. 13. Ср. Ж. М. Н. П. ч. CXLIV, стр. 103—104.

мотивами руководился переводчикъ, избравъ для перевода именно житіе этой святой, а не иной или инаго. Во время своего путешествія по Болгаріи въ 1878 г. мнѣ посчастливилось найдти и списать въ Русчукѣ другой списокъ этого перевода, который привожу здѣсь цѣликомъ[1]).

Мѣсеца того д҃і. житіе препѡдобные матере нашее пет'ки трьнов'скы́е, благослови ѡче. стихь: за молитвь...

Сльнце ко́л'кото има свѣ́ть, и свѣ́ти. толкози и на прѣподобнаа пе́т'ка па́мть що не просвѣтила по си́ч'ки свѣть. не́йно чюдо и не́йнь пость ко́й єзы́кь може исказа, що е тїѧ̀ сто́рила добра̀ ра́бота на зе́млю, на єпиватско мѣсто, и на тракі́йско, и на трь́новь, и на месїа, и на дал'ма́ти, и не тькмо по тїа мѣста. амѝ и по си́ч'ки свѣть. дето нашь ѹмь не мо́же да постигне. илѝ єзы́кь нашь да искаже си́ч'кото нѥ́йно чю́до и добро, и пость, и сльзы, амы̀ ко́л'кото нашь ѹмь пости́гнь, и написахь азь Єѵтимїе патріархь трьнов'скы̏, що знаѧхь. амѝ и вїе благословени христїане послѹ́шаите. Та́зи светаа и препѡдобнаа пе́т'ка ѿ мѣсто єпива́ти; бащâ нѥ́йнь, и майка и бѣха добры̀ и благочьстивы. и ходѣха по божїи заповѣ́дь милостынѧ чинѣха. и дрѹ́гы добрыни̇ бѣха ѹ тѣхь. И роди́ха тьзи чиста и христова голѹбица и дѣвица. и родиха и дрѹга мѹ́ж'ска, името мѹ єѵтимїе, що бы̂ напоконь на ма́дить епископь. И наѹча[ха] гы на на страхь божїи и на законь добрѣ̀. И прѣставиха се. и о̂ста светаа пет'ка сьс' брата си єѵтимїа. дето бы̂ епископь на ма́дить. и то́й мно́го чюдо пока́за та́мо. за́що̂ бѣ́ше [се] и то́й просвѣтиль сьс' пость, и мно́го добрыни̇, за това̀ се и посвети. и неговы мо́щи и до дне́ска чюдно исцѣлѥ́нїе чи́нѣть. И светаа пе́т'ка, ѿка́то погре́бе роди́телѥ свои̇ ѿрѣди́ гы добрѣ̀. тогази започѐ пость

1) Житіе заключается въ тетради, состоящей изъ десяти листовъ въ 4-ку, писанной довольно четкой и чистой скорописью на бумагѣ и составляющей отрывокъ изъ цѣлаго сборника; по письму его можно отнести къ самому концу XVII или началу XVIII в. Рукопись привезена изъ города Жеравны (въ сѣверовосточномъ углу нынѣшней Восточной Румеліи). Житіе препод. Петки занимаетъ 6 листовъ, изъ которыхъ на начальномъ, сверху и снизу на поляхъ, крупными буквами написано: ПАРАСКЕѴИ. На остальныхъ четырехъ листахъ находится часть житія св. Дмитрія: м҃ца того. к҃з моученїе ст҃го и славнаго велико́мника димитрїа мѵроточиваго. извадисе на но́ви̏ єзы́кь ѿ дамаскѵ́на инока, иподїакона и стѹдита. показѹва и за чюдеса̀ его̀. о҃че бл҃вы. с҃ за мл҃твь». Начальныя строки обоихъ житій написаны крупными вязными буквами. Рукопись, судя по внѣшности, пострадала отъ огня и воды. При печатаніи вышеприведеннаго текста я старался придерживаться подлинника, но всѣ лишніе надстрочные знаки я отбросилъ, а также и нѣкоторыя ударенія; нѣкоторыя же измѣнилъ.

и метáнїе, и бдѣнїе, и поревнáй се катô апостольскы̑ закóнь. и на зéмлѧ без'постéлѧ лéгнꙋ ваше и ѿтꙋка пáк' и сѐ испльни срьдцéто на мысль божестьвнаа, да ѝде вь пꙋстинѧ. и побѣ́гна ѿтамо, и ѿидѐ на пꙋстынѧ и тáмо прѣбывáше аггел'скыи чи́нь и подрьжà и като илїа, или кáто ιωáн'на крьстителѧ. пость, и бдѣнїе, и метанїе, и сльзы. стꙋдь, и пéкь, си́ч'ко трьпѣше, и вькꙋсюваше трѣвà мѣсто ѧстїе. и то по мáл'ко на вечерь и мол'ба непрѣстáн'но чи́нѣше. и ни́что да и̂маше мы́сль за ми́рь или̂ за хꙋбава прѣмѣна да се облѣчè. или за дóмь, и за стька, и за иманїе. ами тькмо очи́те и бѣха сльзы напльнєни, и мол'ба на бога. и си́чка ми́сль бѣше ѝ и надéжда на господа бога. и помыслюваше за вто́ро приш'ствїе за божїи сꙋдь. и кáкь да си оукраси дꙋшьта, да срѣщ'не христа бога сьс' свѣти́лникь ꙋкрасéнь. и кáк'во добрó да стóри, да чю́е тогáзи гльсь крóт'кь ѿ господа бога. и кáкь да си испльни с'вѣти́л'никь сьс' мáсло да влѣзе сьс' мꙋдрите дѣви́ци в' рáй, да се насити красотà рáйска, и хꙋбость и свѣтлость. и пѣсны аггельскыи. тькмо за товà ѝ бѣше мисль, и т[в]рьдѣ тагéваше сье срьдцето си, какь да полꙋчи оновà добрò. И такà провáждаше свóй жи́вoть по оньзи пꙋстинѧ за много врѣме. а лꙋкавыи дїáволь не прѣстáнꙋваше да ѧ плáши. и мнóго пьти се прѣтвáраше катò ѕвѣрь стрáш'нь. давно бы ѧ ꙋплáшиль да остáви пꙋстинѧ. Амѝ светаа пéтка имаше бога помóщника. и не прѣстáнꙋваха ѝ сльзы ѿ очите. и си́чка хы́трость дїавóл'ска исчезнꙋваше ѿ нєината молба. Таквьзи си́ла бѣше добы́ла ѿ бога. и ты̂ се бѣше подканила, макарь да бѣше жена. амѝ бѣше испльнєна дꙋха светаго, и бѣгаше ѿ нєа сила дїавóл'ска и исчезнꙋваше като дымь. давидь царь за таквúзи жéны пророчьствꙋвáше, и каже. вьжделѣеть царь дóбротѣ твоєй. и такà светаа пéт'ка сьс' голѣмь пость пребы мнωго годи́ны вь пꙋстинѧ. И вь єднà нóщь като си чи́нѣше мóл'ба и метáнїе и рьцѣте си вдигаше на гóрѣ и плáчѣше. и напрáсно вѝдѣ божестьвно видѣнїе. Єдинь аггель ѝ сѐ ѧвѝ като нѣкóи младь момькь. и свѣти, като свѣщь, и рече єи. да ꙋстáвишь пꙋстинѧта, и идѝ си пак' назад' на твóа бáщнина. защо тамо ти пωдобае да си остáвишь тѣлóто. а дꙋшáта ти щѐ да бьде на хꙋбави и на слад'кй рáи. Като видѣ светаа пéт'ка товà видѣнїе и чю тїѧ дꙋми. разꙋмѣ че ѐ ѿ бога товà видѣнїе и познà чѐ щѐ да сѐ прѣстáви скóро. и зарадоува се. и грижѣше се кáк'си остáвѣ пꙋстинѧта. Защо не може ни́що дрꙋго да очисти чьловѣкꙋ дꙋшьта като пꙋстынѧ. И тогáзи светаа пéтк'а като чю ωн'зи глась,

и да и сѐ нещеше. а тїа оста́ви онѣзи пѹстынѧ. И поиде прьвѣнь на цариградь, и влѣзе ѹ че́ркова христова. и мо́л'ба непрѣста́н'но чи́нѣше, ка́кь да иска́же чьловѣкь то́лкозы мета́нїа и покло́ны и сльзы и си́ч'кы дьни и но́щи на бдѣ́нїе бѣ́ше. и пла́чѣше и тьгѹваше за пѹстынѧта. И ѡбидѐ си́ч'ки че́рк'ви, като еднѝ пчелѝ рабо́тнаа що ѡб'хо́ди си́ч'ки цвѣтове пролѣтны. и поидѐ ѹ че́р'кова прѣсветѣй богородици что се зове влахе́рна. и тамо припа́де на икона прѣсветѣй богородици. Тебѣ владычице що си на си́ч'ки свѣть, и породила еси господа бога [1]). Азь мой живо́ть ѹ тебе ѹста́вихь. и на те́бѣ се надѣѧ да ме поми́лѹвашь. и не дѣи се гнѹси ѿ мене що сьмь твоѝ рабы́нѧ. защо и азь ѿ мла́дость твое́мѹ сынѹ послѣдовахь, и мо́лѧ се· и ти знаешь богородице моѧта же́н'ска ра́бота. и моѧ сла́бость що е на мо́ѧта дѹша озно́ба. Амѝ и ты светаа богородице, тѝ ми бьдѝ помощница. защо освѣ́нь тебѣ на дрѹго мѣ́сто не имам' да се надѣѧ. амѝ тѝ ми бьдѝ наста́вница да ме наставишь на добро и на послѹша́нїа. тѝ да ме ѹпа́зишь ѿ си́ч'кото злѡ̀. защо когѝ бѣ́хь вь пѹстинѧ, те́бе имахь помо́щница. А се́га [2]) сѐ врь́нахь вь мирь, амѝ пакь и сегѝ ме ѹчю́ваи и ѹпази, и помо́щница ми бьдѝ, и покрыи ме ѿ си́ч'ко злѡ̀. И товѝ се помо́ли, и пла́ка ѿ сѐ срьдце. И излѣ́зе и трьгна да и́де на своѧта си бащнина. и доиде́ до Єпива́ти что бѣ́ше нѥ́ино ѿчьство и прѣ́би тамо врѣме немало и никои не познаваше ѧ. и тамо пость ме́танїе и бдѣнїе, ко́й мо́же иска́за. Врѣме нѣ́кое прѣми́насе, и познѝ чѐ щѐ да се прѣста́ви. и сто́ри мо́л'ба на бога, и рече сь сльзи [3]). чьловѣколю́б'че владыко, да не оста́вишь ме́не що сьмь роби́нѧ твоѧ дето сьмь заради име твое ѡста́вила си́ч'ко. и к те́бѣ прибѣгнахь. амѝ господи боже мо́й, речѝ аг'гелѹ, ми́р'но да ми прїе́ме дѹшьта. и да мѝ не бь́де забра́нено да ѹлѣ́за на твое цар'ство ѿ нечи́сти и скврь́ны бѣ́сове. ами ме сподоби без' страхь да стань прѣд' твои стра́шныи прѣстоль. оти си благослевень господь вь вѣкы амї́н'. И то́ва се помо́ли, и то́ѧ ча́с' прѣда́де си дѹшьта богѹ. и тѣлото ѝ погребоха нѣко́и христїане, и не позна́ ѧ ни́кои, догдѐ ѧ и погре́боха. ни зна́ѧха ѧ ѿкыдѣ бѐ дошлѝ. И така прово́ди дните своѝ тѹка на землѧ. а та́мо наидѐ голѣмо добро и леснинѝ. Амѝ и тѹка господь богь не остави ѧ да ѐ за много днѝ ськрыена на́ землѧ, и да ѐ

1) На полѣ рукописи, противъ этого мѣста, означено: молитва.
2) Въ рукописи: се́та.
3) Тамъ же, на полѣ мѣста, противъ этого мѣста отмѣчено: молитва.

без' па́меть нѥ́йното чи́стое и свето тѣло. ами̇ пока́за чю́д'но и ди́вно заради нѥ́йните светые мо́щи. нѣкои постникь имаше та́мо на стлъпь прѣбы́ваше, и постеше се, бли́з8 при онова мѣсто гдѣто е быль гробьть светѣи петки. И сл8чи̇се та̀ 8мре нѣко́и гемеџїа, и фрьли́ха [1]) го тамо бли́зо при он'зи стлъ́пь. и поче да исходи [2]) ѿ нѥ́го смрадь злы, ко́л'кото вѥ́ке не мо́же тамо да помине чьловѣкь ѿ зла̑ миризма̀. Заедно и ѡн'зи стлъпникь вѥ́кѥ не мо́же да трьпи́ ѡн'зи смра́дь. ами̇ слѣзе ѿ ѡн'зи стлъ́пь. и на́идѐ чьловѣци и рече имь да ископають трапь голѣмь, да т8рѣть онова̀ тѣло что смрьдѣше. И ѡнїа чьловѣци посл8шаха оногози стлъпника. и поидо́ха тамо и зе́ха да копають и наидо́ха тѣлото светѣи пе́т'ки цѣло и х8баво и миризма̀ х8бава ко́л'кото навиваше тази ми́ризма на он'зи смра̀дь. И онїа чьловѣци бѣха гл8пави и не раз8мны, и не могоха да сѐ осѣтеть за онова̀ светѐе тѣло. за́що и никои не зна́еше че е тамо погре́бена. Ами се много чюдѣха, какъ да сто́реть. и рекоха си ме́жд8 се́бѣ: ко́и па́кь да копае на др8го мѣсто, амї ѐ т8ка то́изи гробь доста широ́кь и гл8бо́кь, да т8риме, и ѡнази мрьша да не смрѐди, а то ако бъ́де това̀ свето тѣ́ло. богь ще го извади. и зари́наха оньзи мрь́ша та́мо при онова светое тѣло. и разидоха се по домá си. И ѿ тѣхь нѣкои чьловѣкь геѡргїе името м8 христїа́ным' до́брь, и то́и като си поидѐ дома си. и повечерѣ напоконь, стань да се помоли бог8, като си чи́нѣше сѣко́ги мо́л'ба мнѡго. И на сьмн8ванїе заспа̀. и ви́дѣ една жена ка[к]то една̀ царица, и сѣди на столь злать свѣтли́кавь. и около̀ нѥ́ѩ стоють мнѡго мо́м'ци х8бави свѣтли́кави. и по́и (sic) се 8пла́ши и па́де на зе́млю и растрепера се; ѿ х8бость не мо́жаше да гле́да то́ѩ свѣ́ть. и еди́нь ѿ ѡнїа х8бави и свѣтликавы мо́м'ци. присть́пи и 8зе го за́ р8ка, и ре́че м8. стани̇ геѡ́ргїе, и оти сте така сто́риле та сте ѡста́виле онова̀ тѣло вонѐщо при тѣлото светѣи пе́т'ки. ами̇ скоро да по́идешь да изва́дишь мо́щите светѣи пе́т'ки. и да гы ѡста́вишь 8 ков'че́гь зла́ть. защо̂ царь пожа́ли нѥ́ина добрина̀. и ще господь сега̀ да ѩ просла́ви по си́ч'кы свѣть. Тога́зи и тѩ м8 сама под8ма. ско́ро извадѣте моите мо́щи. и положѣте на х8баво мѣ́сто. защо не мог8 да трьпимь азь за многото о́нзи смра̀дь [3]).

---

1) Тамъ же: фльли́ха.

2) Тамъ же, подъ строкой, подъ послѣдними двумя словами, записано позднѣйшею рукой: и пое да исхож[д]а.

3) Тамъ же: за много тонзи ста̀дь. Читаю: за многото онзи смра̀дь на томъ осно-

не бо́иш' ли се бога, да не бы пѹстилъ богъ ѡг'нь да ви попали. И азе сьмь чьловѣкь ѿ майка и ѿ бащѣ роде́на и моѧ̀ бащината ѐ епива́ти що го зовете. и де́то сте вые сега̀ на нѥго. И прѣз' тѣзи нощь дрѹга жена христіа́н'ка името ѐй е ефимїа. и тїѧ̀ таквози видѣла, и таквизи дѹми и нѥи рекле, и зарь́чале скоро оу́трѣ ра́но да ка́жете това̀, да ви ѿ бога ѡг'нь не изгори̇. И на оу́трѣ излѣзооха и два̀та, и ка́захѹ тамо на си́ч'ки по конець. И като чю́ха това̀ епива́тсцїи людїе, ско́ро си́чки текоха и сьс' голѣма радость изва́диха мощите ѥи, като нѣкое мнѡгоцѣн'ное скрови́ще. и много се чюди́ха на нѥ́иното светое тѣло ѿ толкози врѣме като стои цѣло и хѹбаво, и благооу́хае и ѿ хѹбава мирызма̀ да се чьловѣкь не наси́ти. И оузеха онова тѣло сьс' [с]вѣщи, и сьс' кадилници, и сь ѳимїань и измир'но, и дрѹгы хѹбави ароматы. и ѿне́соха ѭ сьс' голѣма радость, и положиха ѭ в' че́ркова светыхь апостоль. И тамо мнѡго чю́до сто́ри тога́зи светаа пе́т'ка. бѣснїи исцѣлиха, и бол'ны, и глѹгы, и ѕававы[1]). и ѿ сѣкаква̀ бо́лесть, кои дохо́ждаха, и вѣра и́маха чи́ста и любовь сь[с'] сѐ срьдце на светаа пет'ка то́ѭ часъ исцѣлѣваха. И прочю се и по си́ч'ка землѧ епиват'ска. и не ть́кмо та́мо се прочю̀. ами̇ и до цариградь. и по [си]ч'ка землѧ. И врѣме бы нѣкое. ѡслабнь грь́чьско ца́рство. и сьс божїе повѣ́ленїе, доидо́ха римлѧне и прѣеха цариградь. като ка́же давидь царь. сьс' палица желѣзна оудрьжа́ха. И си́чко ѹ цариградь плѣни́ха френ'ци. и ѡбра́ха, и злато и сребро. и черко́вни ѡдежди, и сьсѹди що бѣха мнѡгоцѣн'ни, заедно и светы̇ мо́щи. и си́чко ѿне́соха вь ри́мь. Това́ като видѣха и дочáкаха царогра́ждане, и благочь́стивы съборь. вьздѣхна тврь́дѣ, и голѣмь скрь́бь, и голѣ́ма тѣга имаха тога́зи. и хо́дѣха като мрь́твы. и молѧхасе богѹ и дѹмаха. Вьскрьсни вь́скѹю спи́шь господи. защо забора́ви нищетѹ, и гри́жата наша. и дрѹгы рѣчи, мнѡго молѧха и дѹмаха. И вь това̀ врѣме благочь́стивы̇ царь трь́нов'скы̇, іѡа́ннь Асѣню (sic), синь ста́ринѹ бль́гар'скомѹ царю Асѣню, крѣпко дрь́жаше тогази ца́р'ство. и ни́какь не ѹбоѭ се ѿ ѡнїа френ'ци като прѣеха цариградь. ами̇ е́днак' мѹ прилéгна врѣме во́иска да ди́гне, и да плѣнѹва нечь́стивы. и да прѣема землѧ мнѡго. И ско́чи

ванія, что два *о* могли ассимилироваться, какъ обыкновенно бываетъ въ рукописяхъ при стеченіи двухъ одинаковыхъ звуковъ.

1) Въ рукописи надъ этимъ словомъ написано позднѣйшею рукою: ѕздровѣваша

юна́ш'скыи сьс' божїе повелѣнїе. и прѣ̀ македо́н'ска землѧ. и сѣрь. и аѳон'скаа гора, си̑ рѣчь светаа гора. и ѡколо̀ що се гра́дове. солꙋ̂нь и си́ч'ка землѧ ѳеталїиска. и трива́лїя оу́зе. така́ и дал'матїа що е ар'банаш'ка дрьжава и прѣе и до дра́ча. и по сички земли̑, где̑ прѣ̀. постави митропо́лити и епископы, свѣтлии и благочьстивы̑. сьс' нѥгови светїи хрисовꙋли, що сѣ сега̀ ꙋ сла́вна ла́вра оу светѣи го́рѣ. И не тькмо тїа зе́мли като прѣ̀. да се оста́ви, и да мꙋ се досади̑. ами̑ поидѐ и на цариградь. и нѥго прѣ̀. и що бѣха тамо[1]) фре́н'ци поклониха мꙋ се. и прѣда́доха се, да сѣ нѥгова раѧ и да́нь да мꙋ давать. И така̀ си́ч'ко тамо ка́то прѣ̀. разбрасе и до нѥго светѣи пе́т'ки славата. какь е̑ светаа, и чи́ни исцѣлѥ́нїе и чю́деса. тврьдѣ си на оумь поло́жи за светаа пе́тка и распали[2]) мꙋ се срьдцето като еле́нь кога ѡжьднѣе за вода. така́ и царь їѡаннь асѣнь пожѐлѣ ка́кь да се добые до онїа светые мо́щи защо бѣше сѣ по си́чки свѣть'распрострѣла нѥина благодать, и нѥиното чю́до. И поидѐ царь на трьновь, и ꙋми́сли еди́нь зговорь [благь] и богꙋ оугодень. И тога́зи пꙋсти повелѣ́нїе на цариградь, що бя́ха та́мо фре́н'ци. и рече имь не ищꙋ вамь ни сре́бро, ни зла́то, ни бисе́рь, ни ка́менїе мнѡгоцѣнно. ами̑ вы ищемь що е на ваша фре́н'ска дрьжава градь епи́вати, дето има тамо мо́щи светѣи пе́т'ки. това̀ светое тѣло да ми дадете сьс' ков'чегьть си. То́л'кози и това̀ ищемь ѿ вась. Това̀ ка́то разбра́ха фре́н'ци що бѣ́ха оу цариградь. гото́ви ста́ньха и послꙋшаха цара сь[с'] си́ч'ко срьдце. и поклони́хасе на нѥговото повелѣ́нїе. и пꙋстиха писа́нїе и по́клонь до цара, и рекоха. Да бьде волѧ̀ твоѧ̀ многолѣтный царꙋ, що ищешь оузми. ако и доушьта ны ищешь, ные се тебѣ покла́нѧме и датищемь, и да бь́де оу до́б'рь ча́сь. Това̀ като чю̀ царь. обрадова се, и мнѣшемꙋ се, ко́л'ко да лети̑ и да фрька под' небе́то. и ѿ голѣма радость немаше ка́мо що да сто́ри. Защо мы́слѣше. ако си изда́мь си́чко зла́то и сре́бро, заедно и половина ѿ цар'ството си да́щемь. тькмо светаа пе́тка да прѣнесемь на мое цар'ство. И тога́зи пꙋсти прѣосвеще́н'наго Ма́рка митрополита, вели́каго прѣсла́внꙋ (sic). сьс' голѣ́ма по́чьсть, да по́иде на епи́вать градь, де прѣнесѐ тѣло́то прѣпѡдобнѣи пе́тки на сла́вны̑ градь трь́новь. И

1) Тамъ же: тамо бѣха, но надъ первымъ словомъ стоитъ *в*—, а надъ вторымъ *а*, означающія, по моему разумѣнію, что нужно читать: бѣха тамо.

2) Тамъ же: распꙋли мꙋсе, что̀ на македонскомъ нарѣчіи это значило бы: открылось, отворилось, но контекстъ этого не допускаетъ.

тога́зи поиди [1]) он'зи владика та́мо, и сто́ри си́чко по́чесно что трѣбоваше, и ȣзе ѡнїа мо́щи, и и́дѣше и хва́лѣше бога, и прѣпѡдобнаа пе́тка. И ка́то прѣми́на сы́[нȣ]рь ѳре́нскыи. и влѣзе на тъзи [с]тран̑ бльгар'скаа. си́ч'ки из'ѡколȣ гра́дове и села̀ излѣзȣваха насреща, сь[с] свѣщи, и свеще́н'ници облѣчени вь све́щеничьскыи оде́жди. и прова́ждаха свѣтȣю петкȣ сьс' кади́л'ници и ѳамїаномь и измир'но и сьс' дрȣгы хȣбави миризли́вы аромаѳи. И като разбра благочьстивыи царь ѡаннь. че посеть мощите светѣи пе́тки. излѣзе из гра́дь пѣшь, и ма́йка мȣ царица єле́на. и нѥгова царица анна. сь[с'] сички свои болѣре, и патриа́рь (sic) кȣрь васи-лїе, сь[с'] си́чки свещѐнницы и дїа́коны. и си́чки лю́дїе ѿ градь и доидо́-ха си́чки пѣшь ѿ градь на четыре погле́де. и срѣщнаха ю сьс' мнѡго почесть. и поклонисе царь до земли и цѣлова̀ ю рȣцѣ и тѣло чьстнѣ. и сички по́честно поклони́ха се и цѣлова́ха ю. и вне́соха ю вь гра́дь в чѐр'кова ца́рева и положиха ю вь лѣто ѿ рождьства, а҃с҃в. различно чю́до и исцѣлѥнїе чи́ни и до днесь. ко́и сьс' чи́ста вѣра прихожда на нѥинь ко́в'чегь. Благодатїю и чьловѣколю́бїемь господа нашего ıѵсоуса христа. Ємȣже слава вь вѣкы ами́нь.

Изъ сравненія всѣхъ извѣстныхъ уже списковъ евѳиміева житія св. Петки, видно, что они не всѣ дошли до насъ въ первоначальной полнотѣ. Напечатанные Божидаромъ южные списки, а также и нѣкоторые рукописные сербской редакціи [2]), представляютъ большія сокращенія въ риторическихъ украшеніяхъ житія, составленнаго Евѳиміемъ. Только списки въ «Панегирикѣ» Владислава Граматика и почти всѣ русскіе являются полными, но съ небольшими измѣненіями въ текстѣ и прибавленіемъ повѣсти Григорія Цамвлака о перенесеніи мощей преподобной въ Сербію; насколько мнѣ извѣстно, только списокъ въ рилскомъ «Панегирикѣ» представляетъ исключеніе [3]). Изъ переводовъ самый полный—новоболгарскій, приведенный мной выше [4]).

---

1) Вмѣсто: поиде.

2) Ср. Starine, IX, str. 50.

3) Указанные проф. Голубинскимъ (Исторія православн. церквей, стр. 668) списки будто житія преподобной Петки по рукоп. Троицк.-Сергіевой л. № 755, XV в., л. 284 и № 805, XVII в., л. 224, суть житія мученицы иконійской Параскевы. Опис. слав. рукоп. библ. св. Тр. Серг. л., ч. III, стр. 156 и 254. Лучшее, критическое изданіе Евѳиміева житія съ прибавленіемъ Григорія Цамвлака, напечатаннымъ впервые, есть указанное выше, въ «Вел. Мин. Четіяхъ». Октябрь (Спб. 1874).

4) Списокъ въ люблянской рукописи вполнѣ сходенъ съ вышеприведеннымъ

Составленное патріархомъ Евѳиміемъ житіе преподобной Петки, какъ видно изъ его начала, по порученію Іоанна Шишмана, въ той ея части, гдѣ разсказана исторія святой въ то время когда она находилась не въ Търновѣ, имѣетъ своимъ источникомъ греческое житіе преподобной, по мнѣнію о. Риголло, то именно которое встрѣчается въ минеяхъ греческихъ подъ 4-мъ числомъ декабря, и которое, по его же предположенію, принадлежитъ діакону Василику[1]). Такъ ли это, или нѣтъ, не берусь сказать, не имѣя подъ руками этого житія. Но явленіе преподобной Петки юноши въ пустыни,—эпизодъ, выброшенный изъ проложнаго житія,—напоминаетъ мнѣ житіе, составленное неискусно и грубо «нѣкіимъ поселяниномъ», хотя, признаюсь, это предположеніе весьма смѣло. Но съ другой стороны весьма вѣроятно, что діаконъ Василикъ многое внесъ изъ этого житія въ свое, значительно смягчивъ угловатости внесеннаго. Нельзя ли предположить, что въ житіе Петки Търновской могло войдти кое-что изъ житій другихъ Параскевъ? Кое-какія основанія для такого предположенія есть. Проложное житіе преподобн. Петки ничего не знаетъ, о св. Евѳиміѣ, братѣ ея. Кромѣ того разсказъ о снѣ у Евѳимія значительно разнится отъ изложенія его въ проложномъ житіи: здѣсь обращается съ рѣчью къ Георгію, взявъ его за руку, только «едынь ѿ мѹжей свѣтлыихь», между тѣмъ какъ по Евѳимію—сперва «единь отъ свѣтлыхъ воинь», а потомъ и сама «царица». Молитвы Петки присочинены, несомнѣнно, Евѳиміемъ, по его обыкновенію. При всемъ этомъ нельзя предпиложить, что бы патріархъ Евѳимій при составленіи житія св. Петки оставилъ безъ вни-

---

мной, судя по отрывкамъ въ «Ж. М. Н. П., ч. CXLIV, стр. 106—108. О вставкѣ въ этомъ спискѣ см. ibid, 108—110. Латинскій переводъ кроатскаго минорита Рафаила Леваковича, сдѣланный по славянскому часослову (Horologio Slavico. Венеція, 1547 г.), у Rigollot, «Ad acta SS. supplementum», который передаетъ точно содержаніе житія, перепечатаннаго С. Новаковичемъ (Starine, IX). Русскіе переводы у Муравьева: (Житія, октябрь, стр. 248—263) и у Филарета (Святые южн. Славянъ, II, стр. 245—249) передаютъ евѳиміево житіе въ избранныхъ отрывкахъ съ прибавленіями изъ святогорца Никодима и Григорія Цамвлака.

1) «Многа убо и дльга будетъ о преподобнѣй сей повѣсть, и нашь умъ ко сей бо лѣпотѣ не довлѣетъ, но елма дръжава твоего благочестиваго царствія усрьдствуетъ и понуждаетъ нашу немощь, в сие благое и богоугодное дѣло не будетъ ключимо, еже толико усрьдіе же купно и желаніе презрѣти твоего благочестиваго и дръвнав҆наго царствія..... Сего ради и азъ по твоей дръжавѣ повелѣ[ни] нынѣ (въ Панегирикѣ: «повелѣніоу нынѣ), не просто и туне, но усрьдно и съ т҆щаніемъ слову изъявленія творю». Вел. Мин. Чет. Окт., ст. 1023. Ad acta SS., p. 157.

манія проложное житіе ея. Такъ можно заключить изъ того, что какъ самый ходъ разсказа въ обоихъ житіяхъ одинъ и тотъ же, такъ и нѣкоторыя эпизоды разсказываются одинаково, а именно: происхожденіе св. Петки и ея воспитаніе, подвиги въ пустынѣ, отправленіе отсюда въ Цариградъ и посѣщеніе ею свѣтынь только безъ названія послѣднихъ и, конечно, вкратцѣ. Также вкратцѣ разсказывается и о перенесеніи мощей въ Търново безъ наименованія завоеванныхъ болгарскимъ царемъ областей, но за то мѣстами въ обоихъ житіяхъ повторяются одни и тѣже слова. О похвальномъ словѣ, прибавленномъ Евѳиміемъ въ концѣ своего произведенія, съ пожеланіемъ благоденствія болгарскому царю при проложномъ житіи не можетъ быть и рѣчи. Служа такимъ образомъ для патріарха въ видѣ рамки, въ которую онъ заключилъ фактическую сторону своего произведенія, проложное житіе не могло служить ему источникомъ при изложеніи въ житіи фактовъ изъ болгарской исторіи. Самъ патріархъ не могъ быть, свидѣтелемъ при совершеніи этихъ фактовъ, если бы даже и не говорилъ въ житіи объ этомъ[1]). Слѣдовательно у него были мѣстныя извѣстія объ этихъ фактахъ, а именно лѣтописи, записи и другіе оффиціальные, а можетъ быть, и неоффиціальные документы[2]), которые были доступны ему болѣе, чѣмъ кому-либо другому, а въ данномъ случаѣ по преимуществу. Но такъ какъ до насъ дошло весьма мало такого рода документовъ, то это произведеніе патріарха Евѳимія имѣетъ кромѣ историко-литературнаго значенія еще документальное. Чтоже касается стиля, то это, житіе по моему разумѣнію, одно изъ самыхъ риторическихъ произведеній Евѳимія; по нему одному можно заключить, что составитель его одинъ изъ лучшихъ риторовъ своего времени.

Самый ранній и вмѣстѣ съ тѣмъ самый лучшій и достойный передѣлыватель или вѣрнѣе редакторъ евѳиміева житія св. Петки былъ

---

1) Ср. «Азъ убо аще и тогдашняго твоего срѣтенія (напеч.: осрѣтенія) лишенъ быхъ, по нынѣ ѩко сокровище многоцѣнное тебе зря, ѩко одушевленнѣ тебѣ отъ усрьдія глаголю, ѩже тогда глаголати хотѣхъ». Вел. Мин. Чет., окт., ст. 1038.

2) Образцами могутъ служить лѣтописныя замѣтки въ русскихъ хронографахъ (у Попова: Обзоръ хронографовъ, I, стр. 191), извлеченные, несомнѣнно, изъ болгарскихъ лѣтописей, надпись на колонѣ въ церкви 40 мучениковъ (у Раковскаго: Нѣколко рѣчи о Асѣню прьвому, стр. 9 и снимокъ) и грамота I. Асѣня отъ 1218 г. (у Срезневскаго: Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. Спб. 1879, стр. 9, № II).

одинъ изъ учениковъ послѣдняго търновскаго патріарха, Григорій Цамблакъ, бывшій впослѣдствіи митрополитомъ кіевскимъ. Онъ кромѣ немногихъ измѣненій въ житіи вставилъ между фактическою частію и похвалой преподобной цѣлый разсказъ о перенесеніи мощей св. Петки въ Сербію[1]). Какъ житіе, такъ и этотъ разсказъ написанъ въ одномъ и томъ же стилѣ и имѣютъ тѣже значенія и съ документальной стороны еще большее, такъ какъ касается весьма важныхъ моментовъ южнославянской исторіи конца XIV и начала XV в. и въ особенности для исторіи Болгаріи, а именно паденія послѣдней подъ власть турокъ, и взятія Търнова и Видина. Цамблакъ говоритъ, что Търново, столица Болгаріи, взята совершенно неожиданно[2]), при чемъ весьма живописно, хотя въ самыхъ краткихъ чертахъ, описываются естественныя укрѣпленія столицы. По взятіи города Баязедъ, который самолично участвовалъ во взятіи, приказалъ вынести предъ собой всѣ тамошніи драгоцѣнности и вмѣстѣ съ тѣмъ и богато украшенныя раки съ мощами святыхъ. Мощи св. Петки выпросилъ себѣ бдинскій царь Срацимиръ[3]) и перенесъ ихъ въ Бдинъ (Видинъ).... Срацимиръ повѣрилъ ложнымъ обѣщаніямъ султана, но Баязетъ, схвативши его, не помиловалъ, а приказалъ связать и заточилъ въ Бруссу. Послѣ этого султанъ захватилъ все богатство Срацимира и вмѣстѣ съ тѣмъ и мощи св. Петки. Сербская княгиня, «съпроужница приснопоминаемаго и стаго кнеза лазара», пользовавшаяся большимъ уваженіемъ султана, съ сыновьями Стефаномъ и Вълкомъ и вдовою деспота Углеша, монахиней Евѳиміей пришли къ Баязету и испросили мощи св. Петки и пере-

---

1) Этотъ разсказъ обыкновенно встрѣчается вмѣстѣ съ евѳиміевымъ житіемъ преподобной Петки, полное заглавіе котораго слѣдующее: «житіе и жизнь преподобные матере наше пеҭки, въ ніемже и како прѣнесена бысть въ преславный градѣ трънwвь. съписано кѵръ евѳиміемь патріархомь тръновскимь. въ конц҄ѹ же слова и како пакы пренесена бысть въ славноую землю срьбьскꙋю. списано Григоріемъ Цамблакwмь»; въ спискахъ житія онъ отмѣчается: «Цамблаково», а послѣ него: «патріархово». Онъ былъ изданъ нѣсколько разъ: въ Вел. Мин. Четіихъ. Окт., стт. 1034—1038; К. Иречкомъ въ «Периодическо Списаное на Българско Книжовно Дружество въ Срѣдецъ», кн. I. (Срѣдецъ. 1882), стр. 50—52, хотя не въ цѣлости, и наконецъ г. Качановскимъ въ «Христіанск. Чтеніи» 1882, ч. 2-я, стр. 262—265, но съ ошибками.

2) Существуютъ преданія о предательствѣ.

3) У Муравьева: Житія, окт., стр. 260: «мощи испросилъ у султана Молдо-Влахійскій властитель, державствовавшій надъ Дунайскими городами, и къ себѣ перенесъ сіе сокровище» Ср. Филарета: Св. южн. Сл. II, стр. 150.

несли въ Сербію[1]). По требованію обстоятельствъ, Григорій Цамвлакъ сдѣлалъ слѣдующія, по моему разумѣнію, измѣненія въ текстѣ житія: въ перечисленіи странъ, въ которыхъ св. Петка показала свои чудеса, Мисія и Далматія могли быть прибавлены только въ позднѣйшее время, когда мощи святой были въ Сербіи, иначе въ Далматіи нужно признать одну изъ святыхъ Параскевъ какъ думаетъ о. Риголло[2]); также и въ концѣ похвалы, въ молитвѣ вм. «благочестиваго царя нашего», какъ въ рилскомъ «Панегирикѣ», поставлено «благочестиваго господина нашего деспота Гіорга», и нѣсколькихъ другихъ мелкихъ.

Когда написанъ этотъ разсказъ, трудно въ настоящее время опредѣлить; но онъ въ XVI в. былъ извѣстенъ. На славянскомъ югѣ въ спискахъ житія преподобн. Петки онъ не особенно распространенъ, и у Сербовъ почти неизвѣстенъ. С. Новаковичъ, основываясь на два мѣста службы, напечатанной Божидаромъ, думаетъ, что оно было извѣстенъ божидаровымъ книжникамъ (književnici)[3]); но едвали это вѣрно. Божидаръ могъ знать о перенесеніи мощей, но сказаніе могло остаться ему неизвѣстнымъ, иначе онъ непреминулъ бы издать его вмѣстѣ съ житіемъ. Очень можетъ быть, что эта повѣсть написана Григоріемъ въ бытность его въ Молдавіи игуменомъ въ монастырѣ Нямцу или Пандократора[4]). Митрополитъ Евгеній говоритъ, что Григорій Цамвлакъ написалъ житіе св. Петки[5]). По всей вѣроятности, подъ послѣднимъ нужно разумѣть евѳиміево житіе съ этою именно вставкою.

---

1) Этими данными подтверждается сербское извѣстіе, какъ «царь Баязидъ изведе царя Срацимира отъ Бдина», и кромѣ того еще одно мѣсто изъ житія Стефана Лазаревича, составл. Конст. Философомъ, гдѣ сказано, что, предостерегая Стефана относительно Угровъ, сказалъ: «ѡ възлюбленне. и что на Оугрѣхъ оуспѣти хотѧше. азъко землю ѩко свою ѧ҆зѧти хотѣхъ непокорѧющааже сѧ. мечевы плѣнѧ прѣдати хотѧ, ты же тамо что имѧше сътворити. кто же ли о влачѣствовавшіихъ и Оугрѡмь главѧ прѣклонь. свое чꙋство постиже. И въспомѧнжевъ по имени Блъгарскыихъ црѣи и прочихъ». У Попова: Изборникъ славянск. и русск. сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы русской редакціи. М. 1869, стр. 108. Ср. Иречка: «Българскій царь Срицимирь Видинскій» въ «Периодическо Списание на Българск. Книж. Друж.», кн. I, стр. 50. О смерти Срацимира Цамвлакъ ничего не говоритъ, но нѣтъ сомнѣнія, говоритъ г. Иречекъ, что онъ изъ Бруссы болѣе не возвращался и тамъ нашелъ себѣ конецъ жизни. Ibid. l. c.

2) Ad acta SS., p. 162—163.

3) «Пришьствіемь светымь твоимь срьбьска земла обогати се» (стихира на литіи) или «Богатьсво ѡбрѣте неиждивꙋштее срьбьскаꙗ земла ныне светые мошти скровиште многоцѣнное мирꙋ ковчегь неисчрьпаемiи (слава гласъ 8-й). Starine, IX, str. 50.

4) Ср. Ibid., l. c.

5) Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина, грекороссійской церкви. Спб. 1818, стр. 105.

По перенесеніи въ Сербію мощей св. Петки ее стали называть сербскою[1]) и самъ Григорій Цамвлакъ какъ будто былъ проникнутъ этою мыслію, говоря: «Отъятъ Владыка Болгарскую славу отъ нея, дарова же ей Срьбьскую»[2]). Названіе это было также популярно въ Сербіи, какъ и «тръновскаа» въ Болгаріи, и утвердилось въ проложномъ житіи, которое вошло и въ русскіе прологи. Поэтому житію преподобная Петка родилась въ земли сербской близꙋ Цариграда и Каликратіи, въ селѣ Епиватѣ. Затѣмъ вкратцѣ говорится о перенесеніи мощей въ Валахію, откуда онѣ взяты султаномъ въ Константинополѣ, гдѣ положены были въ патріаршей церкви, а потомъ въ 1641 г. патріархъ Парѳеній уступилъ ихъ молдавскому господарю Василію Лупу въ вознагражденіе за уплату послѣднимъ долговъ патріархіи; господарь тайно перенесъ ихъ въ Ясы, гдѣ онѣ находятся до настоящаго времени въ построенной имъ церкви въ трехъ святителей[3]). По другимъ спискамъ житія мощи были взяты султаномъ изъ Търнова прямо въ Цариградъ, гдѣ положены были въ царскомъ дворцѣ, но потомъ переданы были патріарху, чтобы не возбудить противъ себя христіанъ; патріархъ же вмѣстѣ съ соборомъ или синодомъ уступилъ ихъ молдавскому господарю[4]).

---

1) Случаи, упоминаемые въ рукописяхъ сербской бредакціи и нѣкоторыхъ печатныхъ книгахъ, почти всѣ собраны о. Ил. Руварцемъ въ «Летоп. српске матице 1873, кн. 115», стр. 173. Извѣстный сербскій патріотъ Милошъ Милоевичъ приводитъ якобы по рукоп. прол. XIII в. (1211 г. въ жоупѣ дьбрьцкой мѣстѣ Бѣлградѣ) «Слꙋжба преподобніе матере наше петки параскеви срьбьской (называемой) епадаврьской (въ памятникѣ XIII в.: «рекоми доубровачьские»), а въ концѣ службы слѣдующій сохранившійся (!) начальный отрывокъ житія: «Света дѣвица вь монахинихъ нарицаема Параскевіа бысть рождена въ градѣ Єпидаврѣ срьпьскомь ѿ христолюбивыхъ и благочьстивихъ родитель, христіань, вь време кралю хвалимира потщеніемь молитвою и богооугодѣніемь . . . . . оудостоила се . . . . . и свете мощи сіе вь Трьнѣ срьпьскомь». . . . Затѣмъ приводитъ еще слѣдующее мѣсто изъ старой бумажной рукописи (?): «Пренесоше мощи светіе Петки срьбской изь царствꙋющаго града бугарскогь Трьнова въ срьбьски Трнь епискꙋпіе нишке въ ѕѡдв». Гласник, кн. XXXI, стр. 320, 344—346—347. О. Иларіонъ Руварацъ воздалъ должное г. М. Милоевичу въ своей спеціальной по поводу изданія этой службы и приведенныхъ тамъ отмѣтокъ въ рецензіи «Лѣтописѣ српске матице 1873, кн. 115», стр. 173—178. Еслибы даже что либо подобное могло существовать по мимо стараній и трудовъ г. Милоевича, то по времени оно не можетъ быть принято за подлинное. Я не привожу отмѣтокъ г. Милоевича изъ 3-ей книги его «Путописа дела праве (Старе) Србије» У Београду 1877, стр. 161, 167, потому что такъ безастѣнчиво сдѣланный подлогъ и поддѣлки такъ ясны, что не заслуживаютъ серьознаго возраженія.

2) Вел. Мин. Чет., окт., ст. 1038.

3) Муравьевъ, Житія, окт., стр. 260. Филаретъ, Свят. южн. Слав. II, стр. 150.

4) Книга житій стыхъ.—Минея Четья св. Дмитрія Ростовскаго Кіево-Печерск. л. 1768, л. 193б. О перенесеніи мощей преподобной Петки въ Молдавію см. молдавскую

Это житіе составлено на основаніи евѳиміева житія св. Петки[1]), по всей вѣроятности, въ Молдавіи, гдѣ оно, нужно полагать получило свою окончательную редакцію подъ вліяніемъ или на основаніи румынскихъ житій св. Петки, составленныхъ молдавскими митрополитами Варлаамомъ (упоминается подъ 1635—1652 гг.) и Досиѳеемъ (упоминается подъ 1679—1790 гг.). Это житіе я называю житіемъ сербско-румынской или послѣ-търновской редакціи[2]).

На житіяхъ св. Петки търновской редакціи и особенно на евѳиміевомъ основана похвала преподобной, о которой я уже упомянулъ выше; она построена на символическомъ и аллегорическомъ приравненіи соотвѣтствующихъ событій изъ священнаго писанія и отчасти апокрифовъ къ аскетическимъ подвигамъ преподобной Петки: подъискивается примѣръ изъ священнаго писанія или апокрифа и за нимъ при-

---

лѣтопись Мирона Костина въ «Летописиціле църії Молдовії, пѕблікате пентрѕ фнтъїаші датъ de М. Когълнічеанѕ. Т. I. Іашіі. 1852, р. 283;—князя Дмитрія Кантемира: Geschichte des osmanischen Reiches. Hamburg. 1745, S. 532. Bem. 79;—Гаммера: Histoire de l'empire Ottoman., t. X, p. 119; Энгеля: Geschichte der Walachei und Moldau. Abth. 2, S. 269 und 284;—I. B. Лешевалье (Lechevalier): Voyage de la Propontide et du Pont Euxin. T. II. Paris. 1800, p. 260 sqq. Missail, Epoca lui Vasilie Lupulŭ și Mateiu Bossarab W. domniĭ Moldoveĭ și Țerreĭ-Romănescĭ (1632—1654). Bucurescĭ. 1866, p. 151. Rigollot, Adacta SS., p. 161—163.

1) Въ минеяхъ четіихъ св. Дмитрія Ростовскаго прямо сказано: «Житіе прпбныя мтре нашея Парескевы списанное Еѵѳиміемъ еппомъ Терновскимъ». Изд.. Кіево-Печерск. л. 1768, лл. 192—193б. Это житіе извѣстно и въ новоболгарскомъ переводѣ епископа врачанскаго Софронія въ его «Кѵріакодроміонъ». Рымникъ. 1806, л. 184б—187.

2) Житіе, составленное м. Варлаамомъ, напечатано имъ въ 1643 г., а м. Досиѳеемъ въ его «Житіяхъ святыхъ». (Яссы) въ 1682 г., въ типографіи, которую онъ получилъ отъ московскаго патріарха Іоакима (Акты историческ., собр. и изд. археограф. коммис., т V, стр. 76, и Ж. М. Н. П., ч. CCXI, стр. 18—19 совр. лѣтоп.), о чемъ упоминается на заглавныхъ листахъ напечатанныхъ тамъ книгъ. Кромѣ того м. Досифей написалъ и синаксарій, который онъ напечаталъ въ 1683 г. Житія составленныя мм. Варлаамомъ и Досифеемъ перепечатаны проф. Б. Хышдеу въ издававшемся имъ журналѣ въ Яссахъ «Lumina din Moldova» 1862, №№ 5 (м. Досифея) и 7 (м. Варлаама), какъ образцы румынскаго языка XVII в. Синаксарій былъ описанъ Б. Александреску—Уреке въ одной изъ его статей въ ясскомъ «Atheneul Romănŭ» за 1861 г. М. Досифей какъ въ житіи, такъ и синаксаріѣ, говоря между прочимъ, что мощи преподобной положены на почетномъ мѣстѣ въ церкви трехъ святителей, прибавляетъ, что нѣсколько частицъ, (одинъ палецъ) отъ этихъ мощей было перенесено еще прежде въ церькви св. Параскевы г. Романа, гдѣ онъ ихъ видѣлъ, когда былъ епископомъ въ этомъ городѣ. Episc. Melchisedek, Chronica Romanuluĭ și a episcopieĭ de Romanŭ I. Bucurescĭ. 1874, p. 281. Не имѣя подъ руками въ настоящее время этихъ житій, отлагаю разборъ ихъ, а также и проложное сербско-румынской редакціи, для особаго очерка о преподобной Петкѣ у румыновъ.

водится соотвѣтствующій изъ житія преподобной. Для болѣе ясной характеристики приведу нѣсколько отрывковъ: «Светы Іѡанъ богословъ напiсаѡ е за нѣкȣ женȣ говорећи: а жена, вели, побѣже оу пȣстыню, гдѣ е имала свое мѣсто приготовлѥно ѿ бога, да е тамо хране. Бѣжы и преподобнаа Параскевїа ȣ пȣстыню, чекаюћи тамо бога, да е спасе, гдѣно я имала прїготовлѥно іѡй ѿ бога мѣсто да е тамо ангели хране лѣбомъ ангелскымъ. Онȣ е женȣ терала змїа, а преподобнȣ е овȣ терала е паклана змїа грѣхъ блȣднаго пола»[1]). Или «Рекаѡ е нѣкы мȣдрацъ, каа из предь осойнице змїе, тако да бѣжи човекъ ѿ женског греха, и ест ова дѣвица каа од змїе и бѣжала. Оной сȣ жены даата была од великога орла два крїила, да од змїѥ лѣти оу пȣстыню, на оно свое мѣсто, гдѣ би прехранѥна была до нѣко врѣме. А преподобна ова девойка имала на себы два крила, вѣрȣ и добро поȣзданѥ г богȣ, и со ты крыли е из пред змїе лѣтила до пȣстинѥ, и тамо іѡй нѥне сȣзе быше лѣбац дан и поћъ, и свою младȣ бȣинȣ смисалъ сȣзами ȣгасы, мртвећи с постомъ и метанїами свое тѣло, доклѣ га под ꙗрам дȣховны подклоны»[2]). Или же «И каде ѡпази Ісȣсъ гдѣ многы народь за нимъ сȣстиже ȣ пȣстиню, та и смилостивїи се за них, ако сȣ и отговарали оученицы, да се врате натрагъ, и рекоше: господи, ово е мѣсто пȣсто, него распȣсти тай народ, нек идȣ ȣ села и оу вароше, да кȣпе што ће ести. А Исȣсъ имъ на то рече: не валꙗ да отидȣ, и вы имъ подайте ѥсти, и онде самъ нахрани ѡнай жидовски народь. Тако се е смиловаѡ и ѡ преподобной, идȣћи іѡй за нимъ ȣ пȣстиню, рекавши онъ самъ, ко к мени долази, тай никад неће ѡгладнѥти и т. д.[3]). Еще одинъ примѣръ: «Вели пророкъ: процвала е пȣстинꙗ како кринъ, и овай е стрȣкъ красны онде и проклїаѡ и розцвѣтаѡ се, Еѵва наша баба оу самомъ е раю имала каменитȣ пȣстиню, кѥрно ню онде ȣхапїи за петȣ змїа, зашто нїе оу нѥмȣ добра рода породила, а преподобной и пȣстынꙗ раѥмъ ѥ была, зашто, не ȣвреди е оу нїѡй змїа, имаюћи достойне плоде покоꙗнїю, и нѥне сȣзѣ, бѣше іѡй источницы райскы»[4]).

---

1) Гласник, књ. XXXIV, стр. 170.

2) Ibid.

3) Ibid., стр. 172.

4) Ibid., стр. 175. Въ этомъ родѣ есть «слово на летȣргїи, на преподобнȣ Параскевїю» у архіепископа черниговскаго Лазаря Барановича, въ его книгѣ «Труба», приводимое у того же Гаврїила Стефановича. Ibid., стр. 176; только здѣсь гораздо кратче.

Кромѣ житія св. Петки, написаннаго п. Евѳиміемъ, есть еще житіе ея, составленное святогорцемъ Никодимомъ, которое по мнѣнію Муравьева[1]), дополняетъ первое; но такъ какъ оно, по своему позднѣйшему происхожденію, не могло имѣть вліянія на евѳиміевскую редакцію житія, то здѣсь я его небуду разбирать.

Патріархъ търновскій Евѳимій при всей своей образованности и учености не могъ освободиться отъ вліянія современной ему апокрифической литературы, которая была очень развита въ Болгаріи. Насколько извѣстно до настоящаго времени, въ двухъ его произведеніяхъ встрѣчаются мѣста изъ отреченныхъ сказаній: въ житіи Іоанна Рилскаго и похвальномъ словѣ Константину и Еленѣ[2]). Патріархъ Евѳимій былъ великимъ болгарскимъ литературнымъ и духовнымъ дѣятелемъ XIV в., но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ сыномъ своего вѣка и народа. По этому поводу въ заключеніи я рѣшаюсь высказать здѣсь, что можно бы отмѣтить въ настоящее время два апокрифа,—понимая это слово не въ полномъ его значеніи,—зародившіеся въ Болгаріи и развившіеся на своей родной почвѣ, если не въ средѣ богомильства, то по крайней мѣрѣ подъ сильнымъ его вліяніемъ, а именно апокрифическое житіе Іоанна Рилскаго софійской редакціи и солунское житіе славянскаго первоучителя Кирилла. Объ этомъ послѣднемъ житіи, а также и о зародышахъ другихъ чисто болгарскаго происхожденія апокрифовъ, со временемъ надѣюсь говорить подробно и тогда будутъ сглажены тѣ смѣлыя и, можетъ быть, несовсѣмъ точныя и даже невѣрныя заключенія, которыя допущены въ этихъ моихъ замѣткахъ, благодаря невольному, но понятному увлеченію.

---

1) Житія, октябрь, стр. 252—253. Ср. Сергія: Полн. мѣсяцесловъ, II, ч. 2, стр. 215—216.

2) Труды кіевск. духовн. акад. 1870, октябрь, стр. 135. Ср. (Порфирьева): Описаніе рукоп. Соловецк. монастыря, находящ. въ библ. казанск. дух. акад. ч. I, стр. 187—188.

С.-Петербургъ. 27 апрѣля 1883 г.

СТИХОТВОРЕНІЯ ЯНА БОТТО.

Матвѣя Соколова.

Словацкій поэтъ Янъ Ботто почти совсѣмъ неизвѣстенъ у насъ, между тѣмъ поэзія его представляетъ интересъ какъ по своей художественности, такъ и по преобладающей въ ней славянской идеѣ. словаки вообще въ своихъ писателяхъ выставили лучшихъ выразителей славянской идеи. Это значительно объясняется ихъ положеніемъ. Стоя въ центрѣ славянскаго міра и, можетъ быть, занимая то мѣсто, откуда разселились всѣ славянскія племена, они въ то же время находятся въ худшемъ положеніи, чѣмъ всѣ другіе славяне. Лучшее будущее для нихъ особенно желательно. Не имѣя собственнаго блестящаго, хотя бы и отдаленнаго прошлаго, но въ то же время сознавая свою народность и желая сохранить ее, они тѣмъ съ большею ясностью видятъ свое спасеніе въ славянской идеѣ, въ общемъ возрожденіи славянства. Въ періодъ новѣйшаго пробужденія славянскаго самосознанія словаки выставили самыхъ горячихъ представителей панславизма и въ наукѣ, и въ поэзіи и теоретической политикѣ: стоитъ только вспомнить имена Шафарика, Коллара, Штура. Говоря о лучшемъ будущемъ славянства, словаки яснѣе видятъ роль русскихъ въ общеславянскомъ дѣлѣ и прямѣе, откровеннѣе и правдивѣе о ней судятъ, чѣмъ другіе славяне. Въ нихъ нѣтъ той эгоистической мелочности, которою такъ отличаются просвѣщенные сербы, и того лицемѣрія и самообмана, которыми страдаютъ чехи. Нѣтъ у нихъ и той претен-

ціозности и самохвальства, которыя сказываются иногда у сербовъ и чеховъ. По всѣмъ этимъ качествамъ словацкая интеллигенція является болѣе симпатичною, чѣмъ у другихъ славянъ. Симпатію къ словакамъ еще болѣе усиливаетъ ихъ несчастное положеніе. Это несчастное положеніе заставляетъ ихъ болѣе правильно цѣнить и тѣ принадлежности европейской цивилизаціи, которыми такъ гордятся и хвастаются чехи и сербы. Словаки живутъ въ странѣ, имѣющей одну изъ либеральнѣйшихъ конституцій, и не смотря на это терпятъ жестокія несправедливости; они по горькому опыту знаютъ, что это благо европейской цивилизаціи не спасаетъ отъ рабства, которое подъ часъ тяжелѣе турецкаго, ибо послѣднее только матеріальное, словаки же терпятъ и матеріально и духовно. Въ словацкой интеллигенціи нѣтъ того предубѣжденія противъ русскихъ, какое часто встрѣчается у интеллигентныхъ сербовъ и чеховъ, какъ у нѣмцевъ, французовъ, и вообще у европейцевъ.

Янъ Ботто скромный поэтъ, но съ значительнымъ дарованіемъ. Поэзія его не очень разнообразна по своимъ мотивамъ, но богата красками и глубока по чувству и мысли. Тема ея—родной словенскій народъ, прошлое и настоящее его страданіе, но не безнадежное: народъ вѣритъ въ лучшее будущее, и поэтъ рисуетъ его въ осязательныхъ образахъ. Враги, гнетущіе словенскій народъ, сильны, и съ ними не справиться однимъ словакамъ; спасенія ихъ нужно ждать отъ общаго славянскаго пробужденія и освобожденія. Общій спаситель и защитникъ славянства, это старшій братъ въ славянской семьѣ, русскій народъ. Эти мотивы Ботто развиваетъ не дидактически, а чисто лирически, онъ не знаетъ фразы, говоритъ всегда отъ сердца и облекаетъ свободно свою мысль въ поэтическіе образы; поэтическій языкъ его очень близокъ къ языку народной поэзіи; какъ оригинальнымъ, такъ и заимствованнымъ изъ народной поэзіи образамъ Ботто любитъ придавать аллегорическое значеніе и умѣетъ дѣлать это мастерски, безъ натяжекъ.

Всѣ произведенія Ботто отличаются элегическимъ тономъ; изрѣдка только появляется невинный юморъ и веселость. Къ поэзіи Ботто очень идетъ названіе романтической.

О жизни Яна Ботто находимъ только краткія свѣдѣнія при сборникѣ его стихотвореній. Онъ родился на р. Римавѣ въ селѣ Высшемъ

Скальникѣ въ 1829 году. Низшую гимназію кончилъ въ Ождянахъ, высшую въ Левочѣ. Въ знаменательномъ для всѣхъ западныхъ славянъ 1848 году Ботто началъ слушать курсъ инженерныхъ наукъ въ пештскомъ университетѣ. По окончаніи курса и послѣ двухлѣтней практики получилъ въ 1854 г. дипломъ городскаго инженера. Народное сознаніе пробудилось у Ботто еще въ левочской гимназіи, куда перебрались ученики Штура изъ Пресбурга и принесли его ученіе, послѣ того, какъ Штуру запрещено было читать лекціи въ пресбургскомъ лицеѣ. Ученіе Штура нашло себѣ пріютъ въ новоучрежденныхъ для словацкой молодежи школахъ, особенно во время управленія ими извѣстнаго словацкаго дѣятеля Яна Францисци (Римавскаго). Подъ вліяніемъ этого ученія все пробуждалось, и все пробуждавшееся обращалось къ поэзіи. Въ числѣ другихъ сталъ писать стихи и нашъ Ботто.

Янъ Ботто состоялъ инженеромъ въ Баньской Быстрицѣ до конца своей жизни; онъ умеръ въ 1881 г. По сосѣдству, въ Радвани, Ботто прожилъ долгое время въ дружбѣ вмѣстѣ съ другимъ словацкимъ поэтомъ, пѣвцомъ «Детванина», Андреемъ Сладковичемъ[1]). Ботто посвятилъ ему два стихотворенія: «Na blahú pamäť Sládkovičovi» († 1872) и «Nad hrobom Sládkovičovým pri sadení lipy»; къ Сладковичу обращается Ботто и въ одномъ стихотвореніи, писанномъ еще при его жизни («Na Demitra», 1869 г.):

Kde tvoje, Ondrejko, husličky z javora?
Zahraj nám! nech to znie (пусть звучитъ) i shora i s dola.

Янъ Ботто не сдѣлался писателемъ по профессіи. Стихотворенія его появлялись изрѣдка, по два, по три въ годъ, и помѣщались въ мелкихъ періодическихъ изданіяхъ, которыя и у словаковъ отчасти сдѣлались библіографическою рѣдкостью. Этимъ конечно объясняется его безъизвѣстность у насъ. Только въ 1880 году стихотворенія Ботто собраны въ одну книжку, о которой успѣлъ уже упомянуть въ дополненіяхъ ко второму изданію своей «Исторіи славянскихъ литературъ» А. Н. Пыпинъ. Нѣсколько чешскихъ писателей, преимущественно изъ словаковъ, предприняли изданіе «Чешско-словенской библіотеки»

---

1) О поэзіи Андрея Сладковича на русскомъ языкѣ см. статью: «Оцѣнка литературной дѣятельности Андрея Сладковича», студ. Иванова въ «Извѣст. Историко-Филолог. Инстит. кн. Безбородко въ Нѣжинѣ», т. VII, 1882 г.

(Knihovna československá), подъ редакціей Рудольфа Покорнаго, съ цѣлію сдѣлать доступными произведенія словацкой поэзіи и для чешской публики; для облегченія пониманія въ изданіи указываются особенности словацкаго выговора и правописанія и прилагается словарикъ непонятныхъ для чеховъ словъ. Первый выпускъ этой «Библіотеки» и составляютъ «Spevy Jána Botto» (V Praze, 1880, съ портретомъ Ботто). Стихотворенія размѣщены не въ хронологическомъ порядкѣ, но почти при всѣхъ помѣченъ годъ, такъ что можно слѣдить за ними и хронологически.

Самое раннее стихотвореніе «Báj (сказаніе) na Dunaji» относится къ 1846 году, когда поэту было всего 17 лѣтъ, между тѣмъ ему нельзя отказать въ поэтическихъ достоинствахъ.

Na Dunaji pláva húska biela,
Húska biela s červenýma ústy

Она хочетъ свободы, пробуетъ подняться на молодыхъ крыльяхъ, но набѣгаетъ вихорь—и гусыня опять на волнахъ.

Nad Dunajom stojí skala pevná,
Na skale sedáva junák mladý

Онъ видитъ гусыню, слышитъ ея молитву:

Ktože má, ktože má orlie kriela,
Hruď čistú Michala archaniela?!
Kto pôjde do boja s vetry zlými?!
Junák môj, orle môj, kdeže si mi?!

Юнакъ слышитъ это, молится:

Bože milý! daj mi orlie kriela
I hruď čistú Michal-archaniela!—

бросается въ воду и хватаетъ гусыню. Подымается буря, но послѣ нея новая картина: на дунайской скалѣ снова появляется юнакъ,

Na prsiach mu skvie sa (блеститъ) húska biela
Húska biela s červenýma ústy.—
Nie to húska, ale panna biela,
Panna biela s červenýma ústy!

Въ этихъ не лишенныхъ красоты образахъ словацкіе критики (напр. Ваянскій = Гурбанъ младшій, въ «Nár. Nov.» 1880 № 59) видятъ олицетвореніе поэзіи: золотая панна—«это золотая поэзія съ алыми устами, съ благословенными пѣснями архангельскаго чистаго

сердца». Изъ другихъ стихотвореній однако видно, что Ботто, склонный къ аллегоріямъ, подъ образомъ золотой панны, принимающей разные виды, представляетъ желанную славянскую вольность, свободу.

Извѣстность и популярность Яна Ботто у словаковъ основывается на самомъ обширномъ изъ его произведеній, «Smrt' Jánošíkova», которое онъ сталъ обработывать такъ же съ 1846 году. Вниманіе къ этому произведенію и слава автора объясняются впрочемъ не столько его достоинствами, сколько популярностью самаго героя, о которомъ у словаковъ ходитъ много преданій. Въ дѣйствительности Яношикъ былъ разбойникъ, въ преданіяхъ же онъ является народнымъ героемъ, защитникомъ слабыхъ и бѣдныхъ и врагомъ сильныхъ и богатыхъ.

Разбои Яношика начались въ 1711 году въ горныхъ округахъ при истокахъ Римавы, Сланой, Грона, Горнада, Попрада, Вага, Оравы, Турца, Нитры и на сосѣднихъ границахъ Моравіи, Силезіи и польской Галиціи. Свѣдѣнія о немъ сохранились въ актахъ слѣдствія и суда надъ нимъ, находящихся въ архивѣ Липтовской стóлицы въ г. Липтовскомъ св. Микулашѣ[1]). Предшественникомъ Яношика въ разбоѣ былъ здѣсь Томашъ Угорчикъ. Къ нему присталъ Яношикъ и потомъ самъ сталъ атаманомъ довольно большой шайки. На судѣ обвиняли Яношика въ открытомъ разбоѣ, указывали на нѣсколько случаевъ грабежа и дѣлежа добычи; указывали также на убійство одного священника, когда тотъ пилъ воду изъ колодца; его застрѣлилъ однако не Яношикъ, а одинъ изъ его шайки. Защитникъ Яношика на судѣ указывалъ, какъ на облегчающія вину его, слѣдующія обстоятельства: Яношикъ, отставъ отъ Куруцовъ, участвовавшихъ въ возстаніи Ракоци, спокойно жилъ дома въ деревнѣ Тяrховой въ тренчанской стóлицѣ; затѣмъ, взятый въ рекруты, служилъ въ королевскомъ войскѣ въ Битчанскомъ замкѣ, но выкупленный родственниками, снова мирно проживалъ дома. Сюда пришелъ къ нему освобожденный изъ заключенія Томашъ Угорчикъ, которому Яношикъ оказывалъ добрыя услуги,

---

1) Съ этими документами познакомилъ впервые Кашпаръ Бѣлопотоцкій въ одномъ изъ своихъ календарей въ 30-хъ годахъ; независимо отъ этого по копіямъ снятымъ непосредственно съ документовъ, сообщилъ свѣдѣнія о Яношикѣ Павелъ Добшинскій въ своей интересной книгѣ: «Prostonárodnie obučaje, povery a hry slovenské. Turč. Sv. Martin. 1880»; здѣсь же собраны Добшинскимъ и народныя сказанія о Яношикѣ.

когда служилъ въ Битчанскомъ замкѣ, гдѣ былъ заключенъ Угорчикъ. Благодаря этому знакомству Яношикъ далъ Угорчику клятву быть его товарищемъ. Эта клятва заставила его идти и на разбой (подобно тому какъ и Угорчикъ, по его показанію на судѣ, сдѣлался разбойникомъ вслѣдствіе девятикратной присяги, взятой съ него двумя старшими разбойниками, Топоришкомъ и Дроздомъ), и не вернулся къ честной мирной жизни послѣ поимки Угорчика только изъ страха наказанія за разбои вмѣстѣ съ Угорчикомъ. Угорчикъ впрочемъ показывалъ, что Яношикъ пришелъ къ нему и пошелъ на разбой вполнѣ добровольно. Изъ дѣла видно, что Яношикъ имѣлъ во многихъ мѣстахъ укрывателей и пособниковъ. Особенно любопытны слѣдственные вопросы, отправленные отъ Тренчанской столицы къ Липтовской; изъ нихъ видно между прочимъ, что будто бы главный войтъ (рихтеръ) Осташницы, Янъ Литинскій, и другіе не хотѣли преслѣдовать Яношика, что на Волгарѣ у него были зарыты клады въ серебряномъ ящикѣ, что Яношикъ и его товарищи грабили костелы въ Венгріи, Польшѣ, Силезіи и Моравіи, что они носили съ собою священныя облатки, чтобы хорошо стрѣляли ихъ ружья, и что облатки эти прибивали будто бы къ шесту и стрѣляли въ нихъ какъ въ цѣль и для того, чтобы узнать, потечетъ ли изъ нихъ кровь, наконецъ, что Яношикъ зналъ о перепискѣ преслѣдовавшихся тогда Куруцовъ.

Яношикъ жилъ во время полнаго панскаго своеволія, когда народъ былъ полнымъ рабомъ безъ всякихъ правъ и несъ только одни обязанности: государству платилъ кровью и деньгами, панамъ и церкви работою и десятиною. Рабское состояніе въ Венгріи извѣстно съ самаго возникновенія государства: уже въ законахъ перваго короля Стефана есть его слѣды. Но феодализмъ особенно усилился въ Венгріи съ 1312 года, когда король Карлъ Робертъ одолѣлъ могущественнаго пана Матвѣя Тренчанскаго, независимо управлявшаго въ словенскомъ краѣ, и уничтожилъ остатки стариннаго славянскаго устройства. Самое бѣдственное положеніе крестьянъ настало съ 1514 г., когда послѣ жестокаго подавленія крестьянскаго возстанія подъ предводительствомъ Юрія Дужи въ южной Венгріи (убито было при усмиреніи до 70,000 крестьянъ) окончательно отнято было у крестьянъ право свободнаго перехода и еще болѣе увеличены повинности. Неограниченное господство панскаго произвола продолжалось до 1767 г., когда изданы

были Маріею Терезіею урбаріальные законы, нѣсколько облегчившіе положеніе крестьянскаго сословія. Тяжелое положеніе крестьянъ, послѣ неудачи общихъ возстаній, вынуждало смѣлыхъ людей обращаться къ разбою, гайдучеству, которому благопріятствовали въ словенскомъ краѣ лѣса и горы. Такимъ гайдукомъ является и Яношикъ въ эпоху еще полнаго рабства крестьянъ.

Уже въ слѣдственномъ дѣлѣ о Яношикѣ есть черты легендарныя; въ народныхъ же преданіяхъ онъ является вполнѣ идеализированнымъ народнымъ героемъ свободы. На Яношика народъ перенесъ все, что находилъ сипатичнаго и поэтическаго въ своихъ горныхъ выходцахъ вообще.

По народнымъ разсказамъ Яношикъ родился такъ же въ Татрахъ, но нѣсколько городовъ спорятъ за честь быть его родиной. Отецъ отдалъ было Яношика учиться, чтобы сынъ сдѣлался потомъ священникомъ. Но мѣстный панъ потребовалъ за это платы. Отецъ заплатить не могъ. Яношикъ упрашивалъ пана, но тотъ пригрозилъ ему висѣлицей. Разсерженный Яношикъ однимъ размахомъ уложилъ на землю панскую челядь. Для уплаты пану отецъ пошелъ въ городъ продавать теленка. Яношикъ переодѣлся и, встрѣтивъ отца на дорогѣ, отнялъ у него вырученныя деньги. Пришедши домой онъ правда возвратилъ ихъ отцу, но обратился къ разбою, разсудивъ, что его и самъ чертъ не узнаетъ, когда не могъ признать родной отецъ. Яношикъ набираетъ себѣ испытанныхъ товарищей, которые «только богатыхъ обираютъ, а бѣдныхъ одѣляютъ» (čo len bohatých oberajú, chudobným merajú). Цѣль Яношика—исправлять кривды и защищать бѣдныхъ и несчастныхъ (kriwdy po svete naprávať biedných a nešťastných zastávať). Гдѣ бы ни былъ Яношикъ, онъ всегда явится туда, гдѣ страдали несчастные. Подъ Татрами нѣтъ семьи, гдѣ бы не знали разсказовъ о томъ, гдѣ и что добраго сдѣлалъ Яношикъ для бѣдныхъ. Всѣ разсказы сходятся въ томъ, что Яношикъ не убилъ ни одного человѣка; правда всѣ упоминаютъ о священникѣ, убитомъ при колодцѣ, но только для того, чтобы прибавить, что это сдѣлано безъ вѣдома и согласія Яношика, и что онъ самъ объ этомъ очень сожалѣлъ. Пановъ по замкамъ Яношикъ предупреждалъ о своемъ приходѣ, но всегда являлся, когда его не ожидали, часто въ панской одеждѣ, и забиралъ, что хотѣлъ. Прохожихъ онъ останавливалъ ужасъ наводив-

шимъ восклицаніемъ: «Daj Bohu dušu, a mne peniazé!» и если не было сопротивленія, то онъ и мухи не тронетъ. Часто народъ упоминаетъ о встрѣчахъ съ Яношикомъ обозовъ съ золотою и серебряною монетой, чеканившеюся въ Кремницѣ и отправлявшеюся въ королевскую казну. До королевскаго добра Яношикъ никогда не дотрогивался и часто самъ провожалъ обозы съ монетой, когда видѣлъ, что караулъ слабъ или труситъ разбойниковъ. Разъ онъ отобралъ у провожатыхъ всю монету и приказалъ закопать въ землю, чтобы не воспользовались ни паны, ни разбойники. Нѣтъ мѣстечка отъ Римавы до Моравы и отъ Ипла до Дунайца, гдѣ бы не указывали закопанныхъ Яношикомъ кладовъ, горныхъ пещеръ съ его сокровищами, куда никто не можетъ проникнуть, развѣ явится кто равный самому Яношику.

Разсказываютъ о встрѣчахъ Яношика съ семинаристами, студентами. Разъ его громовое «стой!» остановило цѣлую ихъ партію. Яношикъ за ужиномъ напоилъ ихъ и тѣхъ, которые уснули, велѣлъ пригнести къ землѣ, а оставшихся подозвалъ къ костру, на которомъ пекся на вертелѣ цѣлый волъ, и сталъ бесѣдовать. Прежде всего заставилъ сказать передъ нимъ и товарищами проповѣдь. Когда семинаристъ проповѣдывалъ слово Божіе о справедливости, Божіемъ судѣ и горячемъ пеклѣ, товарищи съ трепетомъ ждали, что будетъ изъ этого. Товарищи Яношика плакали, самъ атаманъ задумался, когда рѣчь шла о смерти, и по окончаніи проповѣди сказалъ, что имъ нужна такая проповѣдь для того, чтобы каждый тѣмъ лучше выполнялъ взятое на себя обязательство — никого безъ причины не трогать и исправлять кривды. Яношиковы товарищи наклали смѣлому проповѣднику цѣлую шапку дукатовъ, а самъ Яношикъ отмѣрилъ имъ хорошаго сукна «отъ бука до бука», какъ это часто дѣлалъ и въ другихъ случаяхъ. Разсказываютъ, что Яношикъ находился въ сношеніяхъ съ сверхъестественными силами [1]), отъ которыхъ досталъ валашку-сѣкиру и чудесный поясъ, благодаря которымъ сталъ неуязвимымъ, хотя бился съ цѣлыми жупами. О поимкѣ Яношика разсказываютъ, что не могли ни какъ захватить его въ горахъ и на свободѣ; удалось только въ зимнее время въ избѣ. Но и здѣсь напрасно боролась съ нимъ

---

1) О сношеніяхъ разбойниковъ съ сверхъестественными силами упоминается и въ слѣдственныхъ документахъ: Томко Угорчикъ на допросѣ показывалъ, что одинъ изъ товарищей Яношика годъ служилъ дьяволамъ.

толпа жандармовъ. Баба съ печи посовѣтовала подсыпать подъ ноги гороху, и только послѣ этого удалось свалить и сковать Яношика. Однако, поотлежавшись, онъ разорвалъ оковы. Тогда та же баба посовѣтовала перерѣзать ему поясъ. Послѣ этого Яношикъ окончательно лишился силы. Схваченный Яношикъ былъ представленъ панамъ, которые и осудили его на висѣлицу: его повѣсили зацѣпивъ крюкомъ за ребро. Вися на крюкѣ, до третьяго дня Яношикъ оставался живъ. На третій день пришло прощеніе отъ короля, но когда паны пришли снять, Яношикъ сказалъ имъ: «коль испекли меня, такъ ужъ и съѣшьте!» Оглядѣвшись кругомъ по горамъ, онъ испустилъ духъ. Липтовская столица, говорятъ, должна была нѣсколько лѣтъ платить по четыре мѣрки дукатовъ въ королевскую казну за Яношика, который обѣщался выставить четыре полка, если будетъ дарована ему жизнь и позволено вынять скрытые въ горахъ клады. Народъ представляетъ Яношика окруженнымъ двѣнадцатью товарищами. Такъ онъ рисуется и на картинахъ, которыя можно встрѣтить въ каждой словацкой избѣ.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что разбойникъ сдѣлался національнымъ героемъ: словенскій народъ, неимѣвшій никакихъ правъ и не могшій вести за свою свободу никакой политической борьбы, и героя своего могъ представлять только въ видѣ разбойника, какихъ было много при господствѣ панскаго произвола, въ лицѣ борца не легальнаго, но справедливаго.

Ботто, воспользовавшись народными преданіями объ Яношикѣ, не сдѣлалъ его героемъ эпической поэмы, не разсказалъ о его подвигахъ, а написалъ такъ сказать лирико-эпическую элегію, изобразивъ только смерть Яношика. Словацкіе и чешскіе критики ставятъ это въ упрекъ поэту; но едвали подвиги Яношика, все таки мелкіе и случайные, могли бы дать матеріалъ для поэмы; нравственная же подкладка, самая важная въ народныхъ преданіяхъ о Яношикѣ, составляетъ главное содержаніе и произведенія Ботто.

«Смерть Яношикова» состоитъ изъ девяти главъ, изображающихъ девять картинъ, и при каждой лирическіе монологи Яношика и другихъ лицъ. Какъ описанія, такъ и нѣкоторые монологи превосходны, но въ цѣломъ композиція не очень удачна: не совсѣмъ естественны переходы отъ изображенія одного момента къ другому, въ картинахъ вредитъ

по мѣстамъ фантастичность, въ нѣкоторыхъ монологахъ слащавость, вообще не свойственная нашему поэту. Все произведеніе проникнуто глубокимъ чувствомъ. Страданія узника Яношика — это страданія всего словенскаго народа, находящагося въ матеріальномъ и духовномъ рабствѣ.

Первая глава представляетъ прекрасное описаніе сбора шайки Яношика на горѣ вокругъ костра, характеристику молодечества его товарищей. Вотъ какъ народъ отзывается объ этихъ молодцахъ:

Od Tatier k Dunaju ľudia si šopkajú:
Ber, pane, tie dane, však (однако) príjde rátanie (расплата).
Ber, vlčko, však ty to zaplatiš raz kožou!
Nezvieš z kiad', iba ked' zblisne dvanásť' nožov. —
Nad hlavou paloše, na prsach pištole:
«Sem, pane, tie zdrané slovenské mozole»!
Od Tatier k Dunaju siroty spievajú:
Dajže, Bože, šťastia hôrnemu šuhaju (молодцу)!
Merá nám on, merá, dukáty z klobúka,
Červenú angliju od buka do buka.

Во второй главѣ живо и картинно описывается поимка Яношика, его борьба съ гайдуками, которымъ старуха съ печи совѣтуетъ:

«Podsypte mu hrachu, budete bez strachu, —
«Rúbte mu do pása, tam je jeho spása!»

Схваченный Яношикъ такъ говоритъ о своемъ разбоѣ:

«Zbíjal som ja, zbíjal, boj za pravdu bíjal,
Čiernu krev tyranov trávniček popíjal;
Zbíjal som ja, zbíjal sedem rôčkov v lete:
A vy že od kedy ten biedny ľud drete?!»

Третья глава изображаетъ страданія Яношика въ тюрьмѣ одного за всѣхъ; но вотъ къ нему является невѣста, бросаетъ ему лилію и обѣщается послѣдовать за нимъ на тотъ свѣтъ. По народнымъ разсказамъ Яношикъ приготовился было къ женитьбѣ, но вмѣсто свадьбы послѣдовалъ арестъ. Здѣсь впрочемъ невѣста аллегорически представляетъ народную думу, народную память, которая не забудетъ его и въ могилѣ. Въ тюрьмѣ Яношику уже представляется скорое исчезновеніе тьмы и наступленіе свѣта (глава четвертая). Въ пятой главѣ

монологъ — пѣсня Яношика о вольности напоминаетъ своими образами русскія пѣсни:

Voľnosti, voľnosti, mával som ťa dosti,
A teraz (теперь) ťa nemám ani za dve hrsti!
Vôľa moja, vôľa, kam si sa podela—
Či svetom za letom si mi uletela?
Hoj lietaj len (только), lietaj, keď ti taká ďaka (призна-
тельность),
Lenže si vylietaj lepšieho junáka» и т. д.

Передъ казнью священникъ молится за преступника (гл. VI),

no modlime sa radšej za tých biednych ľudí,

говоритъ Яношикъ,

Za ľud, za ľud nešťastný, za to chorô dieťa,
Žeby abo ožilo, abo šlo zo sveta!
Pozri ho, jak omdlieva (теряетъ силу) na nevoľnom loži,
Pozri tú tvár (лицо) vpadnutú—či to obraz boží?!

Въ VII главѣ въ образѣ царицы дѣвъ народная душа принимаетъ умирающаго Яношика на свое ложе, гдѣ ему обѣщается счастливая, любовная жизнь. Очень картинно изображено прощаніе Яношика съ горами, по которымъ онъ ходилъ со своими товарищами. Въ VIII главѣ изображаются народные разсказы о Яношикѣ:

Staré baby pri peci trímu (держатъ) tajné rady,
Spomnú Jana i jeho zakliate poklady.
Vraj (будто), vidno jich presúšať, keď sa mesiac novi,
Aj dostať jich, vraj, možno; len ten kvet Jánový,
Čo poklady otvára, z nih zlého vyháňa,
Čo kvitne o polnoci na svätého Jána—
Ten dostať.....
Spomnú i pás, košieľku (рубашку), čo mu daly Vily,
I valašku (сѣкиру), čo mala za sto chlapcov sily» и т. д.

Въ IX главѣ представляется фантастическая свадьба оживающаго Яношика, подъ образомъ которой онъ рисуетъ будущее освобожденіе славянъ.

Мелкія стихотворенія Яна Ботто отличаются большею художественностью, чѣмъ «Смерть Яношикова». Въ нихъ также преобладаетъ элегическій тонъ. Въ стихотвореніи «Na dolinu rimavskú», въ которой

родился поэтъ, Ботто описываетъ красоту природы своей родины яркими красками; бѣдственное положеніе народа однако возбуждаетъ и среди этой прекрасной природы грустныя чувства; но та же красота и любовь къ родинѣ заставляетъ надѣяться на лучшее будущее.

Dolina milá, krásna s' jako vila —
но.... «jako bez slnka deň —
Bez slávy svojej, čo bola, čo vstane.
Jiskra junák Tvôj ľahol do mohyly
A za ním všetky dávnej slávy žiare (лучи)
Jak na krvavom pablesky oltáre
Dávno zanikly....

Но зачѣмъ поминать мертвыхъ?
Iných to časov deň brieždi sa nový!
Len sa vzkries, moja (родина), a poznajs' jak sluši (должно)
Budeš tým v skutku (на дѣлѣ), čim si v mojej duši!—

Въ стихотвореніи «Rano nad Dolinou rimavskou» это воскресеніе родины представляется уже близкимъ:

Svitá, svitá, Bože, svitá!
Už vychod zlatom prekvitá —
Vstávaj, milá, v jásote (блескѣ) tom
Čas zdvihnúťsa k slávy letom.

Природа даетъ Ботту образы для описанія положенія своего народа. Въ стихотвореніи «На берегу Римавы» волнами рѣки, увлекающими все къ Тиссѣ и Дунаю, Ботто прекрасно воспользовался для изображенія гибели тѣхъ сыновъ своего народа, которые пристаютъ къ мадьярамъ. На берегу сидитъ парень; волны-сестры зовутъ его:

«Dole, dole!
Ta na to svobodné šíre pole!
Nesieme my veno—piesok zlatý,
Poď s nami, šuhajko (молодецъ), poď vo svaty!»

Но молодецъ отъ имени матери — долины говоритъ:

Nechoďte ta!
Nechoďte preč od nás tou cudzinou,
To kraj tam divokých (дикихъ) púšte synov.
Ak vás ti do tanca raz pochytia:

Ach, škoda (бѣда) pekného (прекраснаго) vášho žitia!
Tam meno i veno, ihry, spevy—
I vienky z kryštalu ztratíte vy!»

. . . .

Nikdy sa vy z tade nevrátite
A keď' sa i jedna, druhá vráti,
Nepozná tú ani vlastná (собственная) mati.

. . . .

Tam Baba, bezzubá mutná Tisa,
Tam otcov mozole prepadly sa!
Tá i vás v bezodný hrtan vtiahne:
Tam búde váš sobáš (сватьба) v čiernom bahne (болотѣ)!»
A ony len letia, letia dole —
Nesú preč poklady v cudzé pole,
Nesú preč žír zeme, piesok zlatý:
«Poď s nami šuhajko, poď vo svaty!»

Но молодецъ «zradnym (измѣнницамъ) vlnkam» отвѣчаетъ:

Choďte si ta dole — do poroby —
Však (ужъ) vás tam čakaju (ждутъ) vaše hroby!

Измѣнниковъ своей народности Ботто называетъ «zhavranelými» (havran — воронъ) братьями и рисуетъ ихъ въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ, напр. въ «Krížne cesty» (крестные пути — легендарное мѣсто мученія). Въ немъ при фантастической обстановкѣ, по вызову колдуньи, являются разные злодѣи народа, которыхъ постигли страшныя мученія:

«Kto jako žil, tak mreť musí» (долженъ).

Вотъ что постигаетъ измѣнника своему народу:

Hľadže! tu zas letí ktosi —
Ošarpaný bedár (оборванный нищій) bosý.
Nohy zdraté po kolená,
Tvár (лицо) do kostí obhryzená;
Za ním jak mrak muchy, osy.

Рой насѣкомыхъ говоритъ:

On zradil (измѣнилъ) národ, otčinu:
Kosti zradca nespočinú!
Krv jeho vypijú muchy —

Telo roznosia orlíce,
Prach jeho vetor rozchyce,
A dušu porvú zlé duchy!

Другой врагъ словацкаго простонародья—феодальное дворянство. Въ томъ же стихотвореніи Ботто рисуетъ, какъ типъ его, «čachtickú paniu». Чахтицкая пани, Елизавета изъ рода Баторіевъ, жена графа Надажды изъ Чахтицъ (Csejte) въ Нитранской столицѣ, прославилась ужасной жестокостью: она приказала зарѣзать до 600 молодыхъ дѣвушекъ и купалась въ ихъ теплой крови, по повѣрью, что чрезъ это она сохранитъ свою красоту и молодость. Однако она попалась въ руки палатину Юрію Турцо, который и посадилъ ее въ пожизненное заключеніе въ тюрьму въ 1611 году. Вотъ какъ рисуетъ наказаніе ея Ботто:

To je krása, Sedmikrása!
Zlaté vlasy až do pása,
A tie líčka a tá tvár!
Jakby rajských ruží pár (пара розъ)
. . . .
Hľad' len, z pod tých krásnych bŕv (бровей)
Co to svíeti?
Bože, krv!
Jajže! hajno (стая) vrán tu letí:
«To krv, to krv našich detí!»
. . . .
Tys' jich materi vyrvala,
Zamkla do čierneho hradu:
Tams' vyliala jich krv mladú,
V jich krvi si sa kúpala!
. . . .
Matka slepá, bez podpory
Pohodí do tvojho dvora,
. . . .
Volajúci deti svoje:
A ty—bez srdca potvora (чудовище)!
Vybehlas' na to von z bálu,
Kríklas' na psy—a psi tvoje

Roztrhaly mať zúfalú (отчаявшуюся).
Neznalas' citu ľudskosti (чувства человѣчности).
I my neznajme milosti!
A roznosme ju na kusy:
Kto jako žil, tak mrieť musí!»

Ботто часто обращается къ изображенію печальнаго положенія своей родины, но всегда указываетъ и лучъ надежды на лучшее.

Padol oltár obetí (жертвъ). Junač naša zbitá,
Prápor svätý rozniesli barbarské kopytá;
Zvíťazili (восторжествовали)! No haňba (проклятіе) na jich sedí zbroji (оружіе) —
Hrady padly, však (однако), pravda naša stojí!

говоритъ Ботто въ стихотвореніи «Vrahom».

Утраченную, но имѣющую нѣкогда вернуться вольность своего народа, возрожденіе его и всего славянскаго племени Ботто любитъ изображать въ лицѣ дѣвицы, «золотой панны», убѣгающей отъ молодца, который однако не лишается надежды современемъ ее поймать. Одно изъ прекраснѣйшихъ стихотвореній Ботто - «Сказка безъ конца», аллегорическій смыслъ которой нисколько не портитъ поэтической формы, сполна взятой изъ народныхъ сказокъ. Поэтъ вводитъ молодца въ сказочный замокъ, нашу «избушку на курьихъ ножкахъ» (zámok na husej labke), гдѣ сидитъ ученый монахъ за таинственными книгами. Путникъ разсказываетъ свою судьбу, какъ онъ найденъ былъ въ колыбели безъ отца и матери; безродному сиротѣ оставлены были только хрустальныя четки съ золотымъ яблочкомъ на утѣху, но нитка порвалась, хрусталики разсыпались, а яблочко укатилось. Сирота пустился догонять, готовъ былъ схватить, какъ изъ него выпорхнула золотая панна; юноша устремился за ней, она не скрывается изъ его глазъ, но и не дается ему въ руки; наконецъ говоритъ, что онъ встрѣтится съ ней «въ семьдесятъ седьмой странѣ». Отыскивая золотую панну юноша и набрелъ на ученаго монаха; въ его книгѣ вычитываетъ, что семьдесятъ седьмая страна — «Всеслава». Путникъ видитъ уже съ востока разсвѣтъ новаго дня, бьетъ уже роковой часъ, дѣти сбираются встрѣтить золотую панну.

«Napnite zraky, vy neviňatá,
Ta (туда), odkial' slnko vychodí:

Odtiaľ príjsť musí ta panna Zlatá,
A s ňou deň slávy, svobody!»

. . . .

«Či Ju vidíte — v tej jasnej zore—
Vidíte, deti? — ja vidím!»

Подобное же олицетвореніе находимъ въ прекрасной балладѣ «Báj (сказаніе) Turca». Турецъ былъ когда-то при князѣ Туранѣ озеромъ; въ немъ жила русалка, золотая панна. Всякаго она за собой увлекала, но сама никому не давалась, даже самому князю Турану. Разсерженный князь приказалъ завалить озеро, воду спустить теперешнею рѣкою Турцемъ, а на мѣстѣ прежняго озера вспахать ниву. Но голосъ золотой панны все не перестаетъ звучать, она продолжаетъ пѣть свои увлекательныя пѣсни.

A hlas ten rastie v šír na šír,
Odbitý od Karpatov,
Na východ, západ, juh, sever,
Sťa by svolával (созывалъ) bratov.
Až razom, v chóre ohromnom
Od dola i od hora
Ozvú sa sveta štyr'strany,
Zahučia štyry morá;
A nad ním, páč (смотри)! Biela panna
Zlaté vlásky rozvije:
«Turan, Turan»! —volá to naň —
Ale ten viac nežije.—

Bol to, vraj (будто бы), sen, говоритъ Ботто: no kto ho zná,

Či nie aj zjav pravdivý;
Veď, čo sa v svete, Bože môj!
Nestanú vše za divy (чудеса).

. . . .

A na čo, po čo tá Slovač
Tú púť sem čo rok koná?
Už či veríte, lebo nie:
Tu raz musí byť — Ona!

Золотую панну—свободу приведетъ русскій народъ. Объ этомъ

Ботто говоритъ въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ. Въ стихотвореніи «Знамя» читаемъ:

Vidíte Ho — Velikána?
Páčte (смотрите)! jak bleskom mrákavy roní,
Jako stúpa s hôr na hory;
Kol Neho blištia šabiel miljony,
Nad hlavou šumia prápory........
— Keď v Západe slnko dotleje —
A priblíži sa sveta skon:
Nové On svetu zažne nádeje,
Nové vyvedie slnko On [1]).

Это Ботто писалъ въ 1849 г., не будучи знакомъ съ стихотвореніями Хомякова, а между тѣмъ онъ во многомъ съ нимъ сходится, даже до тожества въ образахъ и выраженіяхъ. Въ стихотвореніи «Západ a úslň» сирота жалуется на одиночество: родителей нѣтъ, братья разбрелись, но

Tu príjde nevídaný,
Nikdy a dávno známy;
Ručku podá, pobozká:
A nový svet pred nami!
Ej nie som ja, nie už viac
Sirotienka úbohá,
Mám ja matičku — Slávu
A otca — pána Boha.
I sestričiek i bratov
I pokrevenstva mnoho
A mám ešte — mám Ho, mám,
Ale nepoviem koho!

---

1) По поводу этихъ стиховъ словацкій рецензентъ стихотвореній Ботто, тоже поэтъ, Ваянскій (Гурбанъ младшій) замѣчаетъ: «Это солнце бросило уже на міръ такіе яркіе лучи, что только слѣпецъ ихъ не видитъ: безкорыстное освобожденіе своихъ братьевъ съ неизмѣримыми жертвами, неизмѣримыми страданіями и гигантскимъ напряженіемъ—это первый подвигъ чистой человѣческой любви, и я знаю только одинъ болѣе чистый и возвышенный подвигъ, это смерть Христова на крестѣ. Кромѣ этого великаго подвига не было ничего подобнаго отъ Адама до перехода нижняго Дуная русскими войсками» (Nár. Nov. 1880 № 62). Съ такимъ воодушевленіемъ относятся къ русскимъ словацкіе поэты!

Jak krásny ten svet boží!
Svetom dni, noci zlaté:
Jak sladko s Ním rod celý
V jedno vinúť objatie!

Враги славянства скрежещуть зубами, видя пробужденіе славянской взаимности.

Čože škrečíte, vy zhavranelí,
Keď sa brat s bratom priatelí?
Milše vám vraždy kainskí budú,
A mŕtvy, hnílу puch ľudu?

съ сарказмомъ отвѣчаетъ имъ Ботто. Возраждающійся геній славянства—геній добрый:

On vám odkruje právd večných slová
Svobody cesty zaviate.

Возраждающійся народъ словацкій не эгоистиченъ такъ, какъ его враги:

Oj, pozrite ho bratia národy!
On k srdci vás všetky vinie,
Pozdravuje vás slovom svobody —
On s vami žije i hynie!

Въ стихотвореніи «K hodom slávy».

Páč (смотри)!—jak veľká tá zem Slovãna,
Tak veľka jeho úloha (роль):
V bratoch ľubiť ľudstva (человѣчества) plemená,
A v ľudstve milovať Boha!

Панславистическіе взгляды выражаетъ Ботто также въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ, написанныхъ на извѣстные случаи; эти стихотворенія не такъ художественны, но въ нихъ попадаются очень сильныя выраженія. Вотъ какъ напр. противопоставляетъ Ботто прежнее униженное состояніе словаковъ новому возрожденію въ стихотвореніи «12 января 1870 г.», по случаю открытія словацкой типографіи: было время, когда темный народъ ничего не видѣлъ.

Zlatom mu je všetko to, čo sa mu zablíska,
Dedictvo (наслѣдство) slavných otcov hádže (бросаетъ) si do blata,
Matkou volá (называетъ) čiernu zem, otcom svojho kata (палача).
Sám nad sebou sa smeje, sám nad svojou zkazou (гибелью)

Prevlečený (переодѣтый) syn slávy v rúcho (одежду) zemeplazov
(пресмыкающихся)
Ťažké jarmo kladie si sám na svoju šiju,
Na prsiach chová (хранитъ) hadov, čo krev jeho pijú.
Volajú ho z posmechu Slovákom — bez slova,
Bo dávno, dávno zašla hviezda Methodova.
On chudobou nevoľnou menuje sám seba;
Jeho celá modlitba: Bože, daj nám chleba!....
Ho dnes už, chvala Bohu!.
Nie hana (поруганіе) viac, no sláva, sláva byť Slovänom!

Какъ замѣчательныя по своей художественности слѣдуетъ отмѣтить баллады «Желтая лилія» и «Маргарита и Бесна» и мелкія чисто лирическія стихотворенія «Жаворонокъ», «Кукушка». Всѣ стихи Ботто, какъ уже выше было замѣчено, отличаются элегическимъ настроеніемъ; единственное стихотвореніе, проникнутое полной веселостью, это «Na Demitra», а прекрасное стихотвореніе «Kar zajačí» отличается невиннымъ юморомъ. У Ботто есть и нѣсколько переводовъ изъ Мицкевича («Jarinka», «Návrat otcov») и Хомякова («Dávid», «S kým je Hospodin», «Poët», «Rossii»). Есть подражанія русскимъ и югославянскимъ пѣснямъ. Но главнымъ содержаніемъ стихотвореній Ботто остается все таки его родина, какъ онъ самъ говоритъ въ стихахъ «Na pamäť M. H.»:

Dávno ja v obraz jeden sostavil svoje sny
I oživil som si ho dychom svojich piesní.
Ten obraz srdcom mojím jedine kolíše,
Ten obraz dušu moju pohýňa do výše:
To obraz Tvôj — tos' Ty Otčina!

Нѣжинъ. Апрѣль 1883 г.

МАВРЪ ВЕТРАНИЧЬ,

дубровницкій поэтъ XVI столѣтія.

(историко-литературныя замѣтки).

Гавріила Князева.

Изъ дубровницко-далматинскихъ поэтовъ XVI столѣтія, поры особеннаго разцвѣта далматинской литературы и образованности, М. Ветраничу принадлежитъ едва-ли не самое видное мѣсто и по плодовитости, и по внутреннему содержанію литературной дѣятельности. Произведенія его, изданныя въ 1871—1872 гг. юго-славянскою академіею въ Загребѣ (Stari pisci hrvatski, кн. III—IV: Pjesme M. Vetranića Čavčića, d. I—II), представляютъ значительный интересъ и для филолога, и для историка. Предлагаемыя замѣчанія, составляя частію отрывокъ, частію извлеченіе изъ особаго, приготовляемаго къ печати, сочиненія о Ветраничѣ, имѣютъ предметомъ своимъ нѣкоторыя черты жизни и литературной дѣятельности этого любопытнаго во многихъ отношеніяхъ писателя.

Мавръ, въ мірѣ Николай, Ветраничь Чавчичь родился въ 1482 г. въ Дубровникѣ и происходилъ изъ стараго, по свидѣтельству Джорджича (Kukuljević: Pjesnici hrv. XV v., 71), властельскаго рода дубровницкаго, утратившаго впрочемъ уже ко времени рожденія поэта свое прежнее выдающееся положеніе. Біографическія свѣдѣнія о поэтѣ весьма скудны и отрывочны. Еще молодымъ человѣкомъ онъ принялъ монашество и поступилъ въ бенедиктинскій монастырь св. Марка на островѣ Млѣтѣ. Поводомъ къ тому была, кажется, несчастная любовь

(Pjes. Vetranića, I, 183). Въ 1520 г. Ветраничь избранъ былъ уже аббатомъ своего монастыря, а въ 1527 г. назначенъ аббатомъ млѣтской конгрегаціи, образованной изъ соединенія по управленію съ млѣтскимъ монастыремъ монастырей св. Якова на Вышницѣ и св. Андрея на островѣ того-же имени (in Pelago). Но поэтъ вскорѣ, неизвѣстно почему, добровольно сложилъ съ себя свое высокое званіе, удалился на небольшой скалистый островокъ св. Андрея la Donzella въ Адріатическомъ морѣ (около 10 миль къ западу отъ Дубровника и въ двухъ миляхъ отъ острова Лопуда), и тутъ, въ маленькомъ, оставленномъ монахами, монастырѣ, развалины котораго сохранились еще до настоящаго времени (Petter, Dalmatien in s. versch. Bezieh., II, 211) прожилъ большую часть своей жизни въ совершенномъ уединеніи. По какимъ именно причинамъ или побужденіямъ оставилъ Ветраничь млѣтскій монастырь, было-ли удаленіе поэта въ уединеніе вызвано любовью его къ отшельнической жизни или какими-либо внѣшними обстоятельствами, опредѣленно неизвѣсто. Въ біографіяхъ поэта указывается обыкновенно въ этомъ случаѣ на папское постановленіе, состоявшееся одновременно съ образованіемъ млѣтской конгрегаціи въ 1527 г., по которому аббаты млѣтскіе, избиравшіеся дотолѣ пожизненно, должны были быть впредь назначаемы лишь на извѣстный срокъ. Думаю, что само по себѣ обстоятельство это слишкомъ маловажно, чтобы въ немъ можно было видѣть дѣйствительную причину удаленія поэта въ суровое одиночество. Если необходимо уже предполагать къ тому какія-либо внѣшнія побужденія, то не слѣдуетъ-ли искать ихъ глубже: вообще въ разладѣ поэта съ мѣстнымъ высшимъ духовенствомъ и съ самимъ, можетъ быть, архіепископомъ дубровницкимъ въ воззрѣніяхъ на пастырскія обязанности и интересы церкви? Въ своихъ произведеніяхъ, касаясь современной церковной жизни, Ветраничь не разъ укоризненно отзывается о высшей іерархіи церковной (crkovnieh glava), обличаетъ ея распущенность, нерадѣніе о пасомыхъ и корыстолюбіе: чистота нравственнаго настроенія и идеальность міросозерцанія, характеризующія личность поэта, насколько она обрисовывается въ его произведеніяхъ, и отсутствіе какихъ-либо опредѣленныхъ указаній не позволяютъ объяснять эти обличенія іерархіи лишь личными отношеніями поэта къ нѣкоторымъ членамъ ея, но возможно, что они не лишены и нѣкотораго автобіографическаго значе-

нія. Расходясь во взглядахъ и убѣжденіяхъ съ мѣстнымъ высшимъ духовенствомъ, принужденный однако по своему оффиціальному положенію имѣть съ нимъ дѣло и неспособный къ компромиссамъ и уступкамъ, Ветраничь, во избѣжаніе постоянныхъ, можетъ быть, столкновеній, не только непріятныхъ для него лично, но и вредныхъ дѣлу, которому онъ хотѣлъ бы служить (самое постановленіе объ ограниченіи срока аббатскаго званія въ млѣтской конгрегаціи, состоявшееся, по старанію архіепископа дубровницкаго, нарушая многолѣтніе права и порядки конгрегаціи, не было ли вызвано личными отношеніями архіепископа къ Ветраничу?), предпочелъ оставить свой постъ и удалиться въ уединеніе?...

Въ стихотвореніи «Remeta» (I, 12—26) Ветраничь самъ живыми красками написалъ непригядную картину жизни своей на скалистомъ и пустынномъ, затерянномъ, говоря словами самого поэта, «въ необозримой шири синяго моря», островкѣ св. Андрея. Среди суровой, непривѣтливой природы, въ постоянной борьбѣ со всякаго рода случайностями и лишеніями одиночества, въ борьбѣ за существованіе, вдали отъ свѣта и людей, поэтъ жилъ здѣсь жизнью истаго подвижника, разнообразя духовные подвиги и учено-литературныя занятія работою въ своемъ небольшомъ садикѣ и огородѣ, которые ему удалось развести на своемъ каменистомъ островѣ, и ловлею рыбы сѣтями и разными снарядами своего издѣлья. Только изрѣдка на небольшой лодкѣ онъ посѣщалъ сосѣдніе острова за необходимыми жизненными припасами или для свиданія съ друзьями. Много приходилось ему въ своемъ добровольномъ уединеніи терпѣть горя и лишеній лѣтомъ отъ несносной жары, отъ которой засыхала скудная зелень его садика и появлялся на островѣ недостатокъ въ прѣсной водѣ, зимою отъ бурь и стужи, когда онъ принужденъ бывалъ нерѣдко согрѣвать окоченѣвшія руки въ теплой золѣ своего дымнаго очага. Порою, когда разбушуется море и горами пойдутъ кругомъ острова грозные валы, съ пѣною и шумомъ въ брызгахъ разсыпаясь о прибрежныя скалы, нависнутъ темныя тучи и молнія кровавымъ свѣтомъ начнетъ освѣщать всю эту картину, жутко приходилось поэту въ его одиночествѣ: онъ становился на молитву или принимался звонить въ колокола, чтобы хоть чѣмъ-нибудь прогнать невольное смущеніе и тревогу.... Нерѣдко посѣщали пустынный островъ морскіе разбойники и разные недобрые

люди, обкрадывая поэта, лишая его всѣхъ убогихъ запасовъ, какіе онъ за лѣто дѣлалъ себѣ на зиму, и ставя его такимъ образомъ часто въ весьма затруднительное положеніе. Не разъ дрожалъ онъ даже за свою свободу, опасаясь, чтобы «турки или мавры не увезли его гребцомъ на свои лодьи».... Съ лѣтами силы слабѣли, и тягость жизни, какую велъ поэтъ, становилась чувствительнѣе. Разъ, собирая дикій лукъ по утесамъ, старикъ упалъ съ высоты и сильно ушибся, такъ что едва доползъ до дома. Друзья убѣждали поэта подъ старость вернуться въ Дубровникъ и провести спокойно остатокъ жизни. Неизвѣстно, послѣдовалъ ли Ветраничь ихъ совѣтамъ или умеръ на островѣ св. Андрея. По словамъ Церіевича (Червы) [1]) поэтъ прожилъ въ своемъ уединеніи двадцать лѣтъ. Умеръ Ветраничь 15 января 1576 года на 94 году отъ роду.

По свидѣтельству Джорджича (St. pisci hrv. кн. III, стр. II), Ветраничь написалъ шесть книгъ разныхъ стихотвореній. Не всѣ они однако дошли до насъ: единственная въ настоящее время полная рукопись лирическихъ произведеній Ветранича, находящаяся въ дубровницкой монастырской (male brace) библіотекѣ и писанная, по замѣчанію проф. И. В. Ягича (St. pisci hrv., кн. III, predgovor), въ XVII в. заключаетъ въ себѣ только три послѣднія книги (4, 5 и 6-ую) этихъ произведеній и, въ приложеніи (подъ заглавіемъ: «opere di deto autore fuor di duo suo libri»), десять стихотвореній изъ несохранившихся трехъ первыхъ книгъ. Кромѣ этихъ лирическихъ произведеній, отъ Ветранича осталось три драмы (prikazanja): Posvetilište Abramovo, Suzana čista и Uskrsnutje Isukrstovo, и переводъ трагедіи Еврипида «Гекуба». Въ академическомъ изданіи сочиненія Ветранича составляютъ два тома: первый заключаетъ въ себѣ отдѣльныя лирическія стихотворенія (483 стр.), второй — поэму «Pelegrin» съ вступительными къ ней стихотвореніями (стр. 1—196) и драматическія произведенія поэта (стр. 197—490).

Изящныя со стороны стиха, не лишенныя силы и поэтическаго воодушевленія въ подробностяхъ, но, вообще говоря, страдающія бѣдностью и однообразіемъ поэтическихъ мотивовъ и въ наиболѣе привлекательныхъ изъ нихъ несамостоятельныя, почерпая содержаніе изъ

---

1) Appendini, Notizie ist.-crit. s. ant. storia e letterat. de'Ragusei, II, 219.

народной поэзіи или древнеклассической и итальянской литературы, произведенія Ветранича не отличаются большими художественными достоинствами, но чрезвычайно занимательны и любопытны по міросозерцанію, общественнымъ (соціальнымъ) стремленіямъ, политическимъ взглядамъ и чаяніямъ автора. Дубровницкая современность научно литературныхъ движеній отразилась въ нихъ близкимъ знакомствомъ поэта съ итальянскою литературою и обычными явленіями эпохи Возрожденія: изученіемъ древнихъ классиковъ и живымъ интересомъ къ изслѣдованію природы. Встрѣчающіяся не рѣдко въ произведеніяхъ Ветранича, особенно при описаніи картинъ природы, перечисленія разныхъ растеній, птицъ, рыбъ (напр. Pjes. Vetranića, I, 12 и слѣд.; II, 267 и слѣд., 388), обнаруживаютъ въ поэтѣ довольно основательное знакомство съ зоологіею и особенно ботаникою. Ботаника и изученіе цѣлебныхъ свойствъ травъ были любимыми у дубровчанъ предметами научныхъ занятій въ XV—XVI ст.: одинъ изъ дубровницкихъ писателей, жившихъ нѣсколько раньше Ветранича, Котруличь (1460 г.) оставилъ, какъ извѣстно, особое сочиненіе: Della natura dei fiori (Kukuljević. M. Marulić i njegova doba: St. pisci hrv. I, стр. XXXIII). Такою же любимою наукою того времени была астрологія (изъ дубровчанъ астрологовъ извѣстны Феликсъ Дубровчанинъ, бывшій придворнымъ астрологомъ Матвѣя Корвина, Газаличь, Будисаличь, Мишуличь и др.): Ветраничь также занимался астрологіею и считался своими соотечественниками въ числѣ выдающихся знатоковъ ея. Въ своихъ стихотвореніяхъ онъ не разъ говоритъ о вліяніи звѣздъ на жизнь людей (смотря подъ какою звѣздою родится человѣкъ, такъ де и складывается его судьба: Pjes. Vetr., I, 210; II, 4, 74, 75, 81), останавливаетъ вниманіе на разныхъ небесныхъ явленіяхъ: фазахъ луны (I, 120, 177; II, 12) и ея затмѣніяхъ (I, 177), падающихъ звѣздахъ, кометахъ (I, 97, 124, 285). Однимъ изъ наиболѣе занимавшихъ тогда дубровницко-далматинскихъ ученыхъ вопросовъ въ области наукъ физико-математическихъ былъ вопросъ о причинѣ морскихъ приливовъ и отливовъ: ученый далматинецъ Фридерикъ Хризогонъ написалъ изслѣдованіе «De causis aestus marini», дубровчанинъ Николай Сагри Кривоносовичь († 1572 г.) составилъ по этому вопросу сочиненіе подъ заглавіемъ: «Raggionamenti sopra la verità de flussi e riflussi del mare occidentale» (Kukuljević, Marulić,

XXXIII). Ветраничь также часто останавливается на этомъ явленіи, объясняя его вліяніемъ луны (I, 376; II, 11 и др.).

Знакомство поэта съ древнеклассическою и итальянскою литературами выразилось рядомъ заимствованій изъ нихъ. Не буду объ этомъ много распространяться: приведу лишь нѣсколько примѣровъ. Знатокъ и цѣнитель классиковъ (Pjes. Vetr., I, 112—113), Ветраничь многіе наиболѣе любимые и часто повторяемые образы и картины заимствовалъ изъ классической миѳологіи и поэзіи: таковы образы Фортуны (I, 139), Парокъ (I, 198, 260), Харона (I, 87, 115, 168), Орфея (Pjes. Vetr., I, 4, 68, 113; II, 12.—Ovid. Metamorph., X, 1—85; XI, 1—67), Аріона (Pjes. Vetr., I, 4, 12, 67; II, 14.—Ἡροδ., I, 23—25; Ovid. Fasti, II, 83—118), Овидіево изображеніе золотаго вѣка (Ovid. Metam., I, 89—112.—Pjes. Vetr., I, 6—9; II, 273), его-же разсказъ о превращеніи Дафны Аполлономъ въ дерево (Ovid. Metam., I, 452—567.—Pjes. Vetr., II, 7) и др. Нерѣдко встрѣчаются буквальныя заимствованія. Такъ стихи Ветранича:

.... dubak od bora i od jele ne bi znao,
što je kraj od mora, ni što je morski vao;
nit bi se snovali plavi ni korablje,
ni od gvozdja kovali ni mači ni sablje... (I, 167)
Niti se trapljaše po vas dan u brazdi,
ni lozje sadjaše, kako se sad sadi....
I dubja još mnoga svaki hip i svaki čas
iz stabra iz svoga točahu rajsku slas....
Ni bješe rat ni boj, vaj bože ljuveni,
ner ljubav mir i goj i život općeni (I, 7, 8).

весьма близки къ слѣдующимъ стихамъ Овидія:

Nondum caesa suis, peregrinum ut viseret orbem,
Montibus in liquidas pinus descenderat undas,
Nullaque mortales praeter sua litora norant...
Non tuba directi, non aeris cornua flexi,
Non galeae, non ensis erat: sine militis usu
Mollia securae peragebant otia gentes.
Ipsa quoque immunis rastroque intacta nec ullis
Saucia vomeribus per se dabat omnia tellus...
Mox etiam fruges tellus inarata ferebat,

Nec renovatus ager gravidis canebat aristis...
Flavaque de viridi stillabant ilice mella.

Подобныя же заимствованія встрѣчаются и изъ итальянской литературы. Стихи Данта (Inferno, III, 1, 3):

Per me si va nella città dolente,
Per me si va nell'eterno dolore,
Per me si va tra la perduta gente.
Dinanzi a me non fur cose create,
Se non eterne, ed io eterno duro:
Lachiate ogni speranza voi, ch' entrate

дословно выписаны Ветраничемъ въ его мистеріи «Uskrsnutje Isukrstovo» (II, 207). Дантовы картины ада (Inf. XXXII, 8) напоминаютъ между прочимъ и слѣдующіе стихи Ветранича:

.... zlobniem će tiem djelom
trpieti sve trude i s dušom i tjelom
u mrkloj mrklosti beza dna gdi je mraz,
gdi nie čut radosti, nego li plačan glas (I, 105).

Извѣстные стихи «Божественной Комедіи» (Inf. V, 41):

.... nessun maggior dolore,
Che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria...

повторяются не разъ Ветраничемъ:

zač veća nie žalos ni veća boljezan,
minutu ner zados pripjevat u pjesan (I, 83),

или

zač tužbe priljute velmi su za dosti
u tužbi minute zbrajati radosti (II, 183).

Стихи:

... će manen bies svieh strana okolo
skršiti zelen lies od vihar oholo
i s desna i s lieva s tolikom plahosti,
da niedna stvar ne čuje.....
Vaj neće čut pastir u gori u crnoj (II, 16)

напоминаютъ слѣдующіе стихи Данта (Inf. IX, 23, 24):

Non altrimenti fatto, che d'un vento
Impetuoso per gli avversi ardori,

Che fier la selva, e senza alcun rattento
Gli rami schianta, abbatte, e porta i fiori;
Dinanzi polveroso va superbo,
E fa fuggir le fiere, e gli pastori.

Въ слѣдующихъ стихахъ въ началѣ поэмы «Pelegrin» (II, 82):

ja bivši srjed puta od moga poroda
tužba me priljuta i plačna nezgoda
nesreći prisudi, da s plačem dni traju....

Ветраничь также, кажется, подражалъ Данту (I, 1):

Nel mezzo del cammin di nostra vita
Mi ritrovaj per una selva oscura,
Chè la diritta via era smaritta.

Космологическія представленія Ветранича тоже очень сходны съ представленіями Данта. Послѣдній, какъ извѣстно, представлялъ землю неподвижнымъ срединнымъ пунктомъ вселенной и островомъ, окруженнымъ со всѣхъ сторонъ водою (Inferno, XXXIV, 106 — 126; ср. Wegele, Dante Aligh. Leben u. Werke, 412). И по представленію Ветранича, земля находится въ центрѣ міра и «окруженная со всѣхъ сторонъ водою, какъ персиковая косточка въ клубкѣ», остается постоянно неподвижною:

A stvar je čudna riet, da je voda vrhu nas
i u vodah dolnji sviet poklonjen da je vas,
stojeći takmeno od voda u pupku,
jak pice praskveno povito u klupku (I, 123).

Небеса, образуя сферу, обнимающую землю, воду, воздухъ и огонь, постоянно и правильно движутся вмѣстѣ съ свѣтилами небесными; за низшею сферою луны существуетъ семь небесъ планетныхъ, на восьмомъ находятся видимыя ночью неподвижныя звѣзды (I, 177—178), на девятомъ — «вышній рай», жилище ангеловъ и святыхъ, гдѣ обитаетъ самъ творецъ и владыка міра Богъ (I, 146), управляя оттуда вселенною.

Стихи Ветранича:

..... jaki no živ plamen
na glavi krešpan vlas i zlati svoj pramen;
kad oči otvori, svjetlje se učine
ner sunce na gori s istoka kad sine...

A grlo i svoj vrat, pod nebom nikadar
ne more narav dat na svieti bjelju stvar;
svoj obraz i lica ljepša su još vidjet
ner ruža i ljubica ni niedan drugi cviet,
a usne medene celovom kad hini
ljepše su rumene neg koralj prifini....
I obrvi još crne, kad mu ih tko gleda,
srce mu sve trne i svoj duh popreda.... (II, 55)

или

U tojzi dubravi još vidjeh djevicu,
gdje nosi na glavi bisernu krunicu,
i bješe do pasa za diku niz bil vrat
nakrješpan od vlasa prosula venčac zlat (II, 101)

напоминаютъ сонеты Петрарки:

Erano i capei d'oro all' aura sparsi,
Che'n mille dolci nodi gli avvolgea... (son. LXIX)
Purpurea vesta d'un ceruleo lembo
Sparso di rose i belli omeri vela... (son. CLII)
La testa or' fino; e calda neve il volto;
Ebeno i cigli; e gli occhi eran due stelle,
Ond'amor l'arco non tendeva in fallo;
Perle, e rose vermiglie, ove l'accolto
Dolor formava ardenti voci, e belle;
Fiamma i sospir le lagrime cristallo (son. CXXIV)
Le crespe chiome d'or puro lucente,
E'l lampeggiar dell' angelico riso... (son. CCLI).

Въ драмѣ «Posvetilište Abramovo» встрѣчаются нѣкоторыя заимствованія изъ итальянской мистеріи «La Reppresentazione e Festa d'Abraam e d'Isaak suo Figliulo» Феа (Маффео) Белькари (ср. напр. Pjes. Vetr., II, 298, 302 и Klein, Gesch. d. Drama's, IV, 194) [1]. Свой переводъ Гекубы Еврипида Ветраничь сдѣлалъ также съ итальянскаго перевода Дольчи (Pavić, Hist. dubrov. drame, 41).

---

1) О Белькари (1410—1484) см. Mazzuchelli, Gli scrittori d'Italia, v. II, p. II, 620—623; Klein, Gesch. d. Drama's, IV, 191—196; Royer, Hist. univers. du theatre, I, 285—295. Упоминаетъ о немъ и Tiraboschi, Storia d. lett. Jtal., t. VI, p. III, 774, 814 (ed. 2).

Свидѣтельствуя такимъ образомъ о близкомъ знакомствѣ поэта съ литературою классическою и итальянскою, сочиненія Ветранича обнаруживаютъ въ немъ вообще значительную начитанность. Кромѣ нѣсколькихъ произведеній, написанныхъ на библейскіе сюжеты и представляющихъ иногда дословныя переложенія библейскаго текста (ср. Pjes. Vetr., I, 252—257: Tužba kralja Davida vrhu Saula i Jonate и 2 Цар., I, 19—27), въ стихотвореніяхъ поэта весьма часто встрѣчаются разныя заимствованія изъ библіи: изреченія св. писанія (Pjes. Vetr., I, 201, 282, 308, 356, 371 и др.), библейскіе образы, сравненія и картины. Такъ жизнь человѣческая, ея утѣхи и радости сравниваются съ мимолетною тѣнью (kako sjenca sviem vrieme se ukrada: Pjes. Vetr., I, 107; ср. I, 109 и Псал., 143, ст. 4, 101, ст. 12), съ травою или цвѣткомъ полевымъ (Pjes. Vetr., I, 27, 269.—Псал. 102, ст. 15), увядающимъ въ теченіе дня:

toli mala, toli kratka — a u podne prihini se,
na priliku liepa cvieta, — a k večeru vas povene,
ki na travi jutrom zene, — a k večeru ponizi se (Pjes. Vetr., I, 33; ср. I, 272 и Псал. 89, ст. 6);

смерть уподобляется губительному потоку водоворота (Pjes. Vetr., I, 30: Псал. 89, ст. 6); человѣкъ слабой воли сравнивается съ женою Лота, не удержавшеюся отъ того, чтобы не оглянуться на Содомъ и Гоморру, и за то обращенною въ соляной столбъ (Pjes. Vetr., I, 173: Быт. XIX, 26); въ стихотвореніи «Pjes. suda napokonjega», изображающемъ, по евангелію, время кончины міра, встрѣчается между прочимъ слѣдующая картина, заимствованная поэтомъ у пророка Исаіи (XI, 6, 7):

sve zvjeri divjačne (gdi) se će sastati…
s pitomiem ter će tač jednaga u druzbi (Pjes. Vetr., I, 285—286).

Отнесеніе этой пророческой картины ко времени пришествія Спасителя и встрѣчающееся ниже въ томъ-же стихотвореніи замѣчаніе о смерти Каина отъ руки его потомка (I, 299), обнаруживающее знаніе объясненія извѣстныхъ словъ Ламеха въ IV главѣ книги Бытія (ст. 23: мужа убихъ въ язву мнѣ и юношу въ струпъ мнѣ) въ смыслѣ убіенія Ламехомъ Каина (объ этомъ объясненіи см. арх. Филарета: Зап. на кн. Быт., 149—150), указываютъ на знакомство поэта съ

толкованіями св. писанія. Въ своихъ carmina mariana, въ стихотвореніяхъ «Къ Пресв. Дѣвѣ» (Pjes. Pjes. Djevici, Pjes. Vetr., I, 399—426; II, 36 — 39), многіе мотивы Ветраничь заимствовалъ изъ средневѣковыхъ церковныхъ гимновъ въ честь Божіей Матери. (См. Mone, Hymni lat. med. aevi, t. II: Hym. ad b. Mariam) [1]). Встрѣчаются наконецъ заимствованія изъ житій святыхъ: такъ, въ стихотвореніи «Bojnikom», описывая подвижническую жизнь пустынниковъ, поэтъ говоритъ о вòронѣ, приносившемъ ежедневно хлѣбъ св. Павлу (Ѳивейскому), по сказанію Іеронимова житія этого святаго (Migne. Patrol. lat. XXXIII, col. 25), объ искушеніяхъ и избіеніи діаволомъ Антонія Великаго (Vità B. Antonii, auct. s. Athanasio: Migne, Patrol. lat., t. LXXIII); нѣкоторые мотивы обличеній мірской суеты и тщеты сходны съ подобными же мѣстами житій (ср. напр. Pjes. Vetr., I, 26—27, 39, 120—121, 274 и др. и «Comparatio Pauli et divitum saeculi» въ заключеніи житія Павла Ѳив.: Migne, Patrol. lat., t. XXIII, col. 28, ср. также Gregorii Mag. Moralia, l. XIX, cap. XXV и др.: Migne, Patrol. lat., t. LXXVI).

Вмѣстѣ съ обширнымъ теоретическимъ интересомъ, выразившимся въ живомъ участіи поэта въ научно-литературномъ движеніи своего времени, произведенія Ветранича обнаруживаютъ въ немъ не менѣе живое отношеніе и къ современной общественной и политической злобѣ дня: дубровницко-далматинская современность, безотрадное положеніе славянства на Балканскомъ полуостровѣ и успѣхи турокъ въ Европѣ, распри городовъ и войны Карла V съ Францискомъ въ Италіи, слабость папства и развитіе реформаціоннаго движенія въ церкви, — все это такъ или иначе нашло себѣ отзывъ въ стихотвореніяхъ Ветранича. Приведу нѣсколько указаній, характеризующихъ политическія и общественныя стремленія поэта. Политическое положеніе дубровницкой общины въ XV — XVII ст. было, какъ извѣстно, крайне не прочно, и при всемъ ея тогдашнемъ богатствѣ и благосостояніи, о ней можно было бы сказать тоже, что сказалъ разъ Тютчевъ относительно Ав-

1) Ср. напр. Mone: stella maris (12, 122, 160), stella rutilans, st. matutina, super astra jubilans (193), stellis coronata, solis luce trabeata, sub qua luna est locata (270), cum corona constellata (196); Pjes. Vetr.: o zviezdo danice (I, 406), morska zviezdo i danice, vrhu svieh zviezda uzvišena (I, 417), zviezdami okružena, mjesec tlačis pod nogami, u sunaćcu odjevana (I, 416, 417), od zviezda u kruni (II, 36).

стріи, что все ея тѣло—одна Ахиллесова пята (dont tout le corps n'est qu'un pied d'Achille): съ одной стороны угрожали турки, съ 1483 г., по завоеваніи Герцеговины, непосредственные почти сосѣди дубровчанъ, съ другой Венеція имѣла постоянно виды на Дубровникъ, особенно когда съ 1420 г. ей подчинилась вся Далмація; наконецъ, платя дань султану и уклоняясь изъ самосохраненія отъ участія въ предпріятіяхъ западныхъ державъ противъ турокъ, дубровчанамъ неизбѣжно и невольно приходилось навлекать на себя неудовольствіе папы и императора, задобривать и ихъ деньгами, подарками или каки-ми-либо услугами, въ родѣ напр. участія въ морскихъ экспедиціяхъ Карла V въ Алжиръ и Тунисъ или въ Непобѣдимой Армадѣ Филип-па II. Ветраничь, оказывается, хорошо понималъ эту непрочность политическаго положенія Дубровника: горячо любя родину, воспѣвая ея славу, морскую силу и богатство (см. стихотв. «Galjun»: Pjes. Vetr., I, 225—226), поэтъ съ грустью сознаетъ, что для сохраненія свободы и независимости его родному городу приходится и «передъ султаномъ хитрить, и передъ королемъ (императоромъ) льстить». Въ стихотвореніи «Pjes. slavi carevoj», изображая живыми красками по-стоянно возрастающее могущество османовъ и безпомощное, вслѣд-ствіе розни христіанскихъ правительствъ, положеніе балканскихъ и венгерскихъ славянъ, поэтъ между прочимъ въ такихъ стихахъ ри-суетъ положеніе Дубровника (Pjes. Vetr., I, 49—51):

Dubrovnik slabi grad jošte se njemu (т. е. султану) tač
od mnogo liet do sad postavi u harač,
i služi mu vjerno, vazda je vjeran bil,
ter gojno i mirno počiva pod svoj kril....
Ma nu se ja boju, gizdavi grade moj,
da slavu tuj tvoju ne izgubiš za grieh tvoj....
Molim te tiem draga, za ljubav jedinu,
ne uzdaj se u blago ni u tvoju tvrdinu;
ne uzdaj se u cara, ni u pomoč krsjansku....
s bogom se ti združi i mimo sve ino
i dvori i služi otmansko koljeno....
baniš se i dičiš, da more kraljuješ,
a s carem lisičiš a s kraljem vuhuješ....

Поэту тяжело примириться съ мыслію, что его славная родина

принуждена служить султану: въ патріотическомъ увлеченіи онъ зоветъ родной городъ проснуться и стряхнуть съ себя османское господство:

Zač nije ni pravo ni ti se pristoji,
oružje rdjavo da tvoje tač stoji.
Oružje tve pouran' ter izljez' iz blata,
i tvoj stieg prislavan rastresi od zlata....
Korablje porini krasne i gizdave
po morskoj pučini, neka te proslave,
neka svak poznava, da niesi lisica,
ner da si ti prava od mora kraljica.
Za-č ljudi govore po svieti svieh strana,
da tvoje nie more ner da je Otmana.
To li je tvoja čas, da Otman s istoka
posvoji tvoju vlas od mora široka?...
Od tvoga marcoka, ki bješe njekadar
od mora široka uzmnožan gospodar,
sadanjieh godišta, a kako vidi svak,
došal je na ništa, došal je na manjak....

Вспомнивъ однако съ одной стороны о страшной силѣ султана, этого «втораго Александра» (Македонскаго), съ другой — о розни христіанъ, увлекшійся было на минуту Ветраничь сознается, что однимъ дубровчанамъ не справиться съ могучимъ врагомъ, приходится пока служить султану, «закладывая пасть этому льву серебромъ и золотомъ», и у поэта вырывается горькій упрекъ правительствамъ христіанскимъ за ихъ распри и усобицы, въ которыхъ вся причина успѣховъ турокъ:

A ti nies' ufana ni se ćeš ufati
od tužnieh krstjana pomoć imati
za velje osvade, s kieh ginu njih slave....
A tebi vaj samoj ne grede od ruke
odtjerit na stan svoj lavove i vuke.
Tiem hoće neharstvo zlieh krstjan i svada,
istočno da carstvo sviem oči izbada....
Za toj se veseli slavni car otmanski,
ki drugo ne želi, ner nemir krstjanski.

Za-č vajmeh, da budu krstjani u goju,
car bi bio za ludu svom silom u boju,
niti bi u robstva krstjani ostali....

Понимая непрочность политическаго положенія Дубровника, Ветраничь тѣмъ болѣе негодуетъ на враговъ своей родины. Любопытны въ этомъ отношеніи два стихотворенія его: одно, подъ заглавіемъ: «Orlača ridjanka, — rečeno u Blatu ribarom» (Pjes. Vetr., I, 212—220) обращено къ жителямъ лагунъ (u Blatu), венеціанцамъ, другое: «Orlača ridjanka Peraštu govori» — къ Перашту. Венеція, какъ извѣстно, неоднократно злоумышляла на независимость Дубровника. Такъ съ этою цѣлью въ 1481 г., во время моровой язвы въ Дубровникѣ, венеціане снарядили было флотъ противъ него въ 60 кораблей, подъ предлогомъ экспедиціи въ Левантъ, но дубровчане, предостереженные во время, успѣли приготовиться встрѣтить ихъ пушечными выстрѣлами (Engel. Gesch. d. Freyst. Ragusa, 188). Въ отместку за эту неудачу и за помощь дубровчанъ Альфонсу, герцогу Феррары, въ его борьбѣ съ Венеціею, въ 1484 г. изданъ былъ венеціанскимъ сенатомъ декретъ, ограничивавшій торговлю Дубровника съ республикою св. Марка (Engel, ibid., 190). Позднѣе взаимныя отношенія между Дубровникомъ и Венеціею остаются всегда болѣе или менѣе натянутыми, и венеціане всячески стараются вредить дубровчанамъ. Стихотвореніе Ветранича любопытно, какъ выраженіе отношенія дубровчанина-патріота къ республикѣ св. Марка. Поэтъ предсказываетъ венеціанцамъ въ недалекомъ будущемъ страшное наказаніе за ихъ хищническій образъ жизни. «Вы хвастаете, говоритъ онъ, обращаясь къ нимъ, что вы повелители всѣхъ водъ, что вы властвуете надъ всѣмъ моремъ, не даете злодѣямъ полонить христіанъ». Тщеславіе ваше чрезмѣрно: море соленое, по милости Божіей, создано для всѣхъ вообще людей (općenstvu), чтобы всякій плавалъ по немъ, всякій мирно и спокойно пользовался имъ, добывая себѣ все нужное. А что вы хвалитесь, будто вы оберегаете море отъ разбойниковъ, особенно отъ поганыхъ, такъ это все пустая и смѣшная ложь, постыдная, забавная болтовня. Вѣдь всѣмъ извѣстно, что вы, блачане, мокрыя послѣ дождя курицы:

Er se od vas razloži, da ste vi Blaćane
opuzle kokoši na daždu oprane.

«Когда вы съ кѣмъ въ бою, вы боитесь показать копье или саблю, а корабли ваши, какъ встрѣтятъ и даже только замѣтятъ турецкіе флаги, приходятъ въ безпорядокъ и убѣгаютъ въ разсыпную, какъ гуси.... Оставьте же свои коварные замыслы и козни, ловите себѣ лучше пискарей, крутите себѣ веревки, оружіе передѣлайте въ рыболовные крючки, соотвѣтственно своему занятію.... Устрицъ у скалъ вы умѣете ловить, а копьями на бранномъ полѣ владѣть вы не смыслите»:

Vješti ste pri školju lupare lupati
a kopja и polju ne umiete vladati.

Совѣтуя оставить оружіе въ покоѣ, поэтъ грозитъ венеціанцамъ страшными бѣдами и конечною гибелью, если они не опомнятся: «ни суша, ни море не можетъ ужь больше сносить вашихъ злодѣйствъ, говоритъ онъ; особенно сосѣди бѣдствуютъ и горько жалуются на васъ, изнемогая отъ голода. Вы вѣдь, — бичь Божій, — тѣмъ и славитесь, что вырываете изъ рта хлѣбъ у голодныхъ.... Побойтесь Бога и не обижайте своихъ кровныхъ близкихъ (iskrnjieh). На силу свою не надѣйтесь, продолжаетъ поэтъ: «сила ваша ничего не стоитъ, какъ охабка соломы»:

Er bo sila vaša taj tako je za nista,
jak jedan naručaj od slame strništa.

Яркими красками рисуетъ затѣмъ Ветраничь силу и могущество своего роднаго Дубровника, совѣтуя венеціанцамъ не безпокоить этотъ славный городъ: онъ де повсюду «славится твердынею стѣнъ и вѣрнымъ оплотомъ гражданъ своихъ».... А что за моряки подъ крыломъ св. Власія! Они, — не то, что рыболовы изъ блатскихъ шалашей — славны и храбры.... Опомнитесь же, обращается еще разъ поэтъ къ венеціанцамъ, оставьте Дубровникъ и бейтесь лучше съ турками: идите на востокъ, ведите туда своихъ ускоковъ, обороняйте Кипръ и другіе острова, возмите наконецъ вооруженною рукою своею Царьградъ, да узнаетъ весь востокъ и западъ, какова рыбацкая слава и мужество:

Za toj se spoznajte, neharni ter takoj
Dubrovnik ohajte a s Turci bite boj
U istok se spravite, vodite uskoke,
ter Cipar branite i ostale otoke;

i s vašom vojnicom, višnjega boga rad,
oružnom desnicom primite Carigrad,
neka istok poznava i zapad jošte vas,
ribarska što je slava i što je hrabren čas.

Въ стихотвореніи «Orlača ridjanka Peraštu govori» поэтъ обращается съ подобнымъ же увѣщаніемъ къ пераштянамъ. Стихотвореніе это интересно, какъ отраженіе внутренней жизни тогдашней Далмаціи. Дубровникъ собственно къ Далмаціи не принадлежалъ. Даже доселѣ дубровчанинъ считаетъ для себя унизительнымъ называться далматинцемъ (Макушевъ, Зад. и Адр. слав., 228): можно себѣ представить, что было въ XV—XVI в., въ пору цвѣтущаго состоянія богатой общины. Въ 1420 г. въ Далмаціи утвердились венеціане: они ввели тамъ свои законы, свою администрацію, языкъ, запрудили страну своими купцами-спекуляторами. Въ началѣ XVI в. начались вторженія турокъ въ Далмацію: многія селенія и мѣстечки обращались въ развалины, земли, и безъ того, по каменистости почвы, малоплодородныя, совершенно забрасывались владѣльцами и не обработывались. Бѣдность въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходила до крайней степени (см. Commissiones et relat. Ven., II, 41—46). Съ одной стороны богатство, морское могущество и независимость, съ другой — надменность и себялюбивая политика дубровчанъ вызывали зависть и недовольство въ болѣе слабыхъ, бѣдныхъ, подавленныхъ венеціанскимъ гнетомъ городковъ Далмаціи, и жители ихъ нерѣдко безпокоили Дубровникъ съ его округомъ, съ суши и съ моря, нападая на дубровницкіе корабли и мѣшая сухопутной торговлѣ дубровчанъ въ турецкихъ земляхъ. Названное стихотвореніе Ветранича служитъ хорошею иллюстраціею съ этой стороны внутренней жизни Далмаціи. Жители Пераштa, небольшаго селенія, въ миляхъ шести отъ Котора, тогда (въ XVI в.) вблизи турецкой границы (см. Itiner. di G. B. Giustiniano: Commissiones et relat. Ven., II, 247), занимались преимущественно мореплаваніемъ: не смотря на незначительность мѣстечка, у нихъ было до 32 лодокъ, кромѣ трехъ большихъ кораблей (Com. et relat. Ven., II, 48: Rel. D. Griti). По свидѣтельству венеціанскихъ проведиторовъ, пераштяне были народъ отважный и предпріимчивый (Com. et relat. Ven., II, 111: Rel. A. Valerio), а нѣкоторые изъ нихъ, благодаря морскимъ предпріятіямъ, обладали значительнымъ

состояніемъ (Com. et relat. Ven., II, 48). Не такими представляетъ ихъ Ветраничь въ своемъ стихотвореніи: онъ смотритъ на пераштянъ, глазами дубровчанина:

Medju gorom i gorom jes blizu Kotora
lupeški stan i dom u luci kraj mora;
i gdje je sve zlo toj, svi u zlu seljani
provode život svoj kako psi pogani.
Gdje žena kad rodi, tadaj se može riet,
da djavla izvodi iz pakla na saj sviet....
Tiem se svud govori, da su tuj u luci
seljani svi gori, neg Mori i Turci....
I ništor ne sciene ni duše ni boga,
krstjanstvo ner pliene i deru svakoga....

Давно слѣдовало-бы стереть пераштянъ съ лица земли за всѣ ихъ злодѣянія, давно слѣдовало-бы, чтобы св. Власій истребилъ ихъ страшнымъ мечемъ своимъ. «Гдѣ христіане, обличаетъ пераштянъ поэтъ, тамъ вы храбры, спѣшите грабить ихъ и брать въ плѣнъ, а передъ погаными постыдно бѣжите». И чѣмъ только вы тщеславитесь? «Всѣ вы недалекаго ума и пустыя головы»:

.... er ste Peraštani
svi male pameti i šupljieh moždani.

Прекрасно знаетъ васъ и Дубровникъ:

gdje nie niedno selo, veliko ni malo,
koje nie dreselo u raspu ostalo;
ter tvoja biesna ćud pasjega narava
susjedstvu tolik trud otajno zadava.
A javi i speći ne moreš gojno stat,
gospodske želeći krvi se nalokat.

Поэта возмущаетъ, что пераштскіе рыболовы,—этотъ «смрадъ и гниль какая-нибудь» (smrad i gad), безпокоятъ такой славный городъ, какъ его родина, которая красуется на берегу моря, какъ самая свѣтлая звѣзда на небѣ:

Er mnozi govore, kako je sviem znati,
da tovar ne more uz konja trčati;
kad li sam poteče, počne se znojiti
ter potek daleče ne može prodljiti.

Пераштяне такъ погрязли въ беззаконія и злодѣянія всякаго рода, что даже въ гробу, думается поэту, не могутъ они успокоиться:

da mrtvim u grobú kosti vam koporu,
škroboću i škriplju, da po svom naravu
plieneći rasiplju susjedsku državu....

Такъ горячо принималъ къ сердцу поэтъ интересы своей родины, такъ любилъ и гордился своимъ роднымъ городомъ, хотя и не скрывалъ слабыхъ сторонъ его. Не менѣе близки ему были интересы и всего вообще славянства: онъ скорбѣлъ душею о немъ, видя, какъ гибнетъ оно отъ турокъ и отъ своей собственной неурядицы, отъ своихъ взаимныхъ ссоръ и распрей:

O grčko česarstvo prislavno na svit saj,
za tvoje neharstvo i tobom drakun taj (т. е. султанъ)
svazma se zajazi ter tebe vajmeh tač
do traga porazi i u vječni stavi plač.
Slavna Romania ter Turkom sad služi
i sva Arbanija i cvili i tuži.
Despoti i kralji od Bosne što bjehu,
hercezi Sandalji ki u slavi slovjehu,
.... gdi vam je sloboda?
Ni car vas ne odtjera, ni car vas ne dobi,
ner vaša nevjera takoj vas oznobi....
krstjanstvo ter plače s nevjere te vaše,
i rimske polače u tuzi ostaše.
O slavni Hrvati, i vas li ognjen zmaj
do traga pomlati i da vam plačni vaj!
ter vaše gradove i kotar ostali
i slavne banove sve ognjem popali,
i vašoj državi, ku nogom poplesa,
niednog ne ostavi hrabrenog viteza!....
A i slavni Biograde i ti mi govori,
tvrdine i zgrade tko tvoje obori?
Tvoja li krajišta, o slavni Biograde,
ostaše za ništa, u zabit sva sade?
Tko kopja i sablje sada će lomiti
i oružne korablje Dunavom voditi?..

Ugarska stražice, cviliš li ti sada,
vitežka hranice, gdi tebe car vlada?...
O kruno ugarska, s nebesa poslana
sva slavo krstjanska i časti ufana,
tko tvoju pohvalu i toli slavan glas
potlači u kalu s oružjem u mao čas?....
Vaj tko li nadaše zle ljudi, bože moj,
ter kralja (Людовикъ II) izdaše, gdje vjerno bije boj (битва при Могачѣ)!
Nie drugo, nego li nevjere krstjanske...
a zaman klikuju svahi hip i svaki čas,
da zlobe ostave krstjane i grieh svoj,
i da se priprave jednaga biti boj,
da se sva samire gospoda od krstjan,
da lava odtjere k istoku na svoj stan.

(Pjes. slavi carevoj: Pies. Vetr., I, 46—49).

Ветраничу не чужда была мысль о единствѣ славянскомъ, какъ можно, кажется, заключить изъ слѣдующихъ стиховъ его эпитафіи поэту Димитровичу (Pies. Vetr., I, 196—197: Pjes. Lili na grobu):

glas ki se ostavil teći će po vas vik,
za-č si njim proslavil slovinski vas jezik.

Тѣмъ болѣе печалится онъ о томъ, что славяне оставляютъ другъ друга безъ поддержки и тратятъ силы свои въ мелкихъ раздорахъ, являясь даже иногда изъ себялюбивыхъ цѣлей орудіемъ дальнѣйшаго порабощенія своихъ братьевъ. Даже на такомъ незначительномъ клочкѣ земли, какъ Далмація, нѣтъ между ними взаимной любви и поддержки.... Въ своихъ стихотвореніяхъ поэтъ часто обращается къ мысли объ этой розни между собою славянскихъ и вообще христіанскихъ народовъ и въ ней видитъ главную причину успѣха турецкаго оружія. Такъ эта мысль лежитъ въ основѣ его «Pjes. slavi carevoj», какъ видно изъ выписанныхъ мною выше отрывковъ изъ этого стихотворенія. Эта же мысль одушевляетъ Ветранича и въ другомъ прекрасномъ его стихотвореніи: Tužba grada Budima (Pjes. Vetr., I, 52—65). Стихотвореніе это, видимо, написано поэтомъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ турецкаго погрома Венгріи въ 1529 г. Ветраничь обращается тутъ съ горькимъ упрекомъ къ христіанскимъ пра-

вительствамъ за то, что они оставили безъ поддержки венгерскаго короля въ его борьбѣ съ Турками: «не было никого, говоритъ поэтъ отъ имени Пешта, кто пожалѣлъ бы короля моего, который во всемъ свѣтломъ оружіи своемъ утратилъ вѣковую славу свою, стоптанный въ грязь своими-же: погибла слава будимская въ храбромъ бою, изсякла кровь Казиміровa» (со смертью Людовика II, сына Владислава Казиміровича).

Передъ воображеніемъ поэта предносится славное прошлое венгерскаго королевства:

Ter je toj pogiblo oružje prislavno,
koje vazda bilo s vojnici pripravno
krajinom ugarskom hrabreno boj biti
i krvi junačkom Kosovo politi;
i kopja lomiti i korde i sablje
i uz Dunaj broditi šajke i korablje,
da mnokrat tih Dunav, krajišta gdi su taj,
činil je vas krvav jedan i drugi kraj.
Slavniju vajmeh stvar ter viekom na svieti
ne bješe nikadar očima vidjeti,
ner gdi se bojnici perjani stajahu,
u oružju konjici jak sunce ki sjahu,
ter kopja praskahu vojnička do šake
a po tleh padahu škufije i šapke;
i svioni klobuci i perje hrabreno,
gdi Ugri i Turci boj biju hrabreno.

«Теперь нѣтъ ни венгерца, ни чеха, ни поляка, который бы въ полѣ съ копьемъ вышелъ на встрѣчу турчину; нѣтъ больше ни хорвата, ни босняка, ни храбраго далматинца, ардельца или угровлаха, которые мечемъ обороняли бы вѣру христіанскую (?), обагряя руки свои въ крови поганыхъ:

A sad nie Ugrina, Čeka ni Poljaka,
da s kopjem Turčina u polju dočaka;
nie veće Hrvatin ni od Bosne vitez taj,
ni hrabren Dalmatin, Ardeljac i Ugrovlah,
ki vjeru krstjansku sabljom su dielili(?)
i u krv pogansku desnice mastili.

«Встань изъ гроба своего, взываетъ поэтъ, отъ имени Пешта, къ знаменитому герою-королю Венгріи, Матвѣю Корвину,—встань изъ гроба, славный король мой, посмотри какъ султановы рабы сапогами попираютъ палаты и дворцы твои! Проснись и ты изъ глубокаго сна своего, воевода Янко (Янъ Гуніадъ), и другіе вожди, да встанетъ вмѣстѣ съ вами изъ праха слава ваша, которой боялись всѣ цари земные, которая обороняла окраины и всю страну мою, которая вскормила витязей безъ числа»!..... Живыми красками и въ прекрасныхъ прочувствованныхъ стихахъ рисуетъ затѣмъ поэтъ картину турецкаго погрома Венгріи и еще разъ обращается съ горькимъ упрекомъ къ христіанскимъ державамъ, оставившимъ ее безъ поддержки..... Разочарованный поэтъ, послѣ паденія Пешта, этого щита, «защищавшаго отъ турокъ Саву, Драву и Дунай», и въ будущемъ даже не видитъ ничего уже отраднаго:

Zač da bi sve sile u oruzju od krstjan
za jedno se skupile na taj stieg od Otman;
ne bi ga nikada gdi se s Turci kolju
jednu ped nazada potiskli u polju.

Яркими чертами рисуетъ онъ могущество султана и, какъ бы подъ впечатлѣніемъ самимъ же нарисованной картины этого могущества, съ горечью еще разъ вспоминаетъ опять раздоры и усобицы христіанъ, видя въ нихъ всю причину успѣховъ султана [1]).

Безотрадно было положеніе славянства на Балканскомъ полуостровѣ и въ Венгріи: во взаимныхъ распряхъ и усобицахъ тратило оно силы свои, одинъ за другимъ падали оплоты его, и расширялась власть султана. Не лучше было и на западѣ... Францискъ I ведетъ войну съ Карломъ V изъ за императорства и господства въ Италіи, въ Германіи усобицы князей между собою и императоромъ, въ Италіи междоусобная война городовъ.... Всюду раздоры, войны, льется кровь потоками.... Враждующія между собою державы не могутъ соединить свои силы противъ общаго врага христіанства, султана турецкаго, а

1) Ветраничь особенно бѣднитъ на «Вѣну»: Фердинандъ, сначала интриговавшій (и не безъ успѣха) противъ І. Запольи въ Константинополѣ, но, послѣ сраженія при Токаѣ, внезапно прервавшій всякія сношенія съ султаномъ и, помимо послѣдняго, короновавшійся венгерскимъ королемъ, дѣйствительно своимъ безтактнымъ поведеніемъ по отношенію къ Портѣ, далъ ближайшій поводъ къ вторженію Сулеймана въ Венгрію въ 1529 г. (см. Zinkeisen, Gesch. d. osm. Reich., II, 656—683).

каждая изъ нихъ въ отдѣльности не въ состояніи бороться съ нимъ. Правительства христіанскихъ державъ часто даже заискиваютъ расположеніе султана и ведутъ интриги другъ противъ друга при дворѣ его... «И растетъ сила поганыхъ, говоря словами Ветранича, и льется ежечасно кровь христіанская (Pjes. Vetr., I, 38). Поэтъ часто въ своихъ произведеніяхъ съ грустью останавливается на этой печальной картинѣ междуусобій, братоубійства, кровопролитія и опустошеній, не разъ обращается къ народамъ и правителямъ съ живымъ обличеніемъ ихъ себялюбія и разъединенія и съ горячею проповѣдью любви и братства. Кромѣ отдѣльныхъ стиховъ, разсѣянныхъ въ различныхъ стихотвореніяхъ (см. Pjes. Vetr., I, 8—9, 100—101, 159 и др.), такому обличенію розни и усобицъ христіанскихъ правительствъ Ветраничь посвятилъ особое стихотвореніе «Pjes gospodi krstjanskoj (Pjes. Vetr., I, 37—41).

Въ общей безотрадной картинѣ междоусобій и кровопролитія скорбная мысль поэта, послѣ славянства, въ особенности останавливается на Италіи, которая, по мнѣнію его, особенно пала и «стала смердящею кучею всякихъ грѣховъ и злодѣйствъ». Въ стихотвореніи «Pjes. u vrieme od pošljice» (Pjes. Vetr., I, 79—80) поэтъ въ слѣдующихъ стихахъ обращается къ ней:

Latinko prikrasna, zao sanak zaspala,
probud' se iza sna, dvigni se iz kala....
Za-č tvoje neharstvo i tvoja oholas
ne haje božanstvo i božju moć i vlas,
i ti si najveća na svieti ostala
stontina smrdeća svieh grieha i zala...

. . . .

ve se jur spravi s nebesa krvav mač,
s kiem će bog poslati rasrdu i gniev svoj,
da bude poklati s državom kotar tvoj....
Ne samo krstjanom stati češ na službi
ma jošte poganom u plaču i tužbi....
Za što bez razloga u tebi manen bies
i svetieh i boga proklina u nesvies.

Италія въ XVI в. дѣйствительно находилась, какъ извѣстно, въ состояніи тяжелаго нравственнаго кризиса. Развратъ проникалъ всѣ

слои общества: невѣріе, матеріальность побужденій и стремленій, распущенность половыхъ отношеній, убійства, обманы – обыкновенныя явленія общественной жизни Италіи того времени. Раздробленная на мелкія владѣнія, Италія была раздираема усобицами. Государи и правительства не стѣсняются въ выборѣ средствъ къ усиленію своего политическаго значенія. «Италія, говоритъ Буркхардтъ (Культура Италіи въ эп. Возрожд. 77), дѣлается родиною политики, поборовшей и въ другихъ странахъ существующіе порядки и признанныя права. Вполнѣ объективныя и чуждыя предразсудковъ и нравственныхъ сомнѣній, международныя отношенія достигаютъ полноты, повидимому, совершенной, но производящей общее впечатлѣніе какой-то бездонной пропасти: союзы, вѣроломство, подкупы, измѣны — составляютъ всю внѣшнюю исторію Италіи того времени. Враждующія стороны призываютъ на помощь другъ противъ друга сильныхъ иностранныхъ государей, и Италія дѣлается игрушкою въ рукахъ нѣмцевъ, испанцевъ, французовъ. Даже турками не брезгали итальянскія государства каждое для усиленія своего политическаго вліянія другъ надъ другомъ. (Буркхардтъ, 80—82). Папы не отстаютъ въ этомъ случаѣ отъ свѣтскихъ государей [1]) и отлично пользуются какъ рознею между собою европ. державъ, такъ и внутренними раздорами и усобицами итальянскихъ государствъ. Вооруженныя вмѣшательства иностранцевъ, равно какъ и внутреннія взаимныя ссоры и междоусобія, сопровождались тяжкими для страны опустошеніями и раззореніями. Ветраничь именно и видитъ причину слабости Италіи въ ея распаденіи на мелкія владѣнія и господствѣ иноземнаго вліянія.

Въ прекрасномъ стихотвореніи, «Pjes Latinom» (Pjes Vet., I, 82—88), поэтъ желаетъ ей единства и независимости. «Вся причина многихъ бѣдствій твоихъ, говоритъ онъ, обращаясь къ ней, въ томъ, что ты отдалась чужеземцамъ:

za što si tvoju vlas tudjinom podala;
ter zoveš tudjine i ljudi neznane,

---

1) Такъ Александръ VI ведетъ переговоры съ Баязетомъ противъ Карла VIII (Zinkeisen, Gesch. d. Osm. Reich. in Europa, II, 488—491) и поддерживаетъ въ Константинополѣ Людовика Моро въ его стараніяхъ склонить турокъ напасть на Венеціи (Буркхардтъ, 80—82).

da ŕrobe i pliene latinske te strane.
Robe te i pliene i odiru svaki čas,
na priešu ter gine prislavna tvoja vlas.
Nepravi krstjane ner meu sve zle zgode
pojamši pogane k tebi se sad brode,
da t' splešu toj malo tej vojske razlike
što ti je ostalo lieposti i dike.
A je li toj pravo, da t' se sad potlači
tve lice gizdavo ne kopji ni mači,
ner samiem neskladom, ki silu primaga
i himbom i svadom, gospoja pridraga?
Za koju vajmeh stvar, može se toj znati
slavan kralj (Францискъ) i česar (Карлъ V) da ostaše u rati...
Kolu se i dave, kako psi i vuci
i pliene t' države krstjane i Turci...

Поэтъ вспоминаетъ славное прошлое Италіи. «Не былъ-ли твоимъ весь востокъ и западъ, говоритъ онъ, не покрывала-ли ты крыломъ своимъ всѣ города на свѣтѣ? Сколько дани платилось тебѣ, что вмѣщали въ себѣ римскіе дворцы твои! И гдѣ все это, куда исчезло все это богатство!»

Nu nemir, gospoje, tvoju vlas prikrati,
horugve ter tvoje gori dnom obrati...

Живыми красками и въ прекрасныхъ выразительныхъ стихахъ изобразивъ всѣ ужасы того кровопролитія, какое ждетъ Италію, если не прекратятся въ ней междоусобія, поэтъ совѣтуетъ ей стать собою (fara da se), изгнать чужеземцевъ и не позволять болѣе клевать себя ни орлу — Германіи, ни пѣтуху — Франціи:

Gospoje od gospoj a sad se spomeni,
    sama se ti posvoj a tudjieh odreni,
oružni tač zvokot neka se ne čuje,
    i orao (Карлъ V) i kokot (Францискъ) neka te ne kljuje.
Čin' da t' se pokloni kokotov plahi bies,
    u oružju ki zvoni i gromi, kako tries;
čin' da te Akvila, Latinko, ne cvieli,
    koja sad sva krila daleče raskrili;

čin' da te ne cviele istočni pogani
i oružjem ne diele, tidjini ne znani.
Toli su odluke da se ćeš udati,
ne daj se u ruke od mnozieh vladati;
jednoga ti vjeri i posvoj za sebe,
a ostale odtjeri daleče od sebe...

Обращаюсь къ указанію въ произведеніяхъ Ветранича чертъ современной ему церковной жизни. Реформаціонное движеніе въ Германіи нашло себѣ отзвукъ въ слѣдующихъ стихахъ поэта (Pjes. Vetr., I, 364)[1].

. . . . u oštromu sjeveru
djaval nam razdvoji svoj zakon i vjeru...
crkovna sva družba ar se sad razdvaja,
crkovni dom i stan ter se jur skončava.....

Въ другомъ мѣстѣ (Pjes. Vetr., I, 444—445) Ветраничь замѣчаетъ, что «въ крѣпкихъ стѣнахъ нуждается нынѣ городъ Іерусалимъ (подъ которымъ разумѣется церковь), который совсѣмъ раззоренъ и рушится»:

potrjebu za-č ima miri bit utvrdjen,
grad Ierusolima, ki je velmi razgradjen,
i koj se još sadanjieh sieh dana,
u plamu vas gori okolo svieh strana.
Do dna se vas ori i u njem nje cio kamen,
za-č mnozi zlotvori potiču ziv plamen,
s himbom od nevjere, da u rasap toj malo
razaspu te mire, što ih je ostalo.

Сознавая такимъ образомъ шаткость положенія церкви, Ветраничь причину этого видитъ въ недостаткахъ церковнаго строя и распущенности іерархіи (Pjes. Vetr., I, 372):

navlaš sieh dana taj se zled prigodi,
da vezan vezana drješeći slobodi!
Mnim takoj ki vežu i takoj ki drieše,

1) Въ стихахъ Ветранича (Pjes. Vetr., I, 367):
. . . . mislim u sebi, što otče jednoga
pritežeš sam k sebi, a nećeš drugoga
слышатся идеи Кальвина о предопредѣленіи.

da večma vez stežu i večma sagrieše...
Najveće pastiru ovoj se priklada
u velikom nemiru ki obor svoj vlada,
ter vajmeh stado toj po sve dni zlopati,
za-č mira ni pokoj ne more prijati,
ter ti se ne plodi, niti mu raste broj,
ner svak čas dohodi na manje stado toj;
i s togaj nemira, u oboru ki bješe,
stado se rastjera i daleč pobježe,
ter gdi su lugovi ali pak u polju
bez straže vukovi ovčice te kolju...
. . . .
. . . pastir prodava sve ovce za malo,
ter trudne te ovce ni blazni ni ljubi,
ner ište trgovce, da ih prie izgubi.

Въ стихотвореніи «Pjes. slavi carevoj» (I, 42) есть у поэта намекъ на индульгенціи, или вообще на корыстолюбіе духовенства:

(Италія) je poznala Davidov slavan cviet,
   i Petra i Pavla kojiem se dići sviet,
i k tomuj ostale učenike prave,
   koji su sve hvale dostojni i slave,
kojiem bi pridana za djela tolika,
   majka svieh krstjana crkva katolika,
da vežu i drieše a navlaš bez plate
   krstjane, ki grieše i ki se povrate....

Въ заключеніи мистеріи Ветранича «Suzana čista» (Pies. Vetr. II, 387—388), пророкъ Даніилъ обращается съ обличеніемъ къ осужденнымъ имъ на смерть священникамъ іудейскимъ, и въ словахъ его нельзя не замѣтить также намековъ со стороны поэта на современную ему распущенность духовенства:

pritile bokune ter sada probav'te,
koje ste žderali bez muke i truda,
i nište gledali ni pravde ni suda,
ni duše ni boga, negli se sklopiste
od puka ovoga tere krv popiste,
i pjenez pobraste meu sobom dileći

i nage prognaste sirote cvileći.
To znaju kantuni, gdi ste se verali,
gdi su se kapuni u sapur žderali
i razlike ptice, što može perje dat',
navlaš jarebice, kim nie broja znat',
a kamo škrpine i trigle grbave,
debele murine i druge podstave,
a navlaš cipoli i fazi pritili,
koje ste na poli s čafranom žutili,
zubatci, ovrate i dari ostali,
sve ste to bez plate po mitu papali,
i razliko vince, zajedno kad biste,
u dobre zdravice stumbice ter piste;
a sirote plačne, koje vas poznaše,
i žedne i lačne radi vas ostaše...
. . . .
i karte i cari bješe vam za posal.

Особенно выразительными чертами рисуетъ Ветраничъ положеніе церкви въ своемъ стихотвореніи «Moja plavca» (Pjes. Vetr. I. 169—175):

. . . . patrun ni mrnar
ne haje za dušu ni mari niednu stvar,
ne haje ni mari, ner s griehom pribiva,
duhovne zač stvari pri blagu zabiva,
pri blagu zabiva ter sisa do kosti
krv, ka se dobiva s velikom gorkosti.
Trgovac i skrivan zlu dobit priklada,
ki ob noć i ob dan divanu (т. е. церковь) podkrada,
divanu onuj dim, ku vajmeh svieh strana
odrtu sad vidim oda zlieh krstjana,
ka je prie vladala duhovna sva blaga,
a sad je ostala i gola i naga;
kradena i plienjena a sad je za ništa
od svojieh scienjena u svoja godišta,
ter se sad skončava, ni u goju ni u miru
od crkovnieh glava, ke ju sad odiru,

odiru nebogu, da naga zlopati,
da svoj rod pomogu plačniemi dukati...
. . . .
Tiem recte za ljubav, čemu se nadate,
crkovnu koji plav lupeški vladate?
gdi je pravda, gdi je razlog, ali ste sebe van,
gdi je duša, gdi je bog i gdi je sudnji dan?
Ako vi scienite da ćete umriete,
Što takoj plienite boži stan na svieti?...

Такими мрачными красками рисовалъ поэтъ современное ему положеніе церкви и такъ прекрасно понималъ слабыя стороны церковной жизни своего времени. Во второй половинѣ XVI в. въ Дубровникѣ, строго католическомъ, вообще проявилось нѣкоторое религіозное броженіе, въ смыслѣ отрицательнаго отношенія къ падавшей католической церкви: являлись люди, которые свободно поднимали голоса противъ нравственной распущенности іерархіи и требовали устраненія разныхъ злоупотребленій въ церкви (Engel, Gesch. d. Fr. Ragusa, 224—225). Усиліими іезуитовъ впослѣдствіи это религіозное броженіе умовъ было подавлено. Ветраничь, какъ видно, не остался чуждъ этому современному движенію: оставаясь вѣрнымъ сыномъ католической церкви, онъ тѣмъ не менѣе живо сознавалъ ея паденіе и обличалъ въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ дурныя стороны и недуги современной церковной жизни. Это былъ протестъ независимой мысли и чистаго религіознаго чувства противъ современныхъ искаженій и извращеній ученія и нравственности христіанской, противъ современнаго формализма и распущенности въ церкви.

Общественная жизнь Дубровника слабо отразилась въ произведеніяхъ Ветранича. Въ общественномъ строѣ общины въ XVI в. были уже зародыши, обусловившіе позднѣе, вмѣстѣ съ разными внѣшними неблагопріятными причинами, политическое паденіе Дубровника. Ветраничь въ своихъ стихотвореніяхъ тоже непривлекательными чертами рисуетъ современную общественную жизнь. Останавливаясь часто мыслію на разныхъ болѣе, или менѣе важныхъ недостаткахъ современнаго общественнаго строя, поэтъ однако возстаетъ противъ нихъ и обличаетъ не столько съ точки зрѣнія государственно-общественной, сколько отвлеченной религіозно-нравственной, жалуясь на отсутствіе правды

и братской любви въ современномъ обществѣ, на матеріальность стремленій и шаткость нравственныхъ идеаловъ. Такимъ образомъ тѣ его произведенія, которыя касаются общественной жизни, болѣе любопытны въ смыслѣ характеристики личности поэта, чистоты его нравственнаго настроенія и идеальности міросозерцанія, доходящей до аскетизма, чѣмъ отраженіемъ соціально-общественной современности.

Ограничиваюсь въ данномъ случаѣ этими немногими [1]), общими указаніями на важнѣйшіе мотивы въ произведеніяхъ М. Ветранича: всестороннее раскрытіе философско-религіозныхъ и соціально-общественныхъ воззрѣній не входило въ задачу настоящей статьи.

---

1) Я не коснулся въ своихъ замѣткахъ поэмы Ветранича «Pelegrin». Простой, безъ серьезной подкладки, фантастическій разсказъ о приключеніяхъ какого-то странника, произведеніе молодости поэта, на взглядъ неизвѣстнаго рецензента академическаго изданія сочиненій Ветранича въ Čas. Mus. kr. česk. (1874 г., sv. 2—3, 373), написанное Ветраничемъ въ старости, по свидѣтельству Якова Флавія, но недошедшее до насъ, по замѣчанію Аппендини (Notizie, II, 220), стихотвореніе о происхожденіи Дубровника, какъ думаетъ Кукулевичь-Сакцинскій (Pjes. hrv., 75), описаніе жизни поэта, по мнѣнію И. В. Ягича (Jihoslované,—Slovnik Naučný, IV, 336), поэма Ветранича, думаю, имѣетъ болѣе глубокій смыслъ. Это есть поэтическое выраженіе философскаго взгляда поэта на жизнь въ родѣ «Pilgrim's progress» Джона Буньяна (Bunyan) или «Лабиринта Свѣта» Амоса Коменскаго. Изученіе этого произведенія Ветранича сравнительно съ идеями вѣка не лишено занимательности.

С.-Петербургъ. Апрѣль 1883 г.

МУКАЧЕВСКАЯ ПСАЛТЫРЬ XV ВѢКА.

Ивана Соколова.

На библіографическую выставку въ Будапештѣ зимою прошлаго 1882 года была доставлена въ мадьярскій національный музей изъ Мукачевскаго монастыря (Munkács, въ Угорской Руси) пергаменная псалтырь среднеболгарскаго письма, принадлежащая по всѣмъ признакамъ началу XV вѣка. Въ бытность мою въ Будапештѣ въ февралѣ прошлаго года я имѣлъ возможность ознакомиться съ этою рукописью въ помѣщеніи музея до представленія ея на выставку, устроенную въ мадьярской академіи наукъ, и составилъ краткое ея описаніе для каталога выставки по просьбѣ г. Чонтоши (Csontosi), хранителя музея, доставившаго мнѣ возможность заняться какъ этою, такъ и нѣкоторыми другими рукописями славянскими, присланными на библіографическую выставку. Въ виду малоизвѣстности мукачевской псалтыри, считаю не лишнимъ представить болѣе подробное ея описаніе.

Рукопись пергаменная, въ 4° малаго формата, безъ переплета, состоитъ изъ 18 тетрадей, слабо и не въ порядкѣ перешитыхъ: тетрадь к҃ пришита въ концѣ рукописи и содержитъ псалмы 7—17; она начинается словами: стрѣ́лы своѧ съгорѧщѫ сдѣла и оканчивается словомъ: и къ б҃ѹ (пс. 17). Предпослѣдняя тетрадь оканчивается р҃н псаломомъ; послѣднія слова страницы, писанныя красными чернилами: с҃ла. сіи ѱаломь ѡсо́бь пі́, — не достаетъ слѣдовательно одного 151 псалма. Тетради по 8 листовъ, кромѣ первой, въ которой 6 листовъ, всего 142 листа или 284 страницы. — Первоначально рукопись пе-

решита была въ четырехъ мѣстахъ, судя по сохранившимся вырѣзкамъ въ корешкѣ. Позднѣе, въ промежуткахъ между первоначальными прорѣзами на корешкѣ, сдѣланы были четыре новыя прошивки, изъ которыхъ уцѣлѣли только двѣ, такъ что первая тетрадь совсѣмъ оторвалась, а послѣдняя едва держится. Пергаменъ рукописи довольно грубый, мѣстами лоснящійся, мѣстами шероховатый и сильно потертый, такъ что чтеніе нѣкоторыхъ страницъ становится затруднительнымъ. Чернила блѣдноваты, водянисты. Обрѣзъ рукописи совсѣмъ почернѣвшій, мѣстами на пергаменѣ попадаются слѣды восковыхъ пятенъ и помарки позднѣйшими чернилами. Поля у корешка и обрѣза одинаковы, а сверху и снизу не равныя: вверху текстъ начинается очень высоко, отступя лишь одну строчку отъ обрѣза, а внизу оканчивается высоко, на вершокъ отъ обрѣза. Разстоянія между строками одинаковы. Почеркъ—средній уставъ, въ одинъ столбецъ, на страницѣ по 20 строкъ, въ каждой по 23—24 буквы. Надписанія псалмовъ всѣ сдѣланы красными чернилами, довольно блѣдными, въ строку, въ слѣдъ за окончаніемъ псалма. Счисленіе каѳизмъ и псалмовъ обыкновенное — посредствомъ кирилловскихъ буквъ подъ титломъ. Начальныя буквы псалмовъ очень крупныя, длиною въ 6—7 строкъ, частію красныя и золотыя, частію разноцвѣтныя съ золотомъ, узорчатыя. Среди текста часто встрѣчаются начальныя буквы, особенно въ началѣ стиха, писанныя красными чернилами и выступающія на поле, неизмѣнно съ лѣвой стороны, можетъ быть потому, что справа строчки оканчиваются не ровно, а слѣва совершенно ровно; симметрію нарушаютъ лишь выступающія изъ ряда красные инаціалы. Никакого краегранесія или акростиха они изъ себя не составляютъ. На первой страницѣ рукописи находятся замѣтки другими чернилами, позднѣйшаго происхожденія: на румынскомъ языкѣ кирилловскими буквами 116 псаломъ: лъѹдаци пре д҃мнѹлъ тоа́тє нємѹрилє лъѹдацилъ пре ѐлъ тоатє нороаделє и т. д. (т. е. Laudate dominum omnes gentes: laudate eum omnes populi). Затѣмъ другой рукой по славянски: хвала̑ та бл҃жаще прєс҃таѧ дв҃це—и пр. На той же страницѣ сургучная печать Мукачевскаго монастыря. На оборотѣ перваго листа во всю страницу написано красками слѣдующее изображеніе. На зелено-голубомъ фонѣ, значительно вылинявшемъ, по срединѣ представленъ сидящимъ на тронѣ Іисусъ Христосъ, держащій въ лѣ-

вой рукѣ книгу, а правою благословляющій подходящихъ къ нему двухъ лицъ: впереди кто-то колѣнопреклоненный въ длинной одеждѣ коричневаго цвѣта, въ родѣ тулупа или армяка, съ мѣховымъ откинутымъ воротникомъ и въ темнозеленой шапочкѣ, на подобіе чалмы, съ золотыми прошивками, подноситъ закрытую книгу. За этой фигурой стоитъ царь Давидъ въ вѣнцѣ, съ лирою черезъ плечо; въ правой рукѣ онъ держитъ свитокъ, на которомъ написано по славянски начало 1-го псалма, а лѣвою дѣлаетъ указательный жестъ, какъ бы препоручая колѣнопреклоненнаго подносителя книги. Надъ I. X. и царемъ Давидомъ надписаны ихъ имена, а надъ третьей фигурою нѣтъ никакой надписи. Подъ рисункомъ подпись рукою и почеркомъ рукописи: пріими г҃и приношеніє раба твое́го і҆ѿ҆ логофета. Слѣдующая страница начинается разноцвѣтною заставкою мелкой изящной работы съ кругомъ посрединѣ ея; сверху заставки крестъ съ надписью по сторонамъ І҃С—Х҃С | Н҃—К҃. Подъ заставкой заглавіе крупною золотою вязью: Давида пророка псаломъ А.

Прежде чѣмъ перейти къ подробному описанію особенностей письма и языка рукописи, сдѣлаю нѣсколько общихъ о ней замѣчаній. Ранѣе мнѣ ничего не было извѣстно объ этой псалтыри. Изъ Пешта я сообщилъ о ней свѣдѣніе и палеографическій снимокъ львовскому ученому А. С. Петрушевичу, (съ которымъ я незадолго передъ тѣмъ лично познакомился и пользовался его указаніями, археологическими и филологическими), прося извѣстить меня о томъ, что ему извѣстно о Мукачевской псалтыри. Позволяю себѣ привести изъ письма А. С. Петрушевича сообщаемыя имъ свѣдѣнія и соображенія объ этой рукописи. «Первое извѣстіе о подвопросной пергаменной рукописи, содержащей въ себѣ псалтырь, подалъ, сколько мнѣ извѣстно, монахъ Мункачевскаго монастыря (Кралицкій?) въ львовскомъ «Словѣ» (въ 70-хъ годахъ?), однако безъ всякаго подробнаго описанія ея и опредѣленія времени, когда, гдѣ и кѣмъ была писана. Уже тогда замѣтилъ я, что эта рукопись принадлежитъ къ разряду средне-болгарскихъ, а теперь, получивъ палеографическій снимокъ ея и описаніе находящихся на ней рисунковъ, прибавляю, что она, по всей вѣроятности, писана въ началѣ XV ст. Переписчикъ ея, судя по нарѣчевымъ особенностямъ, напр. далби[м] оубо, ср. польск. dałbym, възложиль бимъ, былъ знакомъ или стоялъ уже подъ влія-

ніемъ западно-словенскаго языка, но очень древнѣйшее также вліяніе проявляется въ словахъ: тоу корабе, оуꙗ*зве*нь, оумрьщ*ве*ны[x], что переписчикъ заимствовалъ изъ древняго подлинника, откуда сдѣлалъ свой списокъ. Переписчикъ былъ жителемъ прикарпатскихъ странъ. Рукопись писана иждивеніемъ какого-то румуна Іоанна Логофета, стоящаго въ службѣ Молдавскаго господаря. Подобнаго рода изображенія на книгахъ или стѣнахъ церковныхъ встрѣчалъ я на Буковинѣ и Молдавіи, гдѣ часто какой-то господарь подноситъ на рукахъ изображенную церковь или книгу храмовому Святому, здѣсь Спасителю— не самъ Іоаннъ Логофетъ, но его ангелъ св. І. Богословъ, за которымъ стоитъ царь Давидъ, какъ сочинитель вообще псалтыри» (письмо отъ 23 февр. 1882 г.).

Къ сожалѣнію, я не могъ найти здѣсь въ Петербургѣ львовскаго «Слова» съ упомянутой статьей Кралицкаго. По письму—рукопись не раньше начала XV вѣка. Пергаменныя псалтыри съ началомъ XV в. прекращаются — ихъ замѣняютъ бумажныя, что свидѣтельствуетъ спеціально изслѣдовавшій псалтырь по древнимъ спискамъ г. Вячеславъ Срезневскій, къ сожалѣнію ограничившійся въ своемъ изслѣдованіи пергаменными рукописями XI—XIV ст. между тѣмъ какъ и рукописи позднѣйшія могутъ быть важны для рѣшенія вопроса о редакціяхъ псалтыри (на что обратилъ вниманіе В. И. Ламанскій въ своемъ разборѣ книги г. Срезневскаго). Во всякомъ случаѣ древне-славянскій переводъ псалтыри еще далеко нельзя считать изслѣдованнымъ и даже редакціи псалтыри нельзя считать прочно установленными. — Что Мукачевская псалтырь валашскаго происхожденія — это весьма вѣроятно, и миніатюра съ Іоанномъ Логофетомъ наводитъ на это предположеніе. Въ рукописи нѣтъ ни рѣшительныхъ руссизмовъ, ни сербизмовъ; правописаніе такъ называемое среднеболгарское, но съ особенностями, характеризующими валашскихъ писцовъ. Нужно, впрочемъ, признаться, что основанія для признанія рукописей валашскими въ отличіе отъ собственно среднеболгарскихъ и до сихъ поръ остаются весьма шаткими и произвольными: послѣ нѣсколькихъ общихъ замѣчаній Билярскаго о валахизмахъ въ славянскихъ рукописяхъ (въ изслѣдованіи: «Судьбы церковно-славянскаго языка» 1848 г. стр. 255—260 и др.), по вопросу о вліяніи валашскомъ на славянскую письменность въ литературѣ не появлялось ничего новаго. Вопросъ остается

темнымъ и неизслѣдованнымъ.—Мукачевская псалтырь, какъ видно будетъ изъ послѣдующаго, сохранила въ замѣчательной для списка XV вѣка степени многія черты древне-славянскаго языка и представляетъ собою списокъ съ весьма древняго оригинала.

Особенности письма.

Отмѣчу употребленіе строчныхъ и надстрочныхъ знаковъ, особое начертаніе нѣкоторыхъ буквъ и сокращенія — палеографическія особенности, дающія понятіе о характерѣ письма. Нельзя не признать, что и въ настоящее время «надстрочные знаки играютъ роль жалкую въ палеографіи», какъ и во время Билярскаго («О среднеболгарскомъ вокализмѣ» 1858 г., стр. 40). Ихъ употребленіе по вѣкамъ и редакціямъ, а равно и ихъ значеніе не выяснены; въ печатныхъ изданіяхъ текстовъ одни соблюдаютъ ихъ, другіе — совершенно пренебрегаютъ ими. Значеніе надстрочныхъ знаковъ, какъ и нѣкоторыхъ другихъ палеографическихъ признаковъ, продолжаетъ быть субъективнымъ для каждаго отдѣльнаго изслѣдователя старославянскихъ рукописей. Фактовъ собрано и сгруппировано весьма мало, а прочныхъ выводовъ изъ нихъ—еще менѣе. Болѣе прочное начало положено изслѣдованіямъ ударенія (труды Новаковича объ удареніяхъ въ старопечатныхъ книгахъ сербской рецензіи), другіе строчные и надстрочные знаки не изслѣдованы систематически; не выяснены также система сокращеній словъ и сокращенныхъ начертаній отдѣльныхъ буквъ по вѣкамъ и редакціямъ рукописей. Приходится пока только указывать отрывочно, для каждой рукописи въ отдѣльности, тѣ или другія палеографическія особенности, не имѣя средствъ освѣщать ихъ общими палеографическими положеніями или выводами. Въ письмѣ Мукачевской псалтыри отмѣтимъ слѣдующіе признаки.

1) Строчные и надстрочные знаки. Крупныя красныя точки отдѣляютъ предложенія безъ различія главныхъ отъ придаточныхъ. Послѣ вопросительныхъ предложеній подъ красными точками поставлены запятыя черными чернилами, другихъ строчныхъ знаковъ нѣтъ. Послѣ точекъ слова начинаются строчными буквами. Придыханія и ударенія имѣютъ мѣсто не на всѣхъ словахъ — приблизительно на одной трети словъ вовсе нѣтъ надстрочныхъ знаковъ. Spiritus lenis

употребляется надъ словами, начинающимися съ гласной, кромѣ мягкаго є́, употребляемаго вмѣсто ѥ, котораго вовсе не встрѣчается, и ѧ̔́ (вмѣсто ѩ): є̔́го, ῾ѧже и т. под. Знакъ ̏ употребляется надъ словами: тъ̏, съ̏, гдѣ̏ (113 пс.), ѧ̏ (вм. ѩ) мѧ̏ (не всегда), зла̏, се̏, зло̏, тѧ̏, и̏, (вин. п.) ты̏ (рѣдко), сия̏ (49), истръгы̏ (21) оузрѧ̏ (1 л. буд. вр.), изры̏, ѡни̏ (рѣдко), на прѧ̏, спроу̏. Знакъ ˙ употребляется надъ словами: кто̇, что̇, мнѣ̇ (и мнѣ̇), н̇ѫ, ѱ̇и мноѕи (21), ѕѣлѡ̇, тоу̇, бѡ̇. Въ постановкѣ ударенiй нѣтъ строгой послѣдовательности; значительная часть словъ вовсе не имѣетъ ударенiй. Въ словахъ двусложныхъ ударенiе по большей части на первомъ слогѣ: но́га, тво́рѧ, вра́гѡⷨ, ѻ̆уста, лъсти, па́деⷯ, за́би, рѫ́ка, ка́ко, пѫ́ти, ли́ца, зе́мли, се́го, ко́неⷩ, ѫ̆зы, то́гда, ме́не, те́бе, го́ры, лъ́жѫ, ви́на (род.), вноу́ши, вра́ѕи, тъ́ма, ра́боу, хва́лѣ, стѣ́ѕѧ, трѣ́вѫ, вра́га, дѣ́ла (мн.), лоу́нѫ и т. д. Accentus gravis въ двусложныхъ словахъ сравнительно весьма рѣдокъ и правилъ его употребленiя трудно доискаться — повидимому, онъ ставится произвольно; нѣкоторыя двусложныя слова впрочемъ постоянно имѣютъ gravis, напр.: своѐ, моѐ, твоѐ, въсѣ̀, е̓го̀, моѧ̀, мои̇, ктебѣ̀, ради̇, тоунѐ и др. Въ тресложныхъ словахъ ударенiе встрѣчается на всѣхъ слогахъ и почти всегда не согласно съ русскимъ акцентомъ; примѣры: прѣ́дсташѧ, жи́вып, смѫ́тисѧ, сло́весеⷯ, въ кѵ́мвалѣⷯ, въ тѵ́мпанѣ, кѡ́рабе, зе́мнiи, ѻ̆чима; исти́ны, обра́ти, ꙗро́сти, мое́го, прiи́ми, пагоу́бѫ, оуди́ви, наше́моу, видѣ́стѣ, отро́ка, събе́рѫть, сътво́риⷯ, висо́тѫ, наво́дѧ, иско́па, име́ни; оущедри́, правдѣ́, моеѧ̀, тобоѧ̀, въстани̇ и т. п. Тоже и въ многосложныхъ—ударенiе не совпадаетъ по большей части съ русскимъ: просвѣ́щаеши, свѣ́тилникь, потрѣ́биль еси, ѻ̆братисѧ, обра́титесѧ, прѣбы́ваеть, сътво́ришѧ, прѣви́таеть; нака́занiе, надѣѧще́исѧ, въздыхансемь, стѫжаа́хѫ, въпрашаа́хѫ, распростра́нилмѧ, неправе́днiи, испи́таѧ, оу̓готова̀ стѫжаѧ̀. Есть случаи, когда одно слово имѣетъ два ударенiя: помы́шлѣ́ахѫ, не прѣ̆млъчи, хва́ли́те и т. п. Имѣютъ ли какое отношенiе знаки ударенiя къ произношенiю писца — этотъ вопросъ можно рѣшить только послѣ подробнаго изслѣдованiя этихъ знаковъ во всей рукописи. Ї употребляется почти всегда съ двумя точками, кромѣ случаевъ, когда ı ставится надъ строкой при сокращенiи въ немногихъ словахъ: моⁱ, твоⁱ, оуповаⁱ, ненавидѧщеⁱ: такiя сокращенныя начертанiя употреблены въ концѣ строки. Слово ѳчи во всѣхъ падежахъ пишется съ двумя точками внутри. Знакъ ʼ употреб-

ляется изрѣдка вм. ъ и ь; послѣднія буквы въ концѣ словъ часто опускаются, въ такихъ случаяхъ конечная согласная ставится надъ строкой; одно слово тӱмпан (пс. 80) написано въ срединѣ строки безъ ъ.

2) Особенности въ начертаніи буквъ. Є употребляется иногда вмѣсто ҝ, котораго вовсе не встрѣчается; господствуетъ обыкновенное е. Ѕ употреблено въ слѣдующихъ словахъ: враѕи, възврьѕи, съѕиждѫтсѧ, стъѕѧ, ѿврьѕи, помоѕи, проѕѧбаѧи, полѕа, растръѕаль, ѿ стъѕь, мноѕїи, кнѧѕи, ѕѣлѡ, подвиѕашаса, раждеѕи, ѕвѣре^х^, проѕѣбнѫшѧ, раждиѕаетсѧ, прѫѕи, въздвиѕаѧи, ѕиждѫщеи, проѕѣбаѧщо, ѕвѣзды, ноѕѣ, ѕѣницѫ, помиѕаѧще. П вм. Т замѣчено только два раза въ словахъ: поише, 67, спрашно, 110. ȣ вм. *оу* весьма рѣдко, въ концѣ строки. Обыкновенно *оу* въ началѣ, срединѣ и концѣ словъ. Ѡ и ◬ вм. О употребляются нечасто; Ѡ всегда въ предлогѣ ѿ и въ множеств. числѣ нѣкоторыхъ словъ: сѣдохѡ^х^, плакахѡ^х^, обѣсихѡ^х^, ищезѡшѧ, мнѡжьства, кѡрабе, слѡвеса, львѡвь (род. мн.) чл҃кѡ^х^ (дат. мн.) сѫдѡбь и сѫдобь, оубѡ, ѕѣлѡ; различіе между ѡ и ◬ не соблюдено: зак◬^х^ 118, и закѡнь 36, безакѡникь, безак◬ніе; Случаи употребленія начертанія ◬: н◬ѕѣ, 30. мног◬^х^, 30. въсѣк◬^х^ 44, образ◬^х^ 41. ȣмн◬жишѧсѧ 24, б◬ 43, ин◬рожь 28, мн◬га 36, и◬авь 59, ходих◬вѣ 54, небесправдих◬^х^ 43, скот◬^х^ (дат.) 103. Изъ сокращенныхъ начертаній согласныхъ нужно отмѣтить вязныя скорописныя сокращенія изъ тв, тр, тї, изрѣдка употребляемыя. Къ внѣшнимъ примѣтамъ рукописи относятся и чрезвычайно удлиненныя нѣкоторыя буквы на послѣдней строкѣ, протягивающія за строку свои концы болѣе чѣмъ на полвершка, таковы буквы: щ, р, оу, ц, х, з.

Особенности языка.

1. Употребленіе ъ и ь. На концѣ словъ почти исключительно употребляется ь вмѣсто ъ: азь, слъзь, песь, западь, силь, врагь, чисть, оусть, гѡрь, сп҃сь, рабь, ѧзыкь, жезль, лъвь, хлѣбь, лють, нась, пріять; рѣхь, биень, положиль, възвеселиль, възвель и др.; рѣдкія исключенія, объясняемыя произношеніемъ *л*, отмѣчены ниже. Весьма часты случаи совершеннаго опущенія ь въ концѣ словъ, именно въ глагольныхъ формахъ, причемъ конечная согласная или пишется

надъ строкою, если далѣе слѣдуетъ не односложное слово, или въ строку, когда слѣдуетъ односложная частица или мѣстоименная форма. Примѣры встрѣчаются почти на каждой страницѣ: 1) сѣдохѡ^{м}, плакахѡ^{м}, име^{т} (и разбіе*ть*), сѫ^{т}, испитае^{т}, оупова^{х}, възда^{х}, мои^{х}, точиле^{х}, коне^{ц} и коне*ць*, мало^{м}, нѣчи^{м}, повѣ^{м} и повѣ*мь*, ѧзык△^{м}, бѫде^{т} и бѫдеть: во всѣхъ этихъ случаяхъ на концѣ подразумѣвается ь, что ясно изъ многихъ случаевъ, когда въ тѣхъ же самыхъ формахъ и часто словахъ, написанныхъ не сокращенно, стоитъ ь; 2) съгрѣших*ти*, стѫжает*ми*, пасет*мѧ*, дал*ми*, поѧт*мѧ*, оставит*ми*, придет*ми*, закѡнже и мн. др.

Въ корняхъ словъ ъ и ь въ громадномъ большинствѣ случаевъ употребляются, хотя и смѣшанно; въ немногихъ случаяхъ опускаются безъ всякой замѣны, еще рѣже замѣняются другими гласными. Такъ, ъ постоянно правильно употребляется въ слѣдующихъ напр. словахъ: тъщетным' 2. растръгнѣ^{м} 2. скръби 4. и др. лъжѫ 4, 5. кръвіи 5. грътань 5, 21. тъщь 7. ѡдъждить 10. съмрьть (всегда съ ъ), въплъ 17. чрътога 18. плъкь 26. истънить 28. възгръмѣ 28. мрътвь 30. връхь и съвръшиль 39. не закъсни 39. вьстръгнеть оустръмленіа 45, 51. кръвь 49. въспоплъзновеніа 55. поръпщѫ^{т} 58. ѡскръд△^{м} 73. сътлъче 73. оумъча 75. грълица 83. влънь 64. поглъщена 106. истъщаите 136. къждо 144 и др.

Въ предлогахъ ъ передъ согласными постоянно употребляется: съвѣсть, съборъ, съдѣла, сътвори, съсѫды, съсѫщи^{х}, съмракъ, въсели, въспита, въскрснѫть, въспоемь, въсесъжагаемаа, възыщеть, въздахь, възнесисѧ, въпадесѧ, възѧтсѧ, вънегда, въселенѣи, възб҃лгаа, възнесжесѧ, въстръгнет'тѧ; исключенія весьма рѣдки, напр.: въ скровищіи^{х}, 16; передъ гласными или опускается, или замѣняется чрезъ ь: отидѫ 38. обьидѫ 26. обьид△^{х} 26. обьйдѣте 47. и др. Предлоги: *къ* и изъ-по большей части пишутся безъ ъ: ктебѣ, изчрѣва, изложесвь.

Случаи безслѣднаго опущенія ъ и ь чаще встрѣчаются въ суффиксахъ, чѣмъ въ корняхъ; такъ, постоянно пишется: грѣшны^{х}, обетша^{х}, морскыѧ, законодавца, сѫдбы, вавилонстѣи, плѣнше, ведшеи, ѡкаанна, ꙗзъвни и т. п; случаи сохраненія ъ и ь въ такихъ формахъ, какъ: вѣтръню 17. молитъвникь 73—рѣдки. Въ рѣдкихъ случаяхъ вмѣсто ъ и ь употребляется знакъ ': прит'чаа, младен'цѧ и т. п.

Ъ вмѣсто ь въ корняхъ словъ гораздо чаще встрѣчается, чѣмъ на

оборотъ, притомъ по преимуществу послѣ плавныхъ *л* и *р*. Господствуетъ правописаніе: въсь, въси, въсѣ, въсѣкъ—со всѣми производными; ѿвръѕѣ* 2. одръжаніе 2. тьма, тмь, 3, 67 и др. тѧжкосръдіи 4. жрътвѫ 3, 4 и др. лъсть, лъстива, лъщаахѫ 5. слъзь, слъзами 6. пръсть 6, 8. длъготрърпѣливь 7. трьпѣніе 9. мъстника 8. чрьвь 21. тръпѧ 39. и тръплѧ 51. пръвыѧ 43. дънь=днь, дъніе (всегда съ ъ), хрьптѣ 65, 128. испльнисѧ мьздь 25. клъцааше 76. клънѣахѫ, 61. мъсть 57, ѡскврънѣатсѧ 9. лъвь 9. лъва 90. ръци, искрънемоу 34. на връби 190. прилъпни 136. оутвръждени 150. оутвръдиль (всегда съ ъ). Замѣченъ случай обратнаго употребленія ь вм. ъ въ корнѣ слова: трьсть 44. и смѣшеніе ъ и ь въ корнѣ слова цвѣтъ: процъвте 27. процъвтѫ' 91. и тамъ же: процьвтеть, ѡцьвте' 102. процьвтѫ' 71. Произношеніе плавныхъ *л* и *р* характеризуется слѣдующими примѣрами опущенія и смѣшенія ъ и ь въ сочетаніи съ ними: скѫделничь 2. въплъ и въпль, полскыѧ 8. свѣтилникь 17. възнеслъ 88. и възнесль, възлюбиль и възлюбилъ (обѣ формы въ 51 пс.), ѩковлъ 45, 93. прилъпе 43. лъщаахѫ 5. пришелца 93. пришелствіа 118. пришел'ствіе 119. хвално 112, ѩвилми 50. въвелны 65. просил'ти 20. оудалилъ еси (87: обыкновенно ь) ѿ лъвъ 4. и лъвь 7. лъсти, 34. лъстивь 51. слъзь 79, 55. не прѣмльчи 38. искрънемоу 14. искрънемоу—тамъ же, и—искраніима 131. и др.

Случаи замѣны ъ и ь другими гласными весьма немногочисленны; замѣчены слѣдующіе: 1) ъ замѣняется чрезъ *о*: шоумомь 9. останокь 36. глоумомь 9. крѣпокь 7 и др., кротокь 85. по неможе хождаа' (141—единственный случай, м. б. вмѣсто *оу*). 2) ъ=а: сабираѧ 32. искраніима 131.—замѣчены только два случая. 3) ь=и: жидѫ' (ѡнагри въ жѫждѫ своѧ) 103. варилъ и еси, 20. въ тимѣни 68. вм. -тьмѣнии по древнѣйшимъ спискамъ. 4) ь=е: праведень 7 и 111. и праведьнь 10. непорочень 17. боурень 10. безоумень 52. вѣчень 104. попереши (90),—въ орудномъ и дат. мн. пад. вм. ъмь и—ьмь по большей части—ѧмь и—емь: гнѣвѡмь, срцемь и т. п.

Употребленіе юсовъ.

Вовсе не встрѣчаютсѧ іотованные юсы ѭ и ѩ. Большой и малые смѣшиваются съ соотвѣтствующими имъ въ живыхъ на- гласными, но употребляются смѣшанно между собою

какъ и вообще въ такъ называемыхъ средне-болгарскихъ памятникахъ древнѣйшихъ, но это смѣшеніе имѣетъ свою послѣдовательность. Еще Билярскій («О средне-болгарскомъ вокализмѣ», Спб. 1858 г.) замѣтилъ, что злоупотребленіе смѣшеніемъ юсовъ въ средне-болгарскихъ памятникахъ имѣетъ свои границы, и старался опредѣлить эти границы и найти смыслъ и разумность въ самомъ смѣшеніи, при чемъ ему удалось подмѣтить извѣстную систему и послѣдовательность въ такъ называемомъ смѣшеніи юсовъ. Отправляясь отъ наблюденій и выводовъ Билярскаго, основанныхъ на памятникѣ XIV в. (Лѣтопись Манассіи), А. Лескинъ въ недавнее время обстоятельно разсмотрѣлъ вопросъ объ употребленіи юсовъ въ древнѣйшихъ т. называемыхъ средне-болгарскихъ памятникахъ (до XIV в.), и пришелъ къ нѣкоторымъ новымъ обобщеніямъ (A. Leskien, Bemerkungen über den Vocalismus der mittelbulgarischen Denkmäler. I. Die Vertretung der ursprünglichen Nasalvocale, — см. Archiv für Slavische Philologie, II, 269 сл. и IV, 565 сл.). И послѣ этихъ работъ представляется неизлишнимъ собираніе и группировка фактовъ, касающихся того же самого явленія, главнымъ образомъ въ видахъ уясненія по памятникамъ исторической преемственности въ ходѣ звуковыхъ измѣненій. Объ употребленіи юсовъ въ Мукачевской псалтыри должно замѣтить слѣдующее.

1) Въ корняхъ словъ ѫ и ѧ почти всегда стоятъ правильно по древне-славянскому употребленію, напр. сѫдъ, лѫкъ, мѫжь, сѫдилель, застѫпникь, порѫгаетсѧ, съсѫ̑, стѫжаѧщеи, гнѫшаетсѧ, скѫделничь, бѫдеть, пѫть, зѫби, нѣсѫть, вънѫтрънѣа, ѫтробы, ѫзы, (и ѧзы) 106. смѫтить 2. смѫтишѧсѧ 17. смѫтисѧ 37. смѫтіѧ 59. възмѫтѧтсѧ 103. и др. — всегда съ ѫ, безъ исключеній, въспѧт, спѧти, спѧль, вънѧтми, пріѧтмѧ, клѧтсѧ, тѧжко, по̑ѧтель, ѧшѧ, ѧзыкь, оувѧзе, и т. д. Исключенія, встрѣчающіяся и въ древнѣйшихъ такъ называемыхъ юсовыхъ памятникахъ: жѫжда, тысѫща, шѫтатисѧ — всегда съ ѫ (разъ: въжѧжда, 41), какъ и въ Зограф. Супр., Болон. и Погод. пс. и др. древнихъ памятникахъ: можетъ быть это правописаніе правильное. — ѧ вм. ѫ: вънѧтрь 44. паѧчина 89 и паѫчина 38. — ѧглоу: въ главѫ ѧглоу 117. ѧгльми поустынными 119 въ ѧдоли 59; — сравн. ѧдоліа въ Лѣтоп. Манассіи (Билярскій, 83).

2) Въ суффиксахъ употребленіе юсовъ ѫ и ѧ также отличается большою правильностью, какъ въ глагольныхъ, такъ и въ именныхъ формахъ, съ послѣдовательнымъ соблюденіемъ нижеуказанной замѣны іотованныхъ юсовъ простыми. Примѣры приводить было-бы излишне — они на каждой строкѣ. Замѣченныя отступленія отъ древне-славянскаго нормальнаго употребленія: а) ѫ: горѫ— въ тв. п. ед. ч. вм. горѭ (2 пс.), — одеждѫ род. п. (132: на ѡметы одеждѫ его); стъѕѫ— вин. п. (22) и стѫѕѧ нашѧ43. въскѫ 43. и въскѫѧ 2. б) ѧ: смѣреніѧ — род. п. 17. имѧни 9. исъшѧ[т] 36. хвалѧ — вин. п. ед. ч. единственный, кажется, случай грубаго смѣшенія (пс. 50), видѧсте 138. — упаѧщи (22: и чаша твоа оупаѧщи мѧ).

3) ѭ замѣняется послѣ гласной въ срединѣ словъ посредствомъ ѧ: въскѫѧ, любыдѣѧщаго, оудолѣѧ[т], силоѧ твоеѧ, нощіѧ, своеѧ, ѩростіѧ, желѣзноѧ, палицеѧ, злобоуѧщіи, понашаѧщаго, испитаѧщеи, пораатмисѧ, спѣѧщомоу, спаѧщомоу, въздаѧщи[м], поѧ (= поѭ пс. 7) стѫѧ, сътрѧсаѧщаго, ѿригаѧщѫѧ и др. Замѣченныя немногія исключенія: моѫ (вин. ед. 2), поѫ 56. завѣщаваѫщѫѧ 49. обладаѫщомоу 65. полагаѫи 103. — и рядомъ: основаѧи (ib.), враждоуѫщѫѧ 2. забываѫщеи 9. прѣплаваѫть, 103.

4) Послѣ плавныхъ *л* и *р* вмѣсто ѭ также стоитъ ѧ, напр. на прѧмоѧ 34. бѡрѧщіимсѧ 34. оузрѧ 5. ѡскръблѧ 17. землѧ (вин. п. ед. ч. 36 пс.), каплѧщіа 71. ѿъемлѧтсѧ 9. гѧщѫѧ 5. и др.

5) Тоже послѣ *ч*: наоучѧ вы 33. обличѧ 49. — и по аналогіи съ такимъ правописаніемъ, а можетъ быть ошибкой, привльчѧ[т]—въ 3 л. ед. ч. (9: лае[т] въсхытити нищаго, въсхытити нищаго да и привлѣчѧ[т]), пачѧ на ряду съ паче 118.

6) Послѣ н вм. ѭ и ѩ — ставится ѫ: грьдынѫ, древнѫѧ, и наоборотъ одинъ замѣченный случай: помѣнѧтсѧ 21.

7) Употребленіе юсовъ послѣ *ц*, *ш* и *щ* вообще согласно съ древнеславянскимъ; исключенія рѣдки, именно: слово шѫташа 2. стрѣлы своѧ съгорѧщѫ съдѣла 7. въстаѧщѫѧ 17. оукланѣѧщѫѧжесѧ 124. и нѣсколько др. подобныхъ же формъ.

8) Случаи замѣны юсовъ другими гласными: ѡстоıа 9. велерѣчюѧщеи 34. ıаже — вин. пад. 8. гѹбите[л] (1 пс.) повѣд*оу*ѧ[т] 18. не погѹби 25. злоб*оу*ѧщеи 26. измѣноуѧщихсѧ 79. вражд*оу*ѫщѫѧ

2. празноуѧщаго 41. Особенно примѣчательны случаи замѣны ѧ чрезъ *е*: тежцѣ[х] 34. наслѣде[т] (36 пс. трьпѧщеи же г҃а ти наслѣде[т] землѧ; кротціи же наслѣде[т] землѧ — ibid.), блѫде[т] — 3 л. мн. (94: и рѣ[х] присно блѫде[т] срцемь).

7) Слѣдующіе немногіе случаи неумѣстнаго употребленія юсовъ вмѣсто другихъ гласныхъ: нѫ, стѫзѧ 43 и стъѕѫ 22, — лагѫ[т] 103, чѧлюсти 31. чѧсть 10. Наконецъ, можетъ имѣть значеніе, если не ошибкой написано, вслѣдствіе пропуска, слово: ѡгнѫ: пещь ѡгнѫ 20. вм. огньнѫ (въ старопеч. венец. псалт. Загуровича 1570 г. ѡгноу).

Употребленіе *и* и *ы*.

Употребленіе *ы* и *и*, одного вмѣсто другаго, встрѣчающееся уже въ памятникахъ XI в. (Супрасл. рук., Савина книга) въ Мукачевской псалтыри — весьма часто и чрезвычайно разнообразно. Приведу для образца нѣсколько примѣровъ смѣшенія *ы* и *и* послѣ различныхъ согласныхъ. Б. *би*: не г҃ь *би* быль 123, аще не *би* моvси 105, въселиласѧби 93 и др.; об*и*детѧ 7, сѫдб*и* (вин. п. 9) раб*и*, вин. п. 133, пагоуб*и*, вин. 106, въ изб*и*тцѣ[х] 20, не заб*и*[х] 118; В. в*и*нѫ=вынѫ пс. 50, клѧтв*и*, род. п. 9, на в*и*сотѫ 7, прав*и*[м] 35, рѡ[д] прав*и*[х] 111, сътвориви 133, положиви 147. Г. обыкновенно правильно *ы*: пог*ы*бнѫ[т] 36, погыбне[т] 40, погыбе 9, но тутъ же рядомъ единственное замѣченное исключеніе: пог*и*бнѫ[т], 9. Д. мъзд*и*, род. п. 14, заповѣд*ы* твоѧ 118, излюды варварь 113, грьди[м] 122. З. ризи, вин. п. 21, приз*и*ваахѫ — рядомъ съ приз*ы*ваѧщіихь 98. *К*: обыкновенно правильно — *ы*; замѣченное отступленіе: стѣѕѧ морскїѧ на ряду съ рыбы морск*ы*ѧ 8. *Л.* гл*и* вин. п. 5. мал*ї*ѧ съвеликыми 113, въ л*ы*сте[х] 146, въ зл*и*[х] 106, помысл*ы*[х] 76, помысл*ы*шѧ 20, попал*ы* пов. н. 105. *М.* възм*ы* 27. *Н.* н*и* в. п. 43, 107, оун*и* ср[д]це мое 60, безъ цѣн*и* 43, сщенн*ы*ци 77, 131, въ начинан*и*[х] 13, о стлъпописан*ы*и 14, поуст*ы*н*ы* 105, грѣшн*ї*и, им. ед. ч. 36, до н*и*нѣ 70, съ пѣсн*ы*ѧ 91. *П.* исп*и*таѧ 7, исп*и*ташѧ 63, исп*и*таеть 108, стоп*и* — вин. пад. 39, стлъп*и*, вин. п. 74. *Р.* кор*и*сть 67, 118, оукр*и*етсѧ 18, съкр*и*сѧ 53 и др.; изр*и*етсѧ 93, ѡ[т]р*и*гне[т] 144. *С.* нас*и*ти ѧ 80, нас*и*тѧтсѧ, 36, пос*и*лаѧ, 103, неѧс*и*ти 101, *Т.* пра-

вот*и* 10, съ богат*и*ми 9, ѿ нищет*и*, 87, 106, зат*и*кая 57, пост*и*дѧтсѧ 6, 39, пост*и*дѣшасѧ 52, да непост*и*жджсѧ 70—и рядомъ: да постыдѧтсѧ, 70.

Употребленіе *ѣ*.

Въ общемъ употребленіе *ѣ* сходно съ древне-славянскимъ. Случаи особеннаго употребленія и замѣны *ѣ* другими гласными въ Мукач. псалтыри:

1) въ падежныхъ окончаніяхъ—вм. ꙗ: земл*ѣ*—им. 17, гнѣ ѥ земл*ѣ* 23, вьс*ѣ* земл*ѣ* 32, 95, сіꙗ вьс*ѣ* 43, вьсѣчьскаа и вьсѣкъ—во всѣхъ формахъ, тат*ѣ* вин. п. 49, вьс*ѣ* землѧ 65, пол*ѣ*—им. множ. 95, 103; чьсть цар*ѣ*—род. 98, цар*ѣ* вин. 19 и др.—боур*ѣ* веліа 49, бⷢ҇ іак⍙вл*ѣ* 19, вышн*ѣ*го, 20, 76, вечерн*ѣ*а 140, въ прѣисподн*ѣ*а 62, вьсѣ вънѫтрьн*ѣа* 102. 2) Въ глагольныхъ основахъ: насел*ѣ*еⷮ 28, разар*ѣ*еⷮ 32, сьматр*ѣ*етли 93, сьстрѣл*ѣ*ти 63, избавл*ѣ*ѧщоу 7, клан*ѣ*ѧщеисѧ 96, оуклан*ѣ*ѧщагосѧ 100, не жив*ѣ*ше 100, не ꙗд*ѣ*ⷯ 100, гон*ѣ*ⷯ 37, мол*ѣ*шеⷷ 62, вод*ѣ*и 79, поставл*ѣ*ѧ 17, и одинъ разъ: напит*ѣ*ѧ 80. Въ imperf. преобладаетъ *ѣ* и *ѣа*: прилѣпл*ѣ*хѫсѧ, 24, кльнѣахѫ, 61, блгославл*ѣа*хѫ 61, помышл*ѣа*хѫ 40, растварѣаⷯ 101, оустан*ѣа*шесѧ 96 и др.

3) Въ оконч. двойств. ч. древняя форма 2 лица—*тѣ*: (вм. *та*) ѳчи его на оубогаго призирае*тѣ* (Младенов. пс: ѡчи ѥго на *нищааго* призырак*та*), вѣжⷣи испие*тѣ* снꙑ чл҇чьскꙑѧ 10, (вм. испи*таета*) видѧст*ѣ* очи твои 138, — замѣченъ одинъ случай съ оконч. *те*: неизнеможе*те* плеснѣ мои 17. (Младенов. пс.: изнемогос*та*).

4) Въ императивѣ: а) формы съ *ѣ*: пріид*ѣ*те припад*ѣ*мъ 94, вънемл*ѣ*те 77, възм*ѣ*те, 23, вьсклик*ѣ*мь, 94; б) формы съ *а*, послѣ *ж*, *жд*, *щ*: вьсплещ*а*те 46, (ср. ишт*а*те—Лук. XI, 9 и др. въ Ассем. Ев.) възыщ*а*те гā, 104, възⷯвиж*а*те 74, вьзжд*а*те 133. Изслѣдованіе случаевъ употребленія *а* и *ѣ* въ императивѣ важно, между прочимъ, для рѣшенія вопроса: какъ звучало глаголическое ⰰ (которому въ кирилл. памятникахъ соотвѣтствуютъ двѣ буквы: *ѣ* и ꙗ), т. е. имѣло ли ⰰ двойственное звуковое значеніе или нѣтъ, и если его не имѣло, то звучало ли первоначально какъ *ѣ* (е) или какъ ꙗ? (См. примѣч. Ягича къ любопытной, но нерѣшающей вопроса статьѣ А. Голова-

чевскаго въ Архивѣ, IV, 134: «Ueber den Lautwerth des glagolitischen Ѣ»).

5) Въ корняхъ нѣкоторыхъ словъ ѣ употреблена вм. другихъ гласныхъ: помѣни 24, помѣнет 19, помѣнѫ 70, 86, помѣнетсѧ 82, трѣва—71, 91, 101, 102, 103, 104 и др. прѣмо 37, во всѣхъ древ. спискахъ, кромѣ Слуцкой Псалтыри, гдѣ прѧмо (см. словарь въ изслѣд. г. Вяч. Срезневскаго), пѣсъкь 77, напрѣже 7, напрѣгошѧ 36, подрѣжаніемь 34, подрѣжаніе 43; въ 34 пс. подрѣжашѧ написано такъ, что сначала было написано *а*, но переправлено въ *ѣ* тою же рукою (въ Погод. пс. также: подрѣжашѧ во многихъ др. спискахъ псалтыри встрѣчается подрѣжаниѥ, въ другихъ — подр*а*жаніе (μυκτηρισμός), смѣрѣхсѧ 34, и смѣрихсѧ 37, смѣриши 17, смѣреніе 24 и др., всюду съ *ѣ*; пролѣеть 101, свѣтеле 26 и др. всѣкь постоянно съ *ѣ*, хлѣбіи 41. Отмѣчу и случай обратнаго употребленія *а* вм. *ѣ*: въ н*а*дрѣ моемь 88, (н*а*дра и въ Болон. пс.) при обыкновенномъ: нѣдра, 34 и др.—*е* вм. *ѣ*: гдѐ 78, тѣ влад*е*ши 88.

Іотація.

Билярскій «не безъ удивленія видѣлъ отвращеніе къ ї» въ лѣтописи Манассіи XIV в., положенной имъ въ основаніе его разсужденія «О средне-болгарскомъ вокализмѣ». Но въ его памятникѣ кромѣ ю, ꙗ встрѣчаются еще: ѥ въ одномъ словѣ ѥ҃=есть и ѭ два раза: одинъ—въ словѣ ѭдолъ и другой—ѭзыкъ. Въ Мукачевской псалтыри еще рѣшительнѣе выступаетъ несоблюденіе правилъ іотаціи—черта, которою характеризуются въ особенности валашскія рукописи; въ ней вовсе нѣтъ знаковъ: ѥ, ѩ, ѭ; ꙗ—имѣетъ ограниченное примѣненіе, такъ какъ большею частью замѣняется чрезъ а и ѣ. Примѣры безчисленны, укажу нѣкоторые: моа, бл҃гаа, грѣхопада́ніа, твоа, съжигаемое, въселенаа, своа, вѣчьнаа, сългѣасѧ, излиахь, чаахь, боазнь, змеа, достоаніе, поасуетсѧ, аггеоу, захаріоу, злаа и т. д. Послѣ *р* ꙗ замѣняется б. ч. чрезъ ѣ. Послѣ шипящаго *ч* употребляется іотованная гласная *ю*, согласно съ нѣкоторыми древнѣйшими памятниками, именно въ словахъ: *чю*до, чюдно 8, чюдеса 25, нечю 34, велеречю́ѧщеи, 34.

Смягченіе, вставка и выпаденіе согласныхъ.

1) На ряду съ употребительнымъ въ большинствѣ случаевъ смяг-

ченіемъ губныхъ посредствомъ *л* (epentheticum), встрѣчается нѣсколько примѣровъ несмягченія губныхъ, согласно съ нѣкоторыми древнѣйшими памятниками: тоу кωрабе прѣплаваѫть, 103, оумрьщвьеми ѥсмы 43. оумръщвенны[х] 78. 101. оуıазвень бы[х] 101. и въ томъ же 101 пс.: прѣполовленіе, избавлѧтсѧ, 59. 107. посрамлѧтсѧ 82 и др.

2) Согласныя в, г, д, ц, к: 36. въждада 62. ражегль 16. раздежена 17 и раждеже 104 тоуждіи—постоянно, оумѫждрѣѧ, 18. оумѫждрѣеть 145; одинъ разъ: инѧрожь, 28,—*ск*=щ: искѫщеи, 39—и тамъ же: ищѫщеи; искѫщеи 37. 68. 70. 104 и ищѫщеи—69. Любопытно мѣсто: сїи рѧ искѫщи[х] га исцѫщи[х] лице ба іакѡвлѣ 23, гдѣ во второмъ случаѣ *ц* оборотное; также смѣшано *ц* и *ч*: оцѣсти, безаконіе—и ѡчисти мѧ (50); во всѣхъ другихъ случаяхъ—*ц*: оцьсти 24. 78. ѡцѣстити 64. оцѣсти[т] 77. оцѣститсѧ 108. оцѣщеніе 129. оцѣщаѧщаго 102. Вставка д: раздрѹшишѧ 10. разроушилны 59. раздрѣшити 101. Выпаденіе: празникы 73. празноуѧщаго 41. оупразнитеся 45;—ѡбетшашѧ 17. 31.

3) Случаи выпаденія согласныхъ и гласныхъ при сліяніи двухъ словъ въ одно (Synekphonesis) весьма часты—явленіе, свойственное нѣкоторымъ древнѣйшимъ славянскимъ памятникамъ, глаголическимъ и кирилловскимъ. Приведу лишь нѣсколько примѣровъ изъ множества подобныхъ: расипа 52. расѫди 42. 81. бесправды, 37. 118. истьмы 106. испотока 109. раширилъ 118. въшоумѣшѧ 45. изрѫкы 21. искамене 77. беспомощи 87. бещѧди 34. изчрѣва 70. беспорока 14. щезѡшѧ и ищазаеть—постоянно *щ*, во всѣхъ формахъ.

4) Въ мѣстномъ падежѣ сущ. ср. рода оконч. *и* вм. *ии* весьма часто, на ряду съ *ии*: въ обили 29. въ весели 67. въ тимѣни 68. въ видѣни 88. въ прогнѣвани 94. въ исповѣдани 94. и въ исповѣданіи 98. въ пѣни[х] 99. въ незлоби 100. въ смѣрени 118. и мн. др.

Отдѣльные случаи замѣны однихъ гласныхъ другими, (разнаго звуковаго значенія):

о-е-а: оделѣе[т]—9, оудолѣѧ[т] 48, оудолѣеши 109, не оуделѣѧ[т] 18; топлѧты—18, (согласно съ Болон. и Погод. пс.) седморицеѧ 11. 78, паданіа 109, (и въ Бол.) грѣхопаданїа 18, враждеваахѫ 54, осываѧи землѧ 103, ищазаеть 67, 118, ищазааше 141, ищазаѧще ıако ды[м] ищезошѧ 36, 63, 101, ищезнѫть 70, подвижасѧ землѣ—96, 113

(въ старопеч. венец. псалт. Загуровича 1570 г. подвизасе); предлогъ *вг* въ сложеніи одинъ разъ замѣненъ посредствомъ *оу*: оудворихсѧ, 54.

Особенности грамматическихъ формъ.

I. Въ склоненіяхъ: Имен. пад.: слава *сїи* 149, особѧщїасѧ 101, мимотекѫщїа 57 и др.; постоянно: вел*еи* гь: 47, 85, 94 и др. ѫглїее, 17, въсе дни—22.—Родит. п. сущ. какъ исключеніе—имен*и* 43, 60, 78, 105, 108. Родит. пад. прилагат. обыкновенно *аго*, единств. исключеніе: нищ*аа*го, въ схытити нищаго, въ схытити нищ*аа*го да и привлѣчѧт 9, —*ого*: единого 26, 52, 70 и одинъ разъ *сиго* вм. сего, 11 пс. Дат. пад. спаѧщомоу 7, благодѣавшомоу 12, 56, веселѧщомоу 42, нищомоу 67, въшедшомоу 67, градѫщомоу 70, ѿемлѧщомꙋ 75, сътворшом*оо*у 113, оутвръжьшомоу 135, поразшомоу, раздѣлшомоу, проведшомоу, истрѧсшомоу, оубившомоу—135, живѫщомоу 122,—многѡм живущем 30, снѡм їилевом 102, снѡм лотовѡм 82, людемь еѳїѡпскѡм 73. Вин. пад. възненавидѣх цръкв*е* лѫкавых 25. Зват. хвал*а* (21) вм. хвал*о* и т. п. Творит. съ мѫжем не повинн*о*м и съ стръпливѡм 17, на сїѡном горѫ стѫѧ[1]) 2, се болѧ неправдѫ 7, съ бмь авраамлем 46, дхѡмъ влчномь 50, дѣломь мѣрном 77, оумниль еси мал*о*м, 8. Мѣстн. пад. въ срцих 4, на ложих и др., — въ оустнах лъстивах 16, навѡдах многах 28, вражіахь 30, въ ризах позлащенах 44, въ ровѣ прѣисподн*и*м 87, въ снѡх бжїих 88, на снѡх снѡвь 102, въ трѫбахь кован*а*х 97, въ пѣснех гнѣх 137, ѡ сътворшим его 149, о при 149 и др.—Сравнительная степень: лоу*че* 36, 83.

II. Въ глагольныхъ формахъ: 1) Встрѣчается употребленіе формъ прошедшаго условнаго: аще би въсхотѣль д*а*л*би*м оубо 50, възло*жил**бим**ь* 80, врагы ихь смѣр*ил**бим**ь* (Въ серб. пс. Загуровича 1570 г. бымь) 80, ıако аще ми *би* врагь поносиль прѣтръпѣл*би*м оубо 54, оукрилсѧ бим 54, погиблъ *би*м, 118. Въ виду употребленія этихъ формъ

---

1) Въ описаніи сербской Младеновицкой псалтыри 1346 г. Миклошичъ, перечисляя грамматическія особенности этой псалтыри, говоритъ: Valja uzeti na um sing. instr: гороу і светоую: надь сиѡномь гор*оу* свет*оую* ѥго (стр. 32, Starine IV). Очевидно, эта форма sing. instrum. въ сербской псалтыри обязана своимъ происхожденіемъ болгарскому оригиналу, съ котораго она списана, въ чемъ я убѣдился при сравненіи напечатанныхъ у Миклошича восьми псалмовъ ея съ Мукачевскою псалтырью. Въ лексическомъ отношеніи обѣ рукописи значительно разнятся и принадлежатъ очевидно двумъ различнымъ редакціямъ.

въ самыхъ древнихъ славянскихъ (юсовыхъ или паннонскихъ) памятникахъ южнославянскаго происхожденія, нѣтъ основанія усматривать въ въ этихъ примѣрахъ западнославянское, напр. польское вліяніе на писца Мукачевской псалтыри. 2) Нерѣдко ставится аор. вм. прошедшаго сложнаго, напр. ꙗко тъı гй поможе ми оутѣшилмѧ еси 85, почто мѧ забы 41. Случаевъ сигматическаго первичнаго аор. и 2-го аор. съ ѫ—незамѣчено, кромѣ одного: възвигь = въздвигъхь, 24. 3) Въ формахъ страд. и возвр. частица—сѧ иногда отдѣляется напр. въ лѣпотѫ сѧ облѣче, 92. 4) Формы имперфекта употребляются вообще правильно по древне-славянски: съкроушаахѫсѧ, глаголаахѫ, рыкаа[х] и т. п.; замѣчено лишь разъ: не зн*аа* вм. не знааше (80).

Синтаксическія и лексическія особенности.

1) Употребленіе дательнаго вмѣсто родительнаго весьма обширно и разнообразно; вотъ нѣкоторые примѣры: прь славѣ 23, защитите[л] животоу моемꙋ 26, бъ славѣ 28, хотѧи животоу възыщи мирь 33, источни[к] животоу 35, крънѧщеи стопи чл҃коу исправатсѧ 36, чрѣновныѧ лъвѡ[м] съкроушиль е҇ гь 57, ѿ лица лѫкоу 59, ѿ лица огню 67, прѣ лицемь вѣтроу 17, 82, обновитсѧ ꙗко ѡрлꙋ юность твоа 102, срце чл҃коу 103, мрътвыѧ вѣкоу 142, злакь слоужбѣ чл҃чьстѣи 146, противꙋ лицоу 147 и др.

2) Управленіе глаголовъ и предлоговъ падежами:

—род. пад. съ предлогомъ: не лишатсѧ ѿ въсѣкого блг҃а 33, ѿ кого сѧ оустрашѫ, 26. —дат. пад. ег[д]а оуделѣ[т] бѫде[т] оубогы[м] 9—и въ др. случаяхъ, хотѧщеи правдѣ моеи 34, съѕиж[д]еть дом*оу* 126.—вин. пад. не разоумѣшѧ въ дѣла гнѣ 27, въ иже—55, 77, вънже 101, нанже оупова[х] 40.—мѣстн. п. прикасаѧися гѡра[х] 103, живо[т] мои адѣ приближисѧ 87, пригвозди страсѣ твоемь плъ[т] моѧ 118, клънисѧ е*мъ* 62, къ мнѣ сам*омъ* 41.

3) Особенность въ согласованіи опредѣлительныхъ словъ: въ род. пад. гла гнь (τοῦ Κυρίου) просѣкаѧщ*аго* пламень огнѣ, 28. Дат. пад.: поѧ имени гню вышне*моу* (τῷ ὀνόματι Κυρίου τοῦ ὑψίστου) 7 пс. послѣдній стихъ; сукамини ихь сланоѧ єгѵпетстѣи 77, и т. п.

4) Въ вопросит. предложеніи частица *ли* предшествуетъ глаголу: *ли* възлѣзѫ на ѡдръ постелѧ моеѧ, 131.

Изъ лексическихъ особенностей пришлось отмѣтить лишь нѣкоторыя по памяти, именно уклоненія отъ нынѣ употребительной церковной псалтыри русской редакціи такъ какъ подъ руками не было ни рукописныхъ, ни старопечатныхъ славянскихъ псалтырей (кромѣ статьи Миклошича въ Starine, IV кн., гдѣ напечатаны 8 псалмовъ изъ сербской Младеновицкой псалтыри 1346 г.). Особенности лексическія отмѣчаются здѣсь въ порядкѣ псалмовъ.

Оущедри мѧ 4. (во всѣхъ древнихъ спискахъ: помилоуи; оущедри—только въ Хлудовской псалтыри. См. словарь въ изслѣдованіи о псалтыри В. Срезневскаго). О наслѣдіи, 5 (и въ хлудовской; въ другихъ древ. сп. о достоꙗніи). Не ꙗростїѧ твоеѧ обличи мене, ниже гнѣво^м^ твоимь покажи мене, 6. по незлобѣ вм. по незлобію, 7. (Вообще существ. на—іе избѣгаются: хвала вм. хваленіе, тварь вм. твореніе, цр҇ьство и т. под.) съборь лю́діи—7 (вм. сънъмъ). Маломь нѣчимь (8)=чимь. Сѫди^т^ лю́де^м^ въ пра́винѫ—9. ѳчи ѐгѻ на оубо́гаго призираетѣ, 10. ꙗко скѷменъ обитаѧ въ скровищїи^х^, 16. И вра́гь мои^х^ далми ѐси хръбе^т^=друг. сп. плеща—17. ѿскръ́блѧи^х^ и не възмогѫ^т^ стати 17. (Младеновиц. пс.: сьскроушоу) И повинѫвь лю́ди по҇ мѧ (17) (Младен.: и оумоучи). И положитъ м҇ѫ за кровь свои=ошибочно написано вм. положи тъмѫ, 17. тварже рѫкоу его, 18 ст. 2 (согласно съ древнѣйшими списками, кромѣ Бычков. псалт. XI вѣка, гдѣ: сътворенѥ). Въ иже д҇нь аще призовемтѧ 19. ѝ ѻ ѝматисмѣ моѥи меташѧ жрѣбїѧ, 21. въ мѣстѣ пастивнѣ 22. зак△^н^ дасть=законоположитъ, 24. не бѫдѣте ꙗко конь и мѣськь ѝмже н҇ѣ разоума 31. Заври прѣ҇ гонѧщими мѧ 34. ѿ бренїа тимѣнна 39. неистовленіа лъжнаа 39. възвеличиль есть на мѧ ковь 40. бѫде^т^ бѫдеть 40. 105 (вм. бѫди), налѧци и спѣи 44. смирна ѝ ста́кти и касіа ѿ ризь твои^х^ 44. прѣприши=побѣдиши 50. омразишѧсѧ 52. ѿими мѧ (=избави) 58. въсесъжагаемаа мождана възнесѫ тебѣ, 65. вълъщани злата тъмами тъ^м^ 67. до старости маторства 70. похвалы=хваленія 70. ливѫ=дождь 77. сѷка́мини ѝхь сланоѧ ѥгѵпетстѣи 77. Коль възлюблена се́ла твоа гн҇ силь 83. въсхожѐніа въ ср҇ци своемь завѣща 83. законь даѧи 83. г҇ь не лиши^т^ бл҇га хѡдѧщи^х^ незлобоѧ 83. смѣри^х^ и омѫтихь 87. на́дь цр҇и зем'скыми=паче царей земныхъ 88. мы҇ людіе паствины его 94. конци зе́мніи 97. въ скликнѣте бо҇у (=господеви) въсѣ землѣ 97.

прозабали пажи^т скотѫ^м и трѣвѫ на службѫ чл҃кѡ^м 103. жидѫ^т ѡнагри въ жѫждѫ своѧ, 103. (Болон.: жидѫтъ тебе инагри, въ др. древ. спискахъ: анагри). звѣріе лѫжніи 103. єродіево жилище обладаеть ими 103. не оправдыхѡ^м=неправдовахомъ 105. въ слатинѫ 106. испльнь^т паданіа 109. до рѫгъ ѡлтаревныи^х 117. паче злата и пазіа 118. ꙗко трѣва на зданіи ꙗже прежѣ въздръваніа исъше 128. (Болон: прѣжде въстръжениꙗ исше), на ополъченіе вм. на брань 143.

По этимъ случайно отмѣченнымъ примѣрамъ можно видѣть, что Мукачевская псалтырь можетъ представить нѣкоторый матеріалъ и для изслѣдованія редакцій старославянскаго перевода псалтыри.

С.-Петербургъ, 10 марта 1883 г.

ОБЪ АОРИСТѢ БИМЬ[1]).

Романа Брандта.

Какъ извѣстно, одну изъ особенностей такъ называемыхъ паннонскихъ памятниковъ составляетъ форма бимь, служащая для описанія условнаго (сослагательнаго) наклоненія и измѣняемая слѣдующимъ образомъ:

	Единственное число.	Множественное число.	Двойственное число.
1 л.	бимь[2]), бихъ	бимъ, бихомъ	*бивѣ
2 л.	би	бисте,	биста
3 л.	би	би[3]), биша	биста.

Иногда въ указанномъ спряженіи являются и ы и притомъ не только въ тѣхъ формахъ, которыя при такой замѣнѣ совпадаютъ съ аористомъ быхъ, но и въ 1 л. ед. ч.: въ слуцкой псалтыри читается

---

1) См. Морфологію Миклошича (Vergleich. Gramm., III²), стр. 81—89.

2) Бимъ въ этомъ лицѣ, конечно, только невѣрное написаніе вм. бимь.

3) Mikl., III, S. 87. Съ этимъ староцерковнымъ и, какъ полагаю, также праславянскимъ, би я привожу въ связь сербское: рѐкли би, чеш: řekli by, польск: rzekli by и возникновеніе **частицы** бы въ трехъ различныхъ концахъ славянской области — у русскихъ, словенцевъ и нижнихъ лужичанъ. Чтобы рекли бы стало на мѣсто рекли быша, т. е. чтобы вмѣсто множественнаго числа подставили единственное, просто немыслимо: особенно языки сербскій и старочешскій, при сохраненіи бӥше, bychu какъ аориста, не стали бы изгонять этихъ формъ и изъ сослагательнаго—намѣреннаго коверканья того, что̀ складно и ясно, въ языкахъ не происходитъ. Напротивъ, обычное въ староцерковномъ рекли быша, также старочешское: řekli bychu, и старопольское: rzekli bychą, (рядомъ съ—by), легко могли появиться, для большей стройности, вмѣсто обрубленнаго бы.

бꙑмъ (Срезневскій. Юсовые памятники. Обозрѣніе, стр. 24)—это бꙑмъ, вѣроятно, плодъ сдѣлки между бимь и бꙑхъ.

Въ непаннонскихъ рукописяхъ для описанія условнаго наклоненія всегда служитъ аористъ бꙑхъ, да и въ паннонскихъ для 3 л. мн. ч. обыкновенно употребляется не би, или биша, а бѫ (да и бѫ оубили I. 11, 53 Зогр. ев.), которое, по несомнѣнно вѣрному толкованію Миклошича, есть форма безпримѣтнаго аориста[1]).

Но Миклошичевымъ объясненіемъ нашего бимь трудно удовлетвориться. Конечно, онъ вполнѣ правъ, когда отвергаетъ мнѣніе Срезневскаго и Лескина, будто и здѣсь замѣняетъ ꙑ, ссылаясь на то̀, что бимь является въ рукописяхъ, которымъ совершенно чуждо смѣшеніе ꙑ съ и; однако и его собственное объясненіе весьма сомнительнаго достоинства.

Миклошичъ (притомъ довольно нерѣшительно) сближаетъ би, би, бимъ, бисте съ санскритскимъ ишевымъ аористомъ (iš-Aorist)[2]), какъ ábodhīs, ábodhīt, ábodhišma, ábodhišta отъ budh — пробуждаться. Противъ такого сближенія, не особенно вѣроятнаго уже потому, что ишевый аористъ существуетъ у однихъ индусовъ, оказывается цѣлый рядъ возраженій.

Самъ Миклошичъ затрудняется окончаніемъ 1 л. ед. ч. мь, мъ, при санскритскомъ *m* (ábodhīm) и формою 3 л. мн. биша, вм. которой онъ ожидалъ бы бисѧ. Появленіемъ ш, впрочемъ, затрудняться нечего: вѣдь переходъ междугласнаго с въ х и смягченіе х въ ш явленія обычныя, такъ что именно бисѫ было бы неправильно[3]). Но въ соотвѣтствіе 1 л. ábodhīm, дѣйствительно, слѣдовало бы ожидать не бимь, а тожественное со 2 и 3 л. би. Возможно, правда, что такая куцая форма пожелала пріобрѣсть новую наставку, но она обратилась бы за нею никакъ не къ настоящему времени, а къ ближайшему родичу, къ эсовому аористу, и явилась бы въ видѣ бихъ (бихъ въ самомъ дѣлѣ встрѣчается, но не постоянно, а только изрѣдка). Кромѣ того ábodhīm, хотя и составляетъ особенность древнихъ Ведъ, должно счи-

1) Mikl., III, S. 89. Ср .мою статью Иджь, ыджь, жджь. Русскій Филологическій Вѣстникъ Т. VIII, стр. 3—4.

2) Whitney, W. D. Indische Grammatik, S. 310—312. Миклошичъ ссылается на Компендій Шлейхера, стр. 812 (788 стр. 4-го изд.).

4) Въ санскритѣ окончаніемъ этого лица служитъ весьма обычное, но загадочное us: ábodhišus.

таться вторичною формою, возникшею было рядомъ съ ábodhišam, по образцу 2-го л. ábodhīs (=abodhis-s), и опять изчезнувшею[1]): приводить съ нею въ связь славянское бимь нѣсколько рисковано; если же исходить отъ ábodhišam, или собственно отъ ábodhiša[2]), то получимъ обыкновенное аористное окончаніе хъ, вмѣсто котораго никакъ не стали бы подставлять мь. Еще меня смущаетъ звукъ и, проходящій по всѣмъ лицамъ славянскаго бимь: прямо отожествлять (б)исте съ (ábodh)išta, какъ дѣлаетъ Миклошичъ, нельзя, такъ какъ славянское и не соотвѣтствуетъ санскритскому ī (и=е и ī). Даже допустивши распространеніе долготы со 2 л. ед. ч. на всѣ остальныя, мы не выйдемъ изъ затрудненія, потому что ī въ ábodhīs, продленное изъ соединительнаго *i*, вѣроятно, восходитъ при его посредствѣ къ неопредѣленному (глухому) гласному, которому по-славянски скорѣе всего соотвѣтствовалъ бы ъ, но никакъ не и. Также и въ возможности перехода 1 л. мн. ч. *бисмъ въ бимъ, т. е. въ выпаденіи с передъ м, я сомнѣваюсь: едва ли созвучіе см, уцѣлѣвшее въ зачинѣ (нпр. смѣхъ), подлежало упрощенію внутри слова—томоу, томь, при санскритскихъ tásmai, tásmin, могли устранить с, какъ «лишнюю вставку» между темою и падежнымъ суффиксомъ, который во всѣхъ косвенныхъ падежахъ состоялъ изъ двухъ звуковъ: то-го, тѣ-мь, тѣ-хъ, тѣ-мъ, тѣ-ми.

По такимъ соображеніямъ я не могу примкнуть ко взгляду Миклошича и предпочитаю другое объясненіе. Мнѣ сдается, что бимь вовсе не слѣдуетъ считать аористомъ: явно аористныя формы бихъ, бихомъ, бисте, (биховѣ?), биста[3]) могли возникнуть при 2 и 3 л. би въ подражаніе аористу, хотя само би и было иного происхожденія. По-

---

1) См. мою статью «Нѣсколько соображеній о склоненіи согласных основ у Славян» Р. Ф. В., Т. VII, стр. 199, пр. 2. Миклошичъ, слѣдуя Шлейхеру, напрасно говоритъ о выпаденіи s въ 1 л.: «ávedīm изъ ávedism.»

2) Тутъ *a*=m̥, а m—вторичная прибавка, по образцу имперфекта (нпр. ábharam) и безпримѣтнаго аориста (нпр. álipam къ limpā́mi—мажу); такъ же и вин. pā́dam, въ угоду áçvam, замѣнилъ древнѣйшее *pā́da=греч. πόδα=праяз. pódm̥. Срв. мою статью «О личных наставках славянскаго глагола» въ «Грамматическихъ замѣткахъ», стр. 2—4 (=Р. Ф. В. Т. V, стр. 159—161). H. Osthoff. Die tiefstufe im indogermanischen vocalismus, S. 300 (Morphologische untersuchungen auf dem gebiete der indogermanischen sprachen. Von Dr. Hermann Osthoff und Dr. Karl Brugman. IV Th. Leipzig 1881).

3) См. выше, стр. 469.

лагаю, что бимь находится въ связи съ повелительнымъ наклоненіемъ, что оно содержитъ туже примѣту и и наравнѣ съ повелительнымъ представляетъ форму наклоненія желательнаго или условнаго: бимь, би, би, значитъ, соотвѣтствуетъ греч. φύοιμι, φύοις, φύοι (φύω — рождать, производить). Послѣ возникновенія условнаго отъ другой темы, *бѫдимь, которое тѣснѣй примыкало къ настоящему (будущему) бѫдѫ, легко могли предоставить ему одному роль повелительнаго, оставивъ за древнимъ бимь только значеніе условности. Конечно, если это такъ, то первоначальное спряженіе нашего условника было слѣдующее:

	Един. ч.	Множ. ч.	Двойств. ч.
1 л.	бимь	бимъ	*бивѣ
2 л.	би	*бите	*бите
3 л.	би	би или *бињ [1])	*бите [2]).

Строить форму *бињ, впрочемъ, нѣтъ необходимости, такъ какъ древнее bhuóint могло не дожить до образованія славянскаго языка; тѣмъ болѣе не построитъ такой формы тотъ, кто вмѣстѣ съ Густафомъ Мейеромъ и Бругманомъ[3]) древнѣйшимъ видомъ греческаго φέροιεν считаетъ φέροιν, а не φέροιαν (эолійское: ἀποτίνοιαν) и предполагаетъ въ праязыкѣ форму bhuóint, которая у меня приведена какъ научная фикція.

1 л. ед. ч. бимь, такъ же какъ греч. φύοιμι, усвоило себѣ суффиксъ 1-го л. настоящаго корневыхъ глаголовъ[4]). Чуть не слѣдуетъ думать, что такая подстановка mi вм. m (употребленіе bhéroimi вм. bhéroim) появилась еще въ праязыкѣ, и что чуждые ей индусы (по-санскритски

1) Форму бињ я строю какъ преемницу праязычнаго bhuóint, которое предполагаю вслѣдъ за Остгофомъ (M. U., IV, 295). Би равняется греческому (дельфскаго говора) *φύοιν — въ надписяхъ отмѣчены: παρέχοιν, θέλοιν, ποιέοιν; въ переложеніи на праязычные звуки 3 л. мн. ч. би было бы bhuóint. Тамъ же, стр. 296.

2) Кто не согласенъ съ моимъ взглядомъ на личныя наставки, можетъ безъ ущерба для даннаго вопроса замѣнить вѣ, те, те посредствомъ вѣ, та, та или вѣ, та, те.

3) G. Meyer. Griechische Grammatik, S. 348. Brugman, K. Morph. Unt. III, 65 (Osthoff, Morph. Unt., IV, S. 295).

4) Это объясненіе, уже высказанное Лескинымъ (Ueber den dialekt der russischen volkslieder des gouvernements Olonec. Beiträge zur vergleich sprachforschung. B. VI, S. 187), но отвергнутое Миклошичемъ (S. 88), теперь пріобрѣтаетъ бóльшую убѣдительность.

bhár-ey-a-m[1]), dviš-yā́-m)[2]) опять отказались отъ такой формы; особенно удобно было бы допустить подстановку на мѣсто m̥ mi, если, какъ думаетъ Остгофъ[3]), существовали двойниковыя формы bhéroi̯m̥ и bhéroim: первая — конечная и предсогласная (tod bhéroi̯m̥, bhéroi̯m̥ tod- я несъ бы это), вторая — предогласная (bhéroi̯m ĭd- я несъ бы то). Предполагать третью праязычную форму bhéroi̯mi я склоненъ изъ-за греческаго языка: славянское бимь легко могло стать на мѣсто *бии =*біјъ = bhu̯ói̯m̥[4]), въ коемъ оказалась совсѣмъ необычная наставка и.

Отожествивъ бимь съ φύοιμι, я допустилъ нѣкоторую неточность, которую необходимо оправдать. Говорю не про различіе въ корнѣ (φύοιμι, видимо, замѣнило *φοῖμι, т. е. усвоило υ отъ другихъ формъ), а про несоотвѣтствіе примѣтъ: греческому дифтонгу οι должно соотвѣтствовать не и (=ει и ī), а ѣ, который дѣйствительно и является въ повелительномъ, гдѣ при 2 и 3 л. ед. ч. бери стоитъ множ. и двойств. ч. съ ѣ—берѣмъ, берѣте, берѣвѣ, берѣта. Однако этимъ нечего смущаться. Весьма вѣроятно, что разнотемность настоящаго (3 л. ед. ч. bhér*e*-ti, при 3 мн. bhér*o*-nti)[5]) распространялась нѣкогда и на условное наклоненіе, что единообразіе его темы есть только плодъ подравненія, а что первоначально спрягали та́къ:

	Един. ч.	Множ. ч.	Двойств. ч.
1 л.	bhéroi̯m̥	bhéroi̯mes	bhéroi̯ve
2 л.	bhérei̯s	bhérei̯te	bhérei̯tom
3 л.	bhérei̯t	bhéroi̯n̥t	bhérei̯tēm[6]).

Соотвѣтственно этому и греки когда-то должны были спрягать:

	Един. ч.	Множ. ч.	Двойств. ч.
1 л.	φέροιμι	φέροιμεν	
2 л.	*φέρεις	*φέρειτε	*φέρειτον
3 л.	*φέρει	*φεροα или φέροιν	*φερείτην.

1) См. выше, стр. 471, пр. 2. Звукъ ē въ bhâreyam зашелъ сюда изъ другихъ лицъ, въ замѣнъ ā = o въ открытомъ слогѣ. Ср. Osthoff, Morph. Unt. IV, S. 303.

2) Dviš (dvēšmi)—ненавидѣть.

3) Тамъ же, стр. 302.

4) См. мою статью о согласныхъ основахъ. Р. Ф. В. Т. VII, стр. 191.

5) См. Поправки и дополненія къ моимъ «Грамматическимъ замѣткамъ», къ стр. 52 (статья объ имперфектѣ), стр. IX = Р. Ф. В. Т. VI, стр. 335.

6) Вѣрность наставокъ mes и ve въ 1 л. мн. и дв. ч. подлежитъ сомнѣнію, но мы говоримъ теперь не о наставкахъ, а о темовомъ гласномъ.

У славянъ въ такомъ случаѣ существовало слѣдующее спряженіе:

	Един. ч.	Множ. ч.	Двойств. ч.
1 л.	*берѣмь	берѣмъ	берѣве
2 л.	бери	берите	*берите
3 л.	бери	*берои или *берѣ [1])	*берите.

Такъ же, какъ *берѣмь, измѣнялось конечно и *бѣмь: *бѣмь, би, би и т. д.

Грекамъ, у которыхъ *φέρεις и *φέρει совпадали со вторичными формами тѣхъ-же лицъ въ изъявительномъ наклоненіи, естественно было подправить ихъ и создать φέροις и φέροι, а затѣмъ провести οι, какъ примѣту желательнаго, по всѣмъ лицамъ. Славяне же сохранили самородное бери = bhéreis и bhéreit, но за то внесли ѣ во всѣ лица числа множественнаго и двойственнаго. Въ то же время условникъ *бѣмь, оторванный отъ своихъ пріобрѣтшихъ новое значеніе братьевъ, могъ имѣть иную судьбу—въ немъ одолѣлъ звукъ и и вовсе вытѣснилъ ѣ, чему вѣроятно содѣйствовала близость и къ кореннымъ ы въ бышѧ, быхъ, былъ, бытъ, быти.

При моемъ взглядѣ на бимь понятно, почему оно никогда не обозначаетъ прошедшаго времени; вмѣстѣ съ тѣмъ оно оказывается вполнѣ законнымъ выразителемъ условности. Объясняется теперь и обыкновенное сослагательное въ родѣ рєклъ бышѧ, къ которому мы правда привыкли, но которое тѣмъ не менѣе весьма странно и по составу должно бы имѣть значеніе не условнаго наклоненія, а давнопрошедшаго времени: бышѧ заступило мѣсто сходнаго съ нимъ бимь и такимъ образомъ пріобрѣло совершенно не свойственное ему значеніе.

---

1) *Берон = *берѫтъ = *φεροι(ν)τ = bhéroint; *берѣ(нт) = φέροιεν(τ) = *bhéroint. См. пред. стр. 478.

ПО ПОВОДУ ТОНИЧЕСКОЙ ТЕОРІИ ВЪ СЛАВЯНСКОМЪ НАРОДНОМЪ ТВОРЧЕСТВѢ.

Ѳедора Истомина.

Русскихъ и инославянскихъ изслѣдователей въ области народнаго творчества уже издавна занималъ вопросъ объ основныхъ законахъ, на которыхъ зиждется это творчество. Не мало отдѣльныхъ трудовъ явилось результатомъ спеціальныхъ изысканій по этому вопросу; не мало также краткихъ замѣчаній разсѣяно по другимъ трудамъ, соприкасающимся съ этою областью; почти каждый собиратель памятниковъ и образцовъ народнаго творчества считалъ долгомъ охарактеризовать его существенныя черты. Вопросъ этотъ, можно сказать, уже имѣетъ свою исторію, отдѣльные періоды своего развитія.

Если прослѣдимъ это развитіе по русскимъ наиболѣе выдающимся трудамъ, то замѣтимъ, что вопросъ этотъ переживаетъ теперь уже вторую эпоху своего существованія. Первая эпоха, охарактеризованная, такъ называемою, тоническою теоріею, впервые научно установленною въ 1817 году А. Х. Востоковымъ[1]) и развиваемою другими изслѣдователями[2]), имѣла своимъ послѣднимъ представителемъ В. Класовскаго, издавшаго свой трудъ въ 1863 году[3]). Вслѣдъ за появле-

---

1) «Опытъ о русскомъ стихосложеніи». Спб. 1817.

2) Самсоновъ. «Краткое разсужденіе о Русск. стихослож.» Вѣстн. Евр. 1817. Авг. № 15, 16, стр. 219. Срезневскій. «Мысли объ Истор Русск. яз.» 1849, гл. VII. «Нѣск. замѣч. объ эпич. размѣрѣ нар. Слав. пѣс.» Изв. Ак. Н. 1861. Перевлѣсскій «Русск. Стихослож.» Спб. 1853.

3) «Версификація». Спб. 1863.

ніемъ еще двухъ трудовъ[1]), повторившихъ въ главныхъ чертахъ своихъ ученія Востокова и Классовскаго, вышло въ свѣтъ сочиненіе г. Шафранова, первоначально помѣщенное въ Ж. М. Н. Пр. за 1878 и 1879 гг.[2]). Это сочиненіе, вмѣстѣ со статьей г. Вестфаля[3]) и «Объясненіями» къ своему сборнику русск. пѣсенъ Мельгунова, направили рѣшеніе вопроса на другой путь. Отрѣшившись всецѣло отъ тонической теоріи, основывавшейся на удареніяхъ, эти изслѣдователи главное основаніе, на которомъ строится народное творчество русское, полагаютъ въ музыкѣ, въ напѣвѣ. Такимъ образомъ вторая эпоха характеризуется теоріею музыкальною, напѣвною.

Научное движеніе впередъ, конечно, не даетъ права считать этотъ вопросъ законченнымъ и въ настоящее время; до окончательнаго рѣшенія ему предстоитъ, быть можетъ, пережить еще не одну эпоху своего развитія; хотя едва ли можно предвидѣть обратное его движеніе, т. е. возвращеніе къ теоріи тонической. Тѣмъ не менѣе попытокъ такого рода нельзя не замѣтить. Онѣ объясняются, правда, трудностью отрѣшиться сразу отъ теоріи, державшейся такъ долго и считавшейся наиболѣе удобною и примѣнимою по своимъ внѣшнимъ качествамъ къ воспроизведенію нар. творчества, какъ русскаго, такъ и славянскаго вообще; съ другой стороны, попытки эти объясняются, конечно, и тѣмъ, что вновь предлагаемыя теоріи, не исчерпываютъ вопроса во всей его сложности, нося, по преимуществу, частный характеръ; онѣ имѣютъ въ виду только пѣсни, и то въ періодъ «голосоведенія», оставляя въ сторонѣ другія проявленія этого творчества, какъ пословицы и поговорки, такъ и пѣсни не во время «голосоведенія» только, но въ широкомъ смыслѣ, т. е. годныя и для плавнаго, размѣрнаго чтенія.

Обращаясь къ трудамъ славянскихъ изслѣдователей, мы найдемъ, что и тамъ не мало было попытокъ къ рѣшенію этого вопроса. Начавшись еще съ конца прошлаго столѣтія, попытки эти дали представи-

---

1) Олесницкій. «Риѳмъ и метръ въ ветхозавѣтной поэзіи» Труды Кіевск. Дух. Ак. Сент. 1872. Лебедевъ. «Стилистика». Филол. Зап. 1877, вып. 5 и 6. Прил., стр. 48 и сл.

2) «О складѣ народно-русск. пѣсенной рѣчи, разсматриваемой въ связи съ напѣвами».

3) «О Русской народной пѣснѣ». Русск. Вѣстн. Сент. 1879.

телей, главнымъ образомъ, четырехъ воззрѣній[1]); одни изъ нихъ основывали творчество народное на количествѣ, т. е. на долготѣ и краткости гласныхъ, перенося это начало изъ древнеклассической метрики[2]); другіе главною основою признавали удареніе, или проводя аналогію между повышаемыми и понижаемыми слогами съ одной стороны и долгими и краткими съ другой[3]), или же независимо отъ долготы и краткости гласныхъ[4]); третьи считали существеннымъ число слоговъ и діерезы (brojrslovaka i odmon)[5]), и наконецъ четвертые придавали рѣшающее значеніе напѣву и мелодіи[6]).

Ознакомившись съ этими воззрѣніями, мы увидимъ, что и здѣсь болѣе или менѣе рѣшительно высказались уже противъ тонической теоріи, признавъ ея неудовлетворительность. «Всѣ признаютъ, что измѣряя стихи обычнымъ удареніемъ, получимъ много стиховъ неправильныхъ»[7]).

Но рядомъ съ двумя новыми теоріями славянскими, пытающимися замѣнить тоническую, все таки нерѣдки сужденія и объясненія раз-

---

1) См. L. Zima. «Načrt naše narodne metrike». Rad. Jugosl. Ak., knj. 48., 1879 стр. 202.

2) Katančić (fructus auctumnales, 1794), тамъ же стр. 172. Jov. Subotić. «Nauka o srbskom stihotvorenju». U Budimu. 1845, тамъ же, стр. 174.

3) L. Milovanov Georgijević. «Opit nastavlenja k srbskoj sličnorečnosti itd.» 1810. см. тамъже, стр. 172. P. Šafařik. «Gesch. d. slav. Sprache u. Literat.» 1826, тамъ же, стр. 173. Ad. Veber-Tkalčević, u «Skladnj ilirskoga jezika za nižu gimn.» 1859 u «Književniku» god. 1864, str. 322, i god. 1865, str. 96 u «Slovnici hrvatskoj za srednja učilišta», 1873. См. тамъ же, стр. 178. Vinco Pacel. u «Književniku» god. 1864, str. 314, тамъ же, стр. 183. Gj. Maletić. «Teorija poezije». Biogr. 1868, тамъ же, стр. 185. Ferdo Pažur. «O desetercu junačkih naših pjesama» (u izvješću o kr. vel. gimn. u Osieku god. 1873), тамъ же, стр. 187.

4) J. Trnski «O našem stihotvorstvu» u «Viencu» god. 1864, тамъ же, стр. 189. Fr. Miklošić. «Volksepik der Kroaten, 1870, тамъ же, стр. 186. Fr. Petračić u «čitanki za v. gimn.» kn. I, u Zagr. 1877, тамъ же, стр. 198.

5) P. Berić. «Srb. Ljetopis.» god. 1830, IV dio, i 1831, I dio, тамъ же, стр. 173. Jan Kollar. «Narodné Spivanky», Budim 1834—35, (II knj., str. 479), тамъ же, стр. 176. L. Zima. «Metrika srb. nar. pesama uporedjena s primerima iz drugih slov. nar. pesama» u. progr. vel. gimn. Karlovačke, g. 1874 i 1875), тамъ же, стр. 191 и цитуемое здѣсь сочин. того же автора. A. Veber. «Nješto o pjesnictvu hrvatskom», u Rad Jugosl. Ak., kn. 40, 1877.

6) Jak. Grimm. u recens. I kn. Srb. nar. pjes. od V. St. Karadž. (u Wien. Allg. Liter. Ztg. 1816, Sept. № 74), тамъ же, стр. 173. V Jagić, u česk. naučn. rječniku, u članku «Jihoslované», (dio IV, str. 355), u «Književn.» god. 1864, тамъ же, стр. 181. Petar Budmani. «Još jedan pokušaj o našoj nar. metrici», (u izv. o. c. k. viš. dubrovačk gimn. g. 1876).

7) L. Zima, тамъ же, стр. 202.

личныхъ явленій изъ области нар. творчества, — основанныя на признаніи ударенія однимъ изъ главнѣйшихъ и рѣшающихъ элементовъ этого творчества.

Такая устойчивость этой теоріи заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, того, чтобъ остановиться на ней съ бóльшимъ вниманіемъ и, по возможности, выяснить тѣ причины, въ силу которыхъ она такъ рано привилась и такъ долго держится подъ напоромъ новыхъ мнѣній, повидимому, рѣшительно ее опровергающихъ.

Вопросъ объ удареніи, какъ главной основѣ этой теоріи, въ примѣненіи къ нар. слав. творчеству, требуетъ, конечно, болѣе серьезнаго обсужденія и болѣе тщательной разработки, чѣмъ та, которую можетъ дать настоящая статья, ограниченная, такъ сказать, обстоятельствами времени и мѣста. Не смотря на это, мы, всетаки, беремъ на себя смѣлость сказать нѣсколько словъ по поводу этого вопроса, заранѣе извиняясь за неполноту, отрывочность и, быть можетъ, неубѣдительность соображеній, представляемыхъ здѣсь на судъ.

Весьма важно и интересно прослѣдить, какими мотивами руководились первые вводители въ слав. творчество именно тонической теоріи.

Первая попытка объяснить законы нар. стихосложенія при посредствѣ ударенія у южн. славянъ, насколько намъ извѣстно, была сдѣлана Л. Миловановымъ Георгіевичемъ въ 1810 г. въ его «Opit nastavlenja k srbskoj sličnorečnosti...»; сущность его основоположеній заключается въ томъ, что слоги ударные (съ удареніемъ) считаются долгими, неударные (безъ ударенія) — краткими, притомъ и ударные слоги, но съ краткой гласной могутъ въ окончаніяхъ считаться краткими и наоборотъ неударные слоги, но съ долгой гласной могутъ считаться долгими [1]). Это же основное правило съ нѣкоторыми частными видоизмѣненіями заключается въ ученіяхъ послѣдующихъ представителей до Трнскаго и Миклошича, изъ которыхъ первый въ статьѣ «o našem stihotvorstvu» (1864 г.) отрицаетъ «staroklasično mjerenje dužine i kratkoče» и признаетъ только «broj slovaka i naglašenu slovku», «i da bude čist odmor» прибавляетъ онъ къ этому [2]); а второй, въ своей «Volksepik der Kroaten» 1870, говоритъ объ удареніи, уже не ука-

1) Тамъ же, стр. 173.
2) Тамъ же, стр. 189.

зывая на долготу и краткость [1]). Наконецъ послѣдній представитель этой теоріи Фр. Петрачичъ (въ 1877 г.) утверждаетъ, что «u domačih stihovih gleda se poglavito na ritmičnu izmjenu naglašenih i nenaglašenih slovaka [2]).

Такое же почти движеніе этой теоріи можемъ мы прослѣдить и у русскихъ изслѣдователей. Востоковъ начавъ уже, конечно, съ отрицанія классической долготы и краткости слоговъ, и наполовину отказавшись отъ классическихъ стопъ, строилъ свое ученіе на томъ, что «слоги повышаемые называются у насъ долгими, а понижаемые краткими», прибавляя при этомъ: «хотя и не свойственно бы такъ называть ихъ» [3]). Почти одновременно съ нимъ писавшій, Самсоновъ говоритъ о русск. стихосложеніи: «въ немъ наблюдается правильная послѣдовательность высокихъ и низкихъ слоговъ (а не долгихъ и краткихъ, какъ ихъ обыкновенно называютъ») [4]). Но при этомъ къ употреблявшимся раньше классическимъ стопамъ прибавляетъ еще новыя: сугубый амфибрахій и пеонъ первый [5]).

Перевлѣсскій видоизмѣняетъ нѣсколько тоже ученіе и ставитъ, при этомъ, во главѣ удареніе «логическое». И. И. Срезневскій и В. Классовскій уже окончательно отрѣшаются отъ классическихъ стопъ, при чемъ послѣдній основываетъ свою теорію на «ударенія стихотворномъ» или «тоническомъ», какъ онъ его называетъ [6]).

Если еще ознакомимся съ тѣмъ, что этимъ ученіямъ предшествовало, то для насъ уяснится совершенно та идея, руководясь которой прибѣгли къ ударенію первые вводители тонической теоріи, какъ у насъ такъ и у славянъ. Въ самомъ дѣлѣ, у южн. славянъ мы еще въ 1794 году видимъ попытки къ теоретическому объясненію слав. нар. творч. и практическому примѣненію къ нему всецѣло классическихъ стихотворныхъ правилъ, при чемъ вводилось во всѣхъ подробностяхъ долгота и краткость гласныхъ безъ всякаго отношенія къ ударенію [7]); о такой же точно попыткѣ въ русской литературѣ гово-

---

1) Тамъ же, стр. 186.
2) Čitanki za v. gimn., kn. I, str. 6, § 7, см. L. Zima, тамъ же, стр. 198.
3) Опытъ о Русск. Стихослож. Спб. 1817, ч. II, стр. 98.
4) Вѣстн. Евр. 1817, авг., стр. 224.
5) Ibid., стр. 251.
6) «Версификація» Спб. 1863, стр. 41
7) См. L. Zima, ibid., стр. 172.

ритъ намъ Востоковъ: «Мелетій Смотрицкій, коего грамматика напечатана 1619 г. въ Вильнѣ, а за нимъ Московскіе слагатели 1648 г. хотѣли дать словенскому языку совершенно греческую просодію»...[1]).

Изъ всего этого выясняется слѣдующій путь, по которому шло ученіе о стихосложеніи народнаго творчества у славянъ вообще. Первоначально, какъ видимъ, является попытка подчинить языкъ славянскій правиламъ, выработаннымъ греческими метриками, во всей ихъ полнотѣ; но вслѣдъ затѣмъ практическое примѣненіе этихъ правилъ убѣждаетъ знатоковъ дѣла въ полной ихъ непримѣнимости; долгота и краткость гласныхъ въ языкѣ слав., какъ оказалось, вовсе не соотвѣтствовала этимъ же свойствамъ въ языкѣ греч., вслѣдствіе чего главнѣйшая часть этого ученія, его внутренняя основа совершенно упраздняется, признается «абсурдною»: Пажуръ доказываетъ «na primjerih absurdnost mjeriti nar. desterac po kvantitetu»[2]); но желаніе, во чтобы то ни стало, подвести славянское стихосложеніе подъ заманчивую по своей систематической разработкѣ метрику греческую, не смотря на полную непригодность ея существенной основы, натолкнуло дальнѣйшихъ изслѣдователей на простой, повидимому, и легчайшій исходъ: тезисы и арзисы греческой метрики, не имѣющіе ничего общаго съ греч. удареніями и основанные исключительно на долготѣ и краткости гласныхъ, отождествлены были со славянскими удареніями, которыя, конечно, нисколько уже не зависѣли, отъ долготы и краткости слав. гласн., особенно такой правильно размѣренной и точно опредѣленной, какою являлась эта долгота и краткость въ языкѣ греческомъ; если и можно было говорить здѣсь о связи удареній съ долготой и краткостью, то развѣ лишь установивъ зависимость между ними совершенно обратную той, которая естественно вытекала изъ метрики греческой, т. е. не ударенія основывались въ слав. яз. на долготѣ, а наоборотъ, извѣстная доля долготы сообщалась слогамъ, вслѣдствіе произвольно поставленнаго на нихъ ударенія. Но о логичности и точности эти изслѣдователи, какъ видно, и не заботились, ихъ совершенно удовлетворяло это внѣшнее, случайное сходство тезисовъ и арзисовъ греческихъ съ удареніемъ въ словахъ славянскихъ. Греческая скан-

1) Опытъ о Русск. Стихосл., стр. 30.

2) Ferdo Pažur, см. L. Zima, ibid., стр. 187. Восток. «Опытъ», стр. 30, 31. Milovanov. Georgievič см. L. Zima, ibid., стр. 172.

довка со всѣми ея стопами и фигурами, съ одной стороны и безъ всякой внутренней основы съ другой, навязана была славянскимъ народн. стихамъ. Совершенно случайный признакъ былъ сдѣланъ главною основою системы, построенной первоначально на другомъ совершенно основаніи. Для внѣшней связи этихъ системъ съ различными основами стали употреблять формулу: «ударяемые слоги должны считаться долгими, неударяемые краткими»,—«da imade u nas naglas prevagu u stihu, t. j. da se naglašene slovke, bile kakova god naglaska, imadu uzeti dugimi» [1]).

Но вся нецѣлесообразность такой системы обнаружилась, какъ только изслѣдователи стали относиться съ бóльшимъ вниманіемъ къ внѣшнимъ проявленіямъ законовъ славянскаго языка; при болѣе тщательномъ отношеніи къ чтенію народныхъ стиховъ стало очевиднымъ то насиліе, которому подвергалось это чтеніе, ради того только, чтобы вогнать его въ рамки греческой метрики. «Ni u naših nar. pjesmah, ni u dubrovačkoj knjizi ne ima pravoga traga staroclasičnomu mjerenju dužine i kratkoče...... da je u nas ono stih, gdje se naglašene slovke po stalnom nekom pravilu izmenjuju nenaglašenimi» [2]). «Все еще можно не понимать стараго народнаго стиха и искать въ немъ ямбовъ, да хореевъ» [3]). «Тоническая версификація не имѣетъ въ своемъ распоряженіи стопъ, обусловливаемыхъ (напр. въ Греч. стихѣ) долготой и краткостью слоговъ» [4]). «Опредѣлять здѣсь границы между «тоническими періодами» значило бы превращать послѣдніе въ тонико-метрическія схемы (въ ямбы, хореи, дактили и т. д.) для которыхъ нар. стихъ русскій не представляетъ ни прочнаго единообразія данныхъ, ни основаній дѣйствительно обусловливающихъ его ритмъ» [5]).

Представители этихъ заявленій своими ученіями упраздняютъ уже окончательно греческую систему, какъ не имѣющую никакой органической связи съ слав. удареніемъ, которое совершенно произвольно и, какъ бы, насильственно положено было ей въ основу.

---

1) Ibid.; Šafarik. Gesch. der slav. Spr. u. Lit., стр. 173.
2) I. Trnski, ibid. стр. 189.
3) Срезневскій, Изв. Ак. Н. 1861, в. V, стр. 345.
4) Классовскій, «Версификація», стр. 40.
5) Ibid., стр. 44.

Эти ученія закончили первый періодъ тонической теоріи, вмѣстѣ съ которымъ закончилась и руководящая идея первыхъ изслѣдователей — воспользоваться готовыми формами греческой метрики для примѣненія ихъ къ славянскому творчеству. Наступилъ новый періодъ; началась разработка новой, самостоятельной системы, основанной, однако, на прежнемъ началѣ, оставшемся въ наслѣдіе отъ предшествовавшей, вполнѣ неудавшейся, попытки.

Что же это за начало и каково его происхожденіе? Новая система, въ тѣсномъ смыслѣ, тоническая, основывалась исключительно на удареніи, безъ всякаго отношенія его къ долготѣ и краткости гласныхъ.

Происхожденіе этой новой основы, т. е. ударенія, для насъ уже теперь достаточно уяснилось изъ изложеннаго выше.

Оно не возникло самостоятельно, не явилось результатомъ спеціальныхъ изысканій, не было плодомъ наблюдательности изслѣдователей непосредственно народн. творчества; оно взято лишь было для замѣны той основы, которая оказалась непригодною для слав. яз. и взято съ извѣстною цѣлью — для внѣшней связи народн. творч. слав. съ греческ. метрикой, и это назначеніе оно призвано было выполнять лишь потому, что оказалось, хотя и внѣшнимъ образомъ, но все таки сходнымъ съ арзисами и тезисами.

Если сопоставимъ цѣль, ради которой, въ этомъ случаѣ, выступило на сцену удареніе, — съ тогдашнимъ состояніемъ науки объ удареніи, особенно славянскомъ, то придемъ къ убѣжденію, что появленіе здѣсь ударенія, въ роли основнаго элемента, было дѣломъ совершенно случайнымъ, не имѣющимъ никакой органической связи съ основными законами языка слав.; а потому и признаніе за нимъ рѣшающаго значенія было едва-ли чѣмъ нибудь достаточно обосновано; надо думать, что такое признаніе еще менѣе соотвѣтствовало бы истинѣ, нежели признаніе греками, въ силу какого нибудь недоразумѣнія, тезисовъ и арзисовъ, съ которыми нѣкогда отождествляли слав. удареніе, — за основаніе ихъ метрики. У первыхъ представителей чисто тонической теоріи мы не находимъ, по крайней мѣрѣ, никакого ученія объ удареніи, кромѣ фактическаго заявленія, что оно въ слав. яз. есть; но вѣдь оно есть и въ другихъ языкахъ и даже въ греч.; почему же славянскому ударенію оказано такое предпочтеніе, (хотя бы сравнительно съ

греческимъ). У изслѣдователей этого періода, какъ слав. такъ и русскихъ, удареніе признается чѣмъ то готовымъ, какъ бы давнымъ давно уже доказавшимъ свое рѣшающее значеніе въ этомъ вопросѣ, и вся дальнѣйшая дѣятельность ихъ состояла лишь въ томъ, чтобы, принявъ удареніе за исходный пунктъ, отчасти сочинять правила, отчасти, руководясь наблюденіями надъ повторяемостью удареній, дѣлать выводы для характеристики народн. слав. творчества. Весьма понятно, отсюда, почему эти выводы отличаются такимъ разнообразіемъ и такъ часто порождаютъ споры и недоумѣнія; непостоянство и подвижность обыкновеннаго ударенія привело русск. изслѣдователей къ необходимости придавать имъ особые оттѣнки; такъ Перевлѣсскій называетъ его логическимъ, Классовскій—стихотворнымъ или тоническимъ; но сущность дѣла оттого не измѣняется, удареніе все таки продолжаетъ оставаться непостояннымъ, все таки продолжаетъ нарушать правила, установленныя на основаніи только извѣстной группы образцовъ; и разстановка удареній, какъ начала не заключающаго въ себѣ самомъ никакого объединяющаго принципа, становится дѣломъ произвольнымъ, зависящимъ лишь отъ личнаго взгляда каждаго изслѣдователя.

Въ трудахъ этихъ изслѣдователей наталкиваемся на споры о той или другой разстановкѣ удареній:

«Ты воспо́й, воспой,
Младъ жаворо́ночекъ,
Сидючи́ весной
На прота́линкѣ».

Восток., стр. 110.

«Ты воспой, воспо́й,
Младъ жа́вороночекъ,
Сидючи весно́й,
На прота́линкѣ».

Шафран. Ж. М. Н. Пр. 1879 г., стр. 187.

Трудно рѣшить, кто изъ нихъ болѣе правъ…

Проф. Богишичъ въ своемъ сочиненіи «Народне пјесме из старијих, највише приморских записа…». Беогр. 1878 г., характеризуя старинные длинные стихи сербск. эпич. поэзіи, даетъ для нихъ такую схему:

–́ – –́ – –́ – – || –́ – –́ – –́ – –́ –
–́ – –́ – –́ – – || –́ – –́ – –́ – –́ –
–́ – –́ – –́ –

По поводу этой характеристики высказался проф. И. В. Ягичъ, разбирая въ своемъ «Arch. für slav. Philol.», приведенное выше сочиненіе Богишича [1]).

Проф. Ягичъ указываетъ на совпаденіе этой схемы съ предлагаемою Миклошичемъ, который къ ней добавляетъ, что главное удареніе въ первомъ полустишіи падаетъ на 5-й слогъ, а во второмъ на 7-й [2]); съ своей же стороны профессоръ предлагаетъ нѣкоторыя измѣненія: такъ, онъ обстоятельно доказываетъ, ссылаясь на массу примѣровъ и на внутреннія, логическія основанія, что въ первомъ полустишіи должно быть два ударенія, изъ нихъ одно на начальномъ слогѣ стиха, а другое на 5-мъ [3]).

Цѣлый рядъ доказательствъ потребовался для того, чтобъ установить основной признакъ для характеристики одной только извѣстной группы творчества. Можно смѣло предположить, что для каждаго частнаго случая потребуются такія же доказательства, потребуются споры и, быть можетъ, безконечные; какимъ же образомъ можно ждать прочной характеристики и точно установленныхъ правилъ, основанныхъ на такомъ началѣ, которое само по себѣ уже является спорнымъ и ни на чемъ почти не основаннымъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ возможности непосредственно его наблюдать, и неуловимымъ, разнообразнымъ, и, такъ сказать, капризнымъ — въ случаяхъ доступныхъ наблюденію.

Можно допустить, что удареніе могло бы дать незыблемые устои для характеристики поэтическ. творчества въ тѣхъ языкахъ, которые представляли бы для этого больше данныхъ, связывая напр. удареніе нѣкоторыми предѣлами, заключая въ себѣ самихъ уже извѣстныя правила для его постановки. Слав. языкъ, на сколько извѣстно, такихъ данныхъ собою не представляетъ; «акцентовка» въ немъ «вольная» [4]); а

1) V. Jagić, «Die sudslavische Volksepik vor Jahrhunderten». Bd. IV, st. 192.

2) Ibid., 197.

3) Ibid., 200.

4) За исключ. языка чеховъ, лужичанъ и поляковъ, «одномѣстная акцент. котор. явил. въ относ. поздн. время». Брандтъ. «Начерт. слав. акцентолог.» Спб. 1880, стр. 9, срвни ibid. стр. 224.

«при вольной акцентовкѣ всѣ слоги считаются равноправными, и ни долгота ихъ, ни грамматическое значеніе не оказываетъ никакого вліянія на удареніе; вообще можно подмѣтить лишь нѣкоторые частные законы ударенія, но общаго закона не видно [1])». Нужно думать, что эта то вольность слав. ударенія и послужила для первыхъ изслѣдователей поводомъ для замѣны тезисовъ и арзисовъ греческихъ; она же подала мысль управиться съ помощью удареній со стихосложеніемъ слав. и послѣ изчезновенія чисто греческой теоріи [2]); но съ постояннымъ возрастаніемъ и открытіемъ новыхъ областей народнаго творчества, она же, повидимому, является и камнемъ преткновенія для изслѣдователей позднѣйшихъ. «In der Volkspoesie, wie Herr Hankiewicz bemerkt, herrscht bezüglich der Betonung grosse Freiheit, die theils in den freien, der Melodie sich anschmiegenden Rhythmus, theils darin, dass das kleinruss. Volk die Silben des Liedes mehr zählte als mass, ihren Grund hat; ja es gibt auch Lieder, namentlich Dumen, wo auch die gleiche Silbenanzahl der Verse nicht festgehalten wird» [3]).

Основаніемъ системы должно бы служить нѣчто болѣе устойчивое, болѣе опредѣленное, нежели слав. удареніе, вопросъ о которомъ не только въ примѣненіи къ нар. творчеству, но и по существу представляется вопросомъ сложнымъ, труднымъ и окончательно еще не рѣшеннымъ. «Zu den schwirigsten Fragen der Sprachforschung gehört unstreitig die über die Betonung. Um diese vollständig zu erfassen, muss man nicht nur Sprachforscher, sondern auch in der Physik und Physiologie einigermassen bewandert sein und ausserdem die Musik verstehen..... Gerade die Vielseitigkeit, die in diesem Falle von dem Sprachforscher gefordert wird, bringt es mit sich, dass auch in der subtilen Frage über die Betonung der Serbischen oder Kroatischen unter den besten Kennern dieser Sprache keine Uebereinstimmung herrscht». Такъ говоритъ Ковачевичъ въ своей рецензіи по поводу

---

1) Ibid., стр. 6.

2) Самсоновъ: «Сіе разнообразіе въ удареніяхъ, свойство односложныхъ быть и высокими и низкими и наконецъ удобность располагать слова въ различн. порядкѣ, произвели принятый нами родъ стихосложенія, въ коемъ высокіе съ низкими перемѣшаны въ опредѣленномъ порядкѣ». Вѣстн. Евр. 1817. Авг., № 15, 16, стр. 222.

3) Verchratskij. «Ein weiterer Beitrag zur Betonung im Kleinrussischen». Arch. f. sl. Phil., III, 390.

сочиненія Мазинга: «Die Hauptformen des serbisch chorvat. Accents» S.-Pt. 1876.[1])

Такая трудность рѣшенія вопроса объ удареніи и отсутствіе единомыслія по этому предмету, заявляемыя въ недавнее, сравнительно, время, едва ли могли дать право и логическое основаніе первымъ представителямъ чисто тонической теоріи ставить удареніе во главѣ слав. стихосложенія. Поводъ для нихъ былъ, въ этомъ случаѣ, какъ видѣли, внѣшній и случайный.

Помимо своей, такъ сказать, ненаучности, недостаточной обоснованности, помимо своей подвижности, удареніе и по результатамъ своимъ, кажется, оказалось бы мало удовлетворительнымъ; оно не въ состояніи было бы объяснить, напр. замѣчательное и характерное явленіе неуловимой и случайной неравносложности стиховъ славянскихъ. Недостаточность этой основы обнаруживается также въ тѣхъ случаяхъ, когда хотятъ въ литературѣ подражать стиху народному; принимая въ расчетъ только удареніе и правила на немъ основанные, получаютъ стихи, которые по внѣшнему виду, какъ будто и народныя, но для полнаго впечатлѣнія народности въ нихъ, все таки, чего-то недостаетъ; такъ не видно народности въ стихотвореніи Жуковскаго:

«Отума́нилася Ида
Омрачи́лся Иліонъ,
Спитъ во мра́кѣ станъ Атри́да,
На равнинѣ битвы сонъ».

Это стихотвореніе однако Перевлѣсскій отнесъ къ числу написанныхъ народнымъ размѣромъ[2]).

Не совсѣмъ удовлетворяютъ народности также и стихи Востокова, построенные имъ по своей тонической теоріи:

Изрѣченія Конфуція:

Простра́нству мѣра троя́кая
Въ долготу́ безконечно простира́ется
Въ ширину́ безпредѣльно разлива́ется
Въ глубину́ оно бездонно опуска́ется....[3]).

Конечно характерность, особенная рельефность ударенія въ слав.

---

1) «Arch. f. sl. Phil.», Bd. III, s. 685.
2) «Русское Стихосл.», стр. 59.
3) «Оп. о Р. Стихосл.», стр. 165.

нар. стихѣ несомнѣнна, но она вѣдь и въ прозѣ народнаго говора проявляетъ такія же особенности; мы можемъ даже взять текстъ пѣсни и, сохраняя тотъ же порядокъ словъ, сохраняя ударенія, но написавъ лишь связно, безъ дѣленія на строки, можемъ получить народную прозаическую рѣчь:

«Какъ досе́лѣ у насъ, братцы, черезъ те́мный лѣсъ, какъ никто́-то у насъ, братцы не проха́живалъ, не пропархивалъ тутъ, братцы, ни ясе́нъ соколъ, не проле́тывалъ тутъ, братцы, ни сизо́й орелъ, а какъ ны́нче у насъ, братцы, черезъ те́мный лѣсъ пролегла́—лежитъ дороженька широ́кая».

Это періодъ чистой народной прозы; но раздѣлимъ этотъ періодъ на строки, —передъ нами будетъ рѣчь поэтическая значительно отличающаяся отъ только что приведенной:

«Какъ досе́лѣ у насъ, братцы, черезъ те́мный лѣсъ,
Какъ никто́-то у насъ, братцы, не проха́живалъ,
Не пропа́рхивалъ тутъ, братцы, ни ясе́нъ соколъ,
Не проле́тывалъ тутъ, братцы, ни сизо́й орелъ,
А какъ ны́нче у насъ, братцы, черезъ те́мный лѣсъ
Пролегла́ лежитъ дороженька широ́кая»[1]).

Безъ сомнѣнія, это поэзія; разница между чтеніемъ первымъ и вторымъ очевидна. Сравнительно съ ровною прозаическою, эта рѣчь представляется болѣе выпуклою; всѣ оттѣнки ея выступили съ полною ясностью, она пріобрѣла живость и необыкновенную выразительность. Въ чемъ же, однако, кроется причина такого перерожденія рѣчи? Очевидно, что дѣло не въ удареніи, которое не измѣнено, очевидно также, что это не зависитъ отъ порядка словъ, ибо и онъ оставленъ безъ перемѣны.

Значитъ есть нѣчто, внѣ ударенія лежащее, что и способно сообщить рѣчи поэтическій характеръ.

Какъ это послѣднее, такъ и все предыдущее даетъ поводъ предполагать, что удареніе хотя и играетъ нѣкоторую роль въ опредѣленіи слав. нар. творч., но роль эта не самая главная; все говоритъ за то, что назначеніе ударенія служебное; оно располагается извѣстнымъ образомъ, но не само по себѣ, а во имя чего то другаго, внѣ его

---

1) «Русск. нар. пѣсни», изд. для пѣнія и фортеп. Дан. Кашинымъ 1834, I, стр. 107.

лежащаго, по требованію какой то главной основы, руководящей всѣмъ складомъ поэтическаго народнаго творчества славянъ.

Вотъ тѣ соображенія, на основаніи которыхъ мы позволили себѣ, въ началѣ статьи, выразить сомнѣніе по поводу возможности обратнаго движенія въ занимающемъ насъ вопросѣ, т. е. возвращенія къ тонической теоріи.

Если позволительно будетъ здѣсь высказать намъ личный взглядъ на положительную сторону разбираемаго вопроса, то мы сказали бы слѣдующее: безспорно, идея, руководящая первыми попытками къ объясненію слав. нар. творчества,—идея хорошая, и не смотря на полную ея неудачу въ прошломъ, жизненность ея проявляется и теперь. Г. Вестфаль, въ статьѣ: «О русской народной пѣснѣ», снова пытается всецѣло примѣнить греческую метрику къ русск. народн. творчеству, приступая къ дѣлу со стороны музыкальной; обосновываетъ онъ свою попытку слѣдующимъ: «никогда не было и нигдѣ на земномъ шарѣ нѣтъ поэзіи или музыки, о ритмикѣ которой можно было бы составить себѣ правильное понятіе иначе, какъ, приложивъ къ ней мѣрило греческой ритмики. Народъ эллиновъ отличается въ исторіи искуства именно тѣмъ, что у него какъ пластика, такъ и ритмика доведены до такой неизмѣримой степени совершенства, что все позднѣйшее искуство должно обращаться въ этомъ отношеніи къ Грекамъ, какъ учителямъ, отъ которыхъ оно далеко еще не всему научилось»[1]).

Не можемъ не согласиться, до нѣкоторой степени, съ такимъ воззрѣніемъ знатока греческой метрики; но кажется намъ, что примѣненіе греческой метрики во всей ея полнотѣ къ слав. творчеству повело бы къ тѣмъ же результатамъ, что и первая попытка 1794 года. Болѣе логичнымъ и болѣе основательнымъ было бы, по нашему мнѣнію, осуществить эту идею, «приложивъ» къ слав. творчеству, именно «мѣрило греческой метрики», какъ выражается самъ г. Вестфаль, т. е. долготу и краткость, и притомъ не въ періодъ Аристоксена, когда эта долгота и краткость уже приняла спеціально греческую окраску, вывыработавшись на почвѣ этого языка; не въ періодъ установленія «χρόνος πρῶτος, βραχεῖα μονόσημος» и «συλλαβὴ μακρὰ δίσημος», а въ періодъ, когда эта долгота и краткость была еще «естественной, раз-

---

1) Русск. Вѣстн. Сент. 1879, стр. 128.

нообразной и собственно неизмѣримой». [1]). Примѣненіе такой долготы и краткости къ славянск. нар. творчеству и попытка прослѣдить, какимъ образомъ эта долгота и краткость проявилась въ слав. творчествѣ, могли бы дать положительные результаты и объяснили бы многое. Мы позволяемъ себѣ это говорить на основаніи личнаго опыта, такъ какъ нами уже сдѣлана была именно такого рода попытка и въ 1879 году представлена въ Ист.-Фил. фак. Спб. Универс., которымъ и принята была благосклонно [2]).

1) Шафрановъ. Ж. М. Н. Пр. Окт. 1878, стр. 137.
2) Протоколы зас. Сов. Имп. Спб. Унив. № 21, стр. 153.

С.-Петербургъ. 30 Апрѣля. 1883 г.

ПОПРАВКИ И ОПЕЧАТКИ.

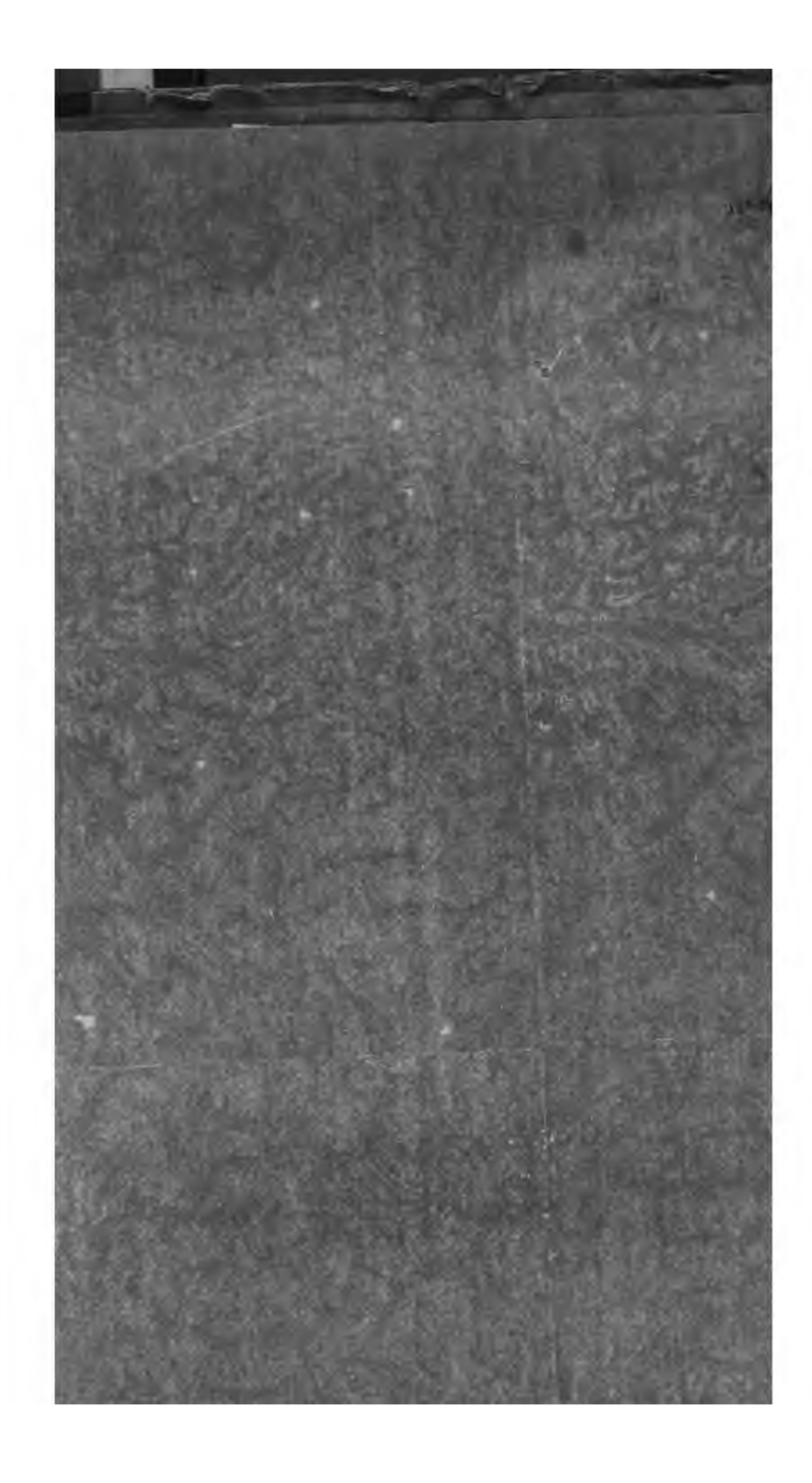
Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
VIII	6 св.	особенно	именно
XI	13 »	А. М. Сумарокова	А. П. Сумарокова
1	8 »	Но какъ извѣстно	Но, какъ извѣстно,
2	6 сн.	здѣсь	здѣсь,
5	8 »	пхапzе	uxanze
8	11 »	назвалъ	названъ
16	8 »	указатели	указателя
19	16 св.	указываютъ	указываютъ,
20	12 »	συγλητιχοῦ	συγκλητιχοῦ
31	17 »	обстоятельствъ	обстоятельствъ—
39	10—11 »	запрещаемы	запрещаемыя
48	18 »	зеленною	зеленою
72	4 »	второй Панноніей	Старой Панноніей
77	2 »	пуская	опуская
81	5 сн.	собственно	собственному
85	4 »	этой	его
93	8 »	какъ и тогда	какъ ее тогда
—	8 »	чтобы	что̀ бы
96	2 »	Эрлаи-Эгера	Эрлау-Эгера
100	2 сн.	семьи	земли
114	6 »	1430—1833 г.	1430—1433 гг.
119	8 »	противоположными	противоположными,
121	2 »	Gas.	Čas.
—	13 »	умомъ,	умомъ
123	8 »	Ткково	Таково
—	19 »	Противы	Противы,
—	14 сн.	устаневленій	установленій
124	4 св.	impermixte	impermixte»
—	8 »	temerarium	temerarium»
124	14 »	Хтрисову (8)	Христову (8)
—	8 »	и т. т.	и т. д.
126	9 »	паіезута	на іезута
129	10 »	сталъ	стали
131	14 »	Кржеславицахъ	Кржеславицы

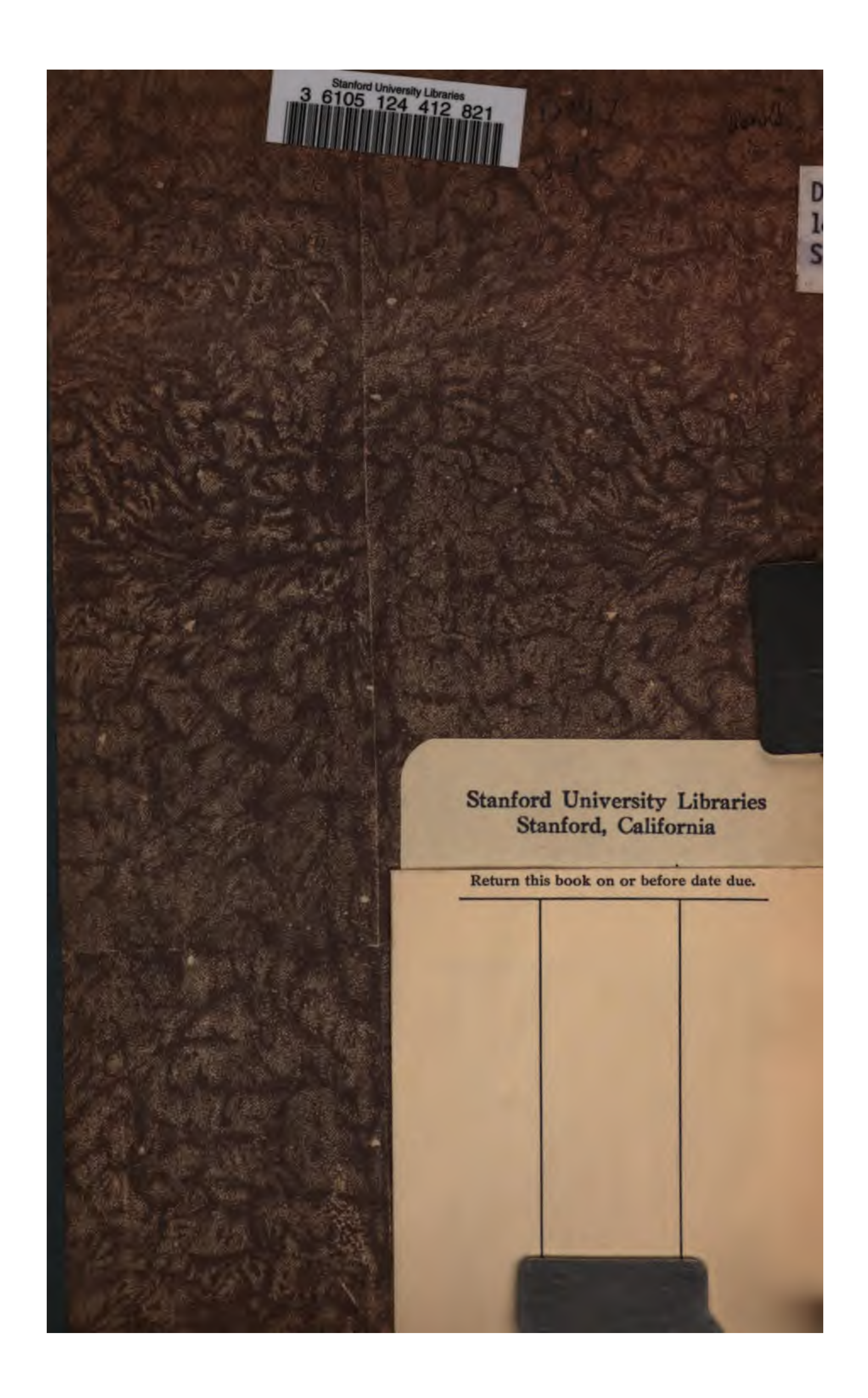
Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
133	34 и 39 св.	patre	pater
141	17 »	castelhana	castellana
—	19 »	upatrznego	opatrznego
150	4 сн.	1881	1811
153	12 св.	Prejème	Prejemi
—	15 »	Габсбурскій	Габсбургскій
154	1 »	koni	konj
159	8 »	о бѣдномъ	а бѣдномъ
160	3 »	о славныхъ	далѣе говорится о славныхъ
161	10 »	sekruh	se kruh
162	8 сн.	Славяно-	Славяне-
163	9 св.	radi	rodi
166	11 »	ma	ima
167	17 сн.	mere	more
174	9 св.	выразилась	выразилось
177	25 сн.	прочимъ	прочимъ—
179	7 св.	въ исторіи славянскаго языкознанія	въ исторіи древняго славянскаго языкознанія
187	13 св.	мѣстностей	мѣстностей,
189	5 »	обрусеніе,	обрусѣніе,
—	9 »	могла	могла бы
192	7 сн.	гоугоубь	соугубь
193	7 св.	имы	имы
194	7 сн.	другихъ	другихъ,
195	1 »	можетъ быть,	можетъ быть
197	4 св.	мѣста	мѣсто
199	20 »	Гор.	Гѳ.
206	4 »	не забудьте.	не забудьте!
207	24 »	ублуждала	ублаждала
210	6 »	несчастней	несчастноей
—	—	холодное	холодноей
211	7 »	смысла.	смысла?
215	2 сн.	арѣхи	орѣхи
216	17 св.	«Росправы»	«Росправѣ»
228	4 сн.	послѣ обѣденной	послѣобѣденной
230	20 св.	узъ	удъ
235	2 сн.	давать,	давить,
236	18 св.	вытарашить	ватаращить
—	18 сн.	сынь	сынъ
—	—	fattyn	fattyu
237	19 св.	csengetyii	csengetyü
238	17 »	люби	люба
242	21 сн.	historieus	historiens
—	—	ocsidentaux,	occideutaux,
—	8 »	современниковъ?	современникомъ?
245	3 »	Михаплха	Михаила
248	14 св.	хотя	но
249	4 сн.	sue donazione	fece donazione
252	14 св.	Лингобардопуломъ	Лонгибардопуломъ

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
253	12—13 св.	движ|-еніе	дви|—женіе
254	7 »	с. 302—393.	vv. 302, 393.
—	5 сн.	1110 г.	1100 г.
255	10 св.	Яквины	Яквинты
—	16 »	боязь	боясь
—	16 сн.	сношенія	сношеній
—	11 »	торжественныя	торжественная
257	7 св.	1081 г.	1090 г.
—	10 »	Синодальное примирительное опредѣленіе	Синодальное примирительное опредѣленіе 1090—1091 гг.
—	13 »	отозваніе	отозванія
—	14 »	причины	основаніе
—	7 сн.	Комнинамъ.	Комнинамъ?
258	17 св.	Manro	Mauro
—	9 сн.	вопросѣ.	вопросѣ:
259	4 »	Agu. l. I, p. c. 236.	Aguil. c. I, p. 236.
267	16 »	diplom zmýslonu międy	dyplom zmyślony między
—	4 и 5 »	Poznan	Poznań
273	17 св.	Оттона	Отлона
—	1 сн.	Bd. III. 8. 19 ff.	Bd. III. S. 19 ff.
—	14 »	constitus	constitutus
278	9 св.	грамоты; основываюся	грамоты. основываются
282	5 сн.	епископства	епископствъ
284	1 »	L. Giesebrecht I,	L. Giesebrecht, Wendische Gesch., I
285	19 »	согласіе	согласіе папы
—	16 »	условій	усилій
—	9 »	virorum	nobilium virorum
—	—	Thietm. II. 9.	Thietm. II. 9, l. c 748.
286	14 »	759	750
—	8 »	Thietmar.	Thietmarus.
—	4 »	serbischen	sorbischen
—	—	u	и
287	7 св.	то возможно	возможно
293	3 »	а вмѣстѣ	и вмѣстѣ
294	9 сн.	Behen	Behem
296	11 »	omnes	omne
297	11 »	ἰπωνυμἰας	ἐπωνυμίας
—	9 »	ἐν	ἐν
—	8 »	᾿Ιστρος	Ἴστρος
299	10 »	utokům	útokům
299	3 »	nejstaršich	nejstaršich
—	—	postrědka	postředka
300	1 »	318	368
301	5 »	архі епископства?	архіепископства?
302	18 св.	была, которую	было, которое
303	20 »	велико моравскаго	великоморавскаго
304	5 сн.	другія	другіе
—	1 »	854	854. 856.
306	6 »	quodi uxta	quod iuxta

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
307	13 св.	(и побѣди а).	(и побѣди а) 7).
—	15 »	Сулы» 7).	Сулы».
308	3 »	Козьма	Титмаръ
—	—	cum	eum
—	12 »	et locis circumia—	ex locis circumia
313	14 сн.	времени	времена
314	6 »	praepo tens	praepotens
—	5 »	iu galis	iugalis
315	11 св.	Майнское	Майнцское
316	9 »	епископіи	архіепископіи
319	9 сн.	К. Н. IV.,	К. Н. IV,
320	15 »	popsanycetsy	popsany cesty
321	11 св.	longe	primum longe
—	7 сн.	Knopf	Kropf
—	5 »	Luczanl	Luczane
322	13 »	přěd	před
—	2 »	полнѣйшіе	новѣйшіе
323	4 св.	говориться	говорится
332	5 сн.	Helm., I, 63	Helm., I, 83
334	18 св.	Helm., I 53	Helm., I, 56
—	5 сн.	Thietm., IV. 18; VI. 44	Thietm., VI, 18; VII, 44
335	2 св.	Германскій герцогъ (Wid., II. 68)	Герцогъ Гериманъ (Wid., III, 68)
—	14 »	Thietm., IV. 22	Thietm., VI, 21
337	9 сн.	Wid., I, 26	Wid. I, 36
—	7 »	Квидинбургъ	Квидлинбургъ
339	2 св.	Thietm., IV, 38	Thietm., IV, 28
—	5 сн.	Thietm., VII, 55	Thietm., VI, 55
340	5 св.	Thietm., I, 15	Thietm., V, 15
—	17 »	Въ 1014 г.	Въ 1013 г.
341	2 »	царитъ согласіе: онъ	возстановляется согласіе: князь
343	16 »	аквилейскимъ	аквилейскимъ (Berthold)»
—	8 сн.	(1014 г.; Thietm., XII, 8)	(1015 г.; Thietm., VII, 8)
345	9 св.	(Cosm., I, 26, 26; II, 9, 12; III, 49)	(Cosm., I, 23, 26; II, 9, 12, 49)
—	17 сн.	(II, 38	(II, 8
—	40 »	отъ императора	отъ императора (Cosm., II, 41)
348	8 св.	«Видов.	«Видов
355	6 »	енисковъ	списковъ
356	18 сн.	ѕχç	,ѕχç
357	15—16 св.	парижской національной библіотеки	парижской національной библіотеки и въ трефологіѣ XIII в. Зографскаго монастыря
—		Въ началѣ примѣч. 8 нужно прибавить «у Срезневскаго: Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстн. и неизвѣстн. памятникахъ. Спб. 1876, № LXVIII. стр. 410». Въ концѣ этого же примѣчанія нужно также прибавить: «Вотъ вся стихира: «Въ постницѣхъ въсивъшимъ прωбразованне пустынное въспитѣние. Срѣдечьскаго свѣтилника словесы пѣнными вси вѣрнии похвалимъ зовѫще: радуйся великаа славо. иже въ наша дни ιвисѧ прѣблажене Іωне». У Срезневскаго, op. c. et l. c.»	

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
357	19 св.	вѣроятно.	вѣроятно покойный И. И. Срезневскій по поводу словъ стихиры: «Срѣдечьскаго свѣтильника» неопредѣленно говорить, и то только въ примѣчаніи, о мѣстѣ составленія службы слѣдующее: «И такъ, изъ сего очевидно, что служба эта составлена при перенесеніи мощей святаго изъ Рыльской об. въ Срѣдецъ (Софію)» Ор. с., стр. 410, пр.».
358	7 св.	минейное житіе	минейная служба
363	2 »	обояніе	обаяніе
364	5 »	снѣжаннѣи	снѣжан'ннѣй
379	8 сн.	книгъ напечатано	книгъ, напечатан.
—	19 »	во время пребыванія	долго спустя послѣ
—	19 св.	въ Софіи.	въ Софіи, откуда оно перенесено въ Россію,
382	1 сн.	стр. 33	стр. 174
384	8 св.	сказать:	сказать;
385	7—9 сн.	дань такъ какъ тогда съ обоихъ сторонъ моря	дань, такъ какъ тогда отъ моря до моря
386	3 св.	«Цариграждане	«Цариграждане»
398	11 сн.	въ рецензіи «Лѣтописѣ	рецензіи въ «Лѣтописи
402	4 »	словаки	Словаки
406	6 »	году	года
406	8 »	самаго	самого
408	10 »	сипатичнаго	симпатичнаго
422	16 »	неизвѣсто	неизвѣстно
427	13 сн.	zados	rados
—	4 »	u gori u crnoj (II, 16)	u gori u crnoj (II, 16).....
—	2 »	d'un	d' un
428	15 »	poklonjen	poklopjen
429	2 »	Jtal.	Ital.
435	10 св.	и	u
—	20 »	za nista	za ništa
441	13 »	подали	падали
443	1 сн.	Венеціи	Венецію
444	1 св.	t'robe	t' robe
448	18 »	Усиліими	Усиліями
460	14 »	ѩростіѧ,	ѩростіѧ,
464	12 »	оцѣсти, безаконіе	оцѣсти безаконіе
470	8 сн.	кисѫ	кисѧ
472	10 »	bhu̯óint	bhu̯óin̥t.
477	8 св.	brojr̂slovaka i odmon	broj ŝlovaka i odmor
479	3 сн.	вводилось	вводилась




Stanford University Libraries
3 6105 124 412 821
Stanford University Libraries
Stanford, California
Return this book on or before date due.